

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛАРРИ
НИВЕН

ХРОНИКИ
Известного космоса

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**ЛАРРИ
НИВЕН**

**ХРОНИКИ
Известного космоса**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Н 60

Larry Niven
THREE BOOKS OF KNOWN SPACE
Copyright © 1966, 1968, 1975, 1990, 1996 by Larry Niven
Copyright renewed 1994, 1996 by Larry Niven
All rights reserved

Перевод с английского
Александры Килановой, Геннадия Корчагина, Тиграна Магакяна,
Рафаила Нудельмана, Анны Овчинниковой, Сергея Удалина

Серийное оформление Сергея Шикина
Оформление обложки Владимира Гусакова

Нивен Л.

Н 60 Хроники Известного космоса: романы, рассказы / Ларри Нивен ; пер. с англ. А. Килановой, Г. Корчагина, Т. Магакяна и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 672 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-12915-3

Ларри Нивен входит в десятку лучших писателей-фантастов, он стоит в одном ряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком. Дебютировав в 1964 году с рассказом «Самое холодное место», он за полвека написал десятки успешных произведений, в которых научные открытия и футурологические прогнозы искусно сочетаются с захватывающими приключениями. Многие из этих произведений сложились в эпический цикл «Известный космос». В нем описана история будущего: преодолев земную гравитацию, человечество ведет непрерывную борьбу за выживание и развитие — осваивая ближние планеты и астероиды, сталкиваясь с враждебными пришельцами, отправляя транспорты с колонистами к негостеприимным звездам.

За достижения в жанре научной фантастики Ларри Нивен удостоен звания «гранд-мастер». Он пятикратно награждался премией «Хьюго» и дважды — «Небьюлой». Кроме того, он лауреат премий «Локус», мемориальной премии Эдварда Э. Смита, Всемирной премии фэнтези, премии Роберта Э. Хайнлайна и других.

Почти все произведения, вошедшие в сборник, публикуются либо в новых, либо в исправленных и дополненных переводах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© А. Киланова, перевод, 2018
© Г. Корчагин, перевод, 2018
© Т. Магакян, перевод, 2018

© Р. Нудельман, перевод, 2018
© А. Овчинникова, перевод, 2018
© С. Удалин, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12915-3

СОДЕРЖАНИЕ

Хронология Известного космоса Ларри Нивена <i>Перевод Т. Магакяна</i>	7
От автора. Добро пожаловать в мою вселенную! <i>Перевод Г. Корчагина</i>	9
Самое холодное место. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	15
Штиль в преисподней. <i>Перевод А. Кирановой</i>	21
Дождусь! <i>Перевод Р. Нудельмана</i>	36
Глаз осьминога. <i>Перевод С. Удалина</i>	45
Как умирают герои. <i>Перевод С. Удалина</i>	56
Человек-пазл. <i>Перевод С. Удалина</i>	86
Мир птавов. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	100
На дне ямы. <i>Перевод С. Удалина</i>	290
Намерение ввести в заблуждение. <i>Перевод А. Кирановой</i> ...	313
Плащ анархии. <i>Перевод А. Кирановой</i>	322
Агрессоры. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	347
Всегда есть место безумию. <i>Перевод С. Удалина</i>	367
Дар Земли. <i>Перевод Т. Магакяна</i>	402
Когда наступает прилив. <i>Перевод А. Овчинниковой</i>	645
Безопасен на любой скорости. <i>Перевод А. Кирановой</i>	663
Запоздалые мысли. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	667

Хронология Известного космоса Ларри Нивена

Дата:	1975*	2000
Произведение:	«Самое холодное место» «Штиль в преисподней» «Дождусь!» «Лаз осьминога»	(2040) «Как умирают герои» (2099) «Человек-пазл»
События:	Появление технологии банков органов. С 1960-х индийское правительство забирает органы у преступников. Эта практика продолжается в Индии, Южной Америке и Китае. Видимо, я предсказал прошлое. Гражданские права для китообразных. Таковые появились, но я не предсказывал, что подобные же права будут предоставлены дартером-моллюскоедом** и пятнистым совам. Пилотируемые экспедиции в пределах Солнечной системы. Здесь серьезное отставание. Основной помехой, видимо, является отсутствие дешевого орбитального транспорта. Принятие первых законов о банках органов.	Колонизация Пояса астероидов. Третья экспедиция на Марс. Независимость Пояса. Отправка межзвездных прямоточных роботов, сотрудничество ООН и Пояса. Отправка колонизационных транспортников.

* Лукас Ланселот Гарнер родился в 1939 г

** Рыба из семейства окуневых, занесена в Красную книгу.

Дата:	2500	2600
Производство:		«Нейтронная звезда» «Реликт Империи» «В ядре» «Плоскоземлец» «Неполноценные» «Грендель» «На окраине системы» «Прокруст» «Призрак» (обрамляющая история к сборнику «Аварийщики») «Мягкое оружие»
События:	Пилотируемые прямоточки устаревают. Дальнейшие войны людей и кзинов. Контакт с кукольниками Пирсона и другими инопланетянами, в том числе с выходцами из Империи кзинов.	Второй облет BVS-1. Кукольники разрабатывают квантовый гипердвигатель второго типа. Обнаружение взрыва ядра Галактики. Исход кукольников, вызывающий обширный биржевой крах во всем заселенном людьми космосе. Контакт с грогами. Родился Луис Гридли Ву. Законы о рождаемости дополнены; вводятся потери, разыгрывающие право на рождение ребенка.

2100

(2106)

«Мир птавов»

«На дне ямы»

«Намерение ввести в заблуждение»

«Фстпок» («Защитник», часть 1)

«Смерть в экстазе»

«Беззащитные мертвецы»

«АРМ»

«Девушка из лоскутков»

«Женщина в кратере Дель Рей»

«Площ анархии» (2135)

Извлечена и оживлена Морская статуя; первый инопланетянин на Земле. Проблема банков органов достигает пика. Распространение органлеггерства. Казни для получения трансплантатов делают тюрьмы ненужными. Принимаются законы о замороженных. Пак Фстпок прибывает в Солнечную систему. Китообразные приняты в ООН. Золотой век на Земле. Расширение колоний на планетах Джинкс, Гора Погляди-ка, Мы Это Сделали, Вундерланд.

*** Даты, приведенные в рассказе «Этика безумия», следует считать ошибочными.

2300

(2340)

«Вандервеккен»

(«Защитник», часть 2)

(2360)

«Агрессоры»

«Всегда есть место безумию»

Колонизация планеты Дом. Бреннан в кометном гало Салнца. Столкновение с разведывательными кораблями паков. Первый облет холодной нейтронной звезды BVS-1. Первый контакт с кзинами. Первая война людей и кзинов. Институт Знания на Джинксе разрабатывает бустерспайс (средство против старения). Колония на планете Дом гибнет.

2400

(2410)

«Дар Земли»

(2425)***

«Этика безумия»

Революция на Горе Погляди-ка. Изобретение безопасных прямоточников. Планета Мы Это Сделали приобретает технологию гипердвигателей у Посторонних. Закончивается Первая война людей и кзинов.

2700

Экспансия, консолидация, относительно мирное время. Тяговые (безреактивные) двигатели вытесняют термоядерные (хотя и не полностью).

2800

(2830)

«Когда наступает прилив»

(2850)

«Мир-Кольца»

(2870)

«Инженеры Кольца»

«Трон Кольца»

Контакт с триноками. Разведывательный полет к Миру-Кольцу. Исход кукольников продолжается. Нашествие флотов на Мир-Кольцо.

2900

3000

3100

«Безопасен на любой скорости»

Экспансия. Известный космос становится Тысячью Миров. Долгожительство радикально меняет общество.

От автора

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОЮ ВСЕЛЕННУЮ!

Писать я начал тридцать два года назад. Тридцать один год назад — публиковаться. И на протяжении тридцати одного года я создаю историю будущего — историю Известного космоса.

За этот срок она протянулась на тысячу лет вперед, и накопленные сведения позволяют заглянуть на полтора миллиарда лет в прошлое. Сюжеты большинства моих произведений разворачиваются либо в Человеческом космосе (во времена Луиса Ву «пузырь» с колонизированными планетами имел диаметр шестьдесят световых лет), либо в Известном космосе — гораздо большем объеме пространства, который исследуют экспедиции человечества, но контролируют другие расы. Маршруты отдельных экспедиций протягивались на двести световых лет в направлении галактического севера и на тридцать три тысячи световых лет к ядру Галактики.

На сегодняшний день цикл включает в себя шесть романов, в том числе новейший «Трон Кольца», истории о плоскоземельце Джиле из АРМ, о Беовульфе Шеффере, а также сборник, который вы держите в руках, и еще восемь антологий, приходящихся на эпоху войн людей и кзинов и написанных другими авторами. С подробностями можно ознакомиться в дополненной «Хронологии».

Любая история будущего склонна к хаотизации. Мои произведения имеют общую событийную основу и сопрягаются сюжетами, но если быть честным с вами, читатели, то необходимо признать, что каждое из них является вещью в себе. Вымышленная история Известного космоса

так же хаотична, как и наша реальная история. Даже по стилю произведения различаются, поскольку за одиннадцать лет реального времени эволюционировало мое писательское мастерство.

В эту книгу заложены подсказки. Ее содержание, включая два романа, выстроено в хронологическом порядке и снабжено моими примечаниями о том, что происходило в промежутках между отдельными повествованиями в области, малой по космическим масштабам, но огромной по меркам человеческого опыта.

Считаю целесообразным упомянуть и здесь несколько существенных фактов.

1. В книге нет произведений из цикла о Джилле Гамильтоне. Карьера Джилла достигла своего пика примерно в 2121 году, между «Миром птаввов» и «Защитником». Все истории о нем вошли в сборник под названием «Плоскоземелец».

2. Я долго колебался, стоит ли включать сюда некоторые рассказы. «Самое холодное место» устарело еще до того, как было опубликовано впервые. В нем, как и в «Глазе осьминога», видна рука дилетанта. Но оба они здесь, поскольку имеют отношение к Известному космосу. И Меркурий вращается-таки синхронно с Солнцем — в Известном космосе, но не в реальной Вселенной.

3. В процессе чтения вам может показаться, будто Марс меняется, и это впечатление будет верным. Действие «Глаза осьминога» разворачивается на Марсе, еще не посещенном «Маринером». Сделанные «Маринером-4» фотоснимки марсианских кратеров вдохновили меня на создание рассказа «Как умирают герои». Прочитанная несколько позже статья в «Аналоге» заставила отказаться от прежнего представления о планете, что отражено в рассказе «На дне ямы». Если и дальше космические зонды будут перелицовывать соседние планеты, что останется нам, фантастам? Только писать новые, правильные произведения. Марс продолжает меняться, и писателю надо бы успевать за переменами. Но ведь поле фантастики густо усеяно раннемарсианской прозой. Лучшие авторы жанра желают писать о моем Марсе — и что я могу испытывать к ним, кроме благодарности?

4. У меня был сильный соблазн переделать некоторые кривобокие ранние вещи. Но как тут поймешь, где следует остановиться? Осовремененные тексты с обновленным фактажом — разве этого ждете от меня вы, читатели? Надеюсь, что нет.

5. Истории об Известном космосе сгруппированы в шести эпохах. Первая — близкое будущее, когда на протяжении четверти века исследовалось межпланетное пространство. Затем идет эпоха Лукаса Гарнера и Джилла Гамильтона, 2106—2130 года. Отвязавшись от Земли, межпланетная цивилизация начала собственную жизнь. Человечество изучало и осваивало другие звездные системы. На Земле возникла тяжелейшая проблема банков органов. Исчезли последние сомнения в существовании инопланетного разума; стало ясно, что человечеству придется к нему приспособливаться.

Далее следует промежуточный период, его примерная середина — 2340 год. В Солнечной системе — мир и процветание; на Плутоне и в других колониях — смута. Существо, ранее бывшее Джеком Бреннаном, в одиночку сражается на краю Солнечной системы. Начало мирного периода ознаменовано малозначительными вмешательствами Бреннана-Монстра (см. «Защитник»), а конец — контактом с Империей кзинов.

Большинство произведений о войнах людей и кзинов написано другими авторами. Не устаю удивляться тому, что эти мэтры решили поиграть на моем поле, хотя у каждого из них есть свое. От них я узнал много нового о семейной жизни кзинов, о разумных хищниках, об эзотерической космологии и военных действиях — а ведь раньше я даже не подозревал, что таковые велись. Пол Андерсон предлагает нам древние планеты, упакованные в природные пластмассы и бакиболы (называемые сегодня фуллеренами). Пурнель и Стерлинг придумали аэродинамическое торможение сквозь Солнце, с применением стазисного поля. Бенфорд и Мартин расширили космологию Известного космоса за пределы нашей Вселенной. Не принадлежит к нашей Вселенной и трусливый кзин Дональда Кингсбери. В Индии времен Киплинга погиб кзинский разведчик, едва не успев подчинить Землю Патриархии.

Четвертый период, последовавший за войнами людей и кзинов, — это часть двадцать шестого столетия. Расцвет комфортного туризма и межрасовой торговли. Род человеческий не правит, но и не подчиняется. Известны новые планеты, в том числе отвоеванные у Империи кзинов.

У пятого периода много сходства с четвертым. За двести лет мало что изменилось, по крайней мере внешне. На смену малоэффективным плазменным двигателям пришли ПВРД¹, в космическое сообщество вступили новые расы. Но одна фундаментальная перемена все же произошла: среди людей распространился ген Тилы Браун — ген «реальной психической силы». Таких Тил создавали целенаправленно.

Мне всегда казалось, что об Известном космосе я бы мог рассказать еще немало.

Тил размножали с целью выведения расы сверхудачливых людей. Если бы не данный факт, их везучий предок Тила Браун осталась бы статистической погрешностью, не более заметной, чем любой человек, выигравший в лотерею. Ее удачливость имела весьма удивительные последствия, и чтобы их выявить, мне понадобилось двадцать пять лет.

Самый опасный вызов автору бросают персонажи, которые умнее его, а в Мире-Кольце таких хватает. Они называются защитниками. Незнакомые люди из разных стран открывали мне глаза на новые детали Мира-Кольца, а кое-что я изобрел сам. Я ставил антропологические эксперименты на обитаемой территории, которая в три миллиона раз больше поверхности Земли.

Но фундаментальные изменения человеческой природы, к каковым относится появление Тил, серьезно усложнили жизнь автора.

¹ *Прямоточный воздушно-реактивный межзвездный двигатель* придуман инженером Р. У. Бассардом в 1960 году. Основан на идее захвата рабочего тела из межзвездной среды с помощью мощных магнитных полей. Не противоречит каким-либо основным физическим принципам и активно популяризируется в научной фантастике, в том числе и в цикле «Известный космос». По-английски прямоточные двигатели сокращенно именуются gam (таран).

Период, последовавший за эпохой Мира-Кольца, может, и удобен для проживания, но в нем слишком мало интересных катастроф. Из относящихся к этому времени произведений выжило только одно — «Безопасен на любой скорости», это что-то вроде рекламы. Других нет и уже не будет.

В историях будущего есть что-то такое, что не оставляет людей равнодушными. В полной мере это справедливо для Известного космоса. Читатели задумываются о фактах, о математике, о хронологии. Они чертят сложные схемы или рассчитывают на компьютерах орбиты с точками наибольшего приближения к небесным телам. Они шлют мне карты человеческого, кзинского, кдатлинского космоса, результаты динамического анализа Мира-Кольца, огромные, на десять тысяч слов, синопсисы романов, в которых будут увязаны все концы, и трактаты, посвященные проблеме грогов. Спасибо всем, кто развлекал меня таким образом и тешил мое эго.

Над «Хронологией», вошедшей в данный сборник, десятилетиями трудилась целая армия.

В 1970-х к этой работе подключились Тим Кайджер, Спайк Макфи и Джерри Бояджян. Я обновил «Хронологию» для настоящего издания.

Труды Джона Хьюитта легли в основу настольной игры «Мир-Кольцо» от компании «Chaosium». На писательских конвентах он засыпал меня вопросами насчет конфликтующих дат, формы оружия и инструментов и так далее и требовал решений. Его стараниями Известный космос обрел плоть. Впоследствии, когда понадобилось пособие для авторов — участников проекта «Войны людей и кзинов», — Джон помог мне найти нужные страницы. С тех пор мы с Джимом Баеном пользуемся этим текстом.

«Путеводитель по Миру-Кольцу Ларри Нивена», составленный мною в соавторстве с Кевином Стейном, годится для экскурсий по всему Известному космосу. Он куда надежней, чем моя слабая память.

*Ларри Нивен
Тарзана, Калифорния,
сентябрь 1995*

САМОЕ ХОЛОДНОЕ МЕСТО

Это самый первый из моих рассказов, и он устарел еще до того, как был издан. У Меркурия нет атмосферы, и он полностью оборачивается вокруг своей оси за два года. Продолжение получилось лучше.

Л. Н.

В самом холодном месте Солнечной системы я медлил возле корабля, охваченный робостью. Слишком уж темно и стыло было вокруг. Не хотелось ни на шаг отдаляться от уютной металлической глыбы, хранившей внутри земное тепло.

— Что-нибудь видишь? — спросил Эрик.

— Да ни черта! Тут слишком жарко — корабль излучает. Помнишь, как они от зонда кинулись наутек?

— Ага, помню. Слушай, ты чего ждешь, что я тебя за ручку поведу? Вперед!

Я тяжело вздохнул и пошел. Слегка подпрыгивал висящий на плече массивный коллектор. Я и сам подпрыгивал. Шипы на ботинках спасали от скольжения.

Мой маршрут лежал вдоль кромки широкого и мелкого кратера, образовавшегося при посадке корабля, когда тот, проплавив все слои газового льда, добрался до льда водяного. Надо мной вздымались утесы из замерзшего газа — с округлыми очертаниями вершин. Там, куда падал луч моего головного прожектора, они отвечали мягким белым сиянием. Все же прочее было черно, как сама вечность. Над гладкими скалами поблескивали бриллианты звезд, но мглистая твердь поглощала их свет без остатка.

А корабль все меньше, все темнее. И вот он исчез совсем.

Предполагалось, что здесь есть жизнь. Как она выглядит — этого никто даже не пытался себе представить. Два

года назад зонд «Мессенджер-6» встал на низкую орбиту, а затем совершил посадку, — в частности, надо было узнать, не воспламенится ли от его дюз покров из замерзших газов. В поле зрения камеры зонда угодили какие-то тени. Они корчились на снегу, спеша убраться от света, но на снимках оказались прекрасно различимы. Само собой, некоторые умники утверждали, что это и есть тени, только и всего.

Я видел те снимки. И у меня нет сомнений: это жизнь. Настоящая.

Существа, что не выносят света. Они где-то рядом, во мраке. И они огромны...

— Эрик, ты здесь?

— А куда ж я денусь? — насмешливо ответил он.

— Вот что, — рассердился я, — раз нужно следить за каждым словом, я лучше вообще замолкну.

Грубо все-таки. Ему и так здорово не повезло — попал в аварию. Если теперь и денется куда-то, то лишь заодно с кораблем.

— Туше, — сказал напарник. — Как скафандр, тепло держит?

— Утечка пустяковая.

Под моими подошвами не таял замерзший воздух.

— Возможно, их пугает даже такое слабое излучение, — предположил Эрик. — Или они боятся твоего фонаря.

Он знал, что я ничего не вижу, поскольку сам смотрел через «глаз», установленный на моем шлеме.

— Ладно, заберусь наверх, — сказал я, повернув голову, чтобы Эрик увидел гору, — и выключу ненадолго прожектор.

Подниматься по склону — приятное физическое упражнение, в малой гравитации совсем не отнимающее сил. Можно прыгать почти как на Луне, не боясь задеть острый камень и продырявить скафандр. Тут везде плотный снег, а между снежинками — вакуум.

Когда я взобрался на макушку кургана, снова разыгралось воображение. Вокруг мгла; мир скован черной стужей. Я погасил прожектор, и все исчезло.

Прикосновение к кнопке сбоку на шлеме — и в рот просовывается чубук. Система воздухообновления исправно

откачивает углекислоту и табачный дым. Скафандры теперь делают шикарные.

Я сидел, курил, ждал, дрожал от холода — не осязаемого, но осознаваемого. Вдруг обнаружил, что потею. Пожалуй, скафандр даже слишком хорошо держит тепло.

Над горизонтом появился наш ионный двигатель. Я и глазом моргнуть не успел, как оставленная на орбите часть корабля промчалась яркой звездой и исчезла в тени планеты.

Шло время. Я отправил на перенабивку трубку, в которой выгорел табак.

— Посвети-ка, — подал голос Эрик.

Я встал и включил прожектор на полную мощность. Луч протянулся на милю, оживив белый косматый ландшафт, невероятную зимнюю сказку. Я медленно проделал пируэт, глядя во все глаза, — и увидел!

Даже в такой близости оно походило на тень. А еще на совершенно плоскую, чудовищной величины амебу. А еще на ползущую по льду масляную лужу. Она медленно, натужно взбиралась на азотную гору и всячески старалась увильнуть от моего луча.

— Коллектор! — воскликнул Эрик.

Я поднял прибор над головой и навел его, как телескоп, на вертлявую загадку, давая возможность Эрику увидеть ее через камеру коллектора. Устройство плюнуло в обе стороны огнем, взмыло, унеслось прочь. Теперь им управлял мой напарник.

Через несколько секунд я спросил:

— Возвращаюсь?

— Еще чего! Стой на месте. Я не могу вернуть коллектор на борт. Ты его дождешься и притащишь назад.

Тень-лужа уползла за гребень холма. За ней устремился коллектор. Он набирал высоту, его огненный шлейф уменьшался. Миг — и этот свет тоже скрылся за курганом.

Спустя секунду я услышал тихий возглас Эрика:

— Есть!

Снова появилось яркое пламя, оно стремительно взлетело и по дуге направилось ко мне. Когда коллектор встал

рядом на двух реактивных струях, я схватил его за «хвост» и потащил домой.

— Как по маслу, — сообщил Эрик. — Я только черпак задействовал, самую малость отщипнул от бока. Теперь у нас есть десять кубических сантиметров инопланетного мяса.

— Здорово, — отозвался я.

С коллектором под мышкой я по посадочной ноге осторожно поднялся к люку. Эрик впустил меня в шлюзовую камеру.

В блаженном искусственном свете бортового дня я освободился от заиндевелого скафандра.

— Доставь коллектор в лабораторию, — распорядился Эрик. — И не вздумай трогать образец.

Напарник бывает чертовски докучлив.

— У меня мозги имеются, — прорычал я в ответ, — хоть ты их и не видишь.

Мой характер тоже не сахар.

Повисла гулкая тишина; каждый из нас придумывал, как загладить грубость. С этой задачей Эрик справился первым.

— Извини, — сказал он.

— И ты не сердись.

Я покатил коллектор на тележке в лабораторию. Там получил от Эрика дальнейшие инструкции.

— Вот сюда клади, в пустую нишу. «Пастью» вперед. Не спеши закрывать. Поверни коллектор, чтобы встал на направляющие. Вот так. Толкай. Закрывай дверцу. Спасибо, Хоуи, дальше я сам...

За дверцей затарахтело.

— Надо подождать, пока не остынет лаборатория, — сказал Эрик. — Ступай кофейку попей.

— Лучше проверю, все ли у тебя в порядке.

— Кто бы возражал. Давай смажь мои протезы.

Протезы? А что, забавно. Жаль, что не я придумал.

Я нажал кнопку кофеварки, затем открыл большую дверь в передней стене отсека. Эрик смахивал на электрическую сеть, с той лишь разницей, что наверху располагался серый ком мозга. От него и от позвоночника ко всем стенам при-

чудливой формы контейнера из стекла и мягкого пластика тянулись нервы моего напарника — по ним шли сигналы к органам управления кораблем. Что же касается органов управления Эриком (хотя при нем эти слова лучше не произносить), то они были размещены снаружи по бокам контейнера. Размеренно трудится кровяной насос — семьдесят качков в минуту.

— Как я выгляжу? — спросил Эрик.

— Красавчик. На комплимент напрашиваешься?

— Осел! Я еще жив?

— Да, если верить приборам. Но я, пожалуй, немножко тебя остужу.

Сказано — сделано. С тех пор как мы совершили здесь посадку, я постоянно ловил себя на желании поддерживать максимально высокую температуру жидкости Эрика.

— Вроде все остальное в норме, — подытожил я. — Правда, пустеет твой пищевой резервуар.

— Ничего, это последний рейс.

— Да. Прости, Эрик, кофе готов.

Я вышел. Беспокоило меня только одно — «печень» напарника. Слишком уж сложно она устроена, слишком легко может отказать. Если прекратит поставлять сахар в кровь, Эрик умрет. Тогда умру и я, потому что Эрик — это корабль. Если я умру раньше Эрика, он долго не протянет, а перед смертью сойдет с ума от бессонницы. Ему ведь не заснуть, пока я не настрою протезы.

Допивая кофе, я услышал его возглас:

— Обалдеть!

— Что такое? — Я был готов броситься наутек.

— Тут только гелий!

Он был изумлен и возмущен, но не испуган. Я успокоился.

— Хоуи, я определил: это гелий-два. Наш монстр целиком состоит из него. Абсурд!

Сверхтекучая жидкость, способная двигаться вверх по склону? Из гелия-два?

— Абсурд в кубе. Эрик, тормози. Образец не выбрасывай. Проверь на примеси.

— На что проверить?

— На примеси. Мое тело — это оксид водорода с примесями. Если здесь они достаточно сложные, то в совокупности с гелием это может быть живой организм.

— Других веществ тут много, — ответил Эрик, — но мне не определить точно количественный и качественный состав. Надо везти эту тварь на Землю, пока работают наши холодильники.

Я встал:

— Значит, стартуем?

— Стартуем. Было бы неплохо добыть еще один образец, но нет смысла ждать, когда испортится первый.

— Хорошо, пойду пристегнусь. Эрик...

— Да? У нас есть пятнадцать минут, пока не подлетит ионный двигатель. Иди готовься.

— Нет, подожду. Эрик, знаешь, я надеюсь, что оно неживое... что гелий-два именно так и должен себя вести.

— Почему? Неужели не хочешь прославиться, как я?

— Слава — это, конечно, хорошо, но что-то не нравится мне подобная форма жизни. Очень уж она чуждая, холодная. Мыслимое ли дело, чтобы из гелия-два создавались организмы? Такого даже на Плутоне не случилось.

— Вероятно, они кочевники — с первыми проблесками рассвета отползают на ночную сторону. Здешние сутки для этого достаточно длинны. А вообще, ты прав: вряд ли где-нибудь в космосе найдется другая планета с такой же стужей на поверхности. Мое счастье, что у меня не слишком сильное воображение.

Через двадцать минут мы взлетели. Внизу осталась крошечная тьма, и только Эрик, подсоединенный к радару, какое-то время рассматривал купол. Тот сокращался, пока не уместился на экране целиком. Под этой многослойной толщей льда скрывалось самое холодное в Солнечной системе место — там, где полночь пересекала экватор на черной спине Меркурия.

ШТИЛЬ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Я чувствовал, что снаружи все раскалено. В кабине же было светло, сухо и прохладно, даже зябко, как в современном офисном центре в летний зной. За двумя маленькими окошками — непроницаемо темно в просторах Солнечной системы и настолько жарко, что мог расплавиться свинец. Плюс давление, как в океане на глубине трех сотен футов.

— Смотри: рыба, — сказал я, просто чтобы внести какое-то разнообразие.

— Жареная или вареная?

— Не знаю. Кажется, за ней тянется след из хлебных крошек. Наверное, жареная. Эрик, ты только представь! Жареная медуза.

— Это обязательно? — шумно вздохнул он.

— Обязательно. Единственный способ увидеть что-то стоящее в этом... супе? Тумане? Кипящем кленовом сиропе?

— В раскаленном неподвижном мраке.

— Точно.

— Кто-то придумал эту фразу, когда я был ребенком, после новостей о зонде «Маринер-2». Извечный раскаленный неподвижный мрак, горячий, словно печь, под толстым слоем атмосферы, сквозь который не проникает ни луч света, ни дуновение ветерка.

— Сколько снаружи градусов? — спросил я, поевшись.

— Тебе, Хоуи, лучше не знать. У тебя слишком богатое воображение.

— Я это переживу, док.

— Шестьсот двенадцать.

— Я это не переживу, док!

Под нами расстилалась Венера, планета любви. Тридцать лет назад фантасты только о ней и писали. Наш корабль неподвижно висел под брюхом цистерны с водородным горючим «Земля — Венера» на высоте двадцати миль. Цистерна почти опустела, и из нее получился отличный аэростат. Мы будем оставаться на плаву, пока внутреннее давление равно внешнему. Задача Эрика — регулировать давление в цистерне за счет контроля температуры водорода. Мы брали образцы атмосферы через каждые десять миль спуска, начиная с трехсот миль, и снимали показания температурных датчиков через более короткие промежутки. Спустили малый зонд. Данные, полученные с поверхности, лишь подтверждали то, что мы и так уже знали о самом жарком мире Солнечной системы.

— Температура только что поднялась до шестисот тринадцати, — сообщил Эрик. — Все сказал, что хотел?

— Пока да.

— Ну и прекрасно. Пристегнись. Мы снимаемся с якоря.

— Счастливый день! — воскликнул я и принялся распутывать аварийную сетку над кушеткой.

— Мы сделали все, ради чего прилетели. Разве нет?

— Я и не спорю. Смотри, я пристегнулся.

— Угу.

Я знал, почему ему не хочется улетать. Мне тоже не слишком хотелось. Мы четыре месяца тащились до Венеры, чтобы неделю покружить вокруг нее и провести меньше двух дней в верхних слоях атмосферы. Столько времени потрачено впустую!

Напарник почему-то мешкал.

— Эрик, что случилось?

— Тебе лучше не знать.

Он не шутил. Его голос был механическим, монотонным; Эрик не тратил силы на то, чтобы придать живые интонации синтезированной речи. Должно быть, чем-то изрядно потрясен.

— Я это переживу.

— Как скажешь. Я не чувствую органов управления ПВРД. Мне словно вкололи спинальную анестезию.

Холодок в кабине пробрал меня до костей.

— Попробуй запустить двигатели в обратном направлении. Можно и наугад, даже если ты их не чувствуешь.

— Сейчас, — согласился напарник и через долю секунды добавил: — Не выходит. Но спасибо за идею.

Отстегиваясь от кушетки, я пытался придумать, что сказать.

— Эрик, я рад, что мы познакомились. Мне нравилось... нравится работать в команде с тобой.

— Оставим сопли на потом. Проверь-ка мои соединения. Только осторожно.

Я заткнулся и открыл дверь в передней стене кабины. Пол чуть покачивался под ногами.

За дверью высотой четыре фута находился Эрик. Вернее, его центральная нервная система, увенчанная головным мозгом. Спинной мозг был свернут свободной спиралью, чтобы занимать меньше места, в прозрачном контейнере из стекла, пластмассы и губчатого наполнителя. Сотни проводов со всего корабля тянулись к стеклянным стенкам и соединялись с отдельными нервами, которые электрической сетью разбегались от центральной катушки нервной ткани и жировой защитной мембраны.

Калекам не место в космосе; и не называйте Эрика калеккой, он этого не любит. В некотором роде он идеальный астронавт. Его система жизнеобеспечения вдвое легче моей и занимает в двенадцать раз меньше места. Зато его протезы — основная начинка корабля. Прямоточные воздушно-реактивные двигатели были подсоединены к последней паре нервных стволов, которая когда-то управляла ногами. Десятки тонких нервов в этих стволах передавали показания датчиков и регулировали подачу топлива, температуру набегающего воздушного потока, разность ускорений, расширение входного отверстия и частоту импульсов. С этими соединениями все оказалось в порядке. Я протестировал их четырьмя разными способами и не нашел никаких отклонений.

— Посмотри остальные, — сказал Эрик.

На проверку всех нервных стволов я потратил не меньше двух часов, но ничего не нашел. Насос для нагнетания крови исправно пытел, жидкость была достаточно густой, а значит, нервы двигателей не могли «заснуть» от недостатка питательных веществ или кислорода. Поскольку лаборатория — один из протезов Эрика, я поручил ему проверить уровень глюкозы в крови в надежде, что «печень» отказала и производит какой-нибудь неправильный сахар. Результаты не радовали. Внутри кабины Эрик был в полном порядке.

— Эрик, ты здоровее меня.

— Я так и думал. У тебя встревоженный вид, сынок, и это неудивительно. Придется тебе выйти наружу.

— Знаю. Надо только скафандр раскопать.

Скафандр лежал в аварийном ящике с инструментами. Предполагалось, что его не придется использовать. Он был разработан в НАСА для высадки на поверхность Венеры. Затем в агентстве решили, что корабль не должен спускаться ниже двадцати миль, пока мы не узнаем о планете побольше. Скафандр напоминал средневековые доспехи. Я присутствовал на его испытаниях в Калтехе¹ и знал, что через пять часов суставы скафандра отказали под воздействием температуры и давления. Нужно было остудить их, чтобы продолжить работу. Я открыл ящик, достал этот костюм за плечи и вытянул руки перед собой. Казалось, он глядит на меня.

— Ты по-прежнему не чувствуешь двигателей? — спросил я Эрика.

— Как отрезало.

Я начал по частям натягивать венерианские доспехи. Затем до меня кое-что дошло.

— Мы на высоте двадцати миль. Хочешь, чтобы я отплясывал на корпусе?

— Нет! Конечно нет. Нам придется сесть.

Подъемная сила аэростата должна была оставаться постоянной до отлета. В нужный момент Эрику следовало

¹ Калифорнийский технологический институт.

увеличить тягу, нагреванием поднять давление водорода и через клапан стравить излишек. И при этом следить, чтобы давление в аэростате сохранялось выше, чем снаружи, иначе он наполнился бы воздухом Венеры и корабль стал бы падать, а не подниматься. Это закончилось бы катастрофой.

Эрик снизил температуру в аэростате, приоткрыл клапан, и мы двинулись вниз.

— Разумеется, все не так просто, — сказал он.

— Я в курсе.

— Корабль выдерживал давление на высоте двадцати миль. На поверхности давление в шесть раз выше.

— Я в курсе.

Мы стремительно спускались. Кабина была наклонена вперед из-за тяги стабилизаторов. Температура росла потихоньку, давление — намного быстрее. Я сидел у окна и не видел ничего, кроме мрака, но все равно ждал, когда стекло треснет.

НАСА побоялось спускать корабль ниже двадцати миль...

— Аэростат в порядке, корабль, наверное, тоже, — сказал Эрик. — Но выдержит ли кабина?

— Понятия не имею.

— Десять миль.

В пяти сотнях миль над нами висел недостижимый атомный ионный двигатель, который должен был доставить нас домой. Добраться до него только на химическом ракетном двигателе мы не могли. Ракету полагалось использовать, когда реактивные двигатели станут бесполезными в слишком разреженном воздухе.

— Четыре мили. Надо снова приоткрыть клапан.

Корабль пошел вниз.

— Вижу землю, — сообщил Эрик.

Я ничего не видел. Напарник заметил, что я всматриваюсь в темноту, и добавил:

— Не трудись. Я даже в инфракрасном диапазоне не могу разглядеть ничего интересного.

— А как же бескрайние туманные болота с невиданными чудищами и растениями-каннибалами?

— Только раскаленные пустоши.

Мы почти приземлились, а трещин в стенке кабины не было. Напряженные мышцы шеи и плеч расслабились. Я отвернулся от окна. Мы не один час падали сквозь ядовитый тягучий воздух. Я уже надел большую часть скафандра, оставалось прикрутить шлем и перчатки с тремя пальцами.

— Пристегнись, — сказал Эрик.

Я повиновался.

Мы легонько стукнулись о поверхность. Корабль чуть наклонился вперед, затем назад и ударился снова и снова. Мои зубы выбивали дробь, закованное в доспехи тело каталось по страховочной сетке.

— Черт, — пробормотал Эрик.

Сверху доносилось шипение.

— Не знаю, сможем ли мы взлететь, — заявил он.

Я тоже не знал. Корабль еще раз хорошенько приложился о грунт и замер. Я встал и направился к переходному шлюзу.

— Удачи. Не задерживайся там, — посоветовал Эрик, и я помахал ему в камеру.

Снаружи было семьсот тридцать градусов.

Внешний люк открылся. Холодильный модуль скафандра жалобно застонал. Я шагнул на правое крыло, держа в руках два пустых ведра. Головной прожектор освещал мне путь сквозь непроглядный мрак.

Скафандр скрипел, сжимаясь под давлением. Ожидая, когда это закончится, я стоял на крыле, но сам словно оказался под водой. Мощный луч проникал не больше чем на сотню футов. Никакая атмосфера не может быть такой непрозрачной, даже самая плотная. Наверное, в ней полно пыли или крошечных капелек какой-нибудь жидкости.

Крыло шло назад навесной подножкой с острым краем, расширялось к хвосту и переходило в стабилизатор. Два стабилизатора соединялись позади фюзеляжа. На конце каждого из них размещался большой рельефный цилиндр с атомным двигателем внутри. Вряд ли от него фонит, поскольку он еще не использовался, но я все равно захватил с собой счетчик.

Закрепив трос на крыле, я соскользнул вниз. Раз уж мы здесь... Под ногами хрустела сухая красноватая земля, пористая, как губка. Изъеденная химикатами лава? При таком давлении и температуре коррозию вызывает практически все. Я набрал ведро грунта, потом еще одно на том же месте, поднялся по тросу и поставил ведра на крыло. Оно было страшно скользким. Если бы не магнитные сандалии, я бы точно упал. Я прошелся по двухсотфутовой длины корпусу судна. С виду крылья и фюзеляж в полном порядке. Странно. Если бы метеор или какая-то другая дрянь перебила связь Эрика с датчиками в двигателях, на поверхности должны были остаться следы.

И тут довольно неожиданно мне пришло в голову, что есть еще один вариант.

Подозрение было совсем смутным и пока не оформилось в слова. К тому же следовало закончить осмотр. Если я прав, сказать об этом Эрику будет непросто.

В крыле размещались четыре контрольные панели с надежной защитой от нагрева при входе в плотные слои атмосферы. Одна — в фюзеляже, на полпути к хвосту, под нижним краем аэростата, который был припаян к корпусу, так что в фас корабль напоминал дельфина. Еще две — в задней кромке стабилизатора, а четвертая — в самом цилиндре с двигателем. Я открутил утопленные винты электрической отверткой и изучил узлы электросхемы корабля.

За панелями не оказалось ничего необычного. Соединяя и разъединяя провода и опрашивая Эрика, я установил, что связь оборвана где-то между второй и третьей панелями. В левом крыле история повторилась. Никаких внешних повреждений, узлы электросхемы в порядке. Я снова спустился на землю и медленно прошелся под каждым крылом, направив на них свет фонаря. Повреждений не было.

Подхватив ведра, я вернулся на корабль.

— Без каких еще обид? — удивился Эрик. — Нашел время для споров. Вот выйдем в космос, тогда и поговорим. Все равно четыре месяца больше нечем будет заняться.

— Это срочно. Во-первых, не заметил ли ты чего-нибудь, что я пропустил?

Он следил за каждым моим шагом через шлемокамеру.

— Нет. Я бы крикнул.

— Ладно. Тогда молчи и слушай. Контакты полетели не внутри, потому что до второй панели все в порядке. И не снаружи, потому что следов повреждений нет. Нет даже пятен коррозии. Остается одно.

— Продолжай.

— Вот что странно: почему парализовало сразу оба двигателя? Почему они отказали одновременно? В корабле есть только одно место, где сходятся две цепи.

— Что? А, дошло. Они соединяются во мне.

— Предположим, что проблема в тебе. Эрик, ты не механизм. Если с тобой что-то неладно, причина не медицинская. Это мы проверили в первую очередь. Но, возможно, дело в психологии.

— Как мило с твоей стороны считать меня человеком. Так, значит, у меня шарики за ролики заехали?

— Немного. Я думаю, у тебя так называемая гипестезия спускового крючка. Иногда в горячке боя у солдата немеет правый указательный палец или даже отнимается рука, как будто она ему больше не принадлежит. Эрик, ты сам сказал насчет человека. Может быть, проблема именно в этом. Ты никогда по-настоящему не считал, что детали корабля — твои органы. И это разумно, ибо правильно. Каждый раз при переделке корабля в нем заменяли ряд устройств на новые — тут поневоле начнешь воспринимать модификацию как серию ампутаций.

Я тщательно подготовил свою речь, стараясь подобрать такие слова, чтобы Эрик не мог не поверить. Теперь-то понимаю, что она прозвучала фальшиво.

— Ты зашел слишком далеко, — заметил я. — Подсознательно перестал верить, что двигатели могут ощущаться как часть твоего тела, то есть как они и должны ощущаться. И ты убедил себя, что ничего не чувствуешь.

Я умолк в ожидании вспышки гнева.

— Интересное рассуждение, — сказал Эрик, удивив меня.

— Ты согласен?

— Я этого не говорил. Ты выдвинул любопытную гипотезу, но мне нужно время, чтобы ее обдумать. Допустим, ты прав. Что дальше?

— Ну... не знаю. Ты просто должен вылечиться.

— Ладно. Тогда вот тебе встречное предположение: ты это выдумал, чтобы снять с себя ответственность за наши шкуры. Переложить ее на мои плечи, фигурально выражаясь.

— Да как ты...

— Прекрати. Я не говорю, что ты не прав. Не будем переходить на личности. Нам нужно как следует поразмыслить об этом.

К беседе Эрик вернулся через четыре часа, после отбоя.

— Хоуи, давай ты будешь считать, что проблема в механике, а я — что в психосоматике.

— Звучит разумно.

— Так и есть. Чем ты можешь помочь, если у меня поехала крыша? Чем я могу помочь, если сломалась деталь? Я же не могу сам себя осмотреть. Лучше каждому заниматься своим делом.

— Договорились.

Я выключил Эрика на ночь и лег на койку.

Сон не шел.

В темноте казалось, будто я снаружи. Я зажег свет. Эрик все равно не проснется. Он не спит в обычном понимании слова, потому что в его крови не накапливаются кенотоксины, и наверняка бы рехнулся от вечного бодрствования, если бы не русская плата электросна рядом с корой головного мозга. Эрик не проснется даже при взрыве корабля. Глупо с моей стороны бояться темноты.

Ладно бы темнота оставалась снаружи, но ей этого мало. Она окутала разум моего напарника. По результатам анализов мы могли не опасаться вызываемых химическим дисбалансом психзаболеваний вроде шизофрении и полагали, что рассудку Эрика ничего не угрожает. Но разве может протез защитить от собственного воображения, искаженного восприятия действительности?

Я не мог выполнить свою часть уговора, ибо знал, что прав. Но что было делать?

Задним умом все крепки. Я прекрасно понимал, где мы ошиблись — мы с Эриком и сотни людей, которые создавали его систему жизнеобеспечения после катастрофы.

От Эрика ничего не осталось, кроме неповрежденной центральной нервной системы. Из желез уцелел только гипофиз.

«Мы отладим регулировку состава крови, — решили они, — и это позволит Эрику всегда быть выдержанным, спокойным и собранным. Он забудет, что такое паника!»

С отцом моей знакомой произошел несчастный случай, когда ему было лет сорок пять. Он отправился на рыбалку со своим братом, дядей этой девушки. Они нализались до зеленых чертей и поехали домой. Отец устроился на капоте, а его брат сел за руль — и в пути внезапно резко затормозил. Наш герой оставил две очень важные железы на фигурке на радиаторе.

Его половая жизнь, однако, не изменилась, за исключением одного: жена перестала опасаться поздней беременности. Привычка — вторая натура.

Эрику не нужны были надпочечные железы, чтобы бояться смерти. Его эмоциональные паттерны стабилизировались задолго до того, как он попытался прилуниться без радара. Он с радостью поверит, что я починил контакты двигателя.

Но он рассчитывает, что я приму меры.

Атмосфера давила на окна. Я невольно коснулся кварцевого стекла пальцами. Давления не чувствовалось, но я знал, что оно рядом, неумолимое, как прибой, растирающий камни в песок. Как долго кабина сможет сдерживать натиск?

Если дело в механическом повреждении, почему я его не обнаружил? Возможно, поломка не оставила следов на поверхности крыльев. Но как это вышло?

Я ухватился за эту мысль.

Две сигареты спустя встал и взял ведра для грунта. Они были пустыми, образцы чужой почвы я уже убрал в надежное место. Я наполнил ведра водой, поставил в холодильник, установил температуру на сорок градусов выше абсолютного нуля, выключил свет и лег спать.

Утро было чернее, чем легкие курильщика. Я лежал на спине и философствовал. Что действительно нужно Венере, так это потерять девяносто девять процентов атмосферы. Останется чуть больше половины атмосферы Земли. Парниковый эффект ослабеет, и температура сделается пригодной для жизни. Надо только снизить силу тяжести на Венере почти до нуля на пару недель, и все получится само собой.

Вся чертова Вселенная только и ждет, когда мы наконец откроем антигравитацию.

— Доброе утро, — произнес Эрик. — Что-нибудь придумал?

— Да. — Я поднялся с кровати и добавил: — Только не доставай меня вопросами. Узнаешь по ходу дела.

— Завтракать не будешь?

— Пока нет.

Я один за другим надел космические доспехи, словно рыцарь короля Артура, и отправился за ведрами, но сперва натянул перчатки. Температура в холодильнике приблизилась к абсолютному нулю.

— Это обычный лед, — сообщил я, подняв ведра. — Выпусти меня.

— Не выпущу, пока не объяснишь, — проворчал Эрик. Тем не менее двери отворились.

Я вышел на крыло и принялся откручивать правую панель номер два.

— Эрик, вспомни об испытаниях пилотируемого космического корабля. Прежде чем запустить в него людей, все детали проверяют по отдельности и в сборе. И все же, если что-то не работает, оно либо сломалось, либо его не протестировали как следует. Так?

— Звучит разумно, — сухо отозвался он.

— В нашем случае поломок нет. Обшивка корабля в полном порядке, и оба двигателя просто не могли одновременно выйти из строя. Следовательно, что-то не протестировали как положено.

Я открыл панель. Лед в ведрах тихонько бурлил, соприкасаясь со стеклянными стенками. Голубоватые ледышки потрескались от внутреннего давления. Я опрокинул одно

ведро над лабиринтом проводов, контактов и реле. Лед раскрошился, и я смог закрыть дверцу.

— Прошлой ночью мне пришла в голову мысль. Кое-что действительно не проверили. Все детали корабля побывали на испытательном стенде при венерианских температуре и давлении, но не корабль в целом. Он слишком велик.

Я перешел на левое крыло и открутил панель номер три в задней кромке стабилизатора. В ведре уже наполовину была вода, наполовину мелкие льдинки. Я выплеснул их на корабль и закрыл дверцу.

— Твои контакты закоротило от жары, или от давления, или от их сочетания. С давлением я ничего поделать не могу, зато могу охладить реле льдом. Скажи, какой двигатель оживет первым, и мы будем знать, какая панель нам нужна.

— Хоуи! Ты, вообще, представляешь, что может случиться с раскаленным металлом от холодной воды?

— Он может потрескаться. Тогда ты потеряешь контроль над двигателями... совсем как сейчас.

— Гм... Ты прав, напарник. Но я все равно ничего не чувствую.

Я вернулся к шлюзовой камере, размахивая ведрами. Как бы они не расплавились! Впрочем, я пробыл снаружи не так уж и долго.

Сняв скафандр, я начал наполнять ведро заново, когда Эрик сказал:

— Чувствую правый двигатель.

— Насколько хорошо? Контроль полный?

— Нет. Не улавливаю температуру. Хотя стоп, погоди. Хоуи, все в порядке.

Я с облегчением вздохнул и поставил ведро в холодильник. Нужно взлетать, пока реле не нагрелись.

Вода остывала минут двадцать, как вдруг Эрик сообщил:

— Чувствительность пропадает.

— Что?

— Чувствительность пропадает. Я не ощущаю температуру и теряю контроль над подачей топлива. Все снова нагрелось.

— Черт! И что дальше?

— Не хочу тебе говорить. Подумай сам.

Я подумал.

— Мы поднимемся как можно выше на аэростате, и я выйду на крыло с ведром льда в каждой руке.

Пришлось повысить температуру в аэростате почти до восьмисот градусов, чтобы получить нужное давление, но после этого все пошло как по маслу. Мы поднялись на шестнадцать миль. За три часа.

— Выше не получится, — сказал Эрик. — Ты готов?

Молча я отправился за льдом. Эрик видел меня и не нуждался в ответе. Он открыл шлюзовую камеру.

Я мог бы испытывать страх, панику, решимость или готовность к самопожертвованию, но не испытывал ровным счетом ничего. Вышел на крыло, чувствуя себя измочаленным зомби.

Магниты работали на полную мощность. Я словно шел по луже дегтя. Воздух был густым, хотя и не таким густым, как внизу. При свете головного прожектора я дошел до панели номер два, открыл ее, вывалил лед и отшвырнул ведро. Лед смерзся в один сплошной комок, закрыть дверцу не получалось. Я оставил ее открытой и поспешил на другое крыло. Во втором ведре лежало мелкое крошево. Я засыпал его в корабль, запер левую панель номер два и вернулся к правой со свободными руками. Мир вокруг казался преддверием ада, и только свет налобного фонаря пронзал темноту. У меня уже горели ступни. Я закрыл правую панель, за которой кипела вода, и на цыпочках пошел по корпусу к шлюзу.

— Заходи и пристегивайся, — велел Эрик. — Скорее!

— Мне нужно снять скафандр, — ответил я, безуспешно пытаюсь развязать застёжки дрожащими руками.

— Нет, не нужно, — возразил напарник. — Если мы взлетим сейчас, у нас есть шанс добраться до дома. Заходи прямо в скафандре.

Я повиновался. Пока натягивал страховочную сетку, двигатели взревели. Корабль вздрогнул, оторвался от аэростата и ринулся вперед. Двигатели набирали рабочую скорость, давление нарастало. Эрик выжимал из корабля все

силы. Мне было бы некомфортно даже без металлического облачения, а в нем я испытывал адские муки. От скафандра загорелась койка, но мне так сдавило горло, что я не мог поднять тревогу. Мы взлетали практически вертикально.

Через двадцать минут корабль дернулся, как лягушка от удара током.

— Двигатель слох, — спокойно сказал Эрик. — Воспользуюсь вторым.

Он сбросил испорченный двигатель, и корабль снова накренился. Двинулся, как раненый пингвин, но все же набирая скорость. Минута... другая... Второй двигатель тоже отказал, мы словно увязли в патоке. Эрик стравил из него воздух, и давление упало. Я снова мог говорить.

— Эрик...

— Что?

— У тебя есть зефирки?

— Что? А, вижу. Скафандр держит?

— Конечно.

— Тогда потерпи. Потом потушим. Я пока буду идти по инерции, но когда запущу ракету, мало не покажется.

— Мы выберемся?

— Думаю, да. На честном слове.

Сначала накатила ледяная волна облегчения. Затем злость.

— Больше ничего не онемееет ни с того ни с сего? — спросил я.

— Нет. А что?

— Ты же мне скажешь, если вдруг?

— К чему ты клонишь?

— Забудь.

Я больше не злился.

— Черта с два я забуду, — возразил напарник. — Ты прекрасно знаешь, что это была механическая поломка, кретин. Сам же починил!

— Нет. Я убедил тебя, что у меня все получится. Ты должен был поверить, что двигатели снова заработают. Эрик, я нашел для тебя чудодейственное средство. Я лишь надеюсь, что мне не придется изобретать новые плацебо всю дорогу домой.

— Ты в это веришь и все равно вышел на крыло на высоте шестнадцати миль? — механически фыркнул Эрик. — У тебя стальные яйца, недомерок, но лучше бы у тебя были мозги.

Я не ответил.

— Ставлю пять штук, что проблема была в механике. Приземлимся и спросим у специалистов.

— Заметано, — согласился я.

— Запускаю ракету. Два, один.

Меня вдавило в металлический скафандр. Коптящие языки пламени лизали мои уши, выписывали черные письма на зеленом металлическом потолке, но розовый туман в глазах стоял не от огня.

Парень в толстых очках развернул схему венерианского корабля и постучал похожим на обрубок пальцем по задней кромке крыла.

— Здесь, — сообщил он. — Внешнее давление слегка пережало канал электропроводки, и кабелю было некуда гнуться. Он словно стал жестким, понимаешь? А потом металл расширился от нагрева и контакты разошлись.

— Полагаю, оба крыла устроены одинаково?

Он странно посмотрел на меня:

— Ну разумеется.

Я оставил чек на пять тысяч долларов в куче писем для Эрика и сел на самолет до Бразилии. Понятия не имею, как он меня разыскал, но сегодня утром пришла телеграмма.

ХОУИ ВЕРНИСЬ Я ВСЕ ПРОСТИЛ
МОЗГ ДОНОВАНА

Куда ж я денусь.

ДОЖДУСЬ!

На Плутоне ночь. Линия горизонта, резкая и отчетливая, пересекает поле моего зрения. Ниже этой изломанной линии — серовато-белая пелена снега в тусклом свете звезд. Выше — космический мрак и космическая яркость звезд. Из-за неровной цепи зубчатых гор звезды выплывают и поодиночке, и скоплениями, и целыми россыпями холодных белых точек. Двигутся они едва-едва, но заметно — настолько, что замерший взгляд может уловить их перемещение.

Что-то здесь не так. Период обращения Плутона велик: 6,39 дня. Течение времени, видимо, замедлилось для меня.

Оно должно было остановиться совсем.

Неужели я ошибся?

Планета мала, и горизонт поэтому близок. Он кажется еще ближе, потому что расстояния здесь не скрадываются дымкой атмосферы. Два пика вонзаются в звездную россыпь, словно клыки хищного зверя. В расщелине между ними сверкает неожиданно яркая точка.

Я узнаю в ней Солнце — хотя оно и без диска, как любая другая тусклая звезда. Солнце сверкает, словно ледяная искорка между замерзшими вершинами; оно выползает из-за скал и слепит мне глаза...

...Солнце исчезло, рисунок звезд изменился. Видимо, я на время потерял сознание.

Нет, тут что-то не так.

Неужели я ошибся? Ошибка не убьет меня. Но может свести с ума...

Я не чувствую, что сошел с ума. Я не чувствую ничего — ни боли, ни утраты, ни раскаяния, ни страха. Даже сожаления. Одна мысль: вот так история!

Серовато-белое на серовато-белом: посадочная ступень, приземистая, широкая, коническая, стоит, наполовину погрузившись в ледяную равнину ниже уровня моих глаз. Я стою, смотрю на восток и жду.

Пусть это послужит вам уроком: вот к чему приводит нежелание умереть.

Плутон не был самой далекой планетой — он перестал ею быть в 1979 году, десять лет назад. Сейчас Плутон в перигелии — настолько близко к Солнцу (и к Земле), насколько это вообще достижимо. Не использовать такой шанс было бы нелепо.

И вот мы полетели — Джером, Сэмми и я — в надувном пластиковом баллоне, с двигателем на ионной тяге. В этом баллоне мы провели полтора года. После такого долгого совместного пребывания без всякой возможности остаться наедине с самими собой мы должны были бы возненавидеть друг друга. Но этого не случилось. Психометристы хорошо подбирают людей.

Только бы уединиться хоть на несколько минут. Только бы иметь хоть какое-то не предусмотренное программой дело. Новый мир мог таить бесчисленное множество неожиданностей. И наша посадочная ступень, эта металлическая рухлядь, тоже могла их таить. Наверное, никто из нас до конца не полагался на нашу «Нерву-К».

Подумайте сами. Для дальних путешествий в космосе мы используем ионную тягу. Ионный двигатель развивает малые ускорения, но зато его хватает надолго — наш, например, проработал уже десятки лет. Там, где тяготение много меньше земного, мы садимся на безотказном химическом топливе; чтобы опуститься на Землю или Венеру, мы используем тепловой барьер и тормозящее действие атмосферы; для посадки на газовых гигантах... Но кому охота там садиться?

На Плутоне нет атмосферы. Химические ракеты были слишком тяжелы, чтобы тащить их с собой. Для посадки на Плутон нужен высокоманевренный атомно-реактивный двигатель. Типа «Нервы» на водородном горючем. И он у нас был. Только мы ему не доверяли.

Джером Гласс и я отправились вниз, оставив Сэмми Кросса на орбите. Он ворчал по этому поводу, да еще как! Он начал ворчать еще на мысе Кеннеди и продолжал в том же духе все полтора года. Но кто-то должен был остаться. Кто-то всегда должен оставаться на борту возвращаемого на Землю аппарата, чтобы отмечать все неполадки, чтобы поддерживать связь с Землей, чтобы сбросить сейсмические бомбы, которые помогут нам разгадать последнюю тайну Плутона.

Этого мы никак не могли понять. Откуда взялась у Плутона его огромная масса? Планета в десятки раз тяжелее, чем ей положено. Мы собирались решить вопрос с помощью бомб — точно так же, как еще в прошлом веке выясняли строение Земли. Тогда создали схему распространения сейсмических волн сквозь толщу нашей планеты. Только эти волны были естественного происхождения, например от извержения Кракатау. На Плутоне больше толку будет от сейсмических бомб.

Между клыками-пиками внезапно сверкнула яркая звезда. Интересно, разгадают ли эту тайну к тому времени, когда закончится моя вахта?..

...Небосвод вздрогнул и замер, и...

Я смотрю на восток, мой взгляд скользит по равнине, где мы опустили посадочную ступень. Равнина и горы за ней тонут, словно Атлантида, — это звезды, поднимаясь, порождают иллюзию, будто мы непрерывно скользим вниз, падая в черное небо, — Джером, и я, и замурованный во льдах корабль...

«Нерва-К» вела себя великолепно. Несколько минут мы висели над равниной, чтобы проложить себе путь сквозь пласты замерзших газов и найти опору для посадки. Летучие соединения испарялись вокруг нас и кипели под нами, и мы опускались в бледном, белесом ореоле тумана, рожденного водородным пламенем.

В просвете посадочной юбки появилась влажная черная поверхность. Я опускал корабль медленно-медленно — и вот мы сели.

Первый час ушел у нас на то, чтобы проверить системы и подготовиться к выходу. Кому выйти первым? Это не

праздний вопрос. Еще многие столетия Плутон будет самым дальним форпостом Солнечной системы, и слава первого человека, ступившего на Плутон, не померкнет вовеки.

Монета решила спор: имя Джерома будет стоять в учебниках истории первым. Помню улыбку, которую я выдавил; хотел бы я улыбнуться сейчас. Выбираясь через люк, он смеялся и острил насчет мраморных памятников. Можете видеть в этом иронию судьбы.

Я застегивал шлем, когда Джером начал изрыгать в шлемофон ругательства. Торопливо проделав все положенные процедуры, я вылез наружу.

Все стало ясно с первого взгляда.

Хлюпающая черная жижа под нашей посадочной ступенью прежде была грязным льдом, заледеневшей водой, перемешанной с легкими газами и скальными породами. Огонь, вырвавшийся из двигателя, расплавил этот лед. Скальные обломки, вмержшие в него, стали тонуть, наша посадочная ступень тоже стала тонуть, а вода снова замерзла и охватила корпус выше средней линии. Посадочная ступень намертво засела во льду.

Мы, конечно, могли бы провести кое-какие исследования, прежде чем приниматься за освобождение корабля. Когда мы позвали Сэмми, он предложил нам именно такой план. Но Сэмми был наверху в аппарате, который мог вернуться на Землю, а мы — внизу, и посадочную ступень сковал лед на чужой планете.

Нас охватил страх. Мы не способны были ничего предпринять, пока не освободимся, — и оба знали это.

Странно, почему я не помню страха.

У нас была возможность. Посадочная ступень рассчитана для передвижения по Плутону, поэтому вместо посадочных опор она снабжена юбкой. Половинная мощность двигателя превращала ступень в корабль на воздушной подушке. Это безопаснее и экономичнее, чем совершать прыжки с помощью реактивной тяги. Под юбкой, как под колоколом, должны были сохраниться остатки испарившихся газов, и, значит, двигатель оставался в газовой полости.

Мы могли расплавить лед нашей «Нервы-К» и открыть себе путь.

Помню, мы были так осторожны, как только могут быть осторожны насмерть перепуганные люди. Мы поднимали температуру двигателя мучительно медленно. Во время полета водородное горючее обтекает реактор и само охлаждает его; здесь этого не было, зато в газовой полости вокруг двигателя стоял ужасающий холод. Он мог скомпенсировать искусственное охлаждение либо... Внезапно стрелки словно взбесились. Под влиянием чудовищной разности температур что-то вышло из строя. Джером вдвинул замедляющие стержни — никакого результата. Быть может, они расплавились. Быть может, проводка вышла из строя или резисторы превратились в сверхпроводники в этом ледяном мире. Быть может, сам реактор... Но это уже не имело значения.

Странно, почему я не помню страха?

Снова сверкнуло Солнце...

Ощущение тяжелой дремоты. Я опять очнулся. Те же звезды восходят роем над теми же мрачными вершинами.

Что-то тяжелое наваливается на меня. Я ощущаю его вес на спине и ногах. Что это? Почему оно не пугает меня?

Оно скользит вокруг, переливаясь, словно чего-то ищет. Оно похоже на огромную амёбу, бесформенную и прозрачную, и внутри его видны какие-то черные зерна. На вид оно примерно моего веса.

Жизнь на Плутоне? Сверхтекучая жидкость? Гелий-два с примесью сложных молекул? Тогда этому чудищу лучше убраться подальше: когда взойдет Солнце, ему понадобится тень. На солнечной стороне Плутона температура на целых пятьдесят градусов выше нуля! Выше абсолютного нуля.

Нет, вернись! Но оно удаляется, переливаясь, как капля; уходит к ледяному кратеру. Неужели моя мысль заставила его уйти? Нет, чепуха. Ему, наверное, не понравился мой запах. Как ужасающе медленно оно ползет, если я замечаю его движение! Я вижу его боковым зрением, как расплывчатое пятно, — оно спускается вниз, к посадочной ступени и крохотной застывшей фигурке первого человека, который погиб на Плутоне.

После аварии двигателя один из нас должен был спуститься вниз и взглянуть, насколько велики разрушения. Кто-то должен был струей ранцевого двигателя прожечь тоннель во льду и проползти по нему в полость под посадочной юбкой. Мы старались не думать о возможных осложнениях. Мы все равно уже погибли. Тот, кто вползет под юбку, погибнет наверняка; что ж из этого? Смерть есть смерть.

Я не чувствую себя виноватым: если бы жребий пал на меня, вместо Джерома пошел бы я.

Двигатель выбросил расплавленные обломки реактора прямо на ледяные стенки полости. Мы здорово попались, вернее, попался я. Потому что Джером был уже все равно что мертв. В газовой полости настоящий радиоактивный ад.

Джером, вползая в тоннель, тихо шептал проклятия, а выполз молча — наверное, все подходящие слова израсходовал раньше, на мелкие неприятности.

Помню, что я плакал, отчасти от горя, отчасти от страха. Помню, что старался говорить спокойно, несмотря на слезы. Джером не увидел моих слез. Если он догадывался, это его дело. Он описал мне ситуацию, сказал: «Прощай», а потом шагнул на лед и снял шлем. Туманное белое облако окружило его голову, взорвалось и опустилось на лед крошечными снежинками.

Но все это кажется мне бесконечно далеким. Джером так и стоит там, сжимая в руках шлем: памятник самому себе, первому человеку на Плутоне. Иней лежит на его лице.

Солнце восходит. Надеюсь, эта амeba успела...

...Это дико, невероятно. Солнце на мгновение остановилось — ослепительно-белая точка в просвете между двумя вершинами-близнецами. Потом оно метнулось вверх — и вращающийся небосвод вздрогнул и застыл. Вот почему я не заметил этого раньше! Это происходит так быстро!

Чудовищная догадка... Если повезло мне, то могло повезти и Джерому. Неужели...

Там наверху оставался Сэмми, но он не мог спуститься ко мне. А я не мог подняться к нему. Системы жизнеобеспечения были исправны, но рано или поздно я бы замерз или остался без кислорода.

Я провозился часов тридцать, собирая образцы льда и минералов, анализируя их, сообщая данные Сэмми по лазерному лучу, отправляя ему возвышенные прощальные послания и испытывая жалость к самому себе. Каждый раз, выбираясь наружу, я проходил мимо статуи Джерома. Для трупа, да еще не приукрашенного бальзамировщиком, он выглядел чертовски хорошо. Его промерзшая кожа была совсем как мраморная, а глаза устремлены к звездам в мучительной тоске. Каждый раз, проходя мимо него, я гадал, как буду выглядеть сам, когда придет мой черед.

— Ты должен найти кислородную жилу, — твердил Сэмми.

— Зачем?

— Чтобы выжить! Рано или поздно они вышлют спасательную экспедицию. Ты не должен сдаваться.

Я уже сдался. Кислород я нашел, но не такую жилу, на которую надеялся Сэмми. Всего лишь крохотные прожилки кислорода, смешанного с другими газами, — вроде прожилок золотоносной руды в скале. Они были слишком малы, они пронизывали лед слишком тонкой паутиной.

— Тогда используй воду! Ты можешь добыть кислород электролизом!

Но спасательный корабль прилетит через годы. Придется строить его совершенно заново, да еще переделывать конструкцию посадочной ступени. Для электролиза нужна энергия, для обогрева тоже. А у меня только аккумуляторы.

Рано или поздно мои запасы энергии иссякнут. Сэмми этого не понимал. Он был в еще большем отчаянии, чем я. Я не исчерпал списка своих прощальных сообщений — просто перестал их посылать, потому что они сводили Сэмми с ума.

Очевидно, я слишком много раз проходил мимо статуи Джерома — и вот она появилась, надежда.

В Неваде, в трех миллиардах миль отсюда, в склепах, окруженных жидким азотом, лежит полмиллиона трупов. Полмиллиона замороженных людей ждут своего воскрешения, ждут того дня, когда врачи научатся размораживать их без риска для жизни, научатся устранять те нарушения, что вызваны ледяными кристалликами, пробившими стен-

ки клеток в их мозгах и телах, научатся лечить те болезни, что убивали их.

Полмиллиона кретинов? А что им оставалось делать? Они умирали.

И я умираю.

В полном вакууме человек способен прожить какие-нибудь десятые доли секунды. Если двигаться быстро, за это время можно сбросить скафандр. Без его защиты черная Плутонова ночь за считанные мгновения высосет все тепло из моего тела. И при пятидесяти градусах выше абсолютного нуля я буду стоять замороженный и ждать второго пришествия — врачей или Господа Бога.

...Солнце сверкнуло...

...И снова звезды. Нигде не видно той гигантской амебы, которой я не понравился вчера. А может, я смотрю не в ту сторону.

Мне бы хотелось, чтобы она успела спрятаться.

Я смотрю на восток, мой взгляд скользит по искореженной равнине. Боковым зрением я вижу посадочную ступень — целехонькую и неподвижную.

Скафандр лежит рядом со мной на льду. Я стою в серебристом одеянии на вершине черной скалы, неотрывно и вечно глядя на горизонт. Я успел принять эту героическую позу, прежде чем холод коснулся мозга. Лицом к востоку, молодой человек! Правда, я немного спутал направление. Но пар от моего дыхания заслонял тогда от меня мир, и я все делал в безумной спешке.

Сейчас Сэмми Кросс, должно быть, уже на обратном пути. Он расскажет им, где я.

Звезды выплывают из-за гор. И вершины, и волнистая равнина, и Джером, и я бесконечно погружаемся в черное небо.

Мой труп будет самым холодным за всю историю человечества. Даже исполненных надежды мертвецов на Земле хранят всего лишь при температуре жидкого азота. Это кажется страшной жарой после ночей на Плутоне, когда пятьдесят градусов абсолютного дневного тепла рассеиваются в пространстве.

Сверхпроводник — вот что я такое. Каждое утро лучи Солнца поднимают температуру и выключают меня, словно какую-нибудь обыкновенную машину. Но по ночам сеть моих нервов превращается в сверхпроводник. По ней текут токи, текут мысли, текут ощущения. Медленно, безумно медленно. Стопятидесятитрехчасовые сутки Плутона сжимаются в какие-нибудь пятнадцать минут. При таком темпе я, пожалуй, доишусь.

Я и статуя, и наблюдательный пункт. Ничего удивительного, что у меня нет эмоций. Но кое-что я все-таки ощущаю: тяжесть, навалившуюся на меня, боль в ушах, растягивающее усилие вакуума, приложенное к каждому квадратному миллиметру моего тела. Моя кровь не вскипает в вакууме. Но внутри моего ледяного тела заморожено напряжение, и мои нервы непрестанно говорят мне об этом. Я ощущаю, как ветер скользит по моим губам, словно легкий сигаретный дымок.

Вот к чему приводит нежелание умереть. Занятно будет, если я все-таки дождусь!

Неужели меня не найдут? Плутон — небольшая планета. Правда, для того, чтобы затеряться, даже маленькая планета достаточно велика. Но ведь есть еще посадочная ступень.

Впрочем, она, кажется, скрыта инеем. Испарившиеся газы снова сконденсировались на ее корпусе. Серовато-белое на серовато-белом: сахарная голова на неровном ледяном подносе. Я могу простоять здесь вечность, пока они не отыщут мой корабль среди бесконечной равнины.

Перестань!

Опять Солнце...

...Опять выкатываются на небо звезды. Те же созвездия снова и снова восходят в тех же местах. Теплится ли в теле Джерома такая же полужизнь, как и в моем? Ему следовало бы раздеться. Господи, как бы я хотел смахнуть иней с его глаз!

Хоть бы этот сверхтекущий шар вернулся...

Проклятие! Как же холодно здесь.

ГЛАЗ ОСЬМИНОГА

Это был колодец.

Генри Бедросян и Кристофер Луден склонились над краем и заглянули в ослепительную черноту. Позабытый мотоцикл стоял в сторонке на мелком, как тальк, песке чудесного розового цвета, что тянулся в бесконечность к плоскому горизонту, постепенно перенимая цвет неба. Небо было кроваво-алым. Так мог бы выглядеть огненный закат в Канзасе, но крошечное солнце все еще стояло в зените. Полупрозрачные граненые блоки, составлявшие устье колодца, казались святотатством на фоне дикой и смертельно-ядовитой пустыни, которой на самом деле и был Марс.

Колодец возвышался на четыре фута над поверхностью пустыни, почти правильный круг с диаметром около трех ярдов. Он был сложен из шершавых, изъеденных временем блоков высотой в один фут, шириной в пять дюймов и толщиной, вероятно, тоже в фут. Из какого бы материала они ни были высечены, в их глубине как будто играло голубое пламя.

— Он такой человеческий! — сказал Генри Бедросян, и в голосе слышалось изумленное разочарование, отразившееся на темном, словно бы тоже высеченном из камня лице.

Крис Луден понял, что он хотел сказать.

— Это естественно. Колодец так же прост, как рычаг или колесо, в нем мало что можно изменить. Ты обратил внимание на форму камней?

— Да, они странные. Но их тоже мог бы создать человек.

— В таких условиях? Вдыхая окись азота и запивая ее красной дымящейся кислотой? Но... — Крис глубоко

вздыхнул. — К чему жаловаться? Это жизнь, Гарри!¹ Мы обнаружили разумную жизнь!

— Нужно рассказать Эйбу.

— Правильно.

Однако они еще долго не двигались с места, стоя над колодцем в своих ярко-зеленых скафандрах на фоне розового песка, уходящего к багровому горизонту, и вглядываясь в манящую темноту на дне. Затем вернулись к марсоходу и забрались в него.

Спускаемый аппарат стоял строго вертикально, как огромная стальная шариковая ручка. Нижняя ступень с тремя расходящимися в стороны посадочными опорами включала твердотопливный ракетный двигатель и грузовой трюм, уже опустевший на две трети. Верхняя предназначалась для возвращения на орбиту. Далеко за изгибом дюны белым пятном маячил отброшенный тормозной парашют.

Марсоход — знаменитый двухместный мотоцикл с большими толстыми шинами и множеством специальных приспособлений — пристроился рядом с посадочной опорой. Генри выскочил из него и поднялся в кабину, чтобы вызвать Эйба Купера, оставшегося в орбитальном корабле. Крис Луден забрался в трюм и долго копался там, пока не отыскал в беспорядочной куче разнообразных полезных предметов моток веревки, металлическое ведро и тяжелый геологический молоток, прошедший антикоррозионную обработку. Крис сбросил все это поближе к марсоходу и прыгнул сам.

— Посмотрим, посмотрим, — бормотал он под нос.

По трапу из кабины спустился Генри.

— Эйб рвет и мечет, — сообщил он. — Говорит, если не будем докладывать ему каждые пять минут, он сам сюда прилетит. Эйб хочет знать, каков возраст колодца.

— Я тоже, — помахал молотком Крис. — Отколем кусочек и проведем анализ. Идем.

¹ Так Луден называет Бедросяна.

Колодец находился в полутора милях от корабля и сливался по цвету с окружающей пустыней. Они могли бы просто не найти его, если бы не оставили метку.

— Для начала давай узнаем, какая там глубина, — предложил Луден.

Он привязал конец веревки к ручке ведра, поместил туда молоток и опустил в колодец. Стоя в жуткой сверхъестественной тишине марсианской пустыни, они прислушивались... Веревка почти кончилась, когда ведро ударилось обо что-то. Через мгновение донесся слабый всплеск. Генри заранее разметил веревку, чтобы можно было определить глубину. Получалось около трехсот футов.

Они подняли ведро, до половины заполненное мутной маслянистой жидкостью.

Крис передал его напарнику:

— Гарри, хочешь сам провести анализ?

Смуглокожий Генри вздернул острую бородку и усмехнулся:

— Предоставляю эту честь тебе. Мы оба прекрасно знаем, что это такое.

— Разумеется, но анализ все равно нужен.

Они разыграли на пальцах, кому этим заниматься. Генри проиграл. Он отправился назад к кораблю, раскачивая ведро в руке, так что жидкость выплескивалась через край.

Камень, из которого был сложен колодец, напоминал кварц или даже какой-то особый мрамор без жилок. Сильно выветрелый, он был и старательно отполирован мелким марсианским песком. Крис Луден выбрал подходящий блок и ударил по нему молотком в том месте, где, как ему показалось, была трещина.

Он успел ударить еще два раза, прежде чем молоток превратился в бесформенную массу.

Луден повертел молоток в руках, разглядывая смятые и закругленные кромки. В голубых глазах застыло озадаченное выражение. Он понимал, что правительство могло сколько угодно экономить на весе оборудования, но только не на его качестве. Доставка этого молотка на Марс стоила десятки тысяч долларов, и он должен быть изготовлен из самой прочной легированной стали. Значит...

Он приподнял голову, пробуя на вкус безумную идею.

— Гарри!

— Да?

— Как у тебя дела?

— Я как раз захожу в шлюз. Дайте мне пять минут на то, чтобы определить, что это вещество — азотная кислота.

— Хорошо, но у меня к тебе еще одна просьба. Ты не потерял свое кольцо?

— Алмазную подкову? Нет, конечно.

— Тогда прихвати его с собой, но надень поверх скафандра. Не забудь: поверх скафандра.

— Подожди, Крис. Это очень дорогое кольцо. Почему бы тебе не воспользоваться своим?

— Как же я сам не догадался! Сейчас сниму скафандр и... Ох, что-то шлем никак не отстегивается.

— Стой-стой, я все понял.

Послышался щелчок отключаемой рации.

Луден присел, поджидая напарника.

Солнце сползло к горизонту. Они совершили посадку вчера вечером, незадолго до заката, и успели заметить, как быстро пустыня меняет цвет с розового на непроглядно-черный и как мало света дают крохотные луны. Но до заката оставалось еще четыре часа.

Дюны по-прежнему изгибались дугами такой правильной формы, как будто были созданы человеком. По какой-то неведомой причине ветер здесь дул в одном направлении, словно земные пассаты. Казалось, дюны с неторопливостью улитки ползли вслед за ветром.

Сколько лет тем камням за спиной? Если это и в самом деле... Глупая, странная идея, но Крис не вызвался бы лететь на Марс, не будь он хотя бы наполовину романтиком. Если это и в самом деле алмазы, значит они ужасно старые, раз так износились под воздействием обычного песка. Они намного старше пирамид и годятся в отдаленные предки самому Сфинксу. Наверное, раса, создавшая колдцы, давно исчезла. Многие писатели-фантасты предполагали, что марсиане вымерли. Может, когда-то в этих колодцах действительно была вода.

— Алло, Крис?

— Я здесь.

— Это и правда азотная кислота, грязная и не слишком крепкая. В следующий раз можешь поверить мне на слово.

— Гарри, нас сюда послали не для того, чтобы выдвигать гениальные гипотезы. Их было достаточно, пока строили корабль. Мы здесь для того, чтобы установить факты, правильно? Правильно.

— Буду через десять минут, — ответил Генри и со щелчком отключился.

Взгляд Лудена бесцельно бродил по пустыне, но затем что-то привлекло его внимание. Одна из дюн имела неправильную, несимметричную форму — дуга переходила в пологий вытянутый рукав. Она выделялась на фоне других, как груша среди яблонь.

В запасе у Лудена оставалось десять минут, а идти до дюны было не так уж и далеко. Он встал и направился к ней.

Остановившись возле дюны, Луден оглянулся. Колодец был отлично виден, и расстояние оказалось намного меньшим, чем он решил поначалу. Близость горизонта сбивала его расчеты.

Покатый склон дюны поднимался вверх на сорок футов.

Что нарушило ее форму? Может, просто скала, не настолько высокая, чтобы ее острая вершина поднималась над песком. Нужно будет потом проверить эхолотом.

Скала должна находиться под этим рукавом.

— Крис, где тебя черти носят?

Луден подскочил от неожиданности. Он совсем забыл о Генри.

— Посмотри строго на юг от колодца, и увидишь меня.

— Почему ты не остался на месте, придурок? Я уже решил, что тебя занесла песчаная буря.

— Извини, Гарри. Меня тут кое-что заинтересовало.

Луден с озабоченным видом остановился на искривленном рукаве дюны и добавил:

— Попробуй поцарапать какой-нибудь блок колодца своим кольцом.

— Дурацкая затея, — усмехнулся Генри.

— А ты все-таки попробуй.

В тишине Луден ощутил дыхание ветра и посмотрел вниз, на песок, пытаясь представить себе, что за преграда остановила его здесь. Не обязательно что-то большое, и не в глубине, а с наветренной стороны... В начале изгиба... вон там.

— Крис, я поцарапал его. Очень отчетливая царапина. Так что он легко поддается... Упс! А-а-а! Крис, ты обречен! Только смерть спасет тебя от моего гнева!

— Что тебя так расстро...

— Мой бриллиант! Я испортил его!

— Не переживай. Ты можешь получить вместо него миллион других только из одного блока этого колодца.

— Предположим, ты прав. Но нам понадобится лазер, чтобы отрезать его. И они могли использовать алмазную пыль вместо цемента. Сколько понадобится топлива, чтобы перевезти...

— Гарри, у меня к тебе просьба... Подгони...

— Последняя твоя просьба обошлась мне в три тысячи долларов.

— Подгони марсоход сюда. Я хочу устроить небольшие раскопки.

— Жди.

Через минуту марсоход остановился вплотную к зеленому скафандру Криса. Судя по улыбке Генри, царапина на бриллианте не оставила шрама в его душе.

— Где будем копать?

— Прямо тут, где я стою.

Марсоход был оборудован двумя вертикальными пневморективными двигателями для преодоления высоких препятствий. Под днищем машины располагался вместительный резервуар, куда воздух закачивался насосом прямо из марсианской атмосферы. Генри включил двигатели и завис над тем местом, где стоял Крис, поерзав немного по сиденью, чтобы уравновесить машину. Крис отошел в сторону, но Генри с усмешкой удвоил напор струи, так что напарника обдало песком. Через полминуты давление ослабло, и Генри пришлось приземлиться. Марсоход задрожал, снова наполняя резервуар сжатым воздухом.

— Не люблю задавать лишних вопросов, — сказал Генри, — но для чего мы это делаем?

— Там, внизу, что-то твердое, и я хочу его выкопать.

— Ну хорошо, если, конечно, ты уверен, что точно определил место. Иначе можем полгода даром потратить.

Они потратили даром три минуты, молча наблюдая за тем, как марсоход закачивает воздух в резервуар.

— Эй, — снова заговорил Генри, — как, по-твоему, мы можем подать заявку на это месторождение алмазов?

Крис Луден, сидевший на крутом склоне дюны, глубокомысленно почесал заднюю часть шлема:

— А почему бы и нет? Мы не встретили здесь ни одного живого марсианина, так что никто, кроме нас, не может претендовать на него. Разумеется, мы имеем право подать заявку; в самом худшем случае нам просто откажут.

— Еще одна деталь. Я не хотел говорить, пока ты сам не увидишь, ну да черт с ним. Один из блоков весь покрыт царапинами.

— Они там все такие.

— Не совсем. Это очень глубокие царапины, и все они проведены под наклоном в сорок пять градусов, если только у меня не разыгралось воображение. Они слишком тонкие, чтобы утверждать наверняка, но я думаю, что это какие-то письма.

Не дожидаясь ответа, Генри поднялся в воздух на реактивных двигателях. В этом деле он был мастер и напоминал сейчас балетного танцора. Сам он мог шевелиться, ища равновесное положение, но машина висела в воздухе неподвижно.

Что-то появилось из-под песка. Но вовсе не скала.

Это было нечто напоминающее современную скульптуру, бесполезную и бессмысленную, но в то же время по-своему красивую. Нечто, раньше бывшее механизмом, а теперь превратившееся в ничто.

Генри Бедросян завис над конической ямой, которую вырыли его двигатели. Артефакт почти очистился от песка. Следом за ним показалось еще что-то.

Мумия.

Марсоход плавно снизился на последних запасах сжатого воздуха. Когда Генри выпрыгнул из него, Крис уже спускался по коническому склону ямы.

Мумия была гуманоидом, ростом приблизительно в четыре фута, с длинными руками, хрупкими сужающимися пальцами и, в полном соответствии со сложившимися представлениями, непропорционально большим черепом. Подробностей было не разглядеть, до такой степени все ссохлось и истерлось. Крис не смог даже точно определить, сколько пальцев у гуманоида. На одной руке сохранились два, на другой — только один, и вдобавок плоский оттопыренный большой палец. На ногах пальцев вообще не было. Существо лежало лицом вниз.

У артефакта, теперь полностью освобожденного от песка, можно было разглядеть больше деталей. Только эти детали казались бессмысленными. Толстые изогнутые металлические пруты, тонкие закрученные провода, два больших погнутых кольца с какой-то полусгнившей тканью, прицепившейся к ободам.

И тут в голове у Генри что-то переключилось, и он объявил с той же легкостью, с какой разбирался во всевозможных схемах и приборах:

- Это велосипед.
- Ты с ума сошел.
- Нет, ты присмотришь. Колеса очень большие и...

Это был фантастически уродливый велосипед: колеса около восьми футов в диаметре, низкое седло, рассчитанное на карлика, система шестеренок с очень низким передаточным отношением, заменяющая цепь. Седло располагалось почти вплотную к заднему колесу, а искореженный руль крепился к втулке переднего. Какая-то сила смяла механизм, как мужская рука сминает пачку сигарет, а затем азотная кислота разъела металл.

— Хорошо, это велосипед, — согласился Крис. — Велосипед Сальвадора Дали, но все-таки велосипед. Наверное, они во многом были похожи на нас, а? Велосипеды, каменные колодцы, письменность...

- Одежда.
- Где?

— Она наверняка была. Видишь, его торс поврежден меньше. Можно даже разглядеть морщины на коже. Одежда защищала его, пока совсем не сгнила.

— Возможно. И он разрушает все наши теории об исчезнувшей расе. Ему не может быть больше нескольких тысяч лет. Скорее, даже сотен.

— Значит, они все-таки пьют азотную кислоту. Что ж, партнер, мы пролетели с алмазным месторождением. Судя по всему, у него есть живые наследники.

— Не стоит рассчитывать на то, что они в точности похожи на нас. Все, что мы нашли, — одежда, письма, колодец, — все это разумные существа просто обязаны были изобрести. А двуногое строение тела можно объяснить параллельной эволюцией.

— Параллельной эволюцией? — переспросил Генри.

— Возьми, например, глаз осьминога. Он совпадает по строению с человеческим глазом. Тем не менее осьминог даже отдаленно не похож на человека. Для большинства сумчатых можно найти близнецов среди млекопитающих. Ладно, давай попробуем поднять его.

Любой археолог со спокойным сердцем расстрелял бы их за это.

Мумия оказалась легкой и сухой, как пробка, и, похоже, не собиралась разваливаться на части прямо у них в руках. Они надежно привязали тело к багажному ящику и забрались в марсоход. Крис возвращался назад медленно и очень осторожно.

Крис Луден поставил ногу на первую ступеньку трапа и поправил мумию на левом плече.

— Нужно опрыскать его пластиком перед взлетом, — сказал он. — У нас же должен быть спрей?

— Что-то не припомню. Давай лучше сфотографируем его, пока он не развалился.

— Правильно. В кабине есть камера.

Крис поднялся по трапу, а вслед за ним и Генри. Они без происшествий доставили мумию к воздушному шлюзу.

— Я вот что подумал, — начал Генри. — Та азотная кислота не была разбавленной, но все-таки в ней содержалось

немного воды. Может быть, биохимия этого парня устроена так, что он поглощал воду из кислоты.

— Дельная мысль.

Они бережно опустили мумию на грудь одеял и принялись искать камеру. После пяти минут безуспешных поисков Крис демонстративно постучал головой об стену.

— Я брал ее вчера, чтобы снять закат. Она в грузовом трюме.

— Ну так принеси ее.

Генри остался в воздушном шлюзе, наблюдая, как Крис спускается по лестнице. Через мгновение он уже выскочил из трюма с висевшей на плече фотокамерой.

— Я тут тоже подумал, — сказал Крис, но голос, казалось, донесся откуда-то со стороны, а не от его поднимающейся фигуры. — Вряд ли алмазы встречаются здесь в таком уж изобилии, и вырезать из них блоки, видимо, было непросто. Почему именно алмазы? И зачем нужна была надпись на колодце?

— Какие-то религиозные причины? Возможно, марсиане поклоняются воде.

— Именно так я и подумал.

— Не сомневаюсь. Эта идея так же стара, как гипотеза Лоуэлла¹.

Крис поднялся наверх. Они зашли в шлюз и подождали, пока закончится цикл санитарной обработки.

Наконец внутренняя дверь шлюза открылась. Оба астронавта уже сняли шлемы и одновременно почувствовали запах. Резкий и приторный. От древнего трупа поднимались клубы густого дыма.

Генри среагировал первым. Он кинулся в кухонный отсек к пароварке. В ней еще оставалось немного воды; Генри схватил ее и плеснул водой на тлеющую марсианскую мумию, свободной рукой открывая кран, чтобы набрать еще.

Мумия вспыхнула, подобно бомбе с напалмом.

Генри отпрыгнул в сторону и протаранил головой что-то твердое и плоское, так что искры из глаз посыпались.

¹ *Персиваль Лоуэлл* — американский астроном и математик, выдвигавший гипотезу о существовании на Марсе развитой цивилизации.

Он упал, но тут же попытался встать, смутно осознавая, что нужно сделать что-то срочное, но так и не вспомнив, что именно. Он увидел, как Крис, все еще не снявший скафандр, метнулся навстречу разноцветному пламени, ухватил мумию за лодыжки, зашвырнул в воздушный шлюз и нажал на кнопку «Полный цикл обработки». Внутренняя дверь с шумом захлопнулась.

Крис склонился над Генри:

— Где болит? Гарри, ты можешь говорить? Можешь шевелить руками?

Генри попытался выпрямиться:

— Со мной все в порядке.

Крис облегченно вздохнул и вдруг расхохотался.

Слегка пошатываясь, Генри поднялся на ноги. Голова раскалывалась от боли. Запах в кабине не был совсем уж невыносимым, и кондиционер жужжал, старательно очищая воздух. Красноватый дым вытекал через открытую наружную дверь шлюза.

— Почему он взорвался? — спросил Генри.

— Из-за воды, — ответил Крис Луден. — Ну и диковинная же у него биохимия! Хотел бы я взглянуть на его живого сородича.

— А как же колодец? Они пользовались водой.

— Да, пользовались. Еще как пользовались, черт возьми. Я ведь тебе рассказывал, что глаз осьминога практически не отличается от человеческого?

— Рассказывал. Но колодец остается колодцем, правильно?

— Только, Гарри, если он не служит крематорием. Да и как могло быть иначе? На Марсе нет огня, но вода способна полностью разложить труп. И я бы не отказался узнать, какие прощальные слова здешние гробовщики вырезают на алмазных блоках для своих клиентов. Самое твердое из всех веществ, известных людям и марсианам! Почти вечный памятник дорогим усопшим!

КАК УМИРАЮТ ГЕРОИ

Только полная беспощадность помогла бы Картеру выбраться с базы живым. Никто из бегущей за ним толпы не остался охранять марсоходы, потому что Картеру понадобилось бы слишком много времени, чтобы пройти через грузовой шлюз. Они прекрасно понимали, что легко перехватят его там. Зато у пешеходного шлюза охрану выставили, надеясь, что Картер сунется именно туда. Возможно, так и нужно было сделать, потому что, если бы Картер успел закрыть у них перед носом первую дверь, автоматическая система безопасности не позволила бы снова открыть ее до тех пор, пока он не окажется во второй камере, и так далее до самого выхода наружу. А сев в марсоход, он сам угодил в ловушку.

Под куполом было достаточно места для маневра. К этому моменту не успели установить и половины сборных домов, так что большая часть территории базы оставалась свободной. Лишь кое-где на ровном оплавленном песке стояли штабеля пенопластовых стен, полов и перекрытий. Но в конце концов Картера все равно поймали бы. Преследователи уже заводили второй марсоход.

Однако они не ожидали, что Картер рискнет прорываться прямо сквозь купол.

Марсоход покачнулся, но тут же выправился. Вырывающийся наружу воздух ревел вокруг, поднимая облако мелкого песка и отбрасывая его в ядовитую атмосферу. Картер с усмешкой оглянулся. Теперь они умрут, все до единого. Кроме него, все остальные без скафандров. Через час он вернется и заделает разрыв купола. А потом придумает душеспасительную историю, чтобы рассказать ее тем, кто прилетит на следующем корабле.

Картер еще раз оглянулся и нахмурился. Что они задумали?

Не меньше десяти человек, с трудом удерживаясь на ногах под напором ветра, подняли пенопластовую стену, развернули вертикально и отпустили. Ветер подхватил ее и с громким хлопком прижал к куполу, закрывая десятифутовый разрыв.

Картер остановил марсоход, решив посмотреть, что произойдет дальше.

Никто не задохнулся. Воздух больше не вырывался с ревом из купола, а тихо шипел, просачиваясь в щели. Обитатели базы спокойно и тщательно упаковались в скафандры и один за другим пошли в переходный шлюз, чтобы починить купол.

Второй марсоход въехал в грузовой шлюз. Третий и последний тоже начал подавать признаки жизни. Картер развернулся и помчался прочь.

Марсоход способен развить скорость двадцать пять миль в час. У него три колеса с широкими шинами, установленные на пятифутовых консолях. Если колеса не смогут преодолеть какое-то препятствие, под днищем расположены два вертикальных двигателя, работающих на сжатом воздухе. Мотор и воздушный компрессор питаются от аккумуляторов «Литтон», дающих десятую часть от энергии той бомбы, что была сброшена на Хиросиму.

Картер подготовился к бегству так тщательно, как только мог за столь короткое время. Он прихватил полный запас кислорода — в багажнике лежали двенадцать баллонов, рассчитанных на четыре часа каждый, и еще один баллон стоял у него в ногах. Аккумуляторы были заряжены почти полностью, так что воздух закончится гораздо раньше, чем энергия. Когда преследователи отстанут, воздуха в дополнительном баллоне как раз хватит, чтобы вернуться к куполу.

Кроме его марсохода и тех двух, что гнались за ним, другого транспорта на Марсе не было. Картер удирал на скорости двадцать пять миль в час, и с такой же скоростью мчались преследователи. Ближайший из них отставал на полмили.

Картер включил рацию.

— ...Не могу этого допустить, — услышал он обрывок фразы. — Одному из вас придется вернуться. Мы можем потерять два марсохода, но не все три сразу.

Это говорил Шют, начальник исследовательской экспедиции и единственный военный на базе.

Прозвучавший в ответ густой и ироничный голос принадлежал Руфусу Дулиттлу, биохимику:

— Ну и что нам теперь делать? Бросить монетку?

— Разрешите мне остаться, — послышался напряженный голос третьего. — У меня с ним свои счета.

Затылок Картера похолодел от тревожного предчувствия.

— Хорошо, Альф. Удачи тебе, — согласился Руфус и добавил зловещим тоном, словно догадываясь, что Картер его слышит: — Счастливой охоты.

— Займитесь починкой купола. Я позабочусь о том, чтобы Картер не вернулся.

Преследующий Картера марсоход резко свернул в сторону и по широкой дуге направился к базе. Второй продолжил погоню. И вел его лингвист Альф Харнесс.

Большая часть из дюжины обитателей базы восстанавливала купол при помощи пластиковых заплат и нагревательных ламп. Это была длительная работа, но не очень сложная, поскольку Шют приказал выкачать воздух. Прозрачный пластик просел, накрыв собой сборные дома. В результате база превратилась в группу связанных между собой навесов, так что пройти от одного к другому можно было без особого труда.

Старший лейтенант Майкл Шют посмотрел на работающих подчиненных и решил, что они держат ситуацию под контролем. Он прошел под складкой купола, выпрямив спину, как солдат на параде.

Шют остановился возле колдующего над генератором воздуха Гондотом. Тот заметил его и, не оборачиваясь, спросил:

— Старший, почему вы разрешили Альфу в одиночку гоняться за Картером?

Шют пропустил мимо ушей прозвище и сказал:

— Мы не можем потерять обе машины.

— Тогда почему бы нам просто не выставить караулы на ближайшие двое суток?

— А если Картер проберется мимо них? Возможно, он решил любой ценой вывести купол из строя. И он может застать нас со спущенными штанами. Даже если кто-то из нас и успеет надеть скафандр, переживем ли мы еще одно повреждение купола?

Гондот хотел почесать коротко стриженную бороду, но пальцы ударились о пластик шлема.

— Вероятно, нет, — раздраженно ответил он. — Я могу заполнить купол в любой момент, как только он будет готов. Но после этого генератор опустеет. Мы истратим все запасы воздуха, так что еще один разрыв добьет нас.

Шют кивнул и двинулся дальше. Снаружи купола — тонны необходимого для дыхания азота и кислорода, но в виде диоксида азота; генератор перерабатывает этот газ в дыхательную смесь в три раза быстрее, чем обитатели базы способны расходовать воздух. Но если Картер снова прорвет купол, эта скорость может оказаться недостаточной.

У Картера ничего не получится. Альф позаботится об этом. Опасность позади — на этот раз.

И значит, старший лейтенант Шют может вернуться к предшествующим этой опасности событиям.

Шют составил отчет еще месяц назад и с тех пор не единожды перечитывал, всякий раз находя его исчерпывающим и толковым. Но все же оставалось ощущение, что можно было написать лучше. Отчет должен принести максимальную пользу. Но то, что Шют обязан сказать, может быть сказано лишь однажды, после чего его карьера закончится, а самого его принудят к молчанию.

Когда-то давно Казинс для собственного удовольствия сочинил одну книгу. Возможно, он сейчас помог бы Шюту. Но Старший никого не хотел вовлекать в то, что могло быть расценено как бунт.

И все же нужно переписать этот отчет или, по крайней мере, кое-что к нему добавить. Лью Харнесс уже мертв.

Картер умрет в ближайшие два дня. И за все это Шют обязан ответить. Во всех смыслах.

Дело не такое уж срочное. Пройдет еще месяц, прежде чем Земля окажется в зоне действия передатчика.

Большая часть астероидов странствует в промежутке между Марсом и Юпитером, и порой случается, что их орбиты пересекаются не с орбитой планеты, как обычно, а с самой планетой. Вся поверхность Марса усеяна кратерами, образовавшимися от падения астероидов: древними, полуразрушенными, и новыми, с острыми кромками, большими и маленькими, бугристыми и ровными. База располагалась в центре большого и не слишком древнего кратера, диаметром в четыре мили, — гигантской разбитой пепельницы, выброшенной за ненадобностью на красный песок.

Марсоходы мчались по потрескавшемуся оплавленному песку, огибая случайные препятствия в виде торчавших под углом к поверхности скал и постепенно поднимаясь к изломанной кромке кратера. Солнце стояло точно в зените, окруженное кровавыми разводами неба.

Альф неумолимо приближался. Но как только марсоходы перевалят через кромку и начнут спуск, дистанция снова должна увеличиться. Погоня обещала быть долгой.

Настало время для сожалений, если оно вообще когда-либо наступает. И в любом случае Картер был не из тех, кто испытывает угрызения совести. Лью Харнесс должен был умереть, поскольку давно на это напрашивался. Картера слегка озадачило, что его смерть вызвала такую бурную реакцию. Неужели все они были такими же, как Лью? Вряд ли. Если бы Картер остановился и попытался все объяснить...

То они разорвали бы его. Эти лисьи морды с раздувающимися ноздрями и оскаленными клыками.

А сейчас за ним гнался всего один человек. Но этот человек был братом Лью.

Вот наконец и кромка, Альф же по-прежнему далеко позади. Картер сбросил скорость, понимая, что спуск будет нелегким, но едва он перевалил через кромку, скала в десяти ярдах от него вспыхнула мерзким белым огнем.

Альф прихватил с собой ракетницу.

Картер с трудом сдержал желание выпрыгнуть и спрятаться за скалами. Марсоход покатиł вниз, и Картеру волей-неволей пришлось позабыть о своих страхах и сосредоточиться на дороге, чтобы машина не опрокинулась.

Разбросанные вокруг камни еще больше замедлили движение. Картер развернул марсоход к ближайшему песчаному склону. К этому времени Альф уже показался на кромке кратера, в четверти мили позади. Его силуэт замер на мгновение на фоне кровавого неба, а затем в угрожающей близости от Картера взметнулось пламя еще одной вспышки.

Картер рванул по песчаному склону к абсолютно плоскому горизонту.

— Похоже, Джек, это надолго, — проговорило вдруг радио.

Картер нажал на кнопку ответа:

— Твоя правда. Сколько у тебя осталось зарядов?

— Не беспокойся за меня.

— И не собираюсь. Пока ты тратишь их понапрасну.

Альф не ответил. Картер не стал выключать прием, понимая, что рано или поздно Альф должен заговорить с тем, кого собирается убить.

Кратер, в котором располагалась база, исчез далеко позади. Бесконечная пустыня утекала под широкие колеса. Мягкие изгибы дюн не были серьезными препятствиями для марсоходов. Когда-то здесь находился марсианский колодец. Он стоял в полном одиночестве посреди пустыни — изъеденный временем цилиндр, семи футов в высоту и десяти в окружности, сложенный из алмазных блоков. Именно из-за этого колодца, а также наклонных надписей на «информационном блоке» здесь и появилась база. Поскольку единственный найденный с тех пор марсианин — высохшая мумия умершего много веков назад гуманоида — взорвался при соприкосновении с водой, все решили, что колодец служил крематорием. Но полной уверенности в этом не было. На Марсе ни в чем нельзя быть полностью уверенным.

Радио по-прежнему хранило зловещее молчание. Пролетал час за часом, солнце медленно скользило к багровому

горизонту, и Альф больше не промолвил ни слова. Как будто он уже сказал Джеку Картеру все, что хотел. И в этом было что-то неправильное. Альф обязан начать оправдываться!

Наконец Картер вздохнул и сдался:

— Тебе не поймать меня, Альф.

— Может быть, но я буду гнаться за тобой столько, сколько нужно.

— Ты сможешь гнаться за мной только двадцать четыре часа. У тебя запас воздуха на двое суток. Не думаю, что хочешь погибнуть сам, ради того чтобы прикончить меня.

— На это я и не рассчитывал. Да и не нужно. Завтра к полудню ты сам погонишься за мной. Воздух нужен тебе не меньше, чем мне.

— Посмотри вот на это, — сказал Картер.

Баллон с кислородом у него в ногах уже опустел. Картер отбросил его в сторону и проследил, как тот укатывается прочь.

— Вот я и говорю, Альф, — Картер улыбнулся с облегчением, избавившись от тяжести дополнительного баллона, — что смогу прожить на четыре часа больше, чем ты. Не пора ли тебе повернуть назад?

— Нет.

— Он того не стоит. Он просто был голубым.

— И это означает, что он должен был умереть?

— Да, потому что этот сукин сын приставал ко мне. Может быть, ты сам из той же породы?

— Нет. И Лью тоже не был голубым, пока не оказался здесь. Они должны были прислать сюда поровну мужчин и женщин.

— Аминь.

— Знаешь, многих тошнит от гомосексуалистов. Меня тоже. И мне было больно видеть, что творится с Лью. Но только один из нас ожидал от него этого и мог его за это избить, — сказал Альф.

Картер нахмурился.

— Латентные гомосексуалисты, — продолжил Альф. — Парни, которые считают, что могли бы стать голубыми, если бы у них появилась возможность. Они не выносят присутствия голубых, потому что это для них искушение.

— Ты просто пытаешься вернуть мне комплимент.

— Возможно.

— У базы хватает проблем и без таких вещей. Весь проект мог провалиться из-за таких, как твой брат.

— Нам настолько нужен был убийца?

— Ужасно нужен на этот раз.

Картер неожиданно понял, что стал собственным адвокатом. Если он убедит Альфа не убивать его, то убедит и всех остальных. А если не сумеет, то придется либо снова повредить купол, либо умереть. И он продолжал говорить, используя все доводы, какие только мог отыскать.

— Понимаешь, Альф, перед базой поставлены две цели. Во-первых, нужно выяснить, сможем ли мы существовать в настолько неблагоприятной среде. Во-вторых, установить контакт с марсианами. На базе нас всего пятнадцать...

— Двенадцать. А будет тринадцать, когда я вернусь.

— Четырнадцать, если мы оба вернемся. Ну хорошо. Каждый из нас в той или иной степени необходим для нормального функционирования базы. Но я необходим сразу по двум причинам. Я эколог, Альф, и моя задача не только в том, чтобы не дать базе погибнуть при малейших неполадках, но и узнать, как живут марсиане, чем они питаются, как взаимодействуют с другими формами жизни. Понимаешь?

— Конечно. А как насчет Лью? Разве он не был необходим?

— Мы можем обойтись без него. Он был радистом. У нас есть по крайней мере два-три человека, имеющие опыт обращения с приборами связи.

— Не могу передать, как ты меня обрадовал. Но разве с тобой не то же самое?

Картер задумался — крепко, но ненадолго. Да, Гондот управился бы с системой жизнеобеспечения базы, если бы ему немного помогли. Но...

— Нет, марсианскую экологию никто...

— Марсианскую экологию никто в глаза не видел. Джек, мы не нашли на Марсе ничего живого, кроме этой человекоподобной мумии. Ты не сможешь заниматься экологией, не имея никаких данных, ничего, что достойно изучения. Так какая от тебя польза?

Картер продолжал убеждать. Он говорил до тех пор, пока солнце не опустилось в море песка и темнота не накрыла их. Но ему уже давно стало ясно, что все бесполезно. Альфа не трогали никакие доводы.

К закату купол надулся, и режущий уши визг поступающего из генератора воздуха сменился усталыми вздохами. Старший лейтенант Шют отшелкнул зажимы на плечах и поднял шлем, готовый тут же надеть его снова, если воздух окажется слишком разреженным. Но с воздухом все было в порядке. Шют опустил шлем и показал большой палец всем остальным, с тревогой наблюдавшим за ним.

Ритуал. Эти двенадцать парней и так знали, что воздух пригоден для дыхания. Но у людей, работающих в космосе, ритуалы появляются очень быстро, и строже всего соблюдался тот, по которому Старший последним надевал шлем и первым снимал его.

Все вылезли из скафандров и разошлись по своим делам. Несколько человек отправились на кухню, чтобы разобрать устроенный вакуумом хаос и дать Хёрли возможность приготовить ужин.

Шют остановил проходившего мимо Ли Казинса:

— Ли, можно тебя на минутку?

— Конечно, Старший.

Вся база называла Шюта Старшим.

— Мне нужна твоя помощь как писателя, — сказал Шют. — Я собираюсь послать довольно-таки спорный отчет, как только Земля окажется в зоне радиосвязи, и хочу, чтобы ты помог мне сделать его более убедительным.

— Отлично. Давай посмотрим.

Зажглись фонари, разогнавшие так внезапно наступившую темноту. Шют первым зашел в свое бунгало, открыл сейф и протянул Казинсу рукопись. Тот взвесил ее на руке:

— Тяжелая. Неплохо бы сократить.

— Ради бога, если найдешь в ней что-нибудь лишнее.

— Готов поспорить, что найду, — усмехнулся Казинс, сел на койку и принялся за чтение.

Прошло десять минут, прежде чем он задал вопрос:

— Каков процент гомосексуалистов на флоте?

— Понятия не имею.

— В таком случае доказательства нельзя назвать вескими. Можно процитировать какой-нибудь лимерик, чтобы подчеркнуть, что это общеизвестная проблема. У меня есть два-три таких на примете.

— Хорошо.

Чуть позже Казинс снова заговорил:

— В Англии много школ с совместным обучением. И с каждым годом все больше.

— Знаю. Но проблема возникла у мужчин, закончивших мужские школы много лет назад.

— Пропиши этот момент более отчетливо. А ты сам, случайно, обучался не в совместной школе?

— Нет.

— У вас были голубые?

— Несколько человек. По крайней мере по одному в каждом классе. Старшеклассники нередко били палками тех, кого в этом подозревали.

— И как, помогало?

— Нет. Конечно нет.

— Ну ладно. Ты приводишь здесь два набора обстоятельств, при которых повышается вероятность гомосексуализма. Для обоих случаев есть три обязательных условия: достаточное количество свободного времени, отсутствие женщин и строгое подчинение младших старшим. Тебе нужен третий пример.

— Я не смог ничего больше придумать.

— Нацистские организации.

— Да?

— Я могу рассказать подробности.

Казинс продолжил читать. Наконец он закончил и, отложив отчет, заметил:

— Дело может вызвать много шума.

— Знаю.

— Самое плохое здесь — это твоя угроза все рассказать газетчикам. На твоём месте я бы это вычеркнул.

— На моем месте ты поступил бы так же, — ответил Шют. — Все, кто имеет отношение к проекту «Бог войны», понимают, что рискуют всем, если это произойдет. Но они

скорее предпочтут, чтобы рисковали мы, лишь бы не связываться с общественным мнением. В Соединенных Штатах сотни лиг нравственности. Или даже тысячи. И все они набросятся на правительство, словно гарпии, если оно захочет послать смешанную команду на Марс или еще куда-нибудь. Единственный способ заставить правительство действовать — это пригрозить им чем-то еще более страшным.

— Убедил. Это действительно серьезная угроза.

— Ты нашел, что можно сократить?

— Ах да, черт возьми! Я пройдуся по тексту еще раз с красным карандашом. Ты слишком подробно объясняешь, слишком много слов, и они слишком длинные. А еще ты увлекаешься обобщениями. Нужно приводить примеры, иначе не добьешься никакого эффекта.

— Это может повредить чьей-нибудь репутации.

— Ничего не поделаешь. Нам на Марсе нужны женщины, и как можно скорее. Риф и Томми уже брызжут друг на друга слюной. Риф считает, что это он виноват в смерти Лью, потому что отшил его. А Томми посмеивается над ним.

— Хорошо, — сказал Шют и поднялся.

Весь разговор он просидел не шелохнувшись и выпрямив спину, словно перед начальством.

— Марсоходы все еще на связи?

— Они нас не слышат, а мы их можем. Томми за приемником.

— Пусть продолжает, пока они не выйдут за пределы слышимости. Мы сегодня дождемся ужина?

В той части неба, куда недавно закатилось солнце, появился Фобос, похожий на скопление мерцающих тусклых звезд. Постепенно поднимаясь, он светил все ярче; за считанные часы тонкий ломтик превратился в полумесяц. Затем он забрался так высоко, что Картер уже не мог его видеть, не решаясь оторвать взгляд от треугольника пустыни, выхватываемого из темноты фарами марсохода. Они имитировали земной солнечный свет, но привыкшим к марсианским условиям глазам Картера все вокруг казалось окрашенным в голубой цвет.

Он удачно выбрал направление. Более чем на семьсот миль вперед расстилась совершенно плоская пустыня. Никаких пологих холмов, постепенно повышающихся, чтобы в конце концов заманить в ловушку, из которой пришлось бы выпрыгивать на реактивных двигателях или просто ждать, когда тебя догонят. Точка невозврата для Альфа наступит завтра в полдень, и тогда Картер станет хозяином положения.

Когда преследователь повернет к базе, Картер еще какое-то время будет ехать вперед. Убедившись, что Альф исчез из виду, он тоже сделает поворот вправо или влево, проедет так еще час, а затем выйдет на параллельный курс. Он появится возле купола на час позже Альфа, имея в запасе три часа, чтобы выполнить задуманное.

Дальше ему предстояло самое сложное. Разумеется, кто-то будет охранять базу. Картеру придется проскочить мимо охранника, возможно вооруженного ракетницей, разрезать купол и каким-то образом украсть кислородные баллоны. Вероятно, все находящиеся внутри погибнут, но те, кто дежурит в скафандрах снаружи, уцелеют. Картер должен до отказа нагрузить марсоход баллонами и открыть вентили у оставшихся, прежде чем кто-то успеет остановить его.

Больше всего беспокоила мысль о ракетнице. Но возможно, он просто направит марсоход на купол, а выскочит на ходу. На месте будет видно...

Веки тяжелели, руки начало сводить судорогой. Но он не мог позволить себе остановиться и хотя бы немного поспать.

Несколько раз Картер порывался раздавить радиомаяк своего скафандра. Этот прибор непрерывно подавал сигнал, по которому Альф мог отыскать его в любой момент. Правда, он и так может. Его фары все время светили Картеру в спину, не отклоняясь и не угасая ни на секунду. Вот если удастся оторваться, Картер тут же выведет из строя маяк. Но Альфу знать об этом не обязательно. До поры до времени.

Звезды опускались к темному горизонту на западе. Фобос снова показался в зоне видимости, более яркий, чем прежде, и снова пропал с глаз. Затем над отблеском неотвязных фар Альфа появился Демос.

День наступил неожиданно, тонкие темные тени подчеркивали линию горизонта. Впереди возник кратер, стеклянное блюдце, брошенное посреди пустыни, не настолько большое, чтобы его нельзя было объехать. Джек Картер взял левее. Марсоход у него за спиной повернул в ту же сторону. Если так будет продолжаться и дальше, Альф волей-неволей догонит его. Картер попил воды, проглотил немного питательной смеси из трубочки, закрепленной в шлеме, и снова сосредоточил все внимание на дороге. Глаза чесались, словно в них набросали песка, а рот пересох, как у марсианской мумии.

— С добрым утром, — донесся голос Альфа.

— И тебе. Хорошо выспался?

— Не очень. Я проспал всего часов шесть, да и то урывками. Очень волновался, что ты свернешь не туда и потеряешься.

Картер побледнел, но тут же понял, что Альф пытается поддеть его. Наверняка он спал не больше, чем сам Картер.

— Посмотри направо, — сказал Альф.

С правой стороны поднималась стена кратера. И на его кромке — Картер посмотрел еще раз, чтобы убедиться, что не ошибся, — на фоне красного виднелся темный силуэт, тень с человеческими очертаниями. В одной руке он держал что-то длинное и тонкое.

— Марсианин, — прошептал Картер и без раздумий повернул марсоход в сторону кратера.

Перед ним тут же, с интервалом в секунду, полыхнули две вспышки, и он отчаянно крутанул руль влево.

— Черт возьми, Альф! Это же марсианин. Нужно догнать его!

Силуэт исчез. Марсианин, вне всяких сомнений, убежал, увидев вспышки.

Альф не ответил. Ни слова. И Картер проехал мимо кратера, чувствуя, как внутри поднимается убийственная ярость.

Было уже около одиннадцати. Верхушки цепи холмов отодвинулись на запад, к самому горизонту.

— Мне просто интересно, — заговорил Альф, — что ты собирался сказать этому марсианину?

— Есть какая-то разница? — с горечью выдавил из себя Картер.

— Есть. В самом лучшем случае ты бы просто испугал его. Когда мы вступим в контакт с марсианами, то будем действовать по разработанному плану.

Картер стиснул зубы. Даже если не брать в расчет эту историю со смертью Лью Харнесса, все равно трудно сказать, сколько времени заняло бы осуществление плана. Он предусматривал три этапа: отправить на Землю изображение надписи на стене колодца-крематория, а также других собранных артефактов, чтобы с помощью компьютеров расшифровать марсианский язык; подготовить сообщение на этом языке и оставить возле колодца, где марсиане могли бы найти его; а потом дожидаться ответных действий со стороны марсиан. Однако нет причин считать, что вся надпись сделана на каком-то одном языке, а если даже и так, то он мог сильно измениться за тысячу лет. Нет оснований предполагать, что марсиане заинтересуются странными существами, живущими под куполом, даже если пришельцы знают их язык. Да и могут ли сами марсиане прочесть письма своих предков?

— У меня появилась идея... — сказал Картер. — Ты ведь лингвист?

Никакого ответа.

— Альф, мы обсудили, сильно ли был нужен базе Лью и нужен ли ей я. А как насчет тебя? Без твоей помощи нам никогда не перевести эти письма.

— Сомневаюсь, что это правда. Большую часть работы проделает компьютер Калифорнийского технологического, и в любом случае я оставил свои заметки. Так что ты хотел сказать?

— Если и дальше будешь гоняться за мной, придется тебя убить. База может себе позволить такую потерю?

— Тебе не удастся убить меня. Но я готов предложить сделку, если желаешь. Сейчас одиннадцать часов. Дай мне два кислородных баллона, и мы вернемся на базу. За два часа до прибытия остановимся, бросим твой марсоход, и дальше ты поедешь в багажнике моего, со связанными руками. А потом тебя будут судить.

— Думаешь, меня простят?

— Только не после того, как ты повредил купол. Это, Джек, была серьезная ошибка.

— Почему бы тебе не взять один баллон?

Если Альф пойдет на это, Картер вернется к базе, имея в запасе два часа. Он понимал теперь, что должен повредить купол. Другого выхода нет. Но у него за спиной будет Альф с ракетницей...

— Не годится, Джек. Я почувствую себя в безопасности лишь тогда, когда буду знать, что у тебя закончится воздух за два часа до возвращения на базу. Ты ведь не хочешь, чтобы я был спокоен за свою жизнь?

Что ж, может, это и к лучшему. Пусть Альф поедет назад через час. Пусть он уже будет на базе, когда Картер вернется, чтобы повредить купол.

— Картер не согласился, — сказал Томми.

Он сгорбил над радиоприемником, прикрыл ладонями наушники и всем телом вслушивался в голоса, едва различимые на таком расстоянии.

— Он что-то задумал, — встревоженно ответил Гондот.

— Разумеется, — отозвался Шют. — Хочет отделаться от Альфа, вернуться на базу и повредить купол. На что еще он может надеяться?

— Но ведь он тоже погибнет, — возразил Томми.

— Необязательно. Если он убьет всех нас, то сможет потом исправить повреждение, воспользовавшись теми баллонами, что у нас остались. Думаю, он сумел бы содержать купол в порядке, по крайней мере настолько, чтобы здесь мог жить один человек.

— Боже мой, что же нам теперь делать?

— Успокойся, Томми, это простая математика. — Беззаботная интонация далась старшему лейтенанту Шюту без особого труда, он не мог допустить, чтобы Томми запаниковал. — Если Альф повернет в полдень, Картер не сможет добраться до базы раньше завтрашнего полудня. А к четырем часам у него закончится воздух. Нам просто придется походить в скафандрах до четырех часов.

В глубине души он сомневался, смогут ли двенадцать человек заделать даже маленькую брешь в куполе до того,

как истратят весь запас кислорода. Расходуя по баллону за каждые двадцать минут... Но, возможно, им не придется это проверять.

— Пять минут первого, — напомнил Картер. — Поворачивай, Альф. У тебя останется только десять минут.

Лингвист хмыкнул. Голубая точка в четверти мили позади Картера не исчезла.

— Против математики не попрешь, Альф. Поворачивай.

— Поздно.

— Поздно будет через пять минут.

— Я уехал не с полным запасом кислорода. Мне нужно было повернуть два часа назад.

Картер смочил губы водой через трубочку и только потом ответил:

— Врешь! Ты когда-нибудь перестанешь измываться надо мной? Хватит уже!

— Смотри, я поворачиваю, — рассмеялся Альф.

Его марсоход не изменил курс.

Наступил полдень, но погоня не закончилась. На скорости двадцать пять миль в час два марсохода, разделенные четвертью мили, размеренно двигались по оранжевому песку. Ядовито-зеленые пятна появлялись впереди и исчезали под колесами. Пологие дюны проплывали мимо, словно волны в океане. Призрачные дорожки метеоритов обрывались мгновенной белой вспышкой, касаясь горизонта на севере. Холмы сделались выше — гладкие скальные горбы, похожие на спины огромных животных, уснувших где-то за краем пустыни. Крохотное солнце ярко горело в алом небе, окрашенном диоксидом азота, а ближе к горизонту темнеющем из-за тонкого слоя атмосферы, словно залитое густой кровавой тушью.

Неужели погоня действительно началась в полдень? Ровно в полдень. Была уже половина первого, и Картер не сомневался, что уже поздно что-то менять.

Альф обрек себя на смерть, желая смерти Картеру.

Но Картер не хотел умирать.

— Великие умы часто мыслят в одном направлении, — сказал он в микрофон.

— Серьезно?

Судя по тону, Альф ни о чем не беспокоился.

— Ты прихватил запасной баллон. Так же как и я.

— Нет, Джек.

— Но ты должен был это сделать. Если я в чем-то и уверен, то именно в том, что ты не из тех ребят, которые сами ищут смерти. Хорошо, Альф, я проиграл. Давай возвращаться.

— Давай лучше продолжим.

— У нас будет три часа на то, чтобы выследить того марсианина.

Позади его марсохода снова мелькнула вспышка. Картер раздраженно вздохнул. В два часа им обоим придется повернуть к базе, где Картера, вероятно, ожидает казнь.

«А что, если я поверну прямо сейчас? Проще простого. Альф выстрелит в меня из ракетницы. Но он может и промахнуться. А если он заставит меня ехать туда, куда ему хочется, я умру наверняка».

Обливаясь холодным потом, Картер ругал себя последними словами, но так и не смог решиться. Не смог сознательно подставиться под выстрел Альфа.

К двум часам из-за горизонта показалось подножие цепи холмов. Они были невероятно чистыми, почти как на Луне, но ужасно выветренными, и море песка разлилось вокруг, готовое окончательно разрушить и сгладить их.

Картер обернулся назад. Он то и дело с недоверием подносил к глазам часы, а марсоход Альфа продолжал преследовать его. К половине третьего недоверие пропало. Теперь уже не имело значения, сколько у Альфа осталось кислорода. Картер тоже прошел точку невозврата.

— Ты убьешь меня, — произнес он.

Никакого ответа.

— Я убил Лью в честной драке. То, что делаешь ты, гораздо хуже. Ты заставляешь меня умереть медленно и мучительно. Ты дьявол, Альф.

— Расскажи эту сказку про аленький цветочек моей тетушке! Ты ударил его по горлу, а потом равнодушно наблюдал, как он захлебывается кровью. Не говори мне, будто не сознавал, что делаешь. Всем на базе известно, что ты занимался карате.

— Он умер за считанные минуты. А я буду умирать целые сутки!

— Тебе не нравится? Можешь развернуться и поехать мне навстречу. Ракетница тебя ждет.

— Мы могли бы возвратиться к тому кратеру и найти марсианина. Ради этого я и прилетел на Марс. Изучать то, что мы здесь встретим. И ты тоже, Альф. Давай вернемся.

— Ты первый.

Но Картер не мог этого сделать. Не мог. Карате помогает справиться с любым холодным оружием, кроме боевого посоха. Картера обучали и бою на палках. Но он не мог поехать прямо под выстрел из ракетницы! Даже если бы Альф хотел вернуться. А он не хотел.

Тонкий жалобный вой пробивался под купол. Песчаная буря бушевала снаружи, не более опасная, чем разъяренная гусеница. В самом худшем случае она могла вызывать лишь раздражение. Назойливое завывание давило на нервы, из-за темноты пришлось включить фонари. К завтрашнему утру купол покроется тонким, в одну десятую дюйма, слоем чистой, по-лунному сухой пыли. Внутри будет темней, чем ночью, пока кто-нибудь не сдует эту пыль с помощью кислородного баллона.

На Шюта буря действовала угнетающе. Здесь, на Марсе, старший лейтенант Шют столкнулся с самой ужасной опасностью, грозящей исследователям. Песчаная буря не в состоянии причинить вред даже младенцу. Никто здесь не повстречался ни с единой опасностью, которую они не привезли бы с собой.

Возможно, так было всегда? Люди отправлялись в дальние путешествия, чтобы победить самих себя.

После полудня почти никто не вернулся к работе. Шют смирился с этим. Томми сидел на штабеле пенопластовых стен, чуть ли не прижавшись к переносному радиоприемнику, а его со всех сторон окружали обитатели базы.

Заметив приближение Шюта, Томми поднялся.

— Они пропали, — сообщил он с усталым видом и включил радио.

Остальные смущенно переглядывались, некоторые собирались уходить.

— Том, как случилось, что ты их потерял?
— Старший, они забрались слишком далеко, — объяснил Томми.

— Значит, так и не повернули?

— Нет, они просто ехали вперед по пустыне. Должно быть, Альф сошел с ума. Картер не стоит того, чтобы из-за него умирать.

«Когда-то стоил», — подумал Шют.

Картер был одним из лучших: крепкий, смелый, сообразительный и полный энтузиазма. Шют видел, как его характер портится под влиянием скуки и тесноты на борту корабля. Но когда они достигли Марса, все, казалось, вернулось в норму, поскольку у них появилась работа. А вчера произошло убийство.

И еще Альф. Очень тяжело терять его. Лью не был такой уж большой потерей, а вот Альф...

Рядом с Шютом присел Казинс:

— Я закончил работать красным карандашом.

— Спасибо, Ли. Я сейчас все перепису.

— Не нужно переписывать. Просто добавь приложение. Расскажи, как умерли эти трое. Тогда ты сможешь быть уверен, что рассказал все.

— Ты так думаешь?

— Это мое мнение специалиста. Когда состоится похороны?

— Послезавтра. Это будет воскресенье, и я решил, что так лучше всего.

— Можно прочитать заупокойную молитву сразу по троим. Удачный выбор.

Для всей базы Джек Картер и Альф Харнесс уже были покойниками, но они еще дышали...

Горы приближались — единственные твердые ориентиры в океане песка. Альф подобрался ближе, теперь он ехал всего в четырехстах ярдах позади. К пяти часам Картер достиг подножия гор.

Они оказались слишком высокими, чтобы перескочить их на реактивном двигателе. Картер отметил ровные площадки, куда можно было посадить марсоход, чтобы ком-

прессор наполнил резервуар перед новым прыжком. Но ради чего?

Лучше подождать Альфа.

Картер неожиданно осознал, что только это и нужно Альфу. Поравняться с его марсоходом, заглянуть в лицо Картеру и убедиться, что тот понимает, чем все закончится. А затем выстрелить с расстояния в десять футов и полюбоваться тем, как вспышка магниевых окислительной смеси прожжет сначала скафандр, затем кожу, а потом и внутренние органы.

Предгорья были невысокими и пологими. Даже с близкого расстояния они походили на гладкие бока спящего зверя, с той лишь разницей, что этот зверь не дышал. Картер глубоко вздохнул, отметив, что воздух сделался спертым, хотя очистительная установка функционировала исправно, и включил реактивный двигатель.

Атмосфера на Марсе ужасно разреженная, но воздух можно сжать, а реактивный двигатель будет работать везде, даже если он пневматический. Картер откинулся назад, пытаясь скомпенсировать потерю веса в кислородных баках у себя за спиной и избавиться от лишней нагрузки гироскопы, которыми лучше пользоваться только при чрезвычайных обстоятельствах. Марсоход быстро взлетел над песком, и Картер приподнял его нос, чтобы проще было скользить вверх по склону под углом в тридцать градусов. Там попадались и плоские участки, хотя и редко. Картер легко должен добраться до первого из них...

Полыхнуло прямо у него перед носом. Картер стиснул зубы, борясь с желанием обернуться. Он еще сильнее задрал нос марсохода, чтобы замедлить скорость. Давление воздуха в резервуаре падало.

Картер приземлился, как пушинка, на высоте в двести футов над пустыней. Когда умолк двигатель, гудение гироскопов сделалось отчетливой. Он отключил стабилизатор, но гироскопы еще крутились по инерции. Теперь Картер слышал лишь пыхтение компрессора, его вибрация ощущалась даже через скафандр.

Альф стоял возле своего марсохода у подножия и смотрел вверх.

— Ну давай же! — крикнул ему Картер. — Чего ты ждешь?

— Продолжай, если тебе это нравится.

— Что случилось? У тебя отказали гироскопы?

— Мозги у тебя отказали, Картер. Продолжай.

Он вытянул руку, что-то вспыхнуло, и Картер инстинктивно пригнулся.

Компрессор приутих, и это означало, что резервуар почти полон. Но Картер совершил бы большую глупость, если бы начал подъем до того, как тот совсем наполнится. Максимальное ускорение достигается в первые секунды прыжка, а дальше реактивная струя только поддерживает тебя в воздухе.

Тем временем Альф сел в марсоход и начал подниматься.

Картер включил реактивный двигатель и тоже взлетел.

Он тяжело приземлился на высоте в триста футов и только после этого смог оглянуться. Снизу послышался издевательский хохот Альфа, по-прежнему стоявшего у подножия. Это был блеф!

Но почему Альф не погнался за ним?

Третий прыжок поднял Картера на вершину. Прыжков вниз он никогда прежде не делал и первой же попыткой едва не утробил себя. Тормозить пришлось на последних остатках воздуха в резервуаре. Картер подождал, когда утихнет дрожь в руках, и продолжил спуск уже на колесах. Он достиг подножия хребта, не обнаружил никаких следов Альфа и направился дальше в пустыню.

Солнце уже садилось. Бледные голубоватые звезды, проступившие на темно-красном небе, осветили оставшуюся позади желтую линию холмов.

Альфа по-прежнему не было видно.

Его голос вдруг возник в наушниках — мягкий, почти доброжелательный:

— Теперь, Джек, ты должен вернуться.

— Не экономь воздух.

— Мне это ни к чему, поэтому я предложил тебе вернуться. Посмотри на часы...

Была почти половина седьмого.

— Посмотрел? Теперь посчитай. Я поехал за тобой с запасом воздуха на сорок четыре часа. У тебя был запас на пятьдесят два. Вместе это дает девяносто шесть часов. Мы израсходовали воздуха на шестьдесят один час. Осталось всего тридцать пять на двоих. Итак, я остановился час назад. От того места, где я нахожусь, до базы почти тридцать часов езды. В ближайшие два с половиной часа ты должен отнять мои баллоны и оставить меня без воздуха. Или я должен забрать воздух у тебя.

В этом был определенный смысл. В конце концов, во всем есть смысл.

— Альф, ты меня слышишь? Вот и послушай.

Картер открыл панель радиопередатчика, ощупью нашел провод, расположение которого определил уже давно, и выдернул его. Радио оглушительно затрещало, а затем умолкло.

— Ты слышал это, Альф? Я только что выдернул радиомаяк. Теперь ты не сможешь меня найти, даже если очень захочешь.

— Я бы в любом случае не стал.

Только теперь Картер понял, что он сделал. Альф не мог его найти. После стольких миль и часов погони роли поменялись, и теперь Картер должен преследовать Альфа. А тому оставалось только ждать.

Темнота тяжелым занавесом опустилась на пустыню с запада.

Картер направился на юг, направился без промедления. Ему потребуется час или чуть больше, чтобы преодолеть хребет. Он должен в несколько прыжков достичь вершины, и выбрать дорогу ему поможет только свет фар. Мотор марсохода не поднимет его по такому крутому склону. На колесах можно будет спуститься, полагаясь только на удачу, потому что проделывать все это придется в полной темноте. Демос еще не взошел, а Фобос светит слишком тускло.

Все шло именно так, как задумал Альф. Загнать Картера к горам. Если он разобьется, забрать его баллоны и вернуться назад. Если же Картер поднимется наверх, объяснить, почему он должен вернуться. Выбрать время так,

чтобы ему пришлось возвращаться в темноте. Если он каким-то чудом справится со всем этим, то в запасе еще остается ракетница.

Картер мог преподнести в ответ лишь один сюрприз: пересечь хребет в шести милях к югу от того места, где его ждет Альф, и появиться с юго-востока.

А если Альф предусмотрел и такой маневр?

Это уже не имело значения. У Картера не оставалось другого выхода.

Первый подъем напоминал прыжок с завязанными глазами из шлюза корабля. Картер направил фары строго вниз, и, пока марсоход поднимался, круг света постепенно расширился и тускнел. Он повернул на восток. Поначалу марсоход не двигался с места, затем склон заскользил навстречу, и заскользил слишком быстро. Картер поехал назад. Казалось, ничего не произошло. Давление в резервуаре падало медленно, но все-таки падало. Склон оставался колеблющимся расплывчатым пятном, окруженным темнотой.

И вдруг возник перед носом с пугающей ясностью.

Удар потряс Картера от головы до самого копчика. Он замер, ожидая, что марсоход кувырком покатится по склону, но машина удержалась, хотя и угрожающе накренилась.

Картер сжался и прикрыл шлем руками. Две огромных капли пота, раздувшиеся при низком тяготении до размеров пушбольного шарика, упали на лицевой щиток и растекались по нему. В первый раз за все время он пожалел о том, что случилось. Он убил Лью, хотя удара по коленной чашечке хватило бы, чтобы вывести его из строя и преподать урок, который запомнится надолго. Он угнал марсоход, вместо того чтобы сдать и надеяться на снисхождение суда. Он прорвал купол, превратив каждого обитателя базы в своего заклятого врага. Он задержался, чтобы посмотреть, что случится дальше, хотя мог умчаться за горизонт еще до того, как Альф выберется из грузового шлюза. Картер прислонил сжатые кулаки к лицевому щитку, вспоминая, как самодовольно наблюдал за Альфам, заезжающим в шлюз.

Пора было готовиться ко второму прыжку. Он обещал быть просто ужасным. Требовалось взлететь по склону, наклонив марсоход под углом в тридцать градусов...

Стоп, подожди минуту.

Что-то было не так с марсоходом Альфа, когда он катил к шлюзу, а вокруг суетливо бегали остальные. Определенно что-то там было не так. Но что?

Он должен это понять. Картер сжал рукоятку дросселя реактивного двигателя и приготовился включить гироскопы, как только марсоход поднимется в воздух.

Альф все так тщательно спланировал. Почему же он отправился в погоню, взяв на один кислородный баллон меньше?

И если Альф действительно все продумал, то как он собирается забрать баллоны Картера, если тот разобьется?

Предположим, Картер налетит на склон горы прямо сейчас, на втором прыжке. Как Альф узнает об этом? Никкак, пока не наступит девять часов. Если Картер так и не появится, Альф поймет, что он потерпел аварию где-то по дороге. Но будет уже поздно.

Если только Альф не соврал.

Вот оно, вот что было не так, когда Альф заезжал в грузовой шлюз. Положи в багажник один кислородный баллон, и он будет торчать оттуда, как воспаленный большой палец. Загрузи полный багажник, а потом вытащи один баллон, и пустое место в шестиугольной емкости будет заметно так же, как Сэмми Дэвис¹ среди игроков футбольной команды из нацистского Берлина. Но там не было пустого места.

Если Картер разобьется сейчас, Альф узнает об этом и будет иметь в запасе еще четыре часа, чтобы отыскать его марсоход.

Картер выставил фары в нормальное положение, затем самоубийственно развернул марсоход кругом. Машина покачнулась, но не опрокинулась. Теперь он мог спуститься обратно, освещая дорогу фарами...

¹ *Сэмми Дэвис* — американский певец и киноактер афроамериканского происхождения, принявший иудаизм.

Девять часов. Если Картер в чем-то ошибся, то он уже покойник. Тогда Альф может прямо сейчас открепить шлем, с отчаянием в глазах гадая, куда подевался противник. Но если Картер все сделал правильно...

Альф кивнул самому себе, без улыбки, просто подтверждая свою догадку. Теперь ему предстояло решить, подождать ли еще пять минут, в надежде на то, что Картер просто задержался, или начинать поиски.

Картер сидел в темной кабине марсохода у подножия хребта, сжимая в левой руке гаечный ключ и не отводя взгляда от сверкающей стрелки пеленгатора.

Этот ключ оказался самым тяжелым в его комплекте инструментов. Там не нашлось ничего более острого, чем отвертка, но ею не проткнуть ткань скафандра.

Стрелка указывала точно на Альфа.

И она не двигалась с места.

Сколько еще он будет ждать?

Картер поймал себя на том, что говорит вслух, но негромко.

«Начинай же, идиот! Тебе нужно обыскать оба склона хребта. Оба склона и вершину. Начинай. Начинай скорей!

О боги! Радио выключено или нет? Да, тумблер опущен вниз.

Начинай».

Стрелка ожила. Чуть дернулась и замерла снова.

Она оставалась на месте еще семь или восемь минут. Затем дернулась в обратную сторону. Альф обыскивал другую сторону хребта.

И тут Картер увидел изъян в своем плане. Альф должен был решить, что Картер уже мертв. А если Картер мертв, то он больше не тратит кислород. У Альфа в запасе всего два часа, но он сам думает, что четыре!

Стрелка дернулась и отклонилась на значительное расстояние. Картер вздохнул и прикрыл глаза. Альф перебирается через хребет. Он разумно решил сначала обыскать этот склон, потому что, если он найдет мертвого Картера на этой стороне, то ему придется преодолеть хребет снова, чтобы вернуться домой.

Стрелка дернулась.

И еще раз. Сейчас он должен быть на вершине.

Затем долгий, медленный, размеренный спуск.

Свет фар. Очень слабый, с северной стороны. Неужели Альф повернул на север?

Он повернул на юг. Отлично. Фары светили все ярче... а Картер ждал в своем марсоходе, засыпанном песком по самое лобовое стекло у подножия хребта.

У Альфа все еще есть ракетница. Несмотря на уверенность в том, что Картер мертв, он мог держать оружие наготове. Но он включил фары и двигался медленно, преодолевая не больше пятнадцати миль в час.

Он должен проехать... ярдах в двадцати к западу.

В глаза ударил свет.

«Не смотри в мою сторону».

Через мгновение Картер выскочил из кабины и спустился по склону. Луч света переместился в сторону, и Картер направился следом, прыгая, как на Луне, отталкиваясь от песка обеими ногами, затем разводя их в секундном полете и снова вытягивая перед приземлением и следующим толчком.

Заключительным сверхдлинным кенгуриным прыжком он вскочил на багажник с кислородными баллонами, опираясь на локти и колени и держа ботинки на весу, чтобы металл не лязгнул по металлу. Одна рука ушла в пустоту на месте использованных и выброшенных баллонов. Неуклюжее тело попыталось скатиться на песок, но Картер не позволил ему это сделать.

Прямо перед ним виднелся прозрачный шлем Альфа. Голова внутри поворачивалась из стороны в сторону, обслеуя конус света, выхваченный фарами из темноты.

Картер подкрался, завис над головой Альфа, замахнулся ключом и ударил изо всех сил.

Пластик шлема покрылся паутиной трещин. Альф обернулся с открытым ртом и широко распахнутыми глазами, в которых читались удивление, ярость и страх. Картер ударил еще раз.

Трещин стало больше. Альф вздрогнул и наконец поднял ракетницу. Картер застыл на мгновение, заглянул в ад-

скую черноту дула, а затем нанес еще один удар, понимая, что он будет последним.

Ключ пробил прозрачный пластик, кожу и череп. Картер замер, опираясь коленями на кислородные баллоны, рассматривая ужасный результат своих действий. Затем поднял безжизненное тело за плечи, отбросил в сторону, забрался в кабину и остановил марсоход.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы отыскать свою машину, присыпанную песком, и еще больше — чтобы отрыть ее. Марсоход был в полном порядке. И времени еще оставалось много. Если он переправится через хребет к половине первого, то сможет добраться до базы на последних запасах воздуха.

У него не будет пространства для хитрых маневров. Но ведь Картер появится там за час до рассвета, и никто его не заметит. Завтра к полудню они перестанут ожидать его или Альфа, даже если не знают о том, что Альф отказался повернуть назад.

Воздух вырвется из купола раньше, чем кто-либо успеет надеть скафандр.

Потом Картер починит купол и снова наполнит его воздухом. Через месяц Земля узнает о случившемся несчастье: как метеорит упал прямо на край купола, а Картер находился в это время снаружи, единственный, на ком был скафандр. Его доставят домой, и остаток жизни он проведет в попытках забыть эту историю.

Картер знал, какие из его баллонов опустели. У каждого на базе был свой способ расставлять их в багажнике. Он выбросил шесть пустых баллонов и остановился. Жаль, что пришлось от них избавиться. Трудно будет найти замену.

Не зная, как расставлял свои баллоны Альф, Картер вынужден был проверить каждый из них.

Альф уже выбросил несколько пустых емкостей. (Чтобы освободить место для баллонов Картера?) Один за другим Картер открывал вентили. Если вентиль начинал шипеть, Картер ставил баллон в свой багажник, если нет — оставлял на месте.

Зашипел один. Всего один.

Пять кислородных баллонов. Он не сможет проехать тридцать часов с пятью баллонами.

Альф где-то спрятал оставшиеся три баллона, чтобы потом подобрать их. На самый крайний случай — если все пройдет не так, как он задумал, — чтобы Картер, даже сумев захватить его марсоход, все равно не добрался бы до базы живым.

Конечно, Альф должен был оставить баллоны в таком месте, где смог бы легко их отыскать. Скорее всего, спрятал где-то неподалеку, потому что все время оставался на виду, пока Картер не перебрался через хребет. Кроме того, у Альфа был только один баллон, чтобы добраться до остальных. Они где-то близко, но у Картера в запасе всего два часа, чтобы найти их.

На самом деле они должны лежать по ту сторону хребта, понял Картер. На этой стороне Альф ни разу не оставался.

Впрочем, он мог оставить баллоны на склоне, во время паузы между прыжками к вершине...

В безумной спешке Картер вскочил в марсоход и поднял его в воздух, освещая фарами путь.

Первые лучи красного солнца застали Ли Казинса и Руфуса Дулиттла за пределами купола. Они рыли могилу. Казинс стоически молчал, со смесью жалости и отвращения выслушивая непрерывные излияния Руфа.

— ...Первым человеком, которого похоронят на другой планете. Думаешь, Лью это понравилось бы? Нет, он ни за что бы не согласился. Он сказал бы, что ради этого не стоило умирать. Он хотел бы вернуться домой. Как и собирался, на следующем корабле...

Требовалась немалая сноровка, чтобы удержать песок на широком совке лопаты. Он стекал, как вязкая жидкость.

— Я пытался объяснить Старшему: Лью предпочел бы, чтобы его похоронили в колодце. Но Старший не захотел ничего слушать. Он сказал, что марсианам может... Эй!

Казинс поднял голову и различил какое-то размеренно движущееся пятно на кромке кратера. «Марсианин!» — первым делом подумал он. Что еще могло здесь двигаться? Затем он понял, что это марсоход.

Для Ли Казинса это было все равно что восставший из могилы покойник. Пока он пребывал в оцепенении, марсоход, словно слепое существо, продолжал двигаться по наклонным глыбам остекленевшей породы, едва касаясь песка на дне кратера. Краем глаза Казинс заметил, как отлетела далеко в сторону лопата Дулиттла, когда тот помчался к куполу.

Марсоход скользнул по песку и снова начал подниматься на кратер. Оцепенение Казинса прошло, и он побежал к последнему оставшемуся на базе марсоходу.

Призрак двигался с небольшой скоростью. Казинс перехватил его в миле от кромки кратера. В кабине сидел Картер, намертво вцепившись в лежавший на коленях шлем.

— Должно быть, направил марсоход по пеленгатору, — сообщил на базу Казинс, — когда почувствовал, что воздух кончается. Нужно отдать Картеру должное, — добавил он и поднял лопату со второй могилы. — Ему это почти удалось. Он вернул нам марсоход.

Сразу после восхода маленькое двуногое существо появилось из-за холма на востоке. Оно подошло к распростертому телу Альфа Харнесса, тонкими руками взяло его за ногу и потащило по песку, словно муравей — тяжелую хлебную крошку. Ему потребовалось двадцать минут, чтобы добраться до марсохода, но за это время оно ни разу не остановилось отдохнуть.

Отпустив добычу, марсианин взобрался на груды пустых кислородных баллонов и заглянул в багажник, затем снова посмотрел на труп. Маленькое и слабое существо нипочем не смогло бы поднять такую тяжесть.

Марсианин, казалось, вспомнил о чем-то. Он спустился с кучи баллонов и забрался под днище марсохода.

Несколько минут спустя он вылез, таща за собой длинную нейлоновую ленту. Он обвязал концами ленты лодыжки Альфа, а середину накинуд петлей на буксировочный крюк марсохода.

Какое-то время он постоял возле разбитого шлема Альфа, раздумывая, что делать дальше. Голова Альфа могла пострадать при такой транспортировке, но она и так не

представляла ценности. Там, где диоксид азота соприкасался с жидкостью, образовалась пузырящаяся азотная кислота. Остальная же часть тела оставалась твердой и сухой.

Существо забралось в кабину, повозилось там на удивление недолго, и марсоход тронулся с места. Через двадцать ярдов он резко остановился. Марсианин вылез из кабины и обошел машину сзади. Он встал на колени рядом с тремя кислородными баллонами, привязанными к днищу нейлоновой лентой, открыл один за другим вентили и испуганно отпрыгнул, когда с шипением начал вырываться ядовитый газ.

Через несколько минут марсоход двинулся дальше. Кислородные баллоны пошипели еще какое-то время, а потом затихли.

ЧЕЛОВЕК-ПАЗЛ

За двести лет развития технология трансплантации добилась признания... и столкнулась со специфическими проблемами. Поясу удалось избежать серьезных социальных последствий. Земле не удалось.

Л. Н.

В 1900 году Карл Ландштейнер предложил деление человеческой крови на четыре группы: А, В, АВ и 0, по принципу несовместимости. Впервые появилась возможность провести переливание крови пациенту с определенной надеждой на то, что это его не убьет.

Движение за отмену смертной казни, едва успев возникнуть, уже было обречено.

Vh83uOAGn7 — это был номер и его телефона, и водительской лицензии, и страхового свидетельства, и кредитной карты, и медицинской карты. Страховое свидетельство и кредитная карта были аннулированы, остальное перестало иметь значение, за исключением медицинской карты. Его звали Уоррен Льюис Ноулз. И он должен был умереть.

До суда оставались еще целые сутки, но приговор не становился от этого менее бесспорным. Лью виновен. Если кто-то и сомневался в этом, то у обвинения имелись непробиваемые доказательства. Завтра в восемнадцать ноль-ноль Лью приговорят к смертной казни. Брокстон может подать апелляцию на том или ином основании. Но апелляция будет отклонена.

Небольшая уютная камера была обита мягким пластиком. И вовсе не из-за сомнений во вменяемости заключенного, хотя невменяемость и не могла оправдать нару-

шение закона. С трех сторон стенами служила решетка. Четвертую — внешнюю — бетонную стену выкрасили в успокаивающий зеленый цвет. Прутья решетки, отделявшей Лью от угрюмого старика слева и здоровенного, но слабоумного на вид подростка справа, были четырех дюймов в толщину и отстояли один от другого на восемь дюймов. Они тоже были покрыты силиконовым пластиком. Уже в четвертый раз за день Лью вцепился пальцами в пластик, пытаясь отодрать его. Материал напоминал пористую резину с твердой сердцевинкой, толщиной с карандаш, и не желал рваться. Стоило разжать пальцы, как он снова принимал идеальную цилиндрическую форму.

— Это несправедливо, — сказал Лью.

Подросток никак не отреагировал. Все десять часов, что Лью провел в этой камере, парень просидел на краю койки. Длинные черные волосы закрывали его лицо, изогнутая тень на полу постепенно темнела. Только во время еды он шевелил волосатыми руками, а все остальные части тела оставались в полной неподвижности.

Старик, услышав голос Лью, поднял голову и спросил с горьким сарказмом:

— Тебя оклеветали?

— Нет, я...

— Ну что ж, по крайней мере, ты ответил честно. Так что ты сделал?

Лью рассказал. Но не смог при этом сдержать нотки оскорбленной невинности. Старик насмешливо посмотрел на него и кивнул, словно ожидал чего-то похожего.

— Глупость. Глупость всегда каралась смертной казнью. Если уж тебе так хотелось, чтобы тебя казнили, то почему не сделал что-то действительно серьезное? Видишь этого парня с другой стороны от тебя?

— Конечно, — сказал Лью, не оглядываясь.

— Он органлеггер.

Лью застыл от ужаса. Он собрался с силами и еще раз посмотрел в соседнюю камеру — и вздрогнул каждым нервом своего тела. Тусклые темные глаза под копной волос уставились на него. Взгляд парня был оценивающим, так мясник мог бы смотреть на старую корову.

Лью плотней прижался к решетке, отделявшей его от старика, и спросил хриплым шепотом:

— Сколько человек он убил?

— Ни одного.

— Как это?

— Он был добытчиком. Искал по ночам одиночек, опаивал их наркотой и привозил к хирургу, который управлял всей бандой. Именно врач совершил все убийства. Если бы Берни доставил мертвого донора, хирург содрал бы шкуру с него самого.

Старик сидел прямо за спиной у Лью и поворачивался чуть ли не кругом, чтобы поговорить с соседом. Но теперь старик как будто утратил всякий интерес к беседе. Он нервно шевелил руками, скрытыми от Лью его костлявой спиной.

— И скольких он добыл?

— Четверых. А потом его поймали. Он не очень сообразителен, этот Берни.

— А ты за что оказался здесь?

Старик не ответил. Он больше не обращал внимания на Лью, его руки продолжали дергаться.

Лью пожал плечами и лег на койку.

Это было в четверг, в семь часов вечера.

В банде орудовали трое добытчиков. Берни пока не вызвали в суд. Второй добытчик был уже мертв, он пытался спрыгнуть с пешеходной дорожки, когда милосердная пуля впиалась ему в плечо. Третьего отвезли в клинику рядом со зданием суда.

Юридически он был еще жив. Ему вынесли приговор, отклонили прошение о помиловании, но он был еще жив, когда его доставили в операционную.

Интерны подняли его на операционный стол и вставили мундштук в рот, чтобы он мог дышать, когда его опускали в замораживающую жидкость. Опустили его мягко, без единого всплеска, и, едва температура тела начала понижаться, в вену ввели еще что-то. Приблизительно полпинты препарата. Температура продолжала падать, сердце билось все реже, пока наконец не остановилось. Но оно могло заработать снова. В этот момент человек еще имел

возможность получить отсрочку приговора. Юридически органлеггер был еще жив.

Операцию выполнял ряд автоматов, соединенных ленточным конвейером. Когда температура тела опустилась до нужной отметки, конвейер заработал.

Первый аппарат сделал несколько надрезов на груди приговоренного. Механические хирурги умело и методично провели кардиотомию.

После этого органлеггер уже был юридически мертв.

Его сердце немедленно отправили в хранилище. За ним последовала кожа, большую часть которой сняли одним куском, и при этом она оставалась живой. Механические хирурги расчленили тело с предельной аккуратностью, словно разбирали огромный хрупкий и эластичный пазл. Мозг выжгли короткой вспышкой, поместили пепел в погребальную урну. Все остальное — большими кусками и крохотными комочками, тонкими, как пергамент, пластинками и длинными трубками — убрали на хранение в банк органов клиники. Каждый орган могли в любой момент упаковать и переправить в любую точку Земли не более чем за час. И если все сложится удачно, если подходящие пациенты с подходящей болезнью обратятся к врачам в нужное время, органлеггер может спасти больше человеческих жизней, чем до этого погубил.

В этом и заключался весь смысл.

Лью лежал на спине и смотрел тюремный телевизор, когда его вдруг заколотил озноб. Ему не хватило сил или желания, чтобы вставить наушники, и теперь беззвучное движение мультяшных героев пугало его. Он выключил телевизор, но это не помогло.

Его разделят на части. Их унесут одну за другой. Он никогда не видел банка органов, но его дядя был хозяином мясной лавки.

— Эй! — закричал Лью.

Парень из соседней камеры поднял глаза — единственную живую часть своего тела. Старик оглянулся через плечо. Надзиратель в конце коридора оторвался на мгновение от книги, а затем продолжил чтение.

Ужас скрутил живот Лью и уже подкатывал к горлу.

— Как вы только это выносите?
Парень опустил глаза, а старик спросил:
— Что выносим?
— Разве ты не знаешь, что с тобой сделают?
— Только не со мной. Меня не получится разделать, как свинью.

В одно мгновение Лью оказался возле решетки:

— Почему?

Старик ответил очень тихо:

— Потому что в моей бедренной кости спрятана бомба. Я сам себя взорву. Тем, что от меня останется, нельзя будет воспользоваться.

Надежда, воспрянувшая было от слов старика, отхлынула, оставив одну горечь.

— Что за бред? Как ты засунул бомбу себе в бедро?

— Удалил кость, просверлил ее продольно, положил внутрь мину, очистил всю кость от органики, чтобы не загноилась, и вернул на место. Мои красные кровяные шарики сами проведут обратный отсчет. Вот о чем я хотел тебя спросить: ты согласен присоединиться ко мне?

— В чем присоединиться?

— Прижмись к решетке, и эта штуковина позаботится о нас обоих.

Лью отшатнулся.

— Ну что ж, твое дело, — сказал старик. — Я ведь так и не объяснил, за что здесь оказался? Я хирург. Тот самый, на которого работал Берни.

Лью попытался к дальней решетке, уперся в нее спиной и оглянулся. Парень стоял всего в двух футах, тупо уставившись ему прямо в глаза. Органлеггеры! Он зажат между убийцами!

— Я знаю, как это выглядит, — продолжил старик. — Но со мной номер не пройдет. Если не хочешь умереть чистой смертью, то спрячься за койку. Она достаточно крепкая.

Койка представляла собой подпружиненный матрас, установленный на бетонном возвышении. Лью свернулся в позе эмбриона и закрыл лицо руками. Он определенно не хотел умирать прямо сейчас.

Ничего не произошло.

Подождав немного, он открыл глаза, опустил руки и огляделся.

Парень смотрел на него. В первый раз за все это время по его лицу расплылась мрачная усмешка. Охранник, обычно сидевший в кресле в конце коридора, теперь стоял возле решетки и обеспокоенно наблюдал за ним.

Кровь прихлынула к лицу Лью. Старик разыграл его. Он начал подниматься с пола...

И тут мир расплющило тяжелым молотом.

Охранника отбросило на решетку по другую сторону коридора, и теперь он лежал на полу без сознания. Длинноволосый парень поднимался из-за своей койки, тряс головой. Кто-то застонал, затем стон перерос в вопль. В воздухе висела цементная пыль.

Лью встал на ноги.

Кровь красным масляным пятном заливала все вокруг. Лью изо всех сил — а сил у него было не много — пытался разыскать хоть какой-нибудь след старика, но так и не смог.

Если не считать дыры в стене.

Должно быть, старик стоял... прямо... здесь.

Дыра была такой большой, что Лью смог бы пробраться в нее, если бы оказался в камере старика. Обивку решетки из силиконового пластика разорвало в клочья, остались лишь толстые металлические прутья.

Лью попытался протиснуться между ними.

Прутья завибрировали, но совершенно беззвучно. Лью внезапно почувствовал сонливость. Он вжимался в пространство между прутьями решетки, борясь с поднимающейся паникой и сигналами звукового парализатора, вероятно включившегося автоматически.

Прутья решетки не поддавались, зато его тело гнулось без труда. К тому же решетка была скользкой от... Лью пробрался в камеру старика. Он высунулся в дыру и посмотрел вниз.

Очень высоко. Так высоко, что закружилась голова.

Здание суда округа Топика было средних размеров небоскребом, а камера Лью, видимо, располагалась на самом верхнем этаже. Он снова посмотрел вниз, на гладкую бе-

тонную стену с встроенными заподлицо оконными рамами. Не было никакой возможности дотянуться до них и открыть или разбить стекло.

Парализатор подавлял волю. Лью давно бы уже потерял сознание, если бы его голова оставалась в камере, как все остальное. Он заставил себя развернуться и посмотреть вверх.

Это действительно был последний этаж. До края крыши всего два-три фута. Но Лью не мог дотянуться до него без...

Он забрался в дыру целиком.

Будь что будет, но банк органов ничего от Лью не получит. Движение вниз было таким оживленным, что размозжило бы по асфальту все его ценные внутренности. Он уселся на край дыры, для равновесия вытянув ноги в сторону клетки и прижавшись грудью к стене. Затем поднял руки и потянулся к крыше. Не достать.

Тогда Лью поджал одну ногу под себя, оттолкнулся и прыгнул.

Он уже начал сползать вниз, когда наконец уцепился за край крыши. И взвизгнул от неожиданности, но было уже поздно. Крыша, за которую он держался, медленно двигалась! Прежде чем Лью успел разжать пальцы, его выволокло из дыры. Теперь он раскачивался в воздухе, и его уносило все дальше.

Крыша оказалась самодвижущейся пешеходной дорожкой.

Он не мог забраться наверх, не имея опоры под ногами. У него просто не хватило бы на это сил. Дорожка двигалась к крыше другого здания, находившегося на той же высоте. И она доставит туда Лью, если только он сумеет удержаться.

Окна этого здания также были закрыты из-за смога, но под ними были карнизы. Возможно, у Лью получится разбить стекло.

А возможно, и нет.

Руки растягивала мучительная боль. Так просто разжать пальцы... Но нет. Лью не совершал преступления, которое заслуживало бы смертной казни. Он не хотел умирать.

Первые десятилетия двадцатого века движение продолжало расширяться. Оно приняло международный масштаб и добивалось лишь одной цели — заменить смертную казнь тюремным заключением с последующей реабилитацией во всех странах, где только возможно. Его сторонники утверждали, что убийство человека, совершившего преступление, уже ничему его не научит, что оно не станет средством устрашения для других людей, задумавших такие же преступления. Смертная казнь необратима, в то время как несправедливо осужденный может быть выпущен из тюрьмы, если его невиновность будет доказана. Убийство, по их словам, не имело никакой полезной цели, за исключением мести. А месть — недостойное стремление для цивилизованного общества.

Возможно, они были правы.

В 1940 году Карл Ландштейнер и Александр Винер опубликовали доклад о резус-факторе человеческой крови.

К середине века большинство убийц приговаривались к пожизненному заключению или к еще менее суровому наказанию. Многие потом возвращались к нормальной жизни, кто-то полностью реабилитированный, кто-то — нет. Смертная казнь еще применялась в некоторых штатах за похищение людей, но было все трудней убедить присяжных вынести такой приговор. Точно так же обстояло дело с обвинениями в убийстве. Преступник, объявленный в розыск за ограбление в Канаде и за убийство в Калифорнии, не соглашался на экстрадицию в Канаду; в Калифорнии он мог рассчитывать на большее снисхождение. Многие государства вообще отменили смертную казнь. Но Франция этого не сделала.

Реабилитация преступников превратилась в главную задачу научной и практической психологии.

Но...

Банки крови и плазмы уже распространились по всему миру.

Пациентов с почечной болезнью уже можно было спасти путем пересадки почки, взятой у однойяйцевого близнеца. Близнецы были не у всех, и один парижский хирург начал использовать в качестве доноров близких родствен-

ников, разработав стобалльную шкалу совместимости, чтобы можно было заранее предсказать, насколько успешно пройдет операция.

Пересадка глаза также была уже широко распространена. После своей смерти донор глаза мог спасти чье-то зрение.

Человеческие кости издавна можно было трансплантировать, если заранее очистить их от остатков органического вещества.

Так обстояли дела в середине столетия.

Но к 1990 году стало возможным сохранить любой человеческий орган в течение любого разумного периода. Трансплантация стала обычной операцией благодаря «скальпелю бесконечно малой толщины» — лазеру. Многие люди завещали свои тела банкам органов. Лобби похоронных агентств ничего не могло с этим поделать. Но такие дары от умерших не всегда можно было использовать.

В 1993 году Вермонт первым принял закон о банках органов. В этом штате всегда действовала смертная казнь. Теперь приговоренный мог знать, что его смерть спасет чью-то жизнь. Утверждение о том, что смертная казнь не приносит никакой пользы, перестало быть истиной. Во всяком случае, в Вермонте.

А потом и в Калифорнии. И в Вашингтоне. И в Джорджии, Пакистане, Англии, Швейцарии, Франции, Родезии...

Пешеходная дорожка двигалась со скоростью десять миль в час. Под ней, не заметный прохожим, возвращающимся вечером с работы, и полуночникам, еще только начинающим прогулку, висел Льюис Ноулз, присматриваясь к проплывающему внизу карнизу. Карниз был не больше двух футов в ширину и проходил в добрых четырех футах ниже вытянутых ног Лью.

Он спрыгнул.

Как только ноги коснулись карниза, Лью уцепился за оконную раму. Инерция полета едва не сбросила его вниз, но он все же устоял. И только спустя долгое мгновение позволил себе с облегчением вздохнуть.

Он не знал, что это за здание, но оно явно не было пустым. В девять часов вечера в нем еще светились все окна.

Лью заглянул в одно из них, стараясь держаться как можно дальше от света.

Это был кабинет. Пустой.

Чтобы разбить окно, нужно было чем-нибудь обернуть руку. Но на Лью остались только мягкие тапочки и тюремный джемпер. Впрочем, вряд ли он мог стать более заметным, чем сейчас. Он стащил с себя джемпер, обмотал во круг кулака и ударил по стеклу.

И едва не сломал руку.

Что ж... к счастью, ему разрешили оставить при себе ценности: наручные часы и кольцо с бриллиантом. Лью прочертил камнем окружность на окне, надавил на него и снова ударил свободной рукой — в надежде, что это все-таки стекло; если это пластик, ему конец.

Стекло вывалилось, оставив почти идеально круглое отверстие.

Лью пришлось проделать эту операцию шесть раз подряд, прежде чем отверстие стало достаточно широким, чтобы он смог пролезть.

Он усмехнулся, все еще держа в руке джемпер. Теперь нужно только найти лифт. Полицейские немедленно задержали бы его, появившись он на улице в тюремном джемпере, но если оставить одежду здесь, то ему ничего не будет угрожать. Кто может заподозрить лицензированного нудиста?

Вот только лицензии-то у Лью как раз и не было. И сумочки, в которую ее можно положить.

И бритвы.

Вот это совсем плохо. Таких заросших нудистов не бывает. Не просто легкая щетина, проступившая к вечеру, а настоящая борода по всему телу, если можно так выразиться. Где же взять бритву?

Лью принялся рыться в ящиках стола. Многие офисные работники держат в столе запасную бритву. Он остановился в разгаре поиска. И вовсе не потому, что нашел бритву, а потому, что понял, куда он попал. Документы на столе объясняли слишком хорошо.

Клиника.

Его рука все еще сжимала тюремный джемпер. Лью положил его в мусорную корзину, аккуратно прикрыл бумагами и чуть ли не рухнул в кресло у стола.

Клиника. Он выбрал клинику. Построенную рядом со зданием суда округа Топика по простым и понятным причинам.

Хотя на самом деле он ее не выбирал. Это она его выбрала. Принял ли он хоть одно решение в жизни без подстрекательства со стороны? Друзья занимали у него деньги и не отдавали, мужчины уводили его девушек, и он не получал повышений по службе благодаря своей уникальной способности вызывать всеобщее игнорирование. Ширли угрозами заставила его жениться на себе, а через четыре года сбежала с другом, которого ей не удастся запугать.

Даже сейчас, когда жизнь, возможно, подошла к концу, ничего не изменилось. Старейший похититель тел подарил ему шанс на спасение. Инженер спроектировал клетку таким образом, чтобы худой человек мог пролезть между прутьями решетки. Другой инженер построил пешеходную дорожку на крышах двух соседних зданий. И вот Лью здесь.

Хуже всего, что здесь не будет ни малейшего шанса выдать себя за нудиста. Как минимум нужно раздобыть белый халат и хирургическую маску. Даже нудистам иногда приходится носить одежду.

Шкаф?

Там не оказалось ничего, кроме элегантной зеленой шляпы и совершенно прозрачной накидки от дождя.

Можно уносить ноги. Если Лью еще раздобудет бритву, то окажется в безопасности, как только выберется на улицу. Он готов был кусать кулаки из-за того, что не знает, где расположен лифт. Придется положиться на удачу. Лью снова принялся обыскивать ящики.

Он уже нащупал кожаный футляр бритвенного прибора, когда распахнулась дверь и в помещение ворвался здоровенный детина в белом халате. Интерн (живых хирургов в таких клиниках не держали) подошел к столу и только тогда заметил склонившегося над ящиком Лью. Детина остановился и раскрыл рот от удивления.

Лью закрыл его ударом кулака, в котором сжимал футляр от бритвы. Челюсти здоровяка со щелчком захлопнулись. Он упал на колени, и Лью проскочил мимо него к двери.

Лифт оказался в холле сразу за кабинетом, двери были открыты. Никто из них не выходил. Лью рванул в кабину и ткнул в клавишу «0». Пока лифт опускался, его пассажир побрился. Бритва срезала волоски быстро и чисто, только немного жужжала. Он как раз выбривал себе грудь, когда двери открылись.

Худущая девушка-лаборантка возникла прямо перед ним с тем бессмысленным выражением лица, с каким обычно ждут лифта. Она проскользнула в кабину, торопливо бормоча извинения и едва взглянув на Лью. Он так же быстро шагнул на выход. И только когда двери захлопнулись, сообразил, что вышел не на том этаже.

Чертова лаборантка! Она остановила лифт, когда тот еще не доехал!

Лью развернулся и ударил кулаком по кнопке «вниз». И тут до него дошло, что именно он увидел при беглом осмотре. Лью снова закрутил головой.

Огромная комната была заставлена стеклянными емкостями высотой до потолка, среди них можно было заблудиться, как в лабиринте библиотечных стеллажей. В емкостях было выставлено то, перед чем меркли все ужасы Бельзена¹. Черт возьми, они же когда-то были людьми! Нет, Лью не хотел смотреть на это. Он усталился на двери лифта. Почему лифт занят так долго?

И тут завывла сирена.

Жесткий кафельный пол завибрировал под босыми ногами. Мышцы онемели, а душу охватила апатия.

Лифт подошел... но слишком поздно. Лью заблокировал стулом двери, чтобы не смогли закрыться. Обычно в таких зданиях нет лестниц, только дополнительный лифт. Им-то и придется воспользоваться охране, чтобы поймать беглеца. Но где этот второй лифт? У Лью не было времени выяснять. Он все сильнее ощущал сонливость, должно быть, на эту комнату направлены несколько парализаторов. Попад под луч одного из них, интерны становились немного расслабленными и неуклюжими. Но под воздей-

¹ Берген-Бельзен — нацистский концентрационный лагерь на территории Германии.

ствием сразу двух излучателей Лью должен потерять сознание. Только не сейчас.

Сначала нужно кое-что сделать.

Когда охранники ворвутся сюда, у них будет причина, чтобы убить его на месте.

Стенки емкостей были не из стекла, а из особого прозрачного пластика. Чтобы не вызвать при соприкосновении со стенкой защитной реакции у хранящихся внутри бесчисленных человеческих органов, пластик должен обладать уникальными свойствами. Но ни один инженер не задумался над тем, чтобы сделать его еще и ударопрочным!

Пластик разбивался очень легко.

Позднее Лью много размышлял над тем, как ему удалось продержаться так долго. Успокаивающий шепот звукового парализатора пригибал его к полу, и с каждым мгновением тот казался все более мягким и удобным. А стул, которым размахивал Лью, становился все тяжелей. Но пока Лью мог его поднять, он продолжал разбивать емкости. Пол был уже по колено залит питательным раствором, в нем плавали умирающие органы, задевая лодыжки Лью. Он не выполнил и трети работы, когда беззвучная песня излучателей пересилила его.

Он упал.

И после всего этого о разбитых хранилищах для органов никто даже не вспомнил!

Сидя в зале суда и слушая монотонный шум разбирательства, Лью наклонился к уху мистера Брокстона и задал вопрос.

— А зачем вспоминать? — улыбнулся в ответ мистер Брокстон. — Они считают, что у них и так достаточно улик против вас. Вот если вам удастся выйти сухим из воды, тогда вас обвинят в злонамеренном уничтожении ценных медицинских ресурсов. Но они уверены, что вам не уйти от наказания.

— А вы?

— Боюсь, что они правы. Но мы попытаемся что-то сделать. Сейчас Хеннеси начнет зачитывать обвинение. Вы сможете принять оскорбленный и негодующий вид?

— Конечно.

— Хорошо.

Прокурор зачитал обвинение, и его голос, пробивающийся из-под тонких светлых усов, звучал как голос самой судьбы. Уоррен Льюис Ноулз выглядел оскорбленным и негодующим, но на самом деле ничего похожего не чувствовал. Он заслуживал смерти за то, что натворил.

Причиной всему были банки органов. При наличии искусных врачей и достаточного поступления новых материалов в банки органов каждый налогоплательщик мог надеяться прожить неопределенно долго. Кто станет голосовать против вечной жизни? Смертная казнь обеспечивала бессмертие, и присяжные требовали ее за любое преступление.

Льюис Ноулз нанес им тяжелый удар.

— Обвинение может доказать, что Уоррен Льюис Ноулз за последние два года шесть раз преднамеренно проехал на красный свет. За тот же период вышеупомянутый Уоррен Ноулз не меньше десяти раз превышал скорость, причем однажды на целых пятнадцать миль в час. У него всегда была неважная репутация. Мы можем предъявить запись о его аресте в 2082 году за вождение в нетрезвом виде, и тогда он был оправдан только с помощью...

— Протестую!

— Протест принят, адвокат. И поскольку он уже был оправдан, суд должен и сейчас признать его невиновным.

МИР ПТАВВОВ

Это всегда был миг — настолько краткий, что его не удалось измерить, и притом тянувшийся слишком долго. В этот миг казалось, что каждый разум во Вселенной, когда-то существовавший или еще не возникший, обрушивается на тебя свои сильнейшие эмоции.

Потом все закончилось. Звезды снова сменились.

Даже для Кзанола, который был неплохим астроготором, не имело смысла гадать, где сейчас находится корабль. На скорости 0,93 от световой, скорости, при которой усредненная масса Вселенной становится достаточно большой, чтобы позволить вход в гиперпространство, звезды неузнаваемы. Впереди они сверкают жгучей голубоватой белизной. Позади они тускло-красны, точно россыпь угольков. По сторонам расплющены в крошечные линзы. И поэтому Кзанол посасывал гнал, пока панель корабельного мозга не издала глухой стук, и лишь тогда пошел посмотреть.

Экран бортового мозга показывал: «Новая оценка времени полета до Тринтуна — 1,72 дня».

«Не очень-то удачно», — решил Кзанол.

Он должен был выйти намного ближе к Тринтуну. Но для гиперпространственного корабля время достижения гавани определяется более везением, чем умением. Принцип неопределенности — закон для гиперпространства. Беспокоиться не стоило. Фузор перезарядит батарею только через несколько часов.

Кзанол развернул кресло кругом, чтобы рассмотреть звездную карту на стене. Мерцающая сапфировая булавка, казалось, озаряла всю кабину. Какой-то миг он купался в ее лучах — лучах безграничного богатства. Потом вскочил и начал печатать на панели мозга.

Разумеется, причина для беспокойства была. Возможно, прямо сейчас обладатель такой же карты с булавкой в той же ее точке, где Кзанол водрузил свой сапфировый маркер, спешит подать заявку. Власть над целым миром рабов, причем пожизненная, — законное право Кзанола; но только при условии, что он первым достигнет Тринтуна.

Он напечатал: «Сколько времени будет заряжаться батарея?»

Панель почти сразу стукнула. Но Кзанол не успел получить ответ.

Внезапно сквозь заднее окно хлынул ослепительный свет. Кресло превратилось в кушетку, громко зазвенела музыкальная нота, и навалилась тяжесть. Ужасная тяжесть. Корабль не был рассчитан на столь большое ускорение. Это длилось около пяти секунд. Потом...

Грохот — как будто по кораблю шарашнули створки гигантской свинцовой двери.

Давление ослабло. Кзанол поднялся на ноги и уставился через заднее окно на светящееся облако — раньше оно было фузором. У машины нет сознания, которое можно было бы прочесть. И если машина решила предать тебя, ты нипочем не узнаешь этого заранее.

Панель мозга снова ухнула. Он прочел: «Время для перезарядки батареи...» Далее шел спиральный иероглиф, знак бесконечности.

Прижав лицо к пластине из плавленого алмаза, Кзанол наблюдал, как горящая энергостанция скрывается среди звезд. Мозг, должно быть, сбросил ее в тот момент, когда она стала опасной. Вот почему она летит в полумиле за кораблем: потому что фузоры иногда взрываются. На миг, перед тем как Кзанол окончательно потерял ее из виду, свет снова вспыхнул ярче солнца.

«Бум!» — сказал мозг.

Кзанол прочел: «Новая оценка времени полета до Тринтуна» — и знак спирали.

Ударная волна от удаленного взрыва достигла корабля. Звук напоминал хлопок двери.

Теперь можно не спешить. Кзанол долго стоял перед настенной картой, глаза на сапфировую булавку.

Крошечная звездочка в крошечном самоцвете подмигивала, суля ему два миллиарда рабочих в полностью индустриализованном мире; суля богатство и власть, превосходящие даже то, что было доступно его деду, великому Ракарливу; суля сотни жен и десятки тысяч слуг, которые будут исполнять все его капризы на протяжении долгой праздной жизни. Он ритмично жевал, и пищевые усики по углам рта произвольно извивались, точно потревоженные земляные черви. Его сознание было заполнено запоздалыми сожалениями.

Когда тнуктипские рабы Плорна создали антигравитацию, его деду следовало продать плантацию. Плорна можно и нужно было вовремя убить. Кзанолу следовало оставаться на Тринтуне, даже если бы пришлось добывать средства существования, трудясь до изнеможения. Ему следовало приобрести запасной фузор, а не второй скафандр, роскошную противоперегрузочную кушетку, набор ароматизаторов для системы, вырабатывающей воздух, и сапфировую булавку, купленную на последний коммерциал.

Был день, когда он сидел, вцепившись в сине-зеленый шнур, который мог сделать его либо владельцем космического корабля, либо безработным и нищим. Вокруг все мчался и мчался сгорбленный белый скелетоподобный образ: скаковой виприн-мутант, самое быстрое животное в Галактике. Но ради Силы! Его скакун оказался быстрее всех. Если б он только выбросил тогда эту нить...

Еще какое-то время Кзанол вспоминал свою жизнь на обширной плантации, где стал взрослым: «Ракетные бревна Кзатита», с фактической монополией на твердотопливные деревья. Ах, вот бы вернуться туда... Но территория «Ракетных бревен Кзатита» уже десять лет назад превратилась в посадочную площадку космопорта.

Он подошел к шкафу и надел скафандр. Там их было два, включая запасной, купленный на случай отказа первого. Глупо. Если скафандр подведет, все равно умрешь.

Кзанол провел толстым пальцем вокруг аварийной кнопки на груди. Скоро она понадобится; но пока не время. Есть еще другие дела. Нужно обеспечить себе лучшие шансы на выживание.

На панели бортового мозга он напечатал: «Рассчитай курс на любую цивилизованную планету с минимальным временем полета. Сообщи срок прибытия».

Мозг довольно замурлыкал. Иногда Кзано́л думал, что тот бывает счастлив, только когда трудится изо всех сил. Он часто старался отгадать мысли машины, лишённые эмоций. Раздражало, что нельзя прочесть ее сознание. Подчас его даже беспокоила неспособность отдавать мозгу команды иначе как через панель управления. Возможно, мозг был слишком чужим; тринты никогда не вступали в контакт с чем-либо, кроме протоплазменной жизни. Дожидаюсь ответа, Кзано́л в порядке эксперимента попытался дотянуться до спасательного выключателя на спине.

Не получилось; но это и менее всего беспокоило. При нажатии на аварийную кнопку включится стазисное поле скафандра и время внутри его перестанет течь. Только аварийный выключатель будет немного выдаваться из поля. Он специально размещен таким образом, чтобы его мог нажать спаситель Кзано́ла, а не сам Кзано́л.

Бум! «Ответ не найден» — показал экран.

Вздор! Потенциал батареи огромен. Даже после гиперпространственного прыжка она должна содержать достаточно энергии, чтобы направить корабль к какой-либо цивилизованной планете. Почему же мозг?..

И тут Кзано́л понял. Корабль, вероятно, имел запас энергии, чтобы достичь нескольких миров, но не так много, чтобы потом замедлиться до скорости любой конкретной планеты. Что ж, все правильно. В стазисном поле Кзано́лу будет все равно, с какой скоростью он врежется.

Он напечатал: «Не учитывать торможение по прибытии. Покажи курс на любую цивилизованную планету. Минимизируй время полета».

На ответ потребовалось лишь несколько секунд.

«Время полета до Автпруна — 72 тринтунских года, 100,48 суток».

Автпрун. Что ж, не так важно, куда Кзано́л попадет; как только выключат его генератор поля, он запрыгнет в корабль до Тринтуна. Найдёт ли Ракарливун какой-либо другой разведчик за семьдесят два года? Вероятно.

О дух Силы! Кзано́л поспешно напечатал: «Курс на Автпрун отменить» — и обмяк в кресле, потрясенный ошибкой, от которой его спасло лишь чудо.

Если он врежется в Автпрун на скорости свыше девяти десятых световой, то убьет больше миллиона жителей. И это при условии, что он попадет в океан! Ударная волна обрушит все летающие объекты в радиусе тысячи миль, потопит острова, снесет здания на половине планеты.

За такой просчет его подвергнут смерти после года пыток. Пытки в телепатическом обществе с развитой наукой — нечто ужасное. Студенты-биологи будут наблюдать и лихорадочно записывать, в то время как члены Коллегии наказаний будут тщательно обрабатывать его нервную систему стимуляторами...

Постепенно ему стала ясна общая ситуация. Он не может попасть на цивилизованную планету. Хорошо. Но он не может попасть и на планету рабов, поскольку наверняка обрушит несколько дворцов надсмотрщиков и убьет невольников, стоящих миллиарды коммерциалов.

А если лететь сквозь систему в надежде, что увеличенная масса его корабля будет замечена? Нет, он не осмелится. О том, чтобы оставаться в космосе, не может быть и речи, ведь запросто выскочишь из Галактики. Он представил себя навсегда затерянным между островными вселенными: корабль постепенно рассыпается, спасательная кнопка истает в блестящее пятнышко под воздействием межзвездной пыли...

Нет!

Он осторожно потер закрытые глаза пищевым усиком. Можно ли совершить посадку на луне? Если удар будет довольно мощным, вспышку могут заметить. Но мозг недостаточно точен, чтобы на таком расстоянии нацелить этот удар. Орбиты лун меняются, а надо будет удариться о луну цивилизованной планеты. Автпрун был из них ближайшей, но тоже слишком далеко.

И в довершение всего Кзано́л понял, что дожевывает последний гнал. Он сидел, ощущая жалость к себе, пока гнал не закончился. Но потом встал и начал мерить шагами пол.

Ну конечно!

Он застыл в центре кабины, обдумывая свое озарение, отыскивая в нем недостатки. Найти их не смог. Поспешно напечатал на панели мозга: «Рассчитай курс на пищевую планету, минимизируя время полета. По прибытии кораблю не нужно замедляться. Сообщи все подробности».

Его усики обвисли, расслабившись. Все будет хорошо, подумал он, нисколько в этом не сомневаясь.

В Галактике не так много планет, пригодных для протоплазменных форм жизни. Природа ставит необоснованно много условий. Чтобы гарантированно иметь нужный состав атмосферы, планета должна находиться на определенном расстоянии от солнца типа G¹, соответствовать определенному размеру и иметь огромную до уродливости луну в своем небе. Назначение луны заключается в том, чтобы смести прочь большую часть планетной атмосферы, обычно около девяноста девяти процентов. Без луны подходящий для обитания мир становится совершенно необитаемым: у его воздуха сокрушающая плотность, а температура — как в раскаленной печи.

Из двухсот девятнадцати подходящих для обитания миров, найденных тринтами, жизнь присутствовала на шестидесяти четырех. Семнадцать имели разумную жизнь; при широком взгляде на проблему, что считать разумом, — восемнадцать. Сто пятьдесят пять пустынных планет оказались бы пригодными для жизни тринтов только после длительного периода засева. Но они уже приносили пользу.

Их засеивали пищевыми дрожжами, созданными тнук-типами. Спустя несколько веков дрожжи обычно мутировали, но до того мир оставался кормовой планетой, все его океаны были забиты самой дешевой пищей в Галактике. Конечно, есть такое могли только рабы; но рабов было очень много.

¹ К звездам класса G (желтым) относится и Солнце. По мнению современной науки, в первую очередь именно около подобных звезд могут находиться планеты, пригодные для жизни людей.

Пищевые планеты для прокорма рабских миров были разбросаны по всей Галактике. Дворец надсмотрщика всегда находился на луне. Кто же согласится жить на планете с пустынной сушей и вспененными морями? Не говоря уже о постоянной опасности бактериологического заражения дрожжей. Вот поэтому тщательное наблюдение за пищевыми планетами велось с их естественных спутников.

После того как дрожжи мутировали настолько, что становились несъедобными даже для рабов, мир населяли стадами беломясов. Беломясы пожирали и дрожжи, и все остальное и сами были источником хорошего мяса. Присмотр за планетой продолжался.

При его теперешней скорости Кзанола врежется в планету с такой силой, что образуется ослепительный газовый выброс. Пылая, каменное крошево поднимется в космос — яркое, необычное и недвусмысленно трактуемое событие даже для наблюдателя на спутнике. Оранжевое сияние над кратером не померкнет несколько дней.

Не исключено, что Кзанола застрянет под землей, но не очень глубоко. Воздух и камни, летящие впереди метеорита, обычно вспыхивают и отбрасывают его назад, и его осколки рассеиваются на большой площади. Кзанола, окутанный своим стазисным полем, вынырнет из созданной им ямы и при повторном падении слишком глубоко не зароется. Надсмотрщик сразу же его найдет с помощью любого просвечивающего прибора. Стазисное поле является единственным идеальным отражателем.

Мозг прервал его раздумья: «Ближайшая доступная пищевая планета — F124. Оценочное время полета — 202 года и 91,4 дня».

Кзанола напечатал: «Покажи мне F124 и ее систему».

На экране появились огоньки. Одна за другой увеличивались большие планеты со своими спутниками. F124, быстро крутящийся шар, была окутана паром: типичная пищевая планета, даже ее луна почти не вращалась. Луна выглядела чрезмерно большой, но и находилась довольно далеко.

Одна из внешних планет заставила Кзанола ахнуть от восхищения. Она была окружена кольцом! Роскошным

кольцом! Кзано́л подождал, когда мозг покажет все крупные миры. Как только, в порядке увеличения размеров, начали появляться астероиды, он напечатал: «Достаточно. Курс на F124».

Он еще не надел шлем, в остальном же был полностью облачен для долгого сна. Корабль уже разогнался; Кзано́л ощутил пульсацию металла в моторах. Но поле кабины подавляло ускорение. Он установил шлем на шейное кольцо, но передумал и снял. Подойдя к стене, сорвал звездную карту, скатал ее и затолкал за пазуху скафандра. Он уже был готов надеть шлем, но опять спохватился.

Его освободитель может затребовать немалую сумму за альтруистический акт спасения. А вдруг награда его не удовлетворит? Если он окажется тринтом, то наверняка постарается присвоить карту. В конце концов, это не запрещено законом. Кзанолу следовало бы накрепко запечатлеть ее в памяти.

Но есть вариант и получше!

Кзано́л поспешил к шкафу и вытащил второй скафандр. Карту просунул в рукав — и пришел в восторг от своей затеи. В пустом скафандре полно места. Он метался по кабине, собирая свои сокровища. Шлем-усилитель — повсеместно признанный символ власти и богатства, некогда принадлежавший его деду. Это был легкий, хотя немалого размера инструмент, который мог увеличить природную Силу тринта, позволявшую контролировать двадцать-тридцать не-тринтов, вплоть до возможности управлять целой планетой. Прощальный подарок брата — дезинтегратор с резной рукоятью. (Однако новая мысль заставила Кзанолу отложить дезинтегратор в сторону.) Статуэтки его самок Птул и Миксилومات. Вряд ли суждено с ними встретиться, к возвращению Кзанолу обе уже будут мертвы, если только кто-нибудь из друзей не поместит их в стазис. А часы с алмазным механизмом, со сверхпрочным корпусом, с криогенными шестеренками, всегда отстающие, сколько бы их ни чинили! На F124 он не мог бы их носить, они предназначались только для официальных церемоний.

Прежде чем разместить все ценности, Кзано́л завернул их в свои запасные костюмы.

Оставалось еще место.

По какой-то странной прихоти он вызвал маленького раба-ракарлива из кладовки и велел ему забраться в скафандр. Потом привинтил шлем и нажал аварийную кнопку.

Скафандр теперь выглядел как кривое зеркало. Все складки были на месте, но он стал тверже алмаза или материала для корабельной обшивки. Кзанола перенес его в угол, нежно погладил по голове и оставил там.

«Отменить текущий курс на F124, — напечатал он. — Рассчитай и следуй самым быстрым курсом на F124, используя только половину имеющейся энергии, завершив все необходимые маневры к завтрашнему дню».

День спустя Кзанола заметил первые признаки абстинентного синдрома. Он занимался всякой всячиной, чтобы отвлечься и не думать о том, как сильно ему хочется гнала.

Эксперимент был почти закончен. Кзанола выключил поле второго скафандра, поместил дезинтегратор в его перчатку и включил поле снова. Оно окутало все металлические поверхности. Копательный инструмент попал в стазис вместе со скафандром.

Двигатели отключились. Порядком успокоившись, Кзанола подошел к панели и напечатал: «Рассчитай кратчайший курс на восьмую планету в системе F124. Подожди полсуток, затем следуй этим курсом».

Он надел скафандр и, взяв дезинтегратор и катушку троса, выбрался через воздушный шлюз. Используя трос, тормозил свой дрейф, пока не пришел в неподвижность относительно корабля.

Какие-либо мысли напоследок?

Он сделал для себя все, что мог. Он падает на F124. За несколько лет до того, как Кзанола врежется в третью планету, его корабль достигнет необитаемой и никого не интересующей восьмой планеты. Там появится большой красивый кратер, который легко будет найти. Не то чтобы Кзанолы это слишком интересовало.

Существовал риск, что спасательный выключатель срабатывает от жара при входе в атмосферу. Если такое про-

изойдет, Кзано! пробудится под землей, потому что поле затухает не сразу. Но он сможет пробить себе путь наружу дезинтегратором.

Кзано! приблизил толстый неуклюжий палец к аварийной кнопке.

Последняя мысль?

Увы, она не появилась.

Что ж, аварийная кнопка.

Ларри Гринберг выбрался из контактного поля и выпрямился. Его шаги гулко отдавались в большом зале дельфинария. На этот раз эффекта дезориентации не было, как и затруднений с дыханием или желания помахать несуществующими плавниками или хвостом. Что вполне естественно, поскольку «сообщение» было направлено в другую сторону.

Дельфин по имени Чарли лежал на дне резервуара, выплыв из-под своего контактного шлема специальной конструкции. Ларри встал так, чтобы Чарли мог видеть его через стекло, но глаза дельфина смотрели в никуда, и весь он подергивался. Ларри с беспокойством заметил, что два морских биолога подошли к нему и тоже озабоченно наблюдают. Наконец Чарли перестал вздрагивать и вынырнул на поверхность.

— Это было дикко, — проговорил Чарли с акцентом Дональда Дака.

— Ты в порядке? — спросил один из докторов.

— Конечно, Билл, я в порядке. Но это было дико. Я чувствовал, словно у меня должны были быть руки и ноги и длинный нос, висящий над зубами, вместо дырочки в голове. — С каким бы акцентом Чарли ни разговаривал, словарь у него был в порядке. — И у меня было это ужасное желание заниматься любовью с женой Ларри.

— У меня тоже, — пробормотал доктор Билл Слейтер под нос.

— Ах ты, распутная рыба! — засмеялся Ларри. — Только посмей! Я уведу всех твоих дельфинок!

— Поменяемся женами?

Чарли зажужжал, как спорткар на старте, и скачками пронесся по резервуару. Дельфиний смех. Закончил представление тем, что выскочил из воды и упал на брюхо.

— Мое произношение улучшилось?

Ларри решил, что воду стряхивать нет смысла, одежда промокла насквозь.

— Если подумать, то да. Намного лучше.

Чарли перешел на дельфиний язык — точнее, на пиджин-дельфиний, то есть урезанный до слышимости человеческого уха. Завершение разговора походило на какофонию писков, похрюкиваний, раздражающих уши свистов и других исключительно резких звуков.

— Когда следующее занятие, приятель по разуму?

Ларри выжимал волосы.

— Я не знаю точно, Чарли. Вероятно, через несколько недель. Меня попросили заняться другим делом. У тебя будет время поговорить с коллегами, сообщить то, что ты узнал о нас, ходячих, читая мои мысли.

— Ты точно хочешь, чтобы я это сделал? Но серьезно, Ларри, мне бы с тобой обсудить кое-что.

— Ну пропищи.

Чарли специально ускорил свою речь. Никто, кроме Ларри Гринберга, не смог уследить за потоком звуков, словно доносящихся со скотного двора.

— Есть ли шансы у дельфина попасть на борт «Ленивой восьмерки-три»?

— Что? На Джинкс? Океан Джинкса покрыт пеной глубиной в фут!

— Да, верно. Ну, тогда на какую-нибудь другую планету.

— Почему дельфина должны интересовать космические путешествия?

— А почему они интересуют ходячих? Нет, Ларри, это нечестный вопрос. Думаю, правда в том, что ты заразил меня космической болезнью.

По мальчишескому лицу Ларри медленно расплылась улыбка. Он удивился тому, что затрудняется с ответом.

— Это очень заразная болезнь, от нее трудно избавиться.

— Похоже на то.

— Я подумаю об этом. Тебе, Чарли, в конце концов надо будет обратиться в ООН, но дай мне время. Как тебе известно, нам придется взять с собой много воды, а она куда тяжелее воздуха.

— Мне об этом говорили.

— Дай срок. А сейчас я должен идти.

— Но...

— Извини, Чарли. Долг зовет. Как выразился доктор Янски, это шанс, выпадающий раз в десять лет. Теперь перевернись.

— Тирран, — прошипел Чарли, что было непросто.

Но он перевернулся на спину, и три человека несколько минут почесывали ему живот. Потом Ларри ушел. В последний миг он подумал, не возникнут ли у Чарли трудности с восприятием его воспоминаний. Но опасности не было: при малой контактной мощности, которую они использовали, Чарли сможет забыть весь эксперимент, если пожелает. Включая освоение космоса.

Что было бы позорным провалом.

Этим вечером Ларри и Джуди ужинали с супружеской четой Янски. Доктор Доркас Янски был огромным западноберлинцем с русой бородой. Его яркая экстравертная индивидуальность всегда несколько смущала Ларри, который вряд ли подозревал, что обладает очень схожим душевным складом. Этому складу досталось куда менее объемистое тело, из-за чего все воспринималось иначе. Миссис Янски была ростом с Джуди и почти такая же хорошенькая. Выглядела тихоней, по крайней мере пока беседа велась на английском.

Разговор по ходу ужина получился весьма бурным. Как Ларри сказал позже: «Приятно встретить собеседника, любящего обсуждать то же, что и ты». Они сравнивали растущий вширь Лос-Анджелес с устремленными ввысь небоскребами Западного Берлина.

— Мечта достичь звезд, — сказал Янски.

— Вы окружены Восточной Германией, — утверждал Ларри. — Вам некуда расти, кроме как вверх.

Они потратили немало времени на обсуждение, какая из одиннадцати форм коммунизма наиболее близка к марксизму, и наконец решили подождать и посмотреть, чье правительство быстрее развалится. Поговорили о смоге: откуда он берется теперь, когда на равнине Большого Лос-Анджелеса нет ни промышленных концернов, ни работающих на углеводородах машин? В основном от приготовления пищи, подумала Джуди. От сигарет, сказал Янски, а Ларри предположил, что к росту загрязнения окружающего воздуха может приводить электростатическое кондиционирование помещений. Они обменялись мнениями о дельфинах. Янски имел смелость усомниться в разумности дельфинов — просто потому, что они ничего не построили за всю историю своего существования. Задетый за живое Ларри вскочил и прочитал экспромтом самую волнующую лекцию в своей жизни. О деле заговорили только за кофе.

— Мистер Гринберг, вы не были первым человеком, научившимся читать мысли дельфинов, — сказал Янски, держа огромную сигару, как профессорскую указку. — Правильно ли я думаю, что контакты с дельфинами послужили лишь своего рода тренировкой?

— Правильно, — с энтузиазмом кивнул Ларри. — Мы с Джуди пытались получить место на «Ленивой восьмерке-три», которая направится к Джинксу. Уже из стандартных тестов я знал, что обладаю некоторой склонностью к телепатии, и, когда услышал первые сообщения о брандашмыгах, стало ясно, что мы полетим. До сих пор никому не удалось понять язык брандашмыгов, и на Джинксе нет ни одного контактера. Я поэтому вызвался работать с дельфинами, а Джуди начала изучать лингвистику, и мы записались в полет как команда супругов. Я еще подумал, что наш маленький рост будет решающим доводом. Работа с дельфинами была лишь практикой для общения с брандашмыгами, — он вздохнул, — но эта дурацкая экономическая война с Поясом рушит все космические исследования. Негодяи!

Джуди взяла его за руку.

— Мы все равно туда попадем, — пообещала она.

— Ну разумеется, — произнес Ларри.

— А может, вам это и не понадобится, — заметил доктор, подчеркивая свои слова жестикуляцией с сигарой. — Если гора не идет к Магомету... — Он сделал выжидательную паузу.

— Не хотите же вы сказать, что у вас здесь есть брандашмы? — поддразнила его Джуди, у которой было основание для иронии: брандашмыги весили тонн по тридцать.

— Я что, волшебник? Не брандашмыги, но кое-что другое. Я упоминал, что занимаюсь физикой?

— Нет. — Ларри был удивлен: что физику могло понадобиться от контактера?

— Да, я физик. Мы с коллегами уже лет двенадцать работаем над полем, замедляющим время. Мы знали, что такое возможно, математика этого дела хорошо известна, но инженерные методы оказались крайне сложными. Потрачены годы.

— Но вы его получили.

— Да. Мы разработали поле, которое превращает шесть часов наружного времени в одну секунду времени внутри поля. Отношение наружного и внутреннего времени меняется большими... э-э... квантовыми скачками. Отношение двадцать одна тысяча к одному — это все, чего нам удалось добиться, и мы не знаем, каким окажется следующий квант.

Джуди вдруг предложила:

— Так постройте две машины и поместите одну в поле другой.

Физик громогласно расхохотался, так что комната, казалось, сотряслась.

— Простите меня, — сказал он, успокоившись, — но очень забавно, что вы столь быстро пришли к такой идее. Разумеется, это одна из первых вещей, нами испробованных.

Джуди явно подумала что-то нехорошее, и Ларри предостерегающе сжал ее руку. Янски ничего не заметил.

— Дело в том, что поле, замедляющее время, не может существовать внутри другого подобного поля. Я даже доказал это математически.

— Очень жаль, — сказал Ларри.

— А может, и нет. Мистер Гринберг, вы что-нибудь слышали о Морской статуе?

Пока Ларри копался в памяти, ответила Джуди:

— Я слышала! В «Лайфтаймсе» были ее снимки. Эту штуку нашли за пределами бразильского континентального шельфа.

— Да, правильно, — вспомнил Ларри, — ее обнаружили дельфины и продали ООН за разное подводное оборудование. Некоторые антропологи решили, что удалось отыскать Атлантиду.

Он вспомнил фотографии бесформенной фигуры четырех футов в высоту, со странно вытесанными руками и ногами, горбатой спиной и шарообразной головой, отполированной до зеркального блеска.

— Эта статуя похожа на раннее изображение гоблина.

— Да, действительно похоже. Она у меня здесь.

— Здесь?

— Здесь. Выставка сравнительных культур Объединенных Наций одолжила ее нам после объяснения наших целей. — Янски раздавил свою истончившуюся сигару в клочки. — Как вы знаете, ни один социолог не смог связать статую с какой-либо известной культурой. Но я, доктор физических наук, решил загадку. Надеюсь, что решил. Завтра покажу вам, почему я считаю, что статуя является инопланетным существом в поле, замедляющем время. Вы, наверное, догадались, чего я от вас хочу? Я хочу поместить вас вместе со статуей в замедляющее поле, чтобы подавить собственное поле нашего... э-э... гостя и позволить вам прочитать его мысли.

На следующий день к десяти утра они вместе дошли до угла, и Джуди подождала, пока Ларри нажатием кнопки вызвал такси. Через две минуты авиамобиль с черно-желтыми шашечками опустился рядом.

Ларри уже забирался внутрь, когда Джуди задержала его, ухватив за плечо.

— Что случилось? — спросил он, полуобернувшись.

— Я боюсь, — сказала она, да и выглядела испуганной. — Ты уверен, что все будет в порядке? Ты же ничего о нем не знаешь!

— О ком, о Янски? Послушай...

— Об экспонате.

— Уф! — Ларри что-то прикинул в уме. — Давай я сейчас быстро объясню пару моментов. Хорошо?

Джуди кивнула.

— Первое. Контактное устройство не опасно. Я использую его годами. Получаю лишь воспоминания другого человека, небольшое представление о его образе мыслей. И даже они несколько смягчены, так что мне потом приходится усиленно думать, чтобы вспомнить нечто, не происходившее лично со мной. И второе. Моя работа с дельфинами дала мне опыт общения с нечеловеческим сознанием. Так?

— Так. И после сеансов с Чарли ты вечно устраиваешь розыгрыши. Помнишь, как загипнотизировал миссис Графтон и заставил ее...

— Чушь. Я всегда любил розыгрыши. А третий момент заключается в том, что временное поле не играет никакой роли. Оно лишь уничтожит поле вокруг статуи. Об этом вообще можешь забыть. Четвертое. Янски ни за что не станет рисковать моей жизнью. Ты же это понимаешь?

— А все эти погружения с аквалангом прошлым летом...

— Так это была твоя идея.

— Да? Может быть. — Джуди заставила себя улыбнуться. — Ну хорошо. Я думала, что дальше ты будешь практиковаться на брандашмыгах, но это, видимо, решающее испытание. И я по-прежнему беспокоюсь. Ты же знаешь, у меня есть дар предвидения.

— Гм... Ну ладно. Я перезвоню тебе, как только смогу.

Он сел в такси и набрал адрес уровня физфака Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе¹.

— Марк вернется через минуту и принесет кофе, — сказал Доркас Янски. — Давайте я покажу вам, как работает замедляющее поле.

Они находились в огромном зале, на потолке которого были установлены два гигантских разрядника из тех, что

¹ Один из крупнейших и наиболее известных университетов в США, часто его название сокращают до УКЛА.

создают оглушительно трещащие искусственные молнии, изумляя группы студентов. Но генератор молний не интересовал Янски.

— Мы заняли эту часть здания, потому что здесь хороший источник электропитания, да и по размерам она подходит. Видите проволочную конструкцию?

— Конечно.

Это был куб из очень тонкой проволочной сетки, с откидной створкой на одной стороне. Сетка закрывала не только боковые грани, но и верх, и дно. Рабочие деловито проверяли и размещали громоздкое и сложное на вид оборудование, которое, однако, еще не было подключено к проволочной клетке.

— Поле распространяется вдоль поверхности куба. Сетка служит границей между замедленным временем внутри и быстрым снаружи. Скажу вам, соорудить эту штуковину было очень занято. — Янски огладил бороду, как будто задумавшись о непростой работе, в которую был погружен. — Мы считаем, что поле вокруг инопланетянина должно быть на несколько квантовых чисел выше нашего. Как долго он там пробыл — определить невозможно, разве что с помощью метода, который мы намерены использовать.

— Но он тоже может не знать.

— Да, вполне. Ларри, вы пробудете в поле шесть часов по наружному времени. Для вас это составит секунду. Как я понимаю, передача мыслей мгновенна?

— Не мгновенна, но займет меньше секунды. Подготовьте все и включите контактное приспособление перед тем, как запустите поле, и я получу его мысли, едва он начнет оживать. До этого я ничего не смогу воспринять.

«Словно вступаешь в контакт с турсиопс трункатус»¹, — подумал Ларри.

— Хорошо. Я не был уверен. — Янски отошел показать Марку, куда поставить кофе.

Ларри был рад передышке — он вдруг занервничал. Это было вовсе не так плохо, как в ночь перед первым се-

¹ *Tursiops truncatus* — латинское название дельфина бутылконосого, или афалины, одного из самых распространенных видов.

ансом с дельфином, но все же неприятно. Он вспомнил, что его жена иногда действительно проявляла пугающую способность к предвидению. Кофе взял с благодарностью.

— Итак, — сказал Янски, осушив свою чашку в несколько глотков и отдышавшись, — Ларри, когда вы в первый раз заподозрили у себя телепатию?

— Когда учился в Уошбернском университете¹, — ответил Гринберг. — Это в Канзасе. Однажды гость высокого ранга устроил всем тест на пси-возможности. Мы занимались этим целый день. Телепатия, экстрасенсорика, телекинез, предвидение, даже малопонятный тест на телепортацию, который все завалили. Джуди показала хорошие, хотя и случайно проявляющиеся способности к предвидению, а я обошел всех по телепатии. Там мы с ней и познакомились. А когда выяснилось, что обоих тянет к звездам...

— Но ведь вы не поэтому поженились?

— Пожалуй. И уж абсолютно точно не из-за этого до сих пор не развелись. — Ларри скорчил хищную усмешку, потом взял себя в руки. — Знаете, телепатия способствует крепким бракам.

— Да откуда мне знать? — улыбнулся Янски.

— Я бы мог стать хорошим психологом, — сказал Ларри, не выказывая сожаления. — Но начинать уже поздно. Надеюсь, что «Ленивую восьмерку-три» все-таки отправят, — проворчал он. — В любом случае нельзя бросить колонии. Так они не поступят.

Янски опять наполнил чашки. Рабочие вкатили через широкий проем нечто покрытое тканью. Ларри, вполне успокоившись, следил за ними и прихлебывал кофе. Янски осушил вторую чашку так же быстро, как первую. Либо обо-
жает кофе, решил Ларри, либо ненавидит его.

Неожиданно Янски спросил:

— Любите дельфинов?

— Конечно. И еще как.

— Почему?

— Они такие веселые, — ответил Ларри невпопад.

— Вы довольны своей профессией?

¹ Известный американский университет в г. Топика, штат Канзас. Его окончил и сам Ларри Нивен.

— О, весьма. Хотя это удивило бы моего отца. Он считал, что я собираюсь стать биржевиком. Понимаете, я родился с... — Ларри вдруг замолк. — Ого! Это она?

— Гм? — Янски повернул голову вслед за ним. — Да, это Морская статуя. Пойдем посмотрим?

— Давайте.

Трое мужчин, несших статую, не обратили на них внимания. Ее втащили внутрь кубической конструкции и установили под одним из колпаков контактной машины, сделанным из кристаллического железа. Пришлось подпереть ее снизу колобашками. Колпак на другом конце контактной цепи, предназначенный для Ларри, был закреплен в изголовье старомодной кушетки психоаналитика. Рабочие гуськом вышли из клетки, и Ларри, стоя у откидной двери, взгляделся в статую.

Ее поверхность была безупречно зеркальной. Кривое зеркало. Это затрудняло рассматривание статуи, поскольку в глаз попадали только искаженные отражения других частей помещения.

Статуя была менее четырех футов в высоту и очень смахивала на безликого гоблина. Треугольный горб на спине выглядел скорее стилизованным, чем натуральным, а шаровидная гладкая голова была совершенно жуткой. Диковинные ноги были полусогнуты, пятки далеко выдавались за щиколотки. Статуя наводила бы на мысль о попытке изобразить гнома, если бы не чужеродного вида ноги, непонятное строение туловища и короткие толстые руки с массивными кистями, как у Микки-Мауса.

— Я заметил, что он вооружен, — сказал наконец Ларри с неуверенностью. — И как будто приседает.

— Приседает? Приглядитесь хорошенько, — предложил Янски добродушно. — И обратите внимание на ноги.

Ларри так и сделал и получил еще менее приятное впечатление. Пригнувшаяся поза была хищной, угрожающей, словно предполагаемый инопланетянин хотел броситься на врага или на добычу. Оружие, похожее на просунутую в массивное кольцо двустволку, было готово убивать. Но...

— Я все еще не понял, к чему вы клоните, но вижу: ноги не прямые и не опираются на пол всей подошвой.

— Вот именно! — Янски излучал энтузиазм, его акцент стал намного заметнее. — Как только я увидел изображение статуи в обсерватории Гриффит-парка¹, сразу подумал: эта штука сделана не для того, чтобы стоять прямо. Но почему? И тут я понял: он в свободном полете!

— О да!

Удивительно, насколько все стало теперь очевидным. Статуя пребывала в позе астронавта в невесомости, полусогнувшегося на манер утробного плода. Разумеется, так оно и было!

— Тогда археологи все еще спорили, как художник добился этого зеркального блеска. Некоторые из них уже было решили, что статую оставили визитеры из космоса. Но я к тому времени закончил работу над замедляющим полем и подумал: допустим, он находился в космосе и что-то пошло не так. В ожидании спасения он мог поместить себя в замедленное время. А помощь не пришла. Я поехал в Бразилиа и убедил Выставку сравнительных культур разрешить проверку моей теории. Направил тонкий луч лазера на палец... Лазер даже не оставил следа на поверхности. Это их убедило. Я привез ее с собой. — Янски сиял от счастья.

Прежде статуя казалась грозной, хищной, вооруженной. Теперь она сделалась просто жалкой.

— И вы не смогли его оттуда вытащить? — спросил Ларри.

— Нет, — затряс головой Янски. — Видите матовый бугорок на спине?

Ларри разглядел что-то ниже вершины треугольного горба. Бугорок был более тусклым, чем окружающая зеркальная поверхность, и слегка красноватым.

— Чуть-чуть выдается из поля. Всего на несколько молекул. Я думаю, это был выключатель поля. Возможно, он сгорел, когда наш друг летел через атмосферу, или же корродировал на океанском дне. Так что сейчас заставить его

¹ Обсерватория с планетарием в городском парке Лос-Анджелеса, предназначенная для популяризации достижений науки и космонавтики.

сработать невозможно. Плохая конструкция, — добавил Янски с пренебрежением и заметил: — Так, по-моему, мы готовы.

Но Ларри опять испытывал неуверенность. Это они готовы, не он. Вокруг клетки гудела и мигала огнями аппаратура. Стрелки циферблатов на контактной машине застыли неподвижно. От нее к колпакам тянулись два многожильных разноцветных кабеля. Четверо сотрудников в лабораторных халатах стояли рядом, они не работали, но и не бездельничали. Ждали.

Ларри быстро отошел к столу, налил и залпом выпил полчаши кофе, потом вернулся в клетку.

— Я тоже готов, — объявил он.

— Отлично, — улыбнулся Янски и шагнул наружу.

Двое сотрудников немедленно закрыли за ним откидной полог с застежкой-молнией двадцати футов в длину.

— Дайте мне минуты две расслабиться, — крикнул Ларри из клетки.

— Хорошо, — сказал Янски.

Ларри вытянулся на кушетке, погрузив голову и плечи в металлический кокон, который был его контактным колпаком, и закрыл глаза. Попытался ли Янски понять, зачем понадобилось дополнительное время? Пусть гадает. Контакт работал лучше, когда Ларри отдыхал.

Какие чудеса вспомнит он через две минуты без одной секунды?

Джуди Гринберг закончила программировать квартиру и вышла. Ларри вернется только поздним вечером; куча людей будет расспрашивать, как прошел контакт. А пока она может заняться другими делами.

Уличное движение изумляло. Как и в любом большом городе, каждому такси назначалась своя высота полета. Они взмывали и опускались вертикально; если два авто получали один и тот же пункт назначения, за ними следил координатор. Но здесь уровни для такси были разнесены не более чем на десять футов.

За три года, проведенных в Лос-Анджелесе, Джуди так и не привыкла к машинам, пролетающим над самой го-

ловой. В Канзасе движение шло быстрее, но и дистанции были побольше.

Такси высадило ее на самой верхней полосе, на прозрачной пешеходной дорожке тридцатью этажами выше транспортного потока, в районе торговых центров.

Она двинулась пешком и по ходу заметила следы широко разрекламированного проекта по расчистке зданий. У многих домов почерневшие бока; там, где грязь, копившаяся десятилетиями, а то и веками, была смыта, камень сиял белизной. Ее удивило, что обработке подвергались только угловые здания.

«Я должна была сказать: что ты имеешь в виду, говоря об опыте чтения чужих разумов? Дельфины еще до твоего рождения были приравнены законом к людям! Вот что я должна была сказать». Такими были мысли Джуди.

Она тихо засмеялась. Это произвело бы на него впечатление! Уж точно.

У входа в магазин женской кожгалантереи с ней кое-что случилось. Где-то в глубине ее сознания что-то зашевелилось, потом исчезло. Джуди невольно остановилась. Движение вокруг нее, казалось, достигло головокружительной скорости. Одни пешеходы мчались, стремительно перебирая ногами, другие — самоубийственно быстро проносились на движущихся тротуарах.

Она осознала: приближается неизбежное. Но даже представить себе не могла, что это будет ощущаться так, словно из нее что-то выдернули.

Джуди вошла в магазин и начала выбирать подарки, твердо решив не поддаваться предчувствию. Через несколько часов они встретятся.

— *Zwei minuten*¹, — пробормотал доктор Янски и нажал переключатель.

Аппаратура недовольно взвыла. Звук все повышался по частоте и амплитуде, пока не стал таким громким и пронзительным, что даже Янски недовольно поморщился. Внезапно вой оборвался. Каждая грань клетки превратилась в безупречное зеркало.

¹ Две минуты (нем.).

Таймер находился внутри клетки. Через «одну секунду» он выключит питание.

— Сейчас тринадцать двадцать, — сказал Янски. — Думаю, к девятнадцати часам Гринберг вернется. — И покинул помещение, даже не обернувшись.

Кзанол отпустил трос и нажал кнопку на груди. Поле, должно быть, образовалось почти сразу, потому что Вселенная внезапно ошетибилась летящими полосами света.

Его схватила гравитация. Других изменений в своей личной вселенной Кзанол не заметил. Он ощутил под собой пол, какие-то куски твердого вещества под пяткошпорами и валяющий с ног вес. Времени напрячь ноги или восстановить равновесие не осталось. Он замычал и выбросил вперед руки, чтобы прекратить падение.

Янски пришел последним, точно в девятнадцать часов, толкая тележку с кегом пива. Кто-то забрал у него тележку и покатил к столу. Когда Доркас проходил мимо куба, его отражение подрагивало: проволочные стенки не были абсолютно плоскими.

В здании появился новый посетитель — коренастый человек лет сорока, со светлыми волосами, стриженными на индейский манер.

После того как Янски разобрался с кегом, мужчина подошел и представился:

— Доктор Дэйл Снайдер — психолог-экспериментатор мистера Гринберга. Хочу поговорить с ним, когда он выйдет оттуда, убедиться, что все в порядке.

Янски пожал ему руку и предложил пива. По настоянию Снайдера он некоторое время затратил на объяснения, чего именно предполагал добиться.

В девятнадцать часов двадцать минут клетка все еще оставалась зеркальной.

— Может иметь место небольшая задержка, — сказал Янски. — Поле исчезает за несколько минут. Иногда и дольше.

В девятнадцать тридцать он заметил:

— Надеюсь, временное поле инопланетянина не усилило мое.

Это он произнес тихо, по-немецки.

В девятнадцать пятьдесят пиво кончилось. Дэйл Снайдер издавал угрожающие звуки; один из техников его успокаивал. Янски, не будучи дипломатом, просто сидел, уставившись на серебряный куб. Через довольно большие промежутки времени он вспоминал о пиве в своем бумажном стакане и делал изрядный глоток. Выражение его лица не внушало особых надежд.

В двадцать часов куб замерцал и сделался прозрачным. Янски и Снайдер с радостными воплями устремились к нему. Вблизи Янски увидел, что статуя лежит лицом вниз, выпав из-под контактного колпака.

Снайдер нахмурился. Янски постарался описать ему эксперимент в деталях. Теперь психолог вдруг засомневался: действительно ли мозг пришельца находился в этой сфере? Если нет, то эксперимент провалился. Даже с дельфинами все было непросто. Их мозг помещался не под выпирающим лбом, а за дыхалом; лоб же представлял собой оружие, прочный таран.

Ларри Гринберг сидел. Даже отсюда он выглядел плохо. Его остекленевшие глаза ни на что не смотрели; он даже не попытался встать.

«Как помешанный», — подумал доктор Янски, надеясь, что Снайдеру не пришла та же мысль.

В любом случае Снайдер был обеспокоен.

Каким-то странным, перекатывающимся движением Ларри наконец поднялся на ноги. Он споткнулся, потом выпрямился и мелкими шажками направился к проволочному занавесу. Он словно шагал по уложенным яйцам, стараясь не раздавить их. Ссутулившись, как штангист, сгибая колени, но не спину, он подобрал что-то с пола около лежащей статуи. В тот миг, когда Янски подбежал к проволочной сетке, Ларри повернулся к нему с этой штукой в руках.

Янски закричал. Он ослеп! И кожа на лице расползлась! Он приложил руки к лицу, ощутил в них ту же боль и побежал обратно. Боль хлестнула в спину. Он бежал, пока не ударился о стену.

За секунду до того она спала глубоким сном. Теперь же, полностью проснувшись, сидела в кровати, глаза искали в темноте — искали что? Она пошарила вокруг, нащупывая выключатель, но его не оказалось; ее метавшаяся рука даже не могла найти пульт кровати. Наконец Джуди поняла, что находится на месте Ларри, обнаружила его пульт справа от себя и включила лампу.

Где он? Она заснула около семнадцати часов, совершенно измочаленная. Должно быть, он все еще в университете. Что-то пошло неправильно, она чувствовала это.

Или просто привиделся кошмар?

Если это и был страшный сон, она не могла вспомнить ни единой подробности. Но давящее ощущение не уходило, преследовало ее. Она попыталась снова заснуть, но безуспешно. Комната казалась чужой, пугающей. В тенях прятались невидимые ползучие чудовища.

Кзанол замычал и выбросил вперед руки, чтобы остановить падение.

И сошел с ума. Впечатления буйным потоком хлынули через все органы чувств. С отчаянием утопающего, на вдохе глотающего воду, он старался разобраться в них до того, как они его прикончат.

Главным и самым зловещим были воспоминания раба незнакомой породы, называвшего себя Ларри Гринберг. Они были куда мощнее, чем все, дотоле поступавшие к нему через чувство Силы. Не имей Кзанол многолетнего опыта по контролю иных форм жизни, привычки ощущать чужие мысли, вся его личность оказалась бы сметена.

Невероятным усилием он смог выбросить большую часть мыслей Гринберга из своего сознания. Но головокружение не прошло. Его тело ощущалось непривычно: горячее, бесформенное. Он попытался открыть глаз, но мускулы не действовали. Наконец Кзанол наткнулся на правильную комбинацию, и глаз открылся. Два глаза! Он застонал и зажмурился, потом попробовал снова. Глаз открылся дважды — двумя четкими отдельными движениями, — и Кзанол вытаращился на свое тело.

На тело, принадлежавшее Ларри Гринбергу.

Он уже был к этому подготовлен. Шок его не убил.

Кзанола начал осторожно зондировать сознание Гринберга. Чтобы не утонуть в нем, надо было брать информацию небольшими порциями. Это резко отличалось от обычного применения Силы, но немного походило на тренировку со шлемом-усилителем. Кзанола понял достаточно, чтобы не сомневаться: он в самом деле был телепортирован, или телепатирован, или птавв-знает-как перемещен в тело инопланетного раба.

Он сел медленно и осторожно, используя, как мог, рефлексы Гринберга, поскольку не привык к незнакомой мускулатуре. Бинокулярное зрение запутывало его, но он все же смог увидеть, что находится внутри помещения из металлической сетки. Снаружи... Кзанола ждало чудовищной мощи потрясение, и он снова помутился разумом.

Снаружи ограждения находились рабы той же незнакомой породы, что и его нынешнее тело. Двое подходили к нему. Он их вовсе не ощущал — как ни старался.

Бессилен!

Тринт не рождается с Силой. Обычно для развития чувства Силы требуются два тринтских года, и еще год пройдет, прежде чем юный тринт сможет отдавать внятные приказы рабу. Но иногда Сила так и не приходит. Если тринт становится взрослым, не обладая Силой, он называется птаввом. Ему нанесут постоянную розовую татуировку и продадут, как раба, если только собственное семейство не убьет его раньше. Убивают в полной тайне — нет лучшего повода для шантажа, чем факт рождения птавва в богатом семействе.

Судьба взрослого тринта, потерявшего Силу, менее предсказуема. Если он не впадет в кататонию, то может совершить самоубийство; или же им овладеет жажда убийств, и он начнет уничтожать каждого раба и каждого тринта, оказавшегося на пути; или же он заставит себя вообще забыть о существовании Силы. Потеря Силы — это увечье большее, чем слепота или глухота, унижение большее, чем кастрация. Если бы человек утратил разум, но сохранил воспоминания о своей потере, он мог бы понять ощущения Кзанола, ибо Сила есть то, что отличает тринта от животного.

Все еще смея надеяться, Кзано́л посмотрел прямо на приближающихся чужаков и приказал им СТОЯТЬ! Чувство не работает, но вдруг?... Рабы продолжали идти.

Они смотрели на Кзано́ла! Он беспомощно искал какой-нибудь способ заставить их не смотреть. Они наблюдают позор тринта, эти малорослые мохнатые беломясы, считающие его равным себе! И он увидел дезинтегратор, лежащий около вытянутой руки покинутого тела Кзано́ла.

Наконец он встал, но, попытавшись прыгнуть, едва не растянулся пластом. Он мог делать шаги подобно перепуганному новичку при пониженной гравитации. Ближайший из рабов подошел к клетке. Кзано́л сгибал свои смешные колени, пока не смог поднять дезинтегратор, используя обе руки, поскольку его новые пальцы выглядели хрупкими, вялыми, бессильными. С рычанием, вырвавшимся из глотки, он обратил копательный инструмент против чужаков. Когда они все повалились на пол или прижались к стенам, он развернулся и побежал, налетел на проволочную сеть, подался назад, прорезал дезинтегратором дыру, выскочил и помчался к двери. Ему пришлось использовать Гринберга, чтобы тот открыл для него дверь.

Долгое время он думал только о бегстве.

Внизу горели зеленые огоньки, редко раскиданные по пространству между городами. Чтобы увидеть хотя бы два сразу, надо было подняться высоко. Между городами машины обычно летают как раз высоко, особенно если водитель осторожен. Огоньки были станциями обслуживания. Машина нуждается в обслуживании не более двух раз в год, но, находясь далеко за городом, приятно знать, что ты и здесь можешь получить экстренную помощь. Вынужденное одиночество — очень суровое испытание для горожанина, а большинство людей жили в городах.

Также приятно знать, что можно приземлиться около зеленого огонька, не оказавшись на верхушке дерева или на краю обрыва.

Кзано́л обходил города стороной, избегал и зеленых огоньков. Улизнув с физического факультета, он помчался сразу к парковке на крыше, к убежищу своего «фольксва-

гена»¹, и поднял его прямо вверх. Но тут возникла проблема направления. В сущности, ему было все равно, куда лететь. Достигнув нужной высоты, он устремил машину в Нью-Йорк, зная, что в любой момент сможет развернуться и двинуть обратно в Калифорнию. И он предоставил автомобилю передвигаться самостоятельно, за исключением тех случаев, когда надо было облетать города.

А это приходилось делать часто. Зеленые равнины были скорее островами в море городов, чем наоборот. То и дело он натывался на узкие перешейки между городами — ряды зданий в полмили каждый, вытянувшиеся вдоль старых автомагистралей, — пересекал их на максимальной скорости и продолжал полет.

К часу ночи пришлось опустить машину. Управление утомило его. Им двигало вперед только безумное желание бегства; и он уже понимал, что бежать некуда. Он ощущал мучительную ломоту, хотя Гринберг и не обращал на нее внимания. Судороги и спазмы сводили его пальцы, которые казались еще более нежными, чем раньше. Впрочем, так оно и было! Из воспоминаний Гринберга он узнал, что мизинец на левой руке постоянно болит: травма при игре в бейсбол. И Гринбергу было все равно! Кзанолау страшно было пользоваться руками. Имелись и другие причины для физических страданий. Его мышцы болели после пяти часов пребывания в неизменном положении. Правая нога затекла от постоянного давления на акселератор. Он испытывал зуд везде, где одежда слишком плотно прилегала к телу.

Кзанола посадил машину посреди низкорослого леса в Аризоне, поспешно вышел и стащил с себя одежду. Намного лучше! Он швырнул ее на правое сиденье — может еще понадобится, — залез обратно и включил подогрев. Теперь зудело там, где он касался сиденья, но это можно перетерпеть.

Он позволил рефлексам Гринберга вести машину и по ходу привык к присутствию Гринберга в своем сознании.

¹ Авторский недосмотр: ранее упоминается, что Гринберг отпраздновал в университет на такси.

Он мог черпать из его памяти без страха и дискомфорта. Но он не привык к чужому телу, которое носил сейчас, и не имел ни малейшего намерения приспособиться к потере Силы. Кзано́л хотел получить свое тело обратно.

Он знал, где оно находится: увидел его, поднимая дезинтегратор. Память Гринберга добавила ему подробностей. Видимо, он уронил дезинтегратор, когда пытался защититься обеими руками. Тело так и будет лежать, пока Кзано́л не найдет способ вернуться в него.

Для этого потребуется взять под контроль людей, которые управляли машиной для контакта. Ему понадобится немалая техническая помощь, чтобы вывести тело Кзано́ла из стазиса; глазами Гринберга он увидел ржавое пятно на своей спине. Для получения всей этой помощи нужна Сила. Но как ее добыть? Его человеческий мозг не содержал в себе Силы.

Оставался один шанс. Людям знакомы космические полеты, вспомнил Кзано́л-Гринберг. Весьма жалкие полеты: кораблям требуются десятилетия для перелетов между населенными планетами и многие сутки даже для посещения планет Солнечной системы. Но все же это космические полеты. Вот бы найти систему F124, и вот бы она оказалась достаточно близко, тогда бы он раздобыл шлем-усилитель. А Гринберг обладает зачатками телепатии.

Шлем усилит его небольшой дар до подобия тринтской Силы.

Но где сейчас находится Кзано́л? Должно быть, промахнулся мимо F124, решил он, и случайно столкнулся с этой планетой по имени Земля. Сможет ли он добраться до потерянной планеты за время жизни Гринберга?

Тело Гринберга хотело есть (было двадцать минут второго), пить и курить. Кзано́л без труда мог игнорировать голод и жажду, потому что тринт убьет себя, если наестся досыта, и разорвет мешок-резервуар, если напьется до утоления жажды. Слабые умом предки тринтов вели жестокие битвы за пищу. Но сигареты у него были. Он закурил и решил, что ему это нравится, хотя и пришлось побороть желание сжевать фильтр.

Где он?

Он позволил воспоминаниям Ларри Гринберга всплыть на поверхность. Средняя школа. Уроки истории, оценки так себе. Космическая гонка; базы на Луне; базы на Марсе. Пояс астероидов. Колонизация Пояса. Экономика Пояса. Родильный астероид. Перенаселение на Земле. Законы о рождаемости; Комиссия по рождаемости; восстание сверхчеловеков. Санкции против Пояса по ходу дискуссии об использовании юпитерианских лун. Просачивалось много лишнего материала, но Кзано́л получил хорошее представление о Солнечной системе. Он на третьей планете, и она двойная. Ему чрезвычайно повезло врезаться в нее.

Передачик энергии ООН на Меркурии. Провал экономических санкций. Пределы автономности Пояса. Промышленная война. Почему Пояс считают врагом? Забыть. Пояс разрабатывает Кольца Сатурна, добывает там воду. Кольца!

— Уй! — Кзано́л отшвырнул окурок и засунул в рот обожженные пальцы.

«F124. Это все же F124», — подумал он.

Но эта планета не походила на F124. Его обуяла дрожь, и он включил подогрев.

В час тридцать Джуди встала и вышла наружу. Одной в темноте переносить этот кошмар становилось невозможно. Ларри не позвонил.

На ее вызов прибыло такси, опустилось на углу. Она не знала адрес физфака университета, но в машине был телефон, и, связавшись с информаторием, Джуди напечатала адрес на панели. Такси зажужжало и поднялось.

Джуди откинулась в мягком кресле. Несмотря на усталость, она никак не могла заснуть.

Громадной колонной высилось здание университета, сверкавшее огнями; это было ночное освещение для защиты от летательных аппаратов. Но все же... уровень примерно на половинной высоте здания был втрое ярче. Еще до того, как такси начало снижение, Джуди догадалась, какой это уровень. Когда они проносились над посадочным балконом, она заметила и другие подробности.

Крупный квадратный аппарат был машиной «скорой помощи» большой вместимости, а те маленькие машины с вытянутыми капотами — полицейскими. Вокруг мельтешили крошечные фигурки.

Кзанол машинально зажег последнюю сигарету. Ротовая полость и гортань горели; это нормально? Он вспомнил, что нет, разве что когда он курил слишком много.

...И вот приходит Время созревания. Все вдруг начинают суетиться; отец и дед возвращаются домой очень поздно, совершенно измученные, а рабы вообще никогда не отдыхают. Днем и ночью доносится шум падающих деревьев и басовитое гудение лесопилки.

Будучи слишком юным, чтобы помогать, он обычно сидел под охранными подсолнечниками и наблюдал, как деревья загружают в лесопилку. На входе они выглядели как самые обычные деревья мпул: идеально прямые, с огромным зеленым цветком на вершине и темно-синим стволом, который сужался, переходя в стержневой корень. В лесопилке цветок, мягкая кора и корень удалялись. Бревна выходили наружу, сверкая на солнце; от дерева оставались только твердотопливное ракетное ядро и тонкая оболочка из кристаллического металла, скрытая под корой. Затем стволы отправляли на все ближние цивилизованные миры на кораблях, которые взлетали с помощью других бревен.

Но сначала проводились испытания. Случайным образом выбранное бревно помещалось на стенд. Дед и отец стояли неподалеку с такими лицами, словно насосались кислого гнала. Они напряженно следили, как горит бревно, при малейших признаках сбоя готовые забраковать весь урожай. Кзанол привык копировать их выражения. Маленькие техники-тнуктипы бегали вокруг, устанавливая инструменты. Они выглядели изнуренными и важными, при этом казались слишком маленькими для разумных животных, какими были в действительности. Их изошренная биологическая наука при помощи мутаций сделала из бесполезных деревьев мпул ракетные стволы. Они создали подсолнечники, охранявшие дом: изгородь из двенадцати-футовых столбов, на каждом гибкое серебристое зеркало,

чтобы фокусировать свет на фотосинтезирующем наросте — или же сместить этот фокус на атакующего врага. Тнуктипы вывели огромных, безмозглых, питающихся дрожжами беломясов, которые служили кормом как семейству Кзанола, так и самим плотоядным тнуктипам. Доказав ценность своих независимо мыслящих умов, тнуктипы получили больше свободы по сравнению с прочими расами рабов.

И вот тнуктип запускал ствол. Пламя проносилось над долиной — бело-голубое и очень прямое, к концу переходящее в красный дым, а приборы между тем точно измеряли тягу бревна, и дед удовлетворенно улыбался. Пламя сотрясало мир своим ревом, а маленький Кзанол боялся, что тяга деревьев увеличивает скорость вращения планеты...

Кзанол-Гринберг стряхнул пепел с последней сигареты и обнаружил, что предыдущая догорает в пепельнице, выкуренная только на две трети. С ним такого не случилось после окончания школы! Он выругался по-тринтски и чуть не подавился; его гортань явно не была приспособлена для свехречи.

Сидя тут со своими воспоминаниями, он тоже ничего не выиграет.

Где бы во Вселенной он ни находился, надо добраться до космопорта. Ему нужен шлем-усилитель. Потом он разберется, откуда на F124 взялись чужие и почему они считают, что находятся тут дольше, чем это возможно.

Он завел двигатель и набрал адрес: «Тописка¹, Канзас».

Ему так или иначе придется захватить корабль. Лучше всего вооруженный (в этой части космоса по определению царит беззаконие, раз тут нет тринтов), а около Топки есть военный космопорт.

«Погоди-ка, — подумал он. — Это не может быть F124. Слишком много планет! У F124 было восемь планет, а здесь их девять».

Эта мысль навела его и на другие различия. Пояс астероидов у F124 куда более плотный, а луна слегка вращается, вспомнил он. Он не в той системе!

¹ *Тописка* — город в Канзасе, столица штата. В настоящее время даже с пригородами население составляет менее 250 тысяч человек.

Просто совпадение. Кзанол ухмыльнулся. И какое совпадение! Обитаемая планета, планета с кольцами, миры в похожем порядке... Подумать только, он — единственный тринт, обнаруживший две планеты рабов. Он будет самым богатым существом в Галактике! Его даже перестал беспокоить вопрос, удастся ли найти карту. Но шлем-усилитель нужен ему в любом случае.

Джуди была на грани истерики.

— Они что, вообще не могут ничего сказать? — повторяла она, зная, что ведет себя неразумно.

Терпение шефа полиции Лос-Анджелеса Ллойда Мэсни явно истощалось.

— Миссис Гринберг, — произнес он веско, — вы знаете, что прямо сейчас доктору Янски проводят замену глаз и лица. И широкого куска кожи на спине, ободранной почти до позвоночника. Состояние других немногим лучше. У доктора Снайдера глаза не пострадали, но пришлось заменять ту часть лица, которую он не прикрыл руками, и на ладонях, и на спине. Кнудсен получил открытые раны, достигающие до спинного мозга и нескольких ребер. За исключением мистера Тримонти, автоврач не позволит нам пробудить никого из них, даже по требованию полиции. Его допросили, пока шла замена участков черепа и скальпа на затылке. Он был в глубоком шоке, а сейчас лежит под местным наркозом, его беспокоить нельзя. Вы послушаете запись допроса, когда мы ее получим. Могу я пока предложить кофе?

— Да, спасибо, — сказала Джуди.

Она подумала, что Мэсни предоставляет ей шанс собраться с мыслями, и была за это благодарна. Вскоре он вернулся и протянул чашку. Она несколько секунд прихлебывала напиток, незаметно изучая шефа полиции.

Это был коренастый человек с короткими руками и ногами, прямыми седыми волосами и смуглым лицом; пушистые усы тоже были седыми. Казалось, его снедало такое же нетерпение, как и саму Джуди. В данный момент его ноги были перекинuty через одну ручку вращающегося кресла, а плечи покоились на другой.

— Есть ли у вас представление, где он может сейчас находиться? — не выдержала Джуди.

— Разумеется, — неожиданно ответил Мэсни. — Он только что пересек границу Канзаса и Колорадо на высоте девять тысяч футов. Подозреваю, он не знает, как закоротить опознаватель водительских прав. Может, это его и не беспокоит.

— А может, он просто не любит города, — сказал старик в углу.

Джуди думала, что тот спит. Его представили как Лукаса Гарнера, сотрудника АРМ¹ при ООН. Джуди ждала продолжения, но Гарнер, видимо, решил, что сказал все.

Пояснения за него дал Мэсни:

— Мы не афишируем тот факт, что все наши системы аварийного управления находятся в больших городах. Знай он достаточно, чтобы избегать городов — а он это и делает, — то должен был бы знать и способ закоротить опознаватель, чтобы мы не могли его засечь. Люк, у вас есть основания думать, что ему просто не нравятся города?

Лукас кивнул. По мнению Джуди, он выглядел старейшим человеком в мире. Его лицо — невероятно морщинистым. Он перемещался на кресле с воздушной подушкой, мощном, словно танк.

— Чего-то такого я ждал много лет, — изрек он. — Помнишь ли, Ллойд, когда Законы о рождаемости вступили в силу, я сказал тебе: теперь психи-социопаты начнут убивать холостяков, получивших права на детей? Это и произошло. Сейчас тут нечто схожее. Я думал, подобное может стрястись на Джинксе, но нет, это случилось здесь. Ларри Гринберг думает, что он — инопланетянин.

Джуди оцепенела.

— Но он проводил такие эксперименты раньше, — запротестовала она.

— Нет. — Гарнер вытащил зажженную сигарету из подлокотника своего кресла. — Не проводил. Он работал

¹ АРМ — Амальгамированная региональная милиция. Организация, которая к описываемому времени заменила упраздненные национальные вооруженные силы и спецслужбы. Подчинялась непосредственно правительству Земли.

с людьми и дельфинами. Теперь же нарвался на нечто такое, чего не смог выдержать. У меня есть догадки, что произошло, и я отдал бы свою коляску, — (Джуди не заметила у кресла никаких колес), — чтобы узнать, прав ли я. Миссис Гринберг, вашего мужа когда-нибудь просили прочитывать мысли телепата?

Джуди безмолвно замотала головой.

— Вот, — сказал Гарнер.

Было похоже, что он опять собирается заснуть, на этот раз с зажженной сигаретой между пальцами. Его руки были огромны, с мускулами, выпирающими под дряблой пятнистой кожей, с плечами, как у кузнеца. Контраст между массивным торсом Гарнера и его беспомощными, почти лишенными плоти ногами делал его несколько похожим на лысую обезьяну.

Он оживился, как следует затянулся и продолжил разговор:

— Люди Ллойда явились сюда через пятнадцать минут после бегства Ларри Гринберга. Полицию вызвал, конечно, Тримонти; никто другой не мог двигаться. Через десять минут появился и сам Ллойд. Когда увидел раны у людей, в которых выстрелил Гринберг, он позвонил мне в Брюксель. Я состою в АРМ, Технологической полиции ООН. Был повод думать, что раны нанесены каким-то новым оружием, существование которого следует скрыть. В любом случае оно нуждается в изучении. Именно оружие заинтересовало меня в первую очередь. Подозреваю, никто из вас не слышал о Баке Роджерсе?¹ Нет? Очень жаль. Тогда я просто скажу, что никакая из нынешних технологий не могла привести к созданию подобного оружия. Оно не уничтожает материю, что немного успокаивает. Переписать хоть один закон физики — это вам не земляной орех съесть. Оружие это материю рассеивает. Люди Ллойда обнаружили, что следы крови, плоти и костей образовали

¹ *Бак Роджерс* — вымышленный персонаж, придуманный американским фантастом Филипом Ноланом в 1928 году и ставший героем многочисленных комиксов, телесериалов и фильмов, выходивших вплоть до последнего времени. Имя Бака Роджерса стало нарицательным.

один жирный слой, повсюду покрывший комнату. Не просто микроскопические следы, а комочки, слишком малые, чтобы различить их взглядом. Свидетельство Тримонти было просто божественным даром. Очевидно, Морская статуя выронила оружие, и Гринберг его использовал. Почему?

— Ближе к делу, Люк, — проворчал Мэсни.

— К делу так к делу. Контактный шлем — сложное псионное устройство. Один из вопросов, которым задавались психологи, таков. Почему контактеры не оказываются полностью сбитыми с толку, когда в их мозг проникают лишние мысли? Обычно после нескольких минут растерянности все выправляется. Говорят, это происходит потому, что поступающие воспоминания слабы и размыты, но это лишь половина ответа. Это даже может быть результатом, а не причиной. Вот представьте себе. Два человека сидят под колпаками из кристаллического железа, и когда один из них встанет, он окажется с двумя полными наборами памяти. Который из них принадлежит ему? Так вот, один из наборов помнит иное тело, чем то, в котором он оказался. Еще важнее, что один из наборов помнит, что он телепат. А другой — нет! Один из них, таким образом, помнит, что садился под контактный колпак, зная заранее, что после сеанса у него будут два набора воспоминаний. Естественно, контактер будет вести себя так, словно именно этот набор — его собственный. Даже с восемью или десятью разными наборами памяти контактер автоматически будет использовать свой собственный. Что ж, а теперь допустим, что Морская статуя — телепат. Не подверженное телепатии существо, как Ларри Гринберг, а полный телепат, способный прочесть любое сознание по своему выбору. Внезапно все запутывается. Гринберг просыпается с двумя наборами памяти, и один из них хранит память о чтении сотен или тысяч других сознаний! Поняли?

— О да, — сказала Джуди. — Я предупреждала его, что могут быть сюрпризы. Но что нам делать?

— Если он в ближайшее время не пролетит над городом, придется выслать перехватчиков. Однако лучше дождемся, когда Снайдер выйдет из автоврача.

Полчаса спустя Кзано́л снова посадил машину. Сму́щала необычная резь в глазах, а когда показалось, что теряет сознание, он испугался. Потом память Гринберга объяснила, в чем проблема. Его клонило в сон.

Он не стал терять время на раздумья. Кзано́л уже привык к унижениям, доставляемым телом Гринберга. Приземлившись на вспаханном поле, он заснул.

Проснувшись с первыми лучами солнца, снова поднял машину. И как это ни было невероятно, начал получать удовольствие. Перед мчащимся авиамобилем то и дело возникали городки и мегаполисы, и он осторожно огибал их; но теперь его заинтересовала сельская местность. Поля пшеницы и люцерны выглядели необычно из-за своих небольших размеров и шахматного расположения. Имелась и другая растительность, и он опустил пониже, чтобы рассмотреть деревья. Вместо цветков у них были бесформенные пушистые зеленые кроны. Иногда деревья приносились к земле, словно опасаясь неба. Возможно, на этой планете случались сильные ветры. Деревья почти никогда не вырастали совершенно прямо — причудливые, асимметричные и прекрасные. Но память Гринберга мало что могла подсказать: Ларри был горожанином. Кзано́л даже отклонился от своего пути, чтобы разглядеть их. Он низко нырял над старинными домиками с островерхими крышами, восхищенный необычной архитектурой, и снова размышлял о земной погоде. Получив толчок, Гринберг припомнил канзасские торнадо. Эти ураганы произвели на него сильное впечатление.

Он был счастлив, словно турист. Правда, ему все сильнее хотелось есть, пить, курить или жевать гнал. Но он мог не обращать внимания на эти мелкие неудобства. Будучи тринтом, он знал, что гнал окажется смертельным ядом; Гринберг же был твердо уверен, что бросит курить, как только пожелает. Кзано́л верил этому и игнорировал позывы. Собственно, он доверял всему, что находил в памяти Гринберга.

И глазел на пейзажи, как любой турист, встретивший нечто новое и необычное.

Часа через два это ему приелось. Снова стала беспокоить проблема собственного местонахождения. Но он уже при-

думал решение. Надо отправиться в Публичную библиотеку Топики. Если неподалеку была обнаружена солнечная система, почти идентичная этой, он найдет нужную информацию. Телескопы Пояса, не ограничиваемые атмосферными искажениями, могли различать планеты, обращающиеся вокруг иных солнц; межзвездные роботы с прямоточными двигателями почти целый век разыскивали Вселенные, пригодные для обитания. Если система F124 еще не найдена, значит она лежит за пределами досягаемости земных кораблей и он может с чистой совестью покончить с собой.

Но удивительно, насколько схожи системы F124 и Солнечная. Две обитаемые, притом двойные, третьи планеты, гигантские пятые планеты, пояса астероидов, сходные по расположению, если не по плотности; и там и там первые восемь планет имели близкие размеры и компоновку, а у шестых планет были кольца... Почти невероятно!

О потеря Силы! Кзано-Гринберг вздохнул и хрустнул пальцами, изрядно напугав себя. Слишком трудно поверить! Он и не поверил.

Внезапно навалилась страшная усталость. Тринтун очень далеко, неизвестно где. Шлем-усилитель и вся остальная собственность Кзанола, вероятно, тоже недосыгаемы. Его Сила исчезла, и даже его тело похищено с помощью какого-то ужасного рабского колдовства. Но что хуже всего, он не представляет, как действовать дальше!

Вдали показался город. Машина мчалась прямо туда. Кзано-Гринберг хотел было пролететь мимо, как вдруг сообразил, что это и есть Топика. Он опустил голову на руки, мечтая вновь потерять сознание. Все силы словно вытекли из него.

Это должна быть F124.

Должна — но не может. Эта система имеет лишнюю планету и недостаточное количество астероидов.

Но, вспомнил Кзано-Гринберг, считалось, что Плутон случайно попал в Солнечную систему — из-за его необычной орбиты и расхождений в математических оценках размеров. Возможно, он был захвачен Солнцем до пробуждения Кзанола.

Всего за триста лет? Совершенно неправдоподобно.

Кзано́л поднял лицо, на котором был написан страх. Он ведь отлично знал, что триста лет — нижний предел; бортовой мозг корабля указал, что триста лет будет длиться путь на половинной мощности. Кзано́л мог пролежать захороненным намного дольше.

Примем Плутон за данность. А как насчет расы рабов, процветающей там, где могут жить только дрожжи, на фут покрывающие океаны, или в лучшем случае беломясы, большие, как бронтозавры, и ненамного более привлекательные? Те, что бродят по береговой линии, питаюсь мутировавшей накипью.

Он не мог найти объяснений и потому оставил эту тему.

Но Пояс астероидов был определенно более разрежен, чем раньше. Правда, со временем он бы действительно истончился, поскольку под давлением света и солнечного ветра пыль и мелкие частицы выбросило бы в далекий космос, а столкновения с большими планетами убрали бы некоторое количество скал, и даже астероиды с наиболее вытянутыми орбитами были бы заторможены и уничтожены трением внутри солнечной атмосферы — которая должна простираться куда дальше орбиты Земли. Только это дело не нескольких сотен лет. Или даже тысяч. Или даже сотен тысяч.

И он понял.

Не сотни лет. Не сотни тысяч. Он был на дне моря, когда Солнечная система захватила новую планету и потеряла почти треть астероидного пояса, пока океаны пищевых дрожжей мутировали, и портились, и мутировали снова и снова... Лежа на дне моря, он ждал, пока дрожжи не превратились в траву и рыбу, пока не стали ходить на двух ногах подобно тринтам.

И миллиарда лет не хватило бы. За два миллиарда — может быть.

Он обвил колени руками, словно хотел спрятать между ними голову. Тринт бы так сделать не смог. Кзано́ла напугал не просто промежуток времени, а потеря всего, что он знал и любил, даже своей собственной расы. Не только планета Тринтун, но и весь род тринтов должны были исчезнуть в прошлом. Живи сейчас тринты в Галактике, они много веков назад колонизировали бы Землю.

Он последний тринт.

Кзанол медленно поднял голову и без всякого выражения уставился вниз, на обширный город.

Все равно он может вести себя как заправский тринт.

Автомобиль остановился. Должно быть, над центром Топики. Но в какой стороне космопорт? И как туда попасть? Гринберг, увы, не имел опыта в угоне космолетов. Хорошо, для начала найдем, где находится космопорт, а затем...

Машина завибрировала. Он ощутил это смехотворно нежными пальцами. Пришел и звук, слишком высокий, чтобы его слышать, но отдающийся в нервах. Что происходит?

Кзанол заснул. Машина повисела еще секунду, потом стала опускаться.

— Меня вечно запихивают в конец самолета, — проворчал Гарнер.

Ллойд Мэсни не проявил сочувствия:

— Тебе еще везет, что не заставляют кататься в багажном отсеке из-за отказа оставить там твой суперкар.

— А что такого? Я же инвалид!

— Угу. А процедуры Чьена не помогают?

— Ну, в некотором смысле помогают. Мой позвоночник снова восприимчив для кое-каких сигналов. Но десять шагов по Комнате дважды в день — это для меня почти убийственно. Еще только через год я смогу выйти в город и вернуться. А пока мое кресло путешествует со мной, а не в багаже. Я к нему привык.

— Этот год ты не забудешь, — пообещал Мэсни. — Сколько тебе сейчас лет, Люк?

— В следующем апреле будет сто семьдесят. Но годы не становятся короче, Ллойд, что бы там ни говорили. Почему меня засовывают в хвост? Я нервничаю, когда вижу раскаленные докрасна крылья, — поежился Гарнер.

Джуди Гринберг вернулась из туалета и села рядом с Ллойдом. Люк находился рядом через проход; два кресла перед вылетом убрали, чтобы создать для него место. Джуди, казалось, вполне пришла в себя; она выглядела и разговаривала так, словно только что явилась из салона

красоты. С расстояния ее лицо казалось спокойным. Гарнер отметил некоторое напряжение мышц вокруг глаз, в щеках, вдоль шеи. Но Гарнер был очень стар. Он мог читать мысли своим собственным методом, не связанным с психическими способностями.

— Мы приземлимся через полчаса, — сказал он в пустоту. — Пока не доберемся туда, Гринберг будет спокойно спать.

— Хорошо, — ответила Джуди.

Она наклонилась вперед и включила трехмерный экран на спинке переднего кресла.

Сквозь сон Кзанол почувствовал нечто совершенно новое и крайне неприятное — и очнулся, отплевываясь. В ноздри бил запах аммиака. Он проснулся, брызгая слюной, задыхаясь, готовый к массовому убийству. Первому же увиденному рабу приказал покончить с собой страшным образом.

Раб неуверенно улыбнулся ему:

— Дорогой, ты в порядке?

Голос был крайне напряженным, а улыбка — лживой.

Все тотчас вернулось. Это Джуди...

— Конечно, любимая, я в полном порядке. Не побудешь ли за дверью, пока эти добрые люди зададут мне несколько вопросов?

— Да, Ларри.

Она встала и поспешно вышла. Кзанол подождал, пока дверь за ней затворится, и обернулся к остальным.

— Ты, — обратился он к человеку в инвалидном кресле.

Увечный раб явно был самым старшим, значит он тут и командует.

— Зачем ты впутал Джуди в это дело?

— Я надеялся, что это подстегнет твою память. Сработало?

— Моя память идеальна. Я даже помню, что Джуди — разумная самка, и новость, что я не Ларри Гринберг, будет для нее серьезным ударом. Вот почему я ее отослал.

— Хороший поступок. Ваши самки не разумны?

— Нет. Иметь разумного партнера — что за нелепость? — Кзанол зарылся на миг в воспоминания Грин-

берга, мерзко ухмыльнулся и вернулся к насущным делам. — Как вам удалось спустить меня на землю?

— Ничего сложного, — пожал плечами старик. — Мы усыпили тебя звукоизлучателем, потом перехватили управление автопилотом. Единственный риск заключался в том, что машина могла быть на ручном управлении. Кстати, я Гарнер. А он — Мэсни.

Кзанола на это ничего не сказал. Он отметил, что Мэсни — человек коренастый и очень широкий, поэтому кажется куда ниже своих шести футов и двух дюймов, а его волосы и пищевые усики, или что там у него росло, снежно-белые. Мэсни смотрел на Кзанола задумчиво. Так свежее испеченный студент-биолог разглядывает овечье сердце, перед тем как взяться за скальпель.

— Гринберг, — спросил он, — почему ты это сделал?

Кзанола не ответил.

— Янски потерял оба глаза и большую часть лица. Кнудсен почти год будет калеккой: ты рассек ему позвоночник. Вот этим. — Он вытащил дезинтегратор из ящика стола. — Почему? Ты думал, это поможет тебе стать властителем мира? Глупо. Это всего лишь ручное оружие.

— Это даже не оружие, — сказал Кзанола, обнаружив, что ему несложно говорить по-английски, нужно только расслабиться, — это копательно-режущий или формопридающий инструмент. Всего-навсего.

Мэсни устался на него.

— Гринберг, — прошептал он, словно боясь ответа, — кем ты себя считаешь?

Кзанола попытался заговорить и едва не подавился. Сверхречь не подходила для человеческих голосовых связок.

— Не Гринбергом, — выдавил он. — Не... э-э-э... рабом. Не человеком.

— Тогда кем?

Он затряс головой, потирая шею.

— Хорошо. Как работает этот безобидный инструмент? — спросил Мэсни.

— Нажимаешь кнопку, и луч срезает вещество с поверхности.

— Я не это имел в виду.

— Ну... он подавляет заряд электронов. Наверное, можно так сказать. Тогда то, что попадает под луч, самораспадается. Большие устройства мы используем для резки гор. — Голос упал до шепота. — Использовали.

Кзанол справился с удушьем. Мэсни нахмурился.

— Как долго ты пробыл под водой? — спросил Гарнер.

— Думаю, от одного до двух миллиардов лет. Ваших или наших, они не слишком различаются.

— Тогда твоя раса, вероятно, вымерла.

— Да. — Кзанол смотрел на свои руки, словно не веря глазам. — Как... — В горле у него булькнуло. — Как, ради Силы, я попал в это тело? Гринберг считал, что это просто машина для телепатии!

— Правильно, — кивнул Гарнер. — И ты все время, если так можно выразиться, пребывал в этом теле. Гринберг, память инопланетянина наложилась на твой мозг. Ты делал годами то же самое с дельфинами, но это никогда на тебя так не влияло. В чем же дело, Гринберг? Выскочи наружу!

Раб в инвалидном кресле не предпринял никаких попыток убить себя.

— Ты... — Кзанол-Гринберг сделал паузу, чтобы перевести слово, — беломяс. Ты презренный, гниющий, искалеченный беломяс с дефектными гениталиями. Перестань говорить мне, кто я! Я знаю, кто я!

Он поглядел на свои руки. Слезинки, появившиеся в уголках глаз, сбежали, раздражая кожу щек, но лицо осталось невыразительным, как у дебила.

Гарнер смотрел на него с прищуром.

— Ты считаешь себя этим, как его там, инопланетным чудовищем из открытого космоса? Чушь. Инопланетное чудовище валяется на первом этаже этого здания, и оно совершенно безобидно. Если сможем вытащить его обратно в нормальное время, оно назовет тебя самозванцем. Позже я свожу тебя поглядеть на него. Часть сказанного тобою — правда. Я в самом деле старик. Но что такое... э-э... беломяс? — Он подчеркнул последнее слово.

Кзанол успокоился.

— Это я для вас перевел. Беломяс — искусственно созданное тнуктипами животное, служащее источником мяса. Беломяс огромный, как динозавр, гладкий и белый, как шму. Он весьма похож на шму. Мы используем все части тела, кроме скелета, а беломяс ест легкодоступную пищу, дешевую, почти как воздух. Формой напоминает гусеницу, тянущуюся к листку. Рот находится перед лапой на животе.

— Легкодоступную пищу?

Кзанол-Гринберг его не услышал.

— Это забавно, — сказал он. — Гарнер, помнишь ли ты изображения брандашмыгов, присланные второй экспедицией с Джинкса? Гринберг надеялся когда-нибудь прочитать их мысли.

— Надо же, и в самом деле!

— Брандашмыги — это беломясы, — сказал Кзанол-Гринберг. — У них нет разума.

— Я это подозревал. Однако, сынок, тебе стоит вспомнить, что у них было два миллиарда лет на развитие ума.

— Это им не помогло. Они не могут мутировать. Таковыми созданы. Беломяс — это одна большая клетка, с хромосомой длиной в твою руку и толщиной в твой мизинец. Радиация никак не может повлиять на них, а при любом вредном воздействии прежде всего страдает аппарат для почкования.

Кзанол-Гринберг растерялся. Что означает это очередное совпадение?

— С чего вообще решили, что они разумны? — спросил он.

— Ну, например, с того, — сказал Гарнер мягко, — что, согласно отчету экспедиции, их мозг огромен. Весом с трехлетнего ребенка.

Кзанол-Гринберг расхохотался:

— Это тоже было задумано! У мозга беломяса чудесный вкус, поэтому тнуктипские инженеры увеличили его размер. И что?

— А то, что он имеет извилины, как человеческий мозг.

Ну да. Как человеческий, и тнуктипский, и тринтский, кстати. Но почему...

Кзанол-Гринберг похрустел суставами пальцев и поспешил раздвинуть руки, чтобы не повторить этого снова. Загадка разумных брандашмыгов беспокоила его, но другие вещи волновали больше. Почему, например, его не спасли через триста лет после нажатия аварийной кнопки? Он должен был врезаться в Землю подобно всеуничтожающему гневу Подателя Силы. Кто-нибудь на Луне непременно увидел бы это.

Неужели наблюдательный пост на луне брошен?

Почему?

— Возможно, — вломился в его мысли Гарнер, — мутации были вызваны чем-то покрупнее космических лучей. Чем-то вроде пулеметной очереди или метеорного потока.

Кзанол-Гринберг покачал головой и уточнил:

— Есть другие свидетельства?

— Да чертова куча. Гринберг, что ты знаешь о Джинксе?

— Немало, — сказал Кзанол-Гринберг.

Познания Ларри о Джинксе были столь же глубоки, как и у любого колониста. Едва прозвучало это слово, явились непрошенные воспоминания. Джинкс...

Естественный спутник Байнари, третьей планеты Сириуса А. Байнари — гигант с оранжевыми полосами, крупнее и намного горячее Юпитера. Джинкс же в шесть раз больше Земли, сила тяжести там превосходит земную в 1,78 раза, период обращения вокруг оси — свыше четырех суток. Из всех факторов, сформировавших Джинкс, важнейший — отсутствие радиоактивных элементов. Джинкс тверд на всей глубине литосферы, доходящей до половины расстояния от железоникелевого ядра.

Очень давно — еще до рождения Кзанола — Джинкс был намного ближе к Байнари. Настолько близко, что приливы остановили вращение спутника и придали ему яйцеобразную форму. Позднее эти же приливы оттолкнули его от Байнари. Вполне обычное дело. Но атмосфера и океаны приобрели более или менее сферическую форму, а сам Джинкс — нет. Он так и остался вытянутым.

Джинкс превратился в пасхальное яйцо, раскрашенное в разные цвета в зависимости от давления на поверхности.

Океан представлял собой широкое кольцо из чрезвычайно соленой воды, проходящее через полюса вращения. Области, названные колонистами Концами, были на шестьсот миль «выше» океана, то есть на шестьсот миль дальше от центра масс луны, завершаясь самой близкой и самой далекой от Байнари точками. Они буквально выпирали из атмосферы. На снимках, переданных первой экспедицией, Концы выглядели белыми, как кости, с пятнами резких черных теней. Дальше от Концов тени скрывались под атмосферой и появлялись облака. Эти облака все уплотнялись, коричнево-серая земля показывалась изпод них все реже, пока не исчезала целиком. Океан был вечно скрыт полосой перистых облаков в тысячи миль шириной. На уровне моря воздух был чрезвычайно плотным, с неизменной температурой в двести семь градусов по Фаренгейту¹.

Колония Сириус Матер находилась на Восточном континенте, в трех тысячах миль к востоку от океана, и представляла собой треугольник обрабатываемой земли с надвунными домами у слияния двух рек. Первые колонисты выбрали для посадки место с высоким атмосферным давлением, зная, что плотная атмосфера защитит их и от температурных колебаний в долгие дни и ночи, и от ультрафиолетового жара бело-голубого Сириуса А. Сириус Матер теперь мог похвастаться изрядным населением: почти двести шутников всех возрастов...

— Хорошо, — произнес Гарнер. — Тогда я не буду ничего объяснять. Ллойд, можно воспользоваться телефоном?

— Само собой. — Ллойд ткнул пальцем в стену.

Экран телефона был велик, занимал полстены. Люк набрал номер тринадцать быстрыми движениями указательного пальца. Экран сразу же осветился; появилась изящная молодая брюнетка с вьющимися волосами.

— Технологическая полиция, архивный отдел.

— Говорит Лукас Гарнер, выездной оперативник. Вот мой код. — Он показал камере пластиковую карту. —

¹ 97 градусов по Цельсию.

Я хочу получить раздел о брандашмыгах из сообщений с Джинкса за две тысячи сто шестой год.

— Да, сэр. — Девушка встала и вышла из поля зрения.

Кзанол-Гринберг наклонился к экрану. Последнее сообщение с Джинкса прибыло только два месяца назад, большая часть его еще не была обнародована. Он помнил, что видел отдельные кадры с брандашмыгами, но и только. Теперь, обладая новым взглядом на мир, он узнает, действительно ли брандашмыги — это беломясы.

Вообще-то, какая разница? По сути, он должен чувствовать себя как в тот момент, когда прекратилось действие звукового снотворного Мэсни. Лишенным друзей, дома, тела, потерявшим всякую надежду. Но первый долг пленника — бежать. С помощью обмана, измены, воровства или убийства, любым способом. Если удастся убедить этих наглых рабов в том, что он будет сотрудничать, что готов предоставить информацию...

Но сначала надо получить ответ. Позже он решит, почему этот вопрос кажется таким важным. Предположение о том, что беломясы могут быть разумными, поразило его, как смертельное оскорбление. Почему? Не важно почему.

Девушка вернулась, улыбаясь.

— Мистер Гарнер, передаю вас мэру Херкимеру, — сообщила она и коснулась чего-то под краем стола.

Изображение рассеялось и собралось снова, но теперь оно было рваным, усыпанным цветными точками. Луч мазера, перенесший картинку за девять световых лет, на пути пострадал от воздействия пыли, гравитационных полей и накладывающихся световых волн.

У мэра Херкимера было широкое лицо, каштановые волосы и густая борода. Голос прорывался сквозь помехи, но произношение было ясным и аккуратным, хотя и с акцентом.

— ...Поскольку все, что не было приварено, давно уже вытащили из «Ленивой восьмерки-два», и поскольку термоядерный реактор «Ленивой восьмерки-один» при посадке не пострадал и будет снабжать нас энергией весь чертов век, и поскольку до весны работы в любом случае мало, начальство проголосовало за то, чтобы рискнуть и послать «Ленивую восьмерку-два» для изучения океанических об-

ластей Джинкса. В силу этого решения шестеро наших пылких исследователей, а именно... — Херкимер перечислил фамилии, — взяли корабль и отправились на запад. Кольцевидное летающее крыло — это вам не чертов аэроплан, но корабль был легче, чем при первой посадке, и у нас было достаточно энергии, чтобы летать вечно или сесть вертикально на любую равнину. Проблема заключалась в том, что чертова видимость все снижалась...

— Их жаргон, похоже, несколько изменился с тех пор, как они отправились на Джинкс, — шепнул Гарнер.

— Так ты это заметил?

Кзанол-Гринберг поморщился. Посторонние разговоры его злят, и эта злость легко выдаст в нем инопланетянина, где бы он ни оказался. В 2106 году научись не слышать лишние шумы, иначе спишишь.

— ...Вообще ничего не было видно. Даже в свете термоядерного двигателя мы различили землю только на высоте двухсот футов. Мы опустились на твердотопливных двигателях около береговой линии и включили камеры. И немедленно были окружены... вот этими.

Мэр Херкимер умел нагнетать драматизм. После того как он замолк, на экране появился покатый песчаный пляж. На ближнем плане почерневший песок был сметен в дугообразный вал. Далее тянулся океан — без единой волны. Вода выглядела... густой. Густой, серой и живой.

В поле зрения появилось нечто. Нечто белое, похожее на гигантского слизня, но с гладкой поблескивающей кожей. Спереди из туловища выдавалась шея, как у бронтозавра, но без признаков головы. У основания шея была такой же широкой, как и туловище, потом поднималась конусом. Конец был толстым и закругленным, гладким, не считая двух пучков черной щетины.

Камера наблюдала за приближением твари, показав, как та остановилась у обожженного песка. Из тумана появились другие, похожие. Камера описала полный круг: повсюду — огромные белые туши, словно кашалоты-альбиносы, плывущие по песку.

Их круглые верхушки покачивались туда-сюда; щетинистые пучки шевелились без ветра. Разумеется, щетинки — органы чувств; разумеется, рты не видны, потому

что закрыты. Необычно для беломясов. Но это самые настоящие беломясы.

Заговорил мэр Херкимер:

— Эта запись сделана в видимом свете, но с большой экспозицией, отчего изображение чертовски размыто. Для наших глаз была почти ночь. Биолог Уинстон Дохени при первом же взгляде на этих чудовищ окрестил их злопастными брандашмыгами¹. Это видовое название теперь занесено в чертов журнал. Харлоу вышел наружу в бронированном скафандре и застрелил одного брандашмыга для изучения, остальные сбежали. К счастью, скафандр выдержал температуру и давление.

На экране трассирующие пули прочертили шесть линий откуда-то с края до массивной передней части брандашмыга. Беззвучная смерть, о которой свидетельствовала только упавшая шея. Белые фигуры, подобно призракам исчезающие в тумане.

Херкимер продолжал:

— Они двигаются при помощи волнообразных колебаний брюха, и, как вы сами можете видеть, двигаются чертовски быстро. Согласно Дохени, это животное представляет собой одну большую клетку. Нервы по структуре напоминают человеческие, однако нет ни клеточного тела, ни ядер, ничего, что выделило бы их среди прочей специализированной протоплазмы. Мозг — длинный и узкий, упакован в костяную оболочку внутри приподнятой конусообразной верхушки. Этот череп является одним концом цельной, гибкой и очень прочной внутренней костяной клетки. Видимо, в намерения Господа не входила эволюция этой твари. — Гарнер поморщился, поймав себя на богохульстве. — Рот, которого в этом фильме не видно, находится у основания живота и годится только для того, чтобы вычерпывать планктон из океана.

Запись демонстрировала подробности вскрытия брандашмыга. Два копа у двери явно решили не смотреть; но

¹ Frumious bandersnatch (англ.) из знаменитого стихотворения Льюиса Кэрролла в книге «Алиса в Зазеркалье». «Злопастный брандашмыг» — перевод Дины Орловской, признанный классическим.

Мэсни и Гарнер, для которых вскрытие было делом привычным, наблюдали с большим интересом. Животное положили на бок, чтобы показать ножки на брюхе; челюсти открыли лебедкой. На слайдах были представлены разрезы тканей. Имелась система кровообращения с шестью сердцами, каждое по одиннадцать фунтов весом; с левой стороны были диковинного вида органы, в которых лишь Кзанол-Гринберг узнал аппарат для почкования. С болезненным вниманием он наблюдал, как вскрывали черепную коробку, чтобы продемонстрировать узкий и длинный мозг, серый и весь в глубоких извилинах, покоящийся в черепной лодочке. Форма была хорошо знакома, хотя он ни разу и не видел сырой мозг. Потом все закончилось, и на экране снова появился мэр Херкимер.

— Океан футовой глубины равномерно покрыт какой-то неизвестной разновидностью дрожжей. Стада брандашмыгов движутся по береговой линии, непрерывно питаясь. Берег чертовски непривлекателен для туризма. Всегда темно, волны сглажены гравитацией и дрожжами, по краю бродят брандашмыги, словно потерянные души разрушенных гор. Мы хотели сразу же улететь, но Дохени не нашел органов размножения и решил провести новое вскрытие. И мы выслали вертолеты на поиски другого экземпляра. Но ни один брандашмыг не приблизился на выстрел. Поначалу они были любопытны и не боялись, зато теперь брандашмыги разбегались при виде вертолета, все без исключения. Они не могли всем скопом узнать о нашем появлении, разве что обладают телепатией или языком. Но по крайней мере один чертов брандашмыг всегда оставался в зоне видимости каждого вертолета. Вероятно, они знали, насколько далеко достает наше оружие. На третий день охоты у Дохени кончилось терпение. Он решил, что брандашмыги боятся техники, и, посадив свой чертов вертолет, пошел охотиться пешком. Как только он оказался за пределами выстрела, брандашмыг набросился и раздавил вертолет, как чертов грузовик давит пешехода. Дохени пришлось тащиться обратно на своих двоих. В нескольких сотнях миль к востоку от берега мы нашли другие формы местной...

Речь мэра Херкимера оборвалась на полуслове.

С пустого экрана донесся голос изящной брюнетки:

— Мистер Гарнер, имеется другая часть сообщения с меткой «Брандашмыги». Хотите посмотреть?

— Да, но подождите минутку. — Гарнер повернулся к Кзанолу-Гринбергу. — Гринберг, это были беломясы?

— Да.

— Они телепаты?

— Нет. И я никогда не слышал, чтобы они убегали от кораблей мясозаготовителей. Они продолжали спокойно есть, пока не умирали.

— Хорошо, мисс, мы готовы.

Снова появилось квадратное бородатое лицо мэра.

— Через пять джинксовских дней после отлета мы вернулись на Сириус Матер и обнаружили, что злопастный брандашмыг опередил нас. Единственная особь. Ему пришлось пройти три тысячи миль без дрожжей и других источников пищи только для того, чтобы навестить наш поселок. Чтобы накопить достаточно жира для такого путешествия, он должен был отъедаться месяцами, если не годами. Колонисты его не тронули, что было чертовски разумно с их стороны, а брандашмыг не подходил слишком близко. К этому времени его кожа или клеточная оболочка приобрела светло-голубой цвет, возможно для защиты от солнечного излучения. Он направился в северо-западную сельскохозяйственную зону, провел там два часа, выписывая по ней борозды движениями, которые вице-мэр Тэйс назвал самым диким танцем на свете, и пополз обратно к океану. Поскольку вертолеты были у нас, мы первыми посмотрели на борозды сверху. Вот их изображения. Я убежден, что это некая форма письма. Дохени утверждает, что такое невозможно. Он считает, разум брандашмыгам не нужен, значит он и не мог развиваться. Должен признать, аргументы сукина сына весомы. По сравнению с брандашмыгом дельфин, выброшенный на берег, демонстрирует чудеса проворства. Пожалуйста, проанализируйте все это и сообщите нам, действительно ли мы делим этот мир с разумной расой.

— Машины из этого ничего не выжали, — вставил Гарнер. — Возможно, понятийная база слишком чужда.

На экране появился калейдоскоп помех, затем размытое изображение: кривые линии, словно следы улитки, на коричневой земле. Земля была прежде изрезана математически правильными бороздами, но эти линии были глубже и шире. Их искажали бугры и пни деревьев. Среди волнистых линий приземлился вертолет; он напоминал муху на печатной странице.

Кзанол-Гринберг подавился, откашлялся и произнес:

— «Покиньте нашу планету немедленно, или же будете уничтожены в соответствии с договором...» Остальное я прочесть не могу. Но это научный язык тнуктипов. Можно мне воды?

— Разумеется, — вежливо ответил Мэсни и ткнул пальцем в сторону кулера.

Помедлив, Кзанол-Гринберг поднялся и налил себе воды.

Ллойд подошел к креслу Гарнера и тихо произнес:

— Люк, как все это понимать? Что ты делаешь?

— Удовлетворяю свое любопытство. Расслабься, Ллойд. Через час здесь будет доктор Снайдер, дальнейшее он возьмет на себя. А пока Гринберг расскажет нам еще много интересного. Это, Ллойд, не просто человек с галлюцинациями. Почему инопланетяне считали брандашмыга всего лишь тупым животным? С чего бы такая бурная реакция на наше допущение, что твари эти могут быть разумны? Гринберг думает, что находится в плену у чужих, он считает, что его раса мертва уже миллиарды лет, родина потеряна навсегда, и все же, что его волнует в первую очередь? Злопастный брандашмыг! Ты обратил внимание, как он смотрел, пока шло вскрытие?

— Нет. Мне и самому было интересно.

— Меня пугает мысль о том, что творится в голове Гринберга, какую информацию он хранит. Ты соображаешь, что доктору Снайдеру, возможно, придется навсегда подавить эти воспоминания, чтобы излечить его? Почему столь изошренная раса, как тнуктипы, — он плохо выговаривал это слово, как и Кзанол-Гринберг, — трудилась на ту расу, к которой отнес себя Гринберг? Из-за телепатии? Я просто...

— Я могу вам это пояснить, — с горечью сказал Кзанол-Гринберг.

Он единым духом выпил пять чашек воды и теперь старался отдышаться.

— У тебя хороший слух, — заметил Мэсни.

— Нет. У меня есть небольшой дар телепатии; так, едва-едва. Собственно, этот дар принадлежит Гринбергу, но Гринберг в него не верил всерьез, потому и не мог использовать. Я же могу, хотя мне от него мало пользы.

— Так почему тнуктипы работали на вас? — Мэсни искажил слово еще сильнее, чем Гарнер.

Вопрос сам породил ответ.

Все в помещении дернулись, словно рыбы, угодившие на крючок.

Падения не было. Едва выставив руки перед собой, Кзанол оказался опершимся на шесть пальцев, словно ему предстояло отжаться от пола. Секунду он находился в этом положении, потом встал на ноги. Сила тяготения была великовата.

Где все? Где тринт или раб, освободивший его?

Он был в пустом, отвратительно чужом здании, какие встречаются только в свободных рабских мирах до прибытия надсмотрщиков. Но... как же он попал сюда, направляясь на пустынную пищевую планету? Он ожидал увидеть себя где-нибудь во дворце надсмотрщика. И где все? Ему очень нужен кто-нибудь, способный прояснить ситуацию.

Он прислушался.

По какой-то причине ни у людей, ни у тринтов нет заслонок на ушах, подобных тем, что имеются на глазах. Но орган Силы тринтов защищен лучше. Кзанола ничто не заставляло сразу снять свою ментальную защиту. Однако он решил это сделать — и поплатился. Это как смотреть на электросварку с близкого расстояния. Нигде в тринтской вселенной уровень телепатического шума не достигал такой интенсивности. Рабские миры никогда не бывали так перенаселены, а толпы на тринтских мирах теперь принародно держали свои щиты поднятыми.

Кзанола закачался от боли. Его автоматическая реакция была мгновенной.

— ХВАТИТ ДУМАТЬ ВОЗЛЕ МЕНЯ! — проревел он в оголтелых умах города Топика, штат Канзас.

В комплексе психиатрических больниц, все еще именуемом институтом Меннинджера, команду слышали тысячи врачей, медсестер и пациентов. Сотни пациентов охотно восприняли ее буквально, как руководство к действию. Одни отупели и исцелились, другие впали в ступор. Несколько тихих сумасшедших стали буйными. Кое-кто из медперсонала превратился в пациентов — совсем немногие, но эта убыль усугубила ситуацию, когда из центра города потоком хлынули пострадавшие. А институт Меннинджера был в нескольких милях от полицейского управления Топики.

В небольшом помещении все дернулись, словно рыбы, подцепленные рыбаком. Затем они, кроме Кзанола-Гринберга, перестали двигаться. Их лица были пусты. Они превратились в идиотов.

В первое же мгновение ментальной атаки умственный щит Кзанола-Гринберга включился с почти слышимым щелчком. Ревущий шум еще несколько минут отдавался в сознании Кзанола. Даже начав думать снова, он не осмелился сбросить ментальный щит.

На Земле появился тринт.

Охранники у двери опустили на корточки или повалились, как тряпичные куклы. Кзанола-Гринберг вытащил сигареты из кармана темно-голубой рубашки и зажег одну от окурка, тлевшего в губах Мэсни, которого таким образом заодно спас от серьезного ожога. Он сел и, закулив, стал размышлять о другом тринте.

Пункт первый: этот тринт посчитает его рабом.

Пункт второй: он, Кзанола, обладает работающим ментальным щитом. Это может убедить тринта, кем бы он ни был, что Кзанола является тринтом в человеческом теле. Но может и не убедить. А если и так, придет ли другой тринт ему на выручку? Или он посчитает Кзанола-Гринберга просто птаввом, тринтом без Силы?

Ужасный факт заключался в том, что Кзано-Л-Гринберг и был птавом. Он должен получить свое тело обратно до того, как второй тринт обнаружит его.

Придя к этой мысли, он, как ни странно, перестал размышлять о втором тринте. Хотя было полно причин как следует поразмыслить. Что делает тринт на Земле? Объявит ли ее своей собственностью? Поможет ли Кзанолу-Гринбергу добраться до Тринтуна (или до какой-то новой планеты, которую теперь считают Тринтуном)? Выглядит ли он все еще по-тринтски, или два миллиарда лет эволюции превратили тринтов в чудовищ?

Кзано-Л-Гринберг оставил эту тему и начал соображать, как бы добраться до Нептуна. Возможно, он уже догадался, кто этот второй тринт, но не был готов принять сей факт.

Осторожно прислушавшись, он понял, что тринт покинул здание. Больше ничего не удалось обнаружить, поскольку ментальный щит второго тринта был поднят. Кзано-Л перенес внимание на людей в комнате.

Они приходили в себя, хотя и очень медленно. Из-за ограничений, свойственных мозгу Гринберга, ему пришлось слушать с мучительной концентрацией, но он чувствовал, что их личности восстанавливаются. Лучше всех дела шли у Гарнера, следующим был Мэсни.

Вот-вот должна была пригодиться еще одна часть памяти Гринберга. Ларри не солгал о том, что знает толк в розыгрышах — почти как дельфин. Для их реализации он неделями изучал метод, который великодушно именуют веселой шалостью.

Кзано-Л-Гринберг склонился над Ллойдом Мэсни.

— Ллойд, — заговорил он четко, спокойно, властно, — сосредоточься на моем голосе. Ты будешь слышать только мой голос. Твои веки тяжелеют. Они очень тяжелые. Твои пальцы устали. Сильно устали. Не напрягай их. Твои глаза хотят закрыться; ты еле удерживаешь их открытыми...

Он чувствовал, что личность Мэсни прекрасно реагирует и не оказывает никакого сопротивления.

Повышенная сила тяготения раздражала. Вначале она едва ощущалась, однако через несколько минут стала изнуряющей. Пройдя менее квартала, Кзанол отказался от мысли идти пешком, хотя идея ехать в рабской телеге ему тоже не нравилась.

Я не гордый, сказал он себе. После чего уселся в припаркованный «кадиллак» и приказал вислогубому водителю везти его в ближайший космопорт. Пошла вибрация, от которой застучали зубы, и машина совершенно ненужным рывком поднялась в воздух.

Эти рабы были куда крупнее, чем типичные разумные обитатели суши. Для Кзанола места хватало с избытком. Спустя секунду он осторожно снял шлем. Воздух был немного разрежен, что казалось странным, учитывая большую гравитацию. В остальном же вполне годился. Кзанол бросил шлем на сиденье и вытянул ноги; кресло было слишком широким и неудобным.

Город изумлял. Огромный, причудливый! Взгляду представляли лишь прямоугольные призмы, местами перемежавшиеся желтым прямоугольным полем или низким зданием со странно искривленной крышей. Улицы никак не могли решить, быть ли им прямыми или кривыми. Мимо пролетали машины, жужжа точно гнус. Гудение лопастей его собственной машины пило нервы, пока он не научился его не замечать.

Но где он? Должно быть, каким-то образом промахнулся мимо F124 и врезался сюда. Водителю известно, что эта планета — Земля? — обладает технологиями космических полетов, и, следовательно, тут могут знать, как найти F124. И восьмую планету в этой системе.

Ибо уже очевидно, что Кзанолу понадобится второй скафандр. Эти рабы превосходят его в соотношении семнадцать миллиардов к одному. Они могут уничтожить его в любой момент. Так и поступят, когда узнают, кем он является. Чтобы обеспечить себе безопасность, нужно раздобыть управляющий шлем. Затем придется найти планету тринтов; и может понадобится звездолет эффективнее тех, что создали люди. Их надо заставить делать корабли лучше.

Здания становились ниже, между ними даже появлялись просветы. Не из-за плохой ли транспортной системы эти рабы собираются в такие кучи? Однажды он не пожалеет времени и разузнает о них побольше. В конце концов, они теперь принадлежат ему.

Какое получится повествование! Как будут слушать и восхищаться внуки! Когда придет время, надо будет приобрести балладопевцев. Прунтакилунских балладопевцев, потому что лишь у них есть настоящий дар красноречия...

Космопорт приближался.

Не было никакой необходимости придумывать что-то сложное. Получив полный контроль над Мэсни, Кзанол-Гринберг приказал тому отвезти его в космопорт. Через пятнадцать минут они уже были у ворот.

Сначала он не мог сообразить, почему Мэсни идет на посадку. Почему просто не перелететь через ограду? Но Мэсни информацией не делился. К этому времени его разум должен был стать почти нормальным, а для загипнотизированного человека — вполне нормальным. Мэсни «знал», что он не загипнотизирован на самом деле, что он ведет себя так шутки ради. В любое время он мог выйти из этого состояния, захватив Гринберга врасплох. Пока что он был спокоен, счастлив и свободен от необходимости принимать решения. Ему сказали отправиться в космопорт. Вот он в космопорту. Его пассажир позволил ему взять инициативу на себя.

Только когда они опустились, Кзанол-Гринберг сообразил: Мэсни ожидает, что их пропустит охрана.

— А нам позволят пройти? — спросил он.

— Нет, — сказал Мэсни.

Кусф! Еще одно препятствие.

— А пропустили бы они меня с... — Кзанол подумал, — с Гарнером?

— Да. Гарнер — из АРМ.

— Так поворачивай, возвращайся за ним.

Машина заурчала.

— Погоди-ка, — сказал Кзанол-Гринберг. — Засни.

Где же охранники?

На громадном плоском бетонном пространстве, разделенном большими красными метками на шестиугольники, он увидел космолеты. Там было двадцать-тридцать прямо-точно-ракетных¹ орбитальных кораблей, некоторые с приспособлениями для подъема на орбиту других космических аппаратов. По всей южной стороне поля тянулся линейный ускоритель: четверть мили поставленных в ряд широких металлических обручей. Военные корабли с термоядерными двигателями лежали на боку в ангарах, готовые для установки на плоские треугольные прямоточные ракеты. Но по сравнению с двумя поистине гигантскими кораблями все это смотрелось не круче мотороллеров.

Один из них, смахивающий на чудовищную банку рыбных консервов, представлял собой кольцевидное летающее крыло, покоящееся на нижнем, тупом конце, и был посадочной ступенью, грузовым блоком и системой жизнеобеспечения «Ленивой восьмерки-3». Его бы узнал любой, даже без голубого человеческого знака бесконечности на боку. Он был триста двадцать футов в диаметре и триста шестьдесят в высоту. Другой, далеко справа, являлся пассажирским кораблем, таким же большим, как старинная «Куин Мэри», одним из двух одинаковых роскошных перевозчиков, обслуживающих отель на Титане. Даже на таком расстоянии было очевидно, что все, буквально все сгрудились у его посадочного люка.

Старательно прислушиваясь, Кзанол-Гринберг так и не мог выяснить, что они там делают; но он узнал оттенок слишком спокойных мыслей. Это были укрошенные рабы — рабы, выполняющие приказы.

Второй тринт был недалеко. Но почему он не летит на собственном корабле? А приземлялся ли он здесь? А не проводит ли этот птаввский негодяй неторопливую инспекцию своих новых владений?

¹ То есть с комбинированными двигателями: прямоточными воздушно-реактивными для полета в атмосфере и ракетными для космического пространства.

Кзанол приказал Мэсни:

— Охрана велела нам двигаться вперед. Едем к этому кораблю для новобрачных.

И они заскользили над бетоном.

Гарнер потряс головой и дал ей снова упасть. Сознание у него было как у спящего ребенка. Сквозь него пролетали мысли, эфемерные, словно сновидения. Они не смели задерживаться. Гарнеру приказали не думать.

«Я выгляжу ужасно дряхлым», — вдруг заключил он.

Мысль ускользнула... и вернулась.

«Дряхлым? Я стар, но не дряхл. Нет? У меня на подбородке слюна».

Он еще раз тряхнул головой, со всей силой. Потом шлепнул по лицу ладонью. Гарнер уже снова думал, но не так быстро, как хотелось. Он повозился с управлением кресла и подкатился к кофейному автомату. Когда он наполнял чашку, рука затряслась, и горячий кофе пролился на кисть и запястье. В ярости Гарнер швырнул чашку в стену.

Его разум снова ушел в белую пустоту.

Несколько минут спустя через дверь, пошатываясь, вошла Джуди Гринберг. Она казалась потрясенной, но ее сознание снова функционировало. Она увидела Гарнера, поникшего в своем кресле, с лицом слабоумного старика, и стала лить ему на голову холодную воду.

— Где он? — ожив, поинтересовался Гарнер.

— Не знаю, — ответила Джуди. — Видела, как он выходил, но тогда меня это не заинтересовало. Шеф Мэсни был с ним. Что с нами произошло?

— Что-то, чего мне следовало ожидать. — Гарнер выглядел теперь не как дряхлый старец, а как разъяренный Саваоф. — Это означает, что дела даже не плохи, а ужасны. Эта инопланетная статуя... Едва увидев ее, я понял, с ней что-то не так, но не сообразил, что именно. К чертям! У пришельца обе руки были вытянуты, словно он собирался прыгнуть ласточкой в воду и в последний момент струсил. И еще я заметил небольшой выступ у него на груди. Смотри. Пришелец поместил себя в замораживающее поле, чтобы избежать какой-то катастрофы. После этого

кнопка, включающая поле, оказалась внутри его, и палец, нажавший ее, — тоже. Кнопка не нуждается в фиксаторе для удержания ее в нажатом состоянии; наверное, фиксатора и не было. Но обе руки вытянуты. Когда Янски поместил прищельца в свое собственное поле, тот уронил копательный инструмент Гринберга и отпустил кнопку. Она, должно быть, отжалась. Почему он тогда же не пробудился к жизни, я не знаю; разве что замораживающее поле имеет инерцию наподобие гистерезиса в электрическом токе. Но сейчас он жив, и это его мы услышали.

— Значит, он — сущее чудовище, — сказала Джуди. — И Ларри мнит себя им?

— Именно.

Кресло Гарнера поднялось и описало дугу по комнате, затем выскользнуло за дверь, набирая скорость. Джуди проводила его взглядом.

— И если Ларри поймет, что он не тот, кем себя считает... — начала она с надеждой и осеклась.

Один из полицейских, двигаясь как лунатик, встал на ноги.

Осматривая космопорт, Кзано́л взял с собой охранников. Он также забрал всех ремонтников, диспетчеров, астронавтов и даже пассажиров, которые повстречались ему на пути. Владельцу «кадиллака» даже вояж на Марс казался опасным путешествием! Если состояние земных космических технологий таково, лучше иметь под рукой как можно больше специалистов.

Пару диспетчеров он отослал обратно на рабочие места, чтобы поискать на звездных картах F124. Прочая обслуга пошла с Кзанолом, все увеличиваясь в числе. Только у двоих хватило здравого смысла спрятаться при виде приближающейся толпы. К тому моменту, когда Кзано́л добрался до пассажирского лайнера, он увлек за собой всех, находившихся в космопорту, кроме Мэсни, Кзано́ла-Гринберга и этих двоих, проявивших осторожность.

Он уже выбрал «Ленивую восьмерку-3», единственный межзвездный корабль на поле. Пока спасательный выключатель на его спине будут чинить, рабы смогут закончить

монтаж двигателя и топливных баков и вывести их на орбиту. По крайней мере через год он будет готов покинуть Землю. Тогда он возьмет с собой большой экипаж и проведет путешествие в стазисе, поручив рабам будить его каждый раз, когда новый ребенок достигнет возраста, при котором можно воспринимать приказы. Их потомки и разбудят его в конце путешествия.

Стоя перед обтекаемым кольцом, представлявшим собой хвостовую часть корабля, Кзанол смотрел в зияющую пасть твердотопливного посадочного двигателя. Сознание одного из инженеров пояснило ему, как вращение корабля заменит искусственную гравитацию. Он прошелся вдоль задней стены центрального коридора и через двери над головой и под ногами рассмотрел Сад, где вместо системы воздухообмена вроде той, что вырастили тнуктипы на его корабле, тянулись рады гидропонных баков. Посетил и огромный пост управления — там три стены были покрыты кошмарной мозаикой из циферблатов, экранов и пультов. Его собственный корабль нуждался только в экрانه и панели управления бортовым мозгом. Повсюду он видел изобретательность, заменявшую подлинное знание, и сложные импровизации вместо компактных и простых машин, известных ему. Осмелится ли Кзанол доверить свою жизнь этому наспех собранному монстру?

У него не было выбора. Примечательно, что и люди поступили бы так же; они интриговали и боролись, чтобы попасть сюда. Зов космоса был их манией — психической болезнью, требующей быстрого исцеления, пока они не истощили ресурсы этого мира.

«Этот разведывательный полет, — подумал Кзанол, — длится куда дольше, чем я рассчитывал». А потом, вовсе не походя: «Увижу ли я Тринтун снова?»

Что ж, по крайней мере, ему надо убить время. Пока он здесь, можно узнать, что люди считают роскошным лайнером.

Несмотря на свой скепсис, Кзанол был поражен.

Тринтские лайнеры бывали и покрупнее, чем «Золотое кольцо», а некоторые — и гораздо крупнее; но очень немногие несли в себе подобную роскошь; преимущественно

те, что перевозили владельцев планет. Прямоточные двигатели под треугольным крылом были почти таких же габаритов, как у нескольких военных кораблей, стоявших на летном поле. Углы «Золотого кольца» конструкторы сделали только там, где их не было заметно. Отделанный золотыми и темно-синими панелями салон казался огромным, намного просторнее, чем был в реальности. Противоперегрузочные кушетки убирались в стену, освобождая место для бара, уютного танцзала, компактного казино. Обеденные столы сами изящно поднимались из покрытого ковром пола и, переворачиваясь, демонстрировали столешницы из темно-зернистого пласто-дуба. Передняя стена представляла собой гигантский трехмерный экран. Когда уровень воды в топливном баке достаточно понизится, бак превратится в плавательный бассейн и туда можно будет войти из салона.

Кзано́л не мог понять общей системы, пока не сообразил, что термоядерный двигатель расположен внизу. Прямоточные моторы поднимут корабль на безопасную высоту, а там уже термоядерная тяга будет направлена вверх, а не вперед. Вода вместо жидкого водорода использовалась не потому, что пассажиры нуждались в бассейне, а потому, что вода была безопаснее в транспортировке и давала дополнительный запас кислорода. Каюты представляли собой чудеса миниатюризации.

Здесь воплощены идеи, подумалось Кзанолу, которые он сможет применить, вернувшись к цивилизации. Он присел в противоперегрузочное кресло и достал из кармана на спинке соседнего брошюру. Первым делом наткнулся на изумительное красочное изображение Сатурна, наблюдаемого через купол танцзала отеля «Титан».

Разумеется, он узнал планету. И начал поспешно расспрашивать людей вокруг.

Правда обрушилась на него мгновенно.

Кзанол-Гринберг ахнул — и его ментальный щит с лязгом поднялся. Мэсни не так повезло. Он закричал, обхватил голову и снова закричал. В Топике, в тридцати милях отсюда, все люди с повышенной чувствительностью услышали вопль гнева и отчаяния.

В институте Меннинджера девушка, уже четыре года парализованная, заставила размякшие мышцы ног держать ее вертикально, пока она оглядывалась вокруг. Чей-то голос звал на помощь, кому-то она была необходима.

У Лукаса Гарнера перехватило дыхание, и он рывком остановил свое кресло. Единственный среди окружавших его пешеходов, словно пораженных сильнейшей головной болью, Гарнер прислушивался. В этих эмоциях должна была крыться информация! Но он ничего не смог услышать. Чувство потери стало его собственным, оно высасывало волю к жизни, и казалось, он тонет в черном приливе.

— Это не повредит, — сказал Кзанол-Гринберг спокойным, убедительным и очень громким голосом. Сила голоса, надеялся он, пробьется через вопли Мэсни. — Ты способен это ощущать, но оно не повредит. В любом случае ты храбр, как никогда прежде.

Мэсни перестал кричать, но страдание было написано на его лице.

— Все в порядке, — сказал Кзанол-Гринберг. — Спи.

Он провел пальцами по лицу Мэсни. Тот обмяк. Машина продолжала скользить по бетону на воздушной подушке, нацелившись на цилиндрический корпус «Ленивой восьмерки-3». Кзанол-Гринберг не вмешивался. Он не мог достать до пульта с заднего сиденья, а Мэсни был не в том состоянии, чтобы помочь. Вытянувшись, Кзанол-Гринберг мог бы выключить воздушную подушку. Но это в том случае, если бы он хотел разбиться.

Ментальный крик прервался. Кзанол-Гринберг положил руку на плечо Мэсни и сказал:

— Ллойд, останови машину.

Мэсни принял управление. Его паника исчезла без следа. Машина плавно опустилась на землю в двух метрах от внешнего корпуса огромного транспортного корабля.

— Спи, — сказал Кзанол-Гринберг, и Мэсни заснул.

Вероятно, это пойдет ему на пользу. Он все еще под гипнозом; проснувшись, окажется под еще более глубоким. Сам же Кзанол-Гринберг не знал, чего хочет. Возможно, отдохнуть и подумать. Поесть тоже не помешает, решил он.

Он узнал разум, оглушивший своей болью половину Канзаса, и ему нужно было время, чтобы осознать, что сам он — не Кзанол, тринт, повелитель всего сущего.

Раздался нарастающий рев, вдали взорвался фюзор. Кзанол-Гринберг увидел, как по бетону расплескалась и постепенно исчезла волна огненного дыма. Он не мог понять, что произошло. Осторожно опустил ментальный экран — и сообразил.

Это ракетные ускорители. Кзанол отправился за вторым скафандром.

Корабли, телескопы и Родильный астероид — вот отличительные черты Пояса.

Столетие назад, когда Пояс начал заселяться, корабли имели ионный двигатель, атомные батареи и вспомогательные химические двигатели ориентации. Теперь же применялись термоядерные трубки, основанные на методе специальной закалки внутренней поверхности кристаллическо-цинковых трубок; они отражали большинство форм энергии и вещества. Компактные конверторы воздуха заменили баллоны и гидропонику, по крайней мере для перелетов месячной длительности, хотя в межзвездных колонизационных кораблях все еще приходилось выращивать съедобные растения. Корабли стали меньше, надежнее, разнообразнее, дешевле, гораздо быстрееходнее. Они неудержимо размножались. В Поясе летали десятки тысяч кораблей.

Телескопов же там были миллионы. На каждом корабле имелся хотя бы один. Телескопы на троянских астероидах следили за звездами, а Земля приобретала эти данные в обмен на семена, воду и промышленные изделия, потому что земные телескопы расположены слишком близко к Солнцу, они не защищены от искажений, обусловленных гравитационным искривлением света и солнечным ветром. Телескопы следят за Землей и Луной, но эти записи засекречены. Телескопы наблюдают друг за другом, пересчитывая элементы орбит всех важных астероидов, по мере того как планеты сбивают их с курса.

А Родильный астероид уникален.

Первые исследователи наткнулись на почти цилиндрический кусок твердого железоникеля в две мили длиной и милю толщиной, обращающийся неподалеку от Цереры¹. Они рассчитали его орбиту и назвали S-2376.

Шестьдесят лет спустя прилетели рабочие с планом действий. Они пробурили отверстие вдоль оси астероида, заполнили его пластиковыми мешками с водой и закрыли оба конца. Твердотопливные ракеты раскрутили S-2376 вокруг оси. Пока он вращался, солнечные зеркала заливали его светом, постепенно расплавляя от поверхности к центру. Когда вода перестала взрываться, а камень остыл, рабочие получили цилиндрический железоникелевый пузырь двенадцати миль в длину и шести в диаметре.

Даже этот простой этап обошелся недешево. А потом пошли еще более дорогие работы. Пузырь раскрутили, чтобы обеспечить половину земной гравитации, заполнили его воздухом и тоннами драгоценной воды, покрыли внутреннюю поверхность смесью размельченных каменных метеоритов и мусора, засеянного специально отобранными бактериями. Вдоль оси была протянута термоядерная трубка, отстоявшая повсюду на три мили от поверхности; эта штуковина обеспечивала пропускание определенного светового диапазона. Плавный выступ в середине астероида создал озеро в форме обручального кольца, которое теперь опоясывает вывернутый наизнанку маленький мир. Были установлены шторы размером в милю для защиты полюсов от света, чтобы снег мог там конденсироваться, падать под воздействием собственной тяжести, таять и речками бежать к озеру.

На этот проект была потрачена четверть века.

Тридцать пять лет назад Родильный астероид избавил Пояс от его наиболее важной связи с Землей. Женщины не могут вынашивать и рожать детей в невесомости. Родиль-

¹ *Церера* — крупнейшее и наиболее массивное тело в Поясе астероидов, имеет в диаметре около 950 км. С 2006 года, согласно новой классификации, признана карликовой планетой.

ный астероид, со своими двумястами квадратными милями пригодной земли, мог с комфортом приютить сто тысяч человек; однажды его население достигнет этой цифры. Но все население Пояса — восемьсот тысяч. Число жителей Родильного колеблется вокруг двадцати тысяч. В основном это женщины, в основном временно проживающие, в основном беременные.

Ларс держал в одной руке сырую морковь, а в другой — пульт фильмосканера. Он прогонял через машину шестичасовой фильм с такой скоростью, что просмотр мог уложиться в пятнадцать минут. Фильм был снят одной из камер Эроса¹, а все тамошние камеры сейчас были направлены на Землю.

Большую часть следующей недели Эрос будет самым близким к Земле астероидом. Фильмы пойдут сплошным потоком.

Внезапно Ларс перестал жевать. Его рука дернулась. Фильм вернулся немного назад. Остановился.

Вот оно! Один кадр засвечен почти до краев.

Ларс переместил пленку в более мощный сканер и начал медленно прокручивать ее, отступив еще на несколько кадров. Дважды использовал увеличение.

— Идиоты, — наконец пробормотал он, после чего перешел на другую сторону комнаты и навел мазер на Цереру.

Там дежурный надел наушники, сохраняя обычное устало-терпеливое выражение лица. Он слушал молча, помня, что источник находится в нескольких световых минутах.

Когда пошел повтор сообщения, дежурный нажал кнопку и сказал:

— Джерри, наведись на Эрос и передай следующее. Запись начать. Спасибо, Эрос, ваше сообщение получено полностью, мы с этим разберемся. Теперь, Ларс, я должен передать новости для тебя. — Голос приобрел чуточку

¹ Эрос — относительно крупный (примерно 34×11 км) астероид, орбита которого в перигелии проходит довольно близко от земной.

эмоций. — От Тани. Док обещает, что через семь месяцев ты станешь отцом здоровых девочек-близняшек. Повторяю, девочек-близняшек...

Осторожно, не снимая пальцев с кнопок управления двигателями ориентации, Лит Шеффер подвел свой корабль к причалу у полюса Родильного астероида. Он видел в тридцати милях под собой Цереру — испещренную кратерами скалу с поблескивающими куполами из гибкого прозрачного пластика. Лит немного отдохнул — стыковка дело непростое, а вращение Родильного даже у оси заставляет нервничать, — потом выбрался из люка и прыгнул. Он оказался на сетке, натянутой над ближайшим из десяти воздушных шлюзов для персонала.словно паук на паутине, спустился к стальной двери и пробрался внутрь. Через десять минут, пройдя еще через двенадцать дверей, оказался в раздевалке.

За монетку в одну марку он абонировал шкафчик и сложил туда свой скафандр и реактивный ранец, превратившись в сухопарого гиганта с темными вьющимися волосами и коричневым загаром на лице и руках. В автомате купил бумажный комбинезон. Лит и Марда были среди тех нескольких сот поясников, которые в домашней обстановке не обращались к нудизму. Это делало их чудаками, что, однако, в Поясе не осуждалось.

Последняя дверь пропустила Лита за тепловой экран, все еще в зоне невесомости. Пружинный лифт отвез его вниз на четыре мили, где он взял трехколесный мотороллер. Из-за кренившей силы Кориолиса на Родильном даже поясники не могут удерживать прямо двухколесный экипаж. Мотороллер понес Шеффера дальше вниз по крутому склону, постепенно перешедшему в леса, ручьи, вспаханные поля и теплицы, где работали сельскохозяйственные машины и были разбросаны коттеджи. Через десять минут он оказался дома.

Ну, не совсем дома. Коттедж был арендован, скажем так, у правительства Пояса. Дом поясника — внутри его скафандра. Но в доме ожидала Марда, смуглая, крупная

и с только что проявившимися признаками беременности, — и это ощущалось как возвращение домой.

Тут Лит вспомнил о предстоящем серьезном разговоре. Немного помедлив и заставив себя расслабиться, он позвонил.

Вжик — и дверь исчезла. Они стояли лицом к лицу.

— Лит, — произнесла Марда невыразительно, — тебя вызывали.

— Тогда я вначале разберусь с этим.

В Поясе, как и на Земле, приватность — вещь редкая и ценная. Телефонная кабина представляла собой прозрачную звукоизолированную призму. Перед тем как ответить на вызов, Лит украдкой взглянул на Марду еще раз. Она казалась обеспокоенной и решительной.

— Привет, Каттер. Что нового?

— Привет, Лит. Я звоню вот почему, — сказал дежурный на Церере.

Голос Каттера, как всегда, звучал тускло. И вид у него был под стать. С таким видом выдают билеты или талоны через зарешеченное окошко.

— Только что пришло сообщение от Ларса Стиллера. Один из тех лайнеров для новобрачных, что летают на Титан, стартовал, не предупредив нас. Какие будут комментарии?

— Комментарии? Эти тупые, пустоголовые...

Проблема управления движением в космосе была куда серьезнее, чем просто недопущение столкновений космолетов. Таких столкновений и не происходило, но смертельные случаи, когда один корабль попадал в выхлоп термоядерного двигателя другого, бывали. Телескопическое слежение за полетами, радиопередачи, спасательные миссии, наблюдение за звездами и астероидами — все могло пойти насмарку из-за какого-нибудь неосторожного гуляки.

— Вот и я так говорю, Лит. Но что будем делать, повернем их назад?

— Ох, Каттер, почему бы тебе не отправиться на Землю и не создать там собственное правительство? — Лит с силой потер виски, чтобы снять напряжение. — Извини. Мне не

стоило этого говорить. У Марды проблемы, и я нервничаю. Как мы можем развернуть обратно тридцать плоскоземельцев-мультимиллионеров¹, отправившихся в свадебное путешествие? И так ситуация напряженная. Хочешь начать Последнюю войну?

— Пожалуй, нет. Сожалею насчет Марды. А что не так?

— Она поздновато прибыла сюда. Ребенок развивается слишком быстро.

— Чертовски обидно.

— Да уж.

— Так что насчет свадебной кареты?

Лит снова заставил себя не думать о предстоящем разговоре.

— Поручи кому-нибудь следить за ней и оповещать о ее курсе. Потом составь хороший счет за обслуживание и отошли его на Землю в «Титан энтерпрайзис». Если он не будет оплачен за две недели, мы отправим копию в ООН и потребуем отреагировать.

— Сойдет. Пока, Лит.

Зачатый в невесомости, почти три месяца вынашиваемый в невесомости, ребенок рос слишком быстро.

Сделать аборт сейчас или замедлить развитие ребенка инъекциями гормонов и ждать в надежде, что он не родится монстром? Этот вопрос мог разрушить брак. А надежды не было.

Лит ощущал себя тонущим. Страшным усилием он заставил свой голос звучать спокойно.

— Марда, будут другие дети.

— Будут ли? Это ведь такой риск — надеяться, что я попаду на Родильный до того, как станет слишком поздно. О, Лит, давай подождем, пока не будем уверены.

Она сама три месяца не проходила обследование! Но Лит не мог так ей ответить — ни тогда, ни сейчас. Вместо этого он сказал:

¹ *Плоскоземелец* — насмешливое прозвище жителей Земли, распространенное в Поясе и на Луне, означавшее вначале людей, не видевших Землю в виде шара, то есть не летавших в космос. Позднее закрепилось за землянами вообще.

— Марда, автоврач уверен, и доктор Сиропопулос не сомневается. Я скажу тебе, что надумал. Мы можем снять дом прямо здесь, на Родильном, пока ты опять не забеременеешь. Такое делалось и раньше. Разумеется, это недешево...

Зазвонил телефон.

— Да?! — рывкнул он. — Каттер, теперь что не так?

— Две вещи. Держи себя в руках.

— Ну говори.

— Первое. Свадебный корабль летит не на Титан. Он, похоже, взял направление к Нептуну.

— Но... Лучше договаривай.

— С базы в Топике только что стартовал военный корабль. Он гонится за новобрачными, и нас опять не предупредили!

— Это более чем странно. Сколько времени свадебный корабль находится на курсе?

— Полтора часа. Он еще не прошел точку разворота¹, но, разумеется, может направляться к любому из астероидов.

— Да это просто замечательно. — Лит на секунду закрыл глаза. — Похоже, у свадебного корабля какая-то проблема, а второй корабль пытается помочь. Может, что-то взорвалось в системе жизнеобеспечения?

— Полагаю, нет. На таких кораблях, как «Золотое кольцо», многократно дублированная защита. Но ты еще главного не услышал.

— Валяй.

— Военный корабль стартовал на термоядерном двигателе прямо с космодрома.

¹ *Точка разворота* — важное понятие в механике космических полетов, применимое к траекториям с постоянной тягой, то есть таким, где космический корабль первую половину пути летит с непрерывным ускорением, а вторую — с непрерывным замедлением. Точка разворота приходится на полпути к цели; в ней космический корабль должен совершить переворот вокруг оси, чтобы начать торможение. Траектории с постоянной тягой будут почти прямолинейными и наиболее выгодными по времени полета, однако требуют непрерывной работы двигателя. При современных технологиях это невозможно, однако ядерные двигательные установки, вероятно, позволят осуществлять такие полеты в будущем.

— Тогда... — Был только один возможный ответ, и Лит расхохотался. — Его угнали!

— Именно, — улыбнулся Каттер. — И опять: должны ли мы развернуть кого-нибудь из них?

— Конечно нет. Во-первых, если пригрозим открыть огонь, нам, возможно, придется это сделать. Во-вторых, земляне очень чувствительно относятся к своим правам в космосе. В-третьих, это их корабли и их проблема. В-четвертых, я хочу посмотреть, что произойдет. У тебя есть идеи?

— Я так думаю, что похищены оба корабля. — Каттер все еще улыбался.

— Нет-нет. Слишком маловероятно. Военный корабль был угнан, а свадебный, наверное, захвачен. Мы увидим первый случай космического пиратства!

— Ох-ох. Пятнадцать парочек и все их драгоценности, да еще выкуп, — знаешь, мне кажется, ты прав!

И Лит Шеффер оказался первым человеком за много лет, услышавшим смех Каттера.

На исходе августа сельская местность Канзаса напоминала солярий с паровой ванной. Под температурным зонтом города царила прохладная, несколько ветреная осень, но как только Гарнер пересек неощутимый барьер между холодом и жарой, на него обрушилось дыхание ада. Он перевел кресло на полную скорость, стремясь побыстрее попасть в госпиталь с кондиционерами и не думая о возможной аварии.

У пропускного пункта космопорта он сделал остановку и был немедленно пропущен внутрь, где помчался над бетоном, как камень, вылетевший из катапульты. Госпиталь, возвышавшийся на краю обширного посадочного поля, походил на клиновидный кусок швейцарского сыра, острым углом обращенный внутрь. Гарнер успел добраться туда раньше, чем его настиг тепловой удар.

Очередь перед лифтом была обескураживающе длинной, а внушительных размеров кресло заняло бы почти всю кабину. Между тем люди уже не проявляли особого уважения к почтенному возрасту. Слишком много стало преста-

релых. Гарнер хорошенько вдохнул холодный воздух и выехал наружу.

За дверью он пошарил пальцами около пепельницы, вделанной в левый подлокотник кресла. Урчание мотора перешло в вой, и кресло внезапно полетело вовсе не на воздушной подушке. Видел бы его сейчас Мэсни! Шесть лет назад Мэсни кощунственно приказал ему избавиться от незаконного форсажного блока под страхом ареста по обвинению в использовании летательного аппарата с ручным управлением. Для друга — все, что угодно, рассудил Люк и спрятал панель управления в пепельнице.

Земля уходила вниз. Край шестидесятиэтажного здания пронесся рядом. Отсюда Гарнер смог увидеть отметины, оставленные Гринбергом и Мэсни. Волны термоядерного пламени разбрызгали плавящийся бетон во все стороны, образовав немалые воронки и запутанную сеть канав, похожую на следы земляных червей, и задели вход в тоннель для пассажиров, залив лестницы растопленным металлом. Теперь люди и машины убирали весь этот хаос.

Под Гарнером оказался солярий. Люк опустил свое кресло на крышу и промчался к лифту мимо принимавших солнечные ванны изумленных пациентов.

Спускающийся лифт был совершенно пуст. Гарнер вышел на пятьдесят втором этаже и предъявил сестре документы.

Все они находились в одной палате: Мидэй, Сэндлер, Бузин, Катц — двадцать восемь человек, оказавшихся ближе всего к Кзанолу, выплеснувшему свое отчаяние. Семь-ро были запакованы в пластиковые коконы. Пришелец за-был приказать им укрыться, и, когда стартовало «Золотое кольцо», они оказались на пути пламени. Прочие были погружены в искусственный сон. Неистовые видения время от времени искажали их лица.

— Джим Скарволд, — представился светловолосый круглолицый человек в форме врача-интерна. — Я слышал о вас, мистер Гарнер. Могу быть чем-то полезен?

— Хорошо бы. — Гарнер глянул на ряд медицинских капсул. — Кто-нибудь из них выдержит дозу скополамина? Они могут обладать информацией, в которой я нуждаюсь.

— Скополамин? Думаю, нет. Мистер Гарнер, что с ними случилось? Я проходил психиатрию в колледже, но не слышал ни о чем подобном. Это не бегство от реальности, не страх — простой или искаженный... Они находятся в отчаянии, не свойственном прочим людям. Мне сказали, что они пришли в такое состояние после контакта с инопланетянином. Если бы вы объяснили подробнее, выросли бы шансы помочь им.

— Вы правы. Вот что мне известно. — И Гарнер изложил доктору все, что произошло после того, как статую извлекли из океана.

Тот молча выслушал рассказ и заключил:

— Значит, он не просто телепат, а может управлять умами. Но что он мог приказать, чтобы получилось вот это? — Врач указал на ряд спящих пациентов.

— Ничего, — ответил Гарнер. — Вряд ли он в тот момент отдавал приказы. Он как раз испытал адский шок и переживал его вслух. — Люк положил огромную руку на плечо доктора. Скарволд удивленно дернулся от тяжести. — Если бы я собирался их лечить, то в первую очередь выяснил бы, кем они себя считают. Самими собой? Или инопланетянами? Пришелец мог наложить на них свою матрицу эмоций, а то и памяти. Но у меня другая задача. И как частное лицо, и как представитель АРМ я хочу выяснить, зачем Гринберг и инопланетянин захватили по космолету и рванули отсюда. Они должны были понимать, что это межпланетные корабли, а не колонизационные. Может ли где-то в Солнечной системе находиться база инопланетян? Что они разыскивают? Возможно, доктор Скарволд, нам удастся вытянуть ответы на обе загадки одновременно.

— Скорее всего, вы правы, — медленно произнес Скарволд. — Дайте мне час, чтобы определить, у кого тут самое здоровое сердце.

Вот почему Люк всегда держал в перчаточном отделении кресла книжку карманного формата. При его профессии ждать приходилось часто.

Артур Т. Катц, опытный пилот прямоточных ракетных ускорителей (типы С, D и H-1), неистово дергался. Руки

бесцельно молотили воздух. Он начал издавать какие-то звуки.

— Еще несколько минут, — сказал Скарволд. — Он выведен из искусственного сна, но проснуться должен сам.

Гарнер кивнул. Прищурившись и слегка поджав губы, он изучал пациента. С тем же видом мог бы наблюдать за незнакомой собакой, раздумывая, хочет ли она лизнуть ему лицо или перегрызть глотку.

Катц сначала вытаращил глаза, потом отчаянно зажмурился — и осторожно открыл их снова. Закричал, замахал руками. Он задыхался. Жуткое зрелище. На несколько секунд ему удавалось восстановить дыхание, но он тут же начинал хватать воздух ртом. Он был перепуган и, как подумал Гарнер, боялся не только удушья.

Скарволд нажал кнопку, и автоврач впрыснул успокоительное в легкие Катца. Тот откинулся на спину и стал глубоко дышать. Скарволд снова включил его индуктор сна.

— Есть ли среди этих людей хоть один с какими-либо парапсихическими способностями? — вдруг спросил Гарнер.

Арнольд Диллер, инспектор по термоядерным двигателям (всех моделей), сделал глубокий вдох и начал крутить головой. Не так чтоб осторожно. Казалось, он старается сломать шею.

— Жаль, мы не нашли никого с большей способностью к телепатии, — сказал Гарнер, прокатывая между ладонями размолотую в труху сигарету. — У него было бы больше шансов. Поглядите на этого беднягу!

— Думаю, у него был хороший шанс, — возразил Скарволд.

Гарнер покачал головой:

— У него дар предвидения, что называется, для бедных. Будь он прозорливее, сбежал бы, а не прятался, когда пришельца взорвало. И как это могло защитить его от телепатии? Он...

Скарволд помахал рукой, призывая к молчанию, и властно произнес:

— Диллер!

Тот перестал мотать головой и посмотрел вверх.

— Вы понимаете меня, Диллер?

Инспектор раскрыл рот и стал задыхаться. Потом закрыл и кивнул, дыша через нос.

— Меня зовут Скарволд, я ваш врач. — Интерн сделал паузу, словно засомневавшись. — Вы в самом деле Арнольд Диллер?

— Да.

Голос был скрежещущий, неуверенный, как после долгого молчания. Гарнер несколько расслабился. Он заметил, что держит в руке бумажное и табачное крошево, и выбросил.

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно. Мне все время хочется неправильно дышать, неправильно говорить. Можно сигарету?

Гарнер дал уже зажженную. Голос Диллера зазвучал тверже, уверенней:

— Странно. Я старался заставить вас дать мне сигарету. От того, что вы сидели и не реагировали, я начал сходить с ума. — Он нахмурился. — Кстати, как это я удостоился доктора-человека?

— Произошедшее с вами в автоврачах не запрограммировано, — беспечно произнес Скарволд. — Хорошо, что у вас хватило здравого смысла спрятаться. Остальные оказались ближе. Им пришлось куда хуже. Ваше чувство предвидения действует?

— Оно мне ничего не говорит. Я никогда на него и не рассчитывал. А что?

— Ну, именно поэтому я выбрал вас. Подумал, что если вы его лишились, то, может, свыклись с идеей, что вы — некий пришелец.

— Некий...

Диллера схватил спазм. На несколько секунд он вообще перестал дышать, потом стал медленно втягивать воздух раздутыми ноздрями.

— Я помню, — сказал он. — Увидел эту тварь, идущую по полю, с кучей людей позади, и подумал: что это? Потом с моими мозгами что-то сделалось не так. Я больше не ждал, а побежал как ненормальный и спрятался за зданием.

Что-то, творившееся в моей голове, продолжало меня подталкивать, и хотелось подойти поближе, но я понимал, что это неправильно, и еще подумал, не схожу ли с ума, а потом... Кха...

Диллер остановился и сглотнул слюну; его глаза были полны ужаса, пока он не смог снова дышать ровнее.

— Все в порядке, Диллер, все в порядке, — повторял Скарволд.

Дыхание Диллера восстановилось, но он молчал.

Скарволд произнес:

— Позвольте представить вам мистера Гарнера из Технологической полиции Объединенных Наций.

Диллер вежливо кивнул. Было видно, что он заинтригован.

— Мы хотели бы поймать этого пришельца до того, как он нанесет больший ущерб, — сказал Гарнер. — Мне кажется, у вас есть информация, которой мы не располагаем.

Диллер кивнул.

— Через пять минут после того, как этот телепатический взрыв обрушился на вас, пришелец улетел в открытый космос. Час спустя за ним последовал человек, который по ряду причин полагал, что пришелец — это он. У него ложные воспоминания. Оба отправились примерно в одном направлении. Они что-то ищут. Можете ли вы сказать, что именно?

— Нет, — отрезал Диллер.

— Вы что-то могли понять при этом ментальном взрыве. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить.

— Нет, Гарнер, я ничего не помню.

— Но...

— Вы старый дурак! По-вашему, я хочу задохнуться? Каждый раз, как я начинаю думать о произошедшем, меня душит! И в голову лезут дикие мысли; все выглядит незнакомым. Я чувствую себя окруженным врагами. Но что хуже всего, накатывает такая депрессия! Нет. Я ничего не помню. Убейтесь!

Гарнер вздохнул и демонстративно положил руки на панель управления креслом:

— Если передумаете...

— Вовсе нет. Так что возвращаться нет необходимости.

— Я и не смогу. Я отправляюсь за ними.

— В космическом корабле? Вы?

— Мне придется, — сказал Гарнер, все же невольно глянув на свои скрещенные ноги — скрещенные утром, руками. — Придется, — повторил он. — Не имею представления, чего они хотят, но это должно быть что-то очень важное. Они готовы здорово рискнуть, чтобы заполучить его. Это может быть оружие или сигнальное устройство для связи с их планетой.

Кресло зажужжало.

— Полминуты, — сказал Диллер.

Гарнер выключил мотор и стал ждать. Диллер откинулся на спину и уставился в потолок. Его лицо менялось; оно больше не отражало его личность, а превратилось в калейдоскоп произвольно подергивающихся мускулов. Дыхание стало неровным.

Наконец он перевел взгляд на собеседников. Заговорил и осекся. Откашлялся и попробовал снова:

— Усилитель. У... этого гада есть усилитель, захороненный на восьмой планете.

— Замечательно! А что он усиливает?

Диллер стал задыхаться.

— Не важно, — произнес Гарнер. — Кажется, я знаю.

И кресло вынесло его из комнаты — пожалуй, слишком быстро.

— Они оба бежали как угорелые, — сказал Люк. — Рванули к Нептуну на одном «же»¹, причем ваш муж на полтора часа позже.

— А вы никого за ним не пошлете? — взмолилась Джули. — Он не несет ответственности! Он не соображает, что делает!

— Разумеется. Мы посылаем меня. Он же забрал моего партнера.

Увидев реакцию миссис Гринберг, Люк добавил:

¹ g (произносится «же») — единица измерения перегрузки, равная ускорению силы тяжести на поверхности Земли.

— Они оба на одном корабле. Мы не можем защитить Ллойда, не защитив и вашего мужа.

Они сидели в номере Джуди, потягивая «Том Коллинз»¹. Полыхало августовское утро, было ровно одиннадцать часов.

— А вы знаете, как ему удалось сбежать? — спросила Джуди.

— Угу. Пришелец всех буквально нокаутировал, выплеснув в порту свое отчаяние. Всех, кроме Гринберга. Ваш муж попросту занял дежурный корабль и велел Ллойд поднять его. К несчастью, Ллойд умеет пилотировать военный корабль.

— А почему мистер Мэсни выполняет приказы Ларри?

— Потому что Ларри его загипнотизировал. Я все это отлично помню.

Джуди устала на свои колени. Уголки ее рта стали подергиваться. Она захихикала, потом засмеялась в голос. Не позволив смеху перейти в рыдания, стиснула зубы, замерла на миг — и осела в кресле.

— Я уже в порядке, — сказала она.

На ее лице не было улыбки, только изнеможение.

— Что все это означало? — спросил Гарнер.

— Не важно. А почему они отправились к Нептуну?

— Я не знаю. Мы даже не уверены, что они летят именно туда. Нет ли у вас какой-нибудь телепатической связи с мужем?

— Больше нет. С тех пор как он попал во временное поле доктора Янски, я ничего не чувствую.

— Ну, в любом случае сейчас вы бы ощутили кого-то другого. Помните ли, что испытали в восемь часов вечера позавчера?

— В восемь? Погодите. — Она закрыла глаза. — Разве я не спала?.. О! Что-то меня разбудило, и я не могла больше заснуть. Было ощущение, что произошло нечто ужасное. Чудища затаились в тени. Я ведь была права?

— Да. Особенно если вы ощущали сознание Ларри.

¹ Популярный алкогольный коктейль.

Гарнер немного подождал, дав ей свыкнуться с этой мыслью, и спросил:

— А с тех пор?

— Ничего, — ответила Джуди; ее маленькая рука ритмично постукивала по подлокотнику. — Ничего! Кроме того, что я хочу его найти. Найти его! Вот все, что я хочу, — с тех пор как он угнал корабль! Найдите его, прежде чем он...

Найти его! «Нет, не просто найти его, — сказал Гарнер себе в сотый раз. — Я должен найти его первым! Я должен найти его раньше, чем это сделает Кзанол, настоящий Кзанол». И в сотый раз засомневался, удастся ли.

Земли не было видно уже несколько часов. Кзанол-Гринберг и Мэсни молча сидели в рубке управления, молча и неподвижно. Рубка занимала три четверти всего жилого пространства корабля. Выпрямиться можно было только в воздушном шлюзе.

Развлечений у Кзанола-Гринберга было мало.

Правда, ему надо было приглядывать за Мэсни. И даже более того — следить, когда Мэсни почувствует неудобство, и понять это заранее. Если Мэсни выйдет из-под гипноза, его будет непросто снова взять под контроль. Вот поэтому Кзанол-Гринберг должен был посылать Мэсни в туалет; давать ему воды еще до того, как он почувствует жажду; заставлять его делать разминку, пока мышцы не затекли от сидения. Мэсни не был обычным рабом, который, когда в нем не нуждались, мог бы сам о себе позаботиться.

Не считая этого, самозванный птавв бездельничал.

Он часами просто сидел и размышлял. Не занимаясь планированием, поскольку планировать было нечего. Либо он доберется до восьмой планеты первым, либо нет. Шлем-усилитель наденет либо он, либо настоящий Кзанол, и тогда вообще никогда ничего не надо будет планировать. Ни одно сознание не способно противостоять усиливающему шлему. Если же повезет, шлем сделает его хозяином Кзанола. Применять усилитель к тринту было незаконно, но он мог не опасаться тринтских законов.

«Увеличит ли усилитель Силу рабского мозга?»

Эту мысль он снова отбросил.

Отдаленное будущее в лучшем случае туманно. Он последний тринт; он даже не сможет размножить Кзанола, чтобы их стало больше. Да, он будет владыкой Пояса астероидов и перенаселенной рабской планеты; да, он будет богаче, чем даже дед Ракарлив. Но у деда были сотни жен, тысяча детей!

Сотни жен Кзанола-Гринберга станут человеческими рабами, как и его тысяча детей. Каждый из них будет по статусу меньше даже птавва.

Найдет ли он «женщин» красивыми? Сможет ли спариться с ними? Вероятно. Ему придется попробовать; но его железы явно не железы Кзанола. В любом случае он будет выбирать своих женщин по стандартам красоты Ларри Гринберга — да, Гринберга, независимо от собственных чувств, ибо большая часть славы и богатства заключается в том, чтобы его демонстрировать, а ему не на кого производить впечатление, кроме как на рабов.

Мрачная перспектива.

Он бы и хотел полностью затеряться в воспоминаниях, но что-то его удерживало. Одним из препятствий было осознание того, что он никогда больше не посетит ни родной Тринтун, ни Кзатит, где родился, ни Ракарливун — мир, который он нашел и которому дал название. Он никогда не будет видеть окружающее глазом, полученным при рождении; он будет видеть себя только со стороны, если вообще увидит. Это тело стало его собственным, его могилой из плоти.

Было и другое препятствие, казалось бы вполне тривиальное. Несколько раз Кзанола-Гринберг закрывал глаза и старался представить счастливое прошлое; и всегда на ум приходили только беломясы.

Он поверил Гарнеру, поверил безоговорочно. Эти фильмы не могли быть подделаны. Для такого обмана недостаточно скопировать древнюю тнуктипскую надпись. Гарнеру пришлось бы самому сочинить текст по-тнуктипски!

Отсюда следует, что брандашмыги разумны; а брандашмыги — это беломясы, тут не может быть никаких сомнений. Беломясы разумны. И всегда такими были.

Словно некая основа веры разбилась вдребезги. Беломясы присутствовали во всех его воспоминаниях. Беломясы, пронсящие шестидесятитонными облаками по плантации «Ракетных стволов Кзатита» и по зеленым с серебром полям других имений, куда, нанося визиты, взрослые брали маленького Кзанола. Мясо, приготовленное дюжиной разных способов, на семейном столе и в меню любого ресторана. Скелет беломяса над гостевыми воротами каждой усадьбы, огромная арка из дочиста отполированных белых костей. Да не родился еще тринт, который бы не мечтал о собственном стаде беломясов! Беломяс у ворот означает «землевладелец» — так же неоспоримо, как час-токол из подсолнухов.

Кзанол-Гринберг задрал голову, слегка поджал губы, между бровями появились морщинки. Джуди узнала бы эту мимику. Он вдруг понял, что делает разумных беломясов столь ужасными.

Тринт — хозяин над любыми разумными тварями. Таково изначальное повеление Подателя Силы, объявленное еще до того, как он создал звезды. Так утверждали все двенадцать тринтских религий, хотя они нещадно спорили по другим вопросам. Но если беломяс разумен, значит он не подчинялся Силе. Тнуктипы сделали то, что запретил Податель Силы!

Но если тнуктипы были сильнее Подателя Силы, а тринты были сильнее тнуктипов, а Податель Силы был могущественнее тринтов...

Тогда все священнослужители — шарлатаны, а Податель Силы — миф.

Разумный беломяс — это богохульство.

И все это очень странно.

Зачем тнуктипам создавать разумное пищевое животное? Это звучит безобидно, наподобие таких выражений, как «избыточное применение силы» или «эвтаназия», но если задуматься...

Тринты не были щепетильной расой. О Сила, нет! Но...

Разумное пищевое животное! От такого и Гитлера бы стошнило.

Тнуктипы тоже не были особо щепетильны. Восхитительная простота бегового виприна-мутанта — вот пример

их деятельности. Животное от природы было быстрейшим; тнуктипы мало что могли изменить в его анатомии. Они сузили его голову, заострили нос, превратив ноздрю в своего рода воздухозаборник реактивного двигателя; они сделали кожу гладкой почти на микроскопическом уровне, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Но все это их не удовлетворило. Тогда они убрали несколько фунтов лишнего веса, заменив его дополнительными мускулами и легкой тканью. Удаленная масса пришлась на пищеварительную систему, от которой ничего не осталось. Мутировавший беговой виприн имел вместо рта обтекаемый хобот, который открывался прямо в кровяной поток, чтобы принимать заранее переваренную кашу.

Тнуктипы всегда были эффективны, но никогда не бывали жестоки.

Зачем же делать беломясов разумными? Чтобы увеличить согласно заданию размеры мозга? Но зачем делать их невосприимчивыми к Силе?

И он ел их мясо.

Кзанол-Гринберг затряс головой. Мэсни требует внимания, а надо заняться планированием. Разве нет?

Что толку сидеть и тревожиться?

Будет ли усилитель работать с человеческим мозгом?

Удастся ли найти второй скафандр вовремя?

— «Найти его», — процитировал Гарнер. — Подходящая идея. Он ищет что-то, в чем, как полагает, страшно нуждается.

— Но вам это уже известно.

— Миссис Гринберг, я пришел с надеждой узнать все, что вы можете рассказать о вашем муже.

— Вам лучше поговорить с Дэйлом Снайдером. Нынче утром он приехал сюда. Дать его номер?

— Спасибо, у меня уже есть. Он и мне звонил. Вы его хорошо знаете?

— Очень.

— Я также хочу побеседовать с Чарли, дельфином-антропологом. Но давайте сначала с вами.

Джуди выглядела несчастной.

— Я не знаю, с чего начать.

— С чего угодно.
— Хорошо. У него три яичка.
— Чтоб меня разорвало. Это ведь большая редкость?
— И к тому же беспокоящая медиков, но у Ларри никогда не было проблем. Мы привыкли называть это его «лишней деталькой». Вас что, интересуют такие вещи?

— Разумеется.

На самом деле Люк не представлял, что конкретно его интересует. Но он помнил: чем лучше знаешь преследуемого, тем больше шансов его поймать. Это работало, когда он много десятилетий тому назад служил полицейским. Это должно было сработать и сейчас. Он позволил Джуди говорить, прерывая очень редко.

— Я никогда не замечала, как любил розыгрыши Ларри, пока он не начал работать с дельфинами. Но он рассказал мне о некоторых своих студенческих проделках. Должно быть, в колледже он был просто несносен. Ларри не годился для атлетики, но он хорош в сквоше и великолепен в теннисе...

Джуди больше не требовалось подсказок. Ее жизнь летела в потоке слов. Ее жизнь с Ларри Гринбергом.

— ...У него, вероятно, было много женщин до меня. И наоборот, могу добавить. Но мы не изменяли друг другу. Понимаете, мы договорились, что можем это делать, но никогда так не поступали.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Люк видел ее уверенность. Ее насмешило, что он переспросил.

— ...Его шокирует, когда у меня получаются столь точные предсказания. Думаю, он не особо верит в дар предвидения, поэтому, когда у меня бывает озарение, это его пугает. Он считает это своего рода магией. Помню, однажды — мы тогда были женаты меньше года — я вернулась из магазина. Он увидел, как я вхожу с кучей пакетов, кладу их и иду за оставшимися, и сказал: «Красотка, ты швыряешься деньгами, словно завтра начнется Последняя война!» Я ничего не ответила и только загадочно улыбнулась. Он аж побледнел...

Все выплескивалось наружу — имеющее отношение к делу и не имеющее. Джуди делала именно то, о чем Гарнер просил ее, но со странной поспешностью.

— ...Большинство знакомых нам пар оформляло брак не раньше наступления беременности. Пройдя Комиссию по рождаемости, ты ведь не захочешь выбросить на ветер свои права, женившись на стерильном партнере? Это дело слишком серьезное. Но мы решили рискнуть. — Джуди прочистила горло и продолжала хрипловатым голосом: — Кроме того, доктор одобрил нашу идею стать родителями. И еще был Джинкс. Мы хотели твердо знать, что никого из нас не оставят...

— По мне, это было правильное решение. Миссис Гринберг, сейчас я закончу, пока вы еще в состоянии разговаривать. Спасибо, что помогли.

— Надеюсь, что помогла.

Скорость, с которой она выложила все подробности...

Люк отправил лифт на самый верх. Он понял, почему женщина нарисовала столь полный портрет Ларри Гринберга. Сознавала ли Джуди это или нет, но она не надеялась увидеть его снова. Она старалась обессмертить его в своих воспоминаниях.

Отель «Джейхок»¹ был третьим по высоте зданием в Топике, а из бара на крыше открывался потрясающий вид. На выходе из лифта Люка встретил обычный монотонный гул. Гарнер выждал десять секунд, пока уши не привыкли игнорировать шум — важный защитный механизм, которым большинство детей овладевает, еще не достигнув трехлетнего возраста. Распорядительница бара была рослой, рыжей и совершенно голой, не считая туфель на шпильках. С парящей над головой конструкцией из закрученных волос ее рост доходил до восьми футов. Она проводила Люка к крошечному столику около окна.

Сидящий там человек поднялся для приветствия:

— Мистер Гарнер?

¹ *Jayhawk* — сойка-ястреб, выдуманная птица, один из важных символов Канзаса.

— Доктор Снайдер, благодарю вас за помощь.

— Зовите меня Дэйл.

Перед Гарнером предстал коренастый мужчина с полоской выющихся светлых волос в виде гребня в дюйм шириной. Временная кожа покрывала его лоб, щеки и подбородок, оставляя косой крест неповрежденных участков, проходивший через глаза, нос и уголки рта. Руки тоже были перевязаны.

— Тогда я — Люк. Когда вы последний раз слышали о Морской статуе?

— Вчера вечером, когда люди из АРМ разбудили меня и сказали, что Ларри превратился в инопланетянина. Как он?

Избегая лишних подробностей, Гарнер проинформировал психолога о событиях последних суток.

— Так что теперь я делаю, что могу, на Земле, пока для меня готовят корабль, который обгонит Гринберга и пришельца на пути к Нептуну.

— Что за кутерьма, друг мой! Я так и не увидел статую, а если бы и увидел, ни за что бы не заметил той кнопки. Что будете пить?

— Возьму молочный коктейль; я так и не пообедал. Дэйл, почему вы предложили нам привезти статую сюда?

— Я думал, что, если Ларри увидит ее, это поможет делу. Был случай задолго до моего рождения, когда две пациентки, считавшие себя Марией, Божьей Матерью, оказались в одной больнице, поэтому доктора поместили их в одну палату.

— Надо же. И что произошло?

— Имел место жутко неприятный спор. Наконец одна из женщин сдалась и решила, что она, должно быть, мать Марии. Она-то в конце концов и выздоровела.

— Вы подумали, Гринберг решит, что он — Гринберг, если вы ему покажете, что он не Морская статуя.

— Именно. Как я понимаю, это не сработало. Говорите, моя помощь может понадобиться в институте Меннинджера?

— Вероятно, но сначала помогите мне. Я объяснил, за чем, по-моему, охотятся Гринберг и Морская статуя. Моя задача — опередить их.

— И как же я могу помочь?

— Расскажите все, что знаете о Ларри Гринберге. Человек, который летит к Нептуну, имеет внеземную память, но его рефлексy принадлежат Гринбергу. Он доказал это, управляя машиной. Я хочу понять, чего можно ожидать от его гринберговской половины.

— Очень мало, пожалуй. Рассчитывая на то, что в нем осталось кое-что от прежнего Гринберга, вы, вероятно, в итоге окажетесь раздетым на Луне. Но я понимаю, к чему вы клоните. Давайте допустим, что, э-э... цивилизация Морской статуи имеет закон против карманников. В большинстве стран были такие законы, пока нас не стало так много, что полицейские оказались не в состоянии проводить их в жизнь.

— Я это помню.

Глаза Снайдера широко открылись.

— Помните? О да, полагаю, вы помните. Ладно, давайте представим, как Ларри в своем нынешнем состоянии замечает, что кто-то очищает его карманы. Он постарается остановить этого человека, но не позовет на помощь полицию. Для такого поступка ему надо принять сознательное решение. А это вряд ли произойдет до того, как закончится драка и у него появится время подумать.

— Захватив его врасплох, я мог бы рассчитывать на его человеческие рефлексy.

— Да, но не путайте рефлексy с мотивами. Вы не знаете, каковы его мотивы сейчас.

— Продолжайте.

Снайдер откинулся в кресле и заложил руки за голову. Подкативший официант достал из своего чрева напиток. Гарнер расплатился и отогнал его.

Снайдер заговорил снова:

— Вы знаете, как он выглядит: пять футов семь дюймов, смуглый и довольно красивый. Его родители были ортодоксальными евреями, но не миллионерами; они не могли себе позволить исключительно кошерную диету. Гринберг очень хорошо адаптировался и мыслит в высшей степени гибко. Вот почему ему удалось сеансы контактной телепатии. Он немного переживает из-за небольшого роста, но это не должно нас беспокоить. Это частично компенсируется тем, что он называет своей «лишней деталькой».

— Миссис Гринберг рассказала мне.

— Частично он при этом имеет в виду телепатию. Частично — медицинскую аномалию. Полагаю, Джуди о ней упомянула. Но он абсолютно серьезно мнит себя кем-то особенным. Припомните также, что он уже годами читает сознания как людей, так и дельфинов. Это позволило ему набрать немало полезных сведений. Сомневаюсь, что дельфины так уж важны, но среди тех добровольцев, которые позволяли Ларри заглядывать в свои умы, есть профессора физики, студенты-математики и психологи. Можете считать его блестяще образованным...

Снайдер выпрямился.

— Помните все это, когда отправитесь за ним. Вы не знаете, насколько велик интеллект Морской статуи, но Ларри располагает своим собственным интеллектом, и больше ничьим. Он умен, хорошо приспосабливается и чрезвычайно уверен в себе. Он подозрительно относится к суевериям, но искренне религиозен. Его рефлексы превосходны. Я играл с ним в теннис: мы с Джуди против него одного, и Ларри держал целый корт.

— Тогда мне следует держать ухо востро.

— Именно.

— Предположим, его религиозные воззрения окажутся под угрозой. Как онотреагирует?

— Вы имеете в виду ортодоксальный иудаизм?

— Нет, я имею в виду любую религию, которая могла бы им сейчас овладеть. Подождите, я расширю вопрос. Как он будет реагировать на угрозу тому, во что верил всю свою жизнь?

— Это его разозлит, конечно. Но он не фанатик. Бросьте ему вызов, и он охотно примет спор. Но чтобы заставить его сменить мнение относительно чего-то важного, вам понадобятся очень веские доказательства. Недостаточно лишь заронить сомнения; надеюсь, вы поняли, что я имею в виду.

На большом белом экране Центра управления космическим транспортом почти неподвижно висели два темных пятнышка. Хэлли Джонсон развернул камеру телефона так, чтобы Гарнеру тоже было видно.

— Военный корабль движется чуть быстрее свадебного. В какой-то момент нагонит, если оба так и будут лететь к Нептуну.

— А куда еще они могут направляться?

— К некоторым астероидам. У меня есть список.

— Давайте-ка заслушаем.

Джонсон зачитал имена четырнадцати второстепенных греческих божеств.

— Куда больше возможных целей они уже миновали, — добавил он. — Мы их отбрасываем, когда корабль проходит точку разворота и не тормозит.

— Хорошо. Продолжайте слать мне информацию. Как насчет моего корабля?

— Будьте здесь к двадцати часам — и к двадцати одному уже окажетесь на орбите.

Клуб струльдбругов¹ был не единственным сообществом, установившим нижний возрастной предел для своих членов. (Взять хотя бы Сенат.) Но это был единственный клуб, где нижний предел за каждые два истекших года повышался на год. В 2106 году самому младшему его члену исполнился сто сорок один. Естественно, автоврачи в Клубе струльдбругов были лучшими в мире.

Но капсулы для процедур по-прежнему выглядели как увеличенные гробы.

Люк выбрался из капсулы и прочитал отчет по пунктам. Автоврач индуктивным образом подключился к его позвоночнику и несколько раз согнул колени, чтобы повысить мышечный тонус; перезарядил крошечную батарею в сердце; добавил гормонов и других веществ в кровоток. Локализованными ультразвуковыми импульсами была проведена терапия Чьена; Люк чувствовал боль на всем протяжении позвоночника, от основания черепа до поясницы, где ощущения практически исчезали. За лечебными процедурами последовали маникюр и педикюр.

Используя свое удостоверение АРМ, Люк заказал шестимесячный запас гормонов, антиаллергенов, набор спе-

¹ *Струльдбруги* — бессмертные дряхлые старцы, образ из «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта.

циальных инсектицидов и препараты общего омоложения, которые поддерживали его жизнь и здоровье. Он получил шприц размером с пивную банку и с мелко напечатанными инструкциями со всех сторон. Люк поджал губы при виде иглы; но для внутривенной инъекции впрыскивающим шприцем не воспользуешься. Он указал автоврачу, куда отправить счет.

Еще одно дело, и можно будет вздремнуть.

Из-за дряхлости многих струльдбругов телефонные кабины клуба были сделаны достаточно большими, чтобы вмещать инвалидные кресла — хотя и с трудом. Воздух в кабине Люка уже стал полупрозрачным от сигаретного дыма.

— Как же мне разговаривать с дельфином? — спросил он, охваченный непонятной робостью.

— Так же, как вы говорили бы с Ларри, — ответил Фред Торренс. — Но Чарли будет отвечать на дельфиньем, а я — переводить. По телефону его английский вы не разберете.

— Хорошо. Чарли, меня зовут Лукас Гарнер. Я работаю в АРМ. Знаешь ли ты, что произошло с Ларри?

Хрюканье, хихиканье, свист, визг, писк. Только один раз Люк слышал нечто подобное. Восемнадцать лет назад он был свидетелем по делу об убийстве. Трое других свидетелей — и жертва, которая, разумеется, не присутствовала, — были дельфинами.

Торренс перевел:

— Он знает, что Ларри потерял свое самоощущение. Доктор Янски позвонил и рассказал нам все об этом.

— Так вот, вчера Ларри сбежал от нас и улетел на похищенном корабле. Я отправляюсь за ним. Хочу услышать все, что Чарли сможет о нем рассказать.

Дельфиний язык.

— Чарли в ответ просит об одном одолжении, — перевел Торренс.

— Да ну? О каком?

Люк внутренне сжался. С тех пор как языковой барьер плавающих был сломан, они показали себя очень умелыми торговцами. К добру или к худу, но жесткий и сложный

моральный кодекс дельфинов легко приспособился к принципам торговли ходячих.

— Он хочет обсудить с вами возможность участия дельфинов в заселении звезд.

То, что было сказано далее, из всех присутствующих лучше всего понимал Торренс, специалист по морю. Чарли говорил медленно и ясно, держась куда ниже ультразвукового диапазона, но даже при этом у Торренса появлялись проблемы с переводом. Для него двуязычный диалог прозвучал так.

— Будь я проклят в письменной форме, — сказал Гарнер. — Чарли, это новая идея? Я никогда не слышал о дельфине, желающем скакать по звездам.

— Нет... не совсем новая. Вопрос обсуждался в абстрактном смысле, и многие были за, хотя бы из опасений, что плавающие чего-то лишатся. Но я лично почувствовал этот зов только три дня назад.

— Гринберг... Он ведь был просто помешан на космосе?

— Пожалуйста, используйте настоящее время. Да, он помешан на космосе, причем очень серьезно. У меня была пара дней, чтобы привыкнуть к присутствию Ларри в моей голове. Не скажу, что я полностью понимаю это стремление достичь Джинкса, но кое-что могу объяснить. Я не люблю использовать устаревшие термины, но это, — Чарли употребил английские слова, — предреченная ссудба. На Джинксе он сможет иметь детей столько, сколько захочет, даже четверых или пятерых, и никто не станет возражать. Частью это то же самое, что иногда мучает меня в бассейне. Нет места, чтобы плавать. Ларри хочет гулять по улице без малейшего опасения, что наступит кому-то на ногу, что его карманы обчистят, что он попадет в пешеходную пробку и будет унесен на шесть кварталов не в ту сторону. Учтите, я посвятил анализу этого значительно больше времени, чем сам Ларри.

— А как ты ощущаешь это? Ты же дельфин. Вероятно, никогда не смотрел на звезды...

— Миссстерр Гаррнрр, уверяю вас, что мы, плавающие, знаем, как выглядят звезды. В иллюстрированных книгах,

которые ваши агенты продали нам, много астрономических и астрофизических сведений. И кроме того, мы иногда поднимаемся глотнуть воздуха!

— Извини. Но вопрос остается: тебе никогда не наступали на ногу в давке, и никто, кроме косатки, не заинтересуется содержимым твоих карманов. Так что же это для тебя?

— Возможно, приключение. Возможно, основание новой цивилизации. Знаете ли вы, что на протяжении многих тысяч лет была только одна цивилизация плавающих? Моря не изолированы, подобно континентам. Если какие-то вещи можно делать лучше, мы это выясним, создав много сообществ на многих мирах. Логично?

— Да! — подчеркнул Гарнер своим тоном. — Но это может оказаться сложнее, чем ты думаешь. Нам придется сконструировать для вас совершенно новый корабль, потому что надо будет везти воду для плавания. А вода тяжела, черт возьми. Готов поспорить, что отправить дельфина будет в десять раз дороже, чем человека.

— Вы используете воду как рабочее тело для посадочных двигателей. Вы можете осветить водохранилища?

— Да, а еще можно заполнить резервуары только на две трети и установить фильтры, чтобы рыба, водоросли и все прочее не попадало в двигатели. Можно даже найти место для маленьких емкостей, в которые вы переберетесь, когда основной запас воды будет потрачен на посадку. Но, Чарли, ты хоть представляешь себе, во сколько все это обойдется?

— Да, немного. Деньги — вопрос сложный.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Вы вряд ли купите себе места за те товары, что производят дельфины. Да, вам хватит средств, чтобы отправить супружескую пару на Вундерланд¹, но пара — это же так мало! Как двум дельфинам не спятить от тоски? Чем они будут жить? Заселить океан — это не поле засеять пшеницей. У поля хоть есть пахотный слой, пусть и самодельный, а у вас рыбы просто разбегутся! Заселение океана должно производиться сразу на

¹ Планета в системе ближайшей к Солнцу звезды альфа Центавра, первой колонизованной людьми в цикле «Известный космос».

всем его пространстве! Вы даже не можете заявить, что имеете право находиться на звездолете. Дельфины не платят налоги ООН... Гм... — Люк почесал в затылке. — Чарли, а многих ли дельфинов удастся убедить навсегда покинуть океаны?

— Сколько понадобится, столько и убедим. В крайнем случае они будут выбраны по жребию. Закон позволяет подобный отбор при острой необходимости. Из сотен плавающих, которые приняли участие в ранних экспериментах ходячих, призванных доказать нашу разумность, и двадцать или тридцать из которых в результате умерли, почти все были выбраны таким образом.

— О... в самом деле? Никто и не догадался, — произнес Люк, и странное выражение его лица изумило Торренса.

Гарнер глядел почти с ужасом. Но речь об очень давнем событии. Почему он так шокирован?

— Что было, то было, — сказал Гарнер. — Много ли найдется настоящих добровольцев?

— Они все будут настоящими. Но вы хотите знать, сколько захотят полететь безо всякого жребия? От пятидесяти до ста, не более, из всех океанов.

— Хорошо. Надо развернуть мощную рекламную кампанию. Дельфинам придется внести свою долю в стоимость дельфиньего звездолета — просто для проформы. По сравнению с конечной ценой это чисто символическая сумма, но для вас она велика. Также надо будет внушить ходячим, что на планете, где нет дельфинов, и жить не стоит. Скажу лишь, что я уже в это верю.

— Благодарю вас. Благодарю от имени всех дельфинов. Примут ли плавающие участие в этой рекламе?

— Не прямо. Но нам понадобятся заявления знаменитых плавающих, вроде того, которого газеты называют Законником. Ты знаешь, кого я имею в виду?

— Да.

— Пойми, я просто фантазирую. Надо будет нанять консультанта по общественному мнению, пиар-агента, и поручить работу ему. И все это может оказаться бесполезным.

— Нельзя ли снизить стоимость отправки плавающих с помощью поля, замедляющего время? Поля доктора Янски?

Гарнер выглядел совершенно потрясенным. Торренс ухмыльнулся, обнаружив знакомую реакцию: «И это говорит дельфин?»

— Да, — сказал Гарнер, кивнув своим мыслям. — Правильно. Нам даже резервуары с водой не понадобятся. Экипаж из людей будет работать, а вы полежите замороженными, пока люди не найдут небольшое море для заселения, вроде Средиземного...

Разговор продолжался еще долго.

— ...Итак, решено, — сказал Гарнер немало времени спустя. — Обсуди это с дельфинами, особенно с наделенными властью, но ничего не предпринимайте до моего возвращения. Я должен буду выбрать пиарщика. Хорошего пиарщика.

— Не хочется вам напоминать, но ведь есть вероятность, что вы не вернетесь?

— Проклятие! Я совершенно забыл. — Гарнер глянул на запястье. — Пропал мой отдых. Быстрее, Чарли, начинай о Гринберге. Каково твое мнение о нем?

— Боюсь, я предубежден. Он мне нравится, и я завидую его рукам. Он для меня совсем чужой. И в то же время не совсем, — ответил дельфин и нырнул на дно резервуара.

Торренс использовал паузу, чтобы прочистить горло. Он чувствовал себя так, словно наелся бритвенных лезвий.

— Он не чужой. Неправильно! — всплыв, выпустил пар Чарли. — Он думает очень похоже и несколько раз вступал в контакт со мной до того, как мы попробовали сделать это в обратную сторону. Он любит розыгрыши... Это очень приблизительно сказано, но другого слова мне не подобрать. Ларрри любит розыгрыши в дельфиньем стиле. Когда-то он выбрал несколько наших наиболее известных шуток, старых розыгрышей, которые мы считаем классическими, переделал их во что-то применимое для ходячего, а потом решил от них отказаться, поскольку мог угодить за это в тюрьму. Если он больше не боится тюрьмы, у него может появиться искушение их попробовать.

— Н-да.

— Вроде того, что я с плавающими еще не пробовал. По-английски это называется «гипнотизм».

— Я не понял, — произнес Торренс.

— Определяется как наведенное состояние мономании.

— А-а...

— Ларрри изучал его подробно и даже применял, у него получалось. На плавающего может не подействовать.

— Он это уже попробовал, — сказал Гарнер. — Еще что-нибудь?

— Гаррнрр, вы должны понять, что дельфиний бульвзз-и-и-и — не просто розыгрыш. Это способ взглянуть на мир. Подбрасывание разводного ключа в аппарат — иногда единственный способ добиться, чтобы его починили, заменили или изменили. Особенно если это правовой или социальный аппарат. Укусив дельфина за плавник в нужное время, можно добиться, чтобы этот дельфин изменил свое отношение к жизни, подчас в лучшую сторону. Ларри это понимает.

— И я хотел бы понять. Спасибо, Чарли, что уделили время.

— Неправильно! Неправильно! Это вам спасибо за ваше время!

Час до отлета. У Люка горло пересохло от разговоров. Минут пятнадцать он мог подремать, но вряд ли бы это помогло.

Он сидел в библиотеке Клуба струльдбругов и думал о Гринберге.

Почему Ларри превратился в пришельца? Ну, это просто. Имея два набора воспоминаний, он, естественно, предпочел ту личность, которая максимально выделяла его среди других. Но почему продолжает ее держаться? Он уже должен был уяснить, что Морской статуей не является и что прежде счастливо жил как Ларри Гринберг.

У него завидная жена, и она его любит. Если верить доктору Снайдеру, он был стрессоустойчив и хорошо адаптирован. Любил свою работу. Считал себя особенным.

А Морская статуя одна во всей Вселенной, последняя из своего рода, затерянная среди врагов. Гринберг-статуя

также потерял свою способность к... — скажем, к телепатическому гипнозу.

Любой нормальный человек предпочел бы оказаться Гринбергом.

«Я должен признать, — подумал Гарнер, — что Гринберг не в состоянии думать как Гринберг, пока его сознание захвачено памятью Морской статуи. Он должен оставаться Морской статуей, чтобы вообще функционировать. Иначе он хотя бы попробовал перемениться обратно».

А загадочное презрение, проявленное им на допросе? «Не... э-э-э... рабом. Не человеком».

Возле уха звякнул робот. Гарнер повернулся и прочитал на груди официанта бегущую световую строку: «Вас просят немедленно позвонить мистеру Чарльзу Уотсону».

Чик Уотсон был толстяком с вислыми губами и расплюснутым мясистым носом. Волосы у него были черные, жесткие, подстриженные ежиком; щеки и подбородок покрыты седеющей вечерней щетиной. Выглядел он совершенно безобидно. На его столе стоял большой экран, с огромной скоростью прокручивающий видеозапись. Даже среди тысячи людей вряд ли нашелся бы способный понять изображение.

Зазвучал зуммер. Чик погасил видео и переключился на телефон. Для толстяка он двигался быстро и точно.

— Слушаю.

— Сэр, звонит Лукас Гарнер. Хотите его увидеть?

— Сгораю от нетерпения.

Голос Чика Уотсона не соответствовал облику. Он был начальственный: низкий звучный бас.

Люк выглядел уставшим.

— Чик, ты искал меня?

— Да, Гарнер. Подумал, ты способен мне помочь в кое-каких вопросах.

— Прекрасно, но время поджидает.

— Я все изложу быстро. Во-первых, вот сообщение с Цереры для «Титан энтерпрайзис». «Золотое кольцо» стартовало вчера с базы в Топике в режиме радиомолчания, и Пояс намерен предоставить счет за его отслеживание. Из

компании сообщение переслали сюда. Утверждают, что их корабль похищен.

— Это так. Канзас-Сити располагает всеми подробностями. Очень запутанная история.

— Час спустя военный корабль «Иводзима»...

— Тоже угнан.

— Есть какая-нибудь связь с инцидентом в Лос-Анджелесском университете?

— Самая прямая. Послушай, Чик...

— Знаю-знаю, выясни в Канзас-Сити. И наконец... — Чик покопался в кассетах с записями и сказал подозрительно мягким голосом: — Вот твое извещение: ты покидаешь Топику на реквизированном военном корабле «Хайнлайн»; отбытие — база в Топике, двадцать один ноль-ноль; направление — неизвестно; вероятно, Нептун; цель — официальное задание. Гарнер, я всегда говорил, что такое произойдет, но никогда по-настоящему не верил.

— Чик, я еще не впал в маразм. Это неотложное дело.

— Самый стремительный приступ старческого маразма, о котором я слышал. Какое событие могло произойти, чтобы ты, в твоём-то возрасте, так спешно отправился в космос?

— Это в самом деле срочно.

— Ты не можешь объяснить?

— Нет времени.

— Предположим, я прикажу тебе не лететь.

— Я думаю, это будет стоить человеческих жизней. Многих жизней. Это может также положить конец человеческой цивилизации.

— Мелодраматично.

— Это правда, в самом буквальном смысле.

— Гарнер, ты просишь меня расписаться в собственном невежестве и позволить тебе отправиться самому, поскольку ты единственный эксперт в данной ситуации. Правильно?

— Подозреваю, что так и есть, — согласился Гарнер после небольшого колебания.

— Отлично. Терпеть не могу сам принимать решения. Вот поэтому меня и усадили за стол. Но, Гарнер, ты можешь

знать вещи, о которых не имеют представления в Канзас-Сити. Перезвони мне после старта, хорошо? А пока я изучу ситуацию.

- На случай если я откину копыта? Неплохая идея.
- Так вот, не забывай об этом.
- Не забуду.
- И принимай свои витамины.

Словно оперенная стрела, корабль «Золотое кольцо» уходил от Солнца. Сравнение банальное, но точное, поскольку огромное треугольное крыло располагалось точно в кормовой части корабля, а изящное древко фюзеляжа простиралось далеко вперед. Небольшие передние крылья вскоре после старта сложились по бокам. Большой киль представлял собой лабиринт из труб. Пар под давлением, разогретый двигателем, проходил через генератор и радиатор охлаждения, чтобы вернуться и начать путешествие снова. Большая часть мощности шла на питание экрана термоядерного двигателя; остальное снабжало систему жизнеобеспечения.

И все же уподобление стреле было неточным. Эта «стрела» летела боком, оседлав жаркий, как солнце, факел в своем чреве.

Кзанола взревел от раздражения. Карты опять не сложились! Он сгреб их толстыми пальцами, постучал ими по столу, собрав в колоду, а потом разорвал ее. Затем осторожно поднялся на ноги. Двигатель развивал ускорение, равное земной гравитации, а у Кзанола не было времени привыкнуть к дополнительному весу. Он уселся перед столом в казино и пошарил в ящике. Вытащил и распечатал новую колоду, дал тасующему автомату повозиться с ней, потом забрал и начал раскладывать пасьянс. Пол вокруг него был усеян клочками намагниченных карт из пластика.

Пожалуй, надо придумать подходящее наказание для пилота, научившего его этой игре.

Пилот и его помощница сидели неподвижно в рубке управления. Время от времени пилот вручную корректировал курс. Примерно каждые четырнадцать часов помощ-

ница приносила Кзанолу чашку воды и возвращалась на свое место. Актиничный газ струился из чрева корабля, все больше и больше увеличивая его скорость.

Ночь была прекрасна. С тех пор как Гарнер последний раз видел звезды, прошли годы; в городах звездный свет не мог пробиться через смог и сияние неона, а даже американские континенты почти сплошь превратились в города. Вскоре он увидит Галактику куда яснее, чем видел в последние полвека.

Воздух был горячим, как дыхание Сатаны. Гарнер обливался потом, Андерсон и Ноймут — тоже.

— Я опять скажу: мы бы и сами справились, — проворчал Андерсон.

— Ты бы не знал, что искать, — парировал Гарнер. — Я же готовился к такому специально. Десятилетиями читал научную фантастику. Нет, столетиями! Ноймут, куда ты?

Темнокожий коротышка Ноймут уходил вбок.

— Время пристегиваться, — отозвался он. — Бон вояж!

— Он идет вперед, в кабину ракетного ускорителя, — сказал Андерсон. — А мы этим эскалатором поднимемся в корабль.

— О! Жаль, я не успел его рассмотреть получше. Просто одна большая тень.

Тень выглядела горбатой, словно бумажный самолетик, к которому прицепилась громадная ящерица. Бумажным самолетиком был прямоточный ракетоплан, работающий на водородном топливе и использующий жидкий водород для производства жидкого кислорода прямо в полете. Узкий цилиндр, закрепленный на его верхней плоскости, представлял собой катер с термоядерным двигателем, с некоторыми дополнениями для спасательных работ. Он был рассчитан на двух человек.

Включение термоядерного мотора в атмосфере Земли было бы преступлением, караемым смертной казнью. Взлетев прямо с поверхности восемнадцатью часами ранее, Мэсни и Кзанол-Гринберг нарушили двенадцать различных местных законов, пять наднациональных правил и договор с Поясом.

Стартовал другой корабль, его двигатели ревели, как разгневанные боги. Гарнер зажмурился от сияния.

— Этот корабль встретит нас на орбите, — как нечто само собой разумеющееся сказал Андерсон.

Люк устал задавать глупые вопросы. Андерсон нравился ему все больше. Если парень пожелает объяснить, для чего нужен второй корабль, то объяснит.

Они достигли подножия эскалатора.

— Встретимся наверху, — произнес Гарнер и потянулся к пепельнице.

Андерсон потрясенно наблюдал, как инвалидное кресло превращается в летающую тарелку. Представитель АРМ использует незаконный летательный аппарат? АРМ?

Насвистывая, Андерсон ступил на бегущие вверх ступеньки. Этот полет может оказаться очень занятным.

— Кресло оставьте на платформе эскалатора, — сказал он наверху. — Мы договорились, чтобы его отвезли в местный Клуб струльдбругов. Там о нем позаботятся. А я вас внесу, сэр.

— Ты лучше возьми мой медицинский набор, — ответил Гарнер, — а я пойду сам.

И он пошел, покачиваясь и помогая себе руками. До своего противоперегрузочного кресла добрался с трудом. Андерсон нашел медицинский набор и последовал за ним. Он проверил ремни безопасности Гарнера и пристегнулся сам.

— Ноймут? Мы готовы, — произнес Андерсон в пустоту и продолжил объяснение: — Вторая прямоточная ракета несет связку твердотопливных ускорителей размером с этот корабль. Они прицепные. Энерговооруженность нашего корабля не больше «Золотого кольца», и мы отстаем на полтора дня, поэтому для начального разгона используем дополнительные двигатели. Неэффективно, но если сработает...

— То это хорошо, — закончил за него Гарнер.

Тяга линейного ускорителя приглушила его голос. Пять секунд продолжалось беззвучное давление — две единицы ускорения. Потом заработали прямоточные двигатели, и корабль взлетел.

Потребуется два дня малоприятного разгона на двух «же», чтобы успеть первыми, подумал Гарнер, придавленный к своему креслу. Его старым костям придется нелегко. Ему уже не хватало собственного кресла с полезными приспособлениями. Это путешествие веселым не будет.

Когда зазвучал зуммер, Ларс ел очень неаккуратно приготовленный сэндвич с сардинами и яйцом. Он осторожно, двумя руками отложил сэндвич (чтобы при почти нулевой гравитации тот не отлетел куда-нибудь), потом обтер ладони о комбинезон, который часто приходилось стирать, и подошел к передатчику.

Луч мазера пересек бездну одним мгновенным импульсом. Радио превратило его в звук, потом тщательно снизило частоту, компенсируя небольшой доплеровский сдвиг. Раздался бесцветный голос Каттера, дежурного на Церере:

— Благодарим, Эрос, ваше сообщение получено полностью. На этот раз, Ларс, никаких неожиданностей. База Топики вызвала нас восемь часов назад, сообщив время старта и предполагаемый курс. Согласно вашему рапорту старт запоздал на четыре минуты, но это обычное дело. Продолжайте информировать нас. Благодарим, Эрос, ваше...

Ларс отключил приемник и вернулся к сэндвичу. Заметил ли Каттер, что военный корабль следует за теми двумя, которые он отследил восемнадцать часов назад? Наверняка заметил.

— Ты воспринимаешь это слишком тяжело, — сказал Дэйл Снайдер.

Джуди пожала плечами.

Дэйл снова обратил внимание на опухшие веки, которые не мог скрыть макияж, на незнакомые морщинки на красивом двадцативосьмилетнем лице, на мертвую хватку, которой Джуди держала кофейную чашку, на ее напряженную позу во вроде бы удобном кресле.

— Послушай, — сказал он, — на тебя обрушилось слишком много. Не рассматривала ли ты... Я хочу сказать, не вспоминала ли вообще о вашем соглашении с Ларри насчет супружеской измены? По крайней мере, можно снять

одно из нервирующих обстоятельств. Сколько бы ты ни беспокоилась, это ему не поможет.

— Знаю. Я думала об этом. Но, — она улыбнулась, — не с другом, Дэйл.

— О, я не это имел в виду, — сказал поспешно Дэйл Снайдер и покраснел.

К счастью, повязки это скрыли.

— Как насчет поездки в Лас-Вегас? Город полон разведенных обоого пола, бóльшая часть из них пока что страшится даже идеи о новом браке. Отличная ситуация для кратковременной интрижки. И ты всегда сможешь ее оборвать, когда Ларри вернется.

Возможно, он вложил слишком много уверенности в последние слова, потому что Джуди сжала свою чашку еще сильнее. Но сразу же расслабилась.

— Я так не думаю, — сказала она безучастно.

— Поразмысли над этим еще. Ты даже можешь немного поиграть в азартные игры.

Двойная гравитация! Двенадцать часов назад он бы посмеялся над собой. Двойное ускорение, лежа на спине? Люк бы справился с этим, стоя на голове. Но это было двенадцать часов назад — двенадцать часов удвоенного веса, подрагивающего металла, шума, отсутствия сна. Пара дополнительных ядерных двигателей ревела снаружи. Два из них уже были сброшены. Оставались десять, предназначенные для работы по два вместе. Только через полтора дня вес корабля вернется к нормальному.

Никогда небо не было таким черным; никогда звезды не были столь яркими. Люку казалось, что, если пристально разглядывать, они прожгут крошечные дыры в сетчатке глаз. Получатся многоцветные слепые пятнышки, дополнение к его завидной коллекции шрамов. Млечный Путь был туманной рекой света, сквозь которую просвечивали огоньки, резкие, жгучие, словно лазерные лучи.

Вот куда он попал.

Ему было семьдесят два, когда на орбиту запустили первый пассажирский корабль: неуклюжий, аскетичный, излишне громоздкий по нынешним меркам; в сущности,

просто планер. Тогда ему сказали, что он слишком стар, чтобы купить билет. А сейчас? Он и хотел бы рассмеяться, но мешало давление на грудь.

Сделав усилие, он повернул голову. Поверх части сложного пульта управления, окружавшего людей со всех сторон, Андерсон крепил полосу прозрачного пластика. Большая часть пульта уже была скрыта пластиковыми крышками.

Заметив взгляд Люка, он пояснил:

— Теперь делать больше нечего, только смотреть на камни. Я поднял нас над плоскостью Пояса.

— А мы можем позволить себе эту задержку?

— Разумеется. Если они отправились на Нептун.

Голос Андерсона звучал бодро и энергично, хотя и невнятно из-за давящей на щеки перегрузки.

— А если не так, то они нас уже обогнали, куда бы ни направлялись. И мы этого не узнаем, пока они не произведут маневр переворота.

— Нам придется рискнуть.

Лишний вес Андерсона вообще не беспокоил.

Одна единица ускорения для пилотируемого космолета вещь стандартная. Но некоторые спасательные корабли и некоторые экспрессы Пояса имеют точки крепления для связок ядерных двигателей, чтобы сократить время полета. Часто это оказывается важным. Чаще большого значения не имеет: при постоянном ускорении время полета уменьшается пропорционально квадратному корню мощности тяги. Однако и Гринберг, и пришелец ожидали бы, что их преследователи, подозревая они о таковых, будут отставать на полтора дня на протяжении всего пути к Нептуну.

Прицепной двигатель можно использовать один-единственный раз. Гладкая цилиндрическая оболочка содержит только водород под давлением и ядро из уранового сплава. Термоядерный генератор поля находится снаружи; он остается на корабле после отделения двигателя. В тот момент, когда внутри оболочки образуется поле, нейтроны начинают отражаться обратно в урановую массу, и все распадается в цепной реакции. Со временем давление внутри пойман-

ной в ловушку звезды уменьшается, но крошечное выходное отверстие специально спроектировано так, чтобы постоянно изнашиваться, сохраняя ускорение постоянным.

На этот раз добавочные двигатели были жизненно необходимы. «Хайнлайн» обгонит остальных на шесть часов при полете к Нептуну...

Если преследуемые направляются к Нептуну!

Но если Диллер ошибся или солгал — подумав, как и Гринберг, что он сам пришелец, — если убегающие корабли находятся на пути к какому-то астероиду, то «Хайнлайн» проскочит мимо. К моменту, когда остальные начнут маневр торможения, окажется слишком поздно. «Хайнлайн» будет двигаться слишком быстро.

Разумеется, всегда можно применить ракетное оружие. Если «Золотое кольцо» или «Иводзима» совершат посадку где-нибудь в Поясе, Пояс сочтет это нарушением договора. Можно будет убедить его власти, чтобы атаковали.

Но имеется еще Ллойд Мэсни.

Дискуссия с Чиком Уотсоном оказалась утомительной и малопродуктивной, учитывая минуты задержки после каждого сообщения. Теперь Чик знал все то же, что и Гарнер, не считая исчерпывающих подробностей, собранных им о жизни Гринберга. Они пришли к очевидному решению. Дополнительные корабли с Земли не будут посланы: они наверняка прибыли бы слишком поздно. Если любой из объектов погони куда-то долетит и начнет обратный путь, Земля откроет огонь без предупреждения. Чик обещает поддерживать связь с Гарнером и искать любую информацию, которая ему понадобится. И еще одно решение...

— Нет, мы не можем просить о помощи, — сказал Чик, и выражение его лица четко демонстрировало презрение к подобной идее. — Только не при нынешних отношениях с Поясом. Они знают, чем нам грозит эмбарго на уран, а мы знаем, чем грозит им прекращение поставок витаминов, и обе стороны аж трясутся от желания увидеть, кто сдастся первым. Полагаешь, они поверят в нашу историю? Все доказательства, которые мы можем предоставить, с их точки зрения, косвенные. Они решат, что мы проводим нашу собственную операцию по горноразработке или же пытаемся заявить права на какую-либо луну. Они могут

подумать все, что им угодно, ибо точно знают только одно: три корабля с Земли находятся на пути к Нептуну. И что еще хуже, они могут посчитать, что этот телепатический усилитель не будет действовать дальше Земли. В этом случае они смогут заключить более выгодную сделку с королем Земли Гринбергом, чем с нами.

— Я бы никогда на такое не купился, — ответил Гарнер. — Но ты прав, кричать «помогите» смысла нет. Может найтись и лучшее решение.

И поэтому они ждали. Если догадка верна, если похищенные корабли направляются к восьмой планете, они совершат маневр разворота через шесть дней. Люку и Андерсону нечего делать, пока пришелец не отдаст приказание.

Гарнер наконец заснул, улыбаясь. Улыбался он потому, что ускорение оттягивало его щеки. Андерсон тоже заснул, предоставив всю работу автопилоту.

На следующий день в двадцать один ноль-ноль последняя пара ускорителей догорела и была отстрелена. Теперь шесть пар кувыркающихся толстостенных металлических цилиндров следовали за «Хайнлайном» по орбите в миллионы миль длиной. Лет через сто они вылетят в межзвездное пространство. Некоторые в итоге пройдут между галактиками.

Корабль продолжал путь на комфортном ускорении, равном земному. Люк неистово кривился, упражняя лицевые мышцы, а Андерсон вошел в воздушный шлюз для изометрической гимнастики.

Внизу пролетали скалы Пояса, с каждой секундой все быстрее¹.

Человек, назвавший себя «Базой на Церере», смахивал на мелкого чиновника, и голос у него был занудный. Судя по внешности, у него вообще могло не быть собственного

¹ Роман «Мир птаввов» вышел в окончательной редакции в 1966 году; описание планет, спутников и космических полетов между ними соответствует научным знаниям того времени, что следует учитывать при чтении книги.

имени. Он пожелал узнать, что военный корабль Земли делает в Поясе.

— Мы имеем разрешение на пролет, — коротко ответил Андерсон.

— Да, — сказала Церера, — но какова цель «Хайнлайна»?

— Дай-ка микрофон, — прошептал Гарнер.

— Говорите, он и так вас слышит.

— Церера, это Лукас Гарнер, от АРМ ООН. Что за внешняя смена отношения?

— Мистер Гарнер, ваши полномочия здесь не имеют си...

— Я не об этом спрашиваю.

— Извините?

— Вы же уже догадались, что мы преследуем «Золотое кольцо»?

— В самом деле? С какой целью?

— Это вас не касается. Но одному из ваших начальников я могу рассказать, если вы выберете правильного начальника. Свяжитесь с ним поскорее, мы каждую минуту улетаем все дальше.

— Пояс не пропустит вас, пока вы не ответите, что тут делаете.

— Пояс нас не тронет. Всего хорошего.

Услышав звонок, Марда перекатилась с кушетки и быстро вошла в телефонную кабину. Внизу живота чувствовалось только стягивание от хирургического клея, хотя операция закончилась всего двенадцать часов назад. Дискомфорт возникал лишь при ходьбе, но напоминал о потере.

— Лит! — позвала она. — Церера. Это тебя.

Лит прошагал из сада в дом.

На этот раз Каттер выглядел встревоженно.

— Помнишь два бандитских корабля с базы Топика? К кортежу присоединился кое-кто еще.

— Что-то долго собирались. Мы их еще несколько дней назад предупредили. И когда он стартовал?

— Два дня назад.

— Два дня, Каттер?

— Лит, «Хайнлайн» заранее прислал нам кучу предложений и точную проекцию курса. Он также использовал прицепные ускорители. Пространственно-временная кривая полностью отличается от траекторий бандитов, поэтому столько времени ушло у меня на выяснение того, что на самом деле все движется в одном и том же направлении.

— Черт возьми, Каттер... Хотя не важно. Еще что?

— «Хайнлайн» сейчас пролетает Цереру. Хочешь ли ты поговорить с Лукасом Гарнером, представителем АРМ ООН?

— АРМ? Что здесь делает АРМ?

— Он не сказал. Но может сказать тебе.

— Почему вы настолько уверены, что Пояс нас не оставит?

— Ну, догнать нас и состыковаться они не могут. Все, что им остается, — обстрелять ракетами.

— Вы меня просто осчастливили.

— Андерсон, поясники не глупы. Ага!

С экрана на них смотрел мужчина, белый, но с космическим загаром, черными волосами и морщинками вокруг глаз.

— Имею ли я честь обращаться к Лукасу Гарнеру, находящемуся на борту «Хайнлайна»? — спросил он.

— Имеете. Кто вы?

— Чарльз Мартин Шеффер. Первый спикер Политической секции Пояса. Могу ли я спросить...

— Малыш Шеффер?

Коричнево-красное лицо человека на миг застыло, потом чуть улыбнулось.

— Меня называют Лит. Гарнер, какова ваша цель?

— Вам, Шеффер, я скажу. Однако не перебивайте, потому что это долгая история...

На рассказ ушло пятнадцать минут. Шеффер слушал без комментариев. Затем последовали вопросы. Первый спикер хотел подробностей и разъяснений. Некоторые вопросы повторялись. Некоторые содержали скрытые обвинения, потом и менее скрытые. Андерсон поддерживал наведение луча, разумно предоставив переговоры Гарнеру.

Через час вопросов и ответов Люк оборвал:

— Шеффер, на сегодня с меня хватит допроса с пристрастием.

— А вы ожидали от меня, что я с готовностью проглочу вашу версию? Ваше мнение о поясниках требует пересмотра.

— Нет, Шеффер, не требует. Я никогда не ожидал, что мне поверят. Вы не можете позволить себе такую роскошь. В пропагандистском смысле значение того факта, что Земля провела вас на столь дикой истории, было бы огромным.

— Естественно. Но с другой стороны, вы стараетесь убедить меня в том, что инопланетное чудовище угрожает всей человеческой цивилизации. Исходя из этого кажется странным, что вы не хотите ответить на несколько вопросов.

— Чушь. Шеффер, сделайте вот что. Пошлите несколько вооруженных...

— Я не выполняю приказов...

— Не прерывайте меня, Шеффер. Пошлите за мной к Нептуну несколько вооруженных кораблей. Я уверен, что беглецы направляются именно туда; они уже миновали точку разворота для большей части астероидов. Вашим кораблям потребуется время, чтобы догнать нас. Они могут помочь нам, а могут и не успеть. Если считаете меня лжецом, то отправьте корабли хотя бы для того, чтобы убедиться, что мы не занимаемся браконьерством. Независимо от того, в чем вы меня подозреваете, вам ведь понадобятся корабли, чтобы меня остановить? Ведь так, Шеффер? Но вооружите их. Вооружите как следует. Единственный альтернативный вариант для вас — начать войну, так? Так. Если хотите получить подтверждение моей истории, позвоните в офис АРМ в Лос-Анджелесе, потом на Выставку сравнительных культур ООН в Бразилиа-Сьюдад и спросите, находится ли у них еще Морская статуя. Это все, что вы можете сделать. А потом свяжитесь со мной снова и сообщите, сколько кораблей посылаете.

Люк дал знак Андерсону, и тот отключил связь.

— Придурок, — с чувством сказал Андерсон.

— Вовсе нет. Он поступил правильно. И дальше будет поступать правильно. Первым делом он пошлет за нами корабли, включая один с антирадаром, который из-за лишнего веса попадет туда позже прочих. Он свяжется с Землей и получит хоть какое-то подтверждение моей истории. Худшее, что он может обо мне подумать, — что я слишком дотошен. Наконец он вызовет нас и сообщит, что послал корабли — на один меньше, чем на самом деле, не упоминая об антирадаре. Этот корабль позволит властям Пояса застукать меня на месте за то, что, по их мнению, является нарушением договора, особенно если допустить, что я не знаю, что в Поясе изобрели антирадар...

— Однако!

— Но если они не поймут меня ни на чем, то будут сотрудничать.

— Угу. Просто отлично. Но смогут ли они справиться с этим делом, когда выяснится, что мы говорим правду?

— Разумеется. Они будут вооружены против нас, а оружие есть оружие. Кроме того, кое-кто из них мне поверит. Поясники все время ждут первого контакта с инопланетянами. В любом случае они будут вооружены до зубов. — Гарнер почесал в затылке. — Интересно, против чего вооружена Морская статуя?

Когда от вырванного зуба остается воспаленный нерв, боль не очень страшная, но долго не проходит. Неутихающая боль может довести несчастную жертву до мыслей о самоубийстве. Спасения нет.

При каждом движении Марда ощущала слабое натяжение в животе.

Многие женщины Пояса были бездетны. Одних окатили солнечные бури. Другие были фригидны, что помогало им переносить одиночество в одноместном корабле. У третьих имелись нежелательные рецессивные гены; и кстати, вопреки распространенному мнению землян, в Поясе имелись Законы о рождаемости. Некоторые не могли зачать в невесомости или при малой гравитации. Они составляли особый класс изгнанников с Родильного.

Что Лит делает в телефонной кабине больше часа?

Он был разъярен, Марда это заметила. Никогда раньше не видела его в таком состоянии. Даже по окончании разговора он остался сидеть, уставившись в пустой экран.

Что-то побудило ее встать и открыть звуконепроницаемую дверь. Лит обернулся и сказал:

— Этот тип из АРМ! Этот плоскоземелец! Марда, можешь представить, чтобы человек из АРМ вел себя со мной столь надменно?

— Вижу, он и впрямь вывел тебя из равновесия. Лит, что произошло?

— О!.. — Лит стукнул ребрами ладоней друг о друга. — Помнишь те два корабля, которые взлетели с базы Топика без...

— Я ничего такого не слышала.

— Правильно. Я и забыл.

Тогда она вряд ли была в настроении слушать.

— Так вот, два дня назад...

Завершая рассказ, он почти успокоился, и Марда без опаски заметила:

— Но ты устроил часовой допрос. Ему оставалось либо прервать разговор, либо признать, что он лжет.

— Хорошая мысль. Меня больше всего бесит сама его сказка.

— Ты уверен, что он лгал? Это звучит слишком фантастично.

— Да, дорогуша. Это слишком фантастично.

— Так забудь.

— Дело не в этом. Что ему нужно на Нептуне? Зачем ему три корабля? И почему, во имя здравого смысла, он реквизирует «Золотое кольцо» у «Титан энтерпрайзис»?

— Чтобы подкрепить свою историю?

— Нет. Я думаю, дело обстоит как раз наоборот. Его история была подогнана к фактам.

Он медленно повернулся к пустому экрану. Посидев какое-то время (Марда не отводила от него глаз), произнес:

— Я намерен поступить именно так, как предложил он. И это меня здорово бесит. Будет время, напомни, чтобы я рассказал тебе, почему ненавижу парней из АРМ.

— Ладно. Сегодня, попозже.

— Умница, — обронил он, тут же забыв о ней.

Неподвижно глядя в пустой экран, Лит не желал отдавать Церере приказы, пока полностью их не продумает.

— Я могу опередить его, — наконец пробормотал он. — Отправлю корабли с ведущих троянских астероидов¹; он как раз будет пролетать над ними. Мы его догоним быстрее, чем он рассчитывает. — Его рука метнулась вперед. — И... хм... я могу послать корабль с противорадарной защитой. Оператор? Быстро, организуйте мне мазерную связь с Ахиллесом².

«Конечно, вся затея может быть отвлекающим маневром, — размышлял он в ожидании ответа оператора. — Чтобы отвлечь от чего-то, происходящего в Поясе прямо сейчас. Что ж, это у них тоже не пройдет. Каждый корабль, покидающий Землю или Луну, будет опрошен. Мы подвергнем некоторые из них досмотру, а за теми, которые откажутся, будем следить. Земля тоже свое получит. Я поставлю нашу шпионскую сеть поверить, что близится конец света».

Прошло четверо с половиной суток, однако ни Кзанол, ни Кзанол-Гринберг не развернули корабль. Похоже, они и в самом деле направлялись на Нептун. Если так, они проведут маневр через восемнадцать часов.

Андерсону было уже пора проделать разворот, чем он и занялся.

— Мы попадем туда за шесть часов до них, — пояснил он Гарнеру.

— Хорошо.

¹ *Троянские астероиды Юпитера* — две крупные группы астероидов, движущихся вокруг Солнца по той же орбите, что и Юпитер, на 60 градусов впереди планеты (ведущие) и 60 градусов позади (отстающие), в окрестностях так называемых точек Лагранжа L-4 и L-5. Пример явления орбитального резонанса. По традиции назывались именами героев Троянской войны. Ко времени написания романа у Юпитера было известно несколько десятков троянских астероидов, сейчас — более шести тысяч.

² *Ахиллес* — крупный троянский астероид Юпитера в группе ведущих. Он был первым открытым троянским астероидом (в 1906 году) и по размеру (135 км) занимает шестое место среди них.

— Конечно, они могут направляться в открытый космос. То, что они летят в сторону Нептуна, может быть совпадением. Тогда они удерут.

— На этих кораблях? Вообще-то, я ни минуты не сомневался, что они отправились на Нептун. Просто не хотел оставлять им ни одного шанса.

— Угу. Я всего лишь строю гипотезы. Как насчет обеда?

— Неплохо бы.

Был полдень. В жилом отсеке нельзя было прогуляться, но зато там имелась механизированная кухня; а покорители космоса давно выяснили, помимо прочего, что икра дешевле кукурузных хлопьев. Икра имеет куда большую пищевую ценность на единицу веса. Так что Гарнер и Андерсон ели предварительно замороженные блины по-французски и раздумывали, как долго им придется сбрасывать лишний вес.

Когда они запихивали тарелки обратно в кухонный аппарат, Гарнер вспомнил кое о чем:

— Можем ли мы повернуть телескоп?

— Разумеется. А для чего?

— Чтобы следить за другими кораблями. Они все еще впереди нас, а мы движемся задом наперед.

— Сейчас мы не увидим их — мешает свечение наших дюз. Однако через шесть часов нагоним и тогда сможем следить постоянно.

— Мы их никогда не догоним, — сказал в головном корабле высокий и худой негр, обладатель преждевременной седины и непроницаемого лица. — Они будут на три дня впереди нас всю дорогу. Браконьеры!

Кто-то — поговору, похоже, Курилка — заметил:

— Были бы на четыре, не стартуй мы с Ахиллеса.

— Что-то вижу в телескоп, — сообщил еще один корабль.

Все пять кораблей были одноместными. Их сняли с добычи руд в главном скоплении троянских астероидов Юпитера и спешно переоборудовали в военные.

— И что там?

— Вспышки водородного излучения. Судя по красному смещению, идет почти так же быстро, как корабль АРМ. И заметно его опережает.

— Цереру вызывать поздно?

— Напрямую — да. Она долго будет за троянцами.

— Тартов! Вызови Фебу¹ и сообщи, что три корабля миновали Уран, все на пути к Нептуну и идут примерно на одной скорости. Я хочу получить расчетное время прибытия каждого из них.

— Понял, Лью.

Флотилия из пяти кораблей выглядела как рой светлячков. Их разделяли только тысячи миль; они держались так близко друг к другу, чтобы избежать досадных задержек связи. Если бы они использовали химическое топливо или ионные двигатели, то не могли бы заметить друг друга, но слепящий свет термоядерных двигателей был ярче окружающих звезд.

— Лью?

— Здесь.

— Я уверен, что один из них — специальный свадебный лайнер. В его спектре заметна сильная линия кислорода.

— Ага! Армовцы готовились тщательно, надо отдать им должное.

— Их цель, вероятно, что-то большое, — сказал Тартов. — Что-то грандиозное.

Остальные молчали. Возможно, держали свое мнение при себе. Позади роя, отставая с каждой секундой, летел одинокий светлячок.

Пронеслось что-то наподобие падающей кометы — если бы таковые существовали.

— А вот и Гринберг, — с усмешкой сказал Андерсон.

Бело-голубой фонарик медленно скрылся среди звезд.

— Через несколько минут будет и «Золотое кольцо», — добавил он. — Корабль Гринберга чуть быстрее.

¹ Феба — один из удаленных спутников Сатурна. Открыт в 1899 году.

Гарнер не ответил.

Андерсон оглянулся и вежливо спросил:

— Вас что-то нервирует?

Гарнер кивнул:

— Я уже несколько дней об этом думаю. И только сейчас понял, что подходящего ответа вообще нет. Искать его — все равно что держать в тюрьме человека, умеющего телепортироваться.

— О чем вы?

— О попытке помешать одной из этих птичек подобрать усилитель.

Задумавшись, Гарнер похлопал по креслу в поисках кнопки для сигареты, поймал себя на этом и нахмурился.

— Смотри, — сказал он, — нам не добраться туда первыми. Мы не знаем, как они планируют его найти. Вероятно, просто помнят, куда поместили. Мы даже не знаем, насколько он велик! Мы не можем их арестовать; по крайней мере, не можем арестовать пришельца, он запросто превратит нас в запасных лакеев, а с Гринбергом тоже будут проблемы, потому что его корабль вооружен и Мэсни знает, как этим оружием пользоваться. Наверное, он в этом деле даже лучше тебя, сынок.

Гарнер выглядел ужасно, его лицо походило на маску из греческой трагедии, но голос звучал всего лишь обеспокоенно.

— Похоже, нам остается только стрелять на поражение, — добавил он.

— Этого делать нельзя! — протестовал Андерсон. — Вы убьете и Гринберга, и Мэсни!

— Я не хочу никого убивать. Предложи другой выбор.

— Так дайте мне шанс! Я об этом еще даже не думал! — наморщил лоб Андерсон, словно подражая Гарнеру. — Ага! — воскликнул он. — Я кое-что понял. Вам не придется стрелять без предупреждения. Вы можете подождать, пока не выяснится, на Нептуне ли находится то, что они ищут.

— А какая от этого польза?

— Они могли оставить что-то на одном из спутников или на орбите. Но если это на Нептуне, они до него не до-

берутся! Тяга их кораблей не превосходит одного «же». Притяжение Нептуна сильнее. Им не совершить посадку.

— Разве? У инопланетянина корабль с крыльями. Но мысль все равно интересная, сынок.

— Ручаюсь, — сердито сказал Андерсон. — А как, черт побери, он потом взлетит?

Люк Гарнер выглядел так, словно увидел призрак. Через секунду он спросил:

— Сынок, ты никогда не думал вступить в АРМ?

— Почему вы... — скромно начал Андерсон.

Кто вы?

Двое уставились друг на друга.

КТО ВЫ?!

— Лукас Ланселот Гарнер. АРМ.

— Лерой. Сын Джорджа Андерсона. Астронавт.

Я не желаю, чтобы вы меня преследовали.

В голосе Разума звучала смертельная угроза. Даже его простая «мысль вслух» ввергла Гарнера и Андерсона в психический шок. Потом Разум пришел к решению. Андерсон потянулся к пульту. Стуча ногтями по пластику, завозился с креплениями защитной панели.

Гарнер отпихнул его одной рукой от пульта.

Тогда Разум набросился на него. Гарнер почувствовал, как его сердце замерло, и стал задыхаться.

«Прямо сейчас?» — подумал он.

В глазах все стало красным, потом померкло.

Когда он очнулся, в голове гудело. Андерсон выглядел изможденным. В руке у него был впрыскивающий шприц.

— Слава богу, — выдавил он. — Я думал, с вами все.

— Сердце остановилось, — прохрипел Гарнер и подумал: «Все-таки не в этот раз». — Такое случилось впервые. Что ты использовал?

— Адреналин в сердце. Вы в порядке?

— Конечно. Думаю, как быть дальше.

Лицо молодого пилота было по-прежнему бледным.

— Знаете, что он мне приказал? Я должен был отключить защиту термоядерного двигателя. Это бы увидели на Земле. — Он содрогнулся. — Даже при свете дня! Как повезло, что вы меня остановили? Но как узнали?

— Я понял, чего он добивался. Не важно. А ты как узнал о моем сердце?

— Почувствовал, что он сделал. Ладно, до Нептуна мы можем не беспокоиться. Он ушел из досягаемости сразу после того, как остановил ваше сердце.

— В эту птичку нам придется стрелять первыми.

— С превеликим удовольствием, — зло сказал Андерсон.

Кзанола напрягся, чтобы удержать контроль над вражескими сознаниями, но это не помогло. Ему мешало не только расстояние; еще большим препятствием служила разница в скоростях. Небольшое релятивистское расхождение в ходе времени могло сделать общение невозможным даже для двух тринтов.

Он вернулся к игре в карты. Пилот-англичанин называл ее пасьянсом, что значит «терпение». Название точное. Кзанолу было непросто приучиться к терпению — пол салона покрылся обрывками пластика, — но эта колода выдержала уже десять проигрышей. Это была последняя колода на борту.

Утробно рыча, словно плотоядный зверь, каковым он и был, Кзанола сгреб карты и перетасовал их. Он научился координировать движения и сам себя дисциплинировал: он больше не позволит рабу увидеть, как мухлюет в карты. Один раз он это сделал, и пилот каким-то образом заметил. Жульничества больше не будет.

Кзанола вскочил. Еще один! Этот слишком далеко, чтобы взять его под контроль, но достаточно близко, чтобы ошутить. Однако... образ размыт, что не имеет никакой связи с расстоянием. Словно раб спит. Но... как-то по-другому.

Ощущал его Кзанола примерно полчаса. За это время он успокоился, выяснив, что на борту нет иных рабов. О других тринтах не подумал. Он бы распознал команды тринта.

В шесть ноль-ноль следующего утра корабль Гринберга совершил разворот. Три минуты спустя то же сделало «Золотое кольцо». Проснувшись, Андерсон увидел распе-

чатки с камеры телескопа: два огонька медленно растянулись в яркие линии, затем с такой же неторопливостью сжались в чуть более яркие точки.

Время тянулось. Гарнер и Андерсон углубились в игру, которую разыгрывали на обзорном экране: точки, составлявшие прямоугольную матрицу, следовало соединять прямыми линиями, причем победу одерживал игрок, построивший как можно больше квадратов. Почти каждый день они повышали ставки.

Утром последнего дня Гарнер сравнивал счет. Он уже был должен без малого одиннадцать тысяч долларов.

— Вот видишь? — сказал он. — Старость не означает отказ от всех удовольствий.

— Только от одного, — не подумав, произнес Андерсон.

— Не только, — возразил Гарнер. — Мои вкусовые рецепторы за все эти годы износились. Но, уверен, однажды кто-нибудь найдет способ их заменить. Как и мой спинной мозг. Он тоже изношен.

— Изношен? Вы хотите сказать, это не был несчастный случай? Нервы просто... отмерли?

— Точнее, впали в коматозное состояние.

Они часто меняли тему разговора.

— А вы придумали, что нам делать, добравшись до Нептуна? Спрятаться на одном из спутников и ждать?

— Именно, — сказал Гарнер.

Но полчаса спустя он спросил:

— Можем мы отсюда дотянуться до Земли?

— Только мазером, — сказал Андерсон с сомнением. — И на Земле это услышат все: луч сильно расширится. У вас есть секреты от пешеходов?

— Об этом не беспокойся. Наводи мазер на Землю.

На то, чтобы направить луч и поставить его на сопровождение, у Андерсона ушло полчаса.

— Если собираетесь передать привет любимой мамочке, я вас убью, — предупредил он Гарнера.

— Моя мать скончалась почти век назад. И она еще считала себя старушкой! Привет штаб-квартире АРМ.

Лукас Гарнер вызывает Технологическую полицию Объединенных Наций.

— Никак вы ждете ответа, бедолага? — ткнул его локтем Андерсон.

— Конечно нет! Но старые привычки трудно менять... Это Гарнер, вызываю штаб-квартиру АРМ, Земля. Пожалуйста, направьте ответ на Нептун. Мы срочно нуждаемся в консультации Доркаса Янски. Блокирует ли его замедляющее поле радарное излучение полностью? Повторяю: полностью. Будет ли то же происходить со скафандром инопланетянина?

Он отложил микрофон и обратился к Андерсону:

— Все, сынок, повтори это несколько раз.

— Уже стоит на повторе. Но о чем это вы?

— Сам не знаю, почему я додумался так поздно, — самодовольно сказал Гарнер. — Если верить Гринбергу, инопланетянин пробыл в заморозке два миллиарда лет. Думаю, он говорил правду. Он не мог знать, что на Нептуне что-то есть, если сам два миллиарда лет назад не положил это туда. А как он может быть уверен, что эта вещь не развалилась, или не проржавела полностью, или еще как-нибудь не испортилась за такой огромный срок?

— Она находится в замедляющем поле.

— Верно.

Андерсон посмотрел на хронометр и сказал:

— Вы получите ответ через восемь часов с лишним, и еще понадобится время, чтобы связаться с как-его-там. Допустим, час; они ответят примерно в девятнадцать тридцать. Давайте немного поспим. Мы прибываем завтра утром к трем.

— Ладно. Снотворные таблетки?

— Угу. — Андерсон нажимал на кнопки аптечки. — Люк, я все еще подозреваю, что вы ждете немедленного ответа с Земли.

— Ты не сможешь этого доказать, сынок.

Двадцать один сорок пять. Гарнер несколько секунд изучал игровое поле, потом провел короткую линию между двумя светящимися точками. Сканер, заранее настро-

енный следить за движением его пера, воспроизвел линию на поле.

Тут радио пробудилось к жизни.

— Штаб-квартира АРМ вызывает космолет «Хайнлайн». Штаб-квартира АРМ вызывает Лукаса Гарнера, космолет «Хайнлайн». Гарнер, это Чик. Утром я связался с Янски, и он потратил три часа на эксперименты в нашей лаборатории. Говорит, что замедляющее поле отражает, повторяю, отражает сто процентов энергии любой частоты, включая радиодиапазон и все, что пришло ему в голову. Видимый свет, ультрафиолет, инфракрасное излучение, радио, рентген. Если тебе интересно, он полагает, что есть математическая связь между замедляющим полем и защитным полем, используемым в термоядерном реакторе. Сообщать ли тебе, если он найдет таковую? Чем еще мы можем помочь?

— Можете помочь с игрой, — пробормотал Люк.

Но Андерсон уже стер ее вместе с шестидюймовой кривой, нарисованной Люком, когда его рука дернулась при звуках радио.

Человек в головном корабле, крайне удивленный, провел пальцами по своим пушистым волосам. В рубке управления для этого едва хватило места.

— Всем кораблям, — сказал он. — Какого дьявола он имел в виду?

— Это зашифрованное сообщение, — предположил кто-то спустя несколько секунд.

Остальные дружно согласились.

— Лю, — спросил Тартов, — есть ли на Земле что-либо, что называют замедляющим полем?

— Не знаю. А наше мазерное сообщение наверняка перехватит какой-нибудь корабль с Земли. — Он вздохнул, ведь мазеры всегда было хлопотно использовать. — Что делаешь... Кто-нибудь, сделайте запрос у Политической секции насчет замедляющих полей.

— Замедляющие поля?

— Замедляющие поля. И они переслали нам полный текст ответа Гарнеру.

Лит улыбнулся уголками губ:

— В рассказе Гарнера замедляющие поля упоминались. Я знал, что он основательно подготовится, но это уже смешно.

Он подумал о тысячах кораблей Пояса, которым велел быть в готовности, просто на случай, если флот Гарнера должен отвлечь внимание от событий, которые начнут разворачиваться поближе к дому; и он подумал о пяти горно-промышленных кораблях и о бесценной радарной защите, которые сейчас, вполне возможно, летели в открытый космос.хлопоты, созданные Гарнером, заняли немалое время в его распорядке.

— Хорошо, я поучаствую в его дурацкой игре. Наведитесь на штаб-квартиру АРМ и поинтересуйтесь, что они знают о замедляющих полях.

Каттер был озадачен:

— Спросить у АРМ?

Потом он понял шутку, и его лицо застыло в улыбке. Улыбка Каттера всегда выглядела фальшиво.

И только когда штаб-квартира АРМ осмотрительно заявила, что не имеет представления о замедляющих полях, Лит Шеффер начал сомневаться.

Гарнер проснулся при первом же звуке сигнального устройства. Он увидел, как Андерсон со стоном открыл глаза, еще до конца не придя в себя.

— Метеорная атака! — заорал Гарнер.

Взгляд Андерсона стал осмысленным.

— Не смешно, — заметил он.

— Нет?

— Нет. Вы, случайно, не из тех, кто вопит «караул! спасайся кто может!» на переполненном пешеходами эскалаторе? Который час?

— Ноль три ноль четыре. — Гарнер взгляделся в звезды. — Нептуна нет. Почему?

— Секундочку.

Андерсон повозился с двигателями ориентации. Корабль развернулся. Нептун был зеленовато-голубым шаром, тусклым в слабом свете Солнца. На близком расстоянии

сияние планет часто внушает трепет, а то и вообще ослепляет. Этот мир выглядел лишь невыносимо холодным.

— Вот он. И что мне с ним делать?

— Выведи нас на поисковую орбиту и начни радарное сканирование. Можешь ли ты настроить радар так, чтобы он искал что-то столь же плотное, как вещество белого карлика?

— Вы хотите сказать, настроить его на поиск вглубь планеты? Есть, капитан.

— Андерсон?

— Ага? — Тот уже работал на пульте.

— Ты помнишь, что у нас мало времени?

Андерсон ухмыльнулся:

— Я могу вывести эту штуку на форсированную орбиту¹ и закончить поиск в пять часов. Хорошо?

— Замечательно, — ответил Люк и стал набирать заказ для завтрака.

— Только вот что. Какое-то время мы будем в невесомости. Выдержите?

— Разумеется.

Андерсон принялся за дело. Когда он закончил, корабль балансировал носом к планете, в тысяче миль над поверхностью, подталкиваемый силой примерно в одну единицу земного тяготения. Примерно — потому что Андерсон постоянно вносил поправки.

— И можете не беспокоиться, — пояснил он. — Я стараюсь висеть над атмосферой, но если начнем опускаться в суп, достаточно будет отключить двигатель. На этой тесной орбите нас удерживает только он. Мы тут же улетим во внешний космос.

— Так вот что такое форсированная орбита. А как ты ведешь поиск?

¹ Под форсированной орбитой здесь понимается круговой полет вокруг планеты со скоростью большей, чем определяемая законами небесной механики (например, полет вокруг Земли на небольшой высоте со скоростью более первой космической). Подобная траектория (строго говоря, ее нельзя именовать орбитой) требует непрерывной работы двигателя и при современных технологиях фактически недостижима.

— На карте это будет выглядеть так, будто я следую линиям долготы. При каждом пересечении полюса буду на несколько минут сдвигать корабль в сторону, чтобы мы могли менять траекторию поиска. Нельзя просто позволить планете вращаться под нами. Это заняло бы почти шестнадцать часов.

Примерно в тысяче миль внизу проплывала планета. В атмосфере присутствовали слабые полосы, но основным цветом был бело-голубой¹. Андерсон продолжал раскачивать радар над и под надвигающимся горизонтом, который на экране выглядел как сильно разреженный воздух. На самом деле это был твердый камень².

— Понимаете, все делается для того, чтобы выяснить, там ли это, — сказал Андерсон часом позже. — Если мы увидим пятно, то зафиксируем его с точностью до пятисот миль. Это все.

— Нам только это и нужно.

Через девять часов Андерсон развернул корабль и начал подъем. Его руки болели от плеч до кончиков пальцев.

— То, что мы ищем, там, — сказал он устало. — Что теперь?

— Теперь мы подготовимся к схватке. Направь нас к Нерейде³ и выключи двигатель.

Яркие звезды, которыми выглядели два космолета на термоядерном ходу, находились слишком близко к крошечному Солнцу, и их было нелегко заметить. «Золотое кольцо» Андерсон даже не смог найти. Но корабль Грин-

¹ После пролета межпланетной станции «Вояджер-2» в 1989 году выяснилось, что цвет Нептуна синий, но слабые полосы действительно видны.

² Современная планетология считает, что каменно-ледяное ядро Нептуна по массе несколько превосходит Землю, имеет небольшие размеры и находится глубоко под так называемой мантией из воды, аммиака и метанового льда, которая и составляет основную часть массы и объема планеты. Мантию называют ледяной, хотя на самом деле это горячая (несколько тысяч градусов), очень плотная жидкость. Атмосфера Нептуна может составлять до 20% размера планеты и состоит из водорода и гелия с примесью метана.

³ *Нерейда* — один из спутников Нептуна, открытый в 1949 году, диаметром в 340 км.

берга оказался четко различим — голубая, постепенно разгорающаяся точка на краю золотой короны Солнца. Гарнер и Андерсон летели по десятичасовой трассе к Нереиде, внешней луне Нептуна. Они видели, что свет корабля Гринберга становится все ярче.

В девять тридцать огонек начал подрагивать. Гринберг маневрировал.

— Будем стрелять? — поинтересовался Андерсон.

— Думаю, нет. Посмотрим, куда он направляется.

Они находились на ночной стороне планеты. Гринберг нырнул к Нептуну около линии терминатора. Его было хорошо видно.

— К Нереиде он не движется, — заметил Андерсон.

Оба почему-то говорили шепотом.

— Да. Либо он оставил это на Тритоне¹, либо на орбите. Неужели спустя столько лет оно еще может быть на орбите?

— Ракеты поставлены на самонаведение, — прошептал Андерсон.

Гринберг миновал Тритон и начал торможение.

— На орбите? — изумился Гарнер. — Да он рехнулся.

Двадцать минут спустя корабль Гринберга выглядел как покачивающийся огонек между рогами холодно-голубого серпа Нептуна. Они наблюдали за его медленным движением к одному из рогов. Корабль перешел на форсированную орбиту, чтобы вести поиск на поверхности.

— Что теперь? — спросил Андерсон.

— Мы подождем и посмотрим. Я сдаюсь, Андерсон. Ничего не понимаю.

— Готов поклясться, что оно не на Нептуне.

¹ *Тритон* — самый большой спутник Нептуна, открыт в 1846 году почти одновременно с самим Нептуном. Имеет диаметр около 2700 км (больше Плутона), разреженную атмосферу и покрыт слоем льда (азотным, водяным, углекислотным, метановым и др.). Ко времени написания романа были известны только два спутника Нептуна, в настоящее время их число составляет 14, четыре из них имеют сходные с Нереидой размеры. Кроме того, у Нептуна есть и система колец, хотя и слабо выраженная.

— Ага! — Гарнер указал пальцем. — Ура! Ура! Вся банда в сборе.

Вблизи освещенного края планеты показалось крошечное световое копье.

Зелено-голубой шар был больше, чем ожидал Кзанол. Впервые он пожалел, что по своей беспечности не попытался собрать больше сведений о восьмой планете, когда имел на то шанс два миллиарда лет назад. Отвечая на его вопрос, пилот и второй пилот вспомнили, что тяготение Нептуна на поверхности составляет 1,23 единицы¹. Земные, разумеется. Для Кзанола это будет около двух с половиной.

Кзанол стоял у одного из малых окон, упершись челюстью в его нижний край, втянув кожистые губы в нервном оскале. Теперь уже скоро! Пилот подталкивал корабль к поисковой орбите.

Кто-то уже там.

Тот наполовину спящий свободный раб, которого Кзанол миновал на полпути. Он почти на другой стороне планеты, но через восемнадцать дилтунов или около того объявится снова. Кзанол велел пилоту вывести «Золотое кольцо» на орбиту и отключить двигатель. Пусть поисками занимается раб.

Корабль шел низом, выплевывая пламя к звездам. Раб в самом деле обрисовывал поисковый маршрут. Кзанол спросил себя: а как спуститься на двигателе, у которого не хватает мощности?

Он позволил пилоту подумать над этим, и пилот предложил использовать разом ракеты, крылья и прямоточные двигатели. Но даже пилот не придумал, как потом подняться².

Кзанол-Гринберг, разумеется, ничего не подозревал. При текущей настройке для его радара корабль Кзанола был бы прозрачнее воздуха. Даже планета выглядела на

¹ По современным данным — 1,14 единицы.

² Учитывая вышесказанное о структуре планеты, ни о какой посадке на Нептун говорить не приходится, даже если не брать во внимание почти сверхзвуковую скорость ветров в его атмосфере.

экране просвечивающейся. Кзанол-Гринберг продолжал следить за экраном, уверенный, что если Мэсни пропустит скафандр, то сам он его заметит.

— А почему второй корабль не ведет разведки? — удивился Андерсон. — Он просто парит.

— При обычных обстоятельствах, — рассуждал вслух Гарнер, — я бы подумал, что они соучастники. Им нет необходимости вести поиск обоим. Но как... О, я понял. Инопланетянин захватил контроль над Мэсни и Гринбергом. Или же он позволяет им поработать на него, а они об этом и не догадываются.

— А если бы они вели поиск вдвоем, не быстрее достигли бы результата?

— У меня свербит мыслишка, что этот инопланетянин — аристократ из аристократов. Может, он считает, что любой работающий — раб. Поскольку хозяин-то он... Но вопрос на самом деле в том, что они ищут и где оно. Послушай, сынок, почему бы тебе не прогреть радио и не развернуть луч мазера на флот наших поясников. Пора ввести их в курс дела.

Одна из особенностей кораблей Пояса заключалась в том, что их система воздухообмена могла справляться с курительным табаком. Человек в корабле номер три был единственным из всего флота, который воспользовался этим обстоятельством, и вообще одним из шести заядлых курильщиков во всем Поясе. Его без особо нежных чувств так и звали: Старый Курилка.

Когда-то он был плоскоземельцем. Почти тридцать лет пилотировал сменявшие друг друга туристские окололунные суда. Ночи проводил в маленькой дешевой квартире в Лос-Анджелесе, всего несколькими этажами выше транспортного потока. По выходным отправлялся на пляж и бывал счастлив, если отыскивал кусочек пляжа, достаточный, чтобы усесться. Отпуск проводил за границей, в чужих городах — незнакомых, необычных и бесспорно очаровательных, но, как правило, столь же забитых людьми, что и Лос-Анджелес. Как-то он две недели прожил в остатках

амазонских джунглей. Рискуя двумя годами тюрьмы, пронес туда несколько сигарет и израсходовал их за пять дней. Заметив, что начал говорить друзьям и незнакомцам о том, как ему тяжело без курева, вернулся в города.

С Гарнером он встретился по службе — службе Гарнера. Тогда была массовая сидячая забастовка против имевшей место, по слухам, коррупции в Комиссии по рождаемости. Полиция вытащила Курилку из первых рядов, и он встретил Гарнера в мундире шефа полиции. Каким-то образом они подружились. Их взгляды на жизнь были близки, что приводило к яростным, аргументированным, веселым спорам. На протяжении многих лет они время от времени встречались, чтобы поговорить о политике. Потом Люк перешел в АРМ. Курилка этого ему не простил.

Как-то в очередной раз Курилка облетал Луну носом вниз, с кучей туристов на борту, и вдруг ощутил непреодолимый позыв развернуть корабль и разогнать его так, чтобы все звезды остались позади. Он поборол это чувство и приземлился тем же вечером в Долине Смерти, как делал уже семь с лишним тысяч раз. В тот вечер, пробиваясь сквозь обычную бурлящую толпу к своему жилью, Курилка понял, что возненавидел все города на свете.

Он скопил достаточно, чтобы приобрести собственный корабль для горных разработок. В тогдашних обстоятельствах Пояс был рад заполучить такого специалиста. Он успел научиться осторожности, а потому не погиб в суровых условиях. И зарабатывал достаточно — хватало на пищу, табак и ремонт корабля.

Сейчас Курилка был единственным человеком на флоте, который мог узнать Гарнера по голосу. Когда радио пробудилось к жизни, он внимательно прослушал сообщение, потом вызвал Лью и доложил, что это действительно Гарнер.

Передача развеяла все сомнения Курилки. Это Гарнер собственной персоной. Старик не гнушается лжи во благо, но не склонен зря рисковать жизнью. Раз он оказался возле Нептуна на дырявом земном военном корыте, значит у него должна быть для этого исключительно важная причина.

Старый Курилка в задумчивости проверил свой арсенал: две ракеты с радарам, одна с тепловидением, лазерная «пушка» ближнего боя. Наконец-то грянула война миров!

Кзанол был озадачен. В ходе шестичасового поиска раб Мэсни осмотрел всю планету. Скафандра там не было!

Он позволил рабу повторить поиск, чтобы убедиться окончательно. Свой собственный корабль направил к Тритону. Мозг не в состоянии учесть перемещения спутников; один из них может очутиться на пути корабля, устремлявшегося к Нептуну. Велика вероятность, что это будет Тритон. Он не только ближе, чем Нереида, но и намного крупнее: две с половиной тысячи миль в поперечнике¹ против двухсот.

Спустя выматывающий нервы час полета вверх ногами над поверхностью Тритона, с направленной наружу тягой двигателя и проплывающим над головой крапчатым пейзажем луны, Кзанол признал поражение. На экране радара так и не появилась белая вспышка, хотя через просвечивающее изображение Тритона можно было различить даже сам Нептун. Он перенес свое внимание на маленькую луну.

— Вот оно! — просиял Андерсон. — Они думали, что это на поверхности, а его там не оказалось. Теперь они не знают, где оно! — Он нахмурился. — Не пора ли нам отсюда сматываться? Свадебная карета нацелилась на Нереиду, и мы окажемся слишком близко, чтобы быть в безопасности.

— Правильно, — сказал Гарнер. — Но сначала запустим ракету. Направленную на пришельца. Насчет Гринберга побеспокоимся позже.

— Мне очень не хочется этого делать. На борту «Золотого кольца» есть еще двое.

Прошло несколько секунд. Еще несколько.

— Я не могу двинуться, — сказал Андерсон. — Вот эта третья кнопка под голубым индикатором.

¹ Точный размер Тритона стал известен только в 1989 году; до этого он часто переоценивался.

Но и Люк не мог пошевелиться.

— Кто бы подумал, что он способен достать так далеко? — спросил он с горечью.

Андерсону оставалось лишь согласиться. Корабль продолжал падать к Нерееде.

Для Силы расстояние не столь важно. Важны числа.

Возле Нерееды они потерпели полное фиаско. Луч радара дальнего обнаружения прошел сквозь нее как сквозь неровное оконное стекло и ничего не показал. Кзано́л сдался и какое-то время наблюдал за полуспящим рабом. Крошечный огонек его корабля отважно горел в Нептуновой ночи.

Кзано́л был в дурном настроении. Видимо, его корабль промахнулся не только мимо Нептуна, но и мимо обеих его спутников. Что произошло с бортовым мозгом? Возможно, он не был рассчитан на работу в течение трехсот лет.

Но где-то в глубине сознания Кзано́л догадывался, в чем дело. Мозг промахнулся намеренно. Кзано́л, не вполне отдавая себе в этом отчет, приказал ему совершить самоубийство. Мозг не раб, а машина, неподвластная Силе, — и он не подчинился. Должно быть, его корабль промчался сквозь Солнечную систему и на скорости 0,97 от световой ушел в межзвездное пространство. Сейчас он уже где-то у пределов Вселенной.

Кзано́л почувствовал, как у его рта напрягаются мышцы, распластывая пищевые усики по щекам, раздвигая челюсти насколько возможно и даже больше, оттягивая губы от клыков, готовых вгрызться во врага. То была непроизвольная реакция страха и ярости, автоматически готовящая тринта к смертельной схватке. Но биться было не с кем. Вскоре челюсти закрылись, а голова поникла между массивными плечами.

Так или иначе, он с удовольствием наблюдал, как второй корабль в третий раз обследовал Нептун. И вдруг его яркое пламя удлинилось, потом сократилось снова. Сонный раб сдался.

Потом Кзано́л понял: тот тоже отправляется к Тритону. Его охватила благородная жалость, и он вспомнил тра-

дицию, согласно которой семейство Ракарлив никогда не помыкало рабами. Кзано́л отправился встретить спящего у Тритона.

— Один... два... Не могу найти корабль Гарнера. Должно быть, он где-то сел или выключил двигатель. Остальные просто болтаются вокруг.

— Странно, что он не вызвал нас. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— Курилка, мы бы увидели взрыв. Как бы то ни было, когда его двигатель отключился, он направлялся к Нереиде. Если это авария, мы найдем его позже.

Приблизившись на достаточное расстояние, Кзано́л приказал спящему повернуть корабль и присоединиться к нему. Уже через час военный корабль и «Золотое кольцо» летели рядом.

Оба пилота Кзано́ла были обеспокоены ситуацией с топливом, поэтому, как только корабль спящего приблизился, Кзано́л велел ему перекачать топливо на «Золотое кольцо». Пока разнообразные лязгающие и гроыхающие звуки разносились по обоим кораблям, он ждал. К счастью, карты были намагничены, и специальная сетка удерживала его в кресле. Краем сознания он следил за перемещениями своих трех личных рабов: спящий был ближе к хвосту, а оба пилота неподвижно сидели в рубке. Он не разрешил пилотам помогать спящему, чтобы не рисковать их жизнью.

И естественно, он вскочил подобно перепуганной газели, когда его воздухонепроницаемая дверь открылась и вошел раб.

Раб с ментальным щитом.

— Привет, — сказал он по-английски и потому непонятно для тринта. — Полагаю, нам понадобится переводчик. — И хладнокровно направился в кабину управления.

У двери он остановился и помахал рукой, в которой был дезинтегратор Кзано́ла.

Человеку с талантом и образованием Лимана не следовало поручать столь скучную работу. Лиман знал, что в Поясе такого не случилось бы никогда. Однажды он переберется в Пояс, где его оценят по достоинству.

А пока что Джоффри Лиман был бригадиром команды обслуживания «Ленивой восьмерки-3».

Лиман завидовал команде другой, двигательной секции, собиравшейся в Гамбурге. Там хлопотуны, имевшие самые лучшие намерения, в ожидании, когда политики разрешат запуск, постоянно приказывали вносить небольшие изменения в двигательную установку. А жилой отсек «Ленивой восьмерки-3» не менялся уже два года.

До сегодняшнего дня.

Теперь Лиман и его трое помощников наблюдали, как орда техников вытворяет что-то странное с «каютой номер три». Емкость из тонкой проволочной сетки была прикреплена к стенам, полу и потолку. Массивную аппаратуру приварили к будущему полу корабля, ныне представлявшему собой внешнюю стену. Были установлены шины для подключения к энергосистеме. Лиману и его людям оставалось лишь бегать с разными поручениями по кольцеобразному коридору, приносить кофе и бутерброды, а также схемы, инструменты, контрольные приборы и сигареты. Происходящее оставалось для них тайной. Новоприбывшие охотно отвечали на вопросы, но ответы были бредовыми. Например.

— Мы сможем устроить количество пассажиров! — сказал человек с головой, похожей на пятнистое коричневое яйцо, и для убедительности помахал амперметром. — Устроить!

— Как?

Яйцеголовый обвел амперметром помещение и доверительно заявил:

— Мы запишем их сюда стоя, как пассажиров в лифте в час пик.

Лиман обвинил его в легкомыслии, тот смертельно обиделся и отказался давать какие-либо комментарии.

К концу дня Лиман ощущал себя плоским червем в четырехмерном лабиринте.

Все же ему удалось организовать ужин для бригады в полном составе, дабы обсудить вместе ряд проблем. За ужином кое-что более или менее прояснилось. Услышав словосочетание «замедляющее поле», Лиман наострил уши.

Ужин перешел в вечеринку. Было уже почти два часа ночи, когда Лиману удалось позвонить по телефону. На том конце едва не разорвали соединение, но Лиман знал, какие слова привлекут внимание.

Свой первый медовый месяц, тридцать лет назад, чета Лин провела в Рино, штат Невада. С тех пор Лин Ву разбогател на оптовой торговле лекарствами. Недавно Комиссия по рождаемости даровала паре редкую привилегию иметь больше двух детей. И вот они здесь.

Здесь, перед хрустальной стеной главного танцевального купола, глядят наружу и вниз, на окольцованный полосатый мир. Они не слышат музыки, играющей позади. Пред ними музыка волшебства, звучащее впечатление, воплощение дикой, пустынной красоты. Мягкие ледяные очертания края близлежащего обрыва уходят к горизонту, а над обрывом висит безделушка, украшение, эстетическое чудо, равного которому не знает ни один из обитаемых миров.

Спросите о Сатурне у астронома-любителя. Он не ограничится простым рассказом, а притащит свой телескоп и продемонстрирует планету. Он непременно заставит вас взглянуть на нее.

Лин Дороти, жительница Сан-Франциско в четвертом поколении, прижала ладони к хрустальной стене, словно стараясь протолкнуть их наружу.

— О, надеюсь, как же я надеюсь! — сказала она. — Я надеюсь, что оно никогда не прилетит за нами!

— Ты о чем, Дот? — улыбнулся Лин Ву, глядя на нее снизу вверх, потому что был на дюйм ниже ростом.

— О «Золотом кольце».

— Корабль опаздывает уже на пять дней. Мне здесь тоже очень нравится, но я был бы шокирован, узнав, что погибли люди и поэтому мы все еще на Титане.

— Так ты не слышал, Ву? Миссис Уиллинг только что рассказала мне: «Золотое кольцо» кто-то угнал прямо с космодрома!

— Миссис Уиллинг очень романтична.

— Ддай ммне вррмя, ддай ммне вррмя, — передразнил Чарли. — Сперва Ларрри, потом Гаррнрр. Мы только и слышим о времени. Они хотят заполучить все звезды себе?

— Думаю, ты их недооцениваешь, — сказал дельфин постарше.

— Без сомнения, и для нас, и для них найдется место на любой планете, — не слушал его Чарли. — Еще недавно они практически и не знали, что мы здесь. Мы можем принести пользу, я уверен, что можем.

— А почему не дать им время? Ты знаешь, сколько времени понадобилось им самим?

— Что ты имеешь в виду?

— Первому рассказу ходячих о путешествии на Луну — тысячи лет. Но на самом деле они попали туда всего полтора века назад. Наберись терпения, — сказал дельфин со сточенными зубами и со шрамами на челюсти.

— У меня нет тысяч лет. Должен ли я провести всю жизнь, глядя на небо, пока мои глаза не высохнут?

— Ты не будешь первым. Даже не будешь первым из плавающих.

Дэйл Снайдер шагал по коридору с видом победителя, планирующего новые победы. Проходя мимо пациентов, он улыбался и кивал, но его оживленная поступь не давала им завести разговор. Добравшись до двери в комнату медперсонала, он вошел.

Он потратил пятнадцать секунд, чтобы подойти к кофейному автомату. За это время Дэйл Снайдер состарился на сорок лет. Его тело осело: плечи ссутулились, щеки отвисли на полдюйма, опухли глаза; лицо превратилось в маску разочарования. Он налил черного кофе в пластиковую чашку, взглянул на нее, поджав губы, и вылил кофе в раковину. Секунду помедлив, наполнил чашку из другого краника. Парагвайский чай. По крайней мере, иной вкус.

Вкус и вправду был иной. Снайдер плюхнулся в кресло и уставился в окно. Чашка согревала ладонь. Снаружи были деревья, трава и нечто похожее на дорожки из кирпича. Институт Меннинджера представлял собой комплекс зданий, каждое не более четырех этажей. Небоскреб в миллион высот сэкономил бы миллионы, даже если бы пришлось потратиться на жизненно необходимое в данном случае окружение. Но одиноко вздымающаяся башня перепугала бы множество пациенток с сексуальными проблемами.

Дэйл встряхнулся и глотнул чая. На десять минут можно забыть о пациентах.

Пациенты. Пациенты с «шоком пришельца». Вначале их сходное поведение обмануло как его, так и других. Только теперь стало явным, что их проблемы разнятся, подобно отпечаткам пальцев. Каждый претерпел некий шок, когда пришелец дал волю чувствам. Дэйл и его коллеги старались лечить их как группу. Но это было совершенно неправильно.

Из истерики инопланетянина, сочетавшей ярость, потрясение, горе и страх, каждый позаимствовал именно то, в чем нуждался. Каждый нашел то, что искал или чего боялся. Одиночество, синдром кастрации, страх перед насилием, ксенофобия, клаустрофобия — не было смысла даже составлять список.

Медперсонала не хватало. Для необходимого количества врачей в больнице даже не было места. Дэйл был измотан — как и все остальные. Но они обязаны были это скрывать.

Чашка опустела.

— Вставай, солдат, — произнес Дэйл.

У двери он посторонился, чтобы пропустить Гарриет как-ее-там, жизнерадостную полную женщину, воплощение материнской заботы обо всех встречаемых: как ей это удастся? Он не увидел, как улыбка погасла за его спиной.

— Дело в деталях, — произнес Лит. — В дважды проклятых деталях. Как им удалось предусмотреть столько деталей?

— А я думаю, он сказал тебе правду, — твердо заявила Марда.

Лит изумленно взглянул на жену. Марда никогда не блистала быстротой принятия решений.

— Пойми меня правильно, — вздохнул он. — АРМ могла об этом позаботиться — обо всех мелочах. Меня больше беспокоят затраченные усилия. Спрятать Гринберга. Подготовить его жену. Радикально изменить систему жизнеобеспечения звездолета. Конечно, потом они все могут вернуть на свои места, но представь, сколько возни! А переполох у Меннинджера? Боже, как они это организовали? Подготовить всех этих пациентов! И они явно не могли бы позаимствовать «Золотое кольцо». Десяносто миллионеров в отеле на Титане беснуются, потому что не могут вовремя попасть домой. Еще тридцать находящихся на Земле пропустят свои свадебные путешествия. Титан никогда бы не позволил случиться такому! АРМ должна была так или иначе угнать этот корабль.

— Бритва Оккама, — напомнила Марда.

— Оккама?.. О нет. В любом случае я вынужден делать слишком много предположений.

— Лит, как ты можешь так рисковать? Если Гарнер не обманывает, под угрозой вся Солнечная система. А если обманывает, то для чего?

— Ты в самом деле убеждена?

Марда решительно кивнула.

— Что ж, ты права. Рисковать мы не можем.

Выйдя из телефонной кабины, он сказал:

— Я только что отправил флоту запись моей беседы с Гарнером. Весь чертов час разговора. Я бы сделал и больше, но Гарнер услышит все, что я скажу. На таком расстоянии он точно попадет в луч мазера.

— Теперь они будут готовы.

— Хотелось бы верить. Хотелось бы предупредить их насчет шлема. Самое худшее, что я могу себе представить, — что проклятая штука попадет в лапы к Гарнеру. Но Люумен, он и сам об этом подумает.

Позднее он снова вызвал Цереру, чтобы выяснить, как идет проверка в другом направлении. Уже более двух недель корабли Пояса останавливали и досматривали зем-

ные космолеты, выбранные произвольным образом. Если бы затеянная Гарнером охота на призраков была попыткой прикрытия чего-то другого, она бы не сработала! Но сообщения с Цереры пока не содержали каких-либо результатов.

Церера ошибалась. Тактика захвата и осмотра дала по крайней мере один результат. Напряженность между Землей и Поясом еще никогда не достигала такого уровня.

Второй пилот¹ сидела неподвижно, слушая, что говорил Кзанол-Гринберг. Сверхречи она не понимала, но ее понимал Кзанол-Гринберг; а Кзанол прислушивался к рабу с защитой через разум второго пилота.

— Мне надо бы избавиться от тебя немедленно, — раздумывал Кзанол. — Неуправляемому рабу нельзя доверять.

— Это еще вернее, чем тебе кажется. — В голосе Кзанола-Гринберга прозвучала горечь. — Но ты пока не можешь меня убить. У меня есть информация, в которой ты чрезвычайно нуждаешься.

— В самом деле? Что за информация?

— Я знаю, где находится второй скафандр. Я также знаю, почему нас не нашли, и я сообразил, где ргррх... где сейчас наша раса.

— Думаю, мне тоже известно, где второй скафандр, — сказал Кзанол. — Но ради того, что ты еще можешь знать, я тебя не убью.

— Как благородно. — Кзанол-Гринберг небрежно помахал дезинтегратором. — Чтобы доказать, что я обладаю важными сведениями, открою для начала то, что тебе не пригодится. Знал ли ты, что беломясы разумны?

— Дерьмо беломясное!

— Люди нашли их на Сириусе А-III-1. Это точно беломясы. И они точно разумны. Можешь ли ты придумать хоть один вариант, при котором они смогли бы стать разумными?

— Нет.

¹ В оригинале в этом фрагменте второй пилот — мужчина, а не женщина: авторский недосмотр, имевшийся еще в кратком журнальном издании и так и не исправленный впоследствии.

— Разумеется, нет. Если хоть какая-то форма жизни и была защищена от мутаций, так это беломясы. И вдобавок, что будет делать с разумом травоядное, не имеющее манипулятивных придатков и природной защиты, не считая разумных пастухов, убивающих всех естественных врагов? Нет, тнуктипы с самого начала сделали их разумными, с большим мозгом. Превращение этих мозгов в деликатес было лишь прикрытием.

Кзанол уселся. Его ротовые усики топорщились, словно он принюхивался.

— Для чего им это понадобилось? — спросил он с явной заинтересованностью.

— Расскажу-ка я тебе все разом, — решил Кзанол-Гринберг.

Он снял шлем, сел, нашел и зажег сигарету — не спеша, пока Кзанол, молча, но не скрывая этого, приходил в ярость.

«Почему бы и не подразнить тринта? — подумал Кзанол-Гринберг. — Но так, чтобы он не слишком разозлился».

— Ну хорошо, — начал он. — Во-первых, беломясы разумны. Во-вторых... помнишь ли ты кризис, наступивший, когда тнуктипы Плорна придумали антигравитацию?

— Да, до потери Силы! — сказал Кзанол пылко и не думая о такте. — Его прямо тогда следовало убить!

— Не его. Его тнуктипов. Разве ты не видишь? Они уже тогда вели необъявленную войну. За происходящими событиями все время стояли свободные тнуктипы: ведь тнуктипский флот скрылся в космосе, когда тринты нашли их систему. Они не пытались достичь Андромеды. Они, должно быть, прятались среди звезд, куда никто даже и не направляется... не направлялся. Некоторые цивилизованные тнуктипы должны были получать от них приказы. Беломясы были их шпионами; каждый аристократ в Галактике, любой, кто мог это себе позволить, имел обыкновение содержать беломясов на своей земле.

— Ты дурак и птавв. Ты строишь все эти предположения на идиотском допущении о разумности беломясов. Полная чушь! Мы бы заметили их разумность.

— Нет. Проверь через Мэсни, если не веришь мне. Тнуктипы каким-то образом сделали мозг беломясов не-

чувствительным к Силе. И один этот факт доказывает наличие умысла. Шпионы-беломясы. Антигравитация; открытие, которое привело к кризису. Возможно, были и другие идеи. За несколько лет до антигравитации появились мутантные беговые виприны. С этого начался упадок всех ранчо по разведению законных випринов. Антигравитация только усугубила экономическую депрессию. Подсолнечники обычно служили единственной защитой плантаций; у всех землевладельцев были межи из подсолнечников. Это приучало их к уединенности и независимости, чтобы в военное время они не могли друг с другом сотрудничать. Готов спорить, что у тнуктипов имелись распылители, чтобы уничтожать подсолнечники. И когда кризис был в полном разгаре, они нанесли удар.

Кзанола молчал. Выражение его лица трудно было понять.

— Это не одни только предположения. У меня есть четкие факты. Первое: брандашмыги, а для нас беломясы, разумны. Люди не глупы. Они бы так не ошиблись. Второе: тебя не подобрали, когда ты врзался в F124. Почему?

— Хороший, просто пожирающий вопрос. Почему?

Это и была точка отсчета. Боль терзала грудь Кзанола-Гринберга шестнадцать дней, занятых размышлениями о прошлом и самоанализом, — шестнадцать дней, когда ему только и оставалось, что присматривать за Мэсни и думать о своих несчастьях. Его сознание проделало путь от разумных молчаливых брандашмыгов до войны, случившейся целые эры назад. Но он был бы избавлен от всех этих мучений и опасностей, если бы остолоп-надсмотрщик заметил вспышку. Но он не заметил — по одной-единственной причине.

— Потому что на Луне никого не было. Надсмотрщик либо погиб во время восстания, либо сражался где-то еще. Вероятнее всего, он был уже мертв. Тнуктипы первым делом отрезали бы нас от поставок пищи.

— От чего?

Кзанола явно запутался. Тринты воевали только с другими тринтами, и Последняя война произошла еще до эпохи космических полетов. Кзанола ничего не знал о войне.

Тринт попытался вернуться к основной теме:

— По твоим словам, ты знаешь, где сейчас тринты.

— Там же, где и тнуктипы. Их нет, вымерли. Иначе уже достигли бы Земли. Это относится также к тнуктипам и почти ко всем другим служившим нам расам. Все они должны были погибнуть в войне.

— Но это же безумие. Кто-то обязан был выиграть войну!

Кзанол говорил столь искренне, что Кзанол-Гринберг расхохотался:

— Вовсе нет. Спроси у любого человека. Спроси у русского или китайца. Они примут тебя за дурака, коль скоро ты задаешь такие вопросы, но расскажут о пирровой победе. Хочешь узнать, что могло произойти?

Он не стал ждать ответа.

— Это чистое предположение, но, на мой взгляд, в нем есть смысл, а у меня было две недели на размышления. Мы проигрывали войну. И если так, то некоторые фргрхх... Извини. Некоторые представители нашей расы, видимо, решили забрать всех рабов с собой. Как на похоронной церемонии деда, только с большим размахом. Они сделали усилительный шлем огромной мощности — достаточной, чтобы накрыть всю Галактику. Затем приказали всем в зоне досягаемости совершить самоубийство.

— Но это просто ужасно! — Кзанол рассвирепел от такого надругательства над моралью. — Зачем тринту поступать подобным образом?

— Спроси у человека. Он знает, на что способны разумные, когда кто-то угрожает им смертью. Сначала заявляют, что все это невероятно аморально, немыслимо, подобная угроза никогда не будет исполнена. Потом раскрывается, что они планировали то же самое, даже эффективнее во всех отношениях, планировали годами, десятилетиями, веками. Ты признаешь, что всегалактический усилитель технически возможен?

— Разумеется.

— Сомневаешься ли ты, что раса рабов, поднявшая восстание, будет стремиться к чему-то меньшему, чем наше полное истребление?

Усики в уголках рта Кзанола дергались, точно сражаясь сами с собой. В конце концов он произнес:

— Я в этом не сомневаюсь.

— Тогда...

— Наверняка мы бы забрали их с собой в небытие! Подлые, бесчестные, хуже беломысов, использующие наши уступки их свободе, чтобы уничтожить нас! Я бы только обрадовался, узнав, что мы их всех изничтожили.

— Должно быть, мы так и сделали, — усмехнулся Кзанол-Гринберг. — Как иначе объяснить, что никого из наших рабов нет в наличии, за исключением беломысов? Вспомни: беломысы нечувствительны к Силе. Ну а теперь о другом. Ты занимался поисками своего второго скафандра?

— Да. — Кзанол вернулся к реальности. — На спутниках. А ты обследовал Нептун. Я бы узнал, если бы Мэсни нашел его. Но есть еще одно место, которое мне хотелось бы осмотреть.

— Валяй. Скажи мне, когда закончишь.

Гироскопы тихо зажужжали, разворачивая «Золотое кольцо». Кзанол смотрел прямо перед собой, его внимание сосредоточилось на рубке управления. Кзанол-Гринберг зажег сигарету и приготовился ждать.

Если Кзанол научился терпению, то его человеческое подобие — тем более. Иначе оно сделало бы что-нибудь глупое, когда тринт беспечно захватил контроль над Мэсни, его личным рабом. Можно было бы убить тринта только за использование его собственного тела — похищенного тела, до мельчайших крупиц памяти принадлежавшего Кзанолу-Гринбергу. А как тяжело было общаться с Кзанолом, глядя в свое собственное лицо!

Но у него не было выбора.

Самое примечательное — у него получалось. Он противостоял взрослому тринту на его собственной территории. Он постепенно заставил Кзанола воспринимать его как сознание другого тринта, хотя бы и птава. Кзанол все еще мог убить его; он хотел бы, чтобы тринт больше внимания обратил на дезинтегратор. Но пока что он справлялся неплохо. И был этим горд, что тоже к лучшему. Самооценка Кзанола-Гринберга до того была очень низкой.

Срочных дел больше не было, и Кзано-Л-Гринберг решил, что лучше какое-то время держаться от Кзанола подальше.

Прежде всего Кзано-Л-Гринберг просветил корабль Кзанола-Гринберга. Когда это не помогло, он снова взял контроль над Мэсни и велел поискать следы выхлопа, проверяя предположение, что раб с защитой каким-то образом протаскал скафандр на борт и выключил стазисное поле. Он ничего не нашел.

Но этот второй был так уверен в себе! Почему, если он не стал обладателем скафандра?

Они снова обследовали Тритон. Кзано-Л-Гринберг видел, как по ходу поисков растет неуверенность Кзанола. Скафандра не было на Нептуне, не было на обеих лунах, уж точно не было на втором корабле, и на орбите он тоже не мог оставаться так долго. Где же он?

Двигатель отключился. Кзано-Л-Гринберг повернулся к своему мучителю, у которого внезапно возникло ощущение, что его мозг пытаются расплющить. Кзано-Л-Гринберг вложил в свое обращение все: вопли, чувства, бормотания, приказы, гнев, откровенную ненависть и вопрос, вопрос, вопрос. Пилот застонал и прикрыл голову руками. Второй пилот завизжала, вскочила и умерла с пеной на губах. Она так и осталась за карточным столом, удерживаемая от парения магнитными сандалиями. Кзано-Л-Гринберг в упор смотрел на тринта, как смотрел бы на торнадо.

Ментальный ураган утих.

— Где он? — спросил Кзано-Л-Гринберг.

— Давай заключим сделку.

Кзано-Л-Гринберг говорил громко, чтобы пилот мог слышать. Краем глаза он заметил, что до тринта дошла его идея: пилот покинул рубку управления, чтобы занять место второго пилота в качестве переводчика.

Кзано-Л-Гринберг вытащил переменный нож. На дезинтегратор он не обращал ни малейшего внимания. Возможно, вообще не думал о нем как об оружии. Никто не применит оружие против тринта, за исключением другого тринта. Он выдвинул переменный нож на восемь футов и пригото-

вился взмахом тонкого до невидимости лезвия разрубить тело мятежного раба.

— Я вызываю тебя, — сказал Кзано-Л-Гринберг, даже не позаботившись поднять дезинтегратор.

Убирайся, — приказал Кзано-Л-Гринбергу.

Кзано-Л-Гринберг с трудом удержался от крика. Он выиграл! Рабы не могут присутствовать при поединке или ссоре тринтов.

Пилот медленно прошел к воздушному шлюзу. Слишком медленно. Либо при поединке сознаний что-то перегорело в области его мозга, управляющее движениями, либо раб не хотел уходить. Кзано-Л-Гринберг усилил давление.

Хорошо, но побыстрее.

Прежде чем уйти, пилот быстро облачился в скафандр. Семейство Ракарлив никогда не обращалось с рабами плохо...

Дверь шлюза захлопнулась.

— О чем договоримся? — спросил Кзано-Л.

И понял ответ. Испытывая отвращение к себе, сказал:

— Нам придется включить радио. А, вот оно.

Он приблизил лицо к стене, чтобы пара пищевых усиков попала в углубление и переключила тумблер. Теперь пилот мог слышать речь Кзано-Л-Гринберга через рацию в своем скафандре.

Оба так и не сообразили, что ходят вокруг да около. Раб не мог присутствовать лично — и все.

— Повторяю, — сказал Кзано-Л. — О чем договоримся?

— Я хочу партнерскую долю в управлении Землей. Наше соглашение не потеряет силу, если мы обнаружим другие... э-э... существа, подобные тебе, или их правительство. Половину тебе, половину мне и полную помощь с твоей стороны для изготовления моего усилителя. Первый шлем ты лучше возьми себе; он может не подойти к моему мозгу. Я хочу, чтобы ты поклялся... Подожди, я не могу это произнести.

Кзано-Л-Гринберг взял бланк для игры в бридж и написал точками и завитушками сверхречи пртуувл:

— Поклянись этой клятвой, что будешь защищать мою половину собственности всеми силами и что никогда со-

знательно не поставишь под угрозу мою жизнь или здоровье, если я доставлю тебя туда, где ты сможешь найти второй скафандр. Поклянись также, что мы вынудим людей изготовить для меня второй усилитель, как только вернемся.

Кзано́л размышлял целую минуту. Его ментальный щит был прочен, как дверь лунной базы, но Кзано́л-Гринберг мог достаточно хорошо угадывать его мысли. Он медлил для большего эффекта. Разумеется, он решил поклясться, ибо клятва пртуувл действительна только между тринтом и тринтом. Кзанолу достаточно посчитать его рабом...

— Хорошо, — сказал Кзано́л и дал клятву пртуувл, не пропустив ни одного слога.

— Отлично, — одобрил Кзано́л-Гринберг. — Теперь поклянись на тех же условиях вот этой клятвой.

Он вынул из нагрудного кармана и протянул еще один бланк для бриджа. Кзано́л взглянул и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я поклялся еще и клятвой кпитлифту́лм?

— Да.

Не было нужды растолковывать ее Кзанолу или хотя бы подавлять свою дельфинью ухмылку. Клятва кпитлифту́лм употреблялась между тринтом и рабом. Принеся клятву кпитлифту́лм и клятву пртуувл, он будет принужден их держаться, если только не решит считать Кзано́ла-Гринберга растением или безмозглым животным. А это было бы бесчестьем.

Кзано́л бросил бумажку. Его ментальный щит едва не искрился от напряжения. Затем челюсти широко раскрылись, а губы оттянулись от игольчатых клыков в усмешке более жуткой, чем у тираннозавра, гонящегося за палеонтологом, или у Лукаса Гарнера, услышавшего хорошую шутку. Кто бы сомневался при взгляде на Кзано́ла, что он плотояден? Голодный хищник, в любой момент готовый подкрепиться. Не важно, что вес Кзано́ла был в половину человеческого. Важно, что он больше, чем у сотни скорпионов, или у трех диких кошек, или у орды муравьев-солдат на марше, или у косяка пираний.

Но Кзано́л-Гринберг узнал усмешку горестного восхищения, веселую капитуляцию перед превосходящим противником, улыбку проигравшего с достоинством. Вдобавок память тринта позволила ему заглянуть и поглубже. Улыбка Кзано́ла была коварной, как медный транзистор.

Кзано́л клялся четыре раза, каждый раз делая технические ошибки, обесценивающие данное слово. На пятый раз он сдался и принес клятву согласно протоколу.

— Все в порядке, — сказал Кзано́л-Гринберг. — Прикажи пилоту доставить нас на Плутон.

— О-о-отлично! Всем развернуть корабли и следовать курсом три, восемьдесят четыре, двадцать один. — Голос человека в ведущем корабле звучал устало и терпеливо. — Не знаю, что тут за игра, но мы можем сыграть в нее не хуже любого новичка.

— Плутон, — сказал кто-то таким тоном, словно воспринял это как личное оскорбление. — Он летит на Плутон!

Старый Курилка Петропулос постучал по микрофону:

— Лью, не следует ли одному из нас остаться и посмотреть, что там с двумя другими кораблями?

— Гм... Хорошо, Курилка, вот ты этим и займись. Сможешь найти нас потом мазером?

— Конечно, босс. А секретность?

— К чертям! Они знают, что мы за ними следим. Сообщишь нам все, что представляет интерес. И выясни, где Гарнер! Если он на свадебном корабле, я должен об этом знать. А лучше свяжись еще и с Вуди, он на шестом корабле, и вели ему идти за Гарнером.

— Разумеется, Плутон. Ты еще не понял?

Уже не в первый раз Кзано́л-Гринберг сомневался в достаточной разумности своего прежнего «я». Эти сомнения уже трудно было игнорировать. Он опасался, что Кзано́л и сам догадается. Но...

— Нет, — сердито ответил Кзано́л.

— Корабль врезался в одну из лун Нептуна, — терпеливо пояснил Кзано́л-Гринберг, — с такой силой, что вы-

бил ее с орбиты. Он двигался с почти световой скоростью. Луна набрала столько энергии, что превратилась в планету, но осталась на орбите с большим эксцентриситетом, которая делает ее временами ближе Нептуна¹. Это и помогло ее заметить.

— А мне сказали, что Плутон прибыл из другой солнечной системы.

— Мне тоже так объясняли. Но это не имеет смысла. Если подобная масса снаружи нырнула бы в нашу систему, то почему снова не улетела по гиперболе обратно? Что могло ее остановить? Я готов рискнуть. Меня беспокоит только одно. Плутон невелик. Не думаешь ли ты, что скафандр могло отбросить взрывом обратно в космос?

— Если так, я убью тебя, — сказал Кзанол.

— Не говори, сам угадаю, — взмолился Гарнер. — Ага, понял. Курилка Петропулос. Ну как твои дела?

— Хуже, чем твоя память. Но это были хорошие двадцать два года. — Курилка стоял за двумя креслами в воздушном шлюзе и ухмылялся отражению двух человек в лобовом экране; ни на что большее места не хватало. — Какого дьявола, Гарнер? Почему ты не повернешься и не пожмешь руку старому приятелю?

— Не могу, Курилка. Один жукоглазый монстр², не принимающий отрицательных ответов, запретил нам шевелиться. Может быть, хороший гипнотерапевт сможет вывести нас из этого состояния, но нам придется подождать. Кстати, познакомься с Лероем Андерсоном.

— Привет.

— Теперь дай нам пару сигарет, Курилка, и засунь их в рот с краю, чтобы мы могли говорить. Ваши ребята гонятся за Гринбергом и жукоглазым?

— Да. — Курилка возился с сигаретами и зажигалкой. — А что это за салочки у вас?

¹ Эта гипотеза происхождения Плутона была высказана в 1936 году, но большинством астрономов не разделялась.

² В оригинале — ВЕМ (Bug Eyed Monster), ироническое обобщенное наименование инопланетных пришельцев отвратительного вида, популярных в низкопробной фантастике 1930-х годов.

— Ты о чем?

Старый Курилка разместил сигареты и сказал:

— Специальный свадебный отправился на Плутон. Почему?

— Плутон!

— Удивлен?

— Здесь этой штуки нет, — сказал Андерсон.

— Верно, — заметил Гарнер. — Мы знаем, за чем они гонятся, и мы знаем теперь, что здесь они эту вещь не нашли. Но не могу вообразить, с чего они решили, что она на Плуtone. Ух ты! Погодите.

Гарнер яростно пыхтел сигаретой: старый добрый табак, еще содержащий смолу и никотин. С лицевыми мускулами у него проблем вроде не было.

— Плутон когда-то мог быть луной Нептуна. Может, это как-то связано с происходящим. А что насчет корабля Гринберга? Он движется в том же направлении?

— Э-хе-хе! Где бы он ни находился, двигатель выключен. Мы потеряли его из виду четыре часа назад.

— Если ваш друг еще там, — вмешался Андерсон, — он может попасть в беду.

— Правильно, — сказал Гарнер. — Курилка, этот корабль с Ллойдом Мэсни на борту может падать на Нептун. Ты помнишь Ллойда? Большой, грузный, с усами.

— Вроде бы. Он тоже парализован?

— Он загипнотизирован. Старый салонный гипноз. Если ему не приказали спасти себя, он и не будет этого делать. Может, ты?

— Разумеется, я доставлю его сюда, — пообещал Курилка и повернулся к шлюзу.

— Эй! — гаркнул Гарнер. — Вытащи окурки из наших ртов, пока лица не загорелись!

Из своего собственного корабля Курилка вызвал Вуди Этвуда, летевшего на корабле номер шесть, с противорадаром, и рассказал о происходящем.

— Вуди, это похоже на правду, — закончил он. — Но нет смысла рисковать. Ты подойди поближе и последи за Гарнером; если он двинется с места, то окажется гнусным

лжецом, так что не спускай с него глаз. Он известен своими фокусами. А я посмотрю, действительно ли Мэсни в опасности. Его несложно будет найти.

— Плутон в полутора неделях отсюда при тяге в одну земную, — сказал Андерсон, способный делать в уме простые расчеты. — Но мы не сможем последовать за всей шайкой, даже если бы могли шевелиться. У нас нет топлива.

— Что мешает дозаправиться на Титане? Куда, черт возьми, делся Курилка?

— Сегодня на его возвращение лучше не рассчитывать.

Гарнер что-то проворчал. Космос, невесомость, паралич, чувство поражения — все это его угнетало.

— Эй, — вдруг тихо позвал он.

— Что? — театральным шепотом откликнулся Андерсон.

— Я могу шевелить указательными пальцами! — рявкнул Гарнер. — Чары, похоже, рассеиваются. И следи за своими манерами.

Курилка вернулся к концу следующего дня. Толкать корабль Мэсни ему пришлось заостренным носом своего корабля, погрузив его в реакторную трубу. Когда он выключил привод, оба корабля стали свободно кувыркаться. Курилка перемещался между ними с помощью ракетного ранца. К этому времени к маленькой группе подоспел Этвуд и стал помогать Курилке, поскольку после обнаружения Мэсни нелепо было подозревать какую-то скрытую игру.

И не потому, что Мэсни был еще под гипнозом. Как раз не был. Когда Кзано́л взял его под контроль, то освободил от гипноза и то ли из жалости, то ли по недомыслию оставил без приказов, улетаая на Плутон. Но Мэсни едва не умер от голода. Кожа на его лице сморщилась, а на теле обвисла складками, как палатка вокруг центрального шеста. Кзано́л-Гринберг то и дело забывал кормить его, спохватываясь, только когда голод грозил вывести Мэсни из-под гипноза. Кзано́л никогда не обращался так с рабами, но настоящий Кзано́л был куда сильнее в телепатии,

чем поддельный. И Кзано-Гринберг так и не научился считать ежедневный прием пищи необходимостью. Такое количество калорий было для него роскошью, притом бессмысленной.

Мэсни набросился на свою порцию, как только отбыло «Золотое кольцо», но к былым габаритам ему предстояло возвращаться еще долго. Топливо с его корабля исчезло, а сам корабль был найден дрейфующим по сильно вытянутой орбите вокруг Тритона, причем эта орбита постепенно уменьшалась.

— Вряд ли такое можно было симитировать, — сказал Курилка, связавшись с флотом Пояса. — Еще чуть-чуть, и Мэсни был бы мертв. А так он лишь весьма плох.

Теперь все четыре корабля сошлись у Нерейды.

— Нам следует дозаправить их все, — сказал Гарнер. — Способ есть. — И он приступил к пояснениям.

— Я не оставляю свой корабль! — взревел Курилка.

— Извини, Курилка. Посуди сам. У нас три пилота: ты, Вуди и Мэсни. Я и Андерсон двигаться не можем. Но у нас четыре корабля, нуждающиеся в пилотировании. Один придется оставить.

— Разумеется, но почему мой?

— В трех кораблях должны поместиться пять человек. Это означает, что оба двухместных мы возьмем. Правильно?

— Правильно.

— Нам придется оставить либо твой корабль, либо противорадарный. Какой предпочтешь?

— Но ты же не думаешь, что мы успеем на Плутон к началу войны?

— Мы можем хотя бы попытаться. Или хочешь домой?

— Ну ладно, проехали.

Флот двинулся к Тритону без корабля под номером четыре. Половина топлива была перемещена в «Иводзиму» Мэсни. Гарнер стал пассажиром Мэсни, а Курилка был в «Хайнлайне» с Андерсоном. Три корабля зависли над ледяной поверхностью большой луны; их двигатели слой за слоем проплавливали замерзшие газы — азот, кислород, углекислоту, пока не достигли толстого слоя водяного льда. Они совершили посадку на лед, каждый в своем пологом

кратере. После этого Вуди и Курилка отправились за номером четыре.

Курилка посадил свой одноместный корабль уже с почти пустыми баками. Вместе перекачали то, что оставалось, в «Иводзиму» и добавили из запасов «Хайнлайна». Вуди выключил систему охлаждения в водородном баке одноместного корабля, разобрал подогреватель в кабине и переставил его в бак. Для этого ему пришлось прорезать дыру в стенке.

Следующие несколько часов были посвящены вырезанию блоков водяного льда. Мэсни еще не пришел в себя, так что всю работу были вынуждены делать поясники. Когда они свалились в полном изнеможении, оба лазерных резака были разряжены почти до конца; зато топливный бак номера четыре заполнился теплой и не слишком чистой водой.

Они подключили батарею из корабля под номером шесть, чтобы подвергнуть расплавленный лед электролизу. Смесь водорода и кислорода потекла в бак «Хайнлайна». Термостат был установлен выше точки конденсации водорода; кислород падал хлопьями, и Курилка и Вуди, сменяя друг друга на днище бака, лопатами выгребали этот снег наружу. В какой-то момент им пришлось поднять номер шесть и полетать вокруг, чтобы зарядить его батареи. И все время они ощущали, что время уходит, что с каждой истекшей минутой они все дальше от «войны», возможно уже начавшейся.

За три дня они заправили все три корабля. Даже не полностью загруженных баков хватало, чтобы доставить их небольшой вспомогательный флот к Плутону на полной тяге, не жалея топлива. Номер четыре остался непригодным, его топливный бак был забит грязью.

— Мы на три дня опоздаем к происходящему, — мрачно сказал Вуди. — Зачем вообще отправляться?

— Мы подойдем на дистанцию радиоконтакта, — возразил Курилка. — Пусть лучше Гарнер будет поблизости, чтобы говорить флоту, что делать. Он больше всех нас знает об этих жукоглазых монстрах.

А Люк сказал:

— Основной довод заключается в том, что флот может продержаться три дня, прежде чем проиграет. Тут появимся мы и спасем положение. Или не спасем. Давайте полетим.

Вуди Этвуд тут же послал мазерное сообщение флоту, зная, что прочие корабли в их группе его не перехватят. Если кто-то сунется в мазерный луч, радиостанции просто взорвутся.

— Игра на спички! — Голос Кзанола прямо-таки сочился презрением по-тринтски. — С тем же успехом мы могли бы раскладывать пасьянс.

Это прозвучало странно — ведь он проигрывал.

— Тогда вот что, — предложил Кзанол-Гринберг. — Поделим Землю и будем играть на людей. Каждый получит для игры примерно восемь миллиардов, и еще немного останется. В сущности, мы можем договориться прямо сейчас и разделить Землю пополам двумя дугами большого круга с севера на юг, оставить так, пока не вернемся с усилителем, и потом играть, имея по восемь миллиардов каждый.

— Звучит неплохо. А почему север — юг?

— Чтобы каждый получил все климатические зоны. Почему бы и нет?

— Я согласен. — Кзанол сдал две карты рубашкой вверх и одну — вниз.

— Семикарточный стад¹, — объявил пилот.

— Сбрасываю, — сказал Кзанол-Гринберг, наблюдая, как Кзанол, урча, сгребает ставки. — Нам надо было захватить Мэсни, — добавил он. — Рисуем остаться без пилота.

— И что? Предположим, я бы доставил сюда Мэсни. Как бы ты себя чувствовал, наблюдая, как я управляю твоим бывшим рабом?

— Паршиво.

По сути, теперь Кзанол-Гринберг понимал, что Кзанол проявил редкую тактичность, оставив Мэсни позади. Ллойд

¹ *Стад-покер* — один из наиболее распространенных в настоящее время вариантов игры в покер, когда часть карт игрокам сдается в открытом, а часть — в закрытом виде.

был использованным рабом, принадлежавшим кому-то другому. По традиции его следовало умертвить либо подарить нищему, но ни в коем случае не порядочному тринту.

— Пятикарточный стад, — сказал пилот.

Он сидел так, что не видел ничьих карт, готовый заплетающимся языком произносить человеческий неперево-димый покерный сленг, когда говорил Кзанола, и переводить для Кзанола-Гринберга. Кзанола сдал по одной закрытой и по одной открытой карте.

— Забавно, — сказал Кзанола-Гринберг. — Я почти вспомнил что-то, но потом оно ускользнуло.

— Открой свое сознание, и я скажу, что это было.

— Нет. И в любом случае это по-английски. Из воспоминаний Гринберга. — Он схватился за голову. — О чем это? Что-то подходящее насчет Мэсни.

— Играй.

— Ставлю девять человек.

— Поднимаю на пять.

— И еще на десять.

— Открываемся. Гринберг, как это ты выигрываешь больше меня, хотя пасуешь чаще?

— Вспомнил! — щелкнул пальцами Кзанола-Гринберг. — «Когда я вырасту большим, / Я стану гордым и крутым. / Скажу, чтоб парни и девчушки / Не цапали мои игрушки»¹. Стивенсон.

Он рассмеялся и добавил:

— Но что заставило меня...

— У тебя двойка, у меня дама, — сказал пилот.

Кзанола продолжал по-тринтски:

— Если бы у людей были телепатические регистраторы, им не приходилось бы вот так возиться со звуками. Хотя ритм довольно приятный.

— Разумеется, — произнес Кзанола-Гринберг с отсутствующим видом.

Он проиграл эту раздачу, поставив почти две сотни на пару четверок.

¹ Стихотворение Р. Л. Стивенсона «Looking Forward» в переводе Валентина Савина.

Несколько позже Кзанол оторвал взгляд от стола.

— Коммуникатор, — сказал он и пошел в рубку пилота.

Кзанол-Гринберг последовал за ним. Они уселись около двери в рубку, и пилот увеличил громкость.

— ...Этвуд, номер шесть. Лью, надеюсь, ты меня слышишь. На свадебном корабле точно находится инопланетянин, и у него определенно необычайные способности. Все это не шутка. Пришелец парализовал человека из АРМ и его водителя с расстояния почти в миллион миль. Он совершенно бессердечен. После того как человек со второго корабля стал не нужен пришельцу, его бросили дрейфовать около Тритона умирающим от голода и без топлива. Гарнер говорит, что в этом виноват Гринберг. Гринберг — тот, кто решил, что он тоже инопланетянин. Он также находится на свадебном. Там есть еще двое — пилот и второй пилот. Гарнер говорит, что надо стрелять без предупреждения и не пытаться приблизиться к кораблю. Решать предоставляю вам. Мы отстаем от вас на три дня, но все равно появимся. Номер четыре остался на Тритоне, без топлива. Его можно будет использовать только после очистки баков от грязи. Из нас вести корабль могут только трое. Гарнер и его шофер все еще парализованы, хотя это понемногу проходит. Для этих плоскоземельцев нам понадобится гипнотерапевт, иначе они вряд ли смогут когда-нибудь станцевать. На мой взгляд, вашей основной целью должен быть усилитель, его необходимо найти. Он куда более опасен, чем один инопланетянин. Поясу такая штука нужна разве что для исследований, и я знаю некоторых ученых, которые нас возненавидят за отказ от подобной возможности, но представьте, что сможет сделать Земля, располагая усилителем для телепатического гипноза. Ставлю на повтор. Лью, это Этвуд, номер шесть. Повторяю, Этвуд, но...

Кзанол-Гринберг зажег сигарету. На свадебном корабле имелся богатый выбор; эта сигарета была изготовлена из безникотинового табака, с ментолом и двойным фильтром. Запахом она напоминала тлеющие листья, вкусом — таблетки от кашля.

— Стрелять без предупреждения, — повторил он. — Ничего хорошего.

Тринт посмотрел на него с нескрываемым презрением. Опасаться раба!.. Но ведь и сам он только птавв.

Кзанол-Гринберг явно злился. В конце концов, он знал о людях больше, чем Кзанол!

— Всем кораблям, — объявил человек в ведущем космолете. — Я бы предложил сейчас стрелять. Комментарии?

Комментарии последовали. Лью переждал их и заговорил снова:

— Тартов, гуманистические порывы делают тебе честь. Я не шучу. Но дела обстоят слишком серьезно, чтобы переживать о двух плоскоземельцах в специальном свадебном. Что до поисков усилителя, думаю, это не повод для беспокойства. Земля не найдет его раньше нас. Земля не знает о Плутоне того, что знаем мы. Мы можем установить охрану планеты, пока Пояс не пришлет автоматический орбитальный сторожевик. Есть шанс найти усилитель радаром; тогда сбросим на него бомбу и пошлем к дьяволу все возможности его изучения. Я что-то пропустил?

Отозвался женский голос:

— Отправим одну ракету с камерой. Вряд ли стоит использовать всю нашу огневую мощь сразу.

— Хорошо, Мэйб. У тебя есть ракета с камерой?

— Да.

— Отправляй.

Когда «Иводзима» была уже в неделе полета от Земли, Кзанол-Гринберг грезил, как обычно. Почему-то он вспомнил свои часы: официальные налкотные часы с криогенными шестеренками, ныне запакованные во втором скафандре. Придется сделать для них новый ремешок.

Но какой смысл? Они всегда отставали. Ему приходилось подправлять часы после возвращения из каждого визита... визита на другую плантацию. После космического путешествия.

Но разумеется! Его часы сбивала относительность времени. Почему он не сообразил раньше?

«Потому что был тринтом?»

— Поднимаю на тридцать, — сказал Кзанол.

У него была пятерка, дополняющая уже открытую пару, и он вовсе не думал, что Кзано́л-Гринберг, у которого был раскрыт стрит из четырех карт, блефует. Он просто не заметил, что их номера возрастают по порядку.

Глупы. Тринты глупы. Кзано́л не способен играть в покер, даже пользуясь знаниями пилота. Он не сообразил, что его корабль мог врезаться в Плутон. Мозги ему без надобности, у него есть Сила.

Тринты перестали нуждаться в уме с тех пор, как нашли первую расу рабов. До того Сила не играла роли; ее не на ком было использовать. Удивительно ли, что при неограниченном количестве думающих за них слуг они выродились?

— Поднимаю на пятьдесят, — сказал Кзано́л-Гринберг. Тринт усмехнулся.

— Концепция АРМ мне никогда особенно не нравилась, — сказал Люк. — Но я уверен, что эта организация необходима. Абсолютно необходима. Я вступил в нее, считая, что могу быть полезен.

— Люк, если плоскоземельцы нуждаются в полиции мыслей, чтобы выжить, значит им не стоит выживать. Вы пытаетесь затормозить эволюцию.

— Мы не полиция мыслей! Мы следим за технологией. Если кто-либо построит нечто, способное уничтожить цивилизацию, тогда, и только тогда, мы прибегаем к запрету. Но ты будешь удивлен, как часто это происходит.

— Буду ли? — презрительно заметил Курилка. — А почему бы не запретить, коли так, термоядерные трубки? Нет, не прерывай меня, Люк, это важно. Термоядерную реакцию используют не только на кораблях. Половина питьевой воды на Земле происходит из опреснителей, работающих на термоядерном нагреве. На термоядерной энергии вырабатывается большая часть электричества на Земле, а в Поясе — все сто процентов. Даже в крематориях и мусоросжигательных заводах используется ядерное пламя. Вспомни, какое количество урана вам приходится импортировать, чтобы впрыскивать его как затравку в термоядерные трубки! А еще есть сотни тысяч термоядерных кораблей, каждый из которых...

— ...Превращается нажатием кнопки в водородную бомбу.

— Вот именно. Так почему АРМ не запретит термоядерную энергию?

— Во-первых, потому, что АРМ была создана слишком поздно. Термоядерная энергия была уже в наличии. Во-вторых, потому, что мы в ней нуждаемся. Термоядерная трубка — основа человеческой цивилизации, такая же, как в свое время электрогенератор. В-третьих, мы не вмешиваемся в то, что содействует космическим полетам. Но я рад...

— Ты хочешь добиться...

— Моя очередь, Курилка. Я рад, что ты поднял тему термояда, потому что вся суть в этом. Задача АРМ — удерживать в равновесии колесо цивилизации. Выведи его из равновесия — и сразу же начнется война. Так было всегда. Но на этот раз она будет последней. Можешь ли ты представить полномасштабную войну с таким количеством водородных бомб, готовых к применению? Не ты ли сказал, что достаточно всего лишь нажать на кнопку?

— Ты сказал. И неужели для удержания колеса в равновесии приходится подавлять человеческую изобретательность? Если это правда, то Земля катится в тартарары.

— Курилка, если б это не было совершенно секретно, я бы показал тебе запрещенный излучатель, подавляющий термоядерную защиту с расстояния десять миль. А Чик Уотсон стал моим боссом после того, как обнаружил изобретение, которое заставило бы нас узаконить убийство. Это было...

— Не рассказывай мне о доказательствах, ты все равно не можешь их предъявить.

— Ну хорошо, черт возьми, а как насчет усилителя, за которым мы все гоняемся? Представь, что какой-нибудь остроумный субъект соорудит усилитель для телепатического гипноза? Ты бы его запретил?

— Ты его сначала представь нам, тогда я отвечу.

— Ради бога, заткнитесь оба!.. — вскричал Мэсни.

— В точку, — ответил ему Андерсон. — Дайте нам, невинным зрителям, хоть час покоя.

Человек в ведущем корабле открыл глаза. В них плавали амебы пастельного цвета; экран же был пуст и темен.

— Всем кораблям, — сказал он. — Мы еще не можем стрелять. Нам придется ждать, когда они сделают разворот.

Никто не возразил. Когда пробная ракета Мэйб Дулин приблизилась к «Золотому кольцу», они все следили за происходящим через камеру, расположенную в ее носовой части. Они видели, как сияние двигателя свадебного корабля стало ослепляющим, даже при максимальном затемнении изображения. Затем экраны опустели. Термоядерное пламя превратило ракету в расплавленный шлак еще до того, как она смогла приблизиться.

Свадебный корабль еще сутки будет в безопасности.

Кзанол-Гринберг пришел к решению.

— Принимай командование, — сказал он. — Я скоро вернусь.

Кзанол смотрел, как он встает и надевает скафандр.

— Что ты делаешь?

— Если повезет, задержу неприятеля.

Полуптавв поднялся по трапу в воздушный шлюз.

Кзанол вздохнул, сунул в карман спички вступительной ставки (каждая ценой в одного человека) и стал тасовать карты для пасьянса. Он знал, что раб с сознанием птавва устраивает ажиотаж на пустом месте. Возможно, он слишком долго размышлял о гипотетическом восстании тнук-типов, и теперь все рабы кажутся ему опасными.

Кзанол-Гринберг вышел наружу, на верхнюю часть фюзеляжа. Имелось немало причин для такого расположения воздушного шлюза, главная из них — возможность ходить по корпусу при включенном двигателе. Он надел магнитные сандалии, потому что поскользнулся он — и падение будет очень долгим. Затем быстро зашагал по направлению к корме. Переключатель, установленный в киле, открыл доступ к ступенькам, ведущим вдоль закругления корпуса к крылу. Он полез вниз. Водородный свет был чрезвычайно ярким; даже с закрытыми глазами Кзанол-Гринберг ощущал жар на лице. Он встал на колени около заднего края, и крыло защитило его от света.

Он заглянул за край. Если высунуться слишком далеко, ослепнешь, но надо наклониться так, чтобы видеть... Да, вот и они. Пять светлых точек одинаковой яркости и цвета. Кзанол-Гринберг выставил дуло дезинтегратора за край и нажал на спуск.

Если бы дезинтегратор имел луч типа мазерного, он мог бы причинить реальный ущерб. Но шанс попасть в эти крошечные цели, орудуя таким узким лучом, был бы невелик. И все же конус расширился слишком быстро. Кзанол-Гринберг не заметил никаких результатов. Да он, в общем-то, и не ожидал их. Он, как мог, держал копательный инструмент наведенным на пять близких звездочек. Шли минуты.

— Какого черта... Лью! Мы что, в пылевом облаке?

— Нет. — Человек в головном корабле обеспокоенно рассматривал ставший матовым кварц лобового стекла. — Наши инструменты ничего такого не показывают. Это может быть оружие, о котором говорил Гарнер. У всех испортились лобовые стекла?

Все в один голос ответили утвердительно.

— Гм! Хорошо. Мы не знаем, какова мощность этой машинки, но у нее должен быть предел. Вот что мы сделаем. Во-первых, сначала будем лететь по приборам. Во-вторых, придется в конце концов разбить лобовые стекла, чтобы видеть, так что оставшийся путь одолеем в застегнутых скафандрах. Но пока этого делать нельзя! Иначе и лицевые щитки шлемов тоже станут матовыми. И третье, — он поглядел вокруг, как бы подчеркивая свои слова, хотя видеть его никто не мог, — никому не выходить из корабля ни по какой причине! Насколько нам известно, эта штука может содрать с нас скафандр за десять секунд. Есть ли другие предложения?

— Свяжемся с Гарнером и спросим его мнение, — сказала Мэйб Дулин на корабле номер два.

— Втянем на несколько часов радарные антенны, а не то лишимся их.

Так и поступили. Корабли продолжали полет вслепую.

— Надо бы выяснить, насколько сильно это оружие зацепило наши корабли.

Реакция была вялой.

Каждую минуту кто-нибудь проверял кусочком кварца, продолжается ли заградительное излучение. Оно прекратилось минут через пятнадцать. Две минуты спустя возобновилось, и Тартов, который вышел наружу проверить повреждения, быстро втиснулся в свой корабль; правая сторона его лицевого щитка стала непрозрачной.

Кзанол поднял голову, чтобы посмотреть, как его «партнер» устало слезает по трапу воздушного шлюза.

— Отлично, — сказал он. — А тебе не пришло в голову, что дезинтегратор может понадобиться нам, чтобы выкопать запасной скафандр?

— Да, пришло. Вот почему я не использовал его дольше.

На самом деле он закончил, потому что устал, но он знал, что Кзанол был прав. Двадцать пять минут почти непрерывной работы изрядно разрядили батарею.

— Я думал, что смогу нанести им некоторый ущерб. Но не знаю, что у меня получилось.

— Расслабься. Если они подберутся слишком близко, я захвачу их и добуду нам корабли и слуг.

— В этом я уверен. Но они не подойдут настолько близко.

Расстояние между «Золотым кольцом» и флотом Пояса медленно сокращалось. Плутона они достигнут примерно в одно и то же время, через одиннадцать суток после отлета с Нептуна.

— Вот он, — сказал кто-то.

— Правильно, — произнес Лью. — Все готовы открыть огонь?

Никто не ответил. Пламя двигателя свадебного корабля простиралось в космос на много миль — длинная тонкая голубоватая линия внутри слабой конической оболочки. Она медленно сокращалась в размерах.

— Огонь! — Лью нажал красную кнопку.

На ней была маленькая защитная решетка, теперь сдвинутая с помощью ключа.

Пять ракет унеслись вдаль, их огни померкли. Пламя свадебного корабля сжалось в точку.

Прошли минуты. Час. Два.

Включилось радио.

— Вызывает Гарнер. Вы молчите. Пока ничего не произошло?

— Нет, — сказал Лью в отдельный микрофон мазерной связи. — Они уже должны были попасть.

Тянулись минуты. Безмятежно горела белая звезда специального свадебного.

— Значит, что-то не так, — пересек голос Гарнера диктанцию в световые минуты. — Возможно, дезинтегратор сжег радарные антенны ваших ракет.

— Сукин сын! Наверняка именно это и произошло. Что теперь?

Минуты.

— Наши ракеты в порядке. Если мы подойдем достаточно близко, сможем их использовать. Но это даст им три дня на поиски усилителя. Можете ли задержать их на три дня?

— Да. — Лью был мрачен. — Полагаю, они не будут садиться на Плутон.

Он кусал губу, не решаясь выдать информацию Гарнеру. Что ж, она не совершенно секретная, и АРМ, вероятно, так или иначе узнает.

— Поясники бывали на Плутоне, но мы не пробовали там сесть. Ни разу с тех пор, как первый корабль провел спектроскопические исследования с близкого расстояния...

Они передвинули стол к двери в кабину пилота. На этом настоял Кзанол-Гринберг. Он играл, одним ухом прислушиваясь к радио. И это вполне устраивало Кзанолу, поскольку влияло на качество игры соперника.

Спустя несколько минут послышался голос Гарнера, искаженный расстоянием:

— Похоже, все будет зависеть от их места посадки. Этого мы проконтролировать не можем. На всякий случай надо придумать что-то еще. Что у вас есть, кроме ракет?

В приемнике скрипели помехи.

— Хотелось бы услышать обе стороны, — проворчал Кзано́л. — Ты что-нибудь понял?

Кзано́л-Гринберг покачал головой:

— Не получится. Они должны понимать, что мы попадаем в мазерный луч Гарнера. Но похоже, они знают нечто, нам неизвестное.

— Четыре.

— Меняю две. В любом случае приятно осознавать, что они не могут в нас выстрелить.

— Да. Хорошая работа. — Кзано́л говорил властно и рассеянно, используя клише свержречи, которым поздрави́ают раба, проявившего должную инициативу.

Его глаз был направлен в карты. Он так и не увидел выражение ярости на лице своего партнера. Он так и не ощутил битву, бушевавшую за столом, когда разум Кзано́ла-Гринберга старался подавить собственное бешенство. В тот день Кзано́л мог умереть. Он завывал бы под лучом дезинтегратора, сносящим его скафандр, кожу и мышцы, и даже не понял бы, за что его убивают.

Десять суток и двадцать один час после отлета. Над головой висела ледяная планета, огромная, грязно-белая, с ослепительными бликами, обманывавшими астрономов прошлого. С Земли был виден только этот блик, свидетельствовавший о гладкой, почти отполированной поверхности Плутона и заставлявший планету казаться очень маленькой и очень плотной¹.

— Совсем даже небольшая, — сказал Кзано́л.

¹ В 1966 году, когда роман «Мир птаввов» вышел в свет, о Плутоне было известно очень мало. Однако размеры планеты, как правило, переоценивались в противоположность данному утверждению (хотя и подобная точка зрения тоже имела место). В 1965 году размер Плутона был оценен как не превосходящий 5500 км. В настоящее время диаметр Плутона известен точно и составляет 2374 км. Как выяснилось в 2015 году, после рейда к Плутону аппарата «Новые горизонты», рельеф планеты достаточно разнообразен. Не мог быть упомянут в книге и огромный спутник Плутона Харон (1212 км), открытый в 1978 году и составляющий с ним фактически двойную планету, и тем более еще четыре маленьких спутника.

— А чего ты ожидал от спутника?

— Была, например, F28. Слишком массивная даже для беломысов.

— Правда. Гм... Погляди на этот большой круг. Ведь похоже на гигантский метеорный кратер?

— Где? А, вижу. — Кзано! прислушался. — Вот он! Радар его засек. Да чтоб мне потерять Силу! — добавил он, глядя на радарный телескоп глазами пилота. — Даже его форма угадывается. Но посадку придется отложить до следующего витка.

Большой корабль медленно развернулся двигателем вперед.

Флот Пояса оставался вдали на почтительном расстоянии — очень почтительном, в четыре миллиона миль. Без телескопов диск Плутона едва можно было различить.

— Обращаюсь ко всем: задумайте число от единицы до ста, — сказал Лью. — Получив ваши числа, я назову мое. Потом мы вызовем Гарнера и попросим его выбрать. Тот, чье число окажется самым близким к гарнеровскому, проигрывает.

— Три.

— Двадцать восемь.

— Семьдесят.

— Пятьдесят. Хорошо, я вызываю Гарнера. — Лью переключился на мазер. — Первый вызывает Гарнера. Первый вызывает Гарнера. Гарнер, мы уже почти решили, что делать, если он не пойдет на посадку. Все корабельные радары целы, поэтому мы просто запрограммируем один корабль идти к свадебному на полной скорости. Следить будем с помощью телескопов. Когда корабль окажется достаточно близко, мы взорвем двигатель. Просим вас выбрать число от единицы до ста.

Шли секунды. Флот Гарнера был уже неподалеку, приближаясь к концу путешествия.

— Говорит Тартов, номер три. Он идет на посадку.

— Говорит Гарнер. Я предлагаю подождать и, если получится, воспользоваться противорадарным кораблем. Как я понял, вы планируете, чтобы один человек дальше путешествовал в чьем-нибудь воздушном шлюзе, пока не доберется до Пояса. Если так, подождите нас; в одном из

земных кораблей найдется место для лишнего пассажира. Вам еще нужно число? Пятьдесят пять.

Лью сглотнул слюну.

— Спасибо, Гарнер. — Он отключил мазер.

— Это снова третий. Тебя спас гонг, Лью. Он идет на посадку на ночной стороне. В предрассветную зону. Лучше и не быть могло. Он даже может сесть в Полумесяце!

Побледневший Лью следил за крошечным огоньком над тусклой белой поверхностью Плутона. Гарнер, должно быть, забыл, что на одноместном корабле рубка управления одновременно является воздушным шлюзом и, если пилот хочет выйти наружу, воздух приходится откачивать. Лью был рад, что приблизился флот плоскоземельца. Ему не нравилась перспектива провести несколько недель, сидя снаружи космического корабля.

Кзанол-Гринберг сглотнул. Потом сглотнул еще раз. Слабое ускорение раздражало его. Он обвинял в этом свое человеческое тело. Он сидел в кресле у окна, туго пристегнувшись и глядя наружу, вниз.

Там почти ничего не было видно. Корабль облетел половину планеты, опускаясь все ниже, но на неизменно гладкой, как бильярдный шар, поверхности можно было разглядеть лишь медленно ползущую планетную тень. Теперь корабль летел над ночной стороной, освещаемый только собственным двигателем, освещаемый слабо, потому что это был отраженный планетой свет, прошедший двойное расстояние. Больше ничего нельзя было различить.

Но вдруг...

Что-то поднималось над восточным горизонтом, и оно было чуть светлее черной равнины. Зазубренная линия на фоне звезд. Кзанол-Гринберг подался вперед, дивясь величине хребта, ибо это не могло быть не чем иным, как горным хребтом.

— Что это? — спросил он громко.

— Одна сотая дилтуна.

Кзанол прозондировал сознание пилота. Тот сказал:

— Полумесяц Котта. Замерзший водород накапливается вдоль рассветной полосы. По мере вращения планеты он попадает на дневную сторону, испаряется и снова

замерзает на ночной стороне. В конце концов попадает на прежнее место.

— О, спасибо.

Эфемерные горы водородного снега были гладкими и пологими, словно снежки разного размера, упавшие с высоты. Они плавно поднимались перед замедляющимся кораблем, цепь за цепью, выявляя колоссальную ширину хребта. Но они не могли показать его длины. Кзанол-Гринберг видел только, что горы простираются на половину горизонта; но мог представить, как они лежат от полюса до полюса.

Корабль уже почти опустился, зависнув без движения в нескольких милях к западу от подножий Полумесяца. Столб огня протянулся на милю вниз, к поверхности. Там, где он ее коснулся, поверхность исчезла. За кораблем оставался желоб, похожий на русло реки, исчезающей во тьме за пределами светового круга.

Корабль двигался с высоко поднятым носом; ядерное пламя было чуть наклонено вперед. Плавно, медленно, на высоте в одну милю «Золотое кольцо» затормозило и остановилось.

Под опускающимся кораблем возник широкий кратер. Он быстро углублялся. Образовалось кольцо тумана, мягкого, белого и непрозрачного. В холоде и тьме оно утолщалось, смыкаясь над кораблем. Затем не осталось ничего, кроме освещенного тумана, кратера и языка термоядерного пламени.

Это было совершенно чуждое место. Гринберг зря тратил жизнь на поиски обитаемых миров в Галактике; ни один из них не имел подобной ауры необычности, которая окружала этот ледяной мир, более холодный, чем... глубины дантовского ада.

— Слои газа нас не удержат, — объяснил пилот, как будто его спрашивали. — Мы сядем на слой водяного льда. Но сначала нужно до него докопаться.

Разве Кзанол-Гринберг искал необычности? Или мысли Гринберга проскользнули в его сознание?.. Да. Эта неудовлетворенность души — старая гринберговская жажда звезд; сам он искал богатства, только богатства.

Кратер теперь выглядел как открытый карьер, с наклонной кольцевой стеной и почти плоским ободком, а далее был еще один, более глубокий кольцевой вал, и... Кзанол-Гринберг смотрел вниз, усмехаясь и шурясь от сияния, стараясь угадать, какому газу соответствует тот или иной слой. Они пробились через оболочку льда в сотни, если не тысячи футов толщиной. Возможно, это азот? Тогда следующий слой, выходящий сейчас наружу, будет кислородом.

Равнина и космос над ней взорвались огнем.

— Он взорвался! — воскликнул Лью, обрадованный, как помилованный преступник.

Восходящая закрученная колонна желто-голубого пламени пронеслась вверх, за поле зрения, за пределы бледной равнины, где до того мерцала белая звездочка «Золотого кольца». Какую-то секунду звезда еще ярко сияла посреди пламени. Потом она утонула в огне, залившем все поле зрения. Лью снизил масштаб десятикратно, чтобы наблюдать за распространением пламени. Потом ему пришлось сделать это еще раз. И еще.

Плутон был объят огнем. Миллиарды лет толстый покров относительно инертного азотного льда укрывал нижние слои, куда более склонные к реакциям. Метеоры, столь же редкие здесь, как кашалоты в аквариуме с золотыми рыбками, просто зарывались в азотный слой. С тех пор как корабль Кзанола свалился со звезд, на Плутоне ничего не горело. Но теперь водородный пар смешался с кислородным, и газы загорелись. Вспыхнули и другие элементы¹.

Огонь распространялся по кругу. Сильный горячий ветер дул из корабля в вакуум, разбрасывая огромные языки

¹ Исследования последних лет подтвердили, что поверхность Плутона, по-видимому, покрыта водяным льдом, а поверх него — азотным льдом с примесями замерзшего метана, монооксида углерода и других соединений. Также в книге правильно предсказано, что в условиях Плутона эти льды способны к сезонным перемещениям по его поверхности. Горы высотой до 5 км, вероятно, состоят из водяного льда. Однако чисто водородного и чисто кислородного льда на Плутоне нет, и, следовательно, описанный апокалипсис невозможен.

пламени поверх кипящих льдов, пока наружу не выходил чистый кислород. После этого огонь зарывался глубже. Под тонким слоем водяного льда лежали чистые металлы. Лед был тонок и местами вообще отсутствовал потому, что весь образовался при ударе космического корабля в немыслимо далекую эпоху, когда Землей еще правили пищевые дрожжи. Жилы натрия и кальция и даже железо неистово горели в присутствии достаточного количества кислорода и достаточного жара. И хлор, и фтор, оба галогена были в наличии, снося верхнюю часть замерзшей атмосферы Плутона, частью сгорая вместе с водородом в первых же языках пламени. При достаточной температуре начнут соединяться даже азот с кислородом.

Лью зачарованно смотрел на экран. Он думал о своих будущих праправнуках и размышлял о том, как описать им происходящее сейчас. Старый, сморщенный, лысый, прикованный к коляске, он скажет детям: «Когда я был молод, у меня на глазах горел целый мир...» Впредь ему уже не увидеть чего-нибудь столь же грандиозного.

Плутон был черным диском, почти закрывающим весь экран, с холодным отблеском у стороны, обращенной к Солнцу. Расширяющееся по этому диску кольцо огня уже почти превратилось в большой круг, одна дуга которого уходила за край мира. Когда оно сожмется на другой стороне планеты, последует взрыв, силу которого трудно представить. Но в центре кольца темнело и становилось черным, его топливо выгорело целиком.

Самым холодным местом внутри кольца была точка, где начался пожар.

«Золотое кольцо» поднималось прямо вверх, качаясь и содрогаясь от взрывов. Языки пламени с ревом пронеслись мимо крыла и корпуса. Кзанол-Гринберг потерял сознание. Кзанол только-только стал приходить в себя. Корабль еще не был поврежден. Уж точно ему не мог повредить жар от горения. Нижняя часть обшивки была рассчитана на то, чтобы неделями противостоять ядерному нагреву.

Но из-под контроля вышел пилот. В тот момент, когда ударила взрывная волна, его рефлексy взяли верх и разум

освободился. Впервые за эти недели пилот стал хозяином самому себе — и принял решение. Он выключил подачу топлива. Двигатель, возможно, уже не удастся запустить снова. В ярости Кзанол приказал пилоту умереть, и он умер, но было поздно. Корабль, лишенный энергии, дернулся и рухнул в огненный вихрь.

Кзанол-Гринберг смачно выругался на древнем английском. Под ним уходила к горизонту пламенная стена в мили высотой. Корабль не опрокинулся: гироскопы, видимо, еще работали.

Удары снизу постепенно ослабли, когда пожар утих. Корабль начал падать.

Неохотно, сделав над собой усилие, Лью отвел глаза от экрана и тряхнул головой. Потом включил радио.

— Всем кораблям, — сказал он. — Идем к Плутону на полном ходу. Фейерверк посмотрим по дороге. Тартов, рассчитай нам курс, чтобы сесть на утренней стороне того, что осталось от Полумесяца Котта. Хекстер, ты в последнее время не делал ничего полезного. Найди мазером Цереру, чтобы я мог проинформировать ее, как идут дела. Комментарии?

— Это Тартов. Лью, ради всего святого! Планета в огне! Как мы сядем?

— Нам еще лететь четыре миллиона миль. Пока доберемся, огонь должен погаснуть. Ну хорошо, выведи нас на орбиту, но посадку все равно запрограммируй.

— Думаю, надо оставить один корабль на орбите. На всякий случай.

— Хорошо, Мэйб. Мы бросим жребий, кому остаться. Еще комментарии?

Трое мужчин и женщина нажали кнопки, которые впрыснули в термоядерные трубки сначала газообразный уран, потом водород. Нарастающий ураган нейтронов вызвал расщепление, которое вызвало нагрев, который вызвал термоядерную реакцию. Появились четыре голубоватые звезды — очень длинные и очень тонкие. Яркими концами звезды были обращены к Плутону. Они начали движение.

— Вот так-то лучше, — устало сказал Мэсни. — Думаешь, телепатический усилитель вообще существовал?

— Я уверен, что он и сейчас существует. И дело еще не закончено. — Люк с обеспокоенным видом разминал пальцы.

На экране перед ним показался Плутон. Пожар имел вид прямой линии, ползущей с запада на восток.

— Ллойд, как считаешь, почему я надеялся, что Пояс не обгонит нас у Плутона? Почему мы вообще за ними последовали? Этот усилитель — новое оружие! Если Пояс разберет его и сделает вариант, который смогут использовать люди, мы увидим наихудшую и самую незыблемую диктатуру в истории. Она может вообще никогда не закончиться.

Обрисованное Люком будущее Мэсни, судя по выражению лица, нашел весьма зловещим. Но затем ухмыльнулся:

— Они не смогут сесть. Все в порядке, Люк. Пожар не даст им спуститься к шлему.

— Там, где опустился свадебный корабль, огонь уже не горит.

Мэсни посмотрел на экран:

— Да, это так. А Плутон еще взрывоопасен?

— Не знаю. Могут оставаться карманы несгоревшего вещества. Но спуститься, в принципе, можно. Надо высадиться на дневной стороне, где нет водорода, и сделать это быстро, чтобы не прожечь слой азота. Из-за утечки тепла сквозь корпус они, разумеется, погрузятся в этот слой, так что им потом придется прокапывать себе путь наружу. Но это все мелочи. В расчет идет только водород. Если обойти его, пожар, скорее всего, не начнется. Так вот, как только угаснет пожар, они почти наверняка спустятся за усилителем. Нам придется уничтожить его прежде. Или после.

— Погляди, — сказал Ллойд.

Четыре яркие точки образовали на экране группу. За считанные секунды они выросли в линии милю длиной, нацеленные в одном и том же направлении.

— У нас есть немного времени, — заметил Мэсни. — Они в миллионах миль от Плутона.

— Недостаточно далеко. — Потянувшись, Люк включил межкорабельную связь. — Вызываю «Хайнлайн». Андерсон, флот Пояса только что направился к Плутону с расстояния четыре миллиона миль. Сколько это займет?

— Они стартовали с нулевой скоростью?

— Почти.

— Посмотрим... ммм... Примерно пять часов десять минут. Не меньше, а может, и больше, в зависимости от их страха перед огнем.

— А сколько для нас?

— В данный момент пятьдесят девять часов.

— Благодарю, Андерсон. — Люк выключил радио.

Странно, что Курилка сидел там, не произнеся ни слова. В последнее время он мало говорил.

Люк вздрогнул, осознав, что мысли Курилки должны были течь в том же направлении. После того как инопланетяне выбыли из игры, вопрос свелся к тому, кто завладеет шлемом: Пояс или Земля? А Курилка не склонен доверять Земле.

Ларри Гринберг открыл глаза и увидел тьму. Было холодно.

— Освещение не работает, — сказал голос в его сознании.

— Мы разбились?

— Именно. Не представляю, почему мы еще живы. Вставай.

Ларри Гринберг встал и двинулся по проходу между пассажирскими креслами. Мышцы ныли от ушибов, но действовали, казалось, сами по себе. Он приблизился к креслу пилота, вытащил из него труп и уселся сам. Руки машинально пристегнули его, потом сложились на коленях. Так он и сидел. Кзанол стоял рядом, почти вне поля зрения.

— Удобно?

— Не совсем, — признался Ларри. — Не можешь ли оставить одну руку свободной, чтобы курить?

— Конечно.

Ларри обнаружил, что левая рука снова ему подчиняется. Но он все еще не мог двигать глазами, только моргать.

Он достал сигарету и зажег ее на ощупь. Подумал: «Хорошо, что я из тех, кто умеет бриться без зеркала».

— Какое это имеет отношение к чему-либо? — спросил Кзано́л.

— Это означает, что я не теряю координацию, не пользуюсь зрением.

Кзано́л стоял, рассматривая его, — какая-то расплывчатая масса, видимая только краем глаза. Понятно, чего он хочет. Но он этого не сделает, не спросит.

Интересно узнать, как выглядит Кзано́л.

Разумеется, он выглядит как тринт. Ларри помнил, как был Кзано́лом-Гринбергом, и тогда он видел перед собой невысокого, красивого, но неухоженного тринта. Когда же он шел мимо Кзано́ла по пути в пилотскую рубку, его миомолетному взгляду открылось нечто пугающее, одноглазое, чешуйчатое, перламутрово-зеленое, с огромными серыми червями, извивающимися в углах рта, похожего на прорезь в детском резиновом мяче, с заостренными металлическими зубами, с непомерными ручищами и трехпалыми кистями, смахивающими на грейферные захваты.

Голос тринта звучал холодно.

— Ты раздумываешь над моей клятвой?

— Над клятвами. Да, раз уж ты об этом упомянул.

— Ты больше не можешь утверждать, что являешься тринтом в человеческом теле. Ты не то существо, которому я дал клятву.

— Клятвы.

— Я все еще хочу, чтобы ты помог мне управлять Землей.

Ларри без труда понимал все интонации свержречи, а Кзано́л, разумеется, теперь мог читать в его сознании.

— Но ты будешь управлять мной, — сказал Ларри.

— Да, разумеется.

Ларри поднял сигарету и указательным пальцем постучал по ней. Пепел, словно туман, медленно поплыл и исчез из поля зрения.

— Я должен тебе кое-что сказать, — произнес он.

— Будь краток. У меня мало времени; предстоит поиск.

— Я больше не думаю, что ты должен владеть Землей. Я остановлю тебя, если смогу.

Пищевые усики Кзанола вытворяли что-то непонятное. Ларри не мог разглядеть, что именно.

— Ты стал думать, как раб. Не птавв, а раб. У тебя нет разумной причины предупреждать меня.

— Это уже моя проблема.

— Хватит. НЕ ДВИГАЙСЯ ДО МОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ.

Приказ был отдан презрительным тоном. Темное пятно, бывшее Кзанолом, сдвинулось и исчезло.

Оставшись один в пилотской рубке, Ларри прислушивался к лязгу, скрипу и мысленным проклятиям, означавшим, что Кзанол что-то ищет. Он услышал, как тринт резко приказал пилоту ожить и немедленно показать, где он спрятал этот поганый портативный радар... Приказ — сущий взрыв разочарования — прервался. Как и доносившиеся звуки.

Вскоре Ларри услышал, как с гудением закрылся шлюзовой люк.

Служащий был посредником. Его работа состояла в присваивании приоритетов сообщениям для далекого космоса, как отправляемым, так и принимаемым. В три часа утра он ответил на звонок с внешнего телефона.

— Привет, это станция мазерной связи АРМ, — произнес он сонно.

Ночь выдалась скучной. Теперь же она перестала быть таковой. Невысокая брюнетка, глядевшая с экрана, была поразительно красива, особенно в восприятии человека, неожиданно увидевшего ее в самый глухой час.

— Привет. У меня есть сообщение для Лукаса Гарнера. Думаю, он на пути к Нептуну.

— Лукас Гарнер? Какого... Я хочу сказать, какого рода сообщение?

— Скажите, что мой муж снова стал нормален и ему следует это принять во внимание. Это очень важно.

— А кто ваш муж?

— Ларри Гринберг. Г-р-и...

— Да, я знаю. Но он же сейчас за Нептуном. Может, Гарнер уже знает о Гринберге все то же, что и вы?

— Нет, если он не телепат.

— О!

Для служащего это было непростое решение. Мазерные сообщения обходились в цену урана, и не столько из-за требуемой энергии и износа сверхточного оборудования, сколько из-за трудности наведения на цель. Но только Гарнер мог решить, насколько важно для него ненадежное «предчувствие». Служащий рискнул и отправил сообщение.

Пожар начал стихать. Большая часть несгоревшего водорода была сдута еще до прихода огня, пока он не собрался в облачную массу на стороне Плутона, противоположной месту посадки «Золотого кольца». Вокруг этого скопища облаков бушевал ураган устрашающих размеров. Ледяной дождь сыпался с небес огромными чечевицеобразными каплями, с шипением уходившими в азотный снег. Вышележащие слои исчезли, испарились; газы разбавляли водород, все еще сочившийся наружу. Вдоль края водород урывками вспыхивал вместе с галогенами и даже с азотом, образуя аммиак, но снаружи огромного круга пожар в основном затух. Относительно небольшие, изолированные очаги медленно выедали путь к новому центру. «Горячий» водяной лед продолжал падать. Выпарив весь азот, он возьмется за кислород. И тогда пожар возобновится.

В центре урагана лед возвышался скалой, подобной крутым холмам в аризонской долине Монументов¹, но грандиозных размеров. На ее плоской вершине даже галогены еще оставались в замерзшем виде, тысячи квадратных миль фторного льда в почти полном вакууме. Силы Кориолиса пока еще сдерживали пылающий ветер.

На другой стороне мира Кзанол вышел наружу из «Золотого кольца».

Один раз он обернулся. Свадебный корабль лежал на днище. Посадочные опоры остались втянутыми, в зоне конуса выхлопа образовался широкий гладкий кратер. Даже

¹ *Долина Монументов* — уникальное геологическое образование, расположенное на северо-востоке штата Аризона, с возвышающимися над равниной красными скалами с почти отвесными краями.

после отключения подачи топлива нагретый до звездных температур водород какое-то время еще вытекал из термоядерной трубки. Фюзеляж был хотя и погнут, но цел. Передние крылья оторвались и теперь, поломанные, свисали из своих гнезд. Один конец главного треугольного крыла загнулся вверх, коснувшись твердого как камень льда.

Корабль был обречен, бесполезен. Кзано́л пошел дальше.

Скафандр тринтов представлял собой изумительный набор инструментов. Никаких изменений в него не вносилось уже за столетия до времен Кзано́ла, поскольку конструкция давно была безупречной, не считая непредвиденного недостатка в аварийной системе, а наивные тринты так и не достигли того уровня изощренности, который включает понятие морального износа. Температура внутри скафандра была идеальной, даже теплее, чем в корабле.

Но скафандр никак не мог повлиять на воображение его носителя. По мере того как корабль исчезал позади, Кзано́л все явственнее ощущал внешнюю стужу. Здесь испарились покровы азотного и кислородного снега в мили толщиной, оставив пузырчатую вечную мерзлоту, в свете его фонаря казавшуюся темно-зеленой. Был и туман, не плотный, но очень протяженный, единым облаком простирившийся вокруг половины мира. Туман суживал его вселенную до округлого пятна пузырчатого льда.

Двигаясь большими легкими прыжками, Кзано́л за сорок минут достиг начала склона Полумесяца, в шести милях от корабля. Полумесяц теперь представлял собой несколько выступающий вал мерзлоты, в рубцах и ямах от прошедшего по нему пожара. Портативный радар Кзано́ла, позаимствованный на складе «Золотого кольца», показывал цель прямо впереди, почти на пределе радиуса действия. Примерно в миле отсюда и почти на тысячу футов в глубине льда.

Кзано́л двинулся вверх по склону.

— У нас кончились стрелы, — мрачно произнес человек в корабле номер два, имея в виду ракеты. — Как мы защитим себя?

— Мы уже будем лететь домой, когда Гарнер подберется к Плутону, — сказал Лью. — Его стрелы не настолько хороши, чтобы попасть на таком быстром ходу, разве что случайно. Он даже не будет пытаться, поскольку это может спровоцировать Последнюю войну.

— Вдруг он решит, что ставки достаточно высоки?

— Черт возьми, Тартов, а какой у нас выбор? Нельзя допустить, чтобы Гарнер улетел отсюда с усилителем! Иначе мы увидим такую эпоху рабства, какая никому даже не снилась. — Лью шумно выдохнул через ноздри. — Нам придется спуститься и уничтожить эту штуку вручную. Высадиться на рассветной стороне и организовать экспедицию. Хекстер, ты сможешь вытащить корабельный радар так, чтобы он после этого работал?

— Разумеется, Лью. Но его придется нести вдвоем.

— Ты не понял, что я имел в виду, — сказал Тартов. — Конечно, мы должны разломать проклятый усилитель. Но как мы докажем Гарнеру, что усилителя больше нет? Почему он должен нам доверять?

Лью провел толстыми пальцами по спутанным плотным волосам.

— Мои извинения, Тартов. Это чертовски хороший вопрос. Комментарии?

Кзанол нацелил дезинтегратор под углом тридцать градусов к горизонту и нажал переключатель.

Тоннель образовался быстро. Кзанол не мог оценить, насколько быстро, потому что после первой же секунды внутри не осталось ничего, кроме тьмы. Из тоннеля задул небольшой ураган. Кзанол оперся на ветер, словно на стену. В узком конусе луча дезинтегратора ветер был чист, но за его краем несли пылевой шторм. Ветер тоже представлял собой пыль, ледяную пыль, материю, разорванную на частицы по две-три молекулы силами взаимного отталкивания ядер.

Через десять минут Кзанол решил, что тоннель становится слишком широким. Однако входное отверстие было менее фута в поперечнике; он расширил его дезинтегра-

тором. Но даже выключив устройство, не смог заглянуть достаточно глубоко.

Через секунду он шагнул во тьму.

Ларри протянул левую руку и потряс пилота за плечо. Никакой реакции. Словно это восковая фигура. Он, вероятно, чувствовал бы себя так же. Но щека человека была холодной. Пилот был не парализован, а мертв.

Где-то в глубинах сознания всплывала Джуди. Теперь это было не так, как раньше. Теперь Ларри в это верил. Даже разделенные более чем тремя миллиардами миль, он и Джуди каким-то образом чувствовали друг друга. Но не более того.

Он ничего не мог ей сообщить. Не мог предупредить ее, что через считанные часы, если не минуты, жукоглазое чудище захватит Землю.

Пилот не мог ему помочь. У него был миг на принятие решения, у этого профессионального извозчика миллионов, и он сначала сделал правильный выбор, а потом — неправильный. Он решил умереть, убив всех на корабле, и это было правильно. Но ему надо было выключить термоядерную защиту, а не подачу топлива! Теперь он мертв, а Кзано — на свободе.

Его вина. Без Ларри Гринберга в точке разворота при полете к Плутону Кзанола разнесли бы в газ. И вообще, он мог так и не сообразить, что скафандр находится на Плуtone. Сознать это было неприятно.

Куда делся его ментальный щит? Два часа назад он выстроил непроницаемую телепатическую стену, противостоявшую самым яростным усилиям Кзанола. Теперь он не мог вспомнить, как это делалось. Он знал, что способен на это, что может ее удерживать.

Нет, все пропало. Какие-то воспоминания, тринтские воспоминания.

Но посмотрим. Когда тринт бросил всем приказ отключить их мысли, Ларри находился в кабинете Мэсни. Его ментальная защита... но ведь она уже имела. Он откуда-то уже знал, как ее использовать. Знал еще тогда.

Подсолнечники восемь футов в поперечнике. Они поворачивались и поворачивались, следуя за солнцем, обходящим плантацию на полюсе Кзатита. Огромные серебряные параболические блюда, посылавшие концентрированный солнечный свет на свои темно-зеленые фотосинтезирующие наросты. Гибкие зеркала, водруженные на толстые узловатые стебли, зеркала, которые легкой рябью могли сместить смертоносный фокус куда угодно: на мятежного раба, на дикое животное или на нападающего тринта-врага. Этот фокус убивал не хуже лазерной пушки, и подсолнечники не промахивались. По какой-то причине они никогда не нападали на жильцов дома, который защищали.

Сидя в разбитом роскошном лайнере, Ларри Гринберг вздрогнул. Вот оно! Подсолнечниками, должно быть, управляли домашние рабы-тнуктипы! У него не было ни малейших доказательств, но он знал. В один прекрасный день все подсолнечники в Галактике повернулись к своим владельцам... И он подумал: «Мы, тринты... нет, те тринты ухитрились сами себя подставить. Остолопы!»

Снова погрузившись в воспоминания, он понял, что подсолнечники были не так велики, как казалось. Он видел их глазами Кзанола, Кзанола полутора футов высотой, ребенка восьми тринтских лет, Кзанола, еще не выросшего.

Мазерный пучок достиг Плутона, широко рассеявшись и чуть сместившись по частоте, пока выбирался из гравитационной ямы Солнца. К тому времени, когда он достиг цели, прошло более пяти часов, и волновой фронт составлял уже четверть миллиона миль в поперечнике.

Плутон его не остановил. Плутон создал еле заметную дыру. В пучок была вложена огромная энергия. Пучок ушел в бездну, двигаясь почти прямо к галактическому центру, ослабленный пылевыми облаками и расстоянием. Века спустя его уловили существа, ни в коей мере не напоминавшие людей. Они смогли определить форму конического пучка и засечь его вершину. Но точности не хватило.

По пути же...

— Лью, ты был прав, — заметил Тартов. — Там, куда мы направляемся, огня нет.

— Тогда ничего не поделаешь. Вы трое, спускайтесь. Я сверну на орбиту.

— Нам обязательно надо еще раз бросить жребий, понимаешь?

— Ерунда, Мэйб. Подумай, сколько я выиграю в покер после того, как использую здесь все свое невезение. Тартов, моя орбита готова?

— Подключи свой тупой компьютер, и я закачаю все данные прямо в него.

— Автопилот включен.

БИП-БИП.

Когда попискивающий сигнал прекратился, Лью почувствовал, что его корабль поворачивает. Копья ядерного пламени по сторонам начали уменьшаться. Справятся ли без него? Конечно, ведь они поясники. Если и появится опасность, то она придет сюда, на орбиту.

— Всем кораблям, — сказал он. — Удачи. Попусту не рискуйте.

— Говорит Хекстер. Лью, что-то на канале Земли.

Лью покрутил настройку частоты:

— Не могу найти.

— Частота чуть ниже.

— О! Естественно... Проклятие, оно зашифровано. Почему зашифровано?

— Может быть, у них появились маленькие секреты, — предположил Тартов. — Что бы там ни содержалось, теперь есть хорошая причина быстро покончить со всем этим.

— Да. Вы идите вперед и высаживайтесь. А я отошлю это на Цереру для декодирования. На получение ответа уйдет двенадцать часов, но какого черта?

Почему сообщение оказалось закодированным?

Лит Шеффер мог бы ответить на этот вопрос.

Даже сейчас, сидя в своем кабинете в каменных глубинах Цереры, в то время как пузырь Родильного описывал со скоростью улитки свою орбиту в тридцати милях над головой, Лит готовил ноту с извинениями в адрес ООН.

Это была труднейшая из всех работ, которые ему приходилось делать! Но иного выхода не было.

Полторы недели назад с Нептуна пришло мазерное сообщение. История Гарнера подтвердилась: он отправился на Нептун в погоне за чрезвычайно опасным инопланетянином. Лит нахмурился и приказал немедленно прекратить домогательства в отношении земных перевозок.

Однако ущерб уже был нанесен. Две недели Пояс гонениями реагировал на скудные поставки с Земли. Это были настоящие гонения: он шифровал мазерные передачи, даже прогнозы солнечной погоды, в нарушение вековых традиций; использовал свою шпионскую сеть столь активно, что само ее существование стало оскорбительно очевидным. Секретность и подозрительность вошли в обиход, чего не бывало еще никогда. Земля отвечала в том же духе.

Теперь Пояс перестал использовать шифры, но Земля продолжала.

Содержали ли шифровки жизненно важную информацию? Почти наверняка нет, полагал Лит. Некоторые раскодированные сообщения, выбранные случайным образом, вызывали у него только скуку. Но Пояс не мог быть уверен до конца, в чем, конечно, и заключалась вся идея.

А корабли Пояса досматривались в портах Земли с оскорбительной дотошностью.

Настало время покончить с недоверием. Лит заскрежегал зубами и продолжил писать.

Сообщение начало повторяться, и Ллойд выключил его решительным движением.

— Она почувствовала его смерть, — сказал Люк. — Она об этом не знала, но ощутила, что он умер.

Его мысли неслись сами по себе... Она почувствовала его смерть. Каким образом некоторые люди узнают то, о чем узнать никак невозможно? В последнее время таких случаев было все больше. Люк никогда не обладал даже задатками пси-возможностей и завидовал немногим счастливым, умевшим находить потерянные кольца или спрятавшихся преступников без малейших усилий, скупно поясняя: «Я подумал, что вы могли уронить его в майонез» или

«Меня озарило, что он прячется в подземке и питается арахисом из торговых автоматов». Парапсихологи с их специальными картами доказали, что пси-силы существуют, но почти за двести лет дальше этого не продвинулись, если не считать псионных устройств вроде машины для контактов. Слово «псионика» же, по мнению Люка, означало «не знаю, как работает проклятая штука».

Как Джуди поняла, что «Золотое кольцо» разбилось? Ответ узнать невозможно, поэтому остается повесить на загадку табличку «ТЕЛЕПАТИЯ».

— И даже тогда, — сказал Люк, не заметив, что разговаривает вслух, — она ухитрилась обмануть себя. Потрясающе!

— В самом деле?

Люк резко повернул голову. Ллойд был напуган и даже не пытался этого скрыть. Он сказал:

— «Золотое кольцо» было очень прочным кораблем. Его двигатель находился в днище, помнишь? Днище было сделано так, чтобы выдерживать ядерный нагрев. А взрыв произошел под ним.

Люк почувствовал, как его захлестывает такой же страх.

— Мы это выясним прямо сейчас. — Он коснулся пульта. — Слушать всем кораблям. Андерсон, что ты знаешь о «Золотом кольце»?

— Да, я слышал ваш разговор. Такое могло случиться. Строители свадебного корабля отлично знали, что один несчастный случай, одна поломка способны разрушить бизнес на миллиарды марок. Они строили корабли, которые не ломаются. Жилой отсек «Золотого кольца» относительно меньше, чем у любого другого корабля из находящихся здесь, просто потому, что конструкторы добавили так много лишнего веса в стенки и в системы аварийной защиты.

Курилка произнес унылым тоном:

— А мы остались вне игры.

— Черта с два. Это сообщение было зашифровано. Ллойд, наведи мазер на Плутон. Надо предупредить поясников. Курилка, есть ли у вас сигнал типа SOS, который мы могли бы использовать?

— Нет необходимости. Они вас услышат. Но в любом случае уже поздно.

— Что ты имеешь в виду?

— Они спускаются.

Кзанол медленно шел сквозь тоннель. Там, куда падал свет, стенки отсвечивали тускло-белым. Постепенно Кзанол научился сохранять правильное расстояние от исчезающей дальней стены, следуя за лучом дезинтегратора, так что он двигался в наклонном цилиндре шести футов в диаметре. Ветер с ревом проносился мимо него и переставал быть ветром; это были летящие в вакууме и малой гравитации частицы пыли и льда, плотно забивающие тоннель позади.

Второй скафандр находился в двухстах футах, за концом наклонной трубы.

Кзанол посмотрел вверх. Отключив дезинтегратор, он стоял в ожидании, охваченный яростью. Они осмелились! Они как раз за зоной контроля, слишком далеко. Двигаются быстро, но сбрасывают скорость по мере приближения. Он ждал, готовый убивать.

Однако, поразмыслив, остановился. Ему нужен корабль, чтобы улететь с Плутона; его собственный корабль погиб в огне. Над ним одноместные суда, бесполезные для него, но он знает, что приближаются и другие. Нельзя их спугнуть.

Он позволит этим кораблям совершить посадку.

Одноместный корабль Лью висел носом вниз над поверхностью Плутона. Лью сам настроил гироскопы. Корабль останется в этом положении долго, возможно, до их износа. Но Лью ничего не мог разглядеть. Поверхность планеты была скрыта пеленой кипящих штормовых облаков.

Лью знал, что несколько минут назад миновал Полумесяц Котта. Он слышал слабое гудение включенной радиации. Теперь, возвышаясь над искривленным горизонтом, к нему приближался шторм внутри шторма: титанический вихрь, над которым он пролетал уже дважды. Плутон со-

вершает один оборот вокруг оси месяцами¹. Только могучий поток воздуха, возникший внезапно и примчавшийся с другой стороны планеты, мог набрать достаточную боковую скорость, чтобы создать такой небесный водоворот лишь на основе эффекта Кориолиса. Вдоль бурлящего края мерцали языки пламени, но центр представлял собой широкий круг спокойной, чистой, близкой к вакууму пустоты, простиравшейся до поверхности ледяного плато.

По радио донесся голос Гарнера:

— ...Пожалуйста, ответьте немедленно, чтобы мы знали, все ли в порядке. Есть реальная возможность того, что инопланетянин выжил при аварии, а в этом случае...

«Теперь ты мне об этом рассказываешь, все знающий заранее сукин сын!»

Лью не мог говорить. Его язык и губы застыли так же, как и остальные мышцы. Он прослушал все сообщение; оно повторялось и повторялось. Голос Гарнера звучал теперь беспокойнее, чем десять минут назад.

Ураган был почти под ним, и он смотрел прямо в глаз урагана.

От одного из темных пожаров на краю глаза язык пламени протянулся внутрь.

Это было похоже на первый взрыв, тот, который он наблюдал через телескоп. Но теперь-то Лью находился рядом! Все плато внизу исчезло в многоцветном пламени за первые же двадцать секунд. С неторопливым безразличием сонного гигантского ленивца в холодное утро огонь поднялся и дотянулся до корабля. То был огонь и лед, куски льда, достаточно большие, чтобы различать их глазами; горящий лед, вздымающийся и набирающий высоту и мощь; огненная тварь, тянущаяся, чтобы поглотить Лью.

Бега випринов. Горбатые скелетоподобные твари, похожие на огромных гончих-альбиносов, казалось, скользили над грязной поверхностью дорожки. Ноздри-воздухозаборники раздувались, кожа масляно блестела. Они

¹ По современным данным, сутки на Плутоне составляют примерно шесть с половиной дней.

мчались и мчались вокруг зрителей, стоявших, затаив дыхание, в центре круга. Воздух был полон Силы: тысячи тринтов отчаянно метали команды своим фаворитам, прекрасно зная, что у мутантного виприна нет мозгов, чтобы их воспринять. И Кзанола, сидящий на одном из самых дорогих мест, сжимающий бледно-лиловую пластиковую веревочку, знающий, что от этой гонки зависит, будет ли он вести жизнь изыскателя или же зрителя машин-уборщиков. Он уйдет отсюда или с коммерциалами в количестве, достаточном для приобретения корабля, или вообще без ничего.

Ларри отбросил воспоминания. Это был слишком поздний период жизни Кзанола. Он хотел вспомнить куда более раннее время. Но его мозг был словно затуманен, воспоминания тринта — размыты и трудноуловимы. Будучи Кзанолом-Гринбергом, он не имел проблем с памятью, а будучи Ларри, он нервничал из-за ускользающих воспоминаний.

Самым ранним из воспоминаний Кзанола, которое Ларри смог вызвать, была сцена с подсолнечниками.

У него кончились сигареты. Они могли лежать у пилота в кармане, но Ларри был не в состоянии до него дотянуться. И он был голоден — не ел уже десять часов. Гнал бы помог. Определенно помог бы, поскольку убил бы его за секунды. Ларри оторвал пуговицу от рубашки и положил в рот. Она была круглая и гладкая, очень похожая на гнал.

Посасывая ее, он позволил своему сознанию раствориться.

Три корабля опустились на обратной стороне того, что оставалось от Полумесяца Котта. Пилоты в кабинах неподвижно сидели и ждали инструкций, охваченные яростью и осознающие свое бессилие. В четвертом корабле... Пищевые усики Кзанола встали торчком, стоило ему приглядеться.

Как будто он зондировал собственные впечатления от крушения. Яркий горящий ветер, Вселенная, заполненная ревушим, терзающим пламенем и сокрушительными ударами.

Ладно, в Лью он вроде уже не нуждается. Кзанол включил дезинтегратор и зашагал дальше. Что-то ярко заблестело сквозь темную стену льда.

— Они не отвечают, — сказал Ллойд.

Постоянное торможение в один «же» заставляло Люка сутулиться. Слишком мало, слишком поздно... Пояс потерял поражение.

Но потом Гарнер сказал, пришурившись:

— Они блефуют.

Мэсни обернулся к нему с немым вопросом.

— Точно. Они блефуют, Ллойд, — повторил Гарнер. — Глупо было бы поступить иначе. Мы дали им такой идеальный шанс! Как открыть четыре пики в пятикарточном стад-покере. Превосходная возможность заставить нас сражаться не с тем врагом.

— Но если бы они были захвачены, мы тоже получили бы в ответ только молчание.

Люк говорил отрывистыми фразами, находя объяснения.

— Правильно. В любом случае радио бы молчало. Но и наш ответ в любом случае был бы один: стрелять на поражение. Либо флот возвращается с усилителем, либо усилитель оказывается в руках инопланетянина, летящего завоевывать Землю. Так и так нам придется атаковать.

— Ты ведь знаешь, что это означает?

— Скажи мне.

— Нам придется первыми убить Этвуда и Курилку. И Андерсона.

— Ох-ох. Насчет Этвуда — правильно. Он никогда не позволит нам стрелять в своих друзей, даже если они превратились в рабов. Но мы можем надеяться, что Андерсон возьмет Курилку под контроль.

— Как у тебя с координацией движений?

— У меня?

Люк призадумался. Неуверенные, трясущиеся руки, неуклюжие пальцы, плохой контроль сфинктерных мышц. Последствия паралича.

— Ты снова прав. Курилка делает из Андерсона фарш. — Гарнер шумно вздохнул. — Нам придется разнести оба корабля.

— Люк, обещай мне... — Мэсни выглядел как сама смерть. Он и так был пожилым человеком и какое-то время умирал с голоду. — Я хочу, чтобы ты дал клятву: как только мы разнюхаем, где усилитель мыслей, так сразу уничтожим его. Не захватим, Люк. Уничтожим!

— Хорошо, Ллойд. Я клянусь.

— Если попытаешься доставить его домой, я тебя убью. Я не шучу.

Его палец, слишком большой палец в слишком большом рту с маленькими игольчатыми зубами. Кзано! лежал на боку, просто комок плоти, и сосал свой палец, потому что был голоден. Он всегда будет голоден.

Вошел кто-то огромный, заслонив свет. Мать? Отец? Его рука дернулась, презрительно выдернув палец изо рта и больно оцарапав его о новые зубы. Он попытался поместить палец обратно, но тот больше не двигался. Кто-то могучий и массивный велел ему никогда так больше не делать. Он никогда больше так не делал.

Ментальной защиты тогда еще не было. Забавно, как врезалась в память эта картина раннего разочарования.

Еще что-то...

Комната полна гостей. Ему четыре тринтских года, и ему впервые позволили выйти в общество. Отец с гордостью показал его гостям. Но шум, телепатический шум, был слишком громким. Он сразу же стал стараться думать как все. Это его напугало. Произошло что-то ужасное. Струя темно-коричневого полужидкого вещества вырвалась из его рта и растеклась по стене. Он публично испражнился.

Гнев, режущее-красный гнев. Он вдруг потерял контроль над конечностями; он побежал, спотыкаясь, к двери. Гнев отца и собственный стыд — или стыд отца? Он не мог понять. Но это было больно, и он боролся с этим, закрыл для него свое сознание. Подобно задутому пламени исчез отец, исчезли гости, исчезло все. Он оказался один

в пустом мире. Он остановился, перепуганный. Другие сознания вернулись.

Его отец был горд, горд! Маленький четырехлетний Кзанол уже обладал Силой!

Ларри соорудил хищную ухмылку и встал. Его скафандр... в салоне, на одном из кресел. Он поднял скафандр, натянул и вышел наружу.

Кзанол дергал огромный блестящий предмет, пока не высвободил его из льда. Штуковина напоминала уродливого великана, лежащего на боку.

Позади лед плотно забил тоннель, и тот, в сущности, стал воздухонепроницаемым. Тем лучше. Используя сжатый воздух собственного скафандра, Кзанол заполнил свою ледяную комнату. Он нахмурился, взглянув на указатели у себя на груди, и снял гермошлем.

Воздух был холодным и разреженным. Но зато не придется тащить шлем-усилитель до корабля. Можно надеть его здесь.

Кзанол глянул на лежащий скафандр и сообразил, что потребуется помощь, чтобы доставить его обратно. Кзанол направил свое Вниманье к Ларри Гринбергу. И обнаружил пустоту.

Гринберг исчез.

Умер? Нет, Кзанол бы точно это почувствовал.

Нехорошо, просто очень нехорошо. Гринберг предупредил, что попытается ему помешать. Раб уже, наверное, в пути, и его ментальная защита в полном порядке. К счастью, усилитель его остановит. Он взял бы под контроль даже взрослого тринта.

Кзанол наклонился, чтобы перевернуть скафандр на лицо. Тот был не тяжелым, однако массивным. Но сдвинулся.

Шел снег. В разреженном воздухе снежинки сыпались, словно щебень, подброшенный взрывом. Снег падал с такой силой, что мог убить незащищенного человека. Упав, он слипался в плотный слой, приятно хрустевший под ногами.

К счастью, Гринбергу не нужно было смотреть по сторонам. Он ощущал, где находится Кзанола, и уверенно шел в том направлении. Его скафандр уступал кзаноловскому. Холод потихоньку просачивался в перчатки и сапоги. Но Ларри терпел и худшее в лыжных походах; тогда это ему нравилось.

Потом его мозг захлестнуло Силой. Тут же взметнулась ментальная защита. Волна мгновенно исчезла. Но теперь он не мог найти Кзанола. Тринт тоже установил ментальный щит. Ларри постоял в растерянности, потом зашагал дальше. При нем компас, так что кругами ходить не придется. Но Кзанола теперь знает о его приближении.

Постепенно в сознании всплыло остаточное изображение. Всеми своими чувствами: зрением, слухом, осязанием — и кинестетическими нервами он ощутил, что делал Кзанола в момент выброса Силы.

Он склонился над вторым скафандром.

Слишком поздно.

Ларри не мог бежать, скафандр для этого не был приспособлен. В приливе отчаяния он осмотрелся, потом, поскольку это никак не могло помочь, пошел дальше.

Идти. Стряхнуть лед с лицевого щитка и идти.

Идти, пока тебе не прикажут остановиться.

Полчаса спустя, через час после того, как Ларри покинул корабль, он заметил порошкообразный снег — легкий и пушистый, совсем не похожий на падающие ледяные пули. Следы раскопок Кзанола. Это послужит указателем.

Порошкообразный снежный покров все утолщался, пока вдруг не вырос в снежную гору. Попытавшись забраться на нее, Ларри съехал обратно в белом вихре. Но ему надо попасть туда! Когда Кзанола откроет скафандр, все будет кончено.

Он продолжал взбираться.

Ларри был уже на полпути к вершине, он почти изнемог, но тут склон зашевелился. Снег густо вылетал наружу и падал медленным фонтаном. Ларри поспешно съехал обратно, чтобы его не похоронило живо.

Снег продолжал вылетать. Кзанола прокапывал себе лаз... Но почему он не надел шлем?

Фонтан стал выше. Частицы льда, замерзшие на высоте многих миль в сгоревшей и теперь остывающей атмосфере Плутона, пролетали насквозь и прилипали к скафандру Ларри. Ему приходилось двигаться, чтобы не очутиться в сплошном ледяном коконе. Теперь он весь был покрыт коркой полупрозрачного льда, растрескавшейся на сочленениях скафандра.

Внезапно он понял ответ. Губы растянулись в счастливой улыбке, и дельфинье чувство юмора весело всплыло на поверхность.

Кзано́л выбрался из тоннеля и вытащил бесполезный запасной скафандр. Ему пришлось расчищать дорогу дезинтегратором, и взбираться на тридцатиградусный уклон, и волочить груз, равный собственному весу, находясь в скафандре, весившем почти столько же. Кзано́л очень устал. Будь он человеком, заплакал бы.

Вид уходящего вниз склона его почти доконал. Пробираясь через все это?.. Но он вздохнул и сбросил второй скафандр с холма. Посмотрел, как тот скатился к подножию и застыл, полузасыпанный. Затем Кзано́л последовал за ним.

Снег падал все сильнее, сотни тысяч тонн свежесформованной воды замерзали и сыпались; планета старалась восстановить равновесие при сорока градусах выше абсолютного нуля. Кзано́л продвигался вслепую, ставя одну большую куриную ногу перед другой, при каждом шаге вздрагивая от сотрясения, держа сознание закрытым, потому что он помнил: Гринберг где-то поблизости. Разум отупел от усталости и чуждого холода.

Он уже был на полпути вниз, когда снег вздыбился перед ним наподобие гигантского тринта. У Кзано́ла перехватило дыхание, и он остановился. Фигура хлопнула рукавицей по лицевому щитку, толстый лед раскололся и осыпался.

Гринберг! Кзано́л поднял дезинтегратор.

Почти небрежно, с истинно дельфиньей улыбкой, Гринберг протянул руку и ткнул застывшим указательным пальцем в грудь Кзано́ла.

Одноместный корабль облетал Плутон слишком долго — целых тридцать четыре часа. Гарнер и Мэсни спали по очереди, чтобы следить за экраном телескопа и не прозевать актиническую полосу улетающего корабля. Переговоры между кораблями их флота почти не велись. Каждый разговор был серьезным испытанием, ибо все знали, что сражение очень близко, но никто не хотел даже намекнуть на такую возможность. Но вот одноместный корабль Лью даже при выключенном двигателе стал виден на экране телескопа. И Люк, наблюдая, хотя это была не его вахта, наблюдая, хотя он знал, что должен спать, наблюдая сквозь веки, уподобившиеся наждачной бумаге, наконец произнес магические слова:

— Они не блефуют.

— Откуда такой внезапный вывод?

— Никакого смысла, Ллойд. Тут хоть блефуй, хоть не блефуй, но флот должен был бы сняться с места, как только они нашли бы усилитель. Чем дольше они ждут, тем более уравниваются наши скорости, тем точнее будут наши стрелы. Они находятся внизу слишком долго. Их захватил инопланетянин.

— Я все время так и считал. Но почему он сам не улетел?

— На чем? На Плутоне только одноместные корабли. Он не может улететь. Он поджидает нас.

Проведенное совещание не только принесло облегчение, но и дало практические результаты. Одним из которых явилось то, что Вуди Этвуд провел тридцать часов, стоя в воздушном шлюзе «Иводзимы».

Почтительного расстояния в четыре миллиона миль вполне хватало для флота поясников. Гарнер решил, что оно достаточно и для них. Его корабль и еще один сделали остановку в космическом пространстве, сохраняя удобную тягу в один «же». Третий отправился своим путем и был теперь в нескольких сотнях миль над все еще покрытой облаками поверхностью.

— Странно, — сказал Курилка. — Как только ты решаешь, что одним из наших кораблей можно пожертвовать, это оказывается корабль Пояса.

— Ну, Старый Курилка, а каким кораблем воспользовался бы ты?

— Не путай меня своей логикой.

— Слушай, — произнес Мэсни.

По радио хотя и слабо, но вполне четко донесся то нарастающий, то затухающий вопль, словно от воздушной сирены.

— Это сигнал бедствия «Ленивой восьмерки», — сказал Андерсон.

Корабль номер шесть теперь стал роботом. Привод одностороннего корабля управлялся с пульта «Хайнлайна». Андерсон включил двигатели ориентации и общий разгон, наблюдая на экране «Хайнлайна» сигнал от телескопа номера шесть. Разумеется, они должны были использовать односторонний корабль. Корабль Земли, рассчитанный на двоих, был бы как раз тем, в чем отчаянно нуждался инопланетянин.

— Ну что, опустим его?

— Давайте посмотрим, как там Лью, — сказал Вуди.

Андерсон направил односторонний корабль туда, где флагман обращался вокруг Плутона, выключил тягу и подогнал его поближе вспомогательными двигателями. Наконец он и четверо остальных увидели замерзшие, забуренные края колпака над рубкой Лью. На металлическом крае виднелись следы жара. Лью был там — фигура в высоком тонком металлическом скафандре, — но он не двигался. Он был мертв или парализован.

— Сейчас мы ничего не сможем для него сделать, — сказал Курилка.

— Правильно, — согласился Люк. — Нет смысла откладывать самый страшный момент. Опускайте корабль.

Сигнал бедствия шел с поля, засыпанного нетронутым снегом.

Андерсон за всю свою жизнь так не трудился. Что-то постоянно бормоча под нос, он удерживал корабль неподвижно, в миле над местом, откуда шел сигнал, пока снег не вскипел, дав дорогу. На экране «Хайнлайна» появилась сначала мгла, потом густой туман. Он включил инфракрасный прожектор. Это помогло мало. Молодой Андер-

сон несколько раз выразился так, что даже Курилка поморщился. Внезапно Андерсон замолчал, и все пятеро наклонились, чтобы лучше видеть.

Из льда появилось «Золотое кольцо».

Андерсон опустил одноместный корабль с предельной осторожностью. В момент посадки корабль загремел, как медный колокол. Картинка на экране затряслась.

В наступившем молчании через верхний шлюз «Золотого кольца» с трудом выбралась двуногая фигура. Она спустилась и двинулась к ним сквозь снег.

Свадебный корабль больше не был космолетом, но послужил хорошим местом для собраний и лазаретом. Особенно лазаретом, поскольку из десяти человек, сидевших вокруг стола для игры в кости, лишь двое были здоровы.

Ларри Гринберг, тащивший на каждом плече по тринтскому скафандру, вернулся к «Золотому кольцу» и обнаружил его почти захороненным во льду. Блестящая корка, покрывавшая верх корабля, была двадцати футов в толщину. Он смог проложить себе путь с помощью сварочного аппарата из комплекта инструментов скафандра, но к тому времени, как открыл шлюз, пальцы его рук и ног оказались обморожены. Почти три дня он ждал помощи. И был крайне разочарован, найдя номер шесть пустым, но смог передать сообщение, просто показав его наблюдателям через телескоп: «Все спокойно, спускайтесь».

Курилка Петропулос и Вуди Этвуд — только они пока были работоспособны — переместили парализованных поясников к «Золотому кольцу» на двухместных кораблях. Четверо пока могли только двигать глазами и разговаривать. Там, где из-под волдырей проглядывала кожа, руки, ноги и шея Лью казались поджаренными. Система охлаждения его скафандра не выдержала нескольких секунд погружения в раскаленный газ. Не будь газ столь разреженным, пластиковые соединители в системах охлаждения и подачи воздуха точно бы расплавились — о чем он будет снова и снова рассказывать годы спустя любознательным слушателям. Но это годы спустя. Потом остальные вспомнят, что все были одеты в скафандры, когда получили при-

каз разбить свои лобовые стекла, и что, если бы Курилка и Вуди не нашли их в таком виде, они бы все умерли от голода в своих кораблях.

А сейчас они в безопасности.

Гарнер и Андерсон уже почти вышли из искусственного паралича, который теперь проявлялся только в нарушениях координации.

— Итак, мы это сделали, — сказал Люк, с сияющей улыбкой глядя на всю компанию. — А я боялся, что Последняя война начнется на Плутоне.

— Я тоже, — произнес Лью, чуть невнятно выговаривая слова. — Мы боялись, что вы не поймете намека, когда мы были не в состоянии ответить. Вы могли решить, что это какая-то глупая уловка. — Он зажмурился, отбрасывая воспоминания. — Так что же делать с запасным скафандром?

Всеобщее внимание обратилось к нему. Собственно, с целью обсудить этот вопрос они тут и собрались.

— Нельзя допустить, чтобы его захватили земляне, — сказал Курилка. — Они могут его открыть. А у нас нет их замедлителя времени.

Не глядя на Люка, он добавил:

— Некоторые изобретения должны быть запрещены.

— Вы сможете соорудить замедлитель, проведя небольшое исследование, — сказал Гарнер, — так что...

— Сбросить скафандр на Юпитер, — посоветовал Мэсни. — Пристегнуть к корпусу «Хайнлайна», на котором полетим я и Вуди. Если мы оба вернемся живыми, вы будете знать, что он сброшен. Правильно?

— Правильно, — сказал Лью.

Гарнер кивнул. Остальные обдумали эту идею и нашли ее хорошей, несмотря на утрату знаний, которые будут захоронены вместе со скафандром. У Ларри Гринберга были и другие возражения, но он оставил их при себе.

— Все согласны? — Лью окинул взглядом салон. — Хорошо. Так в каком же из них усилитель?

Последовали две-три секунды растерянного молчания.

— В том сморщенном, с пустыми руками, — показал Гринберг.

Теперь все стало очевидным. Второй скафандр имел складки и выступы; конечности были искривлены; он выглядел просто как мешок. Но скафандр, который был Кзанолом...

Он лежал в углу салона, с согнутыми ногами и наполовину поднятым дезинтегратором. Даже в необычной форме рук и ног и в ничего не выражающем зеркале лица читались удивление и страх — вероятно, последние эмоции тринта. Еще должна быть ярость, ярость разочарования, которая овладела Кзанолом, когда он впервые увидел выпцветшее пятно там, где ранее находился спасательный выключатель второго скафандра.

Гарнер выпил залпом порцию шампанского из запасов свадебного корабля.

— Итак, решено. Морская статуя отправится обратно на Выставку сравнительных культур ООН. Скафандр с сокровищами будет скинут на Юпитер. Полагаю, что на Солнце было бы надежнее, ну да черт с ним. Гринберг, а куда полетишь ты?

— Домой. А потом, думаю, на Джинкс.

На лице Ларри Гринберга появилась улыбка, какая-то кисло-сладкая, по мнению Гарнера, но он так и не догадался о ее значении.

— Теперь они не смогут отказать мне и Джуди. Я единственный человек во Вселенной, способный читать письменность брандашмыгов.

Мэсни тряхнул головой и расхохотался. Смех у него был рокочущий, неудержимый, заразительный, как болезнь.

— Только, Гринберг, лучше не читай их мысли. Если не будешь осторожен, в конце концов превратишься в целый космический зверинец.

Остальные тоже рассмеялись, и Ларри улыбался вместе с ними, хотя он один знал, насколько справедливы слова Мэсни.

Или Гарнер догадался? Старик смотрел на него очень странным взглядом. А ну как и правда Гарнер догадался, что два миллиарда лет назад Кзанол захватил с собой раба-ракарлива в качестве сувенира и игрушки?..

Глупости.

Так что только Ларри будет об этом знать. Скафандр мог бы спровоцировать войну. Сейчас управляемый термояд столь же обычен, как электрогенераторы полтора века назад, и любая война может стать самой последней. Скафандр полетит на Юпитер. С ним обречен отправиться и раб-ракарлив, на целую вечность похороненный в мертвом безмолвии стазиса.

Смог бы Ларри Гринберг пожертвовать невиновным разумным существом даже для такой цели? Ларри, плюс дельфин, плюс тринт вообще не сомневался.

«Просто раб, — прошептал Кзанол. — Маленький, глупый, уродливый, стоит от силы полкоммерциала».

«Не может защитить себя, — подумал Чарли. — У него и прав-то нет».

Ларри подумал, что Джуди не должна узнать об этом даже случайно, и перешел к более приятным мыслям.

«О чем он размышлял? — спросил себя Гарнер. — Впрочем, он уже оставил эту мысль; я могу больше не следить за ним. Но я бы душу отдал за умение читать сознание в течение часа. При условии, что я сам мог бы выбрать этот час».

НА ДНЕ ЯМЫ

Через сто лет после выхода в космос Человек пришел к выводу, что Солнечная система почти изучена, и приступил к ее промышленному освоению.

За следующий век границы земной цивилизации существенно расширились. Старатели-поясники по экономическим причинам сосредоточились на Поясе астероидов. Корабли с термоядерными двигателями позволили заняться разработкой месторождений на планетах, но универсальные технологии добычи полезных ископаемых работали и в нулевой гравитации, и под горными обвалами. Но лишь Меркурий оказался достаточно богат, чтобы привлечь поясников.

Какое-то время Земля оставалась центром космической индустрии, однако образ жизни поясников столь разительно отличался от плоскоземельского, что раскол стал неизбежен.

Плоскоземельская фобия, непереносимость даже орбитальных полетов, на Земле воцарилась повсеместно и надолго. В свою очередь, многих поясников никакая сила не заставила бы приблизиться к планете.

Между Землей и Поясом астероидов шла экономическая борьба, но в горячую войну она никогда не перерастала. Эти культуры нуждались друг в друге, их связывала необходимость покорять звезды. В середине двадцать первого века в дальние рейсы отправились беспилотные рамроботы — корабли-разведчики с прямоточным двигателем Бассарда.

Ближе к концу двадцать первого столетия в пяти ближайших звездных системах зародились первые колонии: Джинкс, Вундерланд, Мы Это Сделали, Плато и Дно. Ни один из этих миров не имел полного сходства с Землей. Инженерам, программировавшим рамроботов, не хватило воображения. Некоторые результаты их недальновидности описаны в этом сборнике.

На Земле были признаны разумными три разновидности китообразных, что подтвердила соответствующей декларацией ООН. Но су-

дебный процесс против наций, ранее занимавшихся китобойным промыслом, они не выиграли, да и не стремились выиграть, а стремились затянуть до бесконечности — слишком уж понравилось им упражняться в юриспруденции.

Л. Н.

Двенадцатью этажами ниже сада, разбитого на крыше отеля, виднелись цитрусовые плантации, пастбища и фермерские хозяйства. Их ровные прямоугольники расходились во все стороны, загибаясь все выше и выше. В пяти милях сверху сияла ядерная солнечная установка, вытянувшаяся по оси слегка выпуклого цилиндра Фермерского астероида. Еще пятью милями выше находилось небо — лоскутное одеяло из небольших полей, разделенное кольцом озер и вытекающих из них рек. Небо, усыпанное крошечными красными вспышками тракторов с автоматическим управлением.

Лукас Гарнер рассеянно блуждал взглядом по твердому небесному своду. По приглашению правительства Пояса он впервые оказался в полом мире, объединив отдых от напряженной работы в Объединенных Нациях с возможностью получить новые впечатления, — редкая удача для человека в шестидесятилетнем возрасте. Он чувствовал приятное волнение, рассматривая закругленное небо, состоявшее из расплавленных скальных пород и привозной почвы.

— В контрабанде нет ничего предосудительного, — заявил Лит Шеффер.

Небосвод над головой был усеян отелями, словно фермерский мир превращался в город. Гарнер знал, что это не так. Эти отели, как и отели в других полых мирах, служили для тех редких случаев, когда требовалась обстановка, напоминающая Землю. Самим поясникам дома не нужны. Дом поясника — его скафандр.

— Вы хотите сказать, — вернулся Гарнер к разговору с хозяином отеля, — что контрабанда ничем не отличается от карманной кражи?

— Как раз это я не хотел сказать.

Шеффер достал из кармана комбинезона что-то черное и плоское и положил на стол.

— Я собираюсь послушать это чуть позже. На Земле, Гарнер, карманная кража не считается преступлением. Должно быть, из-за того, что вы вечно собираетесь в кучу. Вы так и заставили работать закон, запрещающий потрошить карманы. В Поясе же контрабанда противозаконна, но не предосудительна. Это похоже на ситуацию, когда плоскоземелец не заплатил за парковку. Вы не роняете при этом своего достоинства. Если вас поймали, вы просто платите штраф и забываете об этом.

— Ах вот как.

— Если кто-то захочет переслать свое добро через Цереру — это его дело. Такая пересылка обойдется ему ровно в пятьдесят процентов. Если же он решит, что сможет ускользнуть от золотокожих, — это опять же его собственный выбор. Но если мы поймаем его, то конфискуем весь груз и все будут смеяться над ним. Никто не станет жалеть неудавшегося контрабандиста.

— Именно это и хотел сделать Мюллер?

— Ха! Он вез очень ценный груз — двадцать килограммов чистейших монополей¹ северной полярности. Искушение было слишком сильным. Он пытался прошмыгнуть мимо нас, но наш радар засек его. И тогда он сделал глупость. Попробовал пройти по краю ямы. Должно быть, он направлялся к Луне, когда мы его обнаружили. Церера с ее радаром уже была позади. Но наши корабли преградили ему дорогу и двинулись навстречу с ускорением в два «же». Его старательский корабль не мог выдать больше половины «же», поэтому мы рано или поздно подтянули бы его к борту, как он ни рыпайся. И тут он заметил, что Марс прямо у него по курсу.

— Яма, — уточнил Гарнер; ему приходилось иметь дело со многими поясниками, и он успел ознакомиться с их сленгом.

¹ *Монополи* — гипотетические частицы с однополярным магнитным зарядом.

— Она самая. Первым побуждением любого поясника было бы изменить курс. Нас учили избегать гравитационных колодцев. Приблизившись к яме, человек может погибнуть полудюжиной разных способов. Хороший автопилот сумел бы благополучно провести его по краю ямы, или рассчитать выход из штопора, или даже, упаси меня боже, посадить на поверхность. Но у старателей не бывает хороших автопилотов. А с плохими никто не рискует приближаться к яме.

— Вы к чему-то клоните, — печально сказал Гарнер. — Сделка?

— Вы слишком стары, чтобы вас можно было одурачить.

Иногда Гарнер и сам в это верил. В какой-то момент, между окончанием Первой мировой войны и созданием второго полого мира, он научился читать выражение лиц точно так же, как другие читают следы. Нередко это помогало сэкономить время — и Гарнер считал, что его время стоит экономить.

— Продолжайте, — попросил он.

— Второе, что пришло в голову Мюллеру, — это попытаться использовать яму. Выход из штопора обеспечивал ему более резкое изменение курса, чем то, чего он добился бы, понадеявшись на двигатель. Был как раз подходящий момент, Марс закрыл бы его маневр от Цереры. Он мог бы к тому же пройти чертовски близко к поверхности. Атмосфера Марса такая же жидкая, как мечты плоскоземельца.

— Покорно благодарю, Лит. Но разве Марс принадлежит не Объединенным Нациям?

— Только потому, что мы никогда не претендовали на него.

Значит, Мюллер нарушил границу.

— Продолжайте. Что с ним произошло дальше?

— Пусть он сам расскажет. Это его бортовой журнал.

Лит Шеффер произвел какую-то манипуляцию с черной плоской коробочкой, и из нее послышался мужской голос.

20 апреля 2112 года

Небо плоское, земля плоская, и они сливаются где-то в бесконечности. Звезд не видно, кроме одной большой, которая выглядит немного крупней, чем если смотреть из Пояса, и цвет ее меняется к тускло-красному, как и цвет самого неба.

Это дно ямы, и я, должно быть, сошел с ума, когда рискнул сюда сунуться. И вот я здесь. Я спустился и остался в живых. Вот уж не ожидал, что такое возможно.

Это была безумная посадка.

Вообразите себе вселенную, половину которой заменили некоей бурой абстракцией, слишком далекой и слишком большой, чтобы различить какие-то значимые детали, когда она пролетает мимо вас в адской свистопляске. Причудливый звон, не похожий ни на что когда-либо слышанное вами, проникает сквозь стены, словно это захлопал крыльями ангел смерти. Стены перегрелись. Охлаждающая система скулит даже громче, чем свистит бьющийся о корпус воздух. Затем, будто бы вам недостаточно других проблем, сам корабль начинает дрожать, как смертельно раненный динозавр.

Это оторвались топливные баки. Все четыре внезапно и одновременно срезали стыковочные болты и закружились перед моими глазами, вишнево-красные от перегрева.

Теперь мне оставалось только выбирать из двух зол. И выбирать очень быстро. Если я продолжу двигаться по параболе, то вылечу в открытый космос в неизвестном направлении и с тем топливом, что еще осталось во внутреннем охлаждающем баке. Система жизнеобеспечения позволит мне протянуть не больше двух недель. Не так уж много шансов добраться куда-нибудь за это время с ограниченным запасом топлива, и при этом еще придется следить, не догоняют ли меня золотокожие.

Зато топлива в охлаждающем баке хватит, чтобы совершить посадку. Даже возле Земли корабль расходует совсем немного топлива на вход и выход из «домашнего» гравитационного колодца. Большая его часть сгорает при быстром маневрировании. А Марс меньше Земли.

Ну и что дальше? Я все равно не продержусь больше двух недель.

И тут я вспомнил про старую базу «Лакус Солис»¹, заброшенную семьдесят лет назад. Безусловно, я смог бы оживить их систему жизнеобеспечения настолько, чтобы хватило на одного человека. И даже с помощью электролиза получить из воды водород. Это не так рискованно, как выныривать в неизвестность.

Правильное это было решение или нет, но я пошел на посадку.

Звезды исчезли, и земля вокруг выглядела нелепо. Теперь я понимаю, почему обитателей планет называют плоскоземельцами. Я чувствую себя, как комар на столе.

Сижу здесь и вздрагиваю от испуга при одной только мысли о выходе наружу.

Под темно-красным небом раскинулось пыльное море с разбросанными по нему как попало стеклянными пепельницами. Самые маленькие, прямо напротив входа, имеют не больше двух-трех дюймов в диаметре. Самые большие в поперечнике достигают мили. Когда я снижался, радар показал фрагменты более крупных кратеров, скрытых в глубине под пылью. Пыль рыхлая и мелкая, почти как песок. Я сел легко, словно перышко, но корабль погрузился в нее до середины высоты жилого модуля.

Я очутился возле кромки кратера, того самого, что приютил старую базу плоскоземельцев. Сверху база похожа на огромный прозрачный плащ, сброшенный на потрескавшийся пол.

Жутковатое место. Но рано или поздно я должен отправиться туда; как еще можно включить систему жизнеобеспечения базы?

Дядя Бэт частенько говорил мне, что глупость карается смертью.

Завтра я выйду наружу.

¹ Solis Lacus (Озеро Солнца) — темная область на поверхности Марса, очертаниями напоминающая человеческий глаз. Locus Solus (лат.) — уединенное, особенное место.

21 апреля 2112 года

Часы подсказывают, что сейчас утро. Солнце огибаёт другую сторону планеты, и без него небо уже не кажется таким кровавым. Оно почти похоже на открытый космос, если вы помните, как он выглядит в стороне от гравитационных колодцев, хотя звезды светят тускло, словно сквозь матовый пластик. Из-за горизонта показалась большая звезда, вспыхивая и угасая, как вращающийся бриллиант. Должно быть, это Фобос, потому что он появился со стороны заката.

Я выхожу. Продолжу позже.

Корабль окружен чем-то вроде вогнутой стеклянной раковины, образовавшейся из расплавленной пыли на том месте, где ее обожгло пламя при посадке. Жилой отсек, та его часть, что не погрузилась в пыль, покоится в самом ее центре, словно лягушка на кувшинке в Родильном астероиде. Раковина покрылась паутиной трещин, но она достаточно прочная и по ней можно ходить.

Не то что по пыли.

Пыль напоминает густое масло. Как только я ступил на нее, меня тут же начало засасывать. Пришлось чуть ли не вплавь добираться до края кратера, как до берега. Это было нелегким делом. К счастью, раковина с одного края примыкает к скалистой кромке кратера, так что мне не понадобится снова повторять это упражнение.

Странная она, эта пыль. Не думаю, что ее можно найти где-то в другом месте. Это остатки сгоревших в атмосфере метеоритов, осевшие на поверхность планеты. На Земле такую мелкую пыль смыло бы дождями в море, и она превратилась бы в осадочные породы, в натуральный цемент. На Луне она подверглась бы вакуумной цементации, этому проклятию для микротехнологий Пояса. Но здесь как раз хватает «воздуха», чтобы пыль поглощала его — препятствуя вакуумной цементации, но не настолько, чтобы остановить метеориты. В результате эта пыль совсем не похожа на цемент. Она ведет себя как вязкая жидкость. Вероятно, единственные твердые поверхности на планете — это метеоритные кратеры и горные хребты.

С высотой склоны кратера становятся все более неровными. Это изломанные, торчащие под углом глыбы вулканического стекла. Края у них острые, почти как бритва. Должно быть, этот кратер образовался сравнительно недавно. У его подножия лежал полупогруженный в неглубокое пыльное озеро купольный город. При такой силе тяжести двигаться довольно легко — она чуть меньше, чем дает максимальное ускорение моего корабля. Тем не менее я едва не сломал лодыжку, спускаясь по скользким, покрытым пылью глыбам. Как и все прочие, этот кратер тоже напоминал разбитую пепельницу, кое-как сложенную заново, словно пазл.

Купол накрывал базу, как палатка, из которой выкачали воздух. Генератор воздуха стоял снаружи — огромный металлический куб, почерневший за семьдесят лет под воздействием марсианской атмосферы. Должно быть, его чертовски тяжело поднять. Не понимаю, как они сумели доставить его сюда с Земли на ракете с химическим или ионным топливом. А главное, зачем? Что им понадобилось на Марсе?

Если и существует где-нибудь бесполезный мир, то это он и есть. Он намного дальше от Земли, чем Луна. Сила тяжести здесь слишком большая. Никаких природных ресурсов. Стоит упасть давлению в скафандре, и весь вопрос сведется к тому, что случится быстрее: тебя разорвет декомпрессия или ядовитый диоксид азота разъест твои легкие?

Колодцы?

Где-то на Марсе спрятаны колодцы. Один из них нашла первая экспедиция в девяностых годах двадцатого века. Неподалеку лежало чье-то мумифицированное тело. Его разорвало от соприкосновения с водой, поэтому никто так ничего и не узнал о нем, включая его возраст.

Они надеялись отыскать живых марсиан? Если даже и так, чего добились?

Рядом с куполом стояли два двухместных марсохода. У них далеко разнесенные и очень широкие колеса, вероятно способные удержать марсоход на поверхности при

езде по пыльному морю. Но нужно тщательно выбирать место для остановки. В любом случае я не собираюсь ими пользоваться.

Думаю, генератор воздуха сможет заработать, если я подсоединю его к энергосистеме корабля. Ее батареи истощены, и теперь главную роль будет играть ядерная установка. К моим услугам тысячи тонн нужного для дыхания кислорода. Генератор выделит его из двуокиси азота, а также высвободит незначительное количество водяного пара. Затем я получу из воды водородное топливо. Но где взять энергию? На базе должны быть силовые кабели.

Вне всякого сомнения, я не смогу позвать на помощь. Антенны корабля расплавились при посадке.

Я взглянул на купол и увидел труп мужчины, распростертый всего в нескольких футах передо мной. Он умер от разрыва легких. Вероятно, я отыскал бы разрез в куполе, если бы у меня было время обойти его кругом и осмотреть.

Что же здесь произошло?

22 апреля 2112 года

Я заснул на рассвете. Период вращения Марса на самую малость длинней суток по корабельному времени, что очень удобно. Я могу работать, когда светят звезды и не видно пыли, это помогает сохранить рассудок. Но вот я уже позавтракал и сделал уборку на корабле, а до заката осталось еще два часа. Может быть, я просто трус? Я не могу выйти наружу днем.

Со стороны солнца небо, окрашенное двуокисью азота, напоминает свежую кровь. С другой стороны оно почти черное. И без единой звезды. Однообразие пустынной равнины нарушают лишь кратеры и повторяющийся узор пыльных дюн, настолько пологих, что заметны они лишь у горизонта. Что-то напоминающее прямую линию лунных гор уходит далеко в пустыню, но они разрушены, как скелет давным-давно умершего гиганта. Или это просто край древнего кратера? Должно быть, боги возненавидели Марс и потому поместили в самом сердце Пояса. Эта по-

трескавшаяся и покрытая пылью планета кажется символом старости и упадка. Такая эрозия может существовать только на дне ямы. Продолжу позже.

Почти рассвело. На звездном небе появились красноватые разводы.

После заката я вошел на базу через воздушный шлюз, который до сих пор действует. На ровном участке, напоминающем городскую площадь, лежали десять трупов. Еще один, не успевший натянуть скафандр, оказался в административном здании, а двенадцатого я еще вчера разглядел сквозь прозрачную стену купола. Двенадцать человек, и все они погибли от разрыва легких. Или от взрывной декомпрессии, если выражаться по-научному.

Лишь половину круглой по форме базы занимали дома. На остальной части не было ничего, кроме ровного пола из расплавленного песка. Детали сборных домов лежали на нем аккуратными штабелями: стены, потолки, перекрытия, готовые к монтажу. Думаю, обитатели базы ожидали пополнения с Земли.

В одном из домов нашлась электропроводка. Один конец кабеля я прикрепил к аккумулятору воздушного генератора, а другой подсоединил к своей ядерной установке. Пусть наполнит кислородные баллоны, которые я отыскал возле штабелей. Генератор начал засасывать двуокись азота под купол.

Теперь я знаю, что произошло с базой плоскоземельцев.

Купольный город опустел из-за убийства. В этом нет никаких сомнений. Когда я включил генератор, то сразу заметил струйки пыли, выдуваемой наружу. Купол был разрезан. Ножом, если судить по острой кромке прорехи. Его можно заделать, если я найду ремонтный комплект. Должны же они где-нибудь храниться.

Тем временем я получу кислород и воду. По мере заполнения баллонов кислород можно будет переливать в систему жизнеобеспечения. Там он преобразуется в обычный воздух, который я закачаю в резервуары. А воду можно

просто слить в туалетный бачок, если только я найду способ перенести ее на корабль. Может быть, в кислородных баллонах?

23 апреля 2112 года

Рассвет.

Административное здание служило также хранилищем записей. Они фиксировали все события в жизни базы, очень тщательно и ужасно скучно. Что-то наподобие корабельного журнала, но слишком многословно и утомительно. Как-нибудь потом я дочитаю его до конца.

Я нашел куски пластика, из которого изготовлен купол, и немного контактного клея. С их помощью я заделал разрез. Но купол так и не надулся. Я вышел наружу и нашел еще два разреза, точно таких же, как первый. Залатав их, я отправился на поиски новых. И нашел еще три. Когда их заклеил, уже приближался рассвет.

Кислородные баллоны держат воду, но их придется нагревать, чтобы вода испарилась и вышла наружу. Это нелегкая работа. Спрашивается, что лучше: так и поступить или починить купол и провести электролиз внутри его? Сколько там еще разрезв?

Я нашел еще шесть. Сколько же тогда было убийц? Не больше трех. Я насчитал в куполе двенадцать трупов, а в составе экспедиции, согласно записям, было пятнадцать человек.

Золотокожие так и не объявились. Если бы они решили, что я здесь, то давно уже сели бы поблизости. С запасом кислорода на несколько месяцев я без труда доберусь до цели, как только выкарабкаюсь из этой ямы.

24 апреля 2112 года

Еще два разреза в куполе, итого восемь. Они располагаются равномерно на расстоянии приблизительно в двадцать футов один от другого. Похоже, кто-то бежал вокруг купола и разрезал пластиковую оболочку, пока она еще была туго натянута. Я заклеил повреждения, и к моменту моего выхода из купола он заполнился воздухом.

Я дошел до середины журнала, и пока никто еще не видел марсиан. Однако я был прав, люди прилетели сюда именно ради этого. С тех пор нашли еще три колодца. Как и первый, они были сложены из шлифованных алмазных блоков, очень старых — вероятно, в десятки или сотни тысяч лет. На дне двух из них скопился грязноватый диоксид азота. Два других совершенно сухие. Каждый имел «информационный блок», покрытый непонятными полустертыми письменами. Согласно расшифрованным фрагментам, эти колодцы служили своего рода крематориями. Труп умершего марсианина взрывался, коснувшись поверхности жидкого диоксида азота. Это вполне объяснимо. Марсиане не были знакомы с огнем.

Я все еще не могу понять, зачем эти люди прилетели сюда. Что им могли дать марсиане? Если они хотели общения с негуманоидами, то в их родных океанах обитали дельфины и косатки. Столько трудов! Столько опасностей! И все лишь для того, чтобы перебраться из одной ямы в другую!

24 апреля 2112 года

Странно. В первый раз с момента посадки я не вернулся на корабль к тому времени, когда небо начало светлеть. Я только тронулся в обратный путь, только поднялся на кромку кратера, а солнце уже взошло. Стоя между двух остроконечных обсидиановых скал, я смотрел на свой корабль.

Он был похож на вход в Родильный астероид, куда направляют беременных женщин: полый мир длиной в десять миль и диаметром в пять, вращающийся вокруг продольной оси, создавая силу тяготения в один «же». Дети проводят там первый год жизни, и закон разрешает им до пятнадцатилетнего возраста ежегодно гостить на астероиде в течение одного месяца. Моя жена Летти сейчас находится там, дожидаясь, когда нашей дочке Дженис исполнится год и они смогут вернуться ко мне. Большинство старателей просто выплачивают налог на отцовство — приблизительно шестьдесят тысяч коммерциалов — либо одновременно, если могут себе это позволить, либо час-

тями, а потом забывают о своих детях, перекладывая на матерей всю заботу о них. Впрочем, иногда налог платят и матери. Но я постоянно думаю о Летти. И о Дженис. У меня в трюме хватит монополей и на подарки для Летти, и на воспитание Дженис, и на следующее путешествие, да еще останется на то, чтобы завести других детей. Если, конечно, Летти согласится, а я думаю, что так и будет.

На чем я остановился? Ах да, как я уже сказал, до того как отвлекся, мой корабль был похож на Родильный астероид, или на Фермерский, или на какой-нибудь подземный город. После потери топливных баков от него остался только двигатель, жилой модуль и грузовой трюм с магнитным экранированием. Над пыльным морем поднималась лишь верхняя половина жилого модуля — стальной цилиндр с массивным шлюзом, без остроконечного обтекателя, обычного для земных кораблей. Тяжелый двигатель ударился о скальное основание глубоко под слоем пыли. Даже не представляю, насколько глубоко.

Жилой модуль окружает раковина из расплавленной пыли. Интересно, не помешает ли она при взлете?

Как бы там ни было, но я перестал бояться дневного света.

Вчера я решил, что заполнил купол воздухом. Но это не так. Вероятно, под слоем пыли скрывались и другие разрезы, и, когда давление возросло, пыль сдуло, и купол опять просел. Я успел заделать еще четыре прорехи, прежде чем восход солнца остановил меня.

Один человек никак не мог сделать столько разрезов.

Оболочка купола очень прочная. Справится ли с ней обычный нож? Может быть, тут нужно что-то другое, например электрический резак или лазер?

25 апреля 2112 года

Большую часть дня я потратил на чтение журнала базы.

Там произошло убийство. Напряжение между пятнадцатью мужчинами, без единой женщины вокруг, может привести к вспышкам агрессии. В конце концов человек по имени Картер убил человека по имени Харнесс и, спасая свою жизнь, сбежал в пустыню на одном из марсоходов. За

ним в погоню отправился брат убитого. Ни тот ни другой не вернулись назад. Должно быть, у них закончился воздух.

Трое из пятнадцати погибли, двенадцать еще оставались живы.

Если я насчитал на базе двенадцать трупов, кто же тогда разрезал купол?

Марсиане?

Во всем журнале ни разу не сказано, чтобы кто-то видел марсиан. Обитатели базы не сталкивались ни с какими артефактами, за исключением колодцев. Если марсиане действительно существуют, то где же они? Где их города? В прежние времена Марс тщательно обследовали с орбиты и сразу заметили бы любое поселение, даже размером с базу.

Возможно, никаких городов у них не было. Но откуда они взяли эти алмазные блоки? Алмазы такой величины и качества не встречаются в природе. Чтобы вырастить их, необходим определенный уровень технологии, который подразумевает существование городов, как мне кажется.

И эта мумия. Не могло же ей быть сто тысяч лет? Труп не сохранился бы на поверхности Марса так долго, потому что вода, содержащаяся в организме, непременно вступила бы в реакцию с диоксидом азота в атмосфере. Вот на Луне он мог пролежать хоть миллион лет. Биохимия марсианских мумий до сих пор остается тайной, поскольку они взрываются, подобно напалму, при малейшем контакте с водой. Возможно, они действительно настолько долговечны, а купол разрезал кто-то из двоих пропавших. Или, возможно, мне просто мерещатся гоблины. Место для этого самое подходящее. Если я когда-нибудь выберусь отсюда, ничто в мире не заставит меня и близко подойти к еще одной яме.

26 апреля 2112 года

Солнце, чистое и яркое, показалось над неровным краем горизонта. Я стою возле шлюза и осматриваюсь. Ничто больше не кажется мне странным. Мои кости привыкли к силе тяжести. Я словно бы провел здесь всю свою жизнь; теперь я уже не спотыкаюсь, поднимаясь на кромку кратера.

Кислорода в баках достаточно, чтобы домчать меня куда угодно. Дайте мне водород, и вскоре вы сможете встретить меня на Луне, продающим мои монополи без посредников. Но запасы водорода увеличиваются медленно. Нужно сначала принести с базы воду в кислородных баллонах, затем перелить ее в бак системы охлаждения и уже там электролизом получить жидкий водород.

Вокруг все та же однообразная пустыня, только одну сторону горизонта закрывает странное розоватое облако. Пыль? Вероятно. Когда я возвращался к кораблю, то слышал через шлем слабый свист ветра. Сквозь корпус корабля звуки не проникают.

Вокруг только пустыня.

Купол восстановить не получится. Сегодня я нашел еще четыре разреза и отказался от этой затеи. Должно быть, они идут вокруг всего купола. Один человек не мог это сделать. Даже двое не могли.

Похоже, это работа марсиан. Но где же они?

Если у них широкие перепончатые ступни, то они могут ходить прямо по пыли... и не оставлять следов. Пыль занесет все. Если здесь были города, то их, должно быть, давным-давно засыпало. У мумии перепонки на ногах не было, но они могли стереться от времени.

Снаружи черная беззвездная ночь. Слабый ветер с легкостью поднимает тучи пыли. Сомневаюсь, что она занесет меня целиком. И в любом случае часть корабля будет подниматься над поверхностью.

Пора спать.

27 апреля 2112 года

Уже четыре часа дня, а я еще совсем не спал. Солнце стоит прямо над головой, ослепительно сияя в чистом красном небе. И ни следа песчаной бури.

Марсиане существуют. Теперь я в этом уверен. Никто другой не мог перебить обитателей базы.

Но почему они не показываются?

Я возвращаюсь на базу и забираю с собой журнал.

И вот я стою на центральной площади. Это довольно странно, но при солнечном свете передвигаться проще. Ты видишь, куда ставишь ногу, даже если находишься в тени, потому что атмосфера рассеивает свет — немного похоже на отраженное освещение купольного города.

Со всех сторон надо мной возвышаются края кратера, с выступающими осколками вулканического стекла. Удивительно, что я не распорол свой скафандр, проходя мимо по два раза в день.

Зачем я пришел сюда? Не знаю. С глазами совсем плохо, солнце светит слишком ярко. Меня окружают мумии с перекошенными от боли и отчаяния лицами, с засохшей на губах пеной. Смерть от разрыва легких — жуткое зрелище. Десять мумий здесь, одна лежит возле купола и еще одна — в административном здании.

Отсюда хорошо виден край кратера. На базе нет других построек, кроме невысоких бунгало, к тому же площадь достаточно большая. Правда, сдувшийся купол искажает картину, но не очень сильно.

Допустим, орда марсиан перевалила через кратер, размахивая своим острым оружием. С яростными воплями или молча — не важно, никто все равно не услышал бы, как они кричали.

Но каждый из этих десяти мог их заметить.

Или одиннадцати. Тот парень, что лежит возле купола... Хотя нет, они могли прийти с другой стороны. Но все равно десять человек. Неужели они просто стояли и ждали? Не верю.

Есть еще двенадцатый. Он наполовину надел скафандр. Что он мог видеть такого, чего не заметили остальные?

Нужно осмотреть его.

Богом клянусь, я был прав. Он держался двумя пальцами за застежку, но тянул ее вниз, а не вверх. Он вовсе не надевал, а снимал скафандр!

Значит, никаких гоблинов не было.

Кто же тогда разрезал купол?

Ну и черт с ним со всем, я хочу спать.

28 апреля 2112 года

За день я прочитал вторую половину дневника.

Бак системы охлаждения заполнен или почти заполнен. Я готов еще раз проверить бдительность золотокожих. У меня достаточно кислорода, чтобы никуда не спешить, и на малой скорости меньше шансов попасть в луч радара. Прощай, Марс, райское местечко для маниакально-депрессивных психозов!

А вообще-то, это не смешно. Если не забывать о тех парнях на базе.

Во-первых, нужно несколько ножей, чтобы сделать такое количество разрезов.

Во-вторых, все они оставались внутри.

В-третьих, не было никаких марсиан, иначе бы кто-нибудь их заметил.

Значит, разрезы сделали изнутри. Если кто-то один бежал вдоль купола с ножом, то почему другие не остановили его?

Похоже на массовое самоубийство. Факты остаются фактами. Должно быть, они расположились по окружности купола, продырявили его, а потом направились на площадь, навстречу поднявшемуся ветру, когда пригодный для дыхания воздух с ревом вырывался из-под купола у них за спиной. Зачем? Спросите у них самих. Те двое, которых не было на площади, вероятно, не согласились с остальными; если так, то это им не помогло.

Долго торчать на дне ямы вредно для человеческой психики. Достаточно заглянуть в статистику душевнобольных на Земле.

Возвращаюсь к поминутной регистрации в бортовом журнале.

11:20. Готовлюсь к разогреву двигателя. Пыль не может повредить ядерной установке, ничто не может ей повредить, но отраженная струя пламени способна выжечь остальную часть корабля. Придется рискнуть.

11:24. Первая порция плутония не запустила реакцию. Готовлю вторую.

11:30. Двигатель не подает признаков жизни. Не понимаю, в чем дело. Все приборы уверяют, что экранирование работает на полную мощность, и когда я нажимаю на нужную кнопку, горячий газообразный уран поступает в камеру. Что же не так с двигателем?

Возможно, повреждена система подачи. Но как это проверить? Трубопровод утоплен под слой пыли.

12:45. Я уже впрыснул в двигатель столько урана, что его хватило бы для имплозивного взрыва. Пыль сейчас должна быть горячее, чем в Вашингтоне.

Как мне починить трубопровод? Поднять корабль на своих могучих руках? Нырнуть в пыль и на ощупь заделать повреждение? У меня нет при себе ничего, необходимого для сварки под слоем пыли толщиной в десять футов.

Думаю, я понял, в чем дело.

Возможно, у меня получится подать сигнал золотожим. Выложить в пыли SOS крупными черными буквами... если только я найду достаточное количество какого-нибудь материала черного цвета. Придется еще раз осмотреть базу.

19:00. В купольном городе ничего подходящего не нашлось. Сигнальных устройств там хватает и для скафандров, и для марсоходов, и для орбитальных кораблей. Но в свободный космос может дотянуться только лазер. Я не могу просто так дунуть, плюнуть и починить связной лазер, бездействовавший семьдесят лет.

Прекращаю поминутную регистрацию. Никакого старта не будет.

29 апреля 2112 года

Какой же я был дурак!

Те десять самоубийц. Куда они дели свои ножи, после того как разрезали купол? И где они их взяли для начала? Кухонному ножу не справиться с пластиком купола. Лазер подошел бы, но на базе не могло оказаться больше двух-трех портативных лазеров. Я не нашел ни одного.

А батареи генератора воздуха приказали долго жить.

Возможно, марсиане убили их, чтобы украсть источники энергии. Они ведь не знакомы с огнем. Тогда и мой уран они украли по той же причине, повредив трубопровод и переправив топливо в свой резервуар.

Но как они добрались до него. Погрузились в пыль?

Ох, нужно уходить отсюда.

Я добрался до края кратера. Одному Богу известно, почему они не остановили меня. Может быть, им все равно? Они ведь уже раздобыли топливо.

Они находятся внизу, под пылью. Живут там, не опасаясь ни метеоритов, ни резких перепадов температуры, и города свои строят там же. Вероятно, они тяжелее пыли и могут спокойно перемещаться по дну.

Но тогда там должна развиваться целая экологическая система! Какие-нибудь одноклеточные растения на поверхности получают энергию от солнца, потом под действием течений или пыльных бурь опускаются ниже и питают промежуточные формы жизни. Почему никто их не заметил? О, как жаль, что я не смогу об этом рассказать!

Мне не хватит времени. Кислородные баллоны с базы не подходят моему скафандру, а на корабль я вернуться не могу. Либо я за двадцать четыре часа восстановлю герметичность купола, либо умру от недостатка воздуха. Продолжу позже.

Готово. Я снял скафандр и работал как сумасшедший. Там было еще три разреза, неподалеку от того места, где мне попала на глаза первая мумия. Когда я залатал прорехи, купол раздулся над всей базой.

Как только наберется больше воды, я приму ванну. Но сделаю это на центральной площади, откуда виден весь кратер.

Интересно, сколько времени понадобится марсианину, чтобы выскочить из-за кромки и добежать до купола.

Гадать бесполезно. Может быть, я все еще охочусь за гоблинами.

30 апреля 2112 года

Вода — это прекрасно. По крайней мере, эти туристы догадались прихватить с собой кое-какие удобства.

У меня замечательный обзор во все стороны. Пластик купола помутнел от времени, и это немного раздражает, но не более того. Угольно-черное небо грубо разрезано острой кромкой кратера. Я включил наружные фонари базы. Их мощности не хватит, чтобы осветить весь кратер, но теперь я, во всяком случае, увижу, если кто-то будет ко мне подкрадываться. К сожалению, из-за фонарей плохо видны звезды.

Гоблинам не взять меня, пока я в сознании.

Но мне все сильнее хочется спать.

Что это было, корабль? Нет, просто метеор. Все небо усыпано метеорами. Мне нечем заняться, кроме как разговаривать с самим собой, пока ничего не случилось. Продолжу позже.

Я прогулялся до кромки кратера, чтобы проверить, на месте ли еще мой корабль. Марсиане могли утащить его в глубину. Но они этого не сделали, никаких признаков их присутствия.

Значит, гоблины мне **все-таки** померещились? Это можно проверить. Достаточно лишь осмотреть ядерную установку базы. Либо реактор все еще на месте, хотя и покрылся за это время свинцовым налетом... либо его украли еще семьдесят лет назад. Так или иначе, остаточная радиация накажет меня за любопытство.

Я люблюсь тем, как солнце поднимается над горизонтом. Странная, не похожая ни на что из виденного мной в космосе красота. Я наблюдал за Сатурном под разными углами зрения, когда отлавливал монополи в его кольцах, но и он не выдерживает сравнения с этим зрелищем.

Теперь я уже не сомневаюсь, что сошел с ума. Это все из-за ямы! Я застрял на дне мерзкой ямы!

Солнце проводит неровную белую линию над кромкой кратера. Со своего места я вижу весь кратер целиком, и там

нет ничего угрожающего. С какой бы скоростью они ни передвигались, я успею надеть скафандр до встречи с ними.

Я был бы рад увидеть своих врагов.

Зачем прилетели те пятнадцать человек, что жили и умерли здесь? Я знаю, почему сам здесь оказался: из-за жадности. Они тоже? Сто лет назад люди не умели синтезировать алмазы крупней песчинки. Вероятно, они прилетели сюда за алмазами, из которых сложены колодцы. Но такой полет был чертовски дорогим. Удалось ли им окупить расходы?

Или они собирались колонизировать Марс, как другие заселили астероиды? Смешно! Но мне легко так рассуждать, зная, чем все кончилось. К тому же ямы могут приносить пользу... взять хотя бы запасы свинца на теневой стороне Меркурия. Чистый свинец, конденсирующийся из разогретой солнцем атмосферы, уже готовый к транспортировке. Мы могли бы так же вывозить и марсианские алмазы, если бы синтезировать их не выходило дешевле.

Вот солнце и взошло. Какое разочарование: я не могу смотреть на него, хотя оно не ярче старательских солнечных установок. Не будет никаких живописных пейзажей, пока...

Упс...

Я не успею добраться до скафандра. Одно движение — и купол превратится в решето. Пока они стоят неподвижно, повернув ко мне безглазые лица. Интересно, как они меня учуяли? Их копыта готовы к бою. Неужели ими действительно можно продырявить купол? Но марсиане уверены в своих силах, они ведь уже проделывали это раньше.

Я ждал, что они появятся из-за края кратера. Но они вышли из пыльного озера на дне кратера. Я мог бы и догадаться, что обсидиан здесь должен был потрескаться так же, как и в любом другом месте.

Они и в самом деле напоминают гоблинов...

Повисшую тишину одновременно прервали жужжание пролетающего мимо шмеля и отдаленное гудение трактора.

Лит выключил запись и сказал:

— Мы спасли бы его, если бы он продержался еще немного.

— Так вы знали, что он там?

— Да. Приборы Деймоса зафиксировали его посадку. Мы послали стандартный запрос на разрешение пересечь границы Объединенных Наций. К сожалению, плоскоземельцы принимают решение со скоростью пьяной улитки, а у нас не было оснований поторопить их. Приборы засекли бы Мюллера, если бы он попытался удрать.

— Он действительно сошел с ума?

— О нет, марсиане были самые настоящие. Но мы узнали о них слишком поздно. Мы заметили, как купол раздулся, продержался какое-то время и снова опал. Выглядело это так, будто бы с Мюллером случилось что-то неладное. Мы нарушили закон и послали корабль на планету, чтобы забрать его, если он еще жив. Вот почему я рассказал вам все это. Гарнер, как первый спикер Политической секции в правительстве Пояса, я признаю, что два наших корабля нарушили границу Объединенных Наций.

— У вас были на это серьезные причины. Продолжайте.

— Им можно гордиться, Гарнер. Он не побежал за скафандром, прекрасно понимая, что не успеет. Он бросился к кислородным баллонам, заполненным водой. Должно быть, марсиане напали на него, но он добрался до баллона, открыл вентиль и развернул патрубок в сторону марсиан. При низком давлении баллон сработал как пожарный шланг. Мюллер расправился с шестью из них, прежде чем его самого убили.

— Они сгорели?

— Да, но не полностью. Кое-что осталось. Мы забрали три тела, вместе с копьями, а остальных оставили на месте. Вам нужны эти группы?

— Разумеется, черт возьми.

— Но зачем?

— Лит, что вы хотите этим сказать?

— Зачем они вам? Мы забрали три мумии и три копья на память. Для вас они не будут памятью. Погибший был поясником.

— Сожалею, Лит, но эти тела очень нужны нам. Мы сможем изучить строение марсиан до того, как спустимся на планету. Это может иметь большое значение.

— Спуститесь, — пренебрежительно фыркнул Лит. — Люк, зачем вам туда спускаться? Что вы хотите получить от Марса? Реванш? Или миллионы тонн пыли?

— Абстрактное знание.

— Для чего?

— Лит, вы меня удивляете. Зачем еще земляне когда-то вышли в космос, если не ради абстрактного знания?

Слова наперегонки помчались к губам Лита. Они стучались ему в небо, но он оставался безмолвен. Затем в отчаянии развел руки, два раза сглотнул и проговорил:

— Это же очевидно!

— Объясните мне, только без спешки, — попросил Гарнер. — Я немного тугодум.

— В космосе есть все. Монополи. Металлы. Вакуум для вакуумных технологий. Возможность производить дешевые товары без всяких там ребер жесткости. Невесомость для людей со слабым сердцем. Лаборатории для работы со взрывоопасными веществами. Место, где можно изучать физику в действии. Контроль окружающей среды.

— Думаете, все это было настолько очевидно в то время, когда мы оказались здесь?

— Конечно было!

Лит внимательно посмотрел на освещенного ярким светом гостя — на его парализованные ноги, на обвисшую, покрытую возрастными пятнами и начисто лишенную волос кожу, на отражавшуюся в его глазах память десятилетий — и вспомнил о возрасте Гарнера.

— А что, разве нет?

НАМЕРЕНИЕ ВВЕСТИ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Официант вышел им навстречу, когда они приземлились. Пересек ресторан, словно ожившая шахматная пешка, изящно замер на подвесной парковке, помедлил ровно столько, чтобы привлечь их внимание, и плавно вернулся в зал на прогулочной скорости.

Во время движения из-под края его юбки на воздушной подушке чуть слышно шелестел ветерок. Официант провел их по залу «Красной планеты», лавируя между занятыми столиками, свободными столиками, столиками с тарелками мясного ассорти и вазами цветов, а также другими шелестящими роботами-официантами. Подъехав к столику на двоих в дальнем конце зала, он ловко убрал один стул, чтобы освободить место для инвалидного кресла Лукаса Гарнера. Каким-то образом он понял, что у Люка парализованы ноги. Затем официант выдвинул второй стул для Ллойда Мэсни.

Стены ресторана были расписаны тусклой красной краской и ярким серебром: Марс Рэя Брэдбери, серебряные шпили древнего марсианского города среди красных песков. Прямой канал пересекал пол ресторана и таял вдали. Через его серебристые воды было перекинута несколько мостиков. По улицам настенной росписи бродили хрупкие изможденные марсиане. Время от времени они с любопытством поглядывали на посетителей — незваных гостей их иллюзорного мира.

— Какое странное место, — заметил Мэсни, крепко сбитый здоровяк с седыми волосами и кустистыми седыми усами.

Люк не ответил. Мэсни поднял взгляд и удивился при виде злой гримасы друга:

— В чем дело?

Он обернулся, чтобы проследить за взглядом Люка. Тот с выражением крайнего отвращения смотрел на работника-официанта.

Официант был стандартной модели. Круглая гладкая голова и цилиндрическое туловище. Руки, которыми он выдвинул стул для Мэсни, уже скрылись за панелями в корпусе. Там же находились другие специализированные руки и кисти, а также полки для блюд. Как и остальные официанты, этот был расписан в абстрактном стиле тусклой красной краской и ярким серебром в тон стенам. Последние тридцать сантиметров цилиндрического туловища робота расширялись короткой юбочкой. Как и инвалидное кресло Лукаса, официант скользил на воздушной подушке.

— В чем дело? — повторил Мэсни.

— Ни в чем.

Люк взял меню.

Робот ждал заказ. Неподвижный, с убранными руками, он напоминал парикмахерский столб¹ в стиле поп-арт.

— Да ладно, Люк. Чего ты так уставился на официанта?

— Я не люблю роботов-официантов.

— Что? Почему?

— Ты привык к ним с детства. Я был уже взрослым, когда они появились.

— Да к чему тут привыкать? Это просто официанты. Они приносят еду.

— Как скажешь.

Люк уткнулся в меню.

Он был стар. Последние десять лет он не мог ходить не из-за травмы позвоночника. Слишком много спинномозговых нервов износилось с годами. Когда-то у него была

¹ *Парикмахерский столб* — полосатый красно-белый цилиндр, традиционное обозначение парикмахерских в Европе и США. Красные и белые полосы символизируют кровопускание, которым в старину занимались цирюльники.

эспаньолка, но теперь его подбородок был таким же гладким, как надбровные дуги и темя. Изборожденное морщинами лицо мгновенно привлекало внимание. Любая случайная мысль искажала его до неузнаваемости и придавала ему сатанинское выражение. Обвисшая кожа на руках и плечах наполовину скрывала мышцы борца — единственное, что еще оставалось неподвластным возрасту.

— Стоит мне решить, что я тебя раскусил, — сказал Мэсни, — как ты вновь меня удивляешь. Если не ошибаюсь, тебе сто семьдесят четыре?

— Ты прислал мне открытку на день рождения.

— Я умею считать, но это же уму непостижимо! Ты почти вдвое меня старше. Как давно изобрели роботов-официантов?

— Их не изобретали. Они появились постепенно, как компьютеры.

— Когда?

— Ты еще учил буквы, когда в Нью-Йорке открылся первый полностью автоматизированный ресторан.

Мэсни улыбнулся и слегка покачал головой:

— Столько лет прошло, а ты к ним так и не привык. Консерватор!

Люк отложил меню:

— Если тебе действительно интересно, был у меня один случай с роботами-официантами. Я тогда работал на твоем месте.

— Вот как?

Ллойд Мэсни был шефом полиции Большого Лос-Анджелеса. Сорок лет назад он сменил на этом посту Люка, когда тот перешел на работу в ООН.

— Я провел на нем всего пару лет и еще до конца не освоился. Когда это было? Толком не помню, наверное, около две тысячи двадцать пятого. Автоматизированные рестораны еще только входили в обиход. Тогда много чего входило в обиход.

— По-моему, они были всегда.

— Ну конечно. Хватит перебивать. Около десяти часов утра я отправился на перекур. Я тогда курил каждые десять минут. И как раз собирался вернуться к работе, когда

вошел Фантазер Гласс. Старина Фантазер! Я засадил его на десять лет за недобросовестную рекламу. Он только что вышел и навещал старых друзей.

— С пистолетом?

— Вовсе нет, — улыбнулся Люк, сверкнув новыми белыми зубами. — Фантазер был славным парнем. Просто немного фантазером. Мы посадили его за решетку, потому что он рассказывал по телевизору, будто его средство для мытья посуды полезно для кожи. При проверке оказалось, что нет. Я всегда считал, что мы слишком сурово с ним обошлись, но... тогда законы о намерении ввести в заблуждение только что приняли, и надо было примерно наказать первых подсудимых, дать понять, что с нами шутки плохи.

— Сегодня он бы оказался в банке органов.

— В те дни мы не отправляли преступников в банки органов. Лучше бы и не начинали. Итак, я засадил Фантазера за решетку. Через пять лет меня повысили до шефа полиции. Еще через два Фантазер вышел по условно-досрочному. Дело у меня в тот день было не больше обычного, поэтому я достал бутылку, припрятанную для гостей, и мы разговорились за кофе с коньяком. Фантазер расспрашивал про последние десять лет. Он уже потолковал с некоторыми друзьями, поэтому был в курсе дела, но пробелы в знаниях могли дорого ему обойтись. Например, он знал об отправке зонда к Юпитеру, но никогда не слышал про твердый и мягкий плит. Напрасно я упомянул роботизированные рестораны. Поначалу он решил, что я говорю об усовершенствованных торговых автоматах, но когда уловил суть, пришел в полный восторг. Я вынужденно отправился с ним на обед в «Герр обер»¹, это в паре кварталов от старого здания главного полицейского управления. «Герр обер» был первым полностью автоматизированным рестораном в Эллае. Из людей в нем работали только техники, да и те заглядывали раз в неделю. Все прочие были роботами, от поваров до гардеробщицы. Я никогда раньше там не ел...

— Тогда откуда ты столько о нем знал?

¹ Herr Ober (нем.) — официант.

— Мы ловили там одного парня месяцем раньше. Он украл маленькую девочку ради выкупа и удерживал ее в качестве заложницы. По крайней мере, мы так считали. Это другая история. Мне пришлось изучить «Герр обер» как свои пять пальцев, чтобы придумать, как подобраться к похитителю. — Люк фыркнул. — Ты только посмотри на этого металлического болвана! До сих пор ждет нашего за-каза. Эй, ты! Принеси нам два мартини «Вургууз».

Парикмахерский столб в стиле поп-арт приподнялся на дюйм над полом и заскользил прочь.

— На чем я остановился? Ах да! Нам повезло, в ресторане было малоллюдно. Мы выбрали столик, и я показал Фантазеру кнопку для вызова официанта. Мы уже называли их официантами, хотя они были совсем не похожи на современных. Обычные сервировочные столики на колесах с датчиками, двигателем и пишущей машинкой на одном конце.

— Наверняка механической.

— Именно. Ужасно шумной. Но в те дни это производило впечатление. Фантазер сидел с отвисшей челюстью. Когда к нам прикатил столик, он язык проглотил от удивления. Я сделал заказ на двоих. Мы выпили по бокалу и заказали по второму. Фантазер рассказал о клубе рекламщиков, который сложился в их тюремном корпусе. В клубе заправляли табачники, их было видимо-невидимо, но они ни о чем не могли договориться. А собирались создать лобби из бывших каторжников в Вашингтоне.

Официант принес мартини.

— В общем, мы выпили и заказали поесть. Одно и то же, потому что Фантазер по-прежнему не мог ничего выбрать, лишь с ухмылкой таращился по сторонам. Официант принес нам по салату-коктейлю с креветками. Пока мы ели, Фантазер расспрашивал, кому принадлежит концессия на рекламу роботов. Не только ресторанных, а любого автоматизированного оборудования. В этом был весь Фантазер. Он ничего не знал о компьютерах, но рвался продавать их. Я пытался намекнуть ему, что это верный способ снова загнать в тюрьму Сан-Квентин, но он не слушал. Мы доели креветки, и официант принес еще две порции.

Фантазер спросил: «Это еще что?»

«Наверное, я опечатался, — ответил я. — Хотел заказать два обеда, но чертова штука принесла нам по два обеда каждому».

Фантазер засмеялся и пообещал: «Я съем оба». Так и сделал.

«Соскучился за десять лет по креветкам», — пояснил он.

Официант унес пустые вазочки и принес еще два салата-коктейля.

«Хорошего понемножку, — заявил Фантазер. — Где тут у них управляющий?»

«Я же говорил, это полностью автоматизированный ресторан. Им управляет компьютер в подвале».

«У него есть речевой блок для жалоб?»

«Наверное».

«Где он?»

Я огляделся, припоминая: «Вон там. За кассой. Но я бы...»

Фантазер встал. «Сейчас вернусь», — сказал он.

И действительно вскоре вернулся. Его трясло.

«Я не смог выйти из зала, — сообщил он. — Касса не пропускает. Там барьер. Я попытался заплатить, но не вышло. Тогда я полез через барьер, и меня ударило током!»

«Защита от любителей халявы. Тебя не выпустят, пока мы не заплатим за обед, а для этого официант должен принести счет».

«Тогда давай заплатим и уйдем. Жутковатое место».

Я нажал кнопку вызова, но официант выдал нам еще два салата-коктейля и уехал, прежде чем я успел дотянуться до пишущей машинки.

«Идиотизм какой-то, — возмутился Фантазер. — Давай попробуем еще раз. Я встану с другой стороны стола и задержу его, пока ты не напечатаешь».

Мы попытались. Официант не приближался к столу, пока Фантазер не сел. Возможно, не узнавал его в положении стоя. Мы получили еще два салата-коктейля. Фантазер вскочил и зашел за спину роботу. Я потянулся к пишущей машинке. Столик поехал назад и сбил Фантазера с ног. Фантазер взбеленился, вскочил и пнул первого попавше-

гося официанта. Официант хорошенько приложил его том, и пока Фантазер собирался с мыслями, напечатал и швырнул ему записку о том, что роботы-официанты — дорогие и чувствительные приборы, с которыми нельзя так обращаться.

— Но ведь и правда нельзя, — с каменным лицом заметил Мэсни.

— Я бы помог ему, но не знал, что еще придет на ум проклятым машинам. И поэтому я просто сидел за столом и прикидывал, что сделаю с изобретателем роботов-официантов, если смогу выбраться из этой ловушки и отыскать его.

Фантазер встал, мотая головой. Затем попытался обратиться за помощью к другим посетителям. Мне было ясно, что у него не выгорит. Никто не хотел вмешиваться. Обычное дело в больших городах. В конце концов один официант сунул ему записку с требованием не приставать к посетителям. Записка была сформулирована чуть более вежливо, но суть та же.

Фантазер вернулся за наш столик, но садиться не стал. Он выглядел испуганным: «Гарнер, я попробую пробиться на кухню. Оставайся здесь. Я схожу за помощью». Он повернулся и пошел к кухонной двери.

«Стой! — крикнул я. — Вернись! Что такого, посидим...»

Но он был уже далеко. Я знаю, что он слышал мои крики. Просто не хотел останавливаться.

Рассчитанная на роботов дверь была всего четыре фута в высоту. Фантазер наклонился — и был таков. Я не осмелился пойти за ним. Если у него получится, он приведет помощь. Но я сомневался, что у него получится. Я хотел попробовать еще один вариант. Нажал кнопку вызова и, когда явился официант с очередными салатами-коктейлями, напечатал «телефон», пока он не успел уйти.

— Чтобы позвонить в главное управление? Мог бы и раньше догадаться.

— Конечно. Но ничего не вышло. Официант укатил и принес мне еще один салат-коктейль.

Я ждал. Мало-помалу народ рассосался, и я остался в «Герре обере» один. Проголодавшись, я ел крекеры или

салаты-коктейли. Официант регулярно приносил мне воду и закуски, так что я прекрасно себя чувствовал.

На некоторых столах я оставил записки, чтобы предупредить посетителей, которые придут на ужин, но официанты мгновенно убирали эти бумажки. Порядок превыше всего. Я бросил попытки и настроился ждать помощи.

Никто за мной так и не пришел. Фантазер не вернулся.

В шесть часов вечера ресторан снова был полон. Около девяти часов трем парочкам за соседним столиком стали раз за разом приносить канапе «Лоренцо». Я наблюдал за ними. В конце концов они так разозлились, что окружили официанта и подняли в воздух. Официант бешено вращал колесами. Он ударил их током, и они уронили его на ногу одному парню. В ресторане поднялась паника. Когда все улеглось, нас осталось только семеро.

Парочки пытались решить, что делать с парнем, на ногу которому упал официант. Разумеется, они боялись трогать робота. Этот официант не взял бы у меня заказ, потому что не обслуживал мой столик, но я попросил одного из ребят заказать у него аспирин, и официант укатил.

Я усадил их обратно за столик и велел не двигаться. У одной девушки нашлось в сумочке снотворное. Я дал три таблетки парню с разможенной ногой. И мы принялись ждать.

— Я все-таки спрошу, — сказал Мэсни. — Ждать чего?

— Закрытия ресторана!

— Ну конечно. И что дальше?

— В два часа ночи официанты прекратили приносить салаты-коктейли и канапе «Лоренцо» и выдали нам счета. Ты не поверишь, во сколько мне обошлись все эти креветки... Мы заплатили, подхватили парня с разможенной ногой и отправились восвояси.

Мы отвезли пострадавшего в больницу, а затем обзвонили всех, кого только можно. На следующий день «Герр обер» закрылся на ремонт. Как оказалось, навсегда.

— А что случилось с Фантазером?

— Это одна из причин закрытия ресторана. Фантазер исчез.

— Он не мог пропасть без следа.

- Разве?
- Но как?

— Иногда мне кажется, что он воспользовался шумихой, чтобы начать жизнь заново в другом месте без судимости за плечами. А потом вспоминаю, что он отправился на полностью автоматизированную кухню через дверь, не предназначенную для людей. Кухонные механизмы легко справлялись с говяжьими полутушами. Фантазер явно не был роботом. За что его могли принять?

Мэсни задумался.

Они доедали десерт, когда до Мэсни дошло.

— Ммм! — промычал он. — Мгммм!

Он поспешно проглотил то, что у него было во рту.

— Ах ты ж плут! Ты работал в убийном отделе, когда тебя повесили до шефа полиции! Ты никогда не имел дела с аферистами, мошенниками и подозреваемыми в намерении ввести в заблуждение!

— Я думал, ты сразу понял.

— Но зачем ты соврал?

— Ты донимал меня вопросами о том, почему я ненавижу роботов-официантов. Надо было что-то ответить.

— Ладно. Ты меня надул. Так почему ненавидишь роботов-официантов?

— Я их не ненавижу. Ты просто поднял взгляд в неудачный момент. Я размышлял о том, что официант смотрит на редкость глупо в своей юбке для воздушной подушки.

ПЛАЩ АНАРХИИ

Я сидел у могучего дуба прямо посреди бывшей автомагистральной Сан-Диего, касаясь голой спиной перекрученного ствола с шершавой корой. Темно-зеленая тень была пронизана лучами солнца цвета белого золота. Высокая трава щекоотала мне ноги.

В сорока ярдах на широкой лужайке росло несколько вязов. Под ними устроилась на зеленом полотенце миниатюрная пожилая женщина. Она жевала травинку и казалась частью пейзажа. Я почувствовал в ней родственную душу, поймал ее взгляд и покачал указательным пальцем. Она помахала в ответ.

Мне пора, придется вставать. Джилл будет ждать меня у Уилширского входа через полчаса. Но я шел сюда от съезда на бульвар Сансет и чертовски устал. Еще минутку...

Отличное место, чтобы сидеть и смотреть, как вращается мир.

И денек подходящий. На небе ни облачка. В такие жаркие ясные летние дни в Королевском свободном парке всегда многолюдно.

Похоже, в главном полицейском управлении об этом знали. Над головой летало вдвое больше гляделок, чем обычно. Золотые точки размером с баскетбольный мяч на высоте двенадцати футов. В каждом мяче — телекамера, звуковой парализатор и модуль связи с полицейским управлением. Вот и вся охрана парка.

Никакого насилия.

Запрещено поднимать руку друг на друга. Это единственный закон, который здесь действует. Жизнь в свободном парке так и кипит.

Я посмотрел на север, в сторону бульвара Сансет. На пластиковом ящике стоял паренек с квадратной челюстью и вещал о термоядерной энергии и проблеме теплового загрязнения. Даже сюда доставала его убежденность и одержимость. Перед ним расхаживал человек с белым прямоугольным плакатом, чистым с обеих сторон.

На юге несколько ребят с криками швырялись камнями в гляделку. Ими руководил размахивающий руками мужчина с растрепанными черными волосами. Золотой баскетбольный мяч лениво уворачивался от камней. Наверное, коп на том конце развлекался, дразня молодежь. Интересно, где они взяли камни? В Королевском свободном парке мало камней.

Черноволосый показался мне знакомым. Я наблюдал за ним и его бандой... но мгновенно забыл о них, когда из вязовой рощи вышла девушка.

Она была хороша. Длинные стройные ноги, темно-рыжие волосы ниже плеч, лицо надменного ангела и столь совершенные изгибы тела, что они казались нереальными, как мечта подростка. Ее походка была упругой, словно у модели или танцовщицы. Из одежды на ней был только плащ из переливчатого синего бархата.

Плащ длиной пятнадцать ярдов был каким-то чудом прикреплен к обнаженным плечам двумя большими золотыми дисками. Он струился за ее спиной на высоте пяти футов, извивался и изгибался, следуя за ней меж деревьями. Девушка казалась ожившей картинкой из волшебной сказки, если вспомнить, что изначально эти сказки не предназначались для детей.

Как и она. По всему парку захрустели сворачиваемые шеи. Даже те парни перестали кидаться камнями и устались на нее.

Она чувствовала внимание, слышала его в шелесте вздохов. Для того и пришла. Со снисходительной ангельской улыбкой на ангельском лице она вышагивала не слишком нарочито, плавно. Поворачивала, где хотела, не обращая внимания на препятствия, и плащ длиной пятнадцать ярдов прихотливо струился за ее спиной.

Я улыбнулся, глядя ей вслед. Вид сзади тоже был что надо, с ямочками.

Через несколько шагов к ней подошел мужчина, который руководил парнями, кидавшими камни. Растрепанные черные волосы и борода, впалые щеки, глубоко посаженные глаза, неуверенная улыбка и неуверенная походка... Рон Коул. Ну конечно!

Я не слышал, что он сказал девушке в плаще, но видел, как он сжался, отвернулся и поплелся, глядя себе под ноги.

Я встал и пошел ему навстречу:

— Не принимай на свой счет.

Он вздрогнул от моих слов и, подняв взгляд, с горечью спросил:

— А на чей?

— Она отказала бы любому. Она как картинка из журнала. Смотри сколько влезет, но не трогай.

— Ты ее знаешь?

— Впервые вижу.

— Тогда...

— Ее плащ. Теперь-то ты его заметил?

Край плаща как раз скользил мимо, складки переливались изумительно глубокой, насыщенной синевой. Ткань мазнула Рональда Коула по лицу, и он улыбнулся:

— Ага.

— Отлично. Итак, допустим, ты начал к ней подкатывать и она оказалась не прочь. Что дальше? Учítывая, что она не может остановиться ни на секунду.

Рон немного поразмыслил и спросил:

— Почему?

— Если она остановится, эффект будет уже не тот. Плащ повиснет, как хвост, а он должен развеваться. Если она согласится перепихнуться, все будет еще хуже. Плащ парит на высоте пяти футов, ныряет в кусты и лихорадочно дергается...

Рон беспомощно засмеялся фальцетом.

— Дошло? — спросил я. — Над ней будут смеяться. Она пришла не за этим.

Он посерьезнел:

— Если бы она и вправду хотела, ей было бы все равно... Впрочем... Конечно. Она, наверное, кучу денег выложила за этот эффект.

— Наверняка. Она не стала бы его портить даже ради самого Джакомо Казановы.

Я злился на девушку в плаще. Могла бы отказать и пожеливее. Рональд Коул — ранимая душа.

— Где вы взяли камни? — спросил я.

— Камни? Нашли дорожный разделитель и отбили пару кусков бетона.

Рон посмотрел вдаль. Паренек только что попал по золотистому шару.

— Получилось! Идем!

Самыми быстрыми торговыми судами были клиперы, но их строили всего двадцать пять лет. Настал век пара. Пароходы были быстрее, безопаснее, надежнее и не требовали столь большого экипажа.

Автомагистрали служили Америке почти пятьдесят лет. Затем современные транспортные системы положили конец загрязнению воздуха и автомобильным пробкам, но поставили нацию в затруднительное положение. Что делать с десятками тысячами миль неприглядных заброшенных автомагистралей?

Королевский свободный парк был частью автомагистрали Сан-Диего от бульвара Сансет до развязки с автомагистралью Санта-Моника. Несколько лет назад бетон засыпали землей. Обочины и раньше были обсажены деревьями. В наши дни парк полностью зарос зеленью, как и намного более старый Свободный парк Гриффита.

В Королевском свободном парке царит что-то вроде упорядоченной анархии. У входов людей обыскивают. В парк нельзя проносить оружие. Над головой, вне зоны досягаемости, летают гляделки, но это единственное проявление власти закона.

Гляделки следят за соблюдением одного-единственного правила. Любое выражение насилия влечет за собой одинаковое наказание для нападающего и жертвы. Подними руку на соседа — и золотистый баскетбольный мяч

оглушит вас обоих. Очнетесь вы в разных местах под при-
смотром гляделок. Обычно этого хватает.

Естественно, люди швыряются камнями в гляделки.
Это же свободный парк.

— Получилось! Идем!

Рон дернул меня за руку. Охотники толпились вокруг
упавшей гляделки.

— Надеюсь, ее не разломают. Я сказал им, что мне
нужна целая, но они могут и не послушать.

— Это же свободный парк. И это их добыча.

— Но камни — мои!

— Кто эти парни?

— Не знаю. Они играли в бейсбол. Я подошел и сказал,
что мне нужна гляделка. Они пообещали помочь.

Я припомнил все, что знал о Роне. Рональд Коул был
художником и изобретателем. Мог бы грести деньги ло-
патой, но был не таков. Он изобретал новые художествен-
ные формы. Из припоя и проволоки, дифракционных ре-
шеток и пластмассовых деталей, а также обширной коллек-
ции разнообразного мусора Рон Коул творил невиданные
предметы искусства.

Новые художественные формы не пользовались особой
популярностью на рынке, но время от времени удавалось
что-нибудь продать. Этого хватало, чтобы пополнять запасы
сырья, тем более что большую часть материалов он на-
ходил в подвалах и на чердаках. Изредка ему даже случалось
на время разбогатеть после особенно крупной сделки.

У него была забавная черта: он знал, кто я, но не пом-
нил моего имени. У Рона Коула были дела поважнее, чем
помнить, кого как зовут. Имя — всего лишь ярлык, способ
завязать беседу. «Рассел! Как поживаешь?» Имя — это сиг-
нал. Рон придумал ему замену.

Когда в разговоре случалась короткая пауза, он гово-
рил: «Смотри!» — и показывал чудеса.

Однажды это был прозрачный пластмассовый шар раз-
мером с мяч для гольфа на полированной вогнутой сереб-
ряной поверхности. Когда шар вертелся, в кривом зеркале
плясали фантастические отражения.

В другой раз это был извивающийся морской змей, выгравированный на бутылке пива «Микелоб» — симпатичной пузатой стеклотаре, какие производили в начале тысяча девятьсот шестидесятых. Такие бутылки не помещались в обычные холодильники.

А в третий — две полоски тусклого серебристого металла, неожиданно тяжелого.

— Что это?

Я держал их на ладони. Они были увесистее свинца. Платина? Но никто не таскает с собой столько платины.

— Уран двести тридцать пять? — пошутил я.

— А что, они теплые? — неуверенно спросил Рон.

Мне чертовски захотелось отшвырнуть их и спрятаться под диваном.

Но они были платиновыми. Я так и не узнал, зачем Рон носил их с собой. Какой-то неудачный проект.

Гляделка лежала на траве. Зеваки обступили ее полукругом. Она выглядела целой, возможно, потому, что над ней стояли два жизнерадостных здоровяка и никого не подпускали.

— Отлично, — сказал Рон.

Он опустился на колени рядом с золотистой сферой и покрутил ее в длинных пальцах художника.

— Помоги открыть, — попросил он.

— Зачем? Что ты задумал?

— Через минуту скажу. Помоги... хотя уже не надо.

Полусферическая крышка отошла. Я впервые увидел внутренности гляделки.

Она оказалась устроена до смешного просто. Я узнал парализатор по параболическому отражателю, камеры и тороидальную катушку, которая, вероятно, была частью летательного механизма. Источника питания не было. Наверное, сама оболочка служила антенной для питающего луча. Если оболочка треснет, ни одного идиота не убьет электрическим током.

Рон изучал диковинные внутренности гляделки, стоя на коленях. Он достал из кармана какой-то предмет из стекла и металла.

Внезапно он вспомнил, что я стою рядом, и протянул предмет мне:

— Смотри.

Я ожидал сюрприза, и я его получил. Это оказались большие старинные карманные часы с цепочкой и крышкой. Такие были в ходу пару веков назад.

Взглянув на циферблат, я заметил:

— Отстают на пятнадцать минут. Ты не до конца отладил механизм?

— Дело не в этом.

Он отщелкнул заднюю крышку.

Механизм выглядел современным.

— Батарея и камертон? — предположил я.

— Охранник тоже так подумал. Разумеется, я взял их за основу, но стрелки не двигаются, я установил текущее время перед обыском.

— Ясно. И что они делают?

— Если все получится, они вырубят все гляделки в Королевском свободном парке.

Я с минуту хохотал как сумасшедший. Рон наблюдал за мной, склонив голову набок. Он явно подозревал, что я принял его слова за шутку.

— То-то повеселимся, — с трудом выдавил я.

Рон закивал:

— Разумеется, все зависит от того, угадал ли я, какие электросхемы они используют. Смотри: гляделки не должны быть неуязвимыми. Они должны быть дешевыми. Если гляделку собьют, это не должно ударить по карману налогоплательщиков. Либо можно сделать их дорогими и неуязвимыми, но это многих разочарует. Нехорошо разочаровывать людей в свободном парке.

— И что?

— Есть дешевая схема системы питания. Если используется она, я смогу вырубить все гляделки. Посмотрим.

Рон вытащил из манжеты рубашки кусок тонкой медной проволоки.

— Сколько времени тебе нужно? — спросил я.

— Полчаса.

Для меня это стало решающим фактором.

— Я пойду. Мне нужно встретиться с Джилл Хейз у Уилширского входа. Ты ее знаешь, такая крупная блондинка моего роста...

Он не слушал.

— Ладно, до встречи, — пробормотал он, засовывая пинцетом проволочку в гляделку.

Я ушел.

Где одна толпа, там и вторая. Через несколько минут я наткнулся еще на один полукруг зевак, и мне стало интересно, на что они смотрят.

Лысеющий мужик со впалыми щеками собирал какую-то старинную машину с лезвиями и небольшим бензиновым мотором. Неокрашенная деревянная ручка в форме буквы Т выглядела совсем новой. Металлические детали были тусклыми, — похоже, их только что отчистили от многолетней ржавчины.

Толпа переговаривалась полупшепотом. Что это? Не деталь автомобиля, не подвесной мотор, хотя в нем есть лезвия, для мотороллера маловато, для моторизованного скейтборда великовато...

— Газонокосилка, — произнесла седовласая леди рядом со мной.

Она была похожа на птичку. Такие люди с годами высыхают и живут вечно. Я не понял, что она имеет в виду, и собирался переспросить, когда...

Мужик со впалыми щеками закончил работу, что-то повернул, и мотор взревел. Повалил черный дым. Мужик триумфально ухватился за ручку. В большом мире его посадили бы за использование двигателя внутреннего сгорания. Здесь...

С блестящими от восторга глазами он покатиł свою адскую машину по траве. За ним оставалась полоса коротко подстриженной травы. Что ж, это ведь свободный парк.

Запах почуяли все одновременно. В воздухе повисла черная гарь, вонючие полусгоревшие углеводороды щипали нос и глаза. Я закашлялся. В жизни не нюхал такой гадости!

Толпа взревела и сомкнулась.

Мужик завопил, когда у него отобрали машину. Кто-то щелкнул выключателем. Два парня конфисковали набор инструментов, вооружились отверткой и молотком и взялись за дело. Владелец был против. Он схватил тяжелые плоскогубцы и замахнулся.

Гляделка шарахнула его и парня с молотком. Оба рухнули как подкошенные. Остальные зеваки разобрали газонокосилку и погнули или разломали детали.

— Даже жаль немного, — заметила старушка. — Порой мне не хватает стрекота газонокосилок. Отец подстригал газон по воскресеньям утром.

— Это свободный парк, — сказал я.

— Тогда почему ему нельзя строить все, что хочется?

— Можно. Он ведь построил. Он может строить все, что хочется, а мы можем ломать все, что хочется.

«Например, гляделки», — мелькнуло у меня в голове.

Рон умел работать руками. Меня ничуть не удивило бы, если бы ему хватило знаний, чтобы вырубить всю систему.

Возможно, кто-то должен его остановить.

С другой стороны, сбивать гляделки не запрещено. Их постоянно сбивают. Это же свободный парк, здесь все позволено. Если Рон может вырубить все гляделки, то...

Возможно, кто-то должен его остановить.

Я прошел мимо стайки школьниц. Им было лет по шестнадцать, они оживленно щебетали. Наверное, впервые оказались в свободном парке. Я оглянулся, чтобы еще раз полюбоваться их хорошенькими личиками, и обнаружил, что они с благоговением и восторгом глядят на дракона на моей спине.

Пройдет всего несколько лет, они пресытятся и перестанут что-либо замечать. Джилл потратила на него почти полчаса сегодня утром. Великолепный красно-золотой дракон изрыгал огонь у меня на плече. Языки пламени словно светились изнутри. Чуть ниже были нарисованы принцесса и рыцарь в золотых доспехах. Принцесса была привязана к столбу, рыцарь улепетывал со всех ног. Я улыбнулся девочкам, и две из них помахали мне в ответ.

Короткие светлые волосы, золотистая кожа. У нее не было даже сумки на плече, как у других нудистов. Самая высокая девушка в поле зрения, Джилл Хейз стояла прямо перед Уилширским входом и явно недоумевала, куда я запропастился. Было пять минут четвертого.

Не так-то просто жить с адептом здорового образа жизни. Джилл настаивала, чтобы я привел себя в форму. Для этого мне нужно было каждый день заниматься спортом и к тому же проходить половину Королевского свободного парка пешком.

Впрочем, быстро ходить я отказывался. Кто же быстро ходит по свободному парку? Так ничего не увидишь. Джилл дала мне час, я сторговался на трех. Это был компромисс, как и хлопчатобумажные слаксы, которые я носил, не смотря на увлечение Джилл нудизмом.

Рано или поздно она найдет себе качка или меня вновь одолеет лень, и мы разойдемся. Но пока... мы неплохо ладили. Вполне разумно позволить ей завершить мою тренировку.

Она заметила меня.

— Рассел! Сюда! — крикнула она так громко, что услышали, должно быть, на обоих концах парка.

В ответ я медленно поднял и опустил руку, подражая семафору.

И все гляделки в Королевском свободном парке упали с неба.

Джилл озиралась по сторонам и видела удивленные лица и россыпи золотистых шаров в кустах и траве. Ко мне она подошла с некоторой опаской.

— Это ты сделал?

— Ага. Сейчас взмахну рукой — и они снова взлетят.

— Взмахни, — сухо сказала она.

Джилл отлично умеет делать непроницаемое лицо.

Я величественно взмахнул рукой, но, разумеется, все гляделки остались лежать.

— Интересно, что с ними случилось? — спросила Джилл.

— Это работа Рона Коула. Помнишь его? Он разукрасил несколько старых бутылок из-под пива «Микелоб» для музея стекла...

— Конечно. Но как?

Мы отправились на поиски Рона, чтобы спросить у него.

Накачанный студент взвыл и опрометью промчался мимо нас. Он пнул гляделку, как футбольный мяч. Золотистый корпус развалился. Парень снова взвыл и запрыгал на одной ноге, держась за ступню.

Везде были разбросаны мятые золотистые кожухи, сломанные резонаторы и погнутые параболические отражатели. Раскрасневшаяся женщина с гордым видом нацепила на руку несколько медных тороидов. Ребенок собирал камеры. Возможно, надеялся продать их за пределами парка.

После первой минуты я не увидел ни одной целой гляделки.

Но не все в парке усердно ломали их. Джилл устала на группу цивильно одетых людей с плакатами: «УМНОЖАЙ НАСЕЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ СОВОКУПЛЕНИЕ» — и пожелала узнать, не шутят ли они. Предводитель группы, мрачный тип, протянул нам брошюры, в которых говорилось, что попытки человечества вмешаться в генокод и инкубировать детей, как цыплят, суть зло и богохульство. Если он и притворялся, то весьма убедительно.

Мы прошли мимо семи маленьких человечков, от трех до четырех футов ростом, в компании высокой хорошенькой брюнетки. На всех были средневековые наряды. Мы изрядно удивились, но я заметил на их лицах макияж, и тут явно не обошлось без антизагара. Африканские пигмеи. Возможно, группа туристов от ООН, а девушка, видимо, экскурсовод.

Рона Коула не было там, где я его оставил.

— Наверное, смылся от греха подальше, — предположил я. — Еще никто никогда не сбивал все гляделки.

— Это не запрещено.

— Не запрещено, но это уже чересчур. Его могут как минимум не пускать больше в парк.

Джилл потянулась на солнышке. Она была большой и золотистой. Будь она поменьше, могла бы стать звездой мужского видеожурнала.

— Пить хочется, — сказала она. — Есть тут поблизости фонтанчик?

— Конечно, если его не заткнули. Это же...

— ...Свободный парк. Ты хочешь сказать, что даже за питьевыми фонтанчиками никто не следит?

— Стоит сделать одно исключение, и все посыплется. Если кто-нибудь ломает фонтанчик, его чинят ночью. Если я увижу, что кто-нибудь ломает фонтанчик, я ему накосячу. И не только я. Шарахнет раз-другой парализатором, глядишь, поумнеет.

Фонтанчик был цельным бетонным кубом с четырьмя кранами и металлической кнопкой размером с ладонь. Ее было сложно нажимать и сложно испортить. У фонтанчика стоял Рон Коул с растерянным видом.

Он обрадовался, завидев меня, но уверенности в себе у него не прибавилось.

— Это Джилл Хейз, вы знакомы.

— Конечно. Привет, Джилл.

Употребив ее имя по назначению, он немедленно его забыл.

— Мы думали, ты смылся, — сказала Джилл.

— Я пытался.

— И?

— Вы же знаете, как сложно устроены выходы. И это правильно, а то через них мог бы проскочить кто попало.

Рон запустил обе пятерни в волосы, но его прическа ничуть не изменилась.

— В общем, все выходы перестали работать. Наверное, были подключены к той же схеме, что и гляделки. Я этого не ожидал.

— То есть мы заперты, — подытожил я.

Досадно. И в то же время я испытывал странный трепет.

— Как по-твоему, это надолго?

— Без понятия. В парк нужно прислать новые гляделки. А еще починить систему лучевого питания, разобраться,

как я ее поломал, и закрыть лазейку. Наверное, мою троянскую гляделку уже разобрали на части, но полиция этого не знает.

— Да сюда попросту направят копов, — сказала Джилл.

— Посмотри по сторонам.

Повсюду валялись детали гляделок. Ни одна не уцелела. Только совсем тупой коп полезет в свободный парк.

Не говоря уже о том, что это испортит атмосферу парка.

— Надо было захватить поесть, — сказал Рон.

Справа от меня мелькнул плащ. Синяя бархатная лента, переливаясь, парила на высоте пяти футов, словно ковровая дорожка. Я не обратил на нее внимание спутников, чтобы не расстраивать Рона. Он и не заметил.

— Вообще-то, я даже рад, что так вышло, — с воодушевлением сообщил Рон. — Мне всегда казалось, что анархия — жизнеспособная форма общественного устройства.

Джилл из вежливости одобительно хмыкнула.

— В конце концов, анархия — всего лишь крайнее проявление свободного предпринимательства. Что такого может правительство, чего не могут сами люди? Защитить нас от других стран? Если бы анархия царила повсюду, мы бы не нуждались в армиях. В полиции — возможно, но полиция вполне может быть частной.

— Пожарные команды работали по этой модели, — припомнила Джилл. — Их нанимали страховые компании, чтобы защищать дома своих клиентов — и только.

— Точно! Итак, нужно просто купить страховку от кражи и убийства, и страховые компании наймут полицейских. Клиент носит с собой кредитную карту...

— А если грабитель заберет и карту?

— Он не сможет ею воспользоваться. Идентификация по сетчатке глаза.

— Но без кредитной карты клиент не сможет натравить копов на вора.

— Действительно, — осекся Рон. — Ну...

Я уже знал его доводы и потому слушал краем уха, всматриваясь в синий бархат. На одном конце плаща было

пусто, на другом — обнаружилась рыжая красotka. Она беседовала с двумя мужчинами, одетыми не менее эксцентрично.

Кому-то может показаться, что свободный парк — это один большой маскарад. На самом деле нет. В костюмах щеголяют не больше десяти процентов посетителей, но они бросаются в глаза.

Эти ребята нарядились полуптицами.

Вместо бровей и ресниц у них были крошечные перышки: у одного — зеленые, у другого — золотистые. На головах торчали хохолки из синих, зеленых и золотистых перьев покрупнее. Обнаженные торсы Джилл сочла бы вполне удовлетворительными.

Рон продолжал читать лекцию:

— Какая вообще польза от правительства для тех, кто в нем не служит? Раньше существовали частные почтовые компании, и они были дешевле, чем современные. Все, что правительство подминает под себя, немедленно дорожает. Нет ничего такого, с чем способно справиться правительство и не способна частная инициатива...

— Боже мой! — ахнула Джилл. — Какая прелесть!

Рон обернулся.

Словно по команде, девушка в плаще ударила одного из птицеликих по губам. Она попыталась врезать и второму, но он перехватил ее запястье. Все трое замерли.

— Видишь? — сказал я. — Она отказывает всем. Ей не нравится даже просто стоять на месте. Она...

И в этот миг я понял, почему они застыли как вкопанные.

В свободном парке девушки легко отказывают парням. Если парень не понимает человеческого языка, достаточно влепить ему пощечину. Парализатор оглушит обоих. Очнувшись, каждый отправится своим путем.

Все просто.

Девушка первой сообразила, что к чему. Она ахнула, выдернула руку и пустилась наутек. Вместо того чтобы утруждать себя погоней, один из птицеликих вцепился в плащ.

Дело принимало серьезный оборот.

Девушка дернулась, остановилась, поспешно оторвала большие золотые диски от плеч и побежала. Птицеликие со смехом погнались за ней.

Рыжая не смеялась. Она улепетывала со всех ног. С ее плеч текли две струйки крови. Я хотел было остановить птицеликих, но пока прикидывал расклад сил, они уже промчались мимо.

Плащ висел в воздухе, словно ковровая дорожка, и оба его конца были пусты. Джилл поежилась и обхватила себя руками.

— Рон, что нужно сделать, чтобы нанять частных полицейских?

— Ну... нужно время, чтобы они появились.

— Идем. Может быть, получится выбраться.

До людей доходило с трудом. Все знали, что делают гляделки. Никто особо не задумывался почему. Два парня в перьях гонятся за хорошенькой голой девицей? Чудесное зрелище. Зачем вмешиваться? Если она против, нужно просто... что? А больше ничего не изменилось. Ряженные, фанатики, задиры, зеваки, шутники...

Парень с пустым плакатом присоединился к компании с плакатами: «УМНОЖАЙ НАСЕЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ СОВОКУПЛЕНИЕ». Его розовая рубаша в пятнах от травы странно контрастировала с их цивильными костюмами, но лицо было столь же неестественно серьезным. Тем не менее, похоже, они были не рады его обществу.

Возле Уилширского выхода собралась толпа. По озадаченным и разочарованным лицам стало ясно, что он закрыт. В крошечном вестибюле скопилось столько народу, что мы даже не пытались посмотреть, что с дверями.

— Пожалуй, не стоит здесь торчать, — встревоженно сказала Джилл.

Я обратил внимание, что она обнимает себя за плечи.

— Ты замерзла?

— Нет, — снова поежилась Джилл, — но в одежде мне было бы спокойнее.

— Хочешь кусок того бархатного плаща?

— Конечно!

Мы опоздали. Плащ исчез.

Теплый сентябрьский день клонился к закату. Я ни капли не мерз в своих хлопчатобумажных слаксах.

— Надень мои слаксы, — предложил я.

— Спасибо, милый, но ты же не нудист.

Однако Джилл продолжала обнимать себя обеими руками.

— Держи. — Рон протянул ей свой свитер.

Она с благодарностью взглянула на него и смущенно повязала свитер на талию.

Рон пришел в замешательство.

— Ты знаешь, в чем разница между обнаженным и голым человеком? — спросил я.

Он покачал головой.

— Обнаженный человек — это художник. Голый — беззащитная жертва.

Нудизм был популярен в Королевском свободном парке, но в тот вечер мало кому хотелось разгуливать голым. Обрывки плаща разлетелись по всему парку. Я лично насчитал не меньше четырех. Один был повязан, как килт, два — наподобие саронга, третий — вместо бинта.

Обычно вход в Королевский свободный парк закрылся в шесть. В парке разрешалось оставаться на ночь, но народ расходился по домам за отсутствием фонарей, которые можно бить. Немного света давали городские огни. Над головой летали гляделки, оборудованные инфракрасными датчиками, но большинство из них работало в автоматическом режиме.

Сегодня вечером все будет иначе.

Солнце уже село, но было еще светло. К нам направилась разъяренная сморщенная старушка, тяжело топая ногами. Я решил, что она сердится на нас, но ошибся. От злости она не видела, куда идет.

Старушка наткнулась на мои ноги и подняла взгляд:

— А, это вы! Тот самый, который помог сломать газонкосилку!

Клевета.

— Свободный парк, говорите? Свободный парк! Двое мужчин только что отняли мой ужин!

— Мне очень жаль, — развел я руками. — Правда. Ведь если бы они его не отняли, мы бы попробовали уговорить вас поделиться.

Она утратила немного запала и чуть не расплакалась.

— Значит, будем голодать вместе. Я принесла ужин в полиэтиленовом пакете. В следующий раз возьму непрозрачный!

Она заметила Джилл в импровизированной юбке из свитера и добавила:

— У меня было полотенце, дорогая, но я уже отдала его девушке, которой оно было нужно еще больше, чем вам.

— Все равно спасибо.

— Можно я побуду с вами, пока гляделки не заработают? Почему-то я не чувствую себя в безопасности. Меня зовут Гленда Хоторн.

Мы представились. Гленда Хоторн пожала нам руки. Темнело. Высокие живые изгороди скрывали город, но когда вспыхнули огни Вествуда и Санта-Моники, разница оказалась впечатляющей.

Полиция не спешила чинить гляделки.

Мы дошли до луга, на котором Общество любителей творческих анахронизмов порой устраивало турниры. Они сражаются специально утяжеленным оружием, имитирующим мечи, боевые топоры, дубинки с шипами и так далее. Все оружие снабжено маячками для защиты от чужих рук. Луг большой и ровный, на нем нет деревьев, края загигаются сверху.

На одном из склонов что-то шевельнулось.

Я остановился. Движение не повторилось, но в отраженном от белых облаков свете я разглядел розоватую человеческую фигуру и рядом с ней бледный прямоугольник.

— Я сейчас, — тихо сказал я.

— Не глупи, — фыркнула Джилл. — Здесь негде спрятаться. Пойдем вместе.

На погнутом пустом плакате отпечатались следы ботинок. Его владелец поднял на нас полный страдания взгляд. Под носом парня засохла кровь.

— Кажется, мне вывихнули плечо, — с трудом прошептал он.

— Я посмотрю, — сказала Джилл.

Она склонилась над ним, ощупала плечо, собралась и с силой дернула его за руку. Парень с пустым плакатом завопил от муки и отчаяния.

— Готово, — удовлетворенно заметила Джилл. — Болит?

— Уже меньше, — слабо улыбнулся он.

— Что случилось?

— Меня хотели прогнать — толкали, пинали. И я пошел прочь. Правда пошел. А потом один гад вырвал у меня плакат... — Он на мгновение умолк и сменил тему. — Я никого не обижал своим плакатом. Я студент, будущий психиатр. Пишу диссертацию о том, что люди видят на пустом плакате. Как на чистых листах в тестах Роршаха.

— И как на него реагируют?

— Как правило, враждебно. Но не настолько, — растерянно ответил парень. — Где искать свободу слова, как не в свободном парке?

Джилл вытерла ему лицо салфеткой из сумочки Гленды Хоторн.

— Тем более что вы ничего не говорите, — сказала она. — Рон, расскажи-ка нам еще об анархии как форме правления.

Рон прочистил горло.

— Не стоит судить ее по таким проявлениям. Королевский свободный парк является анархией всего пару часов. На развитие нужно время.

Гленда Хоторн и парень с пустым плакатом явно не понимали, о чем он толкует. Надеюсь, Рону доставит удовольствие ввести их в курс дела. Интересно, он признается, что сбил гляделки?

Этот луг прекрасно подойдет, чтобы провести ночь. Открытое пространство, никаких укрытий и теней, никто не сможет незаметно подкрасться.

Мы лежали на мокрой траве и то погружались в дрему, то болтали. На поле для поединков пришли еще две такие же небольшие группы. Мы держались друг от друга

поодадь. Иногда до нас доносились голоса, и было ясно, что соседи не спят, по крайней мере некоторые.

Парень с пустым плакатом забылся беспокойным сном. У него болели ребра, хотя, по мнению моей подруги, они не были сломаны. Время от времени он хныкал, дергался и просыпался, после чего заставлял себя смирно лежать, чтобы снова уснуть.

— Деньги, — произнесла Джилл. — Чтобы печатать деньги, нужно правительство.

— Можно печатать долговые расписки стандартного достоинства и заверять нотариально. Обеспечением послужит репутация, — сказал Рон.

— Похоже, ты все продумал, — тихо засмеялась Джилл. — На долговых расписках далеко не уедешь.

— Тогда кредитные карты.

Я больше не верил в анархию Рональда.

— Рон, помнишь девчонку в длинном синем плаще? — спросил я.

Едва заметная пауза.

— Да.

— Хорошенькая, правда? Отрада для глаз.

— Конечно.

— Если бы закон не запрещал ее насиловать, она бы куталась в длинное платье и брала с собой газовый баллончик. Тоска, да и только. Мне нравится смотреть на наготу, но все мигом оделась, стоило гляделкам упасть.

— Ммм, — неопределенно протянул Рон.

Холодало. Далекие голоса и редкие крики пронизывали тонкими нитями черный полог тишины. Затем его вспомнил голос миссис Хоторн:

— Что этот парень хотел сказать своим пустым плакатом?

— Ничего, — ответила Джилл.

— Как бы не так, милочка. Он явно хотел что-то сказать, сам того не сознавая, — медленно произнесла миссис Хоторн, облекая мысли в слова. — Когда-то существовала организация, которая протестовала против законопроекта о принудительной контрацепции. Я вступила в нее. Мы часами ходили с плакатами. Печатали брошюры. Приста-

вали с разговорами к прохожим. Мы тратили свое время и деньги, трепали себе нервы, потому что хотели распространять свои идеи. И если бы к нам присоединился парень с пустым плакатом, он бы что-то говорил им. Его плакат означает, что у него нет своего мнения. Если бы он присоединился к нам, он бы говорил, что у нас тоже нет мнения. Он бы говорил, что наше мнение гроша ломаного не стоит.

— Расскажите ему об этом, когда проснется, — посоветовал я. — Пусть запишет в свой блокнот.

— Но в его блокноте написана неправда. Разве стал бы он ходить с пустым плакатом среди людей, с которыми согласен?

— Может быть, и нет.

— Я... наверное, не люблю людей, у которых нет своего мнения.

Миссис Хоторн встала. Она несколько часов просидела по-турецки.

— Вы не в курсе, нет ли поблизости аппарата с газировкой?

Разумеется, нет. Ни одна частная компания не захочет менять сломанные автоматы пару раз в день. Но от слов миссис Хоторн жажда разыгралась с новой силой. В конце концов мы все поднялись и направились к питьевому фонтанчику.

Все, кроме парня с пустым плакатом.

Отличная вышла история с пустым плакатом. Как странно и как страшно, что такое базовое право, как свобода слова, зависит от такого пустяка, как парящая в небе гляделка.

Хотелось пить.

Подсвеченный городскими огнями парк пересекали тени с острыми краями. В неверном свете казалось, что можно разглядеть намного больше, чем на самом деле. Я всматривался в тени, но, хотя повсюду что-то происходило, видел только тех, кто шевелился. Мы вчетвером сидели под огромным дубом и наверняка были невидимы издалека.

Разговаривали мало. В парке было тихо, только от фонтанчика время от времени доносился хохот.

Нестерпимо хотелось пить. Моим спутникам, очевидно, тоже. Фонтанчик — цельный куб из бетона — находился прямо перед нами на открытом месте. Вокруг него расположились пятеро мужчин.

Все пятеро были одеты в хлопчатобумажные шорты с большими карманами и выглядели как первоклассные спортсмены. Возможно, они принадлежали к одному ордену, или братству, или отряду офицеров резерва.

Они захватили фонтанчик.

Когда кто-нибудь пытался попить, высокий пепельный блондин делал шаг вперед, вытянув растопыренную пятерню. Его лягушачий рот растягивался в ухмылке, которая в иных обстоятельствах могла показаться заразной.

— Сюда нельзя. Проход закрыт именем бессмертного Ктулху, — гулко басил он какую-нибудь чушь.

Проблема заключалась в том, что они не шутили. А может, и шутили, только пить никому не давали.

Когда мы подошли, девушка в полотенце пыталась их уговорить. Ничего не получилось. Они еще больше надулись от гордости: хорошенькая полуголая девица умоляет их дать воды! В конце концов она сдалась и отошла.

В тусклом свете ее волосы отливали рыжим. Мне хотелось верить, что это та девушка, ходившая в плаще. Судя по голосу, она была совершенно невредимой.

Толстяк в желтом офисном свитере попытался качать права. Это было ошибкой. Неподходящая ночь для такого занятия. Блондин довел его до истерики. Исторгнув поток не слишком изощренных ругательств, толстяк попытался ударить блондина. На крикуна набросились сразу трое. Он со стонами уполз на карачках, угрожая вызвать полицию и подать в суд.

Почему никто ничего не сделал?

Я наблюдал за происходящим, сидя под дубом. Могу рассказать, почему не стал вмешиваться. Во-первых, почему-то ждал, что гляделка шарахнет обоих драчунов. Во-вторых, мне не понравился крикливый толстяк. Не люблю

сквернословов. В- третьих, я надеялся, что вмешается кто-то другой.

Как и в случае с девушкой в плаще. Черт!

— Рональд, сколько времени? — спросила миссис Хоторн.

Наверное, Рон единственный во всем Королевском свободном парке знал, который час. Обычно ценные вещи оставляли в шкафчиках у входов. Много лет назад Рон разбогател на продажах гравированных бутылок из-под пива и имплантировал себе часы. Под кожей на его запястье вспыхнули красное кольцо и две красные линии. Женщины сидели между нами, но я заметил, как он взглянул на руку.

— Четверть двенадцатого.

— Как вы полагаете, может, им наскучит и они уйдут? — жалобно спросила миссис Хоторн. — Уже двадцать минут никто не пытался попить.

Джилл прижалась ко мне в темноте.

— Вряд ли им более скучно, чем нам. Думаю, им наскучит, но они не уйдут. Кроме того... — Она не договорила.

— Кроме того, нам хочется пить сейчас, — сказал я.

— Да.

— Рон, ты не видел тех парней, которые швырялись камнями? Особенно того, который сбил гляделку.

— Нет.

Неудивительно. В такой-то темноте.

— А ты не помнишь, как его... — Я даже договаривать не стал.

— Помню! — внезапно ответил Рон.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Его звали Пучеглаз. Такое имечко не забудешь.

— Наверное, у него были большие выпуклые глаза?

— Я не обратил внимания.

Что ж, попытка не пытка. Я встал, приставил руки рупором ко рту и заорал:

— Пучеглаз!

Один из хозяев водопоя крикнул:

— Ну-ка, тихо!

— Пучеглаз!

Хозяева водопоя обменялись репликами:

— Ну и манеры у этих деревенщин.

— Просто им хочется пить. Этот тип...

Сбоку донеслось:

— Чего тебе?

— Мы хотим с тобой поговорить! Оставайся на месте!

Я повернулся к Рону:

— Идем.

Джилл и миссис Хоторн я велел сидеть под дубом и не вмешиваться.

Мы вышли на открытое пространство между нами и голосом Пучеглаза.

Двое из пяти здоровяков попытались нас перехватить. Должно быть, и правда заскучали без дела.

Мы припустили со всех ног и добрались до тени деревьев первыми. Спортсмены остановились, хохоча, как сумасшедшие, и вернулись к фонтанчику.

Из-за спины раздался голос четырнадцатилетнего паренька:

— Рон?

Мы с Роном лежали ничком в тени низких кустов. Перед нами простиралось широкое открытое поле с питьевым фонтанчиком, вокруг которого стояли по стойке вольно четыре парня в хлопчатобумажных шортах. Пятый здоровяк высматривал жертву.

На залитый лунным светом луг вышел паренек, пройдя между нами. У него были большие сияющие выразительные глаза, быть может, чуточку слишком выпуклые. Кисти рук тоже были большие, с узловатыми костяшками. Он прихватил горсть желудей.

Мальчик принялся быстро швырять их из-за спины. Один, второй... Хозяева водопоя задержались и повернулись к нам. Пучеглаз продолжал бросать желуди.

Два здоровяка сорвались с места. Пучеглаз не унимался, пока они не подобрались совсем близко, после чего запустил в них все оставшиеся снаряды и нырнул в тень.

Парочка пробежала между нами. Первого — говорливого блондина с лягушачьим ртом — мы пропустили. На его мрачном лице была написана жажда крови. Второй был низким и широкоплечим. Полузащитник. Казалось, на нас надвигается настоящая гора мышц. Я встал прямо перед ним, рассчитывая, что он замрет от удивления, и не прогадал. Когда он остановился, я со всей силы врезал ему в челюсть.

Он пошатнулся и сделал шаг назад. Рон обхватил его рукой за горло.

Здоровяк сопротивлялся. Рон не сдавался. Я проделал трюк, который часто видел по телевизору: сцепил пальцы и треснул обеими руками по затылку противника.

Блондин должен был уже вернуться. Я оглянулся. Во-время! Он бросился на меня, прежде чем я успел поднять руки. Мы покатались по земле. Он прижимал мои руки к бокам, но и сам не мог пошевелить руками, не отпустив меня. Мы оба дали маху. Он пытался выбить из меня дух. Рон приплясывал над нами, высматривая, куда бы ударить.

Внезапно в драку ввязалась целая куча народа. Три парня оттащили от меня блондина, и окровавленный толстяк в желтом офисном свитере шагнул вперед и врезал ему по башке камнем.

Блондин обмяк.

Я с трудом переводил дыхание.

Толстяк встал в стойку и врезал блондину слева кулаком с зажатым камнем. Голова блондина дернулась назад, и он упал ничком.

— Эй! — Я подскочил к толстяку и перехватил руку с камнем.

Кто-то врезал мне по шее сбоку.

Я отпустил толстяка, чувствуя себя марионеткой с перерезанными нитями. Кто-то пытался поднять меня на ноги... Рон... Журчание голосов... Крик «Держи его!»...

Блондина нигде не было видно. Второй — полузащитник — встал и шатаясь побрел прочь. Из-за деревьев вышли тени и навалились на него. Деревья ожили, а ведь это была совсем крошечная рощица. Полная озлобленных людей, которые страдали от жажды.

К нам вернулся Пучеглаз, широко улыбаясь:

— Что дальше? Отойдем в сторону и повторим трюк?

— Только не это! Дело пахнет кровью. Рон, мы должны их остановить. Они убьют его!

— Это свободный парк. Попробуй встать.

— Рон, они убьют его!

Остальные хозяева водопоя бросились на помощь. Один из них был вооружен веткой с ободранными листьями. За их спинами тени устремились к фонтанчику.

Мы пустились наутек.

Шагов через десять мне пришлось остановиться. Голова трещала от боли. Рон тревожно оглянулся, но я махнул ему рукой. Парень с веткой продрался сквозь деревья и бросился ко мне с явным намерением убить.

Шум за его спиной внезапно прекратился.

Я приготовился встретить удар.

И потерял сознание.

Он лежал на моих ногах, сжимая ветку в руке.

Джилл и Рон тянули меня за плечи. Над головой витали две золотистые луны.

Извиваясь, я выбрался из-под здоровяка. Ощупал голову. Кажется, все на месте.

— Гляделки оглушили его, прежде чем он добрался до тебя, — пояснил Рон.

— А остальные? Блондина убили?

— Я не знаю. — Рон запустил пальцы себе в волосы. — Я был не прав. Анархия нестабильна. Она слишком легко распадается на части.

— Тогда хватит экспериментов, договорились?

Вокруг начали вставать люди. Они все быстрее и быстрее шли к выходам под желтым прищуром полицейских гляделок.

АГРЕССОРЫ

Банк органов является ключом к пониманию и этой эпохи, и следующих периодов колонизации планет. Он фигурирует в трех историях о Джиле из АРМ, а также в «Даре Земли», где подробно рассказывается о жизни на Горе Погляди-ка.

Фсстпок из расы пак — второй инопланетянин, вступивший в контакт с земной цивилизацией. Хотя он и проделал огромный путь от самого ядра Галактики, его нельзя считать совершенным чужаком, ведь паки человечеству родня. Перед смертью он сделал первого человека-защитника из Джека Бреннана, старателя с Пояса астероидов.

Наступил Золотой век, период мира и процветания и для Земли, и для Пояса астероидов, продлившийся двести пятьдесят лет. В частности, прогресс в области регенеративной медицины и аллопластики ликвидировал проблему банка органов. Нельзя исключать, что все это произошло благодаря вмешательству сверхразумного существа, с некоторых пор оно зовется Бреннаном-Монстром. Хронику Бреннана вы найдете в романе «Защитник».

К сожалению, Бреннан ничего не знал о кзинах, а потому не мог подготовить человечество к встрече с ними...

Л. Н.

— Я совершенно уверен, что они заметили наше приближение, — настаивал специалист по инопланетной технике. — Капитан, видите обод?

Почти целиком экран заполняло изображение серебристого вражеского корабля — широкое, толстое кольцо вокруг цилиндрической оси, как будто внутри платинового браслета подвешен механический карандаш. К переднему торцу цилиндра был пристыкован атмосферный посадочный модуль — остроносый, с крыльями и плавниками-стабилизаторами. По цилиндру продольно шли угловатые

буквы, совершенно не похожие на точки и запятые кзинского алфавита.

— Разумеется, вижу, — ответил капитан.

— Когда был обнаружен чужой корабль, кольцо вращалось. Но замерло, как только мы подошли на двести тысяч миль, и с этого момента не двигается.

Неторопливые, плавные виляния хвоста, этакой розовой плети, выдавали напряженную работу начальственной мысли.

— Тревожная новость, — озвучил наконец свой вывод капитан. — Почему они не пытаются скрыться, если знают о нашем присутствии? Уверены, что одержат верх?

Он резко повернулся к инотехнику:

— Считаешь, бежать следует нам?

— Нет, капитан! Мне неизвестна причина их бездействия, но они, безусловно, не могут рассчитывать на победу. В жизни ни видел таких примитивных космических кораблей. — Объясняя, специалист водил клешней, как указкой. — Наружная оболочка — сплав на основе железа. Вращение обода — это для создания искусственной гравитации, в роли которой выступает центростремительная сила. Следовательно, генератора гравитации у них нет. Не удивлюсь, если окажется, что на этом корабле реактивный двигатель.

Капитан прянул кошачьими ушами:

— Но мы в световых годах от ближайшей звезды!

— Возможно, в разработке реактивных двигателей они зашли дальше нас. Мы ведь отказались от этого направления, своевременно изобретя генератор гравитации.

На обширной консоли управления сработал зуммер.

— Входи, — разрешил капитан.

Снизу через люк проскочил начальник оружейной боевой части и замер по стойке «смирно»:

— Капитан, все наши орудия нацелены на противника.

— Отлично. — Капитан повернулся кругом. — Инотехник, уверен ли ты, что противник неопасен?

— Даже не представляю, чем он может нам угрожать, — оскалил острые зубы офицер.

— Хорошо. Оружейник, будь готов открыть огонь всеми калибрами, но только по моей команде. Этот корабль мне нужен целым и невредимым. Уши отгрызу тому, кто его сдаст.

— Ясно, капитан.

— Где телепат?

— Скоро будет здесь, капитан. Я его разбудил.

— Горазд же он дрыхнуть. Передай, пусть скорее тащит сюда свой хвост.

Оружейник отдал честь, развернулся и провалился в люк.

— Капитан? — Инотехник стоял у экрана, на котором теперь виднелся окольцованный конец чужого корабля, и показывал на блестящий, как зеркало, край осевого цилиндра. — Похоже, предназначение этого торца — излучать свет. Выходит, у них фотонный двигатель.

Обдумав услышанное, капитан спросил:

— А может, это сигнальное устройство?

— Муррр... Не исключено, капитан.

— Тогда не будем спешить с выводами.

Точно гренок из тостера, из люка выскочил телепат. С преувеличенным подобострастием вытянулся в струнку:

— По вашему приказанию прибыл.

— Звонить надо, прежде чем входить!

— Виноват, капитан.

Заметив светящееся изображение, телепат вмиг оставил свои кривляния и на мягких лапах двинулся к экрану.

Инотехник поморщился — в отсеке управления ему вдруг стало очень неуютно.

Глаза у вновь прибывшего были налиты фиолетовой кровью, розовый хвост висел безвольно. По своему обыкновению, телепат выглядел так, будто умирал от недосыпания. На самом деле он только и знал что отлеживать бока; вот и сейчас явился, не потрудившись расчесать свалявшуюся на одном из них шерсть. Ну, разве так должен выглядеть завоеватель из расы кзинти? Это сущее чудо, что капитан до сих пор не расправился с ним.

Но нет, конечно же, капитан никогда не поднимет лапу на телепата. Таких кадров слишком мало, они исклю-

чительно ценны. И крайне неустойчивы в эмоциональном плане; впрочем, это вполне объяснимо. Имея дело с телепатом, капитан всегда держал норов в узде. Вернее, предпочитал срывать злость на свидетелях его бессилия. Две молекулы воздуха не успевали стукнуться друг о дружку, а ни в чем не виноватый подчиненный уже лишился звания или ушей.

— Мы выследили неприятельский корабль, — сообщил капитан. — Хотелось бы получить сведения о нем. Можно ли прочесть мысли экипажа?

— Да, капитан.

В голосе прозвучала страдальческая нотка, но телепату хватило благоразумия не протестовать.

Он отошел от экрана и утонул в кресле.

Постепенно его уши сжались в тугие комки, зрачки сузились, крысиный хвост обмяк вконец, уподобившись фланелевой тряпке.

Телепата объяла реальность одиннадцатого чувства.

Он тотчас же поймал мысль капитана: «...Тухлый кусок гражданского стхондата...» И поспешил уйти с этой «волны». Начальственный разум внушал ему одно лишь отвращение.

Постепенно телепат отвлекся, отгородился от других разумов, бодрствующих на борту его корабля. Осталось только бездумье и хаос.

Но хаос не пустовал. В нем рождались необычные, тревожащие мысли.

Телепат заставил себя сосредоточиться.

В отсеке связи у стенки неподвижно висел в невесомости Стив Уивер. Этого светловолосого и синеглазого здоровяка часто можно было застать в позе абсолютной расслабленности, и казалось, никакая причина не заставит его хотя бы моргнуть. От левой руки пилота тянулась к вентилиационному отверстию струйка дыма.

— Ладно, хватит, — устало заключила Энн Гаррисон и перекинула четыре тумблера на пульте.

При каждом щелчке гасла крошечная лампочка.

— Что, молчат? — спросил Стив.

— Угу. Готова поспорить, у них даже рации нет.

Энн покинула плетеное кресло и распласталась в воздухе на манер морской звезды.

— Наша рация на приеме, громкость достаточна — услышим, если они все-таки решат выйти на связь. Ох, до чего же хорошо! — сказала она и свернулась в плотный клубок.

Возле коммуникационной консоли Энн просидела в неудобной позе больше часа. Эта женщина могла бы сойти за сестру-близнеца Стива: почти с него ростом, похожа цветом волос и глаз, а крепкие мышцы, растягивающие ткань синего прыжкового комбинезона, свидетельствуют о добросовестных тренировках.

Метким щелчком Стив послал окуроч в отверстие кондиционера.

— Ну, допустим. А что у них есть?

Вопрос удивил Энн.

— Не знаю...

— Давай считать, что это задачка на логику. Если нет радиосвязи, как их корабли сообщаются между собой в космосе? Естественно, мы полагаем, что сейчас пришельцы пытаются связаться с нами. Каким способом — вот вопрос.

— И каким же?

— А ты думай, Энн, предлагай варианты. И Джима привлеки.

В этом году Джим Дэвис был ее мужем. А обязанности судового врача он выполнял в течение всего полета.

— Детка, кто решит эту задачку, если не ты? Хочешь дымовую палочку?

— Не откажусь.

Стив толкнул к собеседнице свой суточный табачный паек.

— Возьми несколько. Мне нужно идти.

— Спасибо, — сказала Энн.

К Стиву вернулась похудевшая пачка.

— Если что-нибудь начнется, дай знать, — попросил он. — Или если появятся идеи.

— Хорошо. Стив, ты не беспокойся, что-нибудь обязательно произойдет. Наверняка они не меньше нашего стараются выйти на связь.

Из каждой каюты и служебного отсека дверь вела в узкий коридор, что проходил по всей внешней стороне кольцевой секции. Стив рывком отправил себя в дверной проем, снаружи сманивировал, чтобы коснуться пола. Далее продвигаться было легче, пол изгибался навстречу, — знай отталкивайся от него да плыви по-лягушачьи. Из двенадцати членов команды «Ангельского карандаша» Стив лучше всех освоил этот навык. Да и могло ли быть иначе? Ведь он поясник, а все остальные — плоскоземельцы, уроженцы Земли.

Вряд ли Энн найдет способ связаться с инопланетянами, подумал он. Дело тут не в нехватке ума. Просто девчонке недостает любопытства, нет у нее страсти к головоломкам. Только сам Стив да Джим Дэвис...

Продвигаясь слишком быстро, он отвлекся на свои мысли и врезался в возникшую под изгибом потолка Сью Бханг. Хватаясь за стены, оба кое-как остановились.

— Привет, — сказала Сью. — Что, опять правила движения нарушаем?

— Здравствуй, Сью. Куда путь держишь?

— В отсек связи. А ты?

— Решил еще разок проверить управление двигателем. Вряд ли нам понадобится тяга, но лучше убедиться, что все в порядке.

— Стив, тебя что-то беспокоит, да? — Задавая вопросы, Сью всегда склоняла голову набок. — И вообще, когда ты нас снова раскрутишь? Боюсь, мне не суждено привыкнуть к невесомости.

Да ладно, подумал Стив. Похоже, она прямо-таки рождена для жизни при нулевой гравитации. Маленькая, стройная, а летает точно птица. Невесомость ей нипочем.

— Как только удостоверюсь, что нам не понадобится в ближайшее время двигатель. А пока — постоянная готовность к старту. Вообще-то, я надеюсь снова увидеть тебя в юбке.

Польщенная, она рассмеялась:

— Ладно, можешь не раскручивать. Я не переоденусь, и мы не стартуем. Эйбел говорит, чужак делал двести «же», когда лег на параллельный курс. А сколько может развить «Ангельский карандаш»?

Услышанное поразило Стива.

— Максимум ноль целых пять сотых. И я еще собирался играть с ним в догонялки? М-да... Возможно, мы все-таки найдем способ пообщаться с его экипажем. У Энн пока ничего не получается — я только что был в отсеке связи.

— Плохо.

— Будем ждать — ничего другого не остается.

— Вечно тебе, Стив, не терпится. Правду говорят про вашего брата поясника, что вы не умеете ходить, только бегаєте? Иди сюда.

Сью взялась за скобу и подтянула его к толстому стеклу — такие окна шли по всей наружной стороне коридора:

— Вот он.

Среди точек, светившихся с интенсивностью дуговой лампы и имевших благодаря доплеровскому смещению голубоватый оттенок, висел темно-красный диск чужого корабля.

— Я его в телескоп разглядывал, — сказал Стив. — Там по всей поверхности какие-то шишки и гребни. А на боку нарисовано кольцо из зеленых точек и запятых. Похоже на текст.

— Сколько уже мы ждем встречи с ними? Пятьсот тысяч лет? И вот они здесь. И никуда не уйдут, можно на этот счет не беспокоиться. — Она задумчиво смотрела в иллюминатор, полностью сосредоточившись на красном круте; ее голову окружало облако плывущих в невесомости черных с лоском кудрей. — Первые инопланетяне... Интересно, на кого они похожи.

— Не ты одна, весь экипаж догадки строит. Пришельцам необходима исключительная телесная прочность либо надежные технические средства, чтобы выдерживать такие чудовищные перегрузки. И похоже, им нисколько не мешает нулевая гравитация. Корабль явно не предназначен для вращения.

Стив всматривался в звездный космос, по обыкновению расслабив все мышцы; лишь на лице читалась тревога.

— Мне покоя не дает одна мыслишка, — признался он.

— Какая?

— Что, если это агрессоры?

— Агрессоры? — Сью попробовала незнакомое слово на вкус и решила, что ей не нравится.

— Мы же ничего о них не знаем. А вдруг их тянет в драку?

— Что значит?.. — ахнула она, и лицо на миг исказилось в ужасе. — Откуда у тебя такие подозрения?

— Прости, Сью, не хотел тебя пугать.

— Извиняться не надо, просто ответь. С чего ты взял... Тихо!

Показался Джим Дэвис. Ему было двадцать семь, когда «Ангельский карандаш» покидал Землю. К тридцати восьми врач успел обзавестись брюшком. Добродушный, с аномально длинными и тонкими пальцами, он был самым старшим в экипаже. Его дед, обладатель таких же пальцев, посвятил себя хирургии и прославился на весь мир. С тех пор как людей в этой профессии сменили автоврачи, наследственная арахнодактилия была не подспорьем для Дэвиса, а всего лишь физическим недостатком.

Он продвигался смешными прыжками — магнитные сандалии любую походку превращают в клоунскую.

— Привет честной компании, — сказал Дэвис.

— Здравствуй, Джим, — сдержанно ответила Сью.

Дождавшись, когда он пройдет мимо, она хриплым шепотом обратилась к Стиву:

— Разве у вас в Поясе принято выяснять отношения на кулаках?

Она просто не поверила услышанному. Наверное, считала физическое насилие самым отвратительным явлением на свете.

— Не принято! — возмущенно отрезал Стив, а затем неохотно добавил: — Иногда потасовки все же случаются. — И поспешил объяснить: — Видишь ли, все наши врачи, и психологи в том числе, живут на крупных базах вроде Цереры. Чтобы обслуживать нуждающихся в медицинской

помощи шахтеров, они должны находиться там, где их нетрудно найти. Но проблема в том, что люди рискуют жизнью и здоровьем не на базах, а на астероидах. Ты как-то заметила, что я никогда не жестикулирую. Такая привычка есть у всех поясников. Очень уж тесен старательский корабль; будешь махать руками — запросто заденешь что-нибудь важное. Например, кнопку открытия воздушного шлюза.

— Порой это выглядит жутковато. Ты по несколько минут не шевелишься.

— На астероидах люди живут в постоянном нервном напряжении. Риск, скука и усталость бывают предельными. Внутри корабля слишком тесно, зато за бортом — чудовищный, сводящий с ума простор. И нельзя своевременно обратиться к психотерапевту. Вот и дерутся поясники в барах. Однажды такое случилось у меня на глазах — парень молотил кулачищами, точно кувалдами.

Стив помолчал, уйдя мыслями в далекое прошлое. Затем снова повернулся к Сью. Она побледнела, и ее, похоже, мутило, как неопытную медсестру при виде первого изувеченного пациента. У него же, напротив, краснели уши.

— Прости, — растерянно проговорил он.

Ей хотелось убежать; она была смущена ничуть не меньше, чем ее собеседник. Но Сью нашла в себе силы сказать:

— Это не важно. — И попыталась убедить себя, что не кривит душой. — Так ты полагаешь, что существа на борту этого корабля могут желать... э-э... войны?

Стив кивнул.

— Ты изучал земную историю?

Он грустно улыбнулся:

— Не смог осилить курс. Интересно, многим ли это удается.

— Примерно каждому двенадцатому.

— Негусто.

— Большинству людей сложно мириться с фактами из жизни наших предков, — сказала Сью. — Возможно, тебе известно, что... ммм... триста лет назад войны были в порядке вещей, но знаешь ли ты, что такое война? Способен ли представить ее себе? Вообразить, как посреди города

хладнокровно взрывают атомную электростанцию? Слышал ли что-нибудь о концлагерях? О локальных конфликтах? Может, думаешь, что вместе с войнами прекратились убийства? Как бы не так. Последнее случилось в начале двадцать второго века, всего лишь сто шестьдесят лет назад. Тот, кто говорит, что человеческую натуру изменить невозможно, просто-напросто невменяем. Чтобы этому утверждению поверили, необходимо дать четкое определение человеческой натуре — но такая задача невыполнима. Сегодняшняя мирная цивилизация нам досталась благодаря трем событиям, трем качественным скачкам в развитии технологий.

Сью взяла сухой, отстраненный тон, как у диктора из учебного фильма:

— Первое — это прогресс в психологии, благодаря чему она вышла из алхимической стадии. Второе — повышение рентабельности сельскохозяйственного производства до максимума. И третье — законы об ограничении рождаемости и ежегодные противозачаточные уколы. Все эти меры расширили наше жизненное пространство, позволили нам вздохнуть свободнее. Наверное, сыграла свою роль горнодобыча в Поясе и колонизация планет — благодаря им мы теперь сражаемся не с живыми врагами, а с неодушевленным космосом. Об этом даже историки спорят. Хотелось бы прояснить один деликатный вопрос, — постучала по стеклу иллюминатора Сью. — Посмотри на этот корабль. Как считаешь, у него достаточно мощный двигатель, чтобы рвануть с места, как почтовая ракета, и топлива, чтобы разогнаться до нашей предельной скорости, до ноля целых восьми десятых световой?

— Никаких сомнений.

— И при этом остается огромный запас тяги для маневрирования. Словом, этот корабль лучше нашего. Если инопланетянам хватило времени, чтобы сконструировать такую технику, то они как пить дать успели развить собственную психиатрию и добились столь же значительных успехов в продовольственном обеспечении, контрацепции, экономической теории и всем прочем, что необходимо для предотвращения войн. Намек ясен?

Горячность собеседницы вызвала у Стива улыбку.

— Конечно, Сю, в твоих словах есть логика. Но тот парень, что дрался в баре, — плоть от плоти нашей культуры, и он был вполне себе агрессивен. Если мы не способны понять, какие мотивы двигали им, что толку строить догадки о существах, чей химический состав нам совершенно неизвестен?

— Они разумны. Создают орудия труда.

— Правильно.

— Если Джим услышит от тебя такие речи, ты подвергнешься психиатрическому лечению.

— Вот это самый убойный из твоих аргументов, — ухмыльнулся Стив и погладил ее двумя пальцами под ухом.

Сю тотчас напряглась, лицо мучительно исказилось. Одновременно и у Стива вспыхнула в голове ужасная боль, как будто его мозг распухал, норовя разорвать череп.

— Я вышел на них, — полувнятно сообщил телепат. — Задавайте вопросы.

Капитан не терял ни секунды — он знал, что телепат не способен долго удерживать контакт.

— Принцип движения их корабля?

— Давление света, излучаемого в процессе примитивного водородного синтеза. Водород они берут из космоса, у них есть электромагнитный улавливатель.

— Оригинально... Могут ли они убежать от нас?

— Исключено. Двигатель работает вхолостую. Они готовы стартовать в любой момент, но это им не поможет — максимальная тяга смехотворна.

— Чем вооружены?

Телепат долго молчал, остальные терпеливо дожидались ответа. В куполовидном отсеке управления раздавались лишь те звуки, которые экипаж давно приучился не слышать: гул мощного тока, урчание голосов под палубой, рокот гравитационных моторов — будто постоянно вспарывается ткань.

— Ничем, капитан.

Речь кзина обрела ясность. Гипнотическая релаксация прервалась — у телепата дергались мышцы, он корчился, будто видел кошмарный сон.

— На борту нет даже ножа или дубины. Впрочем, ножи есть — кухонные. Для других целей они не используются. Эти существа неагрессивны, — заключил он.

— Неагрессивны?

— Да, капитан. И не ожидают агрессии от нас. У троих членов экипажа возникало предположение о нашей враждебности — и каждый сразу же выбросил эту мысль из головы.

— Интересно почему? — Понимая, что вопрос не имеет отношения к делу, капитан все же не удержался.

— Не знаю. Возможно, это как-то связано с их наукой или религией. Мне не удалось разобраться, — жалобно добавил телепат. — Такие непонятные мысли!

Должно быть, нелегко ему пришлось, подумал капитан. Совершенно чуждое мировоззрение...

— Чем они сейчас занимаются?

— Ждут, когда мы к ним обратимся. Они пытаются установить связь с нами, поэтому считают, что мы со своей стороны тоже не жалеем усилий.

— Но зачем им это?.. Впрочем, не важно, не отвечай. Можно их убивать теплом?

— Да, капитан.

— Прерви контакт.

Телепат вовсю замотал головой, как будто засунул ее в стиральную машину.

Дотронувшись до сенсорной панели, капитан взревел:

— Оружейник!

— Здесь!

— По кораблю противника — индукторами!

— Капитан! Индукторы действуют медленно. Что, если противник успеет нанести ответный удар?

— Не смей спорить со мной, ты!.. — зарычал капитан и произнес страстный монолог о пользе безоговорочного подчинения.

Выпустив пар, он обнаружил, что на экране снова появился спец по инопланетной технике, а телепат отsprавился спать.

Капитан радостно замурлыкал, поверив, что ему досталась исключительно легкая добыча. Скоро он получит чу-

жой корабль в целости и сохранности. Всего-то и нужно — поджарить пришельцев.

Бортовая система жизнеобеспечения расскажет все, что нужно знать капитану об их планете. Которую поможет найти пройденный кораблем маршрут. Эти олухи небось даже не пытались запутать след!

Если их планета кзиноподобна, то она дополнит собой мир Кзин. И капитан, на правах предводителя Завоевательного похода, до конца жизни будет получать один процент от прибыли с нее! Его старость обеспечена! К нему больше никто не посмеет обращаться по званию! Он получит имя...

— Поступила дополнительная информация, — доложил инотехник. — Прежде чем прекратить вращение, корабль создавал одну целую и двенадцать шестьдесят четвертых «же».

— Тяжеловато, — задумчиво прокомментировал капитан. — Похоже, у них на родине избыток воздуха, но такую атмосферу несложно преобразовать в кзинскую. Инотехник, нам ведь попадались куда более удивительные формы жизни. Помнишь чунквенгов?

— У которых оба пола были разумны? И сопротивлялись до конца?

— А ту забавную религию на Альтаире-один? Ее приверженцы верили, что способны путешествовать во времени.

— Да, капитан. И исчезли все до одного, когда мы высадили пехоту.

— Должно быть, покончили с собой, дезинтегрировались. Но почему они так поступили? Знали же, что мы не собираемся их уничтожать, нам просто нужны рабы. И я с тех пор все голову ломаю: как им после самоубийства удалось избавиться от дезинтеграторов?

— Некоторые существа, — рассудительно ответил инотехник, — на что угодно пойдут ради своих суеверий.

Одиннадцать световых лет — после Плутона, еще восемь осталось до цели. Четвертый колониальный корабль, совершающий рейс до планеты Мы Это Сделали, летел по

инерции среди звезд. Те звезды, что впереди, были зеленоватыми и голубоватыми — яркие точки на фоне первозданной мглы. Те же, что позади, превратились в редкую россыпь гаснущих красных угольков. По сторонам созвездия выглядели сплюсненными почти до неузнаваемости. Вселенная выглядела меньше, чем была на самом деле.

На Джима Дэвиса внезапно навалилась уйма хлопот. Весь экипаж, и сам корабельный доктор в том числе, страдал от пульсирующей, раскалывающей череп боли. Каждому пациенту Дэвис вручил крошечную розовую таблетку — громадный, во всю стену лазарета, автоврач выдавал их по одной. И теперь Джимовы товарищи по несчастью ждали, когда лекарство подействует, — за дверью в узком коридоре топталась приличная толпа. Кому-то вздумалось перебраться в салон, и остальные двинулись за ним. На борту царил небывалая тишина: боль сделала людей неразговорчивыми, а топот магнитных подошв тонул в пластиковом ковровом покрытии.

— Привет, док, — тихо произнес Стив, обернувшись и увидев Джима. — Голова еще долго будет трещать?

— Моя уже не трещит. Я ведь раньше тебя принял таблетку.

— Понятно. Спасибо, док.

Экипаж «Ангельского карандаша» плохо переносил боль. Человечество успело от нее отвыкнуть.

Люди гуськом тянулись в салон — кто входил, кто влетал. Тут уже звучали тихие разговоры. Некоторые члены экипажа занимали свои кресла, обматывались поверх прыжковых комбинезонов липкими пластиковыми ремнями. Другие стояли или висели в воздухе около стен. Отсек был достаточно вместителен, позволял всем устроиться с комфортом.

Под потолком, силясь надеть сандалии, извивался Стив. До него донесся голос Сю:

— Надеюсь, они прекратят. Больно же...

— Что прекратят?

Стив слушал вполуха, поэтому не понял, кто задал вопрос.

— Ну, то, что пытаются сделать. Наверное, это телепатия.

— В телепатию я не верю. Другое дело — ультразвуковая вибрация. Может, они индуцировали вибрацию нашего корпуса?

С сандалиями Стив наконец справился, но магниты оставил выключенными.

— ...Холодное пиво. Вы хоть понимаете, что нам уже никогда его не попробовать?

Это голос Джима Дэвиса.

— А мне не хватает водных лыж, — с тоской проговорила Энн Гаррисон. — Как же здорово, когда тебя подталкивает в спину, ступни вспарывают воду и солнышко греет...

Стив отпружинил от потолка и направился к беседующим.

— Табу! — заявил он.

— Да все равно уже его нарушили, — бодро громыхнул Джим. — Лучше эта тема, чем инопланетяне, — сколько можно о них судачить? Вот скажи, чего из оставленного на Земле тебе особенно жаль?

— Да всего! Я слишком мало пробыл на Земле, не успел ее хорошенько рассмотреть.

— Ну, это понятно. — Джим вдруг вспомнил, что в руке у него сосуд для питья в условиях невесомости, и, глотнув, вежливо протянул его Стиву.

— Тяжело ждать, — признался тот. — Нервничаю. Что они теперь предпримут? Будут трясти наш корабль азбукой Морзе?

— Возможно, они ничего не предпримут, — улыбнулся Джим. — Махнут на нас рукой и улетят восвояси.

— Надеюсь, не улетят, — сказала Энн.

— Это было бы плохо? — спросил врач.

Стив напрягся: что у Джима на уме?

— А по-твоему, хорошо?! — рассердилась Энн. — Мы должны узнать, что из себя представляют эти существа. Уверена, они способны многому нас научить.

Если беседа превращается в перепалку, элементарное благоразумие требует сменить тему.

— Вот что, — заговорил Стив, — я, когда от стены отталкивался, заметил, что она нагрелась. Это плохо или хорошо?

— Это странно, — ответил Джим. — Стене полагается быть холодной. Снаружи ничего нет, кроме света звезд. Разве что...

На его лице отразились совершенно непонятные его собеседникам чувства, но уже в следующий миг вернулась обычная невозмутимость. Он согнул ноги в коленях и дотронулся до магнитных сандалий.

— И-и-и!.. Джим! Джим!

Стив хотел резко повернуться кругом — не вышло. Кричала Сью. Он включил магниты, со стуком утвердился на полу и поспешил на помощь.

Сью окружали растерянные люди. Толпа раздалась, пропуская Джима Дэвиса, и тот попытался вытащить женщину из салона. Врач тоже был растерян и испуган — Сью была от боли и вырывалась из его рук.

К ней протолкался Стив.

— Нагревается все металлическое! — прокричал Джим. — У нее слуховой протез, надо удалить.

— В лазарет! — простонала Сью.

Ее вчетвером пробуксировали по коридору. Она кричала по пути, потом слабо сопротивлялась в лазарете, но Джим, добравшийся туда раньше всех, уже вооружился безыгольным шприцем. Получив дозу успокоительного, женщина уснула.

Четверо взволнованных мужчин следили за работой Джима. Автоврач обязательно потратил бы драгоценное время на диагностику, поэтому Дэвис взялся оперировать собственноручно. Прodelать это можно было быстро, поскольку крошечный прибор скрывался сразу под кожей за ухом. И все же скальпель, должно быть, серьезно обжег Джиму пальцы. Стив чувствовал, как разогреваются подошвы его собственных сандалий.

Инопланетяне хоть понимают, что они творят?

Да разве это имеет значение? Корабль подвергается вражеской атаке. Его корабль.

Стив выскользнул в коридор и побежал в отсек управления.

Должно быть, смешно выглядел его бег — точь-в-точь как у напуганного пингвина. Но магнитные подошвы сделали свое дело, помогли быстро добраться до цели. Стив

понимал, что может совершить чудовищную ошибку — а что, если инопланетяне всего лишь пытаются вступить в мирный контакт с экипажем «Ангельского карандаша»?

Плевать. Их необходимо остановить, пока они всех тут не зажарили.

Ступни пекло все сильнее. Он рычал от боли, но все же превозмогал ее. Во рту, в горле раскалялся воздух — грелись даже зубы. Чтобы открыть дверь в отсек управления, пришлось обмотать руки рубашкой.

Боль в ногах стала невыносимой. Он сорвал сандалии и подлетел к консоли. Рубашку с рук не стряхнул, иначе не смог бы работать. Поворот большой белой шарообразной ручки, теперь двигатель даст полную мощность. Покаросло давление мягкого света, Стив нырнул в пилотское кресло.

Он повернулся к телескопу заднего вида. Прибор был нацелен на Солнечную систему — на таком удалении можно использовать двигатель для передачи сообщений. Стив настроил максимально короткий выброс и начал маневр разворота.

Корабль противника был хорошо виден, его подсвечивало мощное инфракрасное излучение.

— Чтобы разогреть занимаемую экипажем секцию, понадобится больше времени, чем мы рассчитывали, — доложил специалист по инопланетным технологиям. — У них температурный контроль.

— Не беда. Когда сочтешь, что там не осталось живых, разбуди телепата, пусть проверит. — И капитан возобновил прежнее занятие — он убивал время, расчесывая на себе шерсть. — Знаешь, не будь они столь откровенно беспомощны, я бы не прибег к этому способу, очень уж он долгий. Я бы сначала отрезал обод от двигательного отсека. Давай все-таки сделаем это, а? Для надежности?

Но инотехник не пожелал делиться славой.

— Капитан, это и впрямь лишнее — у них на борту не может быть серьезного оружия. Для него просто-напросто нет места. Почти все внутреннее пространство занято реактивным двигателем, генератором электричества и топливными резервуарами.

На экране возникло движение — чужой корабль поворачивался кормой к своему истязателю.

— Сбежать пытаются! — прокомментировал капитан, глядя, как хвостовой торец засветился красным. — Ты уверен, что им это не удастся?

— Уверен, капитан. На световом двигателе они далеко не уйдут.

Капитан задумчиво помурлыкал.

— А что будет, если они ударят светом по нам?

— Полагаю, всего лишь яркая вспышка. У них плоская линза, свет выходит очень широким лучом. Не имея параболического рефлектора, они не получают необходимой интенсивности. Разве что...

У инотехника вдруг встали торчком уши.

— Что — «разве что»? — мягко, но властно переспросил капитан.

— Лазер... Впрочем, исключено, беспокоиться не о чем. Они совершенно безоружны.

— Болван! — рявкнул капитан, бросаясь к консоли управления. — Они не отличат оружия от стхондатовой крови! Оружейник! Как мог телепат узнать то, чего они сами не знают? ОРУЖЕЙНИК!

— Капитан! Какие будут распоряжения?

— Сжечь...

В купольный отсек управления ударил чудовищный луч. Капитан вспыхнул, и миг спустя его пепел улетучился вместе с воздухом через пробойну с сияющими от жара краями.

Обод снова кружился, центростремительная сила вжимала лежащего на спине Стива в его собственную, судя по привычным ощущениям, койку.

Он открыл глаза.

Джим Дэвис пересек помещение и склонился над Стивом:

— Очнулся?

Стив резко сел, завертел головой.

— Полегче! — Серые глаза Джима смотрели озабоченно.

Стив заморгал, глядя на врача, и спросил, дивясь собственной хрипоте:

— Что случилось?

— Это вопрос не ко мне, а к тебе. — Джим опустился в ближайшее кресло. — Мы пытались добраться до отсека управления, и тут вдруг корабль стартовал. Почему ты не оповестил нас, не дал сигнал пристегнуться? К тебе поспешила Энн, она уже была в дверях, когда ты отключил двигатель и сам отключился.

— Что с чужим кораблем? — Стив не сумел скрыть волнение в голосе.

— Наши отправились осмотреть то, что от него осталось.

У Стива сердце пропустило такт.

— А ведь я с самого начала подозревал, что пришельцы агрессивны, — продолжал Джим. — Я же скорее психолог, чем врач общего профиля, и вдобавок прошел курс истории, так что человеческую натуру изучил лучше, чем самому бы хотелось. Не вижу никаких оснований считать, что цивилизация, выходя в космос, автоматически становится миролюбивой. Если и заблуждался раньше на этот счет, то долгожданная встреча с инопланетянами открыла мне глаза на истину. Разве уважающие себя разумные существа обзаведутся таким кошмарным арсеналом? Управляемые снаряды, термоядерные бомбы, лазеры, этот генератор индукции, примененный против нас... А еще противоракеты. Стив, ты догадываешься, что это значит? У них есть враги, такие же воинственные, как они сами. Возможно, даже где-то поблизости.

— Значит, я убил разумных существ... — Вокруг Стива кружились стены и мебель, но его голос звучал на удивление твердо.

— Ты спас корабль.

— Это вышло случайно. Хотел всего лишь удрать.

— Нет, не случайно. — Фраза прозвучала сухо — таким тоном не товарища в обмане упрекать, а называть формулу мочевины. — Корабль находился в четырехстах милях. Чтобы попасть, нужно было навести на него телескоп. Ты четко знал, что делаешь. И когда прожег его борт, сразу же заглушил наш двигатель.

Мышцы спины больше не выдерживали нагрузки, Стив вернулся в горизонтальное положение.

— Ладно, ты понял, — сказал он потолку. — Остальные тоже?

— Вряд ли. В их жизненном опыте нет ничего похожего на самозащиту. Разве что Сью...

— О-о-о!..

— Если она поняла, то поняла правильно, — буркнул Дэвис. — Остальным будет куда труднее свыкнуться с новостью, что Вселенная полна враждебных существ. Стив, а ведь это конец света.

— Ты о чем?

— Уж прости мне театральность, но ведь, по сути, я прав. Триста лет мы жили мирно, даром этот период прозван Золотым веком. Ни голода, ни войн, ни физических болезней, кроме старения, ни хронических расстройств психики — даже по нашим жестким меркам. Индивидуума старше четырнадцати лет, поднявшего руку на ближнего, мы считаем больным и подвергаем лечению. И теперь эта благодать заканчивается. Не только для нас, но, похоже, и для всего сущего.

— Отсюда можно увидеть чужой корабль?

— Да, он прямо за кормой.

Стив скатился с койки, подобрался к иллюминатору.

Кто-то успел подвести корабли поближе друг к другу. Звездолет кзинов, красный шар с торчащими отовсюду уродливыми надстройками, был огромен. Луч «Ангельского карандаша» рассек его на две неравные части — будто яйцо разрубили топором. Стив смотрел, не в силах отвести взгляд, как вращается большая часть, показывая соты внутренних помещений.

— Наши скоро вернутся, — проговорил Джим. — Охваченные страхом. Кто-нибудь наверняка предложит готовиться к новым нападениям, осваивать трофейное оружие. И я буду вынужден согласиться. Возможно, меня сочтут душевнобольным. Возможно, это и есть душевная болезнь. Но излечиваться от нее — не в наших интересах. — В голосе врача звучало бездонное отчаяние. — Человечеству предстоит милитаризация. И конечно же, мы обязаны как можно скорее предостеречь Землю.

ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО БЕЗУМИЮ

Миру, забывшему о войне, непросто осознать возможность инопланетного вторжения.

Л. Н.

I

Среди нас не много счастливых, заставших прежние славные деньки. Я вспоминаю себя семидесятилетним. Работа позволяла держать тело в форме и приносила в жизнь крупицу разнообразия, позволяя как-то занять мозги. Личная жизнь была далеко не идеальной, но содержательной. Старые сказки блекнут перед возможностями современной медицины, и я почти не волновался за свое здоровье.

Это были славные деньки, и я застал их. Я могу припомнить времена и хуже.

Но я также могу припомнить и времена, когда моя память была лучше. Вот почему я решил записать все это. Буду обновлять записи еще и для того, чтобы сохранять цель в жизни.

В 2330-х годах «Моноблок» был баром для одиноких.

В то время я стал его постоянным клиентом. Там я встретил Шарлотту. Там мы справили нашу свадьбу, а потом забросили его на двадцать восемь лет. Это был первый брак для меня — и для нее тоже, — и нам было по тридцать с небольшим. Потом, когда дети выросли и разъехались, а Шарлотта оставила меня, я вернулся туда.

Местечко сильно изменилось за это время.

Я помню, как прежде на голографическом дисплее бара показывали под две сотни различных бутылок. Теперь их стало вдвое больше и выглядели они куда реалистичней — вероятно, более совершенное оборудование, — но лишь горстка из них, в самой середине, была со спиртным. Все остальное — ароматизированная или газированная вода, энергетические и электролитические напитки, а еще тысячи сортов чая. Еда тоже была соответствующая: сырые овощи и фрукты, сохранявшие свежесть с помощью высоких технологий, приправленные соусом с низким содержанием холестерина, и отруби во всех мыслимых формах, за исключением инъекций.

«Моноблок» поглотил своих соседей. Он стал просторней, с отдельными ложами, отгороженными от остального зала занавесками, и небольшим спортзалом на втором этаже — есть где и потренироваться, и пофлиртовать.

Герберт и Тина Шредеры по-прежнему владели заведением. Они поженились еще в тридцатых годах. С тех пор постарели. Как и их клиенты. Некоторые сходились, некоторые переехали, кое-кто умер от алкоголизма, но молва и «Бархатная сеть» позволяли поддерживать традицию. Хозяева выглядели даже лучше, чем двадцать восемь лет назад... Да, на лицах появились морщины, но тела остались поджарыми и мускулистыми — хоть сейчас на Седые Олимпийские игры. Опережая мои вопросы, Тина сразу же сообщила, что они с Гербом теперь не разлей вода.

Я словно бы вернулся домой.

И на следующие двенадцать лет «Моноблок» стал частью моей жизни.

Я мог бы найти себе даму, или она меня, и мы больше не появлялись бы в «Моноблоке». Или продолжали бы посещать его и время от времени обмениваться партнерами, пока однажды вечером не зашли бы сюда вместе, а вышли поодиночке. Я вовсе не избегал брака. Каждый раз, когда я выбирал себе подходящую женщину, в конце концов выяснялось, что она искала кого-то другого.

К тому же я почти полностью облысел. Густые седые волосы покрывали мои руки, ноги и грудь, как будто пере-

местились туда с головы. Двенадцать лет управления строительными роботами превратили меня в здоровяка. Время от времени какая-нибудь леди спортивного вида обращала на меня внимание, и я не испытывал никаких затруднений с тем, чтобы найти компанию.

Но каждый раз ненадолго. Может быть, я стал скучным? Эта мысль казалась мне забавной.

Как-то раз, в 2375 году, в четверг вечером я устроился в одиночестве за столиком для двоих. «Моноблок» был еще полупустым. Ранние посетители дружно оглянулись на дверь, в которую входил Антон Бриллов.

Антон был ниже меня ростом и намного уже в плечах, с грубыми, словно вырубленными топором, чертами лица. Я ни разу не встречал его за последние тринадцать лет. Однако раз или два я упоминал «Моноблок» в разговорах с ним, и он, должно быть, запомнил.

Я помахал ему. Антон шурился и шел в мою сторону с преувеличенной осторожностью, пока не узнал меня.

— Джек Стрэттер!

— Привет, Антон. Значит, решил проверить, что это за местечко?

— Да, — ответил он, садясь за мой столик. — Ты неплохо выглядишь.

Он взглянул на меня еще раз и добавил:

— Спокойный, расслабленный. Как поживает Шарлотта?

— Она оставила меня вскоре после того, как я уволился. Чуть меньше чем через год. Я стал проводить слишком много времени с ней и... возможно, сделался слишком спокойным? Теперь уже не важно. Ты-то как поживаешь?

— Отлично.

Антон явно был на взводе. Это меня слегка забавляло.

— По-прежнему в Святой инквизиции?

— Так ее, Джек, называют только гражданские.

— А я теперь и есть гражданский. И до сих пор не жалею об этом. Как твоя биохимия?

Антон не стал притворяться, будто не понял, о чем я спрашиваю.

— Все в порядке. Я справляюсь.

— Мальчик, ты оглядываешься через оба плеча одновременно.

Антон сумел правдоподобно рассмеяться:

— Я больше не мальчик. Я перешел на недельный цикл.

Меня в АРМ заставили перейти на недельный цикл в сорок восемь лет. Не могли больше отпускать домой после рабочего дня, потому что моя биохимия не успевала перестроиться. Держали в АРМ с понедельника по четверг, затем предоставляли вечер четверга на то, чтобы я освободился от шизофренического безумия. Через двадцать лет я стал еще менее пластичен, и меня уволили.

— Надо помнить: пока ты в АРМ, ты параноидальный шизофреник, — сказал я. — Нужно научиться контролировать безумие, когда выходишь наружу.

— Ха! Как можно...

— Ты просто привык к нему. После увольнения я почувствовал разницу. Ни страхов, ни напряжения, ни амбиций.

— Ни Шарлотты.

— Ну хорошо. Я становлюсь занудой. Так что тебе здесь понадобилось?

Антон огляделся:

— Полагаю, примерно то же, что и тебе. Вот незадача, я и вправду самый молодой здесь?

— Возможно.

Я осмотрелся, чтобы проверить. Мое внимание привлекла женщина, хотя я видел лишь ее спину и — на мгновение — смеющийся профиль. Она была стройной, но сильной, толстая коса спадала на спину — два с половиной фута густых седых волос. Она вела оживленную беседу со спутником, блондином чуть старше Антона.

Но они сидели за столиком для двоих и явно не нуждались в компании.

Я тоже вернулся к разговору:

— Мы с тобой, Антон, седые одиночки. Кто-нибудь помоложе давно бы уже отправил сообщение. Мы стали медлительней, чем прежде. Мы устарели. Будешь что-нибудь заказывать?

Спиртные напитки не пользовались здесь популярностью. Антон, должно быть, заметил это, но все равно заказал сок гуавы с водкой и пил с жадностью, словно не мог обойтись без алкоголя. Это выглядело хуже, чем обычное для четверга возбуждение.

Когда он одолел половину бокала, я заметил:

— Похоже, ты хочешь мне что-то рассказать.

— Я ничего толком не знаю.

— Знакомое чувство. А что ты должен был знать?

Напряженность во взгляде Антона чуть ослабла.

— Пришло сообщение от «Ангельского карандаша».

— «Карандаша»... Ох!

Похоже, я стал тугодумом. «Ангельский карандаш» двадцать лет назад отправился к... кажется, к Эпсилону Эридана?

— Брось, парень, эта новость появится в ящике для дураков еще раньше, чем ты успеешь мне все рассказать. Сообщения из глубокого космоса — общее достояние.

— А вот и нет. Это информация для служебного пользования. Да я и сам его не видел. Только слышал, как о нем упоминали. И видимо, это случилось больше десяти лет назад.

Странно. И если станции Пояса не распространили тут же новость по всей Солнечной системе, то еще странней. Неудивительно, что Антон так взволнован. Люди из АРМ всегда так реагируют на загадки.

Антон одернул себя и вернулся к действительности, в режим седого одиночки.

— Я, случайно, не разрушаю твой образ? — спросил он.

— Никаких проблем. Никто пока не торопится зайти в «Моноблок». Если тебе кто-то здесь приглянулся... — Я пробежался пальцами по освещенным символам вдоль края стола. — Это план зала. Определи, где она сидит, наведи на нее курсор, и тебе сообщат... э-э...

Я навел курсор на женщину с седыми волосами. Информация о ней мне понравилась.

— Фиби Гаррисон. Семьдесят девять лет. На одиннадцать или двенадцать лет старше тебя. Натуралка. Заняла второе место на «Седых стартах» — это всеамериканские

лыжные гонки для тех, кому за семьдесят. Может дать тебе пинка под зад, если поведешь себя бестактно. И это тоже подтверждает, что она умней, чем другие дочери Евы. Но дело в том, что она точно так же может проверить и тебя. Вероятно, нашла бар через «Бархатную сеть» — это компьютерная сеть для тех, кто предпочитает свободный образ жизни.

— Точно, двое мужчин, сидящих за одним столиком...

— Если кто-то решит, что мы геи, то может сразу проверить, если это так беспокоит. И в любом случае геи и лесбиянки не ходят в «Моноблок». Но если мы нуждаемся в чьей-то компании, то лучше пересесть за большой стол.

Мы так и сделали. Я перехватил взгляд спутника Фиби Гаррисон. Они повозились с информационным блоком на столе, обсудили что-то и вскоре пересели к нам.

Ужин превратился в пирушку, включая алкоголь, но к тому времени мы уже ушли из «Моноблока». Потом мы разделились. Антон остался с Мичико, а я пошел домой вместе с Фиби.

Как я предполагал, у нее оказались красивые ноги, несмотря на то что оба коленных сустава были из тефлона и пластика. Лицо ее оставалось прекрасным даже утром при солнечном свете. Хотя, конечно, с морщинами. Через две недели ей исполнялось восемьдесят, и она вздрагивала при этой мысли. Она ела с аппетитом лыжника после гонки. За завтраком мы рассказывали друг другу о себе.

Фиби приехала в Санта-Марию навестить старшего внука. В молодости она занималась важной работой в области наноинженерии. Правительство разрешило ей иметь четверых детей (я понял, что посрамлен). Все они давно женаты и разъехались по всей Земле, так же как и внуки.

Двое моих сыновей эмигрировали в Пояс, едва достигнув двадцатилетнего возраста. Однажды я встретился с ними во время служебной командировки, оплаченной Объединенными Нациями.

— Ты работал в АРМ? Правда? — спросила она. — Как интересно! Расскажи какую-нибудь историю... если можешь.

— В этом-то и проблема. Ну хорошо.

Все увлекательные истории были засекречены. АРМ препятствовала распространению опасных технологий. То, что АРМ решила предать забвению, забывается навсегда. Я помнил открытия своеобразного компрессора времени и поля, служившего катализатором горения, — оба столетней давности. И оба первоначально использовали для убийства. Если о них станет известно или их откроют заново, о каждом можно будет рассказать много всего.

— Не знаю, что там творится сейчас. Меня выбросили на улицу, когда я стал для них слишком старым. Теперь я управляю строительными роботами на космодромах.

— Интересная работа?

— Скорее, спокойная.

Ей хочется историй? Хорошо. АРМ занималась не только запрещением опасных технологий, и кое о чем я мог поведать.

— Мы теперь редко устраиваем охоту на матерей. Эту нам навязал Пояс.

И я рассказал ей о луниате, который произвел на свет двух клонов. Один рос на Луне, второго отправили в консервацию на Сатурн. Сам луниат перебрался на Землю, где каждый гражданин имеет право на одного клона. Когда мы отыскивали его, он готовился произвести третьего...

Иногда я видел убийственные сны.

Это был один из них. Я сумел справиться с собой и отогнать то, что обрушилось на меня. В темноте раннего воскресного утра видения разлетелись в клочья еще до того, как коснулись меня, но ощущения сохранились. Я чувствовал себя сильным, уравновешенным, могущественным и непобедимым.

Несколько минут ушло на то, чтобы опознать этот особый чарующий аромат, но у меня был большой опыт. Я высвободился из объятий Фиби и встал с кровати. Пошатываясь, добрался до медицинского алькова, подсоединился и уснул на столе.

Там меня и нашла поутру Фиби.

— Кто тут не мог подождать до окончания завтрака? — спросила она.

— У меня остались четыре года с тобой, а потом уйду в бесконечность, — ответил я. — Так что я должен быть осторожным.

Пусть думает, что в этом тюбике витамины. Это была почти правда... и Фиби мне почти поверила.

В понедельник Фиби ушла на встречу с внуком, который обещал показать ей здешние музеи. А я вернулся к работе.

Двенадцать лазеров, расположены полукругом в Долине Смерти, направлены на оптическую ось системы зеркал. К стартовой площадке через пустыню тянутся рельсы, похожие на нити сахарной ваты. Каждый час или около того по рельсам подкатывают космический корабль, устанавливают над зеркалами, а затем он взмывает к небу в слепящем, обжигающем столбе света.

Именно здесь я и работаю в перерывах между авариями, вместе с тремя коллегами и двадцатью восемью роботами. Аварии случаются довольно часто. Время от времени Гленна, Ски и десять-двенадцать роботов отправляют на космодром Аутбэк¹ или на Байконур, я остаюсь в Долине Смерти.

Все наше оборудование очень старое. Первые зеркала предназначались для работы единой системой, но их заменяли одно за другим. Новые зеркала устанавливали по отдельности, и каждым управлял свой компьютер, но даже они за пятьдесят лет утратили подвижность. Лазеры меняли немного чаще. Ни один из них пока не грозил развалиться.

Но зеркала должны были менять наклон, чтобы компенсировать искажения от воздушных потоков, пока корабль не выйдет за пределы атмосферы, потому что эти искажения сами могут перефокусировать луч. Лазер с КПД в девяносто девять и три десятых процента излучает слишком много энергии и становится слишком горячим. При

¹ Аутбэк — пустынные области во внутренних районах Австралии.

КПД в девяносто девять и одну десятую процента какая-нибудь деталь может расплавиться, и тогда вырвавшаяся на свободу энергия разнесет лазер на куски, а груз не долетит до орбиты.

Моя команда заменяла зеркала и лазеры задолго до того, как на сцене появился я. Схема уже давно была отработана. Мы даже перепрограммировали некоторых роботов на замену рельсов.

Машины трудились самостоятельно, а мы развлекались на посту управления. Если робот сталкивался с чем-то неизвестным, он останавливался и подавал сигнал. И тогда разговоры, песни или игра в покер мгновенно прекращались.

Обычно звуковой сигнал означал, что робот обнаружил острый угол, неровную или недостаточно надежную, чтобы выдержать его вес, поверхность, или изогнутую трубу там, где ее не должно быть... одним словом, какую-либо геометрическую проблему. Робот не везде может пройти. Иногда нам приходилось разгружать его и вручную поднимать груз на тележку. Иногда пользовались подъемным краном, чтобы передвинуть или развернуть груз — физической работы хватало.

В четверг за ужином Фиби снова составила мне компанию.

Она победила своего внука в лазерные пятнашки. Они посетили музей на авиабазе Эдвардс. Катались на лыжах... и ему стоило бы серьезней относиться к таким вещам, а возможно, даже обратиться к врачу...

Я слушал и улыбался, а потом решил рассказать ей о своей работе. Она кивнула, но глаза потускнели. Я пытался объяснить ей, какое это приятное и спокойное занятие после всех лет, проведенных в АРМ.

АРМ снова заинтересовала ее. Так и быть. Я решил рассказать о системе Генри.

Меня эта история обошла стороной. Это было очень удачное мошенничество, способное разрушить мировую экономику. Благодаря ему Захария Генри стал богачом. Он мог и остаться богачом, если бы вовремя вышел из дела...

а если бы его система не была такой удачной и опасной, он мог бы угодить в тюрьму. Но вместо этого... что ж, пусть его язык открывает свои тайны собственным ушам в банке органов.

Я мог свободно рассказывать обо всем этом, потому что система давно уже изменилась. И я не упомянул только о том, что события произошли за двадцать лет до моего поступления в АРМ. Но у меня уже заканчивались разрешенные истории.

— Если люди будут знать, что это можно сделать, — сказал я, — кто-нибудь обязательно сделает. Мы можем только запрещать, снова и снова.

— Например? — тут же ухватила за ниточку Фиби.

— Например... ну хорошо, возьмем хоть первую установку холодного ядерного синтеза. Для нее использовали палладий и платину, но точно так же можно применить еще полдюжины металлов. Или органические сверхпроводники: одна из составляющих в патенте указана неправильно. Многие ученые пытались синтезировать их по неправильной методике и в конце концов добивались успеха. Если есть какой-то один способ получить нужный результат, наверняка найдутся и другие.

— Так было до появления АРМ. Вы запретили бы сверхпроводники?

— Нет. С какой стати?

— А холодный ядерный синтез?

— Нет.

— Но при этом выделяются свободные нейтроны, — заметила Фиби. — Если покрыть реактор слоем отработанного урана, что можно получить?

— Думаю, плутоний. Правильно?

— Из плутония изготавливают бомбы.

— Тебя это беспокоит?

— Джек, ядерная бомба — это оружие массового уничтожения. Как арбалет. Как Астероид аятоллы... — Фиби посмотрела мне прямо в глаза и заговорила тише; мы не хотели посвящать в наш разговор весь бар. — Ты никогда не думал о том, сколько открытий пропало в этой... черной дыре, называемой АРМ? Открытий, которые могли бы ре-

шить все наши проблемы, снова обогреть землю, пробить барьер световой скорости.

— Мы никогда не запрещали те изобретения, которые не представляли опасности, — ответил я.

Я мог бы уклониться от спора, но это тоже разочаровало бы Фиби. Она любила хорошие споры. Проблема в том, что я не мог ей предложить хороший спор. Может быть, из-за того, что не был так уж сильно им увлечен, а может, из-за того, что самые сильные мои аргументы относились к категории запрещенных.

В понедельник утром Фиби уехала к внучке в Даллас. Она не объявляла мне войну, не выставляла никаких ультиматумов, но выглядело так, словно это навсегда.

В четверг вечером я снова пришел в «Моноблок».

Как и Антон.

— Я все выяснил, — сказал он. — Но, конечно, не стоит сейчас говорить об этом.

Антон выглядел немного уставшим. Он вцепился в край стола, словно пытался отломать кусок.

Я беззаботно кивнул.

Антон не должен был рассказывать мне о сообщении от «Ангельского карандаша». Но он рассказал, и если в АРМ уже знали об этом, то пусть послушают еще раз.

К нам подсаживались, пробовали завести знакомство и уходили. Мы с Антоном разговорились с двумя дамами, у которых, как выяснилось, были иные вкусы. (Некоторые лесбиянки любят подслушивать, о чем говорят натуралы.) Младшая из женщин осталась с нами на какое-то время. Ей было немногим больше тридцати, и она была красива на современный манер, но крепкие, рельефные мышцы — не мой идеал красоты.

— Иногда чутье нас обманывает, — заметил я.

— Да, — согласился Антон. — Послушай, Джек, я предусмотрительно припрятал древний кальвадос у себя дома, в Майя. Но там не хватит на четверых...

— Звучит недурно. Сначала перекусим?

— Не вопрос. В Майя шестнадцать ресторанов.

Десятки сверкающих пятен блуждали по ночному небу, затмевая звезды. Однако зоркий глаз все-таки мог бы различить горстку космических объектов, в особенности возле луны.

Антон включил ультразвуковой сигнализатор для вызова такси.

— Значит, тебе сообщили о звонке? — спросил я. — И что тебя так встревожило?

Спутники системы безопасности, размером не больше баскетбольного мяча, мчались по пылающему небу, недоступные для случайного взгляда. Можно было только угадать, что они где-то там. На их контрольных лентах содержались образцы видео- и аудиосигналов, соответствующих ограблению, изнасилованию, ранению, крику о помощи. Эти ленты хранили и гигабайты ключевых слов, которые могли заинтересовать АРМ.

Итак, никаких ключевых слов.

— Жуткие вещи рассказывают, Джек, — ответил Антон. — Чужая тачка промчалась мимо Анджели на четырех колесах от разрешенного максимума и едва не обожгла ее.

Я выкатил глаза от удивления. Космический корабль шел навстречу «Ангельскому карандашу» на скорости в восемьдесят процентов от скорости света? Ни одно творение человеческих рук не смогло бы это сделать. И при этом вел себя агрессивно? Может быть, я неверно истолковал сказанное. Такое бывает, когда приходится использовать в разговоре шифр.

Но как же тогда «Карандашу» удалось спастись?

— И как она дозвонилась домой?

Рядом опустилось такси.

— Она как раз резала хлеб... ну, понимаешь... машинкой... — сказал Антон. — Я же говорю — это жуткая история.

Квартира Антона находилась почти на самом верху Майя — выстроенного в форме пирамиды города к северу от Санта-Марии. Наследие прошлого.

Антон изображал гида, проводя меня через широкие двери к лифту, а затем по коридору:

— Когда это здание строилось, Комиссия по рождению только набирала силу. По замыслу проектировщиков, здесь должно было жить около миллиона человек. Но оно никогда не заселялось полностью.

— И так?

— И так, мы отправимся на восточную сторону. Там четыре ресторана и дюжина небольших баров. А пока останемся здесь.

— Значит, здесь ты и живешь?

— Нет, здесь никто не живет и никогда не жил. Я очисти ее от прослушки, а власти... Думаю, они даже ничего не заметили.

— Это твой матрас?

— Нет, детей. У них здесь клуб, в стиле тех, что были в моде два поколения назад. Насколько я понял по намекам сына.

— Они нам не помешают?

— Нет, все под контролем. Я установил систему безопасности, которая впускает их, когда меня здесь нет. Теперь она и тебя будет узнавать. Запомни номер квартиры: 2-3-309.

— А что о нас подумают в АРМ?

— Что мы ужинаем. Сначала сходили в один из ресторанов, а затем вернулись и выпили бутылку кальвадоса... что мы и сделаем, только позже. Я могу подправить записи в «Баффоло Билле». Только не спорь о том, кто за это будет платить. Заметано?

— Но... ладно, заметано.

Надейся, что тебя не заметят, — это и есть единственная реальная защита. Я уже подумывал о том, не пора ли мне сваливать, но любопытство — один из путей, приводящих в АРМ.

— Рассказывай свою историю. Значит, ты говоришь, что она нарезала хлеб... э-э... машинкой?

— Возможно, ты не помнишь, но на «Ангельском карандаше» установлен не обычный прямоточный двигатель Бассарда. Собранный магнитной воронкой межзвездный водород должен питать лазер с ядерной накачкой, который предполагалось использовать и для связи. Отправлять

взрывное сообщение через половину Галактики. Этим-то лазером пилот-поясник и разрезал инопланетный корабль.

— Без связи вполне можно обойтись. Антон... ты же помнишь, как нам объясняли в школе: ни одна разумная раса не сможет выйти в космос, если не научится сотрудничать. Так или иначе, они должны разрушить окружающую среду: либо войнами, либо анархией, либо перенаселением. Помнишь?

— Конечно.

— Значит, ты поверил всему этому?

— Думаю, да. — Он болезненно усмехнулся. — Но директор Бернар не поверил. Он засекретил сообщение и наложил резолюцию. Шесть лет полета в замкнутом пространстве, предельная скука плюс высокий уровень интеллекта при избытке свободного времени, тщательно продуманный розыгрыш и все такое. Директор Хармс сохранил секретность... с согласия Пояса. Интересно?

— Но он и должен был это сделать.

— А они должны были согласиться. С тех пор мы многое узнали. «Ангельский карандаш» передал множество фотографий инопланетного корабля. Вряд ли это может быть фальсификацией. Еще они сфотографировали трупы инопланетян. Эти существа похожи на крупных кошек с оранжевой шкурой, трехметрового роста; длинные ноги и развитые руки с большими пальцами. Мы окажемся в большом дерьме, если сцепимся с ними.

— Антон, мы уже триста пятьдесят лет живем в мире. Мы должны повести себя правильно. Иными словами, вступить в переговоры.

— Ты не видел их.

Это было забавно. Антон пытался напугать меня. Двадцатью годами раньше ужас давно уже бурлил бы в моей крови. Сейчас я легче справлялся с биохимией. Меня действительно напугало все это, но мой страх был рассудочным, и я мог его контролировать.

Антон решил, что я недостаточно встревожен.

— Джек, это не высосано из пальца. На многих фотографиях видно устройство, которое может оказаться ге-

нератором гравитации, а может и не оказаться. Директор Хармс основал на Луне лабораторию, чтобы разработать для нас такое же.

— Как с финансированием?

— Очень тяжело. Мало кто верил в это, но они добились своего! Лаборатория заработала!

Я обдумал его слова.

— Контакт с инопланетянами. Не похоже, что наша раса легко с этим справится.

— Возможно, не справится совсем.

— Что-то еще делается?

— Ничего или чертовски близко к тому. Жалкие рекомендации, кабинетная чушь, рассчитанная на то, чтобы еще больше раздуть ведомство. Никто не хочет первым произнести это милое слово «война».

— Мы триста пятьдесят лет не знали, что такое война. Возможно, нам поможет К. Критмейстер. — Я усмехнулся замешательству Антона. — Посмотри архивы АРМ. Высказывалось предположение, что это был инопланетянин из расы, обитающей в кометном облаке. Якобы именно он обеспечивал нам покой последние три с половиной века.

— Очень забавно.

— Видишь ли, Антон, для тебя все это намного более реально, чем для меня. Я пока еще не увидел ничего катастрофического.

Я вовсе не утверждал, что он лжет. Я лишь хотел объяснить ему, что слышал только одну сторону. Доказательства Антона могли быть сколь угодно продуманными, но сам я ничего не видел, а только слышал страшную сказку.

Антон ответил достойно:

— Да, конечно. Но у нас все еще остается та бутылка.

Кальвадос оказался особенным, как Антон и утверждал, — редким и старинным. Антон достал хлеб с сыром. Весьма кстати: я уже готов был грызть собственную руку. За разговором мы старались придерживаться безопасных тем и расстались друзьями.

Но с этого дня котоподобные инопланетяне поселились в моей душе.

Инопланетяне не были чем-то совсем уж невообразимым. Разве что очень давно. Но в Смитсоновском институте с начала двадцать второго века хранится в стазисном поле древнее внеземное разумное существо, и совсем другой инопланетянин — сородич К. Критмейстера — потерпел катастрофу на Марсе еще до окончания века.

Два корабля, сближающиеся со скоростью, близкой к световой, — это уже почти нелепость. Учитывая кинетическую энергию, столкновение кораблей было бы сродни аннигиляции! Избежать его можно только с помощью генератора гравитации. Но Антон как раз о таком генераторе и говорил.

История Антона была правдоподобна в другом смысле. Повстречав враждебно настроенных инопланетян, АРМ сделала лишь то, что было неизбежно. Она могла построить генератор гравитации, потому что АРМ должна контролировать такие вопросы. Но любые дальнейшие действия стали бы шагом к невозможному. АРМ твердо верила (как и другие органы Объединенных Наций), что человечество оставило войны в прошлом. Страшно даже подумать о том, что должно случиться, чтобы АРМ признала возможность войны.

Я продолжал требовать от Антона доказательств. Поиск доказательств — один из способов узнать больше, и я все не считал себя глупцом. Но я уже поверил ему.

В четверг мы снова встретились в квартире 2-3-309.

— Мне пришлось копнуть глубже, чтобы выяснить это, но они не сидят сложа руки, — сказал Антон. — В кратере Аристарх проводятся учения, пояски против плоскоземельцев. Это мирные учения.

— И?

— Они проигрывают сценарии контакта и переговоров с гипотетическими инопланетянами. Все модели похожи на этих кошек с длинными хвостами, но рассматриваются разные варианты мышления.

— Хорошо.

Это уже было похоже на доказательство. Такую информацию я мог проверить.

— Конечно хорошо. Мирные учения. — Антон был мрачен и взволнован. — А как насчет военных учений?

— И как же ты собираешься их проводить? К концу учений половина участников будет мертва... если ты не имел в виду оружие, стреляющее краской. Война — более серьезное занятие.

Антон усмехнулся:

— Можно заляпать все здания в Чикаго красным. Атомные военные учения.

— Ну и что дальше? Я хотел сказать, что делать нам?

— Да, Джек, АРМ ничего не предпринимает, чтобы подготовить человечество к войне.

— Возможно, они что-то делают, но не говорят тебе.

— Не думаю, Джек.

— Антон, тебе не дали возможности прочитать все документы. Две недели назад ты не знал об этих мирных учениях в Аристархе. Ну ладно. Что, по-твоему, АРМ должна делать?

— Не знаю.

— Как твоя биохимия?

— А твоя? — поморщился Антон. — Забудь, что я тебе наговорил. Возможно, я снова стану нормальным, а возможно, и нет.

— Да, но кое о чем ты не подумал. Как насчет оружия: нельзя вести войну без оружия, а АРМ запрещала новые разработки. Нужно просмотреть документы и составить список. Это сэкономит много времени. Я знаю об эксперименте, который в итоге дал бы нам безынерционный двигатель, если бы не был прекращен.

— Когда это было?

— В начале двадцать второго века. И был еще излучатель поля, поджигающего цель на большом расстоянии, — в конце двадцать третьего.

— Я найду их, — сказал Антон, устремив взгляд вдаль. — У нас есть архивы. Не только то оружие, которое было создано, а потом уничтожено. В архивах хранятся документы с начала двадцатого века. Все, что захочешь: танки, орбитальные лучевые пушки, энергетическое оружие, биологическое...

— Биологическое нам не нужно.

Похоже, он меня не услышал.

— Телеуправляемые снаряды длиной шесть футов. Короткий импульс уводит их с орбиты и направляет на цель, которую ты выберешь: танк, подводная лодка, да хоть лимзин. Примитивное оружие, но, по крайней мере, оно на что-то способно.

Антон в самом деле увлекся. Технические термины, которыми он сыпал, были для него защитой от ужаса.

Внезапно он осекся и спросил:

— Почему биологическое не нужно?

— Самая отвратительная бактерия, выведенная для нас, может не подействовать на боевых кошек. Мы согласны получить их биологическое оружие, но не хотим, чтобы они получили наше.

— Понятно. Теперь о тебе. Что может сделать автоврач, чтобы превратить обычного человека в солдата?

Я резко вскинул голову. На лице Антона появилось виноватое выражение.

— Джек, я должен был просмотреть твоё досье.

— Конечно. Все в порядке. Я подумаю, что там можно раскопать. — Я поднялся. — Самый простой путь — это собрать психов и обучить их военному делу. Можно начать с тех граждан, которых инструктирует АРМ ещё с... Дата засекречена, приблизительно триста лет назад. Людей, которым для поддержания метаболизма в норме необходим автоврач, иначе они начнут на автомобилях врезаться в толпу или душить...

— Этого будет недостаточно. Если нам понадобятся солдаты, то речь пойдет о тысячах. Или даже о миллионах.

— Ты прав. Это редкое состояние. Спокойной ночи, Антон.

Я снова спал на медицинском столе.

Когда рассвет пробрался под мои веки, я встал и направился к голофону. По дороге мельком взглянул на свое отражение в зеркале. И передумал. Если Дэвид увидит меня таким, он срочно закажет билет, чтобы успеть на мои похороны. И поэтому сначала я принял душ и выпил чашку кофе.

Мой старший сын выглядел ничуть не лучше меня: явно помятый и взъерошенный.

— Пап, ты умеешь определять по часам, сколько времени?

— Извини, я не нарочно. — (Звонок стоил так дорого, что вешать трубку уже не было смысла.) — Как дела в Аристархе?

— В Клавии. Мы переехали. Нам выделили вдвое меньшее жилье, чем прежде, и нужно еще столько же, чтобы разместить наши вещи. Ах да, со временем — это не твоя ошибка, папа. Мы теперь все в Клавии, кроме Дженнифер. Она...

Изображение Дэвида пропало, и приглушенный механический голос произнес:

— Вы вторглись в сферу интересов АРМ. Стоимость звонка будет вам возмещена.

Я смотрел на пустое место, где только что видел лицо Дэвида. Я сам работал в АРМ... Но, возможно, я услышал достаточно.

Моя внучка Дженнифер — медик. Цензурная программа отреагировала на ее имя. Дэвид сказал, что ее с ними нет. Вся семья переехала, кроме Дженнифер.

Если она осталась в Аристархе или же ее оставили...

Врачи-люди необходимы, когда с человеческим телом или мозгом случается нечто экстраординарное. Они изучают болезнь, чтобы потом можно было написать новую программу для медицинских аппаратов. Львиная доля таких проблем связана с психологией.

Должно быть, «мирные учения» Антона проходят очень напряженно.

II

Антон не было в четверг в «Моноблоке». И у меня в запасе оказалась еще целая неделя, чтобы обдумать и проверить программы, которые я загрузил в дайм-диск, но в этом не было необходимости.

В следующий четверг я пришел туда снова. Антон Бридлов и Фиби Гаррисон заняли столик на четверых.

Я остановился в дверях — свет падал на меня со спины, и я был уверен, что они не видят выражение моего лица. Затем подошел к ним:

— Когда ты вернулась?

— В субботу, — хмуро ответила Фиби.

Ситуация была неловкой. Антон тоже чувствовал это, но, с другой стороны, он и должен был почувствовать. Я начал жалеть, что не встретился с ним в прошлый четверг.

Я попытался вести себя тактично:

— Посмотрим, кого можно позвать четвертым?

— Нет, это совсем не то, — сказала Фиби. — Мы с Антоном теперь вместе. Мы должны были сказать тебе.

Вот уж не думал... Я не предъявлял никаких прав на Фиби. Мечты — это личное дело. Все обернулось неожиданной стороной.

— В каком смысле?

— Мы еще не женаты, но думаем об этом. И мы хотели бы поговорить с тобой.

— Например, за ужином?

— Отличная идея.

— Мне нравится «Баффоло Билл». Давайте отправимся туда.

Двадцать с лишним завсегдатаев «Моноблока» слышали наш разговор и видели, как мы уходим. Три долгожителя, достаточно доброжелательного вида, но чересчур серьезные... К тому же три — нечетное число...

Мы не сказали друг другу ни слова, пока не добрались до квартиры 2-3-309.

Антон закрыл дверь и только после этого заговорил:

— Мы с ней вместе, Джек. Во всех смыслах.

— Значит, это и правда любовь, — ответил я.

— Не обижайся, Джек, — улыбнулась Фиби. — Каждый человек имеет право на свой выбор.

«Банально, — подумал я, а потом решил: — Забудь об этом».

— Там, в «Моноблоке», все получилось слишком драматично. Я вел себя глупо.

— Так было нужно для них, — объяснила Фиби. — Это моя идея. После сегодняшней встречи кому-то из нас, вероятно, придется уехать. И теперь у нас есть универсальное оправдание. Ты уезжаешь, потому что твой друг сошелся с твоей возлюбленной. Или уезжает Фиби, которая не может простить себе того, что из-за нее поссорились лучшие друзья. Или большой, сильный Джек прогоняет шуплого Антона. Понимаешь?

Она не просто была с ним вместе, она взяла на себя руководство.

— Фиби, дорогая, ты действительно веришь в агрессивных кошек восьми футов ростом?

— А у тебя, Джек, есть сомнения?

— Теперь уже нет. Я созвонился с сыном. В Аристархе происходит нечто секретное, требующее присутствия медика.

Она лишь кивнула:

— Ты что-то приготовил для нас?

Я показал дайм-диск:

— Потратил меньше недели. Нужно добавить это в программу автоврача. Десять разновидностей. Биохимия отличается не сильно, но... «Артиллерия» — это слово означает оружие дистанционного действия и не имеет никакого отношения к артистам... Так о чем это я? Ах да. Артиллерия отличается от пехоты, ни то ни другое не похоже на разведку и на флот тоже. Вероятно, за несколько веков мы утратили некоторые военные специальности. Придется снова их изобрести. И это только первый этап. Жаль, что у нас нет способа проверить результаты.

Антон вставил в проектор свой диск вместо моего:

— Я забил его данными почти до отказа. АРМ сохранила невероятное множество опасных устройств. Нужно решить, куда все это спрятать. Я даже задумался, не придется ли кому-нибудь из нас эмигрировать, вот почему...

— В Пояс? Или еще дальше?

— Джек, если все подытожить, то у нас нет времени на полет к другой звезде.

Мы смотрели беззвучные и плавные кадры, демонстрирующее работу оружия. По большей части оно было примитивным. Мы наблюдали, как взрываются скалы и равнины, как сбивают самолеты, как машины уничтожают другие машины... и представляли, как разрывается на куски живая плоть.

— Я мог собрать больше материала, но решил, что сначала должен показать тебе, — сказал Антон.

— Не стоило беспокоиться, — ответил я.

— В чем дело, Джек?

— Мы сделали все это за неделю! Зачем рисковать головой из-за работы, которую можно так быстро повторить?

Антон растерянно посмотрел на меня:

— Должны же мы что-то делать!

— Да, но, возможно, это делали не мы. Возможно, это вместо нас делала АРМ.

Фиби крепко взяла Антона за руку, и он проглотил свои горькие возражения.

— Может быть, мы что-то упускаем, — предположила она. — Может быть, нужен другой подход.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Найди способ взглянуть на все иначе.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Обкуриться? Напиться? Наглотаться таблеток? — спросил я.

— Нет, — покачала головой Фиби, — нам нужен взгляд психа.

— Это опасно, дорогая. И кроме того, большинство препаратов, которые для этого требуются, запрещены законом. Я не смогу получить их, и Антон наверняка попадется. — Я заметил, как она мне улыбается. — Антон, я сверну твою тощую шею!

— А что такое, Джек?

— Нет, он ничего мне не говорил, — поспешно сказала Фиби. — Хотя, если быть откровенной, вы оба не внушаете большого доверия. Я помню, Джек, как тем утром ты пользовался автоврачом, и вижу, насколько взвинченным бывает Антон в четверг вечером. Все сходится.

— Ну хорошо.

— Ты был психом, Джек. Но очень давно, правильно?

— Тринадцать лет спокойствия, — ответил я. — Понимаешь, именно из-за этого нас и выбрали. Параноидальная шизофрения, порожденная нашей биохимией, вспыльчивый характер и искаженное представление о мире. Большинство психов даже не чувствует этого. Мы чаще пользуемся автоврачом, чем обычные люди, и тут уж ничего не поделаешь. Но некоторые из нас работают в АРМ. То, что ты предлагаешь, Фиби, просто смешно. Антон безумен четыре дня в неделю, точно так же как раньше был безумен я. Кроме Антона, никто не нужен.

— Он прав, Фиби.

— Нет. В АРМ работают с психами, так? Но за триста лет гены ослабли.

Антон кивнул:

— Нам говорили об этом во время обучения. АРМ нужны те, кто мог бы стать Гитлером, Наполеоном или Кастро. Те, кого можно послать на охоту за матерями, те, у кого совсем нет социального чувства. Но Комиссия по рождаемости не позволяет им иметь потомство, если только у них нет каких-то особенных свойств. У тебя ведь есть особенные свойства, Джек, — высокий уровень интеллекта или еще что-то...

— У меня отличные зубы, и я не страдаю боязнью невесомости. К тому же у ребят из Шарлотта не бывает проблем с задержкой развития. Это тоже способствует... Но да, с каждым веком нас все меньше. И поэтому приходится нанимать таких, как Антон, и сводить их с ума.

— Но очень осторожно, — возразила Фиби. — У Антона нет паранойи, Джек, а у тебя есть. АРМ делает Антона не слишком безумным, а ровно настолько, чтобы получить тот взгляд, который им нужен. Держу пари, что все их высшее руководство до отворачивания нормально. А вот ты, Джек...

— Я понимаю.

Вековые традиции АРМ полностью были на ее стороне.

— Ты можешь стать настолько безумным, насколько захочешь. Это естественное состояние, и медики знали, как с ним справляться, еще во времена Единой Земли. Нам нужен взгляд психа, и нам не придется красть препараты.

— Так и быть. Когда начнем?

Антон оглянулся на Фиби.

— Сейчас? — предложила она.

Мы прокрутили всю ленту Антона, чтобы направить разговор в мрачную сторону.

— Я занес сюда только то, что, по моему мнению, можно использовать, — объяснил Антон. — Ты должен понять все остальное: отравляющие вещества, напалм, военное оборудование.

— А это разве не военное? — спросила Фиби.

Вероятно, это было неверное заключение. Мы смотрели на диковинный летательный аппарат с вращающимися лопастями. Из его днища время от времени вырывался огонь... Какой-то вид оружия.

— Конструкция отличается от той, которую используют для убийства, — сказал Антон. — Она изменится, если понадобится стрелять. Вот. — (Появилось новое изображение.) — Это другая оружейная платформа. Она не просто быстро движется, ее не должно быть видно в небе. С тобой все в порядке, Джек?

— Я пугающе бодр. Вот и все, что я пока чувствую.

— Тебе нужно расслабиться, — посоветовала Фиби. — Антон потрясающе делает массаж. Я так никогда не научусь.

Она не обманывала. Антон не мог похвастаться моей мускулатурой, но у него были руки душителя. Я лежал, не прерывая разговора, пока он меня обрабатывал, и мне нравилось слушать, как дрожит мой голос, когда пальцы Антона мнут мне спину.

— Не так давно один парень вроде меня включил своего автоврача, чтобы тот обработал его бета-гамма-черт-знает-чем. Но у аппарата перегорел индикатор, а он этого не заметил. В итоге парень попытался взорвать дом своего делового партнера, но убил не его самого, а кого-то из родственников.

— Мы будем начеку, — заверила меня Фиби. — Если превратишься в берсеркера, мы с этим справимся. Хочешь посмотреть еще?

— А мы кое-что упустили, детишки. Я зарегистрированный псих, и если не буду пользоваться своим автоврачом больше трех дней, меня начнут искать, не дожидаясь, когда я вспомню, что меня зовут Душитель из Марсопорта.

— Он прав, дорогая, — сказал Антон. — Джек, дай код твоей квартиры, чтобы я мог подправить записи.

— Продолжай разговор. Или хотя бы закончи массаж. У нас есть проблемы поважней. Никто не хочет сока? Или чего-нибудь пожевать? Какую-нибудь питательную смесь?

Мы с Фиби даже не успели заметить, когда Антон вернулся с закусками.

Существуют ли на самом деле боевые кошки? Можем ли мы справиться с ними при помощи современных технологий? Сколько времени продержится Солнечная система? А другие звездные системы с не так густо заселенными колониями? Достаточно ли собрать старые записи и чертежи машин для убийства, или необходимо построить секретные заводы? Мы с Фиби выплескивали друг на друга идеи с такой же быстротой, с какой они появлялись, и я совершенно забыл, что занят чем-то опасным.

Я поймал себя на том, что думаю намного быстрее, чем высказываю свои мысли вслух. Я не забыл, что Фиби умней меня, но это сейчас не имело значения. А вот Антон утратил свою четверговую нетерпеливость.

Потом мы уснули. Старый надувной матрас был очень большим. Проснувшись, мы поели хлеба и фруктов и снова погрузились в работу.

Мы заново изобретали военно-космический флот, используя лишь записи Антона о военно-морских флотах. У нас не было выбора. Человечество никогда не имело военно-космического флота.

Не уверен, что я скатился в состояние шизофрении. Сорок один год подряд я проводил по четыре дня в неделю без автоврача, если не считать отпусков. Я забыл то ощущение, когда биохимия мозга перестраивается. Иногда вспоминал, но ведь во мне менялось самое главное, и не было никакой возможности это контролировать.

Машины Антона давно устарели, и ни одна из них не была создана даже для межпланетной войны. Человече-

ство слишком быстро обрело мир. Но если удастся скопировать хотя бы генераторы гравитации боевых кошек, до того как они сами появятся, уже одно это может спасти нас!

С другой стороны, каким бы оружием ни обладали кошки, кинетическая энергия останется основным способом перемещения массы. Расчеты не могут лгать... Я перестал угадывать конструкцию отдельных военных машин... Важней было получить общее представление.

Антон говорил очень мало.

Я понял, что тратил время впустую, когда составлял медицинские программы. Биохимическое усиление — самое простое из того, чем мы должны снабдить армию. Для этого необходимо масштабное тестирование, но в итоге можно вообще не получить солдат, пока они не прекратят цепляться за свои гражданские права или пока офицеры не перебьют большую часть из них, чтобы воодушевить остальных. Офицеров нужно готовить из нашего ограниченного резерва психов. Исходя из этого, мы должны начать с захвата власти в АРМ. Там собраны все лучшие психи.

Что касается работы Антона в архивах АРМ, то он полностью проигнорировал самое мощное оружие. Это было очевидно.

Я заметил, что Фиби смотрит на меня с раскрытым ртом, и Антон тоже.

Я попытался объяснить им, что главная наша задача — перестроить все человеческое общество. Многим, возможно, предстоит погибнуть, прежде чем остальные поймут, что мудрость состоит в подчинении лидеру. Боевые коты могли бы научить нас этому, но если мы и дождемся такого урока, будет уже поздно. Время убегает, как вода между пальцами.

Антон ничего не понимал. Фиби понимала меня, хотя и не полностью. Антон же, судя по языку тела, замкнулся; его лицо было пустым. Он боялся меня больше, чем боевых кошек.

Я понял, что мне, возможно, придется убить Антона. И возненавидел его за это.

В пятницу мы вообще не спали и к полудню субботы должны были совсем выбиться из сил. Мне необходимо было поспать хоть немного — сон требовался всем, — но меня озаряли все новые и новые идеи. В моей голове отдельные картины инопланетного вторжения слились в единую трехмерную карту.

Раньше я мог бы убить Антона за то, что он знает слишком много или слишком мало, за то, что он увел у меня Фиби. Но теперь я понял: это глупо. Фиби никогда не пойдет за ним. У него попросту нет... силы духа. Что же касается знаний, то он наш единственный пропуск в АРМ.

Вечером в субботу мы вышли перекусить, и тут Антон с Фиби осознали серьезную ошибку своего плана.

Мне это показалось забавным. Мой автоврач находится на другом конце Санта-Марии. И они собираются меня туда доставить. Меня, психа.

Мы обсудили эту идею. Антон и Фиби хотели проверить мои выводы. Что ж, прекрасно: мы должны дать АРМ программу для психов. Но для этого нам нужен мой диск (у меня в кармане) и мой автоврач (у меня в квартире). Необходимо попасть ко мне.

Держа это в уме, мы запланировали прощальную вечеринку.

Антон занялся припасами. Фиби посадила меня в такси. Я хотел отправиться в другое место, но она настояла на своем. Вечеринка может подождать.

Прошло много времени, прежде чем мы добрались до автоврача. Сначала мы управились с пивом и пищей размером с круглый стол короля Артура. Потом пели, хотя Фиби не попадала в тон. Потом отправились в койку. Я уже много лет не испытывал такого сильного и глубокого влечения, подкрепляемого еще более глубокой печалью, которую никак не удавалось отогнать.

Я настолько расслабился, что не мог пошевелить и пальцем, но мы все же дотасились, распевая песни, до автоврача, хотя я чуть ли не висел на плечах у Антона с Фиби. Я достал свой диск, но Антон забрал его у меня. Что это могло значить? Они положили меня на стол и включили аппарат. Я пытался объяснить, что это они должны

были лечь и вставить диск вот сюда... Но автомат определил, что моя кровь насыщена токсинами. И погрузил меня в сон.

Воскресное утро.

Антон и Фиби выглядели смущенными. Мои собственные воспоминания заставили меня смутиться еще сильнее. Было стыдно за безмерный эгоизм и самонадеянность. Три синих пятна на плече Фиби подсказали, что я скатился до насилия. Но хуже всего было то, что я помнил, как чувствовал себя завоевателем с запятнанными кровью руками.

Они никогда не полюбят меня снова.

Но ведь можно было сразу подвести меня к автоврачу. Почему они этого не сделали?

Когда Антон вышел из комнаты, я краем глаза уловил улыбку Фиби, тут же пропавшую, как только я обернулся. Старое подозрение всплыло и с тех пор не оставляло меня.

Предположим, что всех женщин, которых я любил, привлекал именно Безумный Джек. Каким-то образом они распознавали во мне потенциального психа, хотя в обычном состоянии я казался им тусклым и неинтересным. Должно быть, безумию всегда есть место, на протяжении всей истории человечества. Мужчины и женщины ищут друг в друге именно эту склонность к безумию.

Ну так что с того? Психи способны убивать. Настоящий Джек Стрэтер слишком опасен, чтобы выпускать его на свободу.

И все же... оно того стоило. За этот пятнадцатичасовой сеанс я понял одну по-настоящему важную вещь. Всю оставшуюся часть воскресенья мы обсуждали эту идею, пока моя нервная система возвращалась в привычное неестественное состояние — Разумный Джек.

Антон Бриллер и Фиби Гаррисон провели свадебное торжество в «Моноблоке». Я был шафером, отчаянно веселился и рассыпался в поздравлениях, изо всех сил оставаясь трезвым.

Неделю спустя я уже отправился на астероиды. В «Монблоче» говорили, что Джек Стрэттер сбежал с Земли, потому что его возлюбленная ушла к его лучшему другу.

III

Дела у меня пошли лучше, поскольку Джон-младший занимал важную должность на Церере.

Но мне все равно пришлось пройти обучение. Двадцатью годами раньше я прожил в Поясе одну неделю, но этого оказалось недостаточно. На обучение и закупку необходимого пояснику оборудования ушли почти все мои сбережения, и заняло все это целых два месяца моей жизни.

Восемь лет назад жизнь забросила меня на Меркурий, к лазерам.

Солнечные паруса редко используются во внутренней части Солнечной системы. Только между Венерой и Меркурием еще проводятся регаты на солнечных парусах — дорогой, неудобный и очень опасный спорт. Когда-то под ними ходили грузовые корабли по всему Поясу, пока ядерные двигатели не стали дешевыми и надежными.

Последнее прибежище солнечных паруса нашли на обширном пустом пространстве за Плутоном и кометным облаком. На таком удалении от Солнца их мощность можно усилить лазерами — теми самыми лазерами с Меркурия, что время от времени запускают исследовательские беспилотные зонды в межзвездное пространство.

Они сильно отличаются от стартовых лазеров, с которыми мне прежде приходилось иметь дело. И они намного больше. Благодаря низкой силе тяжести и отсутствию ветра на Меркурии они похожи на кристаллы, пойманные в паутину. Когда лазеры работают, их хрупкие опорные конструкции дрожат, словно паутина на ветру.

Каждый лазер стоит в широкой черной чаше солнечно-го коллектора; эти чаши разбросаны вокруг, словно куски рубероида. Полотна коллектора, потерявшего больше пя-

тидесяти процентов мощности, мы не убираем, а выстилаем поверх новые.

Выходную мощность этих устройств трудно представить. Из соображений безопасности лазеры Меркурия поддерживают постоянную связь с другими объектами Солнечной системы с задержкой в несколько часов. Новые солнечные коллекторы также принимают сигналы из центра управления в кратере Челленджер. Лазеры Меркурия нельзя оставлять без контроля. Если луч отклонится от нужного направления, он может причинить невообразимый ущерб.

Лазеры расположены по экватору планеты. По конструкции, размерам и техническим особенностям они отличаются друг от друга на сотни лет. Они работают от солнца, питающего растянутые на много квадратных миль полотна коллекторов, но у нас есть еще и резервные ядерные генераторы. Лазеры перемещаются с одной цели на другую, пока солнце не уходит за горизонт. Ночь длится тридцать с лишним земных дней, и у нас достаточно времени для ремонтных работ.

— Обычно так и бывает... — Кэтри Перритт посмотрела мне в глаза, желая убедиться, что я внимательно слушаю.

Я снова почувствовал себя школьником.

— ...Обычно мы ремонтируем и обновляем каждую установку по очереди и успеваем все закончить до рассвета. Но иногда случаются сейсмические толчки, и нам приходится работать днем, как сейчас.

— Кошмар, — ответил я, возможно слишком жизнерадостно.

Она поморщилась:

— Тебе весело, старина? Здесь миллионы тонн грунта, а на них слоеный пирог из зеркальных полотен, и эти древние теплообменники самые мощные из всех, что когда-либо были построены. Тебя не пугает солнечный свет? Это скоро пройдет.

Кэтри — поясник в шестом поколении, рожденная на Меркурии, — была выше меня на семь дюймов, не очень сильная, но необычайно проворная. А еще она была моей

начальницей. Мы с ней жили в одной комнате... и она быстро дала понять, что рассчитывает спать со мной в одной кровати.

Я был только за. За два месяца на Церере я успел выяснить, что поясники пользуются в личном общении совершенно иными, неизвестными мне условными сигналами. И я понятия не имел, как правильно подойти к женщине.

Сильвия и Майрон родились на Марсе, в небольшой колонии археологов, ведущих раскопки в засыпанных песком городах. Они дружили с рождения и поженились, как только достигли зрелости. Они увлекались новостными передачами. Новости давали им возможность поспорить. В остальном они держались так, будто умели читать мысли друг друга, почти не разговаривая между собой или с кем-либо еще.

Мы сидели без дела в служебном помещении, совершенствуясь в искусстве рассказчика. Затем какой-нибудь лазер гас, и к нему на помощь выкатывался тягач размером с небоскреб старого Чикаго.

Спешить, как правило, было некуда. Один из лазеров выполнял работу другого, потом подъезжал «Большой жук», роботы разлетались с него во все стороны, как самолеты с одного из авианосцев Антона, и приступали к работе.

Спустя два года после моего появления здесь сейсмический толчок повредил шесть лазеров в четырех разных местах и сорвал с коллекторов еще несколько. Ландшафт изменился, и у роботов начались проблемы. Некоторых из них Кэтри пришлось перепрограммировать. В остальном ее команда трудилась безупречно, Кэтри лишь отдавала распоряжения, а я служил резервом грубой физической силы.

Из шести лазеров пять удалось восстановить. Их сконструировали с расчетом на вечную работу. Роботы имели при себе все необходимое, чтобы установить новые опоры и вернуть оборудование на место, действуя по отдельной программе для каждого устройства.

Возможно, Джон-младший и не использовал свое влияние, чтобы помочь мне. Мышцы плоскоземельца высоко ценились там, где роботы не могли пройти через море

песка или обломки скалы. В таком случае Кэтри, возможно, заявила о своих претензиях ко мне вовсе не по обычаям Пояса. Сильвия и Майрон были не разлей вода, а я мог оказаться женщиной или геем. Возможно, она решила, что ей просто повезло.

Когда мы поставили на место уцелевшие лазеры, Кэтри сказала:

— Они все давно устарели. Но их не меняют.

— Это не очень хорошо, — ответил я.

— Ни хорошо ни плохо. Корабли с солнечным парусом очень медленные. И если солнечный ветер будет не совсем попутным, стоит ли из-за этого беспокоиться? Межзвездные разведывательные зонды еще не вернулись назад, и мы можем подождать. Во всяком случае, спикеры в правительстве Пояса именно так и думают.

— Я так понимаю, что в каком-то смысле оказался в тупике?

Она сверкнула на меня глазами:

— Ты эмигрант, плоскоземелец. Может быть, ты хотел стать первым спикером Пояса? Собираешься уехать отсюда?

— Вообще-то, нет. Но если моя работа скоро станет никому не нужной...

— Лет через двадцать, может быть. Мне не хватало тебя, Джек. Эти двое...

— Все в порядке, Кэтри. Я никуда не уйду.

Я обвел обеими руками безжизненный пейзаж и добавил:

— Мне здесь нравится.

И улыбнулся под ее громкий смех.

При первой возможности я отослал сообщение Антону:

«Если я и был сердит на вас, то справился с этим и надеюсь, вы тоже забыли о том, что я говорил или делал, когда, скажем так, был в бессознательном состоянии. Я нашел новую жизнь в глубоком космосе, но не слишком отличающуюся от того, что была у меня на Земле... Хотя вряд ли это будет продолжаться долго. Лазеры, подгоняющие корабли с солнечными парусами, — призрак прошлого.

Они портятся и от длительной работы, и от сейсмических толчков, но никто не хочет заменить их. Кэтри говорит, что осталось лет двадцать.

Ты сказал, что Фиби тоже покинула Землю и работает в горнодобывающем комплексе одного из астероидов? Если вы еще общаетесь сообщениями, передай ей, что со мной все в порядке и я надеюсь, что с ней тоже. Думаю, ее выбор профессии окажется более удачным, чем мой...»

Я и думать не мог о том, чтобы заняться чем-то другим.

Тремя годами позже, чем я ожидал, Кэтри спросила:

— Почему ты прилетел сюда? Конечно, это не мое дело, но...

Разница в обычаях: я уже три года провел в ее постели, пока она сподобилась задать этот вопрос.

— Пришло время что-то менять, — объяснил я и добавил: — Мои дети и внуки живут на Луне, на Церере и на спутниках Юпитера.

— Скучаешь по ним?

Пришлось ответить, что скучаю. В результате я потратил полгода, мотаясь по Солнечной системе.

Навестив надоедливых внуков, я остановился на три недели у Фиби. Она работала вторым оператором горнодобывающего комплекса на двухкилометровом астероиде, который вращался вокруг Юпитера. Там очищали руду, формировали из нее многокилометровый электромагнитный ускоритель, а затем прогоняли через него шлак — настоящая ракета, состоящая из горных пород, причем выходная скорость ограничивалась лишь длиной ускорителя, которая продолжала увеличиваться. Когда астероид достигнет Цереры, он будет состоять из чистого металла.

Думаю, Фиби скучала, она действительно обрадовалась мне. Но вскоре я вернулся на Меркурий. Мое долгое отсутствие беспокоило и Кэтри, и меня самого.

Прошел еще год, прежде чем она задала новый вопрос:

— Почему именно Меркурий?

— Потому что здесь я занят почти тем же, чем и на Земле, — ответил я. — С той лишь разницей, что там я был скучным человеком. А разве здесь я скучный?

— Ты очаровательный. И поскольку не хочешь рассказывать об АРМ, то очаровательный и таинственный. Не могу поверить, что ты был скучным, работая там. Так почему же ты на самом деле прилетел сюда?

И тогда я сказал:

— Здесь замешана женщина.

— Какая она?

— Она умней меня. И я казался ей скучным, поэтому она ушла, и все было бы хорошо, если бы она не ушла к моему лучшему другу. — Я беспокоюсь поежился и добавил: — Но не сказал бы, что я улечу с Земли из-за них.

— Нет?

— Нет. Здесь я получил все, что у меня было, когда я присматривал за строительными роботами на Земле, плюс еще одну вещь, о которой у меня не хватило ума забыть. Уйдя из АРМ, я потерял цель в жизни.

Я заметил, что Майрон прислушивается к нашему разговору. Сильвия смотрела на голографическую стену. Три стены показывали пейзаж Меркурия: скалы, сверкающие, словно угольки, в бледнеющих сумерках, и суевающиеся вокруг лазеров роботы, создающие иллюзию жизни. Четвертая стена обычно показывала новости. В этот момент на ней были видны колышущиеся ветви огромных секвой, выросших за триста лет в Хоувстрайд-Сити на Луне.

— Сейчас наступили хорошие времена, — продолжил я. — Нужно признать это, иначе они быстро пройдут. Мы соединяем звезды и при этом весело проводим время. Заметь, как часто мы танцуем. На Земле я был слишком дряхлым для танцев...

Сильвия затрясла мое плечо.

— В чем дело, Силь...

Я сам услышал, как только замолчал.

— Станция Томбо¹ передала последнее сообщение от «Принца фантазии». Видимо, «Принц» снова...

За четвертой голографической стеной засияло звездное небо. Вдруг откуда ни возмись на изображении появился силуэт, он двигался стремительно и резко остановился,

¹ *Клайд Томбо* — американский астроном, открывший Плутон.

как игрушка на ниточке. Он имел овальную форму и был со всех сторон усыпан тем, что моя память тут же определила как оружие.

Фиби не сможет больше продолжать свой полет. Боевые коты успеют глубоко проникнуть в Солнечную систему, прежде чем ее астероид станет средством устрашения. Тот или иной корабль боевых котов обнаружит на своем пути поток шлама, движущийся со скоростью кометы или даже быстрее.

К этому моменту Антон уже должен выяснить, есть ли у АРМ план отражения агрессивных инопланетян.

Что до меня, то я свою задачу выполнил. Я много работал на компьютере, сразу после того как прилетел сюда. Никто с тех пор к нему не прикасался. Дайм-диск должен быть на месте.

Мы старались написать сравнительно простую программу.

До тех пор пока боевые коты не уничтожат один из кораблей, подталкиваемых лазерами Меркурия, ничего не изменится. Враг должен себя выдать. Тогда один из лазеров случайно нацелится на корабль боевых котов... и такое может случиться с каждым из них. Через двадцать секунд система вернется в нормальное положение, пока вдруг не появится другая цель.

Если боевые коты убедятся, что Солнечная система защищена, возможно, они дадут нам время по-настоящему подготовиться к обороне.

Астероид уйдет вглубь системы, опасаясь солнечных бурь и метеоритов. Фиби может избежать нападения боевых котов. Мы здесь тоже можем уцелеть, под защитой адского сияния солнца и лазерных пушек, способных сражаться с вражескими кораблями. Но я бы не стал биться об заклад.

Мы сможем получить корабль.

И он сможет развить достойную скорость.

ДАР ЗЕМЛИ

Хэнку,
хорошему критику,
хорошему другу

Глава 1 РАМРОБОТ

Первым Гору Погляди-ка увидел рамробот.

Во всех населенных мирах первыми визитерами были рамроботы. Межзвездные роботы-прямоточники с неограниченным запасом топлива, получаемого из межзвездной среды, могли путешествовать от светила к светилу со скоростями, близкими к световой. Много лет назад в поисках пригодных для обитания планет ООН послала рамроботов к ближайшим звездам.

Особенностью первых рамроботов была их малая разборчивость. К примеру, рамробот, отправленный к Проциону¹, совершил посадку на планете Мы Это Сделали весной. Если бы посадка произошла летом или зимой, когда ось планеты ориентирована к своему солнцу, рамробот зарегистрировал бы ветры скоростью в тысячу пятьсот миль в час. Рамробот с Сириуса² обнаружил на Джинксе две узкие полосы, пригодные для жизни, но в его программе не было задачи сообщать о других особенностях планеты. А рамробот с тау Кита³, межзвездный робот-прямоточник номер четыре, опустился на Гору Погляди-ка.

¹ *Процион* — альфа Малого Пса, одна из ближайших к Земле звезд. Находится на расстоянии 3,5 пк, или примерно 11,5 светового года.

² *Сириус* — альфа Большого Пса, ярчайшая звезда на небе. Находится на расстоянии 2,6 пк, или 8,6 светового года.

³ *Tau Кита* — одна из ближайших к Земле (3,65 пк, или 11,9 светового года) солнцеподобных звезд. В 1960-е годы активно рассматривалась как подходящее место для поисков внеземных цивилизаций. Очень популярна в фантастике, кино и компьютерных играх. В 2012 и 2017 годах у тау Кита было заподозрено (но еще не доказано окончательно) существование нескольких планет.

Для жизни на Горе Погляди-ка годилось только Плато. Вся остальная планета представляла собой вечно раскаленную неподвижную мглу, ни для чего не пригодную. Плато было меньше, чем любая область, которую могли бы сознательно выбрать для колонизации. Но межзвездный робот-прямоточник номер четыре нашел подходящее для обитания местечко, а до остального ему не было дела.

Колонизационные транспортники, следовавшие за рам-роботами, годились только для полета в один конец. Их пассажирам всегда приходилось оставаться на месте назначения. Вот так более трехсот лет назад была заселена Гора Погляди-ка.

Стая полицейских машин веером мчалась за бегущим человеком. Тот слышал, как они жужжат, словно летние шмели. Теперь машины перешли на полную мощность, но было уже поздно. В воздухе это позволяло им развивать сто миль в час, что вполне достаточно для перемещения в пределах Горы Погляди-ка, но в данном случае выиграть гонку не помогло. Человеку оставалось лишь несколько метров до края.

Впереди беглеца появились фонтанчики пыли. Полицейские-реализаторы наконец отважились на риск нанести ущерб телу. Человек ударился в пыль, словно кукла, отброшенная в порыве гнева, перевернулся, схватившись за колено. Потом он на руках и одном колене пополз к краю обрыва. Он дернулся еще раз, но не остановился. У самого края посмотрел вверх и увидел, как в голубой пустоте разворачивается машина.

Зажав кончик языка между зубами, Хесус Пьетро Кастро нацелил свою машину на искаженное гневом бородастое лицо. Дюймом ниже — и он врежется в скалу; дюймом выше — и упустит возможность вытолкнуть человека обратно на Плато. Он подал вперед ручки обоих пропеллеров...

Поздно. Человек исчез.

Потом они стояли на краю и смотрели вниз.

Хесус Пьетро часто видел, как кучка взволнованных детей опасливо подбирается к краю бездны, чтобы посмотреть на скрытые корни Горы Погляди-ка, подзуживая друг

друга подойти как можно ближе. Ребенком он поступал так же — и навсегда запомнил это изумительное зрелище.

Истинная поверхность планеты Гора Погляди-ка находилась на сорок миль ниже, под клубящимся морем белого тумана. Огромное плато на горе занимало площадь в пол-Калифорнии. Вся прочая поверхность планеты представляла собой черную печь, разогретую выше точки плавления свинца, под атмосферой в шестьдесят раз толще земной.

Мэттью Келлер сознательно совершил одно из тягчайших преступлений. Он бросился с края Плато, забрав с собой глаза, печень и почки, мили кровеносных сосудов и все двенадцать желез, — забрав все, что могло попасть в банки органов Госпиталя и спасти тех, чьи тела начали отказывать. Даже его ценность как удобрения, достаточно значительная для колонии с трехсотлетней историей, тоже свелась к нулю. Лишь содержащаяся внутри его вода могла когда-нибудь вернуться в верхний мир, чтобы просыпаться дождем на озера и реки или снегом на великий северный ледник. Возможно, его высохшее тело уже горит в жутком жаре там, на глубине сорок миль.

А может, он все еще падает?

Хесус Пьетро, шеф Реализации, с трудом отошел от обрыва. Бесформенный туман иногда навевал странные галлюцинации и еще более странные мысли — как та необычная карточка из набора чернильных пятен Роршаха, которая оставлена пустой. Хесус Пьетро поймал себя на мысли: когда придет его время — если оно вообще придет, — ему захочется пойти тем же путем. Предательская мысль.

Майор избегал его взгляда.

— Скажите, майор, — обратился к нему Хесус Пьетро, — почему вы не поймали этого человека?

Майор развел руками:

— На пару минут он исчез среди деревьев. Мои люди заметили его только после того, как он ринулся к обрыву.

— А как он достиг деревьев? Нет, не рассказывайте, как он сбежал. Расскажите, почему ваши машины не перехватили его на пути к роще.

Майор колебался.

Хесус Пьетро сказал:

— Вы с ним играли в кошки-мышки. Он не мог добраться до своих друзей и не мог нигде скрыться, так что вы позволили себе безобидное развлечение.

Майор опустил взгляд.

— Вы займете его место, — сказал Хесус Пьетро.

На игровой площадке были трава и деревья, качели и качалки, а также медлительная, похожая на скелет карусель. Школа — одноэтажное белое здание из крашеного архитектурного коралла — окружала ее с трех сторон. Четвертая сторона, защищенная высокой оградой из окультуренной лианы, растущей на деревянных шпалерах, являлась краем Плато Гамма — крутым утесом, возвышавшимся над озером Дэвидсона на Плато Дельта.

Мэттью Ли Келлер сидел под водораздельным деревом и размышлял. Другие дети играли вокруг, не замечая его. Как и два учителя на дежурстве. Когда Мэтту хотелось побыть одному, люди его обычно игнорировали.

Дядя Мэтт ушел. Ушел навстречу столь жуткой судьбе, что взрослые старались вообще не говорить об этом.

Вчера на закате в дом явились полицейские-реализаторы. Они забрали с собой большого, спокойного дядю Мэтта. Зная, что его отвезут в Госпиталь, Мэтт пытался остановить этих высоченных людей в форме, но они были вежливы, высокомерны и тверды, и восьмилетний мальчик не мог им помешать. Он был точно пчела, жужжащая вокруг четырех танков.

Вскоре по телевидению колонистов будет объявлено о суде над его дядей и приговоре, потом огласят обвинения и воспроизведут запись казни. Но это уже не важно. Это просто подведение итогов. Дядя Мэтт больше не вернется.

Покалывание в глазах явилось для Мэтта знаком, что он готов заплакать.

Поняв, что остался один, Гарольд Лиллард прервал свою бесцельную беготню. Он не любил одиночества. Десятилетний Гарольд был крупным ребенком для своего возраста, и он нуждался в компании. Особенно в компании малы-

шей, детей, которыми можно командовать. Оглядевшись с довольно беспомощным видом, он заметил фигурку под деревом около края площадки. Сравнительно маленькую. Сравнительно далеко от камер слежения.

Он подошел.

Мальчик под деревом поднял голову.

Гарольд потерял к нему интерес. С отсутствующим выражением лица он побрел прочь, в сторону качелей.

Межзвездный робот-прямоточник номер сто сорок три вылетел с Юноны, разогнанный линейным ускорителем. Он уходил в межзвездное пространство, похожий на придуманное в спешке и в спешке же построенное огромное металлическое насекомое. При этом он был копией последних сорока своих предшественников во всем, кроме содержимого грузового отсека. В носовой части находился генератор захватывающего поля — массивный бронированный цилиндр с широким отверстием в центре. По сторонам помещались два больших термоядерных двигателя, разведенные под углом в десять градусов; они закреплялись на суставчатой металлической конструкции, похожей на сложенные лапы богомола. Корпус корабля был невелик, он содержал только компьютер и топливный резервуар для внутрисистемных полетов.

Когда включились термоядерные двигатели, Юнона была уже далеко позади. Немедленно начал разворачиваться кабель в хвосте корабля. Кабель был тридцать миль длиной и сплетен из молекулярных цепей Синклера¹. К его концу была прицеплена свинцовая капсула, такая же тяжелая, как весь рамробот.

За века таких грузовых капсул ушло к звездам несметное множество. Но эта была особенной.

Подобно рамроботам под номерами сто сорок один и сто сорок два, уже мчавшимся к Джинксу и Вундерланду, подобно рамроботу номер сто сорок четыре, еще не построенному, рамробот номер сто сорок три нес семена револю-

¹ Изобретенное физиком Раймондом Синклером моноволокно, имеющее колоссальную прочность на разрыв (см. повесть «АРМ»).

ции. На Земле революция уже шла. На Земле все шло тихо и законно. На Горе Погляди-ка будет не так.

Медицинская революция, начавшаяся с двадцатым веком, на пятьсот лет исковеркала все человеческое общество. Америка приспособилась к хлопковому джину Эли Уитни¹ менее чем за половину этого времени. Как и с джином, последствия этой революции никогда не исчезнут полностью. Но общество уже возвращалось к тому, что ранее было нормальным состоянием. Медленно, но верно. Небольшой, но растущий альянс в Бразилии ратовал за отмену смертной казни для злостных нарушителей уличного движения. Ему противились, но он должен был победить.

На двух копиях актиничного излучения рабробот приблизился к орбите Плутона. И Плутон, и Нептун находились по другую сторону от Солнца, и рядом не было кораблей, которые могли бы пострадать от воздействия магнитного поля.

Включился генератор захватывающего поля.

Воронкообразное поле формировалось довольно медленно, но после прекращения колебательных процессов оно составило двести миль в поперечнике. Когда воронка стала захватывать межзвездную пыль и водород, корабль начал испытывать лобовое сопротивление, пока очень небольшое. Он продолжал ускоряться. Бак с топливом для внутрисистемных полетов отключился; он будет бездействовать еще двенадцать лет. Пищей корабля стало разреженное вещество, захватываемое им среди звезд.

Вблизи корабля воздействие магнитного поля было смертельным. Ни одно хордовое существо не выживет в трехсотмильной электромагнитной буре вокруг работающего генератора. Люди столетиями пытались создать магнитную защиту достаточной эффективности, чтобы летать на прямоточниках. Было заявлено о невыполнимости этой

¹ *Хлопковый джин* — машина для отделения волокон хлопка от семян, запатентованная изобретателем Эли Уитни в 1794 году. Подняла производство хлопка в южных штатах США в сотни раз.

задачи; так оно и оказалось. Рамробот мог нести семена и замороженные яйцеклетки животных, при условии, что они будут хорошо защищены и расположены вдали от генератора. Людям же приходилось путешествовать на транспортниках, везущих собственное топливо и движущихся со скоростью меньше половины световой.

Скорость прямоточника номер сто сорок три быстро нарастала год от года. Солнце превратилось в яркую звезду, потом в оранжевую искорку. Лобовое сопротивление стало огромным, но его с лихвой компенсировал рост объема водорода, втекающего в термоядерные двигатели. Телескопы в троянских точках Нептуна¹ время от времени улавливали ядерное сияние рамробота: крошечную пылающую бело-голубую точку на фоне желтой тау Кита.

Вселенная сдвигалась и менялась. Звезды впереди и позади рамробота ползли друг к другу, пока Солнце и тау Кита не оказались друг от друга на расстоянии меньше светового года. Теперь Солнце было угасающим янтарно-красным огоньком, а Тау Кита — алмазно-белой звездой. Пара красных карликов почти на пути рамробота, известная под именем L726-8, стала тепло-желтой. И все звезды на небосводе выглядели расплюснутыми, словно кто-то очень тяжелый уселся на Вселенную.

Прямоточник номер сто сорок три достиг половины пути, пять и девяносто пять сотых светового года от Солнца и по отношению к Солнцу, и продолжил путь. Точка разворота отстояла еще на несколько световых лет, поскольку воронка захвата будет тормозить корабль в течение всего пути.

Но в компьютере рамробота сработало реле. Наступило время для сообщения. Воронка исчезла, сияние двигателей угасло. Прямоточник номер сто сорок три выбросил всю

¹ Имеются в виду так называемые точки Лагранжа в системе Солнце — Юпитер, образующие с ними равносторонний треугольник. Тело, помещенное в точку Лагранжа, теоретически будет оставаться в ней неограниченно долго. В точках Лагранжа планет-гигантов находится большое число астероидов, традиционно называемых именами героев Троянской войны, поэтому и сами эти точки часто именуют троянскими.

запасенную энергию мазерным лучом. Прошел час. Луч унесся прямо к системе тау Кита. Потом рамробот снова начал ускорение, следуя достаточно близко за собственным лучом, который постепенно уходил вперед.

Очередь из пятнадцатилетних мальчиков выстроилась у двери станции медконтроля. Каждый держал коническую бутылочку с прозрачной желтоватой жидкостью. Они вручали мужеподобной медсестре с жестким лицом бутылочки для анализа, потом отходили в сторону в ожидании новых указаний.

Мэтт Келлер был третьим с конца. Когда мальчик перед ним отошел и медсестра протянула руку, не отрывая взгляда от пишущей машинки, Мэтт критически осмотрел свою бутылочку.

— Что-то неважно выглядит, — заметил он.

Медсестра подняла голову — зло и нетерпеливо. Колонистское отродье тратит ее время!

— Лучше я попробую снова, — вслух решил Мэтт.

И выпил содержимое.

— Там был яблочный сок, — рассказывал он тем же вечером. — Когда я пронес его на станцию медконтроля, меня едва не застучали. Но видели бы вы ее лицо! Оно стало совершенно неопишуемого цвета.

— Но зачем? — с искренним изумлением спросил отец. — Зачем настраивать против себя мисс Принн? Ты же знаешь, что она частично экипажница. А эти медицинские записи прямиком идут в Госпиталь!

— А я думаю, это было забавно, — объявила Жанна.

Она была сестрой Мэтта, младше на год, и всегда его поддерживала.

Усмешка соскользнула с лица Мэтта, сменившись мрачным выражением, сделавшим его старше своего возраста.

— За дядю Мэтта.

Мистер Келлер воззрился на Жанну, потом на мальчика:

— Будешь думать в таком духе, Мэтт, — закончишь в Госпитале, как он! Почему ты не можешь оставить все как есть?

Озабоченность отца расстроила Мэтта.

— Не переживай, Чингиз, — сказал он весело. — Мисс Принн, вероятно, уже все забыла. Мне в этом везет.

— Глупости. Если она и не доложит о тебе, то лишь по своей редкостной доброте.

— Ну, это вряд ли.

В небольшой реабилитационной палате в процедурном отделении Госпиталя Хесус Пьетро Кастро сел впервые за четыре дня. Сделанная ему операция была простой, но крупной: теперь у него было новое левое легкое. Он также получил категорический приказ от Милларда Парлетта, чистокровного экипажника, — немедленно бросить курить.

Тянувшее ощущение внутри тела, вызванное хирургическим клеем, появилось, как только он сел, чтобы разобраться с накопившимися за четыре дня бумагами. Пачка бланков, которую его помощник водрузил на прикроватный столик, выглядела чрезмерно толстой. Он вздохнул, взял ручку и приступил к работе.

Пятнадцать минут спустя он поморщился, наткнувшись на дурацкую жалобу насчет розыгрыша, и смял листок. Но тотчас развернул его и прочитал снова.

— Мэттью Ли Келлер? — спросил он.

— Осужден за измену, — немедленно откликнулся майор Йенсен. — Шесть лет назад. Он сбежал за край Плато Альфа, край бездны. Согласно документам попал в банки органов.

Нет, он туда не попал, вдруг вспомнил Хесус Пьетро. Вместо него туда угодил предшественник майора Йенсена. Но Келлер так или иначе погиб...

— Как же это он может устраивать розыгрыши на станции медконтроля колонистов?

Поразмыслив секунду, майор Йенсен сказал:

— У него был племянник.

— Которому сейчас около пятнадцати?

— Возможно. Я проверю.

«Племянник Келлера, — сказал Хесус Пьетро себе. — Я могу отправить ему порицание, согласно стандартной процедуре.

Нет. Пусть думает, что все сошло с рук. Дадим ему странство, чтобы порезвиться, и однажды он заменит тело, похищенное его дядей».

Хесус Пьетро улыбнулся и чуть не засмеялся, но боль кольнула в ребра, и ему пришлось сдержать себя.

Выступающая носовая часть генератора поля больше не блестела. Она покрылась большими и маленькими рытинами, оставленными частицами межзвездной пыли, пробившимися сквозь магнитное поле. Все было усыпано ямками: термоядерные двигатели, корпус, даже грузовой отсек в тридцати милях позади. Корабль словно подвергли пескоструйной обработке.

Но все повреждения были поверхностными. Прошло более века с тех пор, как в прочную конструкцию прямоточников были внесены последние крупные изменения.

Теперь, спустя восемь с половиной лет после старта с Юноны, захватывающее поле выключилось во второй раз. Термоядерное пламя превратилось в две актиничные голубые свечи, генерирующие тягу всего в двенадцатую долю «же». Грузовой трос медленно наматывался обратно, пока отсек снова не занял свое гнездо.

Машина, казалось, пребывала в нерешительности... но вот два ее цилиндрических двигателя отодвинулись на своих членистых ногах от корпуса. Несколько секунд они находились под прямым углом к нему. Потом ноги медленно сложились. Теперь двигатели были направлены вперед.

Подковообразная полоса переворачивала грузовой отсек, пока он тоже не оказался обращенным вперед. Катушка троса потихоньку разматалась на всю длину.

Поле захвата снова включилось. Двигатели взревели на полную мощность. Теперь они выбрасывали потоки сливающихся ядер водорода и гелия сквозь самую магнитную воронку.

В восьми и трех десятых светового года от Солнца, почти на одной линии от Солнца до тау Кита, находился двойной красный карлик L726-8. Его звезды отличались тем, что имели наименьшую массу из всех известных

человечеству¹. Но она все же была достаточной, чтобы собрать вокруг себя слабую газовую оболочку. Пока магнитная воронка рамбота пробивала края этой оболочки, корабль начал резко замедляться.

Рамбот продолжил торможение. Вселенная снова растягивалась; звезды восстановили свой нормальный вид и цвет. В одиннадцати и девяти десятых светового года от Солнца, в ста миллионах миль от звезды тау Кита машина затормозила почти полностью. Ее магнитная воронка окончательно отключилась. Разнообразные сенсоры обшарили небо. Затем остановились. Нацелились.

Корабль снова пришел в движение. Точки назначения он должен был достигнуть на топливе, оставшемся во внутрисистемных баках.

Тау Кита — звезда класса G8, градусов на четыреста холоднее Солнца и создающая световой поток лишь в сорок пять процентов от солнечного. Планета Гора Погляди-ка облетает ее на расстоянии шестидесяти семи миллионов миль, не имея луны и двигаясь почти точно по кругу.

Прямоточник двинулся к планете. Двинулся осторожно, программа его компьютера учитывала возможные ошибки. Датчики продолжали зондирование.

Температура поверхности — шестьсот по Фаренгейту, с небольшими колебаниями. Атмосфера — непрозрачная, плотная, ядовитая у поверхности. Диаметр — семь тысяч шестьсот пятьдесят миль.

Над горизонтом что-то показалось. В видимых лучах это походило на остров в море тумана. Топография его напоминала лестничный пролет с широкими и очень пологими ступенями — плато, разделенными крутыми обрывами. Но прямоточник номер сто сорок три ощущал не только видимый свет. Температура была примерно такая же, как на Земле; воздух, которым можно дышать, имел давление, сходное с земным.

И оттуда шли сигналы двух радиомаяков.

¹ Это утверждение было справедливо в год написания романа (1968). С тех пор обнаружено несколько десятков звезд меньшей массы. Одна из звезд в паре L726-8 является весьма важной для астрофизики переменной звездой, известной под названием UV Кита.

Сигналы все решили. Рамроботу номер сто сорок три даже не пришлось выбирать, которому из них ответить, поскольку они были разнесены всего на четверть мили. Они исходили от двух транспортных кораблей Горы Погляди-ка, а расстояние между ними было перекрыто расплзающейся массой Госпиталя, так что звездолеты были уже не звездолетами, а диковинного вида башнями то ли замка, то ли бунгало. Но рамробот этого не знал, да ему это было и не нужно.

Главное — есть сигналы. Рамробот номер сто сорок три начал спуск.

Пол под его подошвами слегка подрагивал, и отовсюду доносился приглушенный, но постоянный гром. Хесус Пьетро Кастро шагал по искривленным, запутанным, похожим на лабиринт проходам Госпиталя.

Хотя он очень спешил, ему и в голову не приходило пуститься бегом. Он же, в конце концов, не в спортзале. Вместо того он двигался подобно слону, который бежать не может, зато идет достаточно быстро, чтобы затоптать бегущего человека. Голова была опущена, шаги широки, насколько возможно. Глаза зловеще выглядывали из-под выступающих надбровных дуг и кустистых седых бровей. Разбойничьи усы и шевелюра тоже были белыми и кустистыми, создавая неожиданный контраст со смуглой кожей. Полицейские-реализаторы вытягивались при его приближении и отскакивали с дороги, как пешеходы, увертывающиеся от автобуса. Страшились ли они его должности или массивной, неудержимой фигуры? Возможно, они и сами этого не знали.

У огромной каменной арки, служившей главным входом в Госпиталь, Хесус Пьетро посмотрел вверх и увидел над головой искрящуюся бело-голубую звезду. Едва успел ее заметить, как она погасла. Через несколько секунд смолк и всепроникающий гром.

Джип уже ждал. Если бы Хесусу Пьетро пришлось только сейчас его вызывать, кто-то очень бы пожалел. Он сел в машину, и шофер-реализатор тут же поднял ее, не ожидая приказа. Госпиталь остался позади, со всеми своими стенами и окружающими оборонительными пустошами.

Груз рамробота спускался на парашютах.

Другие машины тоже были в полете, то и дело меняя курс. Их водители пытались угадать, где опустится белая точка. Разумеется, это будет около Госпиталя. Рамробот навелся на один из двух кораблей, а Госпиталь вырос между двумя бывшими звездолетами, как нечто живое, как выросли архитектурного коралла.

Но ветер сегодня был сильным.

Хесус Пьетро нахмурился. Парашют может слудть за край утеса. Тогда он опустится не на Плато Альфа, где экипаж построил свои дома и куда колонисты не допускались, а дальше, в областях, отведенных колонистам.

Так и произошло. Машины летали вокруг него, словно стая гусей, следуя вдоль четырехсотфутового утеса, отделявшего Плато Альфа от Плато Бета, на котором леса фруктовых деревьев перемежались полями пшеницы и овощей и лугами да пасся скот. На Бете домов не было, поскольку экипажу не могло понравиться столь близкое соседство колонистов. Но колонисты там работали, а часто и развлекались.

Хесус Пьетро взял свой телефон.

— Приказ, — объявил он. — Груз рамробота номер сто сорок три опускается на Бете, сектор... двадцать два или поблизости. Пошлите за нами четыре взвода. Ни при каких обстоятельствах не мешайте машинам или экипажу, но арестуйте любого колониста, которого обнаружите в пределах полумили от груза. Задержите их для допроса. И поторопитесь.

Груз проскользил над полуакром citrusовых и опустился у дальнего края.

Это была роща лимонных и апельсиновых деревьев. Их генетически видоизмененные предшественники прибыли в одной из последних посылок, наряду с другими чудесами земной биоинженерии. На этих деревьях не появится никаких паразитов. Они будут расти где угодно. Им не нужно бороться за пространство с другими citrusовыми. Их плоды останутся идеально спелыми в течение десяти месяцев; а плоды для высвобождения семян они сбросят в рассчитанные интервалы, так что в любое время пять деревьев из шести будут держать на ветвях спелые фрукты.

В своей молчаливой борьбе за солнечный свет деревья раскинули ветви и листья непрозрачным пологом, так что прогулка в роще походила на посещение девственного леса. Здесь росли грибы, доставленные с Земли в неизменном виде.

Полли уже набрала пару десятков. Если кто-то спросит, она ответит, что пошла в цитрусовые леса за грибами. К тому времени, как этот кто-то появится, она успеет спрятать камеру.

Сезон ухода за растениями месяц как закончился, но по Плато Бета бродило немало колонистов. По лесам, по лужайкам, по скалам, куда взбирались в ходе тренировок. Сотни мужчин и женщин участвовали в экскурсиях и пикниках. Бдительный офицер Реализации заметил бы, что они распределены по Плато удивительно равномерно. Во многих признали бы Сынов Земли.

Но груз рамробота решил опуститься именно рядом с Полли. Она услышала глухой удар, будучи на опушке. Быстро и бесшумно двинулась в том направлении. Черные волосы и темный загар делали ее почти невидимой в лесной чаще. Она пробралась между двумя древесными стволами, спряталась за третьим и выглянула.

На траве лежал большой цилиндрический предмет. Канат с пятью парашютами бился на ветру.

Так вот как они выглядят, подумала она. Совсем небольшой, а прошел огромный путь... Но это была лишь малая часть рамробота. Основная система, вероятно, уже направилась домой.

Но самое важное — посылка. Содержимое рамроботов никогда не бывало чем-то банальным. Уже шесть месяцев, со дня прихода мазерного сообщения, Сыны Земли планировали захватить капсулу рамробота номер сто сорок три. В худшем случае они смогут потребовать у экипажа выкуп за нее. В самом лучшем варианте это окажется чем-то таким, за что стоит драться.

Она почти вышла из леса, но тут увидела машины — более тридцати машин, идущих на посадку вокруг капсулы.

И осталась в укрытии.

Хесуса Пьетро не узнали бы даже собственные солдаты, но они бы поняли его. Не считая двух-трех человек, его окружали самые чистокровные экипажники. Их шоферы, включая его собственного, предусмотрительно остались в машинах. Хесус Пьетро Кастро был подобострастен, почитителен и очень осторожен, чтобы случайно не ткнуть кого-нибудь локтем, не наступить на ногу или даже просто не оказаться на пути.

В результате он не заметил, как Миллард Парлетт, прямой потомок первого капитана «Планка», открыл капсулу и сунул в нее руку. Зато он увидел, как старец поднял нечто к солнечному свету, чтобы лучше рассмотреть.

Это был прямоугольный предмет с округленными краями, упакованный в упругий материал, уже начавший распадаться. Нижняя его половина была металлической. Верхняя изготовлена из вещества, являвшегося отдаленным потомком стекла, прочного, как стальной сплав и прозрачного, как оконная панель. И внутри плавало что-то бесформенное.

У Хесуса Пьетро отвисла челюсть. Он вгляделся. Его веки сощурились, зрачки расширились. Да, он понял, что это. Именно то, что было обещано полгода назад в мазерном сообщении.

Великий дар и великая опасность.

— Это наш наиболее тщательно охраняемый секрет, — говорил между тем Миллард Парлетт голосом, похожим на скрип двери. — Ни слова не должно просочиться. Если колонисты увидят, шум поднимется неопишуемый. Нам следует сказать Кастро, что... Кастро! Где, ради Демонов Тумана, Кастро?

— Я здесь, сэр.

Полли вложила камеру обратно в футляр и пошла вглубь леса. Она сделала несколько снимков предмета в стеклянной коробке, в том числе два с телеобъективом. Разглядеть его толком не удалось, но на снимках он будет виден во всех деталях.

Повесив камеру на шею, она взобралась на дерево. Листья и ветви старались отпихнуть ее, но она пробивалась

все дальше и дальше под защиту кроны. Лишь ощутив мягкий нажим каждым дюймом тела, остановилась. Здесь было темно, как в пещерах Плутона.

Через несколько минут появятся полицейские. Они ждут, когда уйдет экипаж. Не важно. Полли невидима глазу, и листьев достаточно, чтобы скрыть инфракрасное излучение ее тела.

Она не винила себя в утере капсулы. Сыны Земли не смогли расшифровать мазерное сообщение, но экипажники это сделали. Они знают цену посылке. Но теперь ее знает и Полли. Когда восемнадцать тысяч колонистов¹ на Горе Погляди-ка услышат о том, что содержалось в этой капсуле...

Наступила ночь. Реализационная полиция забрала всех колонистов, которых нашла. Никто из них не видел капсулу после спуска. После допроса их отпустят. Теперь полицейские с инфравизорами рассеялись вокруг. В роше, где скрывалась Полли, обнаружилось несколько теплых пятен; все они были обработаны звуковыми парализаторами. Полли даже не узнала, что в нее стреляли. Проснувшись на следующее утро, она с облегчением обнаружила, что находится на том же насесте. Подождала до полудня, потом отправилась к мосту Бета-Гамма, спрятав камеру под грибами.

Глава 2

СЫНЫ ЗЕМЛИ

С колокольной Кэмпбеллтауна донеслись четыре громовых удара. Звуковые волны прошли над городом, полями и дорогами, постепенно затухая. Рудник они миновали, уже почти слившись друг с другом. Но люди там опустили инструменты и подняли головы.

¹ Явная авторская ошибка: из последующего становится ясно, что число колонистов на Плато должно быть на порядок больше — по крайней мере тысяч двести.

Мэтт улыбнулся в первый раз за день. Он уже ощущал вкус холодного пива.

Велосипедная дорога от рудника шла под гору. Мэтт доехал до заведения Чиллера, когда оно уже начало заполняться. Он, как обычно, заказал сразу кувшин и опрокинул первый стакан, задержав дыхание. На него снизошла своеобразная благодать; второй стакан он наполнил осторожно, чтобы не образовалась пена. Он потягивал напиток, пока пивная заполнялась рабочими, завершившими смену.

Завтра суббота. На два дня и три ночи можно забыть о ненадежных маленьких тварях, при помощи которых он зарабатывал на жизнь.

Кто-то ткнул его локтем в шею. Он не обратил внимания: привычка, привезенная его предками с перенаселенной Земли. Но когда задела во второй раз, он держал стакан у рта. С капающим с подбородка пивом он обернулся, собираясь высказать мягкий упрек.

— Простите, — произнес невысокий смуглый человек с прямыми черными волосами.

У него было узкое, невыразительное лицо. Обликом он напоминал усталого клерка. Мэтт присмотрелся.

— Худ, — произнес он.

— Да, меня зовут Худ, но вас я не узнаю, — сказал брюнет вопросительно.

Мэтт ухмыльнулся. Он любил эффектные жесты. Засунув пальцы за воротник, он расстегнул рубашку до пояса.

— А теперь?

Похожий на клерка человечек попятился было, потом заметил крошечный шрам на груди Мэтта:

— Келлер!

— Правильно, — сказал Мэтт, застегивая рубашку.

— Келлер! Будь я проклят! — Чувствовалось, что подобные слова Худ приберегал для чрезвычайных случаев. — Прошло по крайней мере семь лет. Чем занимаешься?

— Залезай.

Худ не заставил предлагать дважды — забрался на соседний табурет еще до того, как посетитель успел его полностью освободить.

— Я изображаю няньку для рудных червей. А ты?

Улыбка Худа внезапно исчезла.

— Э-э... Ты ведь больше не сердишься на меня за этот шрам?

— Нет! — заявил Мэтт вполне искренно. — Я сам виноват. И вообще, это было давно.

Именно так. Мэтт тогда учился в восьмом классе. В тот осенний день Худ зашел в его класс, чтобы одолжить точилку для карандашей. Тогда Мэтт в первый раз увидел Худа — мальчика примерно с него ростом, хотя старше на год, очень нервного старшеклассника. На беду, учитель куда-то вышел. Худ прошествовал вдоль классной комнаты, ни на кого не глядя, заточил карандаш и, обернувшись, обнаружил, что выход отрезан толпой визжащих и прыгающих восьмиклассников. Худу, который был в школе новичком, они должны были казаться ордой каннибалов. Впереди находился Мэтт, машущий стулом; он-то и натравил орду на чужака.

Худ вырвался и убежал в ужасе. Заостренный кончик его карандаша остался в груди Мэтта.

То был один из немногих случаев хулиганства Мэтта. Для него шрам остался позорной меткой.

— Хорошо, — произнес Худ с явным облегчением. — Так ты теперь горняк?

— Да, о чем постоянно сожалею. Проклинаю тот день, когда Земля прислала нам этих змеенышей.

— Но ведь это лучше, чем копать ямы самому.

— Ты так думаешь? Готов прослушать лекцию?

— Секундочку. — Худ героическим жестом осушил свой стакан. — Готов.

— Рудный червь имеет пять дюймов в длину и четверть дюйма в диаметре, получен мутациями из земляного червя. Его перемалывающее отверстие окаймлено маленькими алмазными зубами. Руды металлов он переваривает для удовольствия, но как пищу использует брикеты синтетического вещества, разного для каждой породы — а своя порода червей имеется для каждого металла. Это усложняет дело. На руднике у нас имеется шесть пород, и я должен следить, чтобы каждая имела пищевые брикеты в зоне доступности.

— Но это вроде не так уж и сложно. А они не могут сами искать пищу?

— В теории — конечно. На практике — не всегда. Но это еще не все. Руды расщепляются бактериями в желудке червя. Потом червь выбрасывает зерна металла вокруг пищевого брикета, а мы их сметаем и забираем. Так вот, бактерии дохнут очень легко. А с ними тогда подыхает и червь, потому что металлическая руда забивает его кишки. Другие черви съедают его тело, чтобы извлечь руду. Только в пяти случаях из шести это оказывается не та руда.

— А черви не могут различать друг друга?

— Где им! Они едят не те металлы, они едят не тех червей, они едят не те брикеты; и даже когда они делают все правильно, все равно дохнут в течение десяти дней. Их такими и задумали, потому что их зубы быстро изнашиваются. Предполагалось, что для компенсации они будут размножаться с безумной скоростью, но горькая правда заключается в том, что у них на это не остается времени. Нам каждый раз приходится обращаться к экипажникам за новыми.

— Так экипажники держат вас за яйца.

— Точно. Выставляют цену, какую хотят.

— А не могут ли они подкладывать в некоторые пищевые брикеты не те вещества?

Мэтт изумленно поднял голову:

— Готов спорить, именно это они и делают. Или не докладывают правильные составляющие; они еще и экономят на этом. И само собой, не позволяют нам выращивать собственных червей. А... — Мэтт осекся.

Он столько лет не видел Худа. А экипаж не любит, когда называются имена.

— Время обедать, — сказал Худ.

Они допили пиво и отправились в единственный ресторан в городе. Худа интересовало, что стало с его школьными друзьями; он нелегко сходил с людьми. Мэтт, который знал о многих, удовлетворил его любопытство. Поговорили и о работе. Худ преподавал в школе на Дельте. К удивлению Мэтта, замкнутый паренек стал заядлым рассказчиком. Его суховатый, выверенный тон лишь делал

шутки смешнее. Оба они преуспевали и зарабатывали на жизнь достаточно. Настоящей бедности на Плато не было вообще. Экипаж нуждался не в деньгах колонистов, о чем и напомнил Худ за мясным блюдом.

За кофе он сказал:

— Я знаю, где сегодня вечеринка.

— А нас пустят?

— Да.

Мэтт на вечер ничего не планировал, но захотел убедиться:

— Что, правда пускают незваных гостей?

— Такие незваные гости, как ты, там как раз и нужны. Гарри Кейн тебе понравится. Он хозяин.

— Заметано.

Пока ехали вверх, солнце нырнуло за край Плато Гамма. Они оставили велосипеды на заднем дворе. Когда шли ко входу, солнце выглянуло снова: сияющий красный полукруг над вечным морем облаков за краем бездны. Дом Гарри Кейна находился всего в сорока метрах от края. Секунду они наблюдали за меркнувшим закатом, потом двинулись к дому.

Это было обширное бунгало почти правильной крестообразной формы с выпуклыми стенами, типичными для архитектурного коралла. Не делалось никаких попыток замаскировать его природу. Мэтт никогда до того не видел некрашенных домов, но должен был согласиться, что дом просто восхитителен. Остатки формирующего пузыря, благодаря которым все здания из архитектурного коралла приобретали характерную выпуклость, были здесь тщательно счищены. Открывшиеся стены были отполированы до розового блеска. Даже после заката дом слабо отсвечивал.

Словно он гордился своим чисто колонистским происхождением.

Архитектурный коралл был еще одним из подарков раброботов. После генетических манипуляций над обычным морским кораллом он стал самым дешевым строительным материалом. Реальную стоимость имел только пластиковый пузырь, направлявший рост кораллов и удерживавший специальную воздушную взвесь, служившую

им пищей. Все колонисты жили в коралловых домах. Даже если бы это разрешалось, немногие строили бы из камня, дерева или кирпичей. Но большинство все же старалось придать жилью немного сходства с домами на Плато Альфа. Они пытались подражать экипажу при помощи краски, дерева, металла, псевдокаменной облицовки, сглаживая неизбежные выпуклости шлифовальными кругами.

Но дом Гарри Кейна был вопиюще нетипичен — и днем и ночью.

Как только они открыли дверь, на них обрушился шум. Мэтт подождал, пока его слух приспособится, — привычка, выработанная его предками, когда население Земли достигло девятнадцати миллиардов; хотя этим вечером он находился почти в двенадцати световых годах от нее. За последние четыреста лет землянин, не способный поддерживать разговор под тысячу пьяных голосов, мог бы считать, что он глух как пробка. Соотечественники Мэтта сохранили некоторые из этих привычек. Огромная гостиная была забита, немногочисленные стулья не пользовались спросом.

Помещение было большим, а бар напротив входа — огромным.

— Гарри Кейн, должно быть, частенько устраивает приемы, — прокричал Мэтт.

— Именно! Пойдем со мной, познакомимся!

Пока они пробивались сквозь толпу, Мэтт перехватил обрывки разговоров. Вечеринка, как он догадался, началась недавно, некоторые гости не были знакомы ни с кем; но напитки достались всем. Это были люди всех возрастов, любых профессий. Худ говорил правду. Если кто-то и был нежеланным гостем, то вряд ли смог бы узнать об этом. Как бы его отличили среди других?

Стены были такими же, как снаружи: мерцающий розовый коралл. Пол, покрытый от стены до стены ворсистым ковром из мутантной травы, был ровным, кроме как у стен; без сомнения, после того, как дом был закончен и формирующий пузырь убран, его обработали песком. Но Мэтт знал, что под ковром не плитки и не паркет, а вездесущий розовый коралл.

Растолкав гостей, они добрались до бара. Худ, насколько позволил его небольшой рост, перегнулся через стойку:

— Гарри! Две водки с содовой, и я хочу познакомить тебя... Черт возьми, Келлер, как твое имя?

— Мэтт.

— С Мэттом Келлером. Мы в школе учились вместе.

— Очень рад, Мэтт. — Гарри Кейн протянул руку. — Рад видеть тебя здесь, Джей.

Гарри был ростом почти с Мэтта, но заметно полнее. На его широком лице выделялись еще более широкая улыбка и нос картошкой. С виду — типичный бармен. Налив водки с содовой в стаканы с заранее замороженной водой, он протянул их через стойку:

— Развлекайтесь. — Гарри отошел в сторону, чтобы обслужить двух новых гостей.

— Гарри полагает, что лучший способ познакомиться со всеми сразу — пару часов разыгрывать из себя бармена, — сказал Худ. — Затем передает это занятие какому-нибудь добровольцу.

— Интересная мысль, — заметил Мэтт. — Так тебя зовут Джей?

— Сокращение от Джейхок. Джейхок Худ. Один из моих предков был родом из Канзаса. Джейхок — символическая птица Канзаса.

— Дико, не правда ли, что нам понадобилось восемь лет, чтобы выяснить, как кого зовут?

В этот момент некоторые из собравшихся заметили Худа и ринулись к нему. Последовал поток представлений. Худ едва успевал улыбаться в ответ. Мэтт оказался на свободе. Он был уверен, что заметил, как Гарри Кейн передал что-то Джею Худу вместе с выпивкой. Мэтт воздержался от вопросов, но поймал себя на нездоровом любопытстве и решил забыть этот эпизод.

Среди подошедших для знакомства преобладали мужчины, но Мэтту запомнилась только единственная в этой компании женщина.

Ее звали Лейни Мэттсон. Ей было около двадцати шести лет — на пять больше, чем Мэтту. Без обуви он бы оказался выше на полдюйма. Но Лейни носила высокие

шпильки, а взбитая прическа из каштановых волос делала ее еще выше. И она была не только высокой, но и крупной, с выраженными бедрами и полной грудью, заметной даже при небольшом вырезе платья. Она выглядит красивее, чем есть, подумал Мэтт, умело использует косметику. Каждое ее движение несло в себе оттенок буйной чрезмерности, под стать ее росту.

Мужчины были того же возраста или старше, под тридцать. Любой из них, танцуя в паре с Лейни, выглядел бы нормально. Они были огромными. От них у Мэтта сохранилось только общее впечатление звучного голоса, мощного рукопожатия и большого красивого лица, улыбающегося из-под розового потолка. Но они — все четверо — ему понравились. Просто он не мог их различить.

Худ удивил его снова. Со своим невыразительным голосом, почти переходя на крик, чтобы его слышали, не стараясь тянуться, чтобы его заметили, Худ тем не менее умудрялся сохранять контроль над беседой. Это он перевел разговор на школьные времена. Одного из верзил уговорили рассказать о простом трюке, с помощью которого школьный трехмерный телевизор перенастроили так, что целый день весь класс смотрел уроки вверх ногами и изнутри наружу. Мэтт неожиданно для себя рассказал о бутылке с яблочным соком, которую он протащил на станцию медконтроля Гаммы. Кто-то, до того вежливо слушавший сбоку, упомянул, что однажды он угнал машину у семейства экипажников, отправившегося на пикник на Плато Бета. Он настроил автопилот, чтобы машина постоянно находилась на расстоянии тысячи футов за краем бездны. Она так и летала пять дней, пока не рухнула в туман, на глазах у десятка полицейских-реализаторов.

Мэтт следил за разговором Джея Худа и Лейни. Лейни положила длинную руку на плечи Худу, а его макушка едва доходила ей до подбородка. Они говорили одновременно, перебивая друг друга, торопливо смешивая сбереженные для беседы воспоминания, анекдоты и шутки, делясь ими с окружающими; и все же это был диалог.

Это не любовь, решил Мэтт, хотя и выглядит похоже. Это просто огромное удовлетворение, испытываемое ими от общения. Удовлетворение и гордость.

Мэтт почувствовал себя одиноким.

Он не сразу понял, что Лейни носит слуховой аппарат. Устройство было столь маленьким и искусно окрашенным, что почти не различалось в ухе. По правде говоря, Мэтт даже не был уверен, что заметил его.

Если Лейни нуждается в подобном устройстве, то жаль, что не смогла спрятать его получше. Уже веками более цивилизованные народы носят кусочки ламинированного пластика под кожей выше mastoидной кости. Но на Горе Погляди-ка таких вещей нет. А экипажник заменил бы себе уши с помощью банка органов...

Стаканы опустели, и один из огромных спутников Лейни вернулся с полными. Небольшая группа то росла, то уменьшалась, то разделялась по извечной прихоти коктейльной вечеринки. Мэтт и Джей Худ ненадолго остались одни среди леса локтей и спин.

— Хочешь увидеть красавицу? — спросил Худ.

— Разумеется.

Худ повернулся, чтобы проложить путь, и Мэтт заметил в его ухе точку того же необычного цвета, что и у Лейни. С каких это пор Худ стал плохо слышать? Возможно, все это игра воображения, подогретого водкой. Помимо прочего, крошечные аппараты казались слишком глубоко погруженными в ухо.

Но предмет такого размера как раз и мог быть передан Гарри Кейном Джею Худу вместе со стаканом.

— Это самый простой способ провести рейд, сэр. — Хесус Пьетро Кастро сидел, почтительно наклонившись в кресле, руки сложены на столе — образ очень умного человека, целиком преданного работе. — Мы знаем, что члены покидают дом Кейна всегда по двое и по четверо. Мы будем забирать их снаружи. Если перестанут выходить, значит догадались. Тогда мы ворвемся в дом.

Под маской почтительности Хесус Пьетро скрывал беспокойство. Впервые за четыре года он планировал большой рейд против Сынов Земли, а Миллард Парлетт выбрал этот вечер для визита в Госпиталь. Почему сегодняшний вечер? Он приходил раз в два месяца, слава Демонам

Тумана. Визиты экипажников всегда выбивали из колеи людей Хесуса Пьетро.

По крайней мере, Парлетт пришел сам. Как-то раз он вызвал Кастро к себе домой, и это было плохо. Здесь же Хесус Пьетро находился в своей стихии. Его кабинет был, можно сказать, продолжением его личности. Стол имел форму бумеранга, окружая Кастро широким треугольником, чтобы оставить больше рабочего места. Три кресла с разной степенью комфорта предназначались для посетителей трех сортов: экипажа, персонала Госпиталя и колонистов. Кабинет был большой и квадратный, но задняя стена выглядела слегка выпуклой. Все прочие стены окрашены в кремовый цвет, приятный глазу, эта же стена — отполированный темный металл.

То была часть внешнего корпуса «Планка». Кабинет Хесуса Пьетро упирался в источник половины духовной силы Горы Погляди-ка, равно как и в источник половины электроэнергии — в корабль, который доставил людей в этот мир. Сидя за столом, Хесус Пьетро ощущал за собой силу.

— Единственной нашей проблемой, — продолжал он неторопливо, — является то, что не все гости Кейна вовлечены в заговор. По крайней мере, половина окажется рохлями, приглашенными для маскировки. На то, чтобы разобраться, кто есть кто, понадобится время.

— Это я понимаю, — сказал старик.

Его голос скрипел. Парлетт был тощим, костлявым и походил на Дон Кихота, но в его глазах не было безумия. Они смотрели здраво и настороженно. Почти двести лет Госпиталь поддерживал функционирование его тела, мозга и сознания. Вероятно, даже сам Парлетт не знал, сколько процентов его организма заимствовано у колонистов, осужденных за серьезные преступления.

— Почему сегодня? — спросил он.

— А почему бы и нет, сэр?

Хесус Пьетро догадался, к чему тот клонит, и мысли понеслись потоком. Миллард Парлетт вовсе не глуп. Старец был одним из немногих экипажников, желавших взять на себя ответственность. Большая часть тридцатитысячного экипажа на Горе Погляди-ка предпочитала придумывать

все более сложные игры: виды спорта; стили одежды, менявшиеся согласно полудюжине мудреных непостоянных правил; жесткий и нелепый социальный этикет. Парлетт же предпочитал работать — хотя бы иногда. Он выбрал руководство Госпиталем. Он был компетентен и соображал быстро; хотя и появлялся редко, но, казалось, всегда знал о происходящем, и обмануть его было трудно.

Сейчас же Парлетт сказал:

— Вчера прибыла капсула рамбота. Вечером ваши люди прочесывали район в поисках шпионов. На сегодняшней вечер у вас запланирован большой рейд, впервые за четыре года. Думаете, кто-то ускользнул у вас между пальцами?

— Нет, сэр!

Но для Парлетта такого ответа было недостаточно.

— В данном случае, — продолжил Пьетро, — могу позволить себе перестраховаться, хотя я во всем уверен. Если у какого-нибудь колониста появятся новости о посылке рамбота, он этим вечером будет у Кейна, пусть даже демоны преградят ему дорогу.

— Я не одобряю азартные игры, — сказал Парлетт.

Хесус Пьетро торопливо искал подходящий ответ.

— И вы решили не рисковать, — заключил старик. — Очень хорошо, Кастро. Так что сделали с капсулой рамбота?

— Полагаю, сотрудники банка органов распаковали ее, сэр. А содержимое помещено в хранилище. Вы хотели бы посмотреть?

— Да, — ответил Парлетт.

Хесус Пьетро Кастро, шеф Реализации, единственной вооруженной власти на всей планете, быстро встал, чтобы проводить гостя. Если они поторопятся, еще можно успеть на место, чтобы приглядеть за рейдом. Но никаких вежливых способов заставить экипажников поспешить не существовало.

Худ говорил правду. Полли Турнквист была прекрасна. Она также была миниатюрна, смугла и спокойна, и Мэтту определенно захотелось познакомиться с ней поближе.

У Полли были длинные мягкие волосы цвета беззвездной ночи, ясные карие глаза и улыбка, сиявшая даже в те минуты, когда она старалась выглядеть серьезной. Похоже, она что-то скрывает, подумал Мэтт. Полли не говорила; она слушала.

— Парапсихологические способности — не миф, — настаивал Худ. — Когда «Планк» покинул Землю, различные псионные устройства для их усиления уже существовали. Телепатия стала почти надежной. Они...

— Что означает «стала почти надежной»?

— Настолько, что специально подготовленные люди могли читать мысли дельфинов. Настолько, что телепатов вызывали как экспертов в суд при рассмотрении убийств. Настолько, что...

— Ладно-ладно, — сказал Мэтт.

В первый раз за вечер он увидел, что Худ устал. По поведению окружающих было ясно, что Худ часто оседлывал своего любимого конька.

— И где же они сейчас, эти твои ведьмаки? — спросил Мэтт.

— И вовсе они не ведьмаки! Послушай, Кел... Послушай, Мэтт. Каждая из этих пси-способностей хоть немного да связана с телепатией. Это доказано. А знаешь ли ты, как проверяли наших предков, прежде чем отправить их в космос в тридцатилетний путь в одну сторону?

Кто-то ответил напрямик:

— Их посылали на какое-то время на орбиту вокруг Земли.

— Да. По четверке кандидатов на пароме, летающем месяц. Ни один телепат этого бы не вынес.

Полли Турнквист следила за спором, словно зритель на теннисном матче, поворачиваясь то к одному собеседнику, то к другому. Ее улыбка стала шире; волосы завораживающе развевались; наблюдать за ней было сплошным удовольствием. Она знала, что Мэтт следит за ней. То и дело ее глаза обращались к нему, словно приглашая разделить шутку.

— Почему, он же был бы там не один?

— Но не с теми. На Земле скрытого телепата повсюду окружают десятки тысяч сознаний. В космосе их было бы

три. И он в течение целого месяца не смог бы хоть на час избавиться от любого из них.

— Джей, откуда ты все это знаешь? Из книг? Сам-то наверняка ни над кем не экспериментировал.

Глаза Полли, слушавшей спор, сверкали. Уши Худа постепенно краснели. Иссиня-черные волосы Полли вились вокруг головы, и, когда они приоткрыли на миг ее правое ухо, стало ясно, что она тоже носит крошечное, почти невидимое слуховое устройство.

Значит, у нее действительно были тайны. И Мэтт наконец решил, что знает, какого они рода.

Триста лет назад «Планк» прибыл на Гору Погляди-ка, ведомый шестью членами экипажа, которые присматривали за лежащими в анабиозе¹ пятьюдесятью пассажирами. Во всех учебных лентах по истории рассказывалось, как кольцевидное летающее крыло нырнуло в атмосферу и часами двигалось над непроницаемым туманом — ядовитым и чудовищно раскаленным, судя по показаниям приборов. И вдруг над горизонтом поднялась огромная масса, вертикальная гора с плоской вершиной, имевшая сорок миль в высоту и протяженность в несколько сот миль. Она была подобна новому континенту, вздымающемуся над неосоздаемым белым морем. Команда смотрела, лишившись дара речи, пока капитан Парлетт не воскликнул: «Погляди-ка!»

История высадки не задокументирована, но всем отлично известна. Пассажиров будили по одному, и они обнаруживали, что живут при внезапно возникшей диктатуре. Те, кто воспротивился, — их было не много — умерли. Когда спустя сорок лет прибыл «Артур Кларк», все повторилось. Последние триста лет ситуация не менялась, лишь росло население.

С самого начала возникла группа революционеров. Ее название несколько раз менялось; Мэтт не имел представ-

¹ Согласно анализу исследователей цикла «Известный космос», это произошло в 2112 году, а события, описанные в романе, происходят примерно в 2355 году, то есть спустя 243 года. Упоминания в самом романе «Дар Земли» дают примерно 2390 год, но эта дата не вяжется с другими событиями в «Известном космосе».

ления, каково оно сейчас. Он не был знаком ни с одним революционером и не имел особого желания становиться таковым. Эти люди ничего не добились, они только пополнили банки органов Госпиталя. Да и что они могли, когда экипаж контролировал все оружие и каждый ватт энергии на Горе Погляди-ка?

Если это было гнездо мятежников, то прикрытие они придумали хорошее. Многие весельчаки не имели слуховых устройств и вроде бы вообще тут никого не знали. Как и сам Мэтт. Но посреди естественного шума гулянки некоторые слышали голоса, доступные только им.

Мэтт дал волю воображению. У них тут наверняка есть какой-нибудь люк для бегства, и при появления полиции те, кто принадлежит к внутреннему кругу, воспользуются им на фоне естественной паники. Мэттом и его непосвященными собратьями можно пожертвовать.

— Но почему все эти оккультные силы должны быть связаны с чтением умов? Ты, Джей, это понимаешь?

— Естественно. Разве не ясно, что телепатия — черта, способствующая выживанию? Когда люди смогли развить пси-силы, в первую очередь должна была прогрессировать телепатия. Все остальные возможности пришли позже, потому что они с меньшей вероятностью спасут тебя от смерти...

От мысли уйти Мэтт отказался. Безопаснее? Конечно. Но здесь он хоть на время спрятался и от привередливых рудных червей и их корыстных поставщиков из экипажа, и от множества других проблем, которые портили ему жизнь. И у него ужасно чесалась шишка любопытства. Он хотел понять, как эти люди думают, как работают, как защищаются, что у них на уме. Он хотел узнать...

Он хотел поближе узнать Полли Турнквист. Теперь еще сильнее хотел. Она была мала ростом, приятна, хрупка на вид; каждый мужчина, хоть раз взглянув на нее, захотел бы стать на ее защиту. Почему такая девушка губит свою жизнь? Ведь именно это она и делает. Раньше или позже в банках органов возникнет недостаток здоровой печени, кожи, толстого кишечника, а уровень преступности на Плато окажется низким. Тогда Реализация устроит налет, и Полли разберут на составляющие.

У Мэтта возник позыв отговорить ее, увести отсюда и переехать на другую часть Плато. Смогут ли они скрыться на столь ограниченной территории?

Вероятно, нет, но...

Но Полли даже не знает, что он догадался. Если она это обнаружит, его могут убить за лишние знания. Надо держать язык за зубами.

Это все портило. Если бы Мэтт мог играть роль наблюдателя, человека, который все видел и ничего не сказал... Но он не был наблюдателем. Он уже был замешан. Он знал Джей, и тот ему нравился. Лейни Мэттсон и Гарри Кейн понравились ему с первого взгляда, и он, может быть, влюбился в Полли Турнквист. Жизнь этих людей держалась на волоске. Как и его жизнь! И он ничего не мог с этим поделать.

Человек средних лет, стриженный бобриком, все еще обсуждал ту же тему.

— Джей, — сказал он, с трудом изображая терпение, — ты пытаешься убедить нас, что, когда отцы-основатели покинули Землю, там уже неплохо управляли пси-силами. Хорошо, но чего они с тех пор добились? Они добились огромных успехов в биоинженерии. Их корабли постоянно улучшаются. Роботы-прямоточники теперь сами возвращаются домой. Но что они сделали в области пси-сил? Ничего. Просто ничего. И почему?

— Потому...

— Потому что все это предрассудки. Ведовство. Мифы. «Ох, заткнись!» — подумал Мэтт.

Все это было прикрытием для реально происходящего, а он в этом ральном не участвовал. Он выбрался из круга, надеясь, что никто, кроме Полли, этого не заметит. Никто и не заметил. Он направился к бару за добавкой.

Гарри Кейн исчез, его заменил парнишка несколько моложе Мэтта, который продержался бы еще не более получаса, если бы продолжил дегустировать свои смеси. Пригубив напиток, Мэтт обнаружил, что в основном это водка. А когда обернулся, перед ним оказалась Полли — она посмеивалась над его гримасой.

Полдюжины подозреваемых крепко спали, уложенные у стены патрульного фургона. Одетый в белое медик Реализации поднял голову, когда вошел Хесус Пьетро.

— А вот и вы, сэр. Думаю, эти трое — просто гуляки. У остальных есть аппараты в ушах.

Ночь снаружи была темной, как и всегда на лишенной луны Горе Погляди-ка. Хесус Пьетро оставил Милларда Парлетта перед стеклянной стеной банка органов размышляющим... о чем бы он там ни размышлял. О вечной жизни? Вряд ли. Даже стодевяностолетний Миллард Парлетт умрет, когда износится его центральная нервная система. Нельзя пересаживать мозги, не пересаживая вместе с ними и воспоминания. О чем думал Парлетт? Выражение его лица было очень странным.

Хесус Пьетро взял в руки голову подозреваемого и повернул ее, чтобы заглянуть в уши. Безвольное тело повернулось вслед.

— Я ничего не вижу.

— Когда мы попытались удалить механизм, он испарился. То же произошло и с пожилой женщиной. У девушки он сохранился.

— Хорошо.

Кастро пригнулся, чтобы посмотреть. В левом ухе, слишком глубоко, чтобы можно было достать пальцами, находилось что-то черное, окаймленное телесно-розовым.

— Найдите микрофон, — сказал он.

Человек позвонил. Хесус Пьетро нетерпеливо ждал, пока принесут микрофон. Когда дождался, приложил его к голове девушки и настроил на полную громкость.

Раздалось шуршание и потрескивание.

— Прилепите его, — сказал Хесус Пьетро.

Медик повернул девушку на бок и прилепил микрофон к ее голове. Громкое шуршание прекратилось, весь фургон заполнила глухая пульсация артерий.

— Сколько прошло времени с тех пор, как первые гости покинули помещение?

— Первые — вот эти двое, сэр. Примерно двадцать минут.

Дверь позади открылась, чтобы впустить еще носилки, на которых лежали без сознания двое мужчин и две женщины. У одного мужчины было слуховое устройство.

— Очевидно, у них нет сигнала, оповещающего о беспрепятственном уходе, — заметил Хесус Пьетро. — Глупо.

Вот если бы он руководил Сынами Земли...

Он выслал бы вперед ложные цели, расходный материал. Если бы первые не вернулись, он бы послал еще нескольких, через произвольно выбранные промежутки времени. До тех пор пока не смогли бы уйти лидеры.

Но куда уйти? Его люди не обнаружили тайных выходов; звуколокаторы не нашли подземных тоннелей.

Через несколько секунд Хесус Пьетро заметил, что микрофон заговорил. Звук был настолько слаб, что пришлось быстро приблизить ухо.

— Оставайтесь, пока не захотите уйти. Помните, это обычная вечеринка в открытом стиле. Однако те из вас, у кого нет важных новостей, пусть уходят до полуночи. Те, кто захочет поговорить со мной, должны использовать обычные каналы. Не старайтесь удалить наушники; к шести часам они распадутся сами. Теперь развлекайтесь!

— Что он сказал? — спросил медик.

— Ничего важного. Хотел бы я точно знать, что это Кейн.

Хесус Пьетро коротко кивнул медику и двум полицейским.

— Продолжайте, — сказал он и вышел в ночь.

— Зачем тебе уходить? — спросила Полли. — Все интересное только начинается.

— Вовсе нет, а стакан мой пуст, и, вообще-то, я надеялся уйти вместе с тобой.

— Ты, должно быть, веришь в чудеса, — рассмеялась Полли.

— Это правда. А зачем уходить тебе?

Окруженные людьми, утонувшие в водопаде голосов, Полли и Мэтт тем не менее были в уединении. Прочие не прислушивались к ним, сдерживаемые хорошими манерами и отсутствием интереса. Вот почему их никто и не

слышал; разве можно сосредоточиться на двух разговорах одновременно? Они могли считать, что находятся в комнате одни; в комнате с податливыми стенами и неподатливыми локтями, в комнате такой же маленькой и приватной, как телефонная будка.

— Похоже, Джей рехнулся на почве пси-возможностей, — сказала Полли.

Она не ответила на вопрос, чему Мэтт был только рад. Он надеялся незамеченным ускользнуть от затеявшего диспут Худа. С этим ему повезло. Однако появление Полли все изменило, и ему нравилось отгадывать ее мотивы.

— Он всегда такой болтливый?

— Да. Он думает, что если бы только мы могли... — Она осеклась: девушка с тайнами. — Забудь Джея. Расскажи о себе.

И он рассказал о рудных червях, и о жизни дома, и о школе в девятом секторе Плато Гамма; он упомянул дядю Мэтта, который погиб, потому что был мятежником; но она не клюнула на приманку. А Полли рассказала, как росла в ста милях отсюда, около Колониального университета, и описала свою работу на ретрансляционной энергостанции «Дельта», но ни разу не обмолвилась о слуховом устройстве.

— Ты похожа на девушку с тайнами, — сказал Мэтт. — Думаю, все дело в улыбке.

Она придвинулась к нему поближе, то есть очень близко, и тихо спросила:

— Ты можешь хранить тайну?

Мэтт улыбнулся уголками губ, чтобы показать: он знает, что последует. Она же произнесла:

— Я тоже могу.

И это было все. Но она не ушла. Они улыбались друг другу, стоя лицом к лицу на расстоянии пары дюймов, радуясь мгновению тишины, которую человек из прошлого счел бы самым разгаром воздушного налета. Полли была восхитительна. В ее лице сочетались призыв и опасность; ее фигурка была гибкой, женственной, змеившейся с грацией танцовщицы под широким зеленым джемпером. Мэтт

молча посмотрел в ее глаза и на миг почувствовал себя замечательно. Но миг прошел, и они стали говорить о всякой ерунде.

Напор толпы пронес их через половину помещения. Они протолкались обратно к бару за новыми порциями, потом опять позволили толпе нести себя. В непрерывном гуле было что-то гипнотизирующее, возможно объясняющее пятисотлетнюю традицию коллективных выпивок: ведь монотонный фоновый шум давно использовался при гипнозе. Время перестало существовать. И пришел момент, когда Мэтт понял, что предложит Полли пойти к нему домой, и она согласится.

Но такая возможность ему не представилась.

Что-то изменилось в лице Полли. Казалось, она прислушивается к чему-то, слышному только ей одной. Слуховое устройство? Мэтт готов был сделать вид, что ничего не заметил, но и этого не случилось. Полли вдруг начала удаляться, исчезая в толпе, не так, словно она спешила, а как будто вспомнив о чем-то, о пустяковой мелочи, о которой надо срочно позаботиться. Мэтт попытался следовать за ней, но перед ним сомкнулось море из человеческих тел.

«Слуховое устройство, — сказал он себе. — Это вызов».

Мэтт остался у бара, борясь с натиском, готовым унести его прочь. Он был уже пьян и очень благодарен этому обстоятельству. Сам-то не верил, что дело в слуховом устройстве. Вся эта история была слишком знакомой. Многие девушки потеряли к нему интерес так же внезапно, как и Полли. Но сейчас он был не просто разочарован — он был уязвлен до глубины души. Водка помогала снять боль.

К половине одиннадцатого он перешел на другую сторону бара. Мальчишка, изображавший бармена, находился в счастливом опьянении и охотно уступил свое место. Мэтт и сам надрался от души. Он раздавал напитки вежливо, но не подобострастно. Гости уже расходились. Для большей части Горы Погляди-ка наступило время сна, тротуары во многих городах свернулись до рассвета. Эти революционеры, видно, поздно просыпаются. Мэтт машинально раздавал напитки, но сам пить перестал.

Водка уже заканчивалась. А ничего и не было, кроме водки, полученной из сахара, воды и воздуха при помощи выращенной на Земле бактерии.

Ну и пусть кончится, злорадно подумал Мэтт, зато он сможет поглядеть на бурю негодования.

Он налил кому-то водки с грейпфрутовым соком. Но рука со стаканом не исчезла, чтобы освободить место для следующего гостя. Мэтт не сразу понял, что рука принадлежит Лейни Мэттсон.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила Лейни. — Хочешь смениться?

— Пожалуй.

Один из рослых спутников Лейни сменил Мэтта, и Лейни повела его через изрядно поредевшую толпу к чудом незанятому дивану. Мэтт почти утонул в нем. Стоило ему прикрыть глаза, как комната начинала вращаться.

— Ты всегда так надираешься? — спросила она.

— Нет. Только когда мне не по себе.

— Расскажешь?

Он повернулся и посмотрел на нее. Каким-то образом его затуманенные водкой глаза увидели под макияжем, что рот Лейни слишком широк, а зеленые глаза странно велики. Но она улыбалась с сочувствием и любопытством.

— Видела ли ты когда-нибудь девственника двадцати одного года? — спросил он и прищурился, чтобы понять ее реакцию.

Уголки рта Лейни странно скривились.

— Нет.

Она старается не расхохотаться, сообразил Мэтт и отвернулся.

— Женщины неинтересны? — спросила она.

— Нет! Конечно интересны.

— Тогда в чем причина?

— Они забывают обо мне! — Мэтт чувствовал, что постепенно трезвеет — в том числе и от усилий, затраченных на ответ. — Совершенно внезапно девушка, за которой я ухаживаю, вдруг, — он сделал излишне размашистый жест, — забывает, что я рядом. Я не знаю почему.

— Встань.

— Хм?

Он ощутил, как она потянула его за руку. Он встал. Комната завертелась, и он понял, что вовсе не протрезвел: просто сидя он чувствовал себя уверенней. Потом вдруг наступила крошечная тьма.

— Где мы?

Ответа не было. Он почувствовал, как ее руки расстегнули его рубашку, пальцы с маленькими острыми ноготками застревали в волосах на его груди. Потом с него упали штаны.

— Ах вот оно что, — произнес он тоном безмерного удивления.

Это прозвучало так нелепо, что ему захотелось съежиться.

— Не паникуй, — сказала Лейни. — Демоны Тумана, какой ты нервный! Иди сюда. Не споткнись.

Он ухитрился вылезти из штанов, не свалившись. Его колени наткнулись на что-то.

— Падай ничком, — скомандовала Лейни, и он подчинился.

Он лежал лицом вниз на матрасе из воздушной пены, напряженный до судорог. Руки, оказавшиеся сильнее, чем ожидалось, погрузились в мышцы его шеи и плеч, начали месить их, как тесто. Ощущение было чудесным. Он лежал вытянув руки, словно собираясь нырнуть в воду, полностью размякнув, а костяшки пальцев пробегали вдоль его позвоночника, нежные их кончики обрабатывали каждое сухожилие.

Почувствовав себя полностью готовым, он повернулся и потянулся к ней.

Слева от него лежала пачка снимков в фут толщиной. Перед ним — три фотографии, явно сделанные скрытой камерой. Хесус Пьетро разложил их и рассмотрел снова. Под одной написал имя. Остальные ему ничего не говорили, он сложил их и сунул в большую стопку. Потом встал и потянулся.

— Сравните этих с уже задержанными подозреваемыми, — велел он помощнику.

Тот отсалютовал, подобрал стопку и, выйдя из мобильного кабинета, направился к патрульным фургонам. Хесус Пьетро последовал за ним.

Почти половина гостей Гарри Кейна уже находилась в патрульных фургонах. Их фотографии были получены в тот момент, когда они входили вечером в парадную дверь. Хесус Пьетро, обладавший феноменальной памятью, опознал большинство из них.

Ночь была холодной и темной. Крепкий ветер дул над Плато, неся запах дождя.

Дождь.

Посмотрев вверх, Хесус Пьетро увидел, что половина неба затянута рваными облаками. Он представил себе облаву под проливным дождем, и это ему не понравилось.

Вернувшись в кабинет, он включил интерком на общую связь.

— Слушать всем, — произнес он деловым тоном. — Начинаем второй этап. Приступайте.

— Все так нервничают?

Лейни тихо хихикнула. Теперь пусть смеется над чем угодно, если хочет.

— Не настолько. Думаю, в первый раз каждый немного боится.

— И ты боялась?

— Конечно. Но Бен справился как надо. Хороший он парень, Бен.

— А где он сейчас? — Мэтт испытывал легкую благодарность к этому Бену.

— Он... ушел.

Ее тон велел оставить эту тему. Мэтт предположил, что Бена поймали за ношением слухового устройства или за чем-нибудь в этом роде.

— Не возражаешь, если я зажгу свет?

— Если найдешь выключатель, — сказала Лейни.

Она не ожидала, что ему удастся это сделать в крошечной темноте незнакомой комнаты, но выключатель он отыскал.

Мэтт ощущал невероятную трезвость и невероятный покой. Он прошелся взглядом по лежавшей рядом с ним Лейни, увидел руины ее тщательной прически, вспомнил прикосновение гладкой теплой кожи. Он знал, что может коснуться ее снова. Это была сила, ранее ему незнакомая.

— Просто прекрасно, — сказал он.

— Размазанный макияж на незапоминающемся лице.

— На незабываемом лице... — Теперь это было правдой. — И никакого макияжа на незабываемом теле.

На теле с бесконечными возможностями для любви, теле, которое до того казалось ему слишком большим, чтобы быть привлекательным.

— Мне следует носить маску вместо одежды.

— Тогда на тебя будут обращать слишком много внимания.

Она громко рассмеялась, и он приложил ухо к ее пупку, чтобы насладиться дрожью мышц брюшного пресса, похожей на землетрясение.

Вдруг пошел дождь, барабания по толстым коралловым стенам. Они замолкли, прислушиваясь.

Внезапно Лейни вцепилась пальцами в его руку и прошептала:

— Угроза.

Она хочет сказать «гроза», подумал Мэтт, повернувшись, чтобы посмотреть на нее. Она была перепугана, ее глаза, ноздри, рот расширились. Она имела в виду угрозу!

— Ты ведь знаешь способ уйти? — спросил он.

Лейни затрясла головой. Она прислушивалась к вкрадчивым голосам через слуховое устройство.

— Но ты обязана знать путь наружу. Не беспокойся, я не хочу никаких подробностей. Мне ничто не угрожает.

Лейни посмотрела с изумлением, и он добавил:

— Конечно, я заметил слуховые устройства, но это меня не касается.

— Касается, Мэтт. Тебя пригласили, чтобы мы могли на тебя посмотреть. Все мы иногда приводим посторонних. И некоторым предлагают присоединиться.

— Да ты что?!

— Я говорю правду. Выхода наружу нет. Реализация умеет обнаруживать тоннели. Но есть укрытие.

— Отлично.

— Вот только мы туда не доберемся. Реализация уже в доме. Его заполнили усыпляющим газом. В любую минуту он начнет просачиваться сквозь двери.

— А окна?

— За окнами нас ждут.

— Мы можем попытаться.

— Хорошо.

Она была уже на ногах, натягивала платье. Больше ничего. Мэтт даже на одевание не стал тратить времени. Он швырнул в окно огромную мраморную пепельницу и прыгнул вслед за ней, возблагодарив Демонов Тумана, что на Горе Погляди-ка не умеют делать небьющееся стекло.

Две пары рук вцепились ему в плечи еще до того, как ноги миновали подоконник. Мэтт лягнулся и услышал возглас «уффф!». Краем глаза он заметил, как Лейни выскочила из окна и кинулась бежать. Хорошо, он ей поможет.

Мэтт дернулся, пытаясь сбросить захват. Мясистый кулак весом в тонну врезался ему в челюсть. Ноги подогнулись, в глазах вспыхнул свет.

Свет исчез. Мэтт сделал последнюю отчаянную попытку вырваться и почувствовал, что одна рука освободилась. Он взмахнул ею, описав круг. Локоть врезался в податливую плоть и кость; безошибочное, незабываемое ощущение. Он оказался на свободе и побежал.

Первый раз в жизни он так сильно ударил человека. Судя по ощущению, размазал нос по лицу. Если реализации его поймают...

Мокрая, скользкая, предательская трава под ногами. Он наступил на гладкий мокрый камень и проехался по траве щекой и плечом. Дважды его находил свет фонарика; он сразу падал и ждал, когда луч сместится, потом бежал дальше. Дождь, должно быть, слепил фонари и глаза; дождь и удача Мэтта Келлера. Над ним сверкали молнии. Помогали они бегству или мешали, он не знал.

Даже убедившись, что погони больше нет, он продолжал бежать.

Глава 3

МАШИНА

«Закончено».

Миллард Парлетт откатил кресло назад и с удовлетворением посмотрел на пишущий аппарат. Его речь лежала на столе, последняя страница сверху. Он взял стопку бумаг длинными узловатыми пальцами и быстро переложил их в правильном порядке.

«Записать сейчас?»

«Нет. Завтра утром. Продумать все во сне; проверить, не пропустил ли чего. Я должен выступить с ней лишь послезавтра».

Времени достаточно, чтобы надиктовать речь и затем воспроизвести несколько раз, пока он не выучит ее наизусть.

С этим надо кончать. Экипаж должен понять положение вещей. Слишком долго они жили жизнью благословленного свыше правящего класса. Если не смогут адаптироваться...

Даже его собственные потомки... Они нечасто говорили о политике, а когда говорили, Миллард Парлетт замечал, что они имеют в виду не власть, а права. А Парлетты были все еще нетипичным семейством. К нынешнему времени Миллард Парлетт мог похвастаться целой армией детей, внуков, правнуков и так далее; но он прилагал все усилия, чтобы видаться с ними как можно чаще. Те, кто поддавался доминирующим вкусам экипажа — дикой моде на одежду, элегантной клевете и всем прочим играм, которыми экипаж старался прикрыть свое банальное существование, — делали так вопреки Милларду Парлетту. Обычный же экипажник просто полностью полагался на то, что он — экипажник.

А если баланс сил сместится?

Они растеряются. Какое-то время будут жить в ложной вселенной, при ложных допущениях; и за это время будут уничтожены.

Каковы шансы... каковы шансы, что они прислушаются к старику из давно умершего поколения?

Нет. Он просто устал. Миллард Парлетт бросил речь на стол, встал и вышел из кабинета. По крайней мере, он заставит выслушать себя. По приказу Совета в два часа дня в воскресенье каждый чистокровный экипажник на планете будет находиться перед своим телевизором. Если Парлетт сможет... нет, он обязан это втолковать.

Им придется понять неоднозначное благодеяние рам-робота номер сто сорок три.

Дождь непрерывно барабанил по коралловому дому. Повсюду сновала реализационная полиция. Майор Йенсен вошел, когда последнего из колонистов в бессознательном состоянии тащили на носилках к выходу.

Он обнаружил Хесуса Пьетро развалившимся на простом стуле в гостиной и положил перед ним пачку снимков:

— Что это должно означать?

— Это те, которых мы еще не поймали, сэр.

Хесус Пьетро выпрямился, сразу ощутив, как промокла его форма.

— Как они пробрались мимо вас?

— Не представляю, сэр. Никто не смог сбежать незамеченным.

— Потайных тоннелей нет. Эхолокаторы нашли бы их. Гм!

Хесус Пьетро быстро перелистал фотографии. Большинство было подписано именами, которые Хесус Пьетро сам вспомнил и отметил ранее этим же вечером.

— Это ядро, — сказал он. — Мы выкорчем эту ячейку Сынов Земли, если найдем их. Где они?

Помощник безмолвствовал. Он знал, что вопрос чисто риторический. Шеф полиции откинулся назад, глядя в потолок.

«Где они?»

«Тоннелей, ведущих наружу, нет. Они не могли уйти под землей».

«Они не сбежали. Их бы остановили или по меньшей мере заметили. Если только в Реализации нет предателей. Но их нет. Точка».

«Могли ли они добежать до края бездны? Нет, он охранялся так же, как и остальная зона. Мятежники имеют

прискорбную привычку прыгать в бездну, будучи загнанными в угол».

«Авиамобиль?»

Колонисты не могут законным образом владеть летающей машиной, и в последнее время об угонах не сообщалось. Но Хесус Пьетро всегда был уверен, что организация Сынов Земли включает по крайней мере одного экипажника. У него не было ни доказательств, ни подозреваемых, но, изучив историю, он знал, что революция всегда спускается с вершины общественной структуры.

Экипаж мог снабдить их машиной для бегства. Их бы заметили, но не остановили. Ни один офицер Реализации не остановит машины...

— Йенсен, выясните, видели ли во время облавы какие-либо машины. Если видели, сообщите, как много, и дайте их описание.

Майор Йенсен удалился, не выказав своего удивления необычным приказом.

Один из полицейских нашел гнездо домоуборщиков — нишу в южной стене, около пола. Потянувшись внутрь, он осторожно вытащил двух взрослых домоуборщиков, находившихся в бессознательном состоянии, и четырех щенков. Положив их на пол, он достал из гнезда миску для еды. Нишу следовало обыскать.

Одежда Хесуса Пьетро сохла медленно и собиралась в складки. Он сидел закрыв глаза и сложив руки на животе. Потом он открыл глаза, вздохнул и слегка нахмурился.

«Хесус Пьетро, это очень странный дом».

«Да. Почти показательно колониистский». (С оттенком презрения.)

Хесус Пьетро поглядел на розовые коралловые стены, на выглаженный песком пол, который выгибался по краю ковра, переходя в стены. Неплохой эффект — если бы здесь жила женщина. Но Гарри Кейн был холостяком.

«Сколько, по-твоему, стоил бы такой дом?»

«Около тысячи звезд, не считая обстановки. Обстановка обойдется вдвое дороже. Ковры — девяносто звезд, если купить один и дать ему разрастись. Два спаренных домоуборщика — пятьдесят звезд».

«А вырыть подвал под домом — это сколько?»

«Демоны Тумана, что за идея?! Подвалы выкапываются вручную, людьми! Двадцать тысяч звезд, не меньше. За такие деньги можно построить школу. Кому придет в голову выкопать подвал под домом из архитектурного коралла?»

«Действительно, кому?»

Хесус Пьетро порывисто шагнул к двери:

— Майор Йенсен!

Ожидалось, что продолжение будет малоприятным. Хесус Пьетро удалился в мобильный кабинет, а в здание вошел отряд с эхолокатором. Да, под домом имелось большое свободное пространство. Майор Чин хотел найти вход, но это могло занять всю ночь, а звуки предупредили бы колонистов. Хесус Пьетро усилием воли поборол любопытство и приказал взрывать.

Продолжение действительно оказалось малоприятным. Мятежники использовали какие-то оригинальные устройства, сделанные из материалов, которые любой несведущий счел бы безобидными. Двое погибли, не успев использовать гранаты с усыпляющим газом.

Когда все затихло, Хесус Пьетро проследовал в подвал за взрывниками. Они обнаружили одного из мятежников в бессознательном состоянии, навалившимся на «выключатель мертвеца». Провода вели к самодельной бомбе, достаточно большой, чтобы разнести дом и подвал в щепки. Пока провода отсоединяли, Хесус Пьетро рассматривал этого человека, наказав себе поинтересоваться потом, не струсил ли тот. Он считал, что подобное случается часто.

За одной из стен обнаружилась машина, четырехместная модель трехлетней давности, с сильно оцарапанной юбкой воздушной подушки. Ни Хесус Пьетро и ни один из полицейских не понимали, как извлечь ее из подвала. Дом, судя по всему, был выращен над ней.

«Конечно, — подумал Хесус Пьетро, — они выкопали подвал, потом вырастили над ним дом».

Он велел своим людям срезать стену, чтобы забрать машину позднее, если это понадобится. Дом, в сущности, придется снести.

Имелась лестница с люком у верхнего края. Изучив небольшую бомбу под люком, Хесус Пьетро поздравил себя (вслух, чтобы слышал майор Чин) с тем, что не разрешил майору Чину заняться поисками входа. Чего доброго, он мог в самом деле его найти. Кто-то убрал бомбу и открыл люк. Наверху была гостиная. Асимметричный кусок мутантного травяного ковра неохотно оторвался и поднялся вместе с крышкой люка. При опущенной крышке ковер зарос бы за двадцать минут.

После того как мертвых и потерявших сознание погрузили в патрульные фургоны, Хесус Пьетро прошелся среди них, сравнивая лица с последней пачкой фотографий. Он ликовал. Пойман Гарри Кейн и все его гости, за исключением одного. Банки органов будут обеспечены на годы. Полный запас получит не только экипаж, который и так имел его всегда; запасные части найдутся и для преданных слуг режима, то есть для гражданских служащих — таких как Хесус Пьетро и его люди. Даже колонисты что-то получают. Лечение больного заслуженного колониста, если хватало запасов медицинского материала, не было чем-то необычным для Госпиталя. Госпиталь лечил всех, кого мог. Это напоминало колонистам, что экипаж правит от их имени и принимает их интересы близко к сердцу.

А Сыны Земли мертвы. Все, кроме одного, который, судя по снимку, был слишком молод, чтобы представлять опасность.

Тем не менее Хесус Пьетро велел прикрепить этот снимок к доске объявлений Госпиталя и разослать копию в службу новостей с предупреждением, что этот человек разыскивается для допроса.

Лишь утром, готовясь ко сну, он вспомнил, кому принадлежит это лицо. Племяннику Мэттью Келлера, ставшему на шесть лет старше после той шуточки с яблочным соком.

Он выглядел в точности как его дядя.

Дождь прекратился до рассвета, но Мэтт этого не знал. Укрывшись от дождя под утесом и густой порослью водораздельных деревьев, он все еще спал.

Утес отделял Плато Бета от Плато Гамма. Мэтт дотащился до него прошлой ночью, ошеломленный, побитый, мокрый и задыхающийся. Он мог упасть прямо там или попробовать бежать вдоль утеса. Он предпочел упасть. Если его найдет Реализация, он никогда не проснется. Он знал об этом, засыпая, но был слишком измотан, чтобы беспокоиться.

Он проснулся около десяти со свирепой головной болью. Все мускулы ныли от бега и сна на голой земле. По языку словно промаршировала в потных носках вся полиция Реализации. Он лежал на спине, глядя вверх, на темные деревья, которые его предки называли соснами, и пытался вспоминать.

Столько всего началось и закончилось за одну ночь!

Вокруг него словно толпились люди. Худ, Лейни, четверо здоровяков, мальчишка, напившийся за барной стойкой, хохотун, угонявший машины у экипажа. Полли, Гарри Кейн и целый лес безымянных локтей и орущих голосов.

Все пропали. Человек, нанесший ему шрам. Женщина, попусту бросившая его. Гениальный бармен-руководитель. И Лейни! Как он мог потерять Лейни?

Все пропали. В течение последующих лет они могут появиться в виде глаз, артерий и вен, кусочков скальпа...

Сейчас полиция, должно быть, разыскивает самого Мэтта.

Он сел, и все его мышцы возопили. Он был наг. Реализация, наверное, нашла его одежду в комнате Лейни. Могут ли полицейские разыскать его по одежде? А если не по одежде, то по ее отсутствию. Долго ли удастся бродить по открытой местности совершенно голым? На пешеходных дорожках Земли попадались лицензированные нудисты, а на Вундерланде и лицензии не требовалось; но на Плато полагалось ходить одетым.

Он уже не может свернуть с пути. Теперь ему нипочем не доказать, что он не являлся мятежником. Надо как-то раздобыть одежду. И надеяться, что его еще не разыскивают.

Мэтт вскочил на ноги, и все обрушилось на него заново. Лейни. Лейни в темноте, Лейни, смотрящая на него с кровати под лампой. Полли, девушка с тайнами. Худ по

имени Джейхок. Накатила дурнота, Мэтта согнул приступ рвоты. Он усилием воли остановил спазмы. Череп превратился в рокочущий барабан. Мэтт выпрямился и зашагал к краю водораздельного леса.

Водораздельные деревья тянулись по обе стороны от него вдоль подошвы скалы Бета-Гамма. Над Мэттом было Плато Бета, достигаемое только по мосту, который находился в нескольких милях слева. Перед ним — широкий луг с несколькими пасущимися козами. Дальше за лугом — дома. Дома повсюду, тесными группами. Его собственный дом, вероятно, в четырех милях. Мэтту не пройти туда незамеченным.

А как насчет дома Гарри? Лейни сказала, что там есть укрытие. И ушедшие до облавы... Кто-нибудь из них мог вернуться. Они способны помочь.

Но помогут ли?

Следует попытаться. До дома Гарри можно добраться ползком, по траве. Если очень повезет. До собственного дома ему нипочем не добраться.

Ему по-прежнему везло. Удивительное это было везение, оно укрывало Мэтта Келлера в те моменты, когда он очень не хотел быть замеченным. Два часа спустя он добрался до дома. Колени и живот стали зелеными и липкими от травы.

Земля вокруг дома была сплошь в рытвинах. Должно быть, в облаве участвовала вся Реализация. Мэтт не заметил охраны, но вошел осторожно на случай, если та окажется внутри дома. Без разницы, реализаторы или мятежники охраняют дом, они все равно могут подстрелить Мэтта. Даже если часовой не выстрелит сразу, он непременно задаст вопрос, например: «А где твои штаны, приятель?»

Внутри никого не оказалось. Семейство домоуборщиков лежало у стены рядом с разоренным гнездом. Вероятно, их убили или усыпили. Домоуборщики ненавидят свет; они работают по ночам. В ковре зияла дыра, уходившая сквозь домашнюю траву и архитектурный коралл в хорошо оборудованный лаз. Стены гостиной были в пятнах

разрывов и потеков милосердных пуль. То же самое — в подвале, который Мэтт решил осмотреть.

Подвал был почти пуст. Виднелись следы тяжелой аппаратуры, там, где ее сорвали или срезали. Все четыре грубо сделанные двери были прожжены насквозь. Одна вела на кухню, две — в пустые кладовки. Целая стена была повалена, но оборудование за ней осталось нетронутым. В отличие от лаза из гостиной, дыра в рухнувшей стене была достаточного размера, чтобы вытащить технику.

Но не всю.

Это был авиамобиль, летающий автомобиль самой ходовой у экипажников модели. Мэтт впервые увидел его так близко. Авиамобиль стоял за сломанной стеной, и было непонятно, как его вытащить наружу. Что, черт побери, Гарри Кейн собирался делать с машиной, на которой нельзя летать?

Возможно, облава случилась как раз из-за этого. Колонистам строжайше запрещено иметь авиамобили. Боевые возможности летающей машины очевидны. Но почему ее похищение не было обнаружено раньше? Она уже должна была находиться здесь ко времени постройки дома.

Мэтт смутно припомнил историю, услышанную вчера вечером. Что-то насчет угнанного авиамобиля, запрограммированного кружить над Плато, пока не кончится топливо. Без сомнения, машина упала в туман, а экипажники наблюдали в бессильной ярости. Но что, если Мэтт знает только официальную версию? Что, если топливо не закончилось; что, если машина нырнула в туман, облетела под ним вокруг Плато и поднялась туда, где Гарри Кейн мог спрятать ее в схроне?

Вероятно, правды Мэтт никогда не узнает.

Душ работал. Становясь под него, Мэтт все еще сильно дрожал. Горячая вода сразу согрела. Она щедро обливала шею и спину, смывая травяной сок, землю и застарелый пот. Когда есть горячий душ, жизнь переносима, несмотря на все ужасы и провалы.

Но тут нечто, пришедшее на ум, заставило его напрячься.

Рейд был очень крупным. Реализация захватила всех, кто был на вечеринке. Судя по количеству следов, поли-

цейские забрали также всех, кто ушел пораньше, по одному и по двое отлавливая их снаружи и погружая в сон. Должно быть, они вернулись в Госпиталь с двумя сотнями пленников.

Некоторые были ни при чем, Мэтт это знал. А Реализация обычно играла честно, выдвигая обвинения. Суды были всегда закрытыми, и публиковались только итоги, но Реализация предпочитала не осуждать невиновных. Подозреваемых обязательно вернут из Госпиталя.

Но это не займет много времени. Полиция может просто отпустить тех, у кого не было слуховых устройств, хотя возьмет этих людей на карандаш. Приговорят тех, кто носил слуховые устройства.

Зато нужен немалый срок, чтобы разобрать на органы около ста осужденных мятежников. Есть шанс, что Лейни, Худ и Полли еще живы. Несомненно, все они не могли уже умереть.

Мэтт вышел из душа. Нужна была одежда; он нашел шкаф, принадлежавший, вероятно, Гарри Кейну, поскольку шорты были слишком широки, а рубашки — коротки. Все же он справился, стянув поясом рубашку и шорты. Получились сплошные складки, но издали не должно бросаться в глаза.

Проблема с одеждой исчезла. Но появилась другая, куда более серьезная.

Он понятия не имел, сколько нужно времени, чтобы расчленил человека и отправить на хранение, но догадывался, что это небыстрый процесс, если делать все как следует. Он не знал, захочет ли Реализация в лице жуткого Кастро вначале допросить мятежников. Но понимал, что каждая минута ожидания уменьшает шансы на жизнь любого из участников вечеринок.

Мэтту Келлеру придется жить, сознавая, что он упустил возможность спасти людей.

Так ведь этой возможности нет, напомнил он себе. До Плато Альфа не добраться — подстрелят. Ведь надо пересечь два охраняемых моста.

Лучи полуденного солнца падали сквозь прозрачный воздух на чистый, упорядоченный мир, резко контрастировавший с выпотрошенной коралловой оболочкой. На

пороге Мэтт помедлил, потом решительно повернул к рваной дыре в полу гостиной Гарри Кейна. Он должен убедиться, что спасение невозможно. Подвал был сердцем твердыни мятежников, — сердцем, которое подвело. Но если Реализация проглядела какое-нибудь оружие...

В машине оружия не оказалось, зато обнаружился любопытный набор повреждений. Под вспоротой обивкой виднелись следы стержней, крепившихся к голым металлическим стенкам; эти стержни были срезаны или вырваны. Мэтт нашел шесть кронштейнов для оружия. В ящике позади, возможно, лежали самодельные ручные гранаты. А может, бутерброды — как тут угадаешь? Полицейские забрали все, что могло служить оружием, но саму машину не повредили. Возможно, собираются вернуться и извлечь ее, если решат, что дело того стоит.

Мэтт забрался внутрь и посмотрел на приборную панель, но это ничего не дало. Он никогда раньше не видел приборной панели автомобиля. На этой была крышка, запиравшаяся навесным замком, но сломанный замок валялся на полу, а крышка была сорвана. Замок Гарри? Или прежнего владельца?

Он сидел в незнакомом аппарате, не желая уходить. Уйти означало сдаться. Увидев кнопку «Старт», он нажал и даже не услышал звука заработавшего двигателя.

Взрыв заставил его дернуться подобно гальванизированной лягушке. Так бы прозвучал выстрел для мухи, сидящей на стволе ружья. Гарри заложил мину для подрыва дома?! Но нет, Мэтт все еще жив. И на него струится дневной свет.

Дневной свет.

Над ним исчезли четыре фута земли. В поле зрения появилась стена дома. Она накренилась. Гарри Кейн был, видно, гением по части направленных взрывов. Или нанял специалиста. Если уж на то пошло, Мэтт и сам мог бы выполнить для него такую работу. Возня с рудными червями — не единственное его занятие.

Дневной свет. И мотор работает. Когда слух оправился от взрыва, Мэтт уловил тишайшее гудение. Если поднять машину прямо вверх...

Чтобы достичь Плато Альфа, надо было пересечь два охраняемых моста. Теперь он может туда полететь — если не убьется, учась пилотировать машину.

А еще можно отправиться домой. Хотя и плохо сидит одежда, его не заметят. Колонисты заняты своими делами, поддержание порядка они предоставили экипажу и Реализации. Мэтт найдет другую одежду, сожжет эту, и кто узнает или задастся вопросом, где он был на выходных?

Мэтт вздохнул и снова принялся изучать приборную панель. Он не может теперь выйти из игры. Возможно, позже, когда разобьет машину или его остановят в воздухе. Но не сейчас. Взрыв, расчистивший ему дорогу, — это знание, которое нельзя игнорировать.

«Так, посмотрим. Четыре рычага установлены на ноль. Пропеллеры: 1-2, 1-3, 2-4, 3-4. Почему эти рычажки управляют пропеллерами попарно?»

Он потянул один к себе. Безрезультатно.

Небольшой переключатель на три положения: «нейтраль», «земля», «воздух». Стоит на нейтрали. Мэтт сдвинул его в положение «земля». Никакой реакции. Если бы он установил высоту над «землей» на желаемое количество дюймов, пропеллеры бы включились. Но он этого не знал. Он попробовал «воздух».

Машина попыталась опрокинуться на спину.

Он оказался в воздухе еще до того, как понял это. В отчаянии потянул все рычаги пропеллеров до отказа, а затем, чтобы удержать машину, сдвинул каждый из них понемногу назад. Земля ушла вниз, овцы на Плато Бета превратились в белые точки, а дома на Гамме — в крошечные квадратики. Наконец машина выровнялась.

Но он ни на секунду не мог расслабиться.

Пропеллеры 1, 2, 3, 4 были соответственно левым передним, правым передним, левым задним, правым задним. Смещение рычага «1-2» опускало перед машины, «3-4» — заднюю часть, «1-3» — левый бок, «2-4» — правый. Он выравнивал машину и решил, что кое в чем разобрался.

Но как полететь вперед?

Имелись циферблаты «высота» и «вращение», но они ни на что не влияли. Переключатель, обозначенный непо-

нятным трехсложным словом, Мэтт не осмелился тронуть. Но... что, если наклонить машину вперед? Надо опустить рычаг «1-2».

Он так и сделал, едва коснувшись рычага. Машина медленно наклонилась вперед. Потом стала клониться быстрее. Мэтт резко потянул рычаг назад. Крен замедлился и прекратился, Плато встало перед Мэттом, словно вертикальная стена. Не дожидаясь удара, он снова выровнял авиамобиль, подождал, пока успокоятся нервы, и попробовал снова.

На этот раз он слегка подтолкнул рычажок «1-2», выждал три секунды, резко дернул на себя. Это помогло, машина пошла вперед с опущенным носом.

К счастью, он двигался к Плато Альфа. Иначе пришлось бы лететь назад, что сразу вызвало бы подозрения. Он не умел разворачивать машину.

Мэтт летел довольно быстро. И еще прибавил скорости, когда нашел кнопку со словом «ламели». При этом машина начала опускаться. Мэтт вспомнил шутовины, напоминавшие жалюзи, под пропеллерами. Он оставил их в том же положении и выровнял высоту машины. Это, наверное, было правильно, поскольку машина продолжала двигаться вперед.

Она почти не раскачивалась.

А Мэтт получил самое эффектное зрелище в своей жизни.

Внизу проносились поля и лесосады Беты. С этой высоты Плато Альфа было прекрасно видно. Скала Альфа-Бета вилась лентой, под ней бежала широкая река под названием Длинный Водопад. Река в глубоком русле играла голубыми вспышками. Уступ и река обрывались у пропасти слева, и рокот водопада доносился даже сквозь пластиковый купол кабины. Направо простиралась всхолмленная равнина, постепенно расплываясь в голубой дали.

Скоро он пересечет уступ и повернет к Госпиталю. Мэтт не знал, как выглядит Госпиталь, но был уверен, что не пропустит два огромных полых цилиндра звездолетов. Над Бетой парило несколько машин, но все они были довольно далеко. Над Альфой их было куда больше, похожих

на черных мух. Они не опасны. Он еще не решил, где садиться; возможно, даже экипажников не подпускают к Госпиталю ближе определенного расстояния. Если не нарушать этот запрет, узнавание Мэтту не грозит. Только экипажники летают на машинах. Здесь его любой примет за своего.

Ошибка была закономерна. Мэтт так и не понял, что именно он сделал не так. Он все тщательно взвесил и обдумал; он вел машину на пределе человеческих возможностей. Если бы кто-то сказал ему, что десятилетний ребенок из экипажа умеет делать это лучше, Мэтт оскорбился бы.

Но даже десятилетний ребенок из экипажа никогда бы не поднял машину в воздух, не включив тумблер «гироскоп».

Хесус Пьетро, как обычно, завтракал в постели — но намного позже обычного. Как обычно, рядом, отхлебывая кофе, сидел майор Йенсен, готовый выполнять поручения и отвечать на вопросы.

— Вы разместили арестованных как полагается?

— Да, сэр, в виварии. Всех, кроме троих. Для них уже не было места.

— И они уже в банках органов?

— Да, сэр.

Хесус Пьетро проглотил ломтик грейпфрута.

— Будем надеяться, что они не знали ничего важного. А как насчет прочей публики?

— Мы отделили всех, кто не имел микрофонов в ушах, и отпустили их. К счастью, мы закончили до шести часов. К шести ушные микрофоны испарились.

— Надо же, испарились! Ничего не осталось?

— Доктор Госпин взял пробы воздуха. Может, он найдет остатки.

— Это не важно, — решил Хесус Пьетро. — Однако изящный трюк, если учесть, насколько скудны их ресурсы.

Пять минут, никем не прерываемый, он жевал и глотал, а потом вдруг пожелал узнать:

— А как насчет Келлера?

- Вы о ком, сэр?
- О том, который убежал.

После трех телефонных звонков майор Йенсен смог сообщить:

— Никаких донесений из областей колонистов. Никто не вызвался выдать его. Он не пытался попасть домой или вступить в контакт с родственниками или с кем-либо из знакомых по работе. Его не заметил ни один полицейский из числа занятых в облаве. А если и заметил, то не признается, что не сумел задержать.

В наступившей тишине Хесус Пьетро допил кофе.

— Проследите, чтобы арестованные были доставлены в мой кабинет по очереди, — сказал он потом. — Я хочу выяснить, наблюдал ли кто-нибудь вчера посадку.

— У одной из девушек были при себе фотографии, сэр. Груза номер три. Очевидно, сделанные с помощью телеобъектива.

— Вот как?

На миг мысли Хесуса Пьетро проступили так ясно, словно его лоб был стеклянным.

«Миллард Парлетт! Если он узнает...»

— Удивлен, что вы не сообщили мне это раньше. Считайте эту информацию конфиденциальной. Можете идти. Нет, постойте, — добавил он, когда Йенсен уже двинулся к дверям. — Вот еще что. Могут быть и другие подвалы, не обнаруженные. Отправьте пару отрядов с эхолокаторами, пусть обыщут все дома на Плато Дельта и Эта.

— Да, сэр. Это срочно?

— Нет-нет. Виварий уже переполнен. Скажите, чтобы не торопились.

Телефонный звонок помешал майору Йенсену уйти. Он поднял трубку, выслушал, потом заявил:

— Да. Но почему вы звоните сюда? Продолжайте.

С ноткой насмешки он доложил:

— Приближается авиамобиль, сэр, которым управляют очень небрежно. Разумеется, они решили сообщить вам лично.

— Но какого... Хм. А не та же это модель, что в подвале у Кейна?

— Я спрошу... Да, та самая, сэр.

— Я должен был догадаться, что есть способ вытащить ее из подвала. Прикажите опустить ее.

Геологи (только не приставайте ко мне насчет этого слова) полагали, что Гора Погляди-ка образовалась в геологическом смысле недавно. Несколько сот тысяч лет назад расплавилась часть коры планеты. Возможно, конвекционное течение внутри захватило больше горячей магмы, чем обычно, и проплавило поверхность; возможно, какой-то астероид погиб неистойой огненной смертью. Последовала медленная экструзия: вязкая магма поднималась и остывала, поднималась и остывала, пока над поверхностью не вздыбилось на сорок миль плато с рифлеными краями и почти плоской вершиной.

Это должно было случиться недавно. Подобная нелепая аномалия не выдержала бы долгой эрозии со стороны атмосферы планеты.

А поскольку плато было новым, его поверхность оказалась очень неровной. В целом северный край поднимался выше, настолько выше, что на нем образовался стекающий вниз ледник и сделался слишком высоким и холодным для комфортного обитания. Реки и ручьи текли преимущественно к югу, впадая либо в Грязишу, либо в Длинный Водопад, — оба потока прорыли себе в южных землях глубокие каньоны. Каньоны заканчивались грандиозными водопадами, самыми высокими в известной Вселенной. Хотя реки текли в основном к югу, имелись и исключения, поскольку поверхность Горы Погляди-ка была изборозжденной, разнородной — сущий лабиринт из плато, разделенных утесами и провалами.

Плато были преимущественно плоскими, обрывы — прямыми и отвесными. Большинство из них находилось на юге. На севере поверхность представляла собой наклонные скалы и необычные озера с глубоким заостренным дном. Такая страна показалась бы слишком суровой даже горному козлу. Тем не менее эти области когда-то будут заселены — ведь и на Земле Скалистые Горы превратились в обычные пригороды.

Транспортные звездолеты совершили посадку на юге, на самом высоком из местных плато. Колонистов заставили поселиться ниже. Хотя и более многочисленные, они смогли освоить меньшую территорию, поскольку у них, в отличие от экипажа, не было машин. А машины, в отличие от велосипедов, могут сделать привлекательным удаленный дом в горах. Но Плато Альфа считалось плато экипажа, и многие предпочитали жить по соседству с равными, а не в восхитительной изоляции где-то в дебрях.

Так что Плато Альфа было перенаселено.

Мэтт увидел под собой сплошные дома. Они поразительно различались по размеру, цвету, стилю и строительному материалу. Мэтту, который всю жизнь прожил среди архитектурного коралла, эти жилища казались сущим хаосом, осколками взорвавшейся машины времени. Тут была даже группа заброшенных, полуобвалившихся коралловых бунгало, каждое намного больше дома колонистов. Два или три из них были размером со школу Мэтта. Когда архитектурный коралл был впервые доставлен на Плато, экипаж приберег его для себя. Однако позднее этот материал полностью вышел из моды.

Ни одно из близлежащих зданий не имело больше двух этажей. Когда-нибудь, если экипаж продолжит размножаться, тут появятся небоскребы. Но вдали над бесформенной конструкцией из стали и камня выступали две приземистые башни. Без сомнения — Госпиталь. И прямо впереди.

Мэтт начал ощущать напряжение от полета. Ему приходилось следить за приборной панелью, землей и Госпиталем. Тот все приближался, и Мэтт смог оценить его размеры.

Оба ныне пустых транспортника были построены так, чтобы разместить в относительном комфорте шесть членов экипажа и пятьдесят колонистов в анабиозе. Каждый транспортник имел грузовой отсек, два реактивных двигателя, работавших на воде, и резервуар для воды. Все это было втиснуто в пустой цилиндр с двойными стенами, имевший форму пивной банки без крышки и дна. Транс-

портник представлял собой кольцевидное летающее крыло. В полете между мирами они вращались вокруг своей оси, чтобы обеспечить центробежную силу тяжести; а в полости внутреннего корпуса, теперь занятой лишь двумя пересекающимися стабилизаторами, размещались два сбрасываемых бака с водородом.

Корабли были велики. Поскольку Мэтт не мог видеть внутреннюю пустоту, которую экипаж именовал «чердаком», они казались ему еще больше. Но их поглощало бессистемное на вид каменное строение Госпиталя. В основном здание было двухэтажным, но отдельные башенки поднимались до половины высоты кораблей. Некоторые, скорее всего, являлись подстанциями, назначение других Мэтт не мог угадать. Плоский бесплодный камень окружал Госпиталь поясом полумильной ширины: такая же голая скала, какой была и вся поверхность Плато, прежде чем транспортные звездолеты доставили тщательно подобранную экологию. С внешнего края пояса вклинивался узкий выступ леса, пересекая камень и касаясь Госпиталя.

Все остальное пространство было расчищено.

«Почему Реализация оставила эту лесополосу?» — подумал Мэтт.

Его ударила — и схлынула — оглушающая волна. Охватила паника. Звуковой парализатор! Мэтт оглянулся. За ним летели двадцать-тридцать машин реализационной полиции.

Его снова задело, но вскользь. Мэтт потянул рычаг «1-3» на себя. Прянув влево, машина летела под углом сорок пять градусов или даже больше к прежнему курсу, пока Мэтт не выровнял ее. Он рванул влево и помчался, набирая скорость, к обрыву Плато Альфа.

Оглушающий луч снова впился в Мэтта. Сначала полицейские пытались его приземлить; теперь же хотели, чтобы он разбился, не достигнув края. В глазах помутилось, он не мог шевельнуться. Машина скользила вниз, к обрыву.

Онемение слегка отпустило. Он попытался пошевелить руками, но удавались лишь судорожные рывки. Излучатель

отыскал его снова, но воздействие в этот раз оказалось слабее. Кажется, понятно, в чем дело. Он обгоняет полицейских, поскольку те не хотят жертвовать высотой ради скорости, опасаясь врезаться в край обрыва. Это игра для отчаянных.

Затуманенным взором он заметил темный приближающийся край обрыва. Миновал его на расстоянии считанных метров. Он мог снова двигаться, хоть и рывками. Повернув голову, увидел, как машины снижаются вслед за ним. Полицейские знают, что упустили его, но хотят увидеть, как он упадет.

Насколько глубоко уходит вниз туман? Мэтт не знал этого. Уж точно на мили. На десятки миль? Полицейские будут парить над ним, пока он не скроется в тумане. Он не может вернуться на Плато: его оглушат, подождут и соберут то, что останется после аварии. Лететь можно только в одном направлении.

Мэтт перевернул машину вверх днищем.

Полицейские спускались за ним, пока у них не заложило уши. Они зависли в ожидании. Через несколько минут беглый авиамобиль скрылся из виду, все время летя вверх днищем, — расплывчатая черная мошка, волочащая за собой сквозь туман волосок тени, мерцающая на пределе разрешения глаза. Вот она исчезла.

— Далеко же ему лететь, — сказал кто-то.

Слова разнеслись через интерком, послышалось одобрителное ворчание.

Полицейские повернули; дом находился теперь далековерху. Они отлично знали, что их машины воздухопроницаемы лишь условно. Даже в нынешние времена некоторые спускались ниже Плато, чтобы доказать свою храбрость и определить, на какой глубине воздух становится ядовитым. Этот уровень находился гораздо выше тумана. Некто по фамилии Грили даже испробовал безрассудный трюк, бросив свой авиамобиль вниз с отключенными пропеллерами. Он пролетел четыре мили, а горячие ядовитые газы свистели за дверью и затекали в кабину. Ему хватило ума и везения вернуться, прежде чем он потерял сознание.

Госпиталю пришлось заменить ему легкие. На Плато Альфа он считался своего рода героем.

Даже Грили не рискнул бы спускаться вверх тормашками. На такое не пошел бы ни один человек, имеющий хотя бы отдаленное представление о летающих автомобилях. Машина могла развалиться в воздухе!

Но Мэтт этого не знал. Он крайне слабо разбирался в технике. Диковинные существа, прибывающие с Земли, являлись необходимостью, техника же — роскошью. Колонисты нуждались в дешевых домах, в стойких фруктовых деревьях, в коврах, которые не надо ткать вручную. Им не требовались электрические посудомойки, холодильники, бритвы и прочие бытовые приборы. Сложные механизмы приходится изготавливать с помощью других механизмов, а экипажники крайне неохотно делились техникой с колонистами. То, чем располагали колонисты, находилось в общественной собственности. Самым сложным устройством, с которым имел дело Мэтт, был велосипед. Автомобиль не предназначался для полета без гироскопов, но Мэтт об этом не знал.

Ему пришлось уйти в туман, чтобы скрыться от полицейских. Чем быстрее он будет падать, тем дальше оставит их позади.

Вначале сиденье давило на него с полной тягой пропеллеров, то есть полторы единицы гравитации на Горе Погляди-ка. Шелест ветра перешел в вой, даже звукоизоляция не была ему помехой. Воздух все сильнее тормозил машину, пока не скомпенсировал тягу пропеллеров; теперь Мэтт вошел в свободное падение. И скорость падения все нарастала! Воздух начал преодолевать силу тяжести. Мэтт едва не упал на крышу кабины. Он догадывался, что вытворяет с автомобилем нечто необычное. Когда сопротивление воздуха потянуло его из сиденья, он вцепился в подлокотники и завертел головой, высматривая какое-нибудь подспорье. Нашел ремни безопасности, пристегнулся не без труда. Ремни не только помогли удержаться, но и придали уверенности. Должно быть, именно для этого они и предназначались.

Темнело. Даже небо над ногами померкло, и не видать полицейских машин. Вот и хорошо. Мэтт сдвинул рукоятки пропеллеров в нейтральное положение. Кровь, прилившая к голове, грозила лишить его сознания. Он перевернул машину в нормальное положение. Тяжесть вдавила его в кресло — такой перегрузки не приходилось испытывать ни одному человеку со времен примитивных химических ракет. Но это можно вытерпеть, чего не скажешь о жаре. И боли в ушах. И вкусе воздуха.

Он снова взялся за рукоятки. Хотелось побыстрее остановиться.

Кстати, а как он узнает, что остановился? Его окружает не зыбкий туман, а черная мгла, не позволяющая оценить скорость. Наверху туман белый, внизу — черный. Потеряться здесь было бы ужасно. Но, по крайней мере, он знает, в какой стороне верх, — там, где немного светлее.

Воздух имел вкус горелой патоки.

Он выжал рычаги до упора. Газ продолжал сочиться в кабину. Мэтт натянул рубашку на рот, попытался дышать через нее. Не помогло. Из туманной мглы появилось нечто вроде черной стены, и он вовремя наклонил машину, чтобы не разбиться о бок Горы Погляди-ка. Он держался около этой стены, наблюдая, как она проносится мимо. В тени обрыва его будет труднее заметить.

Туман исчез. Мэтт вырвался к сияющему свету. Решив, что достаточно поднялся над зловонным туманом, и чувствуя, что и секунды уже не выдержит, вдыхая горячий яд, он опустил окно. В кабине заревел ураган. Воздух был горячий и густой, но им можно было дышать.

Мэтт увидел над собой край Плато и сдвинул рычаги, чтобы замедлить скорость. В желудке все бултыхалось. Впервые с того момента, когда он забрался в машину, появилось время на оценку самочувствия. Оно оставляло желать лучшего: желудок выворачивало наизнанку, голова раскалывалась от резких перепадов давления, а ушибленные излучателями Реализации мышцы дергались в спазмах.

Мэтт удерживал машину более или менее прямо, пока не оказался вровень с краем Плато. Вдоль этого края шла

каменная стена. Он сместился в сторону, потом, оказавшись за стеной, наклонял машину наугад, пока не завис в воздухе неподвижно. И наконец дал машине упасть.

Упала она с высоты четырех футов. Мэтт открыл дверь, но задержался в кабине. Чего ему хотелось на самом деле, так это лишиться чувств, но тогда пропеллеры остались бы на холостом ходу. Он нашел рычаг «нейтраль — земля — воздух» и, особо не раздумывая, толкнул его вперед. Мэтт вымотался, его мутило; сейчас бы просто полежать...

Рычаг перешел в положение «земля».

Мэтт вывалился из двери, — вывалился, потому что машина двинулась вверх. Она приподнялась над землей на четыре дюйма и заскользила. Вероятно, в ходе своих экспериментов Мэтт установил уровень подъема над землей, так что теперь машина держалась на воздушной подушке. Он хотел удержать авиамобиль, но тот ринулся прочь. Стоя на четвереньках, Мэтт наблюдал, как машина скользнула над неровной землей, как ударилась о стену и отскочила, снова ударилась и снова отскочила. Долетев до конца стены, она исчезла за краем обрыва.

Мэтт повалился на спину и закрыл глаза. Его не беспокоило, увидит ли он машину снова.

Укачивание, звуковая атака, дыхание ядовитым воздухом, перепады давления — после всего этого хотелось умереть.

Постепенно к Мэтту возвращались силы. Все не так уж плохо: полиция до него не добралась, а рядом дом, который выглядит покинутым. Спустя некоторое время Мэтт сел и взял себя в руки.

Горло саднило. Во рту был незнакомый неприятный привкус.

Он по-прежнему находился на Плато Альфа. Только экипаж дал бы себе труд построить стену вдоль края бездны. Так что Мэтту ничего больше не остается. Без машины он не может покинуть Плато Альфа — точно так же, как раньше не мог сюда попасть.

А дом — из архитектурного коралла. Крупнее, чем привычные Мэтту жилища, но все же из коралла. Это означает, что дом уже около сорока лет заброшен.

Придется рискнуть. Нужно укрытие. Деревьев рядом нет, да и опасно было бы прятаться среди них, — вероятно, они фруктовые и кто-нибудь может явиться за яблоками.

Мэтт встал и направился к дому.

Глава 4

ЧЕЛОВЕК-ВОПРОС

Госпиталь представлял собой узел управления миром. Мир был небольшим, а заселенная часть составляла всего двадцать тысяч квадратных миль; но эта часть весьма нуждалась в управлении. Она также нуждалась в значительном количестве электроэнергии, огромном объеме воды, черпаемой из реки Длинный Водопад, и серьезном медицинском обслуживании. Госпиталь был большим, сложным и разнообразным. Два звездолета на пятьдесят шесть человек каждый составляли его восточный и западный углы. Поскольку космические корабли представляли собой полые цилиндры с воздушными шлюзами, открывавшимися вовнутрь (в «чердак», как называли экипажи это внутреннее пространство, когда вращающиеся корабли находились среди звезд и ось корабля была верхом), то коридоры в этой части были запутанные, похожие на лабиринты и трудные для ориентировки.

Молодой человек в кабинете Хесуса Пьетро не представлял, где именно он находится. Даже если бы удалось выйти из кабинета без охраны, он бы безнадежно заблудился. И он знал это. Что было только к лучшему.

— Ты сидел за «выключателем мертвеца», — сказал Хесус Пьетро.

Человек кивнул. Его песочные волосы были подстрижены в старом стиле поясников, скопированном у еще более древних ирокезов. Под глазами были тени, словно от недостатка сна, что как бы подтверждалось его позой полного отчаяния, хотя он спал с того самого момента, как был захвачен в подвале Гарри Кейна.

— Ты просто испугался, — сказал ему Хесус Пьетро. — И подстроил так, чтобы упасть на выключатель. Ты не хотел, чтобы он замкнулся.

Человек поднял глаза. На его лице была написана откровенная ярость. Но он не пошевелился, зная, что ничего не сможет сделать.

— Не стыдись. «Выключатель мертвеца» — старый трюк. На практике он почти никогда не срабатывает. Отвечающий за него может в последний момент передумать. Это...

— Я был уверен, что проснусь мертвецом! — вскричал человек.

— ...Естественная реакция. Надо быть психом, чтобы пойти на самоубийство. Нет, не говори ничего об этом. Мне неинтересно. Я хочу услышать о машине в вашем подвале.

— Думаете, я трус?

— Это слишком грубое слово.

— Я украл эту машину.

— В самом деле? — Скептический тон не был наигранным — Хесус Пьетро не поверил парню. — Тогда, возможно, ты объяснишь, почему кража прошла незамеченной.

Человек стал рассказывать. Он говорил охотно, требуя, чтобы Хесус Пьетро признал его смелость. Почему бы и нет? Выдавать некого. Он проживет до тех пор, пока Хесус Пьетро Кастро не утратит к нему интерес, и еще три минуты сверх. Операционная при банках органов в трех минутах ходьбы отсюда.

Хесус Пьетро вежливо слушал. Да, он вспомнил машину, которая словно напоказ летала пять дней вокруг Плато. Молодой владелец из экипажа, возмущенный тем, что краже вообще позволили произойти, устроил жуткий скандал. Он тогда даже предложил — точнее, потребовал, — чтобы один из людей Кастро спрыгнул на машину сверху, забрался в нее и пригнал обратно. Терпение Хесуса Пьетро исчерпалось, и он рискнул жизнью, предложив молодому человеку совершить этот подвиг самому.

— Так что мы закопали ее, когда построили подвал, — закончил рассказ арестованный. — Затем вырастили над ним дом. У нас были большие планы.

Он опять поник, вернулся в позу отчаяния, но продолжал бормотать:

— Там были кронштейны для стрелкового оружия. Ящики для взрывчатки. Мы украли звуковой парализатор и поставили его у заднего окна. Теперь никто этим не воспользуется.

— Машиной воспользовались.

— Как?

— В ту ночь от нас сбежал Келлер. Сегодня утром он вернулся в дом Кейна, забрал машину и подлетел на ней к Госпиталю. Одни Демоны Тумана знают, что бы он сделал, если бы мы его не остановили.

— Замечательно! Последний полет нашего... Мы так и не дали машине имя. Нашего славного воздушного флота. Кто это был, вы сказали?

— Келлер. Мэттью Ли Келлер.

— Я не знаю его. Что он сделал с моим автомобилем?

— Нечего играть со мной. Ты никого не защищаешь. Мы загнали Келлера за обрыв. Пять футов десять дюймов, двадцать один год, шатен, голубые глаза...

— Говорю вам, я никогда его не встречал.

— Прощай. — Хесус Пьетро нажал кнопку под столом. Дверь открылась.

— Минуточку! Погодите...

«Лжет, — подумал Хесус Пьетро после того, как человека увели. — Вероятно, солгал и насчет машины».

Где-то в виварии ожидает допроса другой человек, настоящий угонщик. Если машину действительно угнали. С тем же успехом ее мог предоставить экипажник, гипотетический предатель, придуманный Хесусом Пьетро.

Он часто задумывался, почему экипаж не снабдит его сывороткой правды. Ее легко можно изготовить по инструкциям, хранящимся в корабельной библиотеке. Миллард Парлетт, пребывая в благодушном настроении, однажды попытался объяснить.

«Мы владеем их телами, — сказал он. — Разбираем их под любым ничтожным предлогом; а если они ухитряются умереть естественной смертью, мы все равно получаем то, что можем сохранить. Разве эти бедняги не заслуживают по крайней мере неприкосновенности сознания?»

Для человека, вся жизнь которого зависела от банков органов, это казалось необычной, излишне мягкой точкой зрения. Но другие экипажники, видимо, считали так же. Если Хесус Пьетро хочет получать ответы на свои вопросы, он должен полагаться на свою собственную эмпирическую психологию.

Полли Турнквист. Двадцать лет. Пять футов один дюйм. Сорок три килограмма. На взгляд Хесуса Пьетро, мятое вечернее платье в стиле колонистов ее не украшало. Она была маленькой, смуглокожей и мускулистой, особенно если сравнивать с большинством женщин, входивших в круг общения Хесуса Пьетро. Мышцы накачаны работой, а не игрой в теннис. Ладони — в мозолях, слегка вьющиеся волосы зачесаны назад. Ни следа модной укладки.

Если бы Полли воспитывалась подобно девушкам экипажа и имела доступ к косметике, она бы стала прекрасной. Но и так была недурна — стоило бы разве что убрать мозоли с рук и сгладить кожу косметикой. Однако, как и большинство колонистов, она старилась быстрее экипажа.

Просто девушка-колонистка, одна из тысяч других молодых колонисток, которых Хесус Пьетро повидал на своем веку.

Она терпела молчаливое разглядывание целую минуту и наконец буркнула:

— Ну?

— Ты Полли Турнквист. Так?

— Разумеется.

— Вчера при задержании у тебя обнаружили снимки.

Откуда они?

— Я предпочту не отвечать.

— В конце концов ответишь. А пока о чем бы ты хотела поговорить?

У Полли был озадаченный вид.

— Вы серьезно?

— Серьезно. Сегодня я допросил шестерых. Банки органов полны, день кончается. Я не тороплюсь. Догадываешься ли ты, что означают эти твои снимки?

Она осторожно кивнула:

— Пожалуй. Облава мне кое-что подсказала.

— А, так ты все поняла?

— Ясно, что вы больше не нуждаетесь в Сынах Земли.

Мы всегда представляли для вас некоторую опасность...

— Вы себе льстите.

— Но вы никогда не пытались по-настоящему искоренить нас. Потому что мы служили источником пополнения для ваших проклятых банков органов!

— Ты меня удивляешь. Знала о роли Сынов Земли, когда к ним присоединялась?

— Я всегда была в этом уверена.

— Тогда зачем вступила в организацию?

Она развела руками:

— Почему вообще кто-нибудь вступает? Я не могла более терпеть здешний порядок вещей. Кастро, что станет с вашим телом, когда вы умрете?

— Его кремируют. Я стар.

— Вы экипажник. Вас в любом случае кремируют. Только колонисты попадают в банки.

— Я наполовину экипажник, — сказал Хесус Пьетро, которому в самом деле хотелось поговорить и не было нужды что-либо скрывать от без пяти минут покойницы. — Когда мой, как ты могла бы выразиться, псевдоотец достиг семидесятилетнего возраста, он стал нуждаться в инъекциях тестостерона. Только выбрал другой способ получить их.

Девушка была озадачена, потом, судя по выражению лица, пришла в ужас.

— Вижу, ты поняла. Вскоре после этого его жена, моя мать, забеременела. Должен признать, они растили меня почти как экипажника. Я люблю их обоих. Я не знаю, кем был мой отец. Он мог быть мятежником или вором.

— Для вас в этом нет разницы, полагаю, — сказала девушка зло.

— Нет. Вернемся к Сынам Земли, — резко произнес Хесус Пьетро. — Ты совершенно права. Мы в них более не нуждаемся ни как в источнике пополнения органов, ни в других целях. Ваша группа мятежников была самой большой на Горе Погляди-ка. Оставшихся мы тоже переловим.

— Я не понимаю. Банки органов теперь не нужны, ведь так? Почему не огласить этот факт? Будет всепланетный праздник!

— Вот именно поэтому мы не оглашаем. Что за сентиментальные мыслишки! Нет, банки органов не устарели. Просто нам будет нужен меньший запас сырого материала. А как способ наказания за преступления банки по-прежнему важны!

— Ах ты, мерзавец! — Полли сильно покраснела, в голосе слышалась ледяная ярость. — Решив, что нас убивают зря, мы можем обнаглеть. В этом причина?

— Вы умираете не зря, — терпеливо объяснил Хесус Пьетро. — С тех пор как была сделана первая пересадка почки между идентичными близнецами. С тех пор как Ландштейнер в тысяча девятисотом году выделил основные группы крови. Что ты знаешь о машине в подвале Кейна?

— Я предпочту не отвечать.

— С тобой трудно иметь дело.

Впервые девушка улыбнулась:

— Я это уже слышала.

Собственная реакция ошеломила Хесуса Пьетро. Вспышка восхищения, за которой последовал горячий прилив желания. Внезапно эта грязнуля-колонистка превратилась в единственную девушку во Вселенной. Хесус Пьетро удерживал на лице каменное выражение до тех пор, пока прилив не схлынул. На это ушло несколько секунд.

— Как насчет Мэттью Ли Келлера?

— Кого? Я имею в виду...

— Ты предпочитаешь не отвечать. Полли Турнквист, ты, вероятно, знаешь, что на этой планете нет сыворотки правды. В корабельной библиотеке имеются инструкции

по изготовлению скополамина, но никто из экипажа не разрешит мне применить его. Я разработал иные методы. — Хесус Пьетро увидел, как она напряглась. — Нет-нет. Никакой боли. Если бы я применял пытки, меня самого отправили бы в банк органов. Я лишь предоставляю вам приятный отдых.

— Кажется, понимаю. Кастро, из чего вы сделаны? Вы сами наполовину колонист. Что заставляет вас держать сторону экипажа?

— Должен быть закон и порядок, мисс Турнквист. На всей Горе Погляди-ка только одна сила представляет закон и порядок, и эта сила — экипаж.

Хесус Пьетро нажал кнопку.

Лишь когда Полли ушла, он расслабился и проанализировал случившееся с ним. Заметила ли девушка эту вспышку желания? Как неловко получилось! Но она могла посчитать, что он просто рассердился. Да, так она и подумала.

В лабиринте коридоров Полли вдруг вспомнила Мэтта Келлера. Ее царственный облик, предназначенный для пары реализаторов, конвоировавших ее, смягчился при этой мысли. Зачем бы Хесусу Пьетро интересоваться Мэттом? Ведь тот даже не состоял в организации. Значит ли это, что он ускользнул?

Тем вечером все вышло странно. Ей понравился Мэтт. Заинтересовал ее. И внезапно... Ему, должно быть, показалось, что Полли его отшила. Что ж, сейчас это не имеет значения. Но Реализация должна была его отпустить. Он был всего лишь подставным лицом.

Кастро. Зачем он рассказал все это? Являлось ли это частью «лечения в гробу»? Что ж, она продержится, сколько сможет. Пусть Кастро ломает голову, кто мог знать правду о рамроботе номер сто сорок три. Она никому ничего не рассказала. Но пусть Кастро нервничает.

Девушка оглядывалась в приятном удивлении, рассматривая изогнутые стены, потолок с выцветшей и облупившейся краской, винтовые лестницы, свалывшийся, высохший бурый ковер из комнатной травы. Она посмотрела, как пыль разлетается вокруг ее ног, провела руками

по обшарпанным коралловым стенам. Ее новый ниспадающий джемпер яркой расцветки словно светился во мгле заброшенного дома.

— Все это очень странно, — сказала она.

Мужчина снял руку с ее талии и повел вокруг.

— Вот так они и жили, — сказал он с той же певучестью голоса, типичной для экипажа. — По дороге к озеру ты посмотришь на их дома из машины.

Мэтт улыбался, наблюдая, как они поднимаются по лестнице. Он никогда не видел двухэтажного кораллового дома; пузыри было слишком трудно надувать, и второй этаж часто оседал, если не соблюдалась точная разница в давлении. Почему эти двое не посетили Плато Дельта, если хотят узнать, как живут колонисты?

Впрочем, зачем им? Их собственная жизнь куда интересней.

До чего же странный народ. Их трудно понимать, не только из-за говора, но и потому, что некоторые слова означают совсем другое. Даже лица у них другие: с раздутыми ноздрями и высокими выдающимися скулами. По сравнению с людьми, знакомыми Мэтту, они казались хрупкими, с недоразвитыми мускулами, но с такой грациозностью, что Мэтт усомнился в мужественности мужчины. Они ходили с таким видом, словно владели всем миром.

Заброшенный дом оказался сплошным разочарованием. Когда прогуливающаяся парочка экипажников, рассматривая окружающее словно в музее, зашла внутрь, он решил, что все потеряно. Но если повезет, они пробудут наверху еще какое-то время.

Мэтт бесшумно вышел из темноты лишившегося двери чулана, подобрал их корзину для пикника и на цыпочках побежал к двери. Там имелось место, где можно спрятаться, а спрятаться надо было раньше.

Он перелез через низкую каменную стену, держа корзину в одной руке. У края бездны находился трехфутовый гранитный выступ. Мэтт уселся, скрестив ноги и прислонившись к каменной стене. Голова оказалась на дюйм ниже верха стены, а ноги — в футе от сорокамильного обрыва в ад. Он открыл корзину.

Там было более чем достаточно для двоих. Он съел все: яйца, сэндвичи, заварной крем в тюбиках, термос супа и пригоршню оливок. Потом спихнул ногой корзину и пластиковые обертки в бездну. Проследил за их падением.

Любой может увидеть бесконечность, посмотрев вверх ясной ночью. Но только в маленьком мире Горы Погляди-ка можно увидеть бесконечность, глядя вниз.

Нет, это не настоящая бесконечность. Хотя ночное небо — тоже не настоящая. Можно выделить несколько ближайших галактик; но если даже Вселенная конечна, взгляду не удастся проникнуть в нее далеко. Мэтт видел кажущуюся бесконечность, глядя прямо вниз.

Он видел падение корзины. Все меньше и меньше. Исчезла.

Пластиковая обертка. Порхает, снижаясь. Исчезла.

Больше ничего, только белый туман.

Далеко в будущем явление нарекут «трансом Плато». Это своего рода самогипноз, хорошо знакомый жителям Плато обоих социальных классов, отличающийся от других форм гипноза только тем, что в подобное состояние случайно мог впасть едва ли не каждый. В этом отношении транс Плато сравним с плохо документированными древними случаями «гипноза автомагистралей» или с более новыми исследованиями «взгляда вдаль» — формы религиозного транса, присущей Поясу в Солнечной системе. «Взгляд вдаль» находит на горняка, слишком много времени рассматривающего одну звезду на фоне открытого космоса. «Транс Плато» начинается с долгого сонного взгляда на туман в бездне под ногами.

Целых восемь часов Мэтт не имел возможности расслабиться. Этой ночью отдыхать тоже не придется, но сейчас не хотелось об этом думать. Вот подходящий момент. Надо расслабиться.

Выйдя из этого состояния, Мэтт заподозрил, что прошло немало времени. Он лежал на боку, лицо — за краем, и смотрел в безграничную тьму. Была ночь. Он чувствовал себя отлично.

Пока не вспомнил.

Он поднялся и осторожно перелез через стену. Не стоило делать неловкие движения в трех футах от края, а он часто бывал неуклюж в таком нервном состоянии. Желудок как будто заменили пластмассовой моделью из кабинета биологии. По конечностям пробегали судороги.

Он немного отошел от стены и остановился. В каком направлении Госпиталь?

«Полно тебе, — подумал он. — Это смешно».

Слева вздымался холм. Вдоль его края светились фонари. Попробовать пойти туда?

Трава и почва под ней закончились, как только Мэтт достиг вершины. Теперь под босыми ногами был камень и каменная пыль, не затронутые тремьями лет озеленительной программы колонии. Он стоял на гребне холма и глядел вниз, на Госпиталь. Тот находился в полумиле и весь был залит светом. Позади и по обеим сторонам были другие фонари, светились окна домов, но ни один из этих огоньков не находился ближе полумили от Госпиталя. На фоне общего сияния Мэтт различил черный язык леса, замеченный им утром.

В направлении, составлявшем с нечеткой линией деревьев некоторый угол, прямая дорожка света тянулась от Госпиталя к группе зданий у периметра расчищенной зоны. Подъездная дорога для снабжения.

Двигаясь по краю городка, можно достичь лесополосы и по ней дойти до стены. Но риск казался неоправданным. Зачем Реализация оставила это единственное укрытие, пересекающее голое плоское поле? Полоска леса должна быть набита датчиками.

Мэтт пополз по камню.

Он часто останавливался. Двигаться таким образом утомительно. И что он будет делать, попав внутрь? Госпиталь велик, и Мэтт ничего не знает о его устройстве. Беспokoят освещенные окна. Засыпает ли вообще Госпиталь? Ярко и холодно сияют звезды. Но с каждой остановкой для отдыха Госпиталь оказывается чуть ближе.

Как и стена, его окружающая. Она наклонена наружу, и с этой стороны в ней нет ни единой бреши.

Уже в ста метрах от стены Мэтт обнаружил проволоку. Медная, неизолированная, она тянулась в нескольких дюймах над землей, подвешенная к большим металлическим кольям футовой высоты, забитых в скалу через каждые тридцать метров. Мэтт перебрался через нее очень осторожно, не задев.

Из-за стены донесся тихий звон тревожной сигнализации. Мэтт застыл как вкопанный. Потом повернулся и перескочил через проволоку назад. Упав на землю, он замер и зажмурился. Едва заметное онемение говорило о том, что он угодил под звуковой луч. Видимо, он был вне досягаемости. Мэтт рискнул посмотреть назад. Четыре прожектора шарили по голому камню. Стена кишела полицейскими.

Он повернулся, опасаясь, что они увидят его белеющее лицо. Послышалось жужжание. Вокруг разлетались растворяющиеся в крови осколки стеклянистого химиката. Милосердные пули били не так точно, как свинцовые, но одна из них скоро найдет Мэтта.

В него уперся луч света. И второй. Третий.

На стене раздался голос:

— Прекратить огонь.

Трескотня милосердных пуль стихла. Голос зазвучал снова — скучающий, властный, усиленный до предела:

— Эй, ты, вставай! Лучше сам подойди, чтобы не пришлось тебя нести.

Мэтту хотелось зарыться в землю, как кролику. Но даже кролик не нашел бы себе места в выщербленном пыльном камне. Он встал с поднятыми руками.

Ни звука. Ни движения.

Один из лучей отполз в сторону от него. Потом и остальные. Они долго чертили случайные дуги по защитному каменному полю, затем один за другим погасли.

Усиленный голос заговорил снова. Теперь он звучал озадаченно.

— Почему сработала сигнализация?

Другой голос, едва слышимый в тихой ночи:

— Не знаю, сэр.

— Может быть, кролик? Ладно, расходимся.

Фигуры на стене исчезли. Мэтт остался совершенно один. Спустя какое-то время он опустил руки и пошел прочь.

Человек был высоким и тощим, с длинным узкогубым лицом, начисто лишенным выражения. Форма реализатора на нем была безупречно чиста и идеально отглажена, как будто он ее надел всего секунду назад. Он привычно скучал у двери — человек, который полжизни провел в сидячем ожидании.

Через каждые пятнадцать минут он вставал, чтобы посмотреть на «гроб».

Тот, судя по размеру, предназначался для Гильгамеша или Пола Баньяна¹. Он был дубовым, по крайней мере снаружи. Восемь измерительных приборов на крышке выглядели так, словно их откуда-то открутили, а затем поручили установить на «гроб» не слишком умелому плотнику. Длинноголовый поднимался, подходил к «гробу», стоял минуту над циферблатами. Поломка не исключена, и в такой ситуации придется действовать быстро. Но до сих пор сбоев не происходило, он возвращался на свое место и ждал дальше.

Задача. Сознание Полли Турнквист обладает нужной информацией. Как до нее добраться?

Разум — это тело. Тело — это разум.

Наркотики повлияют на ее метаболизм. Они могут ей повредить. Вы бы рискнули, но вам категорически запрещено применять.

Пытки? Можно вырвать несколько ногтей, сломать несколько костей. Но боль воздействует на адреналиновые железы, а адреналиновые железы воздействуют на все остальное. Длительная боль может оказать серьезный, даже необратимый вред необходимому для медицинских целей организму. Кроме того, пытки неэтичны.

Дружеское убеждение? Можно предложить ей сделку. Жизнь и переселение на другой участок Плато в обмен на

¹ Пол Баньян — дровосек огромного роста, мифологический персонаж американского фольклора.

все, что вы хотите узнать. Вам эта идея нравится, и банки органов полны... Но она не пойдет на сделку. Вы уже имели дело с такими людьми, так что ответ вам известен заранее.

Вы устроите ей приятный отдых.

Полли Турнквист — всего лишь одинокая песчинка в пространстве. Даже меньше чем песчинка, потому что вокруг нет ничего, что можно отождествить с пространством. Ни жары ни холода, ни давления, ни света ни тьмы, ни голода ни жажды, ни звука.

Она пыталась сосредоточиться на своем сердцебиении, но даже оно исчезло. Слишком постоянный ритм — мозг его вычеркнул. То же произошло с тьмой перед завязанными глазами: тьма была однородна, и Полли ее больше не ощущала. Она могла напрягать мускулы в своем мягком коконе, но не осознавала результата, поскольку облобочка поддавались лишь на доли дюйма. Ее рот был приоткрыт, но нельзя было ни раскрыть его шире, ни закрыть — мешал загубник из пенорезины. Она не могла прикусить себе язык или хотя бы найти его. Ей нигде не удавалось вызвать ощущение боли. Неопикуемый покой «лечения в гробу» окутал ее своими нежными складками и понес ее, беззвучно кричащую, в ничто.

«Что произошло?»

Мэтт сидел на краю травяного покрова на холме над Госпиталем. Взгляд уперся в полыхающие окна. Кулак мягко постукивал по колену.

«Что произошло? Я попался. Попался!»

Попался — и ушел. Озадаченный, беспомощный, побежденный, он ожидал, что громовой голос прокричит приказ. Но ничего не случилось. Словно полицейские забыли о нем. Он ушел, ощущая смерть за спиной, ожидая луча парализатора, укола милосердной пули или офицерского рывканья.

Вскоре, вопреки здравому смыслу, Мэтт понял, что за ним не погонятся.

И тогда он побежал.

Его легкие прекратили свой мучительный труд много минут назад, но мозг еще где-то блуждал. Может быть, он

никогда не остановится. Мэтт бежал, пока не свалился здесь, на вершине холма, но его гнал не страх перед банками органов. Он бежал от чего-то невозможного, от вселенной, лишенной здравого смысла. Как он мог справиться с этой равнины смерти — и ни один глаз его не заметил? Это смахивало на волшебство, и он был охвачен страхом.

Что-то приостановило естественные законы вселенной, чтобы спасти ему жизнь. Он никогда не слышал ни о чем, способном на такое... за исключением Демонов Тумана. А Демоны Тумана — миф. Об этом ему рассказали, когда он достаточно повзрослел. Демоны Тумана — сказка, чтобы пугать детей, этакий Санта-Клаус навыворот. Старухи, углядевшие могущественных существ в тумане за краем мира, следовали традиции более древней, чем сама история, — возможно, столь же древней, как само человечество. Но никто не верил в Демонов Тумана. Они из того же разряда, что и созданная горняками Пояса жульническая религия с ее пророком Мэрфи. Смешно и грустно.

«Меня обнаружили и позволили уйти. Почему?»

Может, это сделано не случайно? Есть ли какой-то смысл в том, чтобы Госпиталь позволил колонисту подбаться к самой его стене, а потом отпустил?

Что, если банк органов заполнен до отказа? Возможно ли такое? Но ведь должно быть помещение, где держат арестованных, пока в банке не освободится место.

А что, если его приняли за экипажника? Да, вот именно! Человеческая фигура на Плато Альфа — кем она может быть, как не экипажником. Ну и что? Кто-то должен был подойти и расспросить его.

Мэтт стал мерить шагами площадку на вершине холма. Кружилась голова. Он пошел на верную смерть — и оказался свободен. Благодаря кому? Почему? Что делать дальше? Вернуться и дать им еще один шанс? Пойти к мосту Альфа-Бета, надеясь, что никто не заметит, как он проскользнет? Прыгнуть с обрыва, отчаянно размахивая руками?

Самое ужасное в том, что он не уверен, что это не срывает. Магия, магия... Худ говорил о магии.

Нет. Он побагровел, доказывая, что магия тут ни при чем. Он говорил о... психических способностях. А Мэтт был так увлечен Полли, что не запомнил ничего из сказанного Худом.

Какое невезение! Ведь для него это единственный выход. Он должен смириться с тем, что обладает пси-способностями, хотя совершенно не понимает смысла этого термина. По крайней мере, теперь можно дать хоть какое-то объяснение произошедшему.

— У меня есть психические способности, — объявил Мэтт.

Его голос со странной четкостью прозвучал в ночной тиши.

Отлично. Итак? Если Худ и вдавался в подробности природы психических сил, Мэтт этого не помнил. Но нельзя всерьез рассматривать идею перелететь через утес Альфа-Бета. Какова бы ни была правда о неизученных ментальных способностях человека, в ней должна содержаться логика. Мэтт помнил частые случаи, когда он оставался незамеченным, сильно этого желая, но он ни разу не летал, даже во сне.

Следует поговорить с Худом.

Но Худ в Госпитале. Возможно, уже мертв.

Мэтту было одиннадцать, когда Чингиз, он же папа, принес домой подарки — два брелока. Это были модели автомобилей, подходящего размера для браслетов, и они светились в темноте. Мэтт и Жанна влюбились в них с первого взгляда.

Как-то ночью они продержали брелоки несколько часов в кладовке, предположив, что они засветятся ярче, «привыкнув к темноте». Когда Жанна открыла кладовку, брелоки совсем не светились.

Жанна заплакала. Реакция Мэтта была иной. Если темнота отняла у брелоков их силу...

Он на час подвесил их около лампы. Когда выключил свет, они сияли — крошечные голубые фонарики.

На звезды наплывала гряда небольших облаков. Всюду погасли городские огни. Светился только Госпиталь. Плато заснуло в глубокой тишине.

Итак. Мэтт пытался проникнуть в Госпиталь. Сработала тревожная сигнализация. Но когда он стоял в сиянии прожекторов, его не смогли обнаружить. Это такое же проявление магии, как и те, что случались и раньше, но он полагал, что начинает понимать суть происходящего.

Придется рискнуть. Мэтт зашагал вперед.

Он не планировал зайти так далеко. Вот бы его остановили, пока не поздно. Нет, уже слишком поздно, и в этом никаких сомнений.

Наверное, стоило надеть что-нибудь яркое. Голубую рубашку с оранжевым свитером, зеленые штаны с отливом, алую шапочку с буквой С в желтом треугольнике. И... очки в толстой оправе?¹ Со школьных времен утекло немало времени. Чего уж там, придется идти как есть.

Хорошо, что он любит эффектные жесты.

Он шел по краю пустынной зоны, пока не достиг домов. Вскоре зашагал по темным улицам. Дома были симпатичными и непривычными для глаза. Полюбоваться бы на них при дневном свете. Что за люди тут жили? Яркие, праздные, довольные, вечно молодые и здоровые. Жить среди них — вот было бы счастье!

Но он заметил в домах странную особенность. Как ни разнородны они по форме, цвету, стилю, стройматериалу, у них есть нечто общее. Все фасады обращены в противоположную от Госпиталя сторону.

Словно Госпиталь внушал жителям страх. Или чувство вины.

Впереди появились огни. Мэтт зашагал быстрее. Он шел уже полчаса. Да, это дорога для снабжения, ярко, как дневным солнцем, освещенная двумя рядами уличных фонарей. По ее изгибу в центре бежала прерывистая белая линия.

¹ Иронический намек на образы Супермена и его альтер эго, журналиста Кларка Кента.

Мэтт ступил на белую линию и пошел по ней к Госпиталю.

Плечи опять неестественно напряглись, словно его преследовал страх смерти. Однако опасность лежала впереди. Банки органов — самая унижительная из всех мыслимых форм смерти.

Но Мэтт боялся чего-то худшего.

Бывало, из Госпиталя выпускали людей, чтобы они рассказали о судах над ними. Таких было мало, но они могли говорить. Мэтт догадывался, что его ждет.

Его обнаружат, обстреляют милосердными пулями и отнесут на носилках в Госпиталь. Когда он проснется, его отведут на первый и последний допрос к ужасному Кастро. Прожигая взглядом Мэтта, он пророкочет:

— А, Келлер? Да, мы разобрали твоего дядюшку. Ну что, Келлер? Ты пришел сюда, будто думал, что ты экипажник, которому назначена встреча. Да не спятил ли ты, Келлер?

И что он на это ответит?

Глава 5 ГОСПИТАЛЬ

Во сне Хесус Пьетро выглядел лет на десять старше. Его защита — прямая спина, тугие мышцы, невозмутимая мимика — ослабла. Пугающе-бледные глаза были закрыты. Седые волосы спутались, обнажив голый скальп, прежде прикрытый аккуратной прической. Он спал один, отгороженный от жены никогда не запиравшейся дверью. Иногда метался во сне, а иногда томился бессонницей, сложив руки, глядя в потолок и бормоча про себя. Потому-то Надя и спала отдельно.

Но в эту ночь он лежал спокойно.

При некоторой медицинской поддержке он мог бы вернуть себе внешность тридцатилетнего. Стареющая кожа скрывала неплохо натренированные мышцы. У Хесуса

Пьетро было хорошее дыхание, отчасти благодаря заимствованному легкому. Мускулы под морщинами и отложениями жира были твердыми, пищеварение — нормальным. Зубы, все трансплантированные, пребывали в идеальном состоянии. Дайте ему новую кожу, новый скальп, новую печень; замените несколько сфинктеров и автономных мышц...

Но для этого нужно специальное распоряжение конгресса экипажа. Это своего рода коллективный дар, и Кастро примет его, будь он предложен, но не собирается за него бороться. Трансплантаты и их выдача — право экипажа и его самая ценная награда. А Хесус Пьетро... не то чтобы брезглив, но неохотно обменял бы свой орган на орган какого-то незнакомца. Это похоже на частичную утрату эго. Лишь страх смерти заставил его принять несколько лет назад новое легкое.

Он спал спокойно.

А мозг тем временем работал. Состыковывал фрагменты мозаики.

Снимки Полли Турнквист: кто-то проскочил позавчера ночью сквозь его сеть. Побег Келлера прошлой ночью. Грызущие подозрения, пока только догадки, что груз рамбута номер сто сорок три гораздо важнее, чем считалось. Мятое, неудобное постельное белье. Слишком тяжелое одеяло. Он забыл почистить зубы. Навязчивый образ Келлера, вниз головой ныряющего в туман. Тихие звуки снаружи, доносящиеся уже час; эти звуки не будят его, но остаются необъяснимыми. Приступы вождения к девушке, отправленной на «лечение в гробу»; последовавшее за ними чувство вины. Соблазн применить этот древний способ промывки мозгов в собственных целях — заставить мятежницу-девушку хоть на время полюбить его. Адюльтер! Опять чувство вины.

Соблазны. Сбежавшие арестанты. Горячая измятая постель.

Все бесполезно...

Хесус Пьетро проснулся.

Он лежал на спине, сложив руки, глядя в потолок. Бесполезно бороться. Прошлая ночь сбила его внутренние

часы; он завтракал в полпервого. Почему он продолжает думать о Келлере?

(Вниз головой в туман; пропеллеры с силой давят сзади. Ад наверху, рай внизу. Взлетает в неведомое; пропадает навсегда, уничтожен полностью. Реализованная мечта индуистов. Покой полного растворения.)

Хесус Пьетро перекатился на кровати и включил телефон.

— Госпиталь, сэр, — произнес незнакомый голос.

— Кто это?

— Мастер-сержант Леонард В. Уоттс, сэр. Ночная смена.

— Что происходит в Госпитале, мастер-сержант?

Вопрос не был из ряда вон выходящим. В последние десять лет Хесус Пьетро задавал его по утрам десятки раз.

Голос Уоттса был четок:

— Сейчас посмотрим. Вы ушли в семь, сэр. В семь тридцать майор Йенсен приказал отпустить не связанных с мятежниками лиц, которых мы захватили прошлой ночью, тех, у кого не было ушных микрофонов. Майор Йенсен ушел в девять. В десять тридцать сержант Гелиос доложил, что все отпущенные вернулись в свои дома. Ммм... — Шелест бумаг. — Все допрошенные сегодня арестанты, кроме двух, были казнены и отправлены на хранение. Секция медицинских запасов информирует нас, что банк не может принять новый материал, а когда сможет, сообщит. Хотите получить список казненных, сэр?

— Нет.

— «Лечение в гробу» идет удовлетворительно. Неблагоприятных медицинских реакций у подозреваемой нет. Охрана доложила о ложной тревоге в двенадцать ноль восемь — на барьер электроглаза наскочил кролик. Ничего движущегося на земле не обнаружено.

— Тогда откуда они знают, что это был кролик?

— Мне спросить, сэр?

— Нет. Разумеется, они просто предположили. Спокойной ночи.

Хесус Пьетро повернулся на спину и стал ждать сна.

Мысли плыли...

...Они с Надей в последнее время редко бывали близки. Может, пора колоть тестостерон? Трансплантат не понадобится: многие железы не вводятся в анабиоз, а продолжают функционировать, как и раньше, при условии четкого снабжения пищей и кровью и надлежащего выведения гормонов. Уколы — это неприятно, но он стерпит.

...Хотя его отец не пожелал.

Когда Хесус Пьетро был моложе, он подолгу размышлял о своем зачатии. Почему старик настоял, чтобы врачи подсоединили семявыводящие протоки при пересадке половых желез? Постаревший Хесус Пьетро считал, что знает ответ. Даже шестьдесят лет назад, несмотря на многовековой обычай жить большими семьями, Плато оставалось малонаселенным. Кастро считал размножение долгом, как и все его предки. Да и что должен испытывать старик, сознавая, что в конце концов не сможет производить детей?

Еще более постаревший Кастро полагал, что знает и это.

Его мысли блуждали вдаль, размываемые дремотой. Хесус Пьетро повернулся на бок в сонном уюте.

...Кролик?

Почему бы и нет? Из леса.

Хесус Пьетро повернулся на другой бок.

...Что делать кролику в лесу, полном ловушек?

Что делать в лесу животному крупнее полевой мыши?

Что делать кролику на Плато Альфа? Чем бы он питался?

Хесус Пьетро выругался и потянулся к телефону.

— Вот приказ, — сказал он мастер-сержанту Уоттсу. — Завтра лес тщательно прочесать. Если найдут что-нибудь размером хотя бы с крысу, сообщить мне.

— Да, сэр.

— Эта ночная тревога. В каком секторе она была?

— Сейчас посмотрю... Ага. Шестой сектор, сэр.

— Шестой? Но это вовсе не рядом с лесом.

— Да, сэр.

Вот и все.

— Доброй ночи, мастер-сержант. — Хесус Пьетро положил трубку.

Завтра лес обыщут. Реализация определенно распустилась, решил Хесус Пьетро. Ему придется что-то предпринять.

Стена была наклонена наружу: двенадцать футов бетона с колючей проволокой поверху. Ворота были наклонены под тем же углом, примерно двенадцать градусов от вертикали. Они были сделаны из литого железа так, чтобы уходить в бетонную стену двенадцати футов толщиной. Ворота были закрыты. Фонари освещали изнутри верхнюю кромку стены и ворот и окрашивали небо над ними.

Мэтт стоял под стеной и смотрел вверх. Через нее не перелезть. Если его увидят, то откроют ему ворота... Но его не должны увидеть.

Пока что не увидели. Логика сработала. Если то, что светится в темноте, гаснет, пробыв в темноте слишком долго, помести его поближе к свету. Если машина поднимается вверх при правильной ориентации, значит она полетит быстрее вниз, если ее перевернуть. Если полицейские замечают тебя, когда ты прячешься, но не наоборот, они не увидят, как ты пойдешь посередине освещенной дороги.

Но тут логика заканчивалась.

То, что помогало ему раньше, перестало действовать.

Мэтт повернулся к стене спиной. Он стоял под нависающими железными воротами, его глаза следили за прямой линией дороги до того места, где кончались ее огни. Большинство домов уже было погружено во тьму. Земля окуталась мраком вплоть до звездного горизонта. Справа звезды над горизонтом размывались, и Мэтт знал, что видит верхний край тумана бездны.

Нашедший на него порыв он потом так и не смог себе объяснить.

Мэтт откашлялся.

— Что-то помогает мне, — сказал он почти нормальным голосом. — Я это знаю. Мне нужна помощь, чтобы пройти через эти ворота. Надо попасть в Госпиталь.

Из-за стены, очень слабо, доносился шум: шаги, далекие голоса. Это были дела Госпиталя, никак не касавшиеся Мэтта.

Снаружи стены ничего не изменилось.

— Проведи меня туда, — молил он то ли самого себя, то ли что-то вне себя.

Он не знал, к кому обращается. Он вообще ничего не знал.

На Плато не было религии.

Внезапно Мэтт понял, что есть только один способ попасть внутрь. Он сошел с дороги и приступил к поиску. Вскоре обнаружил грязный и бесформенный кусок бетона. Поднялся с ним к воротам и начал колотить.

Бамм! Бамм! Бамм!

Над стеной появилась голова.

— Прекрати, ты, полоумный колонистский выродок!

— Впусти меня.

Голова осталась на месте.

— Да ты и впрямь колонист!

— Точно.

— Не уходи! Не шевелись!

Человек завозился с чем-то по другую сторону стены. Появились обе руки. Одна с оружием, другая с телефонной трубкой.

— Алло? Алло! Отвечайте, черт вас подери!.. Уоттс? Это Хобарт. Какой-то безмозглый колонист подошел к воротам — и давай стучать. Да, настоящий колонист! Что с ним делать?.. Хорошо, я спрошу.

Голова посмотрела вниз.

— Сам пойдешь или желаешь, чтобы тебя тащили?

— Сам, — ответил Мэтт.

— Он говорит, что пойдет добровольно. Почему он так решил? Да наверное, ему так проще. Извини, Уоттс, я просто ошарашен. У нас еще не бывало таких визитеров.

Привратник положил трубку. Его голова и пистолет продолжали смотреть вниз, на Мэтта. Через секунду дверь ушла в стену.

— Заходи, — сказал привратник. — Руки за голову.

Мэтт подчинился. Внутри к стене была пристроена сторожка. Привратник спустился по короткой лестнице.

— Оставайся впереди, — приказал он. — Пошел. Вон там главный вход, где огни. Видишь? Топай туда.

Главный вход было бы трудно миновать. Большая квадратная дверь из бронзы венчала пологую лестницу с широкими ступенями, окаймленную дорическими колоннами. Ступени и колонны были сделаны либо из мрамора, либо из какого-то пластикового суррогата.

— Перестань оглядываться на меня! — рявкнул охранник; его голос дрожал.

Когда они дошли до двери, привратник дунул в свисток. Никакого звука — но дверь открылась. Мэтт вошел.

Оказавшись внутри, охранник как будто успокоился.

— Почему ты здесь? — спросил он.

Мэтта вновь пробрал страх. Эти коридоры и есть Госпиталь. Теперь он здесь, но что делать дальше? Прежде Мэтт специально не думал об этом; иначе бы убежал. Вокруг бетонные стены, с несколькими металлическими решетками в полу и четырьмя полосами флуоресцентных трубок на потолке. Все заметные двери закрыты. В воздухе необычный запах — или смесь запахов.

— Я спросил: что тебя сюда...

— На суде узнаешь!

— Нечего огрызаться! Какой еще суд? Я увидел тебя на Плато Альфа. Это автоматически делает тебя виновным. Будешь сидеть в виварии, пока не понадобишься, после получишь наркоз и прокатишься на каталке. Ты уже и не проснешься. — Охранник говорил так, будто смаковал свои посулы..

Мэтт pokrutil головой, в глазах мелькнул ужас. Внезапное движение заставило охранника отскочить, вскинулась рука с оружием. Это был пистолет с милосердными пулями, с узким каналом ствола и контейнером углекислого газа вместо рукоятки. За одну бесконечную секунду Мэтт понял, что конвоир решил выстрелить.

Его бесчувственное тело отнесут в виварий, что бы это слово ни означало. Он там больше не проснется. Его разберут во сне. Последний момент жизни все тянулся и тянулся...

Пистолет опустился. Мэтт попятился, увидев выражение лица охранника. Тот явно сошел с ума. Его дикие глаза в ужасе смотрели мимо Мэтта, на стены, на двери, на

пистолет в руке — на все, кроме сопровождаемого. Он резко повернулся и побежал.

До Мэтта донесся его вопль:

— Демоны Тумана! Я же должен быть у ворот!

В час тридцать на смену охраннику Полли пришел другой.

Форма новоприбывшего была не столь тщательно отглажена, но сам он выглядел куда лучше. У него были мышцы гимнаста, и в час тридцать ночи он был абсолютно свеж. Подождав, пока длинноголовый уйдет, он приблизился к «гробу» Полли. Он изучал циферблаты куда тщательнее, чем это делал прежний дежурный. Методично, не спеша, он прошел вдоль всего ряда, занося показания в блокнот. Затем открыл два больших зажима по углам «гроба» и откинул крышку, стараясь не шуметь.

Лежавшая внутри не пошевелилась. Она была закутана, как мумия — мумия с рыльцем, — в мягкие пелены. Рыльце над ее ртом и носом состояло из загубника и дыхательного устройства. Подобные выступы были и над ушами. Руки были сложены у талии, как у сумасшедшего в смирительной рубашке.

Офицер Реализации долго смотрел на нее. Потом повернулся с вороватым видом. Но он был один, в коридоре не слышалось шагов.

В головной части «гроба» выдавалась мягкая трубка с наконечником, тщательно обернутым пенорезиной.

Офицер снял наконечник и тихо сказал:

— Не бойся. Я друг. Усыплю тебя.

Он развернул мягкую повязку на руке Полли, достал пистолет и выстрелил в кожу. Появилось полдюжины красных точек, но девушка не шевельнулась. Никаких доказательств, что она услышала голос или ощутила укол.

Дежурный закрыл крышку и переговорную трубку.

Наблюдая за сменой показаний циферблатов, он изрядно вспотел. Потом достал отвертку и стал что-то подкручивать за индикаторами. Когда закончил, все восемь циферблатов показывали прежние данные.

Они лгали. Они утверждали, что Полли Турнквист бодрствует, но не двигается, находится в сознании, но лишена каких-либо ощущений. Они показывали, что она постепенно сходит с ума. В то время как Полли Турнквист спала. И будет спать все восемь часов вахты Лорена.

Лорен обтер лицо и уселся. Такой риск ему не нравился, но он был необходим. Девушка должна что-то знать, иначе не попала бы сюда. Теперь она продержится на восемь часов дольше.

Человек, которого ввели в операционную банка органов, был без сознания. Это был тот самый человек, которого отряд Хесуса Пьетро обнаружил лежащим на выключателе мертвеца; тот самый, кого допрашивали утром. Хесус Пьетро закончил с ним; преступник был судим и осужден, но по закону он все еще был жив. Всего лишь юридическая формальность, не более того.

Операционная была велика, и в ней кипела работа. У одной длинной стены находилось двадцать небольших анабиозных контейнеров на колесиках, чтобы перемещать медицинские материалы в соседнее помещение. Доктора и интерны тихо и споро работали сразу на нескольких операционных столах. Столы представляли собой холодные ванны: открытые контейнеры с жидкостью при постоянной температуре десять градусов по Фаренгейту. Около двери стоял двадцатигаллонный бак, заполненный жидкостью соломенного цвета.

Двое интернов вкатили осужденного в операционную, и один тут же вколол ему в руку целую пинту соломенной жидкости. Они придвинули каталку к одной из холодных ванн. Подошедшая помочь женщина аккуратно закрепила дыхательную маску на лице человека. Интерны наклонили каталку. Осужденный без всплеска скатился в ванну.

— Это последний, — сказал один. — Ох, чувак, и устал же я.

Женщина посмотрела на него озабоченно, хотя эту озабоченность выдавали разве что очертания рта, скрытого маской, но не глаза. Глаза ничего не выражали.

— Идите оба, — сказала она. — Можете отоспаться. Завтра вы не понадобитсяе.

Когда закончат с этим осужденным, банк органов будет полон. Согласно закону он еще жив. Но температура его тела быстро снижается, замедляется пульс.

Наконец остановилось сердце. Температура пациента продолжала падать. Через два часа она опустится заметно ниже точки замерзания воды, но жидкость соломенного цвета в венах помешает органам заледенеть.

Согласно закону он еще жив. Арестантам, бывало, давали на этом этапе отсрочку и оживляли без каких-либо вредных медицинских последствий, однако ужас не покидал их до конца дней.

Осужденного положили на операционный стол. Его череп был вскрыт, на шее сделан надрез, отсекающий спинной мозг как раз под продолговатым мозгом. Мозг осторожно извлекли; нельзя было повредить окружающие его оболочки. Хотя врачи могли и не признавать этого, но к человеческому мозгу экипажники относились с определенным почтением — вплоть до данного момента. В данный момент осужденный становился мертв по закону.

В госпитале Нью-Йорка прежде всего выполнили бы кардиэктомию, и по ее окончании арестованный был бы мертв. На планете Мы Это Сделали он был бы мертв с того момента, когда температура его тела опустилась бы до тридцати двух градусов по Фаренгейту. Все дело в законе. Где-то надо провести черту.

Его мозг сожгли мгновенной вспышкой, сохранив пепел для погребения в урне. Затем настал черед кожи. Снятой целиком, еще живой. Большую часть работы делали машины, но на Плато они были недостаточно совершенны, чтобы работать без человеческого контроля. Врачи действовали так, словно разбирали очень сложную, хрупкую и ценную мозаику. Каждая часть помещалась в контейнер для анабиоза. Иногда они брали шприцем крошечные образцы и проверяли их на многочисленные реакции отторжения. Трансплантологические операции никогда не проходили абсолютно гладко: тело пациента отторгало чужие

органы, если эти реакции не нейтрализовались сложными биохимическими препаратами. По окончании тестов каждую часть снабдили подробной меткой и увезли в соседнее помещение, в хранилище органов.

Мэтт заблудился. Он бродил по залам, искал дверь с надписью «Виварий». Несколько дверей, которые он миновал, были помечены, остальные — нет. Госпиталь был огромен. Мэтт опасался, что будет бродить здесь сутками, но так и не найдет вивария, о котором упоминал охранник.

Мимо него по коридорам проходили люди в полицейской форме или в белых халатах и масках, спущенных на шею. Заметив чье-то приближение, он прижимался к стене и стоял абсолютно неподвижно. Никто не обратил на него внимания. Сверхъестественная невидимость защищала хорошо.

Но он блуждал без пользы.

Нужна была карта.

Некоторые двери должны вести в кабинеты. В некоторых кабинетах наверняка есть карты, возможно встроенные в стену или стол. Госпиталь огромен, надо же работникам в нем как-то ориентироваться. Мэтт кивнул своим мыслям. Вот дверь с незнакомым символом и надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПЕРСОНАЛА». Может быть...

Он открыл дверь. И застыл на пороге, потрясенный до глубины души.

Комнату от пола до потолка заполняли стеклянные резервуары, похожие на аквариумы. Каждый делился на отсеки. Они были расставлены, напоминая не то лабиринт, не то библиотеку с книжными стеллажами. В первые секунды Мэтт не мог понять, что он видит в резервуарах, но неправильная форма предметов и темные оттенки красного послужили подсказкой.

Он вошел. Ноги не слушались, они шагали будто сами по себе. Эти плоские темно-красные предметы. Эти просвечивающие ткани, мягкие сгустки, прозрачные цилиндрические сосуды, заполненные ярко-красной жидкостью... Да, это раньше принадлежало человеческим существам.

А вот и эпитафии.

Группа АВ, Rh+. Содержание глюкозы... Количество красных телец...

Щитовидная железа, мужская. Классы отторжения С, 2, рп, 31. Будет гиперактивна в теле весом менее...

Левая плечевая кость, живая. Тип костного мозга О, Rh—, N, 02. Длина... ВАЖНО: перед использованием проверять согласование с суставом.

Мэтт закрыл глаза и уперся головой в один из контейнеров. Стеклопанель была холодна, взмокшему лбу стало легче. В Мэтте всегда было слишком много сострадания. Сейчас его охватило горе, и нужно было время, чтобы оплакать этих незнакомцев. Ради Демонов Тумана, пусть они будут незнакомцами.

Поджелудочная железа. Классы отторжения F, 4, рп, 21. СКЛОННОСТЬ К ДИАБЕТУ: использовать только для получения секрета. НЕ ПЕРЕСАЖИВАТЬ.

Открылась дверь.

Скользнув за контейнер, Мэтт наблюдал из-за угла. Женщина в халате и маске катила перед собой тележку. Мэтт смотрел, как она распределяет содержимое тележки по отсекам контейнеров.

«Кто-то только что умер».

Женщина была чудовищем. Если бы она, сняв маску, показала сочащиеся ядом клыки футовой длины, Мэтт не смог бы испугаться сильнее.

Через открытую дверь доносились голоса.

— Мы больше не можем использовать мышечную ткань, — сказал женский голос, высокий и недовольный, с экипажной распеваемостью.

Произношение казалось не совсем правильным, хотя Мэтт и не мог бы сказать, в чем эта неправильность заключается.

С сарказмом ответил мужчина:

— И что же нам делать? Выбросить ее?

— А почему бы и нет?

Секунды тишины. Женщина с тележкой закончила работу и направилась к двери.

— Мне такое никогда не нравилось. Человек умер, чтобы дать нам живую, здоровую ткань. А ты хочешь ее выбросить, как... — Закрывшаяся дверь оборвала фразу.

«Как объедки с пира упырей», — закончил за незнакомца Мэтт.

Уже поворачиваясь к двери в коридор, он кое-что заметил. Четыре контейнера отличались от остальных. Они стояли около наружной двери, там, где раньше, судя по царапинам и потускневшим краскам, находились контейнеры для анабиоза. В отличие от анабиозных, эти не имели оснований, заполненных сложной аппаратурой. Вместо этого аппаратура помещалась в самих контейнерах, за прозрачными стенками. Возможно, она предназначалась для аэрации. Ближний контейнер содержал шесть маленьких человеческих сердец.

Это были сердца, без сомнения. Они бились. Но они были крошечными, не больше детского кулачка. Мэтт коснулся поверхности контейнера, она была теплой, как кровь. Соседняя емкость содержала предметы, разделенные на пять долей. Вероятно, то была печень. Но и эти органы были крошечными.

«Это уж чересчур!»

Мэтт одним прыжком оказался в коридоре. Задышавшись, он прислонился к стене; его плечи поникли, глаза не видели ничего, кроме этих гроздей крошечных сердец и печеней.

Кто-то вышел из-за угла и резко остановился.

Обернувшись, Мэтт увидел его: большой рыхлый человек в форме реализационной полиции. Мэтт рискнул обратиться к нему.

— Где тут виварий? — сказал он нечетко, но понятно.

Человек уставился на него, потом ответил:

— Иди направо, увидишь лестницу. Один марш вверх, потом направо. Потом налево, там указатель. Это большая дверь с сигнализацией; не промахнешься.

— Спасибо.

Мэтт повернулся к лестнице. Желудок свело судорогой, руки дрожали. Хотелось лечь и закрыть глаза, но он продолжал идти.

Что-то укололо его в руку.

Мэтт повернулся и поднял ее. Боль уже исчезла; рука онемела, превратившись в кусок мяса. Полдюжины крохотных красных точек испещрили его запястье.

Большой рыхлый человек глядел на Мэтта, хмурясь и держа пистолет в руке.

Вселенная бешено завертелась, уменьшаясь.

Капрал Хэлли Фокс смотрел, как падает колонист. Потом вернул пистолет в кобуру. Куда катится мир? Сперва нелепая секретность насчет рамробота. Потом за одну ночь захвачены двести человек, и Госпиталь не знает, как справиться с ними. А теперь! Колонист бродит по коридорам Госпиталя да еще расспрашивает, где виварий!

Хорошо, он туда попадет. Кряхтя от натуги, Хэлли Фокс поднял человека и перебросил через плечо. Но его лицо оставалось расслабленным. Доложи и забудь об этом. Он поправил свою ношу и заковылял к лестнице.

Глава 6

ВИВАРИЙ

На рассвете ступенчатый пик Горы Погляди-ка погрузился в море тумана. Для тех немногих, кто уже был на ногах, небо просто превратилось из черного в серое. Это был не ядовитый туман с края бездны, а сплошное облако водяного пара, достаточно плотное, чтобы в нем слепой смог выиграть состязание в стрельбе. И экипажники, и колонисты, все и каждый, выходя из дому, моментально исчезали в этом тумане. Они двигались и трудились во вселенной десяти метров в диаметре.

В семь часов реализационная полиция — по взводу с каждого края — направилась в лес с ловушками. С ближних секторов стены язык леса залили желтым светом противотуманные прожекторы. Впрочем, свет едва доходил до деревьев. Поскольку люди, бывшие в ту ночь на дежурстве, разошлись по домам, поисковые группы не имели пред-

ставления о том, кого они разыскивают. Некоторые полагали, что колонистов.

К девяти они встретились посередине, пожали плечами и ушли. В лесу, полном ловушек, не обнаружилось ни людей, ни животных, ничего крупнее жука. Тем не менее четыре воздушные машины поднялись в туман и опрыскивали лес от края до края.

В девять тридцать...

Хесус Пьетро, разрезав грейпфрут, перевернул одну половину. Мякоть дольками упала в его чашку.

— Ну что, нашелся кролик? — спросил он.

Майор Йенсен даже не успел донести кофе до рта, чтобы сделать первый глоток.

— Нет, сэр, но найден человек.

— В лесу?

— Нет, сэр. Он колотил камнем в ворота. Охранник привел его в Госпиталь, а далее история становится неясной...

— Йенсен, она уже неясна. Зачем этот человек стучал в ворота? — спросил Кастро, и его поразила страшная мысль. — Он был из экипажа?

— Нет, сэр. Это был Мэттью Келлер. Его опознали.

Сок грейпфрута пролился на поднос.

— Келлер?

— Он самый.

— Тогда кто же был в автомобиле?

— Сомневаюсь, что мы это когда-нибудь узнаем, сэр. Может, набрать добровольцев и поискать тело?

Хесус Пьетро долго и громко смеялся. Йенсен был чистокровным колонистом, хотя он и его предки так долго состояли на службе, что их говор и манеры стали почти полностью экипажными. Он никогда бы не стал шутить со своим начальством на публике. Но в приватной обстановке иногда расслаблялся — и у него хватало ума понимать разницу.

— А я все голову ломаю, как бы встряхнуть Реализацию, — сказал Хесус Пьетро. — Такое задание могло бы подойти. Ну ладно. Итак, Келлер подошел к воротам и постучал камнем?

— Да, сэр. Охранник задержал его, после того как позвонил Уоттсу. Уоттс ждал полчаса, потом сам перезвонил на пост. Охранник не смог вспомнить, что произошло после того, как он и задержанный оказались в Госпитале. Он вернулся к воротам, но и это свое действие объяснить не смог. Разумеется, он был обязан доложиться Уоттсу. Уоттс поместил его под арест.

— Уоттсу не следовало ждать полчаса. Где же был Келлер все это время?

— Капрал Фокс обнаружил его у двери в банк органов, парализовал и отнес в виварий.

— Значит, и он, и охранник ждут нас там. Хорошо. Я не смогу заснуть, пока не разберусь во всем этом.

Хесус Пьетро торопливо закончил свой завтрак.

Тут он сообразил, что тайна должна скрываться глубже. Как Келлер вообще попал на Плато Альфа? Охрана не пропустила бы его через мост.

На машине? Но единственная машина, фигурирующая в деле...

Хобарт был перепуган. Он боялся больше, чем любой подозреваемый, с которыми имел дело Кастро, и вовсе не скрывал этого.

— Я не знаю! Я пропустил его через дверь, большую дверь. Я заставил его идти впереди, чтобы он не мог прыгнуть на меня...

— А он прыгнул?

— Я ничего такого не помню.

— Удар по голове мог вызвать у тебя амнезию. Сиди спокойно.

Хесус Кастро обошел кресло, чтобы осмотреть Хобарта. Его обезличенная вежливость пугала сама по себе.

— Ни шишек, ни синяков. Боли не чувствуешь?

— Я чувствую себя отлично.

— Итак, вы вошли в дверь. Ты с ним разговаривал?

Человек затряс седой головой:

— Угу. Я хотел узнать, зачем он стучал в ворота. Но он не ответил.

— А потом?

— И вдруг я... — Замолчав, Хобарт стал делать конвульсивные глотательные движения.

В голосе Хесуса Пьетро прибавилось резкости.

— Продолжай.

Хобарт заплакал.

— Хватит, — сказал Кастро. — Ты начал о чем-то говорить. Что это было?

— И вдруг я... ммм... вспомнил, что должен быть на воротах...

— Но как насчет Келлера?

— Кого?

— Как насчет твоего задержанного?

— Я не помню!

— Тьфу ты! — Хесус Пьетро нажал кнопку. — Уведите его обратно в виварий. Доставьте Келлера.

Вверх по лестнице, потом вправо, потом влево.

ВИВАРИЙ.

За большой дверью ряды коек с тонкими матрасами. Все, кроме двух, заняты. Здесь было девяносто восемь арестантов, всех возрастов от пятнадцати до пятидесяти восьми лет, и все спали. У каждого на голове было что-то надето. Их сон был неестественно крепким, дыхание — глубоким, плохие сны не омрачали выражение расслабленных лиц. Это было необычайно спокойное место. Они лежали по десять в ряд; некоторые тихо похрапывали.

Даже охранник выглядел сонным. Он сидел в кресле у двери, опустив двойной подбородок на грудь и сложив руки на коленях.

Более четырехсот лет назад, в середине двадцатого века, группа русских ученых создала прибор, способный сделать обычный сон атавизмом. Кое-где так и получилось. К двадцать четвертому веку лишь в редких уголках Известного космоса не знали об аппарате искусственного сна.

Возьмите три электрода, очень легких. Выберите из людей морскую свинку, велите ей лечь и закрыть глаза. Два электрода приложите к векам, а один — прилепите к затылку. Пропустите слабый пульсирующий ток через мозг от глаз к затылку. Ваша морская свинка тут же вырубится.

Если через пару часов ток выключить, человек будет чувствовать себя как после восьмичасового сна.

Не хотите отключать ток? Прекрасно. Это не повредит человеку. Он просто будет спать. Вам придется будить его время от времени, чтобы он ел, пил, облегался, разминался. Если не планируете держать его долго, можно обойтись без разминки.

Подозреваемые не задерживались в виварии.

Послышались тяжелые шаги за дверью. Охранник вскочил. Когда дверь открылась, он уже стоял по стойке смирно.

— Сядь вон там, — указал один из конвоиров Хобарта.

Хобарт сел, и по его впалым щекам текли слезы. Он надел аппарат, откинул голову и заснул. По его лицу разлилось умиротворение.

Высокий конвоир спросил:

— Который тут Келлер?

Охранник вивария проверил список:

— Девяносто восьмой.

Вместо того чтобы снять с Келлера аппарат, высокий подошел к пульту, на котором было сто кнопок. Нажал девяносто восьмую. Когда Келлер зашевелился, оба конвоира подошли и прицепили его к себе наручниками. Затем сняли аппарат.

Глаза Мэтта Келлера открылись.

Конвоиры умелым движением подняли его на ноги.

— Ну, пошли, — сказал один весело.

Мэтт растерянно последовал за тянущими руками. Через секунду он был в коридоре. Прежде чем дверь закрылась, Мэтт успел обернуться.

— Погодите минутку, — запротестовал он, дергая наручники.

— Кое-кто хочет задать тебе несколько вопросов. Думаешь, нам приятно таскать вашего брата? Пойдешь сам?

Обычно угроза действовала. Вот и сейчас «подопечный» перестал вырываться. Он ожидал проснуться уже мертвым; эти секунды сознательной жизни были бесплатным подарком.

— Кто хочет видеть меня?

— Господин Кастро, — бросил высокий охранник.

Диалог шел рутинным порядком. Будь Келлер обычным подозреваемым, имя шефа Реализации парализовало бы его рассудок. Но он сохранил присутствие духа и решил использовать это время для подготовки к допросу — все лучше, чем схлопотать звуковой шок. Оба конвоира прослужили в Госпитале так долго, что привыкли видеть в арестантах безликую, безымянную массу.

Кастро. Фамилия эхом звенела в ушах Мэтта.

«Келлер, да что ты себе позволяешь? Приперся сюда, будто приглашение с виньетками получил. Возомнил, что у тебя есть чудо-оружие, да? Келлер, да что ты себе позволяешь? Келлер, да что ты...»

Только что обуреваемый страхом арестант шел между охранниками. И вот он рванулся назад, словно рыба, попавшаяся на две удочки разом. Конвоиры подтянули Мэтта к себе, взирая на него с отвращением.

— Глупо! — сказал один, а другой вытащил пистолет.

Они так и застыли, глядя друга на друга в полном замешательстве. Мэтт дернулся снова, и меньший из конвоиров изумленно посмотрел на свое запястье. Он пошарил у себя на поясе, достал ключ и отцепил наручник.

Мэтт всей своей тяжестью повис на второй стальной цепочке. Высокий конвоир взревел и потянул ее обратно. Мэтт налетел на него, ненароком заехав в живот. Ответным взмахом руки конвоир попал ему в челюсть. На секунду потеряв способность двигаться, Мэтт смотрел, как охранник вытаскивает из кармана ключ и снимает наручник. При этом его взгляд был совершенно диким.

Арестованный попятился; двое наручников свисали с его рук. Конвоиры смотрели в его сторону, но не прямо на него. С их глазами явно было что-то не так. Мэтт напряг память: где он видел такой взгляд раньше? Вчера, у привратника?

Конвоиры повернулись и вразвалочку пошли прочь.

Мэтт покачал головой, скорее растерянно, чем облегченно, и двинулся обратно. Показалась дверь вивария. Мэтт едва успел окинуть его взглядом, но он был уверен, что видел там Гарри Кейна.

Дверь была заперта.

«Демоны Тумана! Опять!»

Мэтт поднял руку, передумал, потом все же решился и три раза хлопнул ладонью по двери. Она открылась. Высунулось круглое, невыразительное лицо охранника, тут же обретшее выражение. Дверь начала закрываться. Мэтт распахнул ее и вошел.

Толстенький охранник совершенно не знал, что делать. По крайней мере, он не забыл, что Мэтт уже побывал здесь. Мэтт был за это признателен. Он от души врезал кулаком в двойной подбородок. Толстяк не упал, и Мэтт ударил снова. Тот наконец потянулся за оружием, и Мэтт, крепко схватив запястье и не давая вытащить пистолет из кобуры, ударил еще раз. Охранник повалился.

Мэтт сунул звуковой пистолет в карман штанов. Рука болела. Он потер ее о щеку, которая тоже болела, и окинул взглядом ряды спящих. Среди них была Лейни! Лейни, с бледным лицом, с тонкой царапиной от виска до подбородка; каштановые волосы скрывают накладной аппарат, высокая грудь едва колыхнется во сне. Тут был и Худ, похожий на спящего ребенка. Внутри Мэтта Келлера что-то начало раскручиваться, тепло разливалось по конечностям. Он часами пребывал наедине со смертью. Тут был и высокий человек, сменивший его за барной стойкой вчера ночью. Позавчера ночью! Тут был Гарри Кейн, человек-куб, даже во сне выглядевший сильным.

Но не было Полли.

Он осмотрел виварий еще раз, внимательно, с тем же результатом.

Где же она?

Перед его мысленным взором предстали аквариумы банка органов. В одном из контейнеров содержалась кожа — снятая целиком, и было ее столько, что едва оставалось место для циркуляции питательного раствора. На скальпах росли волосы: длинные, короткие, светлые, темные, рыжие, колыхавшиеся под током холодной жидкости. «Классы отторжения С, 2, пг, 34». Но Мэтт не мог припомнить, видел ли он в том аквариуме космически-черный

цвет волос Полли. Может, да, а может, и нет. Он не искал специально.

Мэтт лихорадочно огляделся. Вот эта панель? Он выбрал наугад кнопку, от прикосновения пальца она выскочила наружу. Больше ничего не произошло.

Уф! Ладно, какого дьявола... Он стал нажимать подряд, пробегая указательным пальцем по ряду, потом по следующему и так далее. Он отжал уже шестьдесят кнопок, когда услышал шевеление.

Спящие пробуждались.

Он отжал оставшиеся кнопки. Шум пробуждения усилился: зевание, растерянные голоса, стуки, вздохи шока и отчаяния — арестованные вдруг понимали, где находятся.

Звонкий голос позвал его:

— Мэтт! Мэтт!

— Я здесь, Лейни!

Она двигалась к нему через толпу людей, которые, шатаясь, выбирались из своих коек. И вот она в его объятиях, и они прижались друг к другу так, будто смерч старался их унести в разные стороны. Мэтт почувствовал слабость, но как раз сейчас он не мог себе это позволить.

— Значит, тебе не удалось уйти, — сказал он.

— Мэтт, где мы? Я пыталась добежать до края бездны...

— Мы в виварии Госпиталя! — Крик, словно топор, рассек намечавшийся хаос.

Гарри Кейн взял на себя надлежашую роль лидера.

— Так и есть, — мягко подтвердил Мэтт.

Глаза Лейни, в двух дюймах, были непроницаемы.

— Ох... значит, тебе тоже не удалось?..

— Удалось. Я здесь по собственной воле.

— Что?.. Зачем?!

— Хороший вопрос. Я точно не знаю...

Лейни засмеялась.

В дальнем углу раздались крики. Кто-то заметил на одном из пробужденных форму полиции Реализации. Вопль дикого ужаса сменился стоном и резко оборвался. Мэтт увидел дергающиеся головы и постарался не обращать внимания на звуки. Лейни больше не смеялась. Суматоха постепенно утихла.

Гарри Кейн взобрался на стул. Сложив руки рупором, он прокричал:

— Заткнитесь все! Каждый, кто знает план Госпиталья, сюда! Собирайтесь вокруг меня!

В толпе началось движение. Лейни и Мэтт все еще жались друг к другу, но уже с надеждой. Они наблюдали за Гарри, признавая его лидерство.

— Все остальные, смотрите! — продолжал Гарри. — Вот люди, которые смогут вывести вас отсюда. Через минуту пойдем на прорыв. Держитесь... — Он назвал восемь имен, в том числе Худа. — Некоторых из нас подстрелят. Пока хоть один из этих восьми шевелится, следуйте за ним! Или за ней. Если уложат всех восьмерых и меня тоже, — он сделал многозначительную паузу, — рассеивайтесь! Устройте им побольше хлопот! Иногда паника — единственный разумный выход! Ну а теперь я хочу знать, кто разбудил? Он здесь?

— Я здесь, — ответил Мэтт.

Мигом стих шум. Все уставились на Мэтта.

— Объясни, — потребовал Гарри.

— Не уверен, что понимаю, как попал сюда. Я бы хотел поговорить об этом с Худом.

— Хорошо, держись к Джею поближе. Келлер, кажется? Мы все признательны, Келлер. Что делают эти кнопки? Я видел, как ты с ними возился.

— Выключают то, что заставляет вас спать.

— Кто-нибудь еще на койке? Если так, немедленно вставайте. А теперь надо втопить кнопки обратно, чтобы было похоже на сбой подачи тока. Это было так, Келлер? Ты проснулся от перебоя?

— Нет.

Гарри Кейн озадаченно посмотрел на него, но поскольку Мэтт не стал развивать тему, то лишь пожал плечами:

— Уотсон, Чек, займитесь кнопками. Джей, будь рядом с Келлером. Все остальные готовы идти?

Послышались крики согласия. Потом одинокий голос спросил:

— Но куда?

— Хороший вопрос. Если вырветесь на свободу, продвигайтесь к коралловым домам вокруг южного обрыва и утеса Альфа-Бета. Еще вопросы?

Промолчали все, включая Мэтта. К чему вопросы, ответов на которые не знает никто? Мэтт был несказанно рад на время переложить обязанность принимать решения на чужие плечи. Решения могут оказаться и ошибочными, но девяносто восемь повстанцев способны стать могучей силой, даже двигаясь не в ту сторону. А Гарри Кейн — рожденный лидер.

Лейни высвободилась из объятий, но крепко взялась за руку. Мэтт вспомнил о свисающих наручниках — они могут помешать. Джей Худ, с помятым лицом, приблизился к нему и пожал руку, улыбаясь. Но улыбка не погасила страха во взгляде. И Худу явно не хотелось идти. В этом зале есть хоть один человек, который не боится? Если и есть, то это не Мэтт. Он вытащил звуковой излучатель из кармана.

— Все наружу, — сказал Гарри Кейн и широким плечом распахнул дверь настежь.

Они устремились в коридор.

— Я отниму у вас лишь минуту, Уоттс.

Хесус Пьетро откинулся в кресле. Он любил загадки и надеялся получить удовольствие, разбираясь в происходящем.

— Я хочу, чтобы вы подробно описали события минувшей ночи, начиная со звонка Хобарта.

— Но никаких подробностей нет, сэр. — Мастер-сержант Уоттс уже устал повторять одно и то же, его голос сделался ворчливым. — Через пять минут после вашего звонка позвонил Хобарт и сказал, что кого-то задержал. Я велел привести задержанного в мой кабинет. Не дождавшись, позвонил на пост у ворот. Оказалось, что охранник сидит там как ни в чем ни бывало без своего задержанного и не может объяснить, что случилось. Пришлось поместить его под арест.

— Его поведение загадочно и в других отношениях. Вот поэтому я и спрашиваю: почему вы не позвонили на пост раньше?

— Сэр?

— Ваши действия, Уоттс, выглядят не менее странно, чем поведение Хобарта. Почему вы решили, что Хобарту нужно полчаса, чтобы добраться до вашего кабинета?

— Э-э... — Уоттс заерзал. — Ну, Хобарт сказал, что этот тип явился прямо к воротам и стал бить по ним камнем. Заметив, что Хобарт задерживается, я предположил, что он решил допросить арестанта, выяснить причину его поступка. Банальное любопытство, — пояснил Уоттс поспешно. — Если бы он доставил задержанного ко мне без промедления, то не узнал бы, зачем тот ломился в Госпиталь.

— Логично. А вам ни разу не пришло в голову, что визитер мог одолеть Хобарта?

— Но у Хобарта был парализатор!

— Уоттс, вы когда-нибудь участвовали в рейде?

— Нет, сэр. У меня другие задачи?

— Позавчера один человек вернулся из рейда с расплюсненным носом. У него тоже был парализатор.

— Да, сэр, но ведь то в рейде...

Хесус Пьетро вздохнул:

— Благодарю вас, мастер-сержант. А теперь не соблаговолите ли выйти? Ваш визитер может появиться в любую минуту.

Уоттс покидал кабинет с явным облегчением.

А ведь он указал на важную вещь, подумал Хесус Пьетро, хотя и не на ту, которую имел в виду. Вероятно, вся охрана Госпиталя считала одинаково: что пистолет стопроцентно надежен. А почему бы и не считать? Охранники Госпиталя никогда не участвовала в рейдах на территории колонистов. Мало кто из них вообще видел колонистов не в бессознательном состоянии. Время от времени Хесус Пьетро устраивал учебные рейды, где охранники играли роль колонистов. Те не возражали; в милосердном оружии не было ничего неприятного. Но люди с пистолетами побеждали всегда. Весь опыт охранников говорил о том, что человек с пистолетом должен бояться лишь человека с пистолетом.

Что же делать? Поменять местами охранников и оперативников на достаточно долгий срок, чтобы охранники

приобрели какой-то опыт? Нет, элитные оперативники такого не потерпят.

Почему он беспокоится о Реализации?

Разве на Госпиталь когда-нибудь нападали? На Плато Альфа — ни разу. Колонистам туда не добраться.

Но Келлер добрался.

Кастро взялся за телефон:

— Йенсен, выясните, кто этой ночью охранял мост Альфа-Бета. Разбудите их и пришлите сюда.

— На это уйдет не менее четверти часа, сэр.

— Хорошо.

Как Келлер смог пробраться мимо них? На Плато Гамма был один воздушный автомобиль, но он уничтожен. Вместе с пилотом внутри? Мог ли у Келлера быть шофер? Или... мог ли колонист знать, как работает автопилот?

И где, Демоны Тумана, Келлер?

Хесус Пьетро зашагал по комнате. У него не было причин беспокоиться, но он беспокоился. Инстинкт? Он не верил, что обладает инстинктами.

Телефон заговорил голосом его секретарши:

— Сэр, вы вызывали двух охранников?

— С моста?

— Нет, сэр, из Госпиталя.

— Не вызывал...

— Спасибо.

Щелк.

Ночью кто-то напоролся на сигнализацию в лесу. Не кролик. Должно быть, Келлер сначала попробовал скрытно подобраться к стене. Если наземная охрана упустила арестанта, а потом подделала отчет, Хесус Пьетро сдерет с нее шкуру!

— Сэр, эти охранники утверждают, что вы за ними посылали.

— А я утверждаю, что этого не было. Скажите им... Хотя... Пусть войдут.

Они вошли — двое крепких мужчин. Их послушный вид плохо скрывал злость, вызванную долгим ожиданием.

— Когда это я посылал за вами? — спросил Хесус Пьетро.

— Двадцать минут назад, — сказал более высокий, вызвав у Хесуса Пьетро искушение обозвать его лжецом.

— Разве вы не должны были сначала забрать арестанта?

— Нет, сэр. Мы отвели Хобарта в виварий, уложили его в постельку и тут же вернулись.

— Вы не помните, что...

Меньший из охранников побледнел:

— Д... Дэйв! Мы должны были з... забрать кого-то!.. Келлера... Какого-то Келлера.

Хесус Пьетро разглядывал их добрых двадцать секунд. Его лицо было странно неподвижным. Потом он взялся за интерком:

— Майор Йенсен, включите тревогу. У нас побег арестантов.

— Подождите минутку, — сказал Мэтт.

Толпа колонистов уже умчалась далеко вперед. Худ неохотно остановился.

— Что ты делаешь?

Мэтт метнулся назад в виварий. На полу лежал человек с аппаратом на голове. Вероятно, встав с койки, он посчитал себя в безопасности. Мэтт сорвал с него прибор и отвесил пару крепких оплеух; когда ресницы затрепетали, Мэтт рывком поставил его на ноги и подтолкнул к двери.

Уотсон и Чек управились с кнопками и побежали, обгоняя Худа.

— Идем! — завопил Худ из дверного прохода.

В его голосе была паника. Но Мэтт застыл как вкопанный перед бесформенной грудой.

Охранник. Его разорвали на куски!

Мэтт застыл от ужаса — как тогда, в банке органов.

— Келлер!

Мэтт наклонился и подобрал что-то мягкое и влажное. Выражение его лица было очень странным. Он шагнул к двери, секунду помедлил, потом нарисовал на ее поверхности две размашистые дуги и три небольшие замкнутые кривые. Неуклюже отшвырнув теплый кусок человечины, он повернулся и побежал. Двое мужчин и Лейни помчались по коридору, стараясь догнать толпу.

Она сбегала по ступеням, словно горная река: плотная толпа людей, бегущих, натываясь друг на друга, на стены и перила и создавая адский шум. Вел их Гарри Кейн. Одержимый ледяной уверенностью в том, что он падет первым, как только беглецы наткнутся на первого вооруженного охранника. Но толпу уже будет не остановить.

Первый вооруженный охранник оказался сразу за углом. Он обернулся и вытаращился в крайнем изумлении. Даже не шелохнулся, пока его не достигла толпа. Кто-то догадался подхватить пистолет. Высокий блондин немедленно проложил себе дорогу вперед, отобрал пистолет и, размахивая им, потребовал посторониться. Толпа перетекла через тело полицейского-реализатора.

Этот коридор был длинным, с дверями по обеим сторонам. Все двери распахнулись практически одновременно. Высокий блондин выжал спуск и медленно поводил стволом вдоль коридора. Из-за дверей высывались головы, замирали — и падали вместе с телами. Толпа колонистов замедлила бег, преодолевая препятствия — отключившихся экипажников и полукровок. Многие при этом были серьезно травмированы, а то и затоптаны насмерть. Реализаторы использовали милосердное оружие, поскольку нуждались в здоровых арестантах. У беглецов такого мотива не было.

Толпа растягивалась, быстроногие отделялись от медлительных. Между тем Кейн уже достиг конца коридора. В сопровождении шести человек он обжегал угол.

К стенам напротив друг друга прислонились двое отдыхающих полицейских, держа в руках чашки, от которых шел пар. Вот они оглянулись на шум, на секунду замерли... Чашки полетели прочь, оставляя за собой спиральные коричневые туманности, блеснули пистолеты. Гарри Кейн услышал жужжание — и рухнул. Но успел заметить, что полицейские тоже падают.

Он лежал сломанной куклой, голова кружилась, в глазах все расплывалось, а туловище заоченело, как ошипанная курица в морозильнике. Вокруг и по нему топали ноги, он едва ощущал их сквозь давящее оцепенение.

Четыре руки подхватили его за запястья и щиколотки, и он снова оказался в движении; качаясь, поплыл между

своими спасителями. Гарри Кейн был доволен. Он был невысокого мнения о толпах. Но эта толпа вела себя лучше, чем он ожидал. Сквозь жужжание в ушах он услышал сирену.

Внизу, в конце лестницы, они догнали хвост толпы: Лейни — впереди, Мэтт и Джей Худ — чуть отстав.

— Погодите! — прохрипел Мэтт. — Есть... пистолет.

Лейни поняла и убавила шаг. Мэтт может охранять их сзади. Если они сольются с толпой, от пистолета не будет пользы.

Но сзади к ним никто не приближался. Спереди доносился шум, и они миновали распростертые тела: полицейский, потом целый ряд мужчин и женщин в лабораторных халатах. У Мэтта желудок выворачивался наизнанку. Злоба мятежников внушала отвращение, как и радость Худа: усмешка убийцы не вязалась с обликом ученого.

Впереди — заминка. Двое мужчин задержались, чтобы приподнять упавшего товарища, и продолжили бег. Гарри Кейн поймал заряд парализатора.

— Надеюсь, их кто-то возглавляет! — прокричал Худ.

В коридорах взвыла сирена. Такой звук способен пробудить Демонов Тумана и прогнать их, молящих о покое, на небо. Она заставляла дрожать бетон и едва не рвала барабанные перепонки. Сквозь рев сирены с трудом удалось расслышать лязг. Железная дверь упала на бегущих, разделив толпу надвое. Одного беднягу раздавило. Хвост толпы, примерно дюжина мужчин и женщин, накатился на преграду и отхлынул.

Ловушка. Другой конец коридора тоже заблокирован. Однако по обеим сторонам — двери. Кто-то пробежал в дальний конец коридора, заглядывая в открытые двери и игнорируя закрытые.

— Сюда! — закричал он, размахивая рукой.

Остальные без слов последовали за ним.

Это оказалось помещение для отдыха, просторный зал с четырьмя широкими диванами, несколькими креслами, двумя карточными столиками и огромным кофейным аппаратом. И с панорамным окном. К тому времени, когда

Мэтт достиг двери, оно уже зияло острыми стеклянными зубьями. Человек, обнаруживший комнату, стулом выламывал остатки стекла.

Почти неслышный гул — и Мэтт ощутил онемение от звукоизлучателя. На пороге! Он захлопнул дверь, и гул прекратился.

Автоматика?

— Бенни! — закричала Лейни, хватаясь за конец дивана.

Человек у окна бросил стул и подбежал к ней. Он был одним из сопровождающих Лейни в ночь гулянки. Вместе они подтащили диван к оконному проему и поставили краем на клинья битого стекла. Колонисты полезли по этому импровизированному пандусу.

Худ открыл дверь в подсобку. Та оказалась ящиком Пандоры — на Худа набросилось полдюжины людей в белых халатах. Еще секунда, и его бы растерзали в клочья. Мэтт вскинул пистолет. Все попадали, как кегли, включая Худа. Мэтт потащил его к дивану. Худ оказался тяжелее, чем выглядел.

Мэтт был вынужден сбросить его на траву и спрыгнул сам. В отдалении, за лужайкой, высилась стена Госпиталя — сама наклонена наружу, а поверху еще и ограда из проволоки, наклоненная внутрь. Проволока очень тонкая, едва различимая в дымке. Мэтт подобрал Худа, огляделся по сторонам, увидел, что другие бегут вдоль здания, возглавляемые высоким человеком по имени Бенни, и заковылял за ними.

Люди добежали до угла, — казалось, у Госпиталя миллион углов, — резко остановились и попятились назад, толкаясь. Подходит охрана? Мэтт опустил Худа, поднял звуковой пистолет...

Из разбитого панорамного окна высунулась рука с пистолетом. Мэтт выстрелил, и человек рухнул. Но Мэтт знал: там есть и другие. Он пригнулся, потом резко выпрямился и выстрелил внутрь. Полдюжины полицейских открыли ответный огонь. Правый бок и рука онемели; Мэтт уронил пистолет, затем упал сам. Через секунду они полезут из окна. К нему бежал Бенни. Мэтт бросил ему пистолет оглушенного полицейского и подобрал свой левой рукой.

Люди внутри не ожидали появления Бенни. Они пытались попасть в Мэтта, и для этого им приходилось высываться. За полминуты все было кончено.

— За углом площадка для авиамобилей, — сказал Бенни. — Охраняемая.

— Они знают, что мы здесь?

— Не думаю. Демоны Тумана послали нам туман. — Бенни улыбнулся собственному каламбуру.

— Хорошо, поработайте пистолетами. Тебе придется нести Джея: у меня рука отключилась.

— Джей — единственный, кто умеет летать.

— Я тоже умею, — сказал Мэтт.

— Майор Йенсен. Тревога! Побег!

Тут же грянул звук сирены, не дав возможности передумать. Внутренний голос твердил Хесусу Пьетро, что он совершает ошибку и это может ему стоить потери лица...

Но нет. Келлер наверняка сейчас освобождает арестантов. Келлера здесь нет, значит он на свободе. Первым его шагом было бы освобождение других Сынов Земли. Если бы охранник вивария его остановил, то позвонил бы сюда. Он не позвонил, значит Келлер преуспел.

Но что, если Келлер тихо-мирно спит в виварии? Глуposti. Почему охранники забыли о нем? Их поведение слишком похоже на вчерашнее поведение Хобарта. Произошло чудо, и это чудо из тех, которые Хесус Пьетро уже связывает с Келлером. У чуда должна быть какая-то цель.

Оно было совершено для освобождения Келлера.

Сейчас коридоры наполнены разъяренными мятежниками.

Это очень плохо. Реализация имеет причины для применения милосердного оружия. А мятежников соображения этики не сдерживают. Они убьют всех, кто попадется на пути.

Стальные двери должны были перегородить коридоры и завибрировать с усыпляющей частотой. Возможно, опасность уже ликвидирована... Да почти наверняка. Если только мятежники не успели вырваться наружу.

И какой же ущерб они нанесли?

— За мной, — приказал Хесус Пьетро двум охранникам и зашагал к двери. — Оружие к бою, — бросил он через плечо.

Охранники вышли из ступора и побежали вдогонку. Эти люди совершенно не понимали происходящего, но Хесус Пьетро был уверен, что они вовремя распознают колониста и подстрелят его. Вполне надежная защита.

Дюжина колонистов, двое оглушены. Семь трофейных пистолетов.

Мэтт остался за углом, с неохотой подчинившись приказу Бенни. С ним были две женщины: Лейни и Лидия Хэнкок, немолодая с низким голосом. А еще двое подстреленных: Джей Худ и Гарри Кейн.

Мэтт хотел сражаться с охраной парковки, но не мог сражаться с логикой. Поскольку он остался единственным, умеющим водить авиамобиль, то обязан был держаться позади. Остальные пошли в атаку через поле.

Парковка представляла собой большой плоский участок, покрытый мутантной травой, которую невозможно вытоптать. Зелень пересекали белесые линии, указывая места посадки. Белесое тоже было травой. В центрах двух посадочных мест ждали машины. Под ними стояли металлические канистры, ходили люди. Туман висел в четырех футах над травой, клубясь в рассеянном солнечном свете вокруг бегущих мятежников.

Они были на полпути к машинам, когда со стены Госпиталя кто-то направил парализатор размером с прожектор. Мятежники рухнули как подкошенные. То же произошло и с механиками возле машин. Бесчувственные тела валялись по всему полю, а над ними клубился туман.

Мэтт вовремя заметил большой парализатор, и убрал голову, и тем не менее ощутил слабое онемение. А ведь правая рука все еще не отошла.

— Дождемся, когда его отключат, и побегим?

— Похоже, это конец, — сказала Лейни.

— Прекрати! — яростно воскликнула миссис Хэнкок.

Мэтт познакомился с ней четверть часа назад, и за это время с ее лица ни на миг не сошла гневная мина. Сущая

тигрица: крупная, грациозная и неистовая, естественная в любых обстоятельствах.

— Пока мы не пойманы, это не конец!

— Иногда что-то мешает людям видеть меня, — сказал Мэтт. — Оно может нас всех защитить. Если вы согласны рискнуть и если будете держаться рядом.

— Свхнулс от стресса. — Голос Худа был невнятен.

Только его глаза следили за Мэттом. Гарри тоже был в сознании, напряжен и неподвижен.

— Это правда, Худ. Не знаю почему, но правда. Похоже, это какая-то пси-сила.

— Кждый вершей в пси сам псиг.

— Парализатор развернули, — сказала Лейни.

— У меня рука не действует. Лейни, вы с миссис...

— Зови меня Лидией.

— Вы с Лидией положите Худа мне на левое плечо, потом поднимите Гарри. Оставайтесь рядом. Мы просто идем, помните об этом. Не пытайтесь прятаться. Если нас подстрелят, я извинюсь, когда представится случай.

— Звинис сйчас.

— Хорошо, Худ, я сожалею, что из-за меня нас всех прикончили.

— Сйдет.

— Пошли.

Глава 7

КРОВОТОЧАЩЕЕ СЕРДЦЕ

«Когда они это увидят...»

Хесус Пьетро содрогнулся, видя, как его телохранители попятились. Они не хотели ходить — и не могли отвернуться.

«Когда они это увидят, у них уже не будет веры в свои пистолеты».

У охранника в виварии, конечно же, было оружие — пистолет. Вероятно, полицейский не догадался вовремя его достать. Второго шанса ему не дали. И теперь он по-

хож на вывалившийся из транспортировочного контейнера груз в банке органов.

Хобарт, чей труп валялся в дальнем конце вивария, выглядел не лучше. Хесус Пьетро признавал свою вину. Он не желал Хобарту подобной судьбы.

Не считая тел, виварий пуст. Само собой.

Хесус Пьетро огляделся еще раз — и заметил темные разводы на блестящей металлической поверхности двери.

Это своего рода символ, никаких сомнений. Символ чего? У Сынов Земли это круг с очертаниями Американского суперконтинента. Но тут — ничего похожего; совершенно незнакомый знак. Но он нарисован человеческой кровью.

Две широкие дуги, симметричные относительно вертикали. Внизу три маленькие замкнутые кривые, круги с хвостиками. Головастики? Микроорганизмы?

Хесус Пьетро потер глаза ребрами ладоней. Позже он спросит у арестантов. Сейчас не до этого.

— Примем, что они кратчайшим путем направились к главному входу, — проговорил он.

Если охранники и удивились его размышлениям вслух, то отреагировали так же, как давно научился реагировать майор Йенсен. Они промолчали.

— Идем, — сказал Хесус Пьетро.

Налево, направо, вниз по лестнице... В коридоре лежит истерзанный, растоптанный труп в форме реализатора. Хесус Пьетро миновал его, не нарушив чеканной поступи. Дойдя до стальных аварийных дверей, воспользовался ультразвуковым свистком. Когда двери поднялись, охранники напряглись.

Два ряда искалеченных трупов и очередная стальная дверь. Ни дать ни взять картина после взрыва в банке органов. Так и следует думать об этих людях. Не стоит вспоминать, что они находились под защитой Хесуса Пьетро. Большинство из них даже не полицейские, а гражданские: врачи, электрики.

Какой ценный урок извлечет охрана Госпиталя! Хесус Пьетро чувствовал себя больным. Это проявлялось только в необычной бледности, но ее он не мог контролировать.

Он прошел отрезок коридора, храня отчужденно-равнодушное выражение. Стальные двери поднялись с его приближением.

Колонисты лежали вповалку у этой и следующей стальной двери, словно они пытались выбраться из ловушки даже в бессознательном состоянии. Один из полицейских вызвал по телефону людей с каталками.

Хесус Пьетро стоял над грудой тел мятежников.

— Я еще никогда не ненавидел их по-настоящему, — сказал он.

— Келлр, вклчи г'роск.

— Что?

Мэтт не мог отвлечься. Он управлял одной рукой; машина качалась и взбрыкивала, словно испуганный жеребец.

— Ги-рро-скко! — выговорил Худ, напрягшись.

— Так, вижу. Что мне с ним делать?

— Вкллчи.

Мэтт перебросил переключатель гироскопа на «вкл». Что-то позади него зажужжало. Машина задрожала, потом выровнялась и пошла вверх.

— Лммли.

Мэтт нажал кнопку. Начался разгон.

— Лейни, пмги псмтрет.

Худ привалился к левому переднему окну, Гарри Кейн был посередине, а Мэтт — справа. Дотянувшись с заднего сиденья, Лейни поддержала голову Худа, высунувшегося из окна.

— Пвррни.

— Как?

— Рручк... ррули.

— Ручка? Вот эта?

— Дда... идьот.

— К сведению, — произнес Мэтт ледяным голосом, — я пролетел на машине весь путь от подвала Гарри до Плато Альфа. Причем управлял впервые в жизни. Само собой, я не могу знать, для чего служат все эти штуковины.

— Пррвилно. Тепрь пррямо, пока я нне сскажу.

Мэтт отпустил ручку. Машина уже двигалась сама.

— Мы летим не к коралловым домам, — сказал он.

— Нет. — Гарри Кейн говорил медленно, но понятно. — В коралловых домах Реализация будет искать нас в первую очередь. Я не смог бы переправить всю сотню людей туда, куда мы направляемся.

— И куда же?

— В большой незанятый особняк, принадлежащий Джоффри Юстасу Парлетту и его семейству.

— А где сам Джоффри Юстас Парлетт?

— На Йоте, вместе с семейством развлекается на небольшом общественном курорте. У меня, Келлер, есть контакты на Плато Альфа.

— Парлетт. А это не...

— Его внук. Миллард Парлетт жил с ними, но он готовится произнести речь. Вот-вот должен начать. Передающая станция на Ноб-Хилле далеко отсюда, здешние хозяева уехали, поэтому он, вероятно, останется у других родственников.

— Все равно опасно туда лезть.

— Кто бы говорил.

Неуклюжий комплимент опьянил Мэтта не хуже выпитых подряд шести бокалов сухого мартини. Он сделал это! Он проник в Госпиталь, освободил узников, навел шороху, оставил свой знак и ушел свободным и невредимым!

— Можно спрятать машину и подождать, пока пройдет ажиотаж, — сказал он. — Потом вернемся на Гамму...

— И оставим моих людей в виварии? Я не могу так поступить. И еще есть Полли Турнквист.

Полли. Девушка, которая... Да.

— Я не мятежник, Гарри. Честно говоря, пришел только для того, чтобы вытащить Лейни. Вашу спасательную операцию могу бросить в любое время.

— Келлер, думаешь, Кастро так просто тебя отпустит? Он знает, что ты был среди арестованных. Выследит, где бы ты ни прятался. Кроме того, я не могу отдать тебе машину. Она нужна для нашей спасательной операции.

Мэтт поморщился. Автомобиль принадлежит ему, ведь он сам его угнал. Но с этим можно разобраться позже.

— Почему ты упомянул Полли?

— Она видела посадку рамробота. Кастро, вероятно, обнаружил у нее снимки. Он мог ее допросить, чтобы выяснить, кто еще знает.

— Знает что?

— Я тоже не знаю. Полли — единственная. Но это должно быть дьявольски важно. Так думала Полли, так, видимо, считал и Кастро. Ты ведь не в курсе, что прилетал рамробот?

— Нет.

— Это держится в секрете. Раньше они никогда так не поступали.

— Полли действовала так, — сказала Лейни, — словно нашла нечто исключительно важное. Она хотела рассказать об этом позавчера нам, всем сразу. Но Кастро не дал ей такой возможности. Теперь я задаюсь вопросом, не рамробот ли стал причиной облавы.

— Может, она уже в банке органов, — произнес Мэтт.

— Еще нет, — ответил Гарри. — Если Кастро нашел снимки — нет. Она бы молчала. Он применит «лечение в гробу», а на это нужно время.

— «Лечение в гробу»?

— Не важно.

Важно или не важно, но это словосочетание Мэтту не понравилось.

— Как ты хочешь провести свою спасательную операцию?

— Пока не знаю.

— Бери левво, — сказал Худ.

Под ними проплывали дома и сады. При работающих гироскопах управлять машиной было несравненно легче. Мэтт не видел никаких авиамобилей вокруг — ни полицейских, ни прочих. Может, что-то заставило их опуститься?

— Итак, — сказала Лейни, — ты проделал весь путь до Госпиталя, чтобы освободить меня.

— В краденой машине, — добавил Мэтт. — С небольшим заездом в туман над бездной.

Широкий рот Лейни сложился в полурадостную-полуироничную полуулыбку-полуухмылку.

— Я польщена.

- Еще бы.
- На заднем сиденье заговорила миссис Хэнкок:
- Хотелось бы узнать, почему нас не сбили лучом там, возле парковки.
- И ты знал, что этого не произойдет, — сказала Лейни.
- Откуда ты знал, Мэтт?
- Присоединяюсь к вопросу, — сказал Гарри Кейн.
- Не знаю, — ответил Мэтт.
- Но ты считал, что может получиться.
- Ага.
- Объясни.
- Ладно. Худ, ты слушаешь?
- Да-да.
- Это долгая история. Я начну с утра после вечеринки...
- Начни с вечеринки, — сказала Лейни.
- Рассказывать обо всем?
- Обо всем. — Лейни сделала на последнем слове излишний упор. — Я думаю, Мэтт, это может быть важно.
- Ну хорошо, — с неохотой уступил Мэтт. — Я встретил Худа в баре впервые за восемь лет...

Пока вереница каталок двигалась к виварию, чтобы разложить арестованных по койкам, Хесус Пьетро и майор Йенсен держались в стороне. В другой части Госпиталя другие каталки перемещали мертвых и живых в операционные: одних — чтобы вернуть им жизнь, здоровье и полезность, других — чтобы забрать у них неповрежденные части.

- Что это? — спросил Хесус Кастро.
- Не знаю, — ответил майор Йенсен. Он отошел от стены и присмотрелся. — Хотя кажется знакомым.
- Что толку от вашего «кажется»?
- Полагаю, нарисовал колонист?
- Можете полагать. В живых больше никого не оставили.

Майор Йенсен отошел еще дальше, постоял, покачиваясь на носках и уперев руки в бедра. Наконец он заявил:

- Это валентинка, сэр.

— Валентинка, значит. — Хесус Пьетро с откровенным раздражением бросил взгляд на помощника. Потом снова посмотрел на дверь. — Будь я проклят. Это валентинка.

— Со слезами.

— Валентинка со слезами. Нарисовавший явно был не в своем уме. Валентинка, валентинка... Почему Сыны Земли оставили нам валентинку, нарисованную человеческой кровью?

— Кровью. Кровь... О, я понял. Вот это что, сэр. Кровоточащее сердце. Знак чуткости. Дают нам понять, что они против наказания преступников путем отправки в банк органов.

— Очень разумно с их стороны.

Хесус Пьетро еще раз оглядел виварий. Тела Хобарта и охранника уже убрали, но пятна крови остались.

— Все это не похоже на обычное проявление чуткости, — сказал он.

Тридцать тысяч пар глаз ожидали где-то там, за объективами телевидения.

Его окружали четыре трехмерные камеры. Сейчас они выключены и покинуты, операторы небрежно разгуливают по комнате, что-то делая, что-то говоря; Миллард Парлетт даже не старается их понять. Через пятнадцать минут эти пустые линзы сделаются зрачками шестидесяти тысяч глаз.

Миллард Парлетт перелистывал свои записи. Если надо что-то исправить в них, то лучше сделать это сейчас.

1. Введение.

А) Подчеркнуть исключительную серьезность ситуации.

Б) Упомянуть груз рабробота.

В) Нижеследующее послужит описанием обстановки.

Насколько реальной покажется опасность этим людям? Последней чрезвычайной ситуацией, которую мог вспомнить Миллард Парлетт, был Великий Мор две тысячи двести девяностого года, более ста лет назад. Большинство слушателей тогда еще не родилось.

Для того и «Введение», чтобы завладеть их вниманием.

2. Проблема банка органов.

А) Земля называет это проблемой, мы — нет. Следовательно, Земле об этом известно куда больше.

Б) Любой гражданин при поддержке банка органов может жить до тех пор, пока не износится его центральная нервная система. Это может продолжаться очень долго, если его сердечно-сосудистая система работает хорошо.

В) Но гражданин не может забрать из банка органов больше того, что туда попадает. Он должен делать все от него зависящее, чтобы запасы пополнялись.

Г) Единственным действенным методом пополнения банка органов является казнь преступников. (Продемонстрировать это; показать, почему другие методы не годятся.)

Д) Тело, отнятое у преступника, может спасти дюжину жизней. В настоящее время не существует веских аргументов против применения смертной казни за любое конкретное преступление, поскольку все подобные аргументы стремятся доказать, что убийство людей не приносит обществу ничего хорошего. Поэтому гражданин, желающий максимально продлить свою жизнь и здоровье, проголосует за применение смертной казни за любое преступление, если в банке органов будет недовольство материалом.

Е) Указать, что на Земле смертная казнь применяется за ложную рекламу, уклонение от выплаты налогов, загрязнение воздуха, рождение детей без лицензии.

Удивительно, что на принятие этих законов ушло так много времени.

Проблема банков органов могла возникнуть еще в тысяча девятисотом году, когда Карл Ландштейнер разделил человеческую кровь на четыре группы: А, В, АВ и О. Или в тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда Альбер Юстен обнаружил, что цитрат натрия защищает кровь от свертывания. Или в тысяча девятьсот сороковом году, когда Ландштейнер и Винер открыли резус-фактор. Банки крови легко могли заполняться благодаря осужденным преступникам, но, видимо, никто этого не сообразил.

А потом были работы Гамбургера в тысяча девятьсот шестидесятых и семидесятых годах в парижской больнице, где трансплантаты почек брались у доноров, не являвших-

ся одноййцевыми близнецами. Были сыворотки против реакции отторжения, открытые Мостелем и Грановичем в две тысячи десятом...

Никто не замечал последствий — до середины двадцать первого века.

По всему миру возникли банки органов, недостаточно заполнявшиеся людьми, которые были так добры, что завещали свои тела медицине.

Насколько полезно тело человека, умершего от старости? Как быстро вы сможете достичь места дорожной аварии? И вот в две тысячи сорок третьем году Арканзас, никогда не отменявший смертную казнь, сделал банки органов официальным государственным методом казни¹.

Идея разнеслась, как лесной пожар... как моральная чума, по определению одного из критически настроенных современников. Миллард Парлетт тщательно все изучил, а потом выбросил из речи все исторические ссылки. Люди, особенно экипажники, не любят, чтобы их поучали.

Ж) Таким образом, правительство, контролирующее банки органов, могущественнее любого диктатора в истории. Многие диктаторы имели власть над смертью, но банки органов дают правительству власть над жизнью и смертью.

З) Жизнь. Банки органов способны излечить практически все, и правительство может решать, кто из граждан получит преимущество, под предлогом, что материалов для всех не хватает. Приоритеты становятся жизненно важными.

И) Смерть. Ни один гражданин не будет протестовать, когда правительство осудит преступника на смерть, раз его смерть дает гражданину шанс на жизнь.

Неправильно и нечестно. Альтруисты были всегда. Но пусть так останется.

3. Проблема банков органов — колонии.

А) Аллопластика: наука о помещении в человеческое тело различных искусственных материалов в медицинских целях.

Б) Примеры.

— Имплантированные слуховые аппараты.

¹ Согласно другим произведениям цикла «Известный космос», это произошло в штате Вермонт еще в 1993 году.

— *Стимуляторы сердечной деятельности и искусственные сердца.*

— *Пластиковые заменители вен и артерий.*

В) Аллопластика применяется на Земле полтысячи лет.

Г) Аллопластика в колониальных мирах отсутствует, поскольку требует высоких технологий.

Д) Каждый колониальный мир располагает оборудованием для банка органов. Анабиозные помещения на транспортном звездолете рассчитаны на заморозку органов. Поэтому корабли сами становятся центрами таких банков.

Е) Поэтому «проблема» банков органов на колониальных мирах не облегчается даже альтернативой в виде аллопластики.

4. Проблема банка органов — как она связана с политикой власти на Горе Погляди-ка.

А) «Соглашение о высадке».

Миллард Парлетт нахмурился. Как средний экипажникотреагирует на правду о «Соглашении о высадке»?

То, чему их учили в школе, было в основном правдой. «Соглашение о высадке», договор, давший экипажу власть над колонистами, действительно существовал с момента посадки «Планка». Колонисты приняли его единогласно.

Основания для этого тоже имелись. Экипаж взял на себя весь риск, он десятилетиями страдал и трудился изо всех сил в годы подготовки, чтобы добраться до цели, которая могла быть пригодна для жизни. Все эти изнурительные годы в космосе колонисты мирно проспали. По справедливости, править должен был именно экипаж.

Но... много ли экипажников знает, что эти первые колонисты подписали «Соглашение» под дулом пистолета? Что восемь из них предпочли умереть, лишь бы не отречься от своей свободы?

Следует ли Милларду Парлетту рассказать им об этом?

Да. Они должны будут понять природу власти. Он оставил этот пункт нетронутым.

Б) Госпиталь.

— *Контроль над электроэнергией.*

— *Контроль над средствами массовой информации.*

— *Контроль над правосудием: над полицией, над судами, над казнями.*

— *Контроль над медициной и банками органов: положительная сторона правосудия.*

В) Замена органов для колонистов? Да!

— *Медицинский уход должен распространяться на колонистов с хорошей репутацией. Это очевидно даже для них самих.*

— *Правосудие обязано иметь положительную сторону.*

— *«Проблема» банка органов подразумевает, что колонисты, которые могут надеяться на медицинское обслуживание, будут поддерживать правительство.*

5. Груз рамробота

(Показать фотографии. Дать полное обозрение. Использовать п. 1 для визуального воздействия, но сосредоточиться на смысле применения коловраток¹).

К этому он мог кое-что добавить! Миллард Парлетт посмотрел на свою правую руку. Все шло отлично. Контраст с его необработанной левой рукой уже был впечатляющим.

Это заставит их заинтересоваться!

б. Опасность груза, доставленного рамроботом.

А) Он не делает банк органов ненужным. В капсуле содержались только четыре образца. Для замены банков органов их потребуются сотни или тысячи, каждый в виде отдельного проекта.

Б) Но любые слухи о грузе опасны тем, что будут моментально раздуты сверх всякой меры. Колонисты решат, что смертные казни прекратятся безотлагательно.

Миллард Парлетт глянул назад — и содрогнулся. Невозможно сохранять спокойствие, зная о капсуле рамробота номер сто сорок три. Визуальное воздействие было слишком сильным.

Если его речь станет в каком-то месте скучной, можно будет вернуть внимание слушателей, просто перескочив на снимок груза рамробота.

¹ *Коловратки* — тип многоклеточных животных, не крупнее двух миллиметров.

В) Смертная казнь в любом случае должна сохраниться.

— Ослабьте суровость наказания — и преступность тут же резко возрастет. (Привести примеры из земной истории. К несчастью, на Горе Погляди-ка таковых нет.)

— Каким наказанием заменить смертную казнь? На Горе Погляди-ка нет тюрем. Предупреждения и пометки в личном деле сохраняют силу только под угрозой банка органов.

7. Заключение.

Когда колонисты узнают о капсуле рамбота номер сто сорок три, правление экипажа закончится — насильственно или мирно.

Осталось три минуты. Уже поздно что-либо менять в речи.

Главный вопрос относился к ее сверхзадаче. Следует ли рассказывать тридцати тысячам экипажников, что прибыло в капсуле рамбота номер сто сорок три? Удастся ли им объяснить, насколько это важно? И... сможет ли такое множество людей сохранить секрет?

Члены Совета из всех сил пытались предотвратить нынешнее событие. Только твердая власть Милларда Парлетта, его знание методов управления и слабостей коллег по Совету, даже его импозантный и решительный облик — а всем этим он пользовался без зазрения совести — заставили Совет принять декларацию о чрезвычайной ситуации.

И теперь все экипажники — везде, не только на Плато Альфа, — сидят перед телевизором. Машины не летают над Плато Альфа; лыжники не скользят по снегам северного ледника; озеро, горячие источники и игорные залы Йоты пусты.

Осталась одна минута. Поздно отступать.

Смогут ли тридцать тысяч человек сохранить такой секрет?

Разумеется, нет.

— Вон тот большой дом с плоской крышей, — сказал Гарри Кейн.

Мэтт наклонил машину вправо и продолжил рассказ:

— Я подождал, пока скроются конвоиры, и вернулся в виварий. Тамошний охранник открыл мне дверь. Я его

оглушил и забрал пистолет, потом нашел панель с кнопками.

— Садись не на крышу, а в парке. Ты понял, что происходило с их глазами?

— Нет.

Мэтт работал с ламелями и рулевой ручкой, стараясь оказаться над парком. Парк был большой и доходил до обрыва; классический, в манере тысячелетней давности симметричный лабиринт из прямоугольных живых изгородей, окружающих прямоугольные же клумбы сверкающих цветов. Дом тоже состоял из прямоугольников — сильно увеличенная версия домов стандартной конструкции двадцатого века. С плоской крышей, с плоскими стенами, почти без украшений, размером с мотель, но такой обширный, что казался низким, дом этот выглядел так, словно его собрали из готовых блоков, а потом годами достраивали. Судя по всему, Джоффри Юстас Парлетт имитировал плохой вкус древности в надежде получить нечто новое и необычное.

Мэтт, разумеется, воспринимал это не так. Для него все дома на Альфе были одинаково причудливыми.

Он опустил машину на полосу травы у обрыва. Машина села, подпрыгнула, снова опустилась. Решив, что настал нужный момент, Мэтт подтолкнул все четыре пропеллерных рычага. Машина резко просела, а рычаги поползли назад. Мэтт придержал их рукой, в отчаянии глядя на Худа.

— Гироскоп, — сказал Худ.

Мэтт заставил свою онемевшую правую руку передвигаться влево и щелкнуть тумблером гироскопа.

— Тебе бы потренироваться, — сказал Гарри Кейн с подчеркнутым спокойствием. — Ты закончил рассказ?

— Я мог забыть некоторые подробности.

— Дальнейшие вопросы и ответы мы отложим, а сейчас разместимся. Мэтт, Лейни, Лидия, вытащите меня отсюда и передвиньте Джея к приборной доске. Джей, руки работают?

— Да, паралич почти закончился.

Мэтт и женщины выбрались. Гарри вышел самостоятельно, двигаясь рывками, но все же держась прямо. Он

отказался от помощи и понаблюдал за Худом. Тот открыл приборную панель и стал ковыряться внутри.

— Мэтт! — позвала Лейни.

Она стояла в дюймах от обрыва.

— А ну назад! — крикнул он.

— Нет! Подойди!

Мэтт подошел. За ним и миссис Хэнкок. Все трое стояли у края бездны, глядя вниз, на свои тени.

Солнце светило им в спину под углом сорок пять градусов. Туман из водяного пара, который этим утром накрыл южную сторону Плато, теперь лежал прямо за краем обрыва, почти у их ног. И они смотрели на свои тени — три тени, ушедшие в бесконечность, три темных тоннеля, все уменьшавшихся по мере того, как они пробивались сквозь освещенный туман, пока их размытые края не исчезали совсем. И каждому из троих казалось, что только его собственная тень окружена маленькой, яркой, совершенно круглой радугой¹.

К ним присоединилась четвертая тень, двигаясь с трудом.

— Эх, камеру бы, — простонал Гарри Кейн.

— В жизни не видел ничего подобного, — сказал Мэтт.

— Я как-то видел, давно. Было похоже на знамение: я, представитель человечества, стою на краю мира с радугой вокруг головы. В ту ночь я присоединился к Сынам Земли.

Послышалось глухое жужжание. Обернувшись, Мэтт увидел машину. Она проплыла мимо него по лужайке, остановилась у края, перелетела его, зависла над туманом и затем погрузилась в него, как ныряющий дельфин.

Гарри повернулся и спросил:

— Все установил?

Худ стоял на коленях на траве — там, где прежде покоилась машина.

— Да. Она вернется в полночь, подождет пятнадцать минут и улетит обратно. Так будет еще три ночи. Кто-нибудь поможет мне добраться до дома?

¹ Это оптическое явление, возникающее из-за дифракции света, называется «глория». На Земле его можно видеть довольно часто, особенно с самолета.

Мэтт потащил его по парку. Худ был тяжел; ноги уже двигались, но почти не держали.

По дороге Худ тихо спросил:

— Мэтт, что ты нарисовал на двери?

— Кровоточащее сердце.

— Да? Зачем?

— Сам точно не знаю. Когда увидел, что сделали с охранником, возникло ощущение, будто я снова попал в банк органов. Я вспомнил дядю Мэтта. — Он инстинктивно вцепился в руку Худа. — Его забрали, когда мне было восемь. Я так и не узнал почему. Надо было оставить знак, говорящий, что я там побывал, — я, Мэтт Келлер, вошедший один и вышедший с армией. За дядю Мэтта! Я был немного не в себе, Худ; я увидел в банке органов такое, что сведет с ума кого угодно. Я не знал вашего символа, поэтому нарисовал свой.

— Хороший символ. Наш я потом тебе покажу. Страшно было в банке?

— Чудовищно. Но страшнее всего эти крошечные сердца и печени. Дети, Джей! Я никогда не знал, что они хватают детей.

Худ посмотрел вопросительно, но тут Лидия Хэнкок толкнула большую переднюю дверь, и пришлось сосредоточиться на подъеме по ступенькам.

Хесус Пьетро был в бешенстве.

Он провел какое-то время в кабинете, зная, что там от него будет больше пользы, но четыре стены действовали на нервы. Теперь он находился на краю автопарковки, смотрел, как уносят последних жертв звуковой атаки. Телефон был на поясе; секретарь мог связаться при необходимости.

Прежде Хесус Пьетро никогда не питал ненависти к колонистам.

Для него человеческие существа делились на две разновидности: экипажники и колонисты. На других мирах могли быть свои понятия, но другие миры не имели отношения к Горе Погляди-ка. Экипажники были хозяевами, большей частью мудрыми и благожелательными. Предназначением колонистов было служение.

В обеих группах имелись исключения. Были экипажники, ни в коей мере не мудрые и не старавшиеся быть доброжелательными; они принимали блага своего мира и пренебрегали обязанностями. Были колонисты, желавшие изменить сложившийся порядок вещей, и другие, которые не хотели служить, а вставали на преступную стезю. Встречаясь с экипажниками, которые не вызывали у него восхищения, Хесус Пьетро выказывал уважение, подобающее их статусу. Колонистов-отступников он выискивал и карал.

Однако ненависти к ним не было — во всяком случае, не больше, чем у Мэтта Келлера к рудным червям. Борьба с предателями была частью его службы, повседневной рутины. Они вели себя так потому, что были колонистами, и Хесус Пьетро изучал их, как студент-биолог изучает бактерии. Интерес к колонистам заканчивался вместе с рабочим днем, если только не происходило чего-то необычного.

Теперь этому пришел конец. Безумно бегущие по Госпиталю мятежники из рабочей рутины ворвались прямо к нему в дом. Он не взбесился бы сильнее, если бы арестанты действительно побывали в его жилище, расколотили мебель, убили слуг, подложили яд домоуборщикам и рассыпали соль на ковры.

Зажужжал интерком. Хесус Пьетро снял его с пояса и сказал:

- Кастро.
- Йенсен, сэр. Я звоню из вивария.
- И?
- Недостает шести мятежников. Назвать их имена?

Хесус Пьетро огляделся. Последнего бесчувственного колониста увезли десять минут назад. Эти пассажиры каталок были персоналом парковки.

- У вас должны быть все. Вы проверили операционные? Я видел по меньшей мере одного мертвого под дверью.
- Я проверю, сэр.

Парковка возвращалась в нормальное состояние. У мятежников не хватило времени разгромить здесь все так же, как в коридорах и комнате отдыха электриков. Хесус Пьетро размышлял, вернуться ли в кабинет или отследить ата-

ку мятежников до комнаты отдыха. Но тут он заметил двух человек, споривших около гаражей, и подошел к ним.

— Вы не имели права отправлять «Бесси»! — кричал один.

На нем была форма оперативника, он был высок и темнокож — прямо красавец с вербовочного плаката.

— А вы, чертовы оперативники, считаете, что это ваши собственные машины, — презрительно заявил механик.

Хесус Пьетро улыбнулся, потому что механики считали точно так же.

— В чем дело? — спросил он.

— Этот идиот не может найти мою машину! Простите, сэр.

— А какая машина ваша, капитан?

— «Бесси». Я уже три года пользуюсь «Бесси», а сегодня утром какой-то кретин отправил ее опрыскивать лес. И видите?! Она пропала, сэр! — Голос его стал печален.

Хесус Пьетро обратил свои холодные голубые глаза на механика:

— Так вы потеряли машину?

— Нет, сэр. Я просто не знаю, куда ее поставили.

— А где машины, которые вернулись после опрыскивания леса?

— Да вот одна из них. — Механик указал на автоплощадку. — Мы почти закончили ее разгружать, когда налетели эти изверги. Кстати, мы разгружали обе машины. — Механик почесал голову. До последней возможности он избегал встречаться взглядом с Хесусом Пьетро. — С тех пор я не видел второй машины.

— Кое-кого из арестантов не хватает, вам это известно? — Кастро не стал ждать ответа механика. — Выясните серийный номер и описание «Бесси» и сообщите моему секретарю. Если найдете машину, позвоните в мой кабинет. Пока я буду считать ее в угоне.

Механик повернулся и побежал к своей конторе. Хесус Пьетро передал через ручной телефон инструкции относительно возможного похищения машины.

На связь опять вышел Йенсен.

— Один мятежник мертв, сэр, пятеро исчезли. — Он зачитал фамилии.

— Хорошо. Похоже, они забрали машину. Узнайте, видели ли улетающий авиамобиль охранники на стене.

— Они бы доложили, сэр.

— Я не уверен. Выясните.

— Сэр, парковка подвергалась нападению. Охранники обязаны были доложить о пяти арестантах, угнавших воздушный автомобиль!

— Йенсен, я думаю, охранники могли забыть об этом. Вы меня поняли?

В его голосе зазвучал металл. Йенсен, больше не возражая, отключился.

Хесус Пьетро глядел в небо, оглаживая двумя пальцами усы. Угнанный авиамобиль найти будет легко. Сейчас, во время речи Милларда Парлетта, вокруг нет авиамобилей экипажа. Но они могли уже приземлиться. А если машину угнали на виду у охранников на стене, то это сделали призраки.

Это вполне согласовывалось с другими вещами, происходившими в Госпитале.

Глава 8

ГЛАЗА ПОЛЛИ

Внутри дом Джоффри Юстаса Парлетта выглядел совсем по-другому. Комнаты были большие и комфортабельные, обставленные в хорошем, спокойном стиле. Их трудно было сосчитать. В задней части дома имелись бильярдный стол, небольшой кегельбан, зал и сцена с опускаемым экраном. Кухня была величиной с гостиную Гарри Кейна. Мэтт, Лейни и Лидия Хэнкок обошли все здание с парализаторами наготове. Они не обнаружили ничего живого, кроме ковров и шести гнезд домашних уборщиков.

Лидия пригрозила Мэтту, что силой вернет его в гостиную. Ему хотелось изучать дом дальше. Он обнаружил потрясающие спальни. Спальни для настоящих знатоков...

Пятеро выживших рухнули на диваны в гостиной высотой в два этажа, перед обширным камином-имитацией;

каменные бревна светились красным электрическим жаром там, где касались друг друга. Гарри Кейн двигался все еще осторожно, но выглядел практически восстановившимся от воздействия парализатора, которое настигло его в Госпитале. К Худу вернулся голос, но не силы.

Мэтт провалился в диван. Он ерзал, пытаясь устроиться поудобнее, и наконец забрался на него с ногами. Хорошо было чувствовать себя в безопасности.

— Крошечные сердца и печенки, — сказал Худ.

— Ага, — ответил Мэтт.

— Это невозможно.

Гарри Кейн вопросительно хмыкнул.

— Я видел их, — заявил Мэтт. — И это было хуже всего.

Гарри Кейн выпрямился:

— В банке органов?

— Да, черт возьми, в банке органов. Вы мне не верите? Они были в специальных контейнерах, самодельных на вид; моторы находились в воде рядом с органами. Стекло было теплым.

— Анабиозные контейнеры теплыми не бывают, — сказал Худ.

— А Реализация не забирает детей, — заметил Гарри Кейн. — Я бы знал об этом.

Мэтт молча глядел на них.

— Сердца и печенки, — произнес Гарри. — И только?

— Я ничего другого не заметил, — сказал Мэтт. — Нет, погодите. Там была еще пара похожих контейнеров. Один пустой, другой... грязный, что ли.

— Как долго ты там находился?

— Достаточно, чтобы затошнило. Демоны Тумана, я ведь не занимался исследованиями! Я разыскивал карту.

— В банке органов?

— Кончайте, — потребовала Лейни. — Мэтт, расслабься. Это все уже не важно.

Миссис Хэнкок ушла искать кухню и вернулась с кувшином и пятью стаканами.

— Есть причины, мешающие нам похозяйничать здесь?

Ее заверили, что таковых нет, и она наполнила стаканы.

— Меня больше интересуют твои мнимые психические способности, — сказал Худ. — Это должно быть что-то новенькое...

Мэтт только фыркнул.

— Должен заметить, что любой верящий в так называемые пси-способности обычно считает, что и сам обладает ими. — Худ говорил сухо, профессиональным тоном. — Вряд ли мы что-нибудь обнаружим у тебя.

— Тогда как мы сюда попали?

— Может, никогда и не узнаем. Какая-нибудь новая политика Реализации? Или же Демоны Тумана возлюбили тебя, Мэтт?

— Я тоже об этом думал.

Миссис Хэнкок ушла на кухню.

— Когда ты пытался прокрасться в Госпиталь, — продолжал Худ, — тебя сразу заметили. Ты, должно быть, наткнулся на сеть электроглаз. Убежать не пытался?

— На меня навели четыре прожектора. Я просто встал.

— И охрана перестала обращать на тебя внимание? Просто позволила уйти?

— Именно так. Я все оглядывался, ожидая приказа остановиться. Но громкоговоритель молчал, и тогда я побежал.

— Теперь насчет человека, который провел тебя в Госпиталь. Случилось ли что-нибудь перед тем, как он обезумел и помчался обратно к воротам?

— В каком смысле?

— Что-нибудь со светом.

— Нет.

Худ выглядел разочарованным.

— Похоже, люди тебя игнорируют, — сказала Лейни.

— Ага. И так всю жизнь. Учитель не вызывал меня к доске, если я не знал ответа. Хулиганы никогда не трогали.

— Чтоб я так жил, — хмыкнул Худ.

Лейни смотрела рассеянно, словно что-то обдумывала.

— Глаза, — сказал Гарри Кейн. Он слушал без комментариев, в позе мыслителя: подбородок на кулаке, локоть на колене. — Ты говорил, что с глазами охранников происходило что-то странное.

— Да. Не знаю что. Кажется, я видел этот взгляд раньше, но не могу вспомнить где.

— Как насчет того охранника, который выстрелил в тебя? Было что-то необычное с его глазами?

— Нет.

Лейни оторвалась от раздумий. Вид у нее был несколько озадаченный.

— Мэтт, как думаешь, пошла бы Полли к тебе домой?

— А при чем, ради Демонов Тумана, тут Полли?

— Не кипятись, Мэтт. У меня есть причина интересоваться.

— Я даже вообразить не могу...

— Вот почему ты обратился к экспертам.

— Ну хорошо. Да, я надеялся, что она пойдет со мной.

— И вдруг она отвернулась и ушла прочь?

— Да. Эта стерва просто...

Мэтт проглотил уже готовые сорваться слова. Только теперь, ощутив свою тогдашнюю боль, гнев и унижение, он понял, насколько сильно его уязвила Полли.

— Она ушла, словно что-то вспомнила. Нечто более важное, чем я, и все-таки не слишком важное. Лейни, может, это из-за ее слухового устройства?

— Вызов по радио?.. Нет, было еще рано. Гарри, говорил ли ты Полли по радио что-нибудь, о чем не сообщил всем остальным?

— Я передал, что назначил ее доклад на полночь, после того как все уйдут. Они могли бы услышать ее по радио. Больше ничего.

— Значит, у нее не было причин меня бросать, — произнес Мэтт. — Но я все еще не понял, зачем мы должны в этом копаться.

— Это странно, — сказал Худ. — Не мешает изучить все странное в твоей юной жизни.

— Тебя оскорбил ее уход? — спросила Лейни.

— Разумеется. Ненавижу, когда меня вот так бросают, наигравшись.

— Ты ее не обидел?

— Не понимаю, чем я мог ее обидеть. Напился я позднее.

— Ты рассказывал, что с тобой и раньше случалось что-то похожее.

— Каждый раз, Лейни. Каждый чертов раз, до встречи с тобой. До ночи пятницы я оставался девственником. — Мэтт воинственно огляделся, но никто ничего не сказал. — Вот почему я не понимаю, какой смысл в таких разговорах. Проклятие, в моей жизни это дело вполне обычное.

— Но необычное в жизни Полли, — заметил Худ. — Полли не обманщица. Или я ошибаюсь, Лейни?

— Нет. Она относится к сексу серьезно. Не стала бы заигрывать с непонравившимся мужчиной. Интересно...

— Лейни, я не думаю, что сам обманулся.

— Я тоже так не думаю. Ты говорил, с глазами охранников происходило что-то странное. А что было с глазами Полли?

— К чему ты клонишь?

— Ты утверждаешь, что каждый раз, когда ты намереваешься потерять свою девственность, потенциальная партнерша тебя бросает. Почему? Ты вовсе не урод. Вероятно, не имеешь привычки хамить. Мне ты не хамил. Достаточно часто моешься. Было ли что-то в глазах Полли?

— Черт возьми, Лейни... В глазах...

Что-то изменилось в лице Полли. Казалось, она прислушивается к чему-то, слышному только ей. Ее глаза глядели мимо него или сквозь него...

— Что вы хотите от меня услышать? Она выглядела отрешенно, как будто погрузилась в свои мысли. А потом ушла.

— Была ли это потеря интереса внезапной? Она не...

— Лейни, да что ты возомнила? Что я нарочно ее отпугнул?

Мэтт вскочил с дивана. Это уже невыносимо; нервы — струны, растянутые на костяной раме, и каждая готова лопнуть. Никто еще так не лез в его личную жизнь! Он не мог себе представить, что женщина способна разделить с ним постель, сочувственно выслушать мучительные тайны, сформировавшие его душу, а потом вывалить все услышанное в ходе циничного обсуждения за круглым столом! Он ощущал себя разобранным на части в банке органов и отстраненно наблюдающим, как врачи перебирают его внутренности испачканными руками, непристойно комментируя его медицинскую и социальную историю.

И он хотел разразиться гневной отповедью, не стесняясь в выражениях, как вдруг обнаружил, что никто на него не смотрит.

Лейни уставилась в искусственный очаг; Худ глядел на Лейни, Гарри Кейн вернулся в позу мыслителя. Никто из них ничего не замечал, по крайней мере ничего в этом помещении. Лица у всех были отрешенными.

— Одна проблема, — сонно произнес Гарри Кейн. — Как мы собираемся освободить остальных, если нас осталось на свободе только четверо?

Он обвел взглядом невнимательную аудиторию и вернулся к самосозерцанию.

Мэтт почувствовал, как у него дыбом встают волосы. Гарри Кейн смотрел прямо на него, но, несомненно, не видел Мэтта Келлера. И с его глазами происходило что-то крайне необычное.

Мэтт наклонился, чтобы заглянуть в глаза Гарри Кейна. Так посетитель музея восковых фигур смотрит в глаза статуи.

Гарри подскочил, точно в него выстрелили.

— Откуда ты, к дьяволу, взялся? — Он уставился на Мэтта, словно тот свалился с потолка; потом сказал: — Хмм... О! Ты это сделал.

Сомнений не оставалось. Мэтт кивнул.

— Вы все вдруг потеряли ко мне интерес.

— А как насчет наших глаз? — Худ так напрягся, словно собирался на него наброситься.

— Что-то произошло. Я не знаю. Я как раз наклонился, чтобы приглядеться к Гарри, и тут, — Мэтт пожал плечами, — все прекратилось.

Гарри Кейн использовал слово, которое редактор непременно вычеркнет из этой книги.

— Внезапно? — сказал Худ. — Но я не помню, чтобы это произошло внезапно.

— А что ты помнишь? — спросил Мэтт.

— В сущности, ничего. Мы говорили о глазах... или о Полли? Точно, о Полли. Мэтт, этот разговор тебя раздражал?

Мэтт издал горловое рычание.

— Так вот почему ты это делал. Хотел стать незаметным.

— Возможно.

Худ оживленно потер ладони:

— Так. Теперь мы знаем: ты чем-то обладаешь и можешь это контролировать, причем подсознательно. Хорошо! — Худ превратился в профессора, окруженного не слишком умными студентами. — Есть у нас еще вопросы? Есть. Во-первых, какое отношение ко всему этому имеют глаза? Во-вторых, почему охранник в конце концов смог тебя подстрелить и отправить на хранение? В-третьих, зачем ты пользуешься этой способностью для отпугивания девушек?

— О Демоны Тумана! Худ! Нет ни одной разумной причины...

— Келлер! — Это прозвучало как спокойная команда. Гарри Кейн, глядя в пространство, опять вернулся к позе мыслителя на диване. — Ты сказал, что Полли выглядела отрешенно. А мы секунду назад тоже выглядели отрешенно?

— Когда забыли обо мне? Ага.

— А выгляжу ли я отрешенным сейчас?

— Вроде да. Минутку.

Келлер встал и прошелся вокруг Гарри, рассматривая его со всех сторон. Поза мыслителя: подбородок на кулаке, локоть на колене, хмурое лицо опущено, не двигается, глаза прикрыты... Прикрыты? Но ясно видны.

— Нет, не выглядишь. Что-то не так.

— Что именно?

— Твои глаза.

— Мы ходим вокруг да около, — сказал Гарри с отвращением. — Ну ладно, сядь и посмотри мне в глаза, ради Демонов Тумана!

Мэтт опустил на домашнюю траву и уставился в глаза Гарри. Никакого озарения. Что-то неправильно, но что?.. Он вспомнил Полли в пятничный вечер, когда они стояли, окруженные шумом и пихающимися локтями, и разговаривали лицом к лицу. Они временами прикасались друг к другу, почти случайно, задевали друг друга руками и пле-

чами... Он ощутил, как горячая кровь пульсирует в шее... и внезапно...

— Слишком велики, — сказал Мэтт. — Твои зрачки. Когда человек действительно не интересуется происходящим вокруг, его зрачки меньше.

— А как насчет глаз Полли? — поинтересовался Худ. — Они были шире или уже обычного?

— Уже. Очень маленькие. Такие же глаза были и у охранников, которые явились за мной нынче утром.

Он вспомнил, как изумились эти люди, когда он потянул цепи наручников, до сих пор не снятых с его рук. Мэтт не интересовал конвоиров; они просто расстегнули «браслеты» на своих запястьях. А когда посмотрели на него...

— Точно. Вот почему их глаза казались такими странными. Зрачки сузились в точки.

Худ облегченно вздохнул.

— Все ясно. — Он встал. — Ладно, пойду посмотрю, как там у Лидии с обедом.

— Останься.

Голос Гарри Кейна звучал тихо, но грозно. Худ расхохотался.

— Перестань кудяхать, — сказал Гарри Кейн. — Чем бы ни обладал Келлер, мы в этом нуждаемся. Излагай!

«Чем бы ни обладал Келлер, мы в этом нуждаемся».

Мэтт чувствовал, что надо протестовать. Он не хотел, чтобы Сыны Земли его использовали. Но теперь он не мог вмешаться.

— Это очень узкая форма телепатии, — начал Джей Худ. — И поскольку она узкая, вероятно, на нее можно рассчитывать серьезнее, чем на более привычные формы. — Он улыбнулся. — Нам стоит подыскать новый термин, слово «телепатия» не совсем подходит.

Трое остальных терпеливо ждали.

— Разум Мэтта, — продолжал Худ, — способен контролировать нервы и мускулы, которые расширяют и сужают радужную оболочку глаз другого человека. — Он улыбнулся, ожидая реакции.

— И? — спросил Гарри Кейн. — Что в этом хорошего?

— Вы не поняли? Да, похоже, не поняли. Это, между прочим, моя область. Известно ли вам что-нибудь о мотивационных исследованиях?

Трое отрицательно качнули головами.

— Эта наука давным-давно запрещена на Земле, поскольку использовалась в аморальных целях. Но до того выяснилось кое-что интересное насчет сужения и расширения зрачков. Если показать что-нибудь человеку и с помощью камеры измерить его зрачок, можно выяснить, насколько его интересует увиденное. Положите перед ним фото политических лидеров его страны — там, где есть две партии или больше, — и глаза расширятся при виде лидера предпочитаемой партии. Уведите его на час и поговорите с ним, убедите сменить политические взгляды — и его зрачки расширятся при виде другого лидера. Покажите снимки девушек — и зрачки среагируют на ту, которую он сочтет самой красивой. Он даже знать об этом не будет. Но ему покажется, что эта девушка питает интерес к нему.

Улыбаясь своим мыслям, Худ продолжал. Некоторые люди обожают читать лекции.

— Интересно, не в этом ли причина, что в дорогих ресторанах всегда темно? Приходит пара, садится за столик. Замечали, с каким интересом они смотрят друг на друга? Что вы об этом думаете?

— Я думаю, лучше, чтобы ты объяснил нам насчет Мэтта Келлера, — сказал Гарри Кейн.

— Он это и сделал, — возразила Лейни. — Разве ты не понял? Мэтт боится, что его кто-нибудь заметит. Поэтому он дотягивается своим разумом и сужает зрачки того, кто на него смотрит. Естественно, люди им больше не интересуются.

— Именно так. — Худ лучезарно улыбнулся Лейни. — Мэтт управляет рефлексам, превращает их в противоположные. Я знал, что тут как-то влияет освещение. Ты понял, Мэтт? Ничего не получится, если твоя жертва тебя не видит. Если она только слышит тебя или замечает сигнал, когда ты пересекаешь луч электроглаза...

— Или если я не концентрируюсь, пытаюсь испугаться. Вот почему охранник выстрелил в меня.

— Я все равно не понимаю, как это возможно, — сказала Лейни. — Джей, я ведь помогала тебе в исследованиях. Телепатия — это чтение разумов. Она же воздействует на мозг?

— Этого мы не знаем. Но зрительный нерв является частью мозга, а не нервной системы.

Гарри Кейн встал и потянулся:

— Не важно. Это лучшее из всего, что есть на сегодняшний день у Сынов Земли. Вроде плаща-невидимки. Теперь мы должны прикинуть, как это использовать.

Пропавший авиамобиль не обнаружился в гаражах Реализации, поисковый отряд его тоже не нашел — ни на земле, ни в воздухе. Если бы полицейский забрал его на законных основаниях, авиамобиль был бы обнаружен. Если бы он попал в аварию, пилот вызвал бы помощь. Судя по всему, машина действительно похищена.

Хесуса Пьетро это нервировало. Одно дело — угон; но угон, совершенный невероятным образом, — совсем другое.

Он связывал Келлера с чудесами: с чудом, которое спасло беглеца при падении в туман бездны, с чудом, которое прошлой ночью повияло на память Хобарта. Потому-то и приказал поднять тревогу в Госпитале. И что же? По коридорам пронеслась обезумевшая толпа.

Узники не могли освободиться, машина не могла быть угнана. Но случилось и то и другое. Чудеса Келлера? Других объяснений нет.

Позвонил из вивария майор Йенсен. Только сейчас выяснилось, что усыпляющие наголовники все это время работали. Как же тогда проснулись девяносто восемь человек?

Чудеса! С какими же силами сражается Хесус Пьетро? Один человек ему противостоит или много? Был ли Келлер пассажиром или водителем той машины? Были ли там другие пассажиры? Не изобрели ли Сыны Земли что-то новое? Или Келлер действовал в одиночку?

Эти мысли пугали. Мэттью Келлер вернулся из бездны, воплотившись в племянника, чтобы преследовать своего убийцу... Хесус Пьетро фыркнул.

Он удвоил охрану на мосту Альфа-Бета. Зная, что мост является единственным путем с обрыва через реку Длинный Водопад у его основания, он тем не менее расставил часовых вдоль обрыва. Ни один обычный колонист не смог бы выбраться с Плато Альфа без авиамобиля. Но сейчас Хесус имеет дело не с обычным, а со сверхъестественным.

И ни один беглец не улетит на полицейской машине. Хесус Пьетро приказал с этой минуты всем полицейским машинам летать парами. У беглецов же один авиамобиль.

Наполовину колонист, Хесус Пьетро не имел права прослушать речь Милларда Парлетта, но он знал, что она закончилась. Машины экипажников снова поднялись в воздух. Если беглецы украдут авиамобиль экипажа, у них может появиться шанс. Но и Госпиталь будет тотчас уведомлен о похищении.

В самом деле? Полицейская машина была похищена, и Хесусу пришлось выяснять это самому.

В заброшенных коралловых домах полицейские не обнаружили ничего подозрительного. Но смогли бы они увидеть нечто действительно важное?

Большинство сбежавших узников вернулось в виварий. Откуда они ухитрились выбраться, даже не выключив усыпляющие наголовники.

Хесус Пьетро не привык иметь дело с призраками.

Для этого понадобятся совершенно новые методы.

С мрачной решимостью он взялся за их разработку.

Дискуссия началась за обедом.

Обед состоялся в непривычное время — в три часа. Он был хорош, очень хорош. Лидия Хэнкок все еще вела себя как злая карга, но Мэтт считал, что любой, кто умеет так готовить, заслуживает доверия при любых обстоятельствах. Когда они управились с бараными отбивными, Гарри Кейн заговорил о деле.

— Нас осталось пятеро, — сказал он. — Что мы можем предпринять для освобождения остальных?

— Взорвать насосную станцию, — предложил Худ.

Мэтт узнал, что насосная станция, снабжавшая Плато Альфа водой из Длинного Водопада, — единственный ис-

точник воды для экипажа. Она находилась у основания утеса Альфа-Бета. Сыны Земли давно заминировали ее.

— Это отвлечет их внимание.

— И отрежет от электроэнергии, — сказал Мэтт, вспомнив, что водород для термоядерных реакторов извлекается из воды.

— Э нет, Келлер. Энергостанции расходуют несколько ведер воды в год. Но если надо отвлечь, то от чего? Джей, какие предложения?

— Мэтт. Он нас вытащил. Теперь он знает, на что способен, и сможет...

— Нет уж. Я не революционер. Я вам рассказал, почему пошел в Госпиталь, и я не пойду туда снова.

Началась дискуссия.

Мэтт говорил мало. Не стоит на него рассчитывать. Лучше он вернется на Гамму и проведет там остаток дней, положившись на свои пси-способности. Пусть это будет не слишком яркая жизнь, она не настолько никчемна, чтобы ею бросаться.

Сочувствия он не нашел ни в ком, даже в Лейни. Аргументация простиралась от призывов к патриотизму и чувству собственного достоинства до нападок на его личность, до угроз разделаться с ним и его семьей. Самым вредным оказался Джей Худ. Можно подумать, это он изобрел «удачу Мэтта Келлера», а Мэтт ее украл. Казалось, Худ уверен, что обладает монополией на пси-способности по всему Плато.

Это было смехотворно. Мэтта упраскивали, ему угрожали — без малейшего шанса на успех. Разок и впрямь удалось его напугать, а еще единожды нападки вывели его из терпения. В обоих случаях спор оборвался, и раздраженный Мэтт оставался наедине с собой, пока Сыны Земли обсуждали первое пришедшее на ум и смотрели на Мэтта зрачками размером с булавочную головку.

После второго такого эпизода Гарри Кейн сообразил, что происходит, и приказал остальным утихомириться. Это мешает работать, сказал он.

— Уйди отсюда, — велел он Мэтту. — Если не хочешь помочь нам, то, по крайней мере, не слушай наши планы.

Если даже они окажутся негодными, риска будет меньше. Ты не сможешь воспользоваться информацией, чтобы за-получить благоволение Кастро.

— Ты неблагодарная скотина, — сказал Мэтт. — И я требую извинений.

— Хорошо, извини. И проваливай.

Туман вернулся, но теперь он нависал сверху, делая небо стальным, размывая краски парка, превращая бездну из нечеткой плоской равнины в купол вокруг Вселенной. Мэтт нашел каменную скамью, уселся и опустил голову на руки.

Его трясло. Массированная словесная атака способна сотворить с человеком такое: разбить самоуважение, посеять сомнения, которые останутся надолго или даже навсегда. Для этого разработано много методов вербального воздействия. Не позволяй жертве говорить долго, не давай завершить фразу. Надо прерывать друг друга, чтобы жертва не могла отслеживать логические цепочки и находить в них изъяны. Жертва забудет свои возражения, потому что ей не дадут облечь их в слова. Единственной защитой будет уход. Если же вы и этого не допустите, а сами выгоните ее...

Постепенно его растерянность уступила место какому-то болезненному сгустившемуся гневу. Неблагодарные!.. Он дважды спас их никчемные жизни, и где признательность? Что ж, он в них не нуждается. И никогда не нуждался.

Мэтт знает теперь, кто он. По крайней мере, Худ раскрыл ему хотя бы это. Знает — и может воспользоваться.

Он станет первым неуловимым вором на планете. Если Реализация не позволит ему вернуться к карьере горняка, он займется грабежом. Он может проникать на склады без отмычек, при свете дня. Незамеченным проходить по охраняемым мостам и орудовать на Гамме, а его будут искать по всей Эте. Эта... а что, хорошее местечко для краж, если не получится вернуться к прежней жизни. В этом месте отдыха и азартных игр для экипажа время от времени должно скапливаться до половины капиталов Плато.

Ему предстоит немалый путь до моста Альфа-Бета, а потом еще более дальний. Неплохо бы обзавестись транспортом. Поделом Сынам Земли, если Мэтт уведет их ма-

шину, — но надо подождать до полуночи. Обязательно ли ждать?

Грезы уводили его все дальше и дальше. Он перестал дрожать и больше не злился. Все же он понимал, что двигает нападавшей на него четверкой, — хоть и не видел в этом справедливости. Лейни, Худ, Гарри Кейн, Лидия — ведь они все фанатики. Кто еще способен посвятить жизнь безнадежной революции? А у фанатика лишь одна мораль: делай все, на что способен, для победы твоей идеи, и не важно, кто от этого пострадает.

Он все еще не решил, куда направится. Но точно знал: к Сынам Земли это не будет иметь отношения. Впереди куча времени для принятия других решений.

С севера подул легкий, но холодный ветер. Туман постепенно сгущался.

Сейчас бы под крышу, к электрокамину...

Но не в компанию враждебно настроенных людей. Он сидел, горбясь на ветру.

...Какого черта Худ решил, что Мэтт отпугивает женщин? Принял его за чокнутого? Или за дебила? Нет, Худ не использовал таких слов. Тогда почему?

Лейни тогда не испугалась.

Воспоминание согрело. Мэтт наверняка потерял ее, их пути разошлись, и однажды она попадет в банк. Но была ночь пятницы, и она останется навсегда...

...Глаза Полли. Ее зрачки сужались, это точно. Как и глаза охранника у ворот, как и глаза Гарри, Худа и Лейни, когда Мэтт уставал от словесных атак. Почему?

Мэтт думал, покусывая нижнюю губу.

А если он и отпугнул Полли (не важно почему), виновата в этом не она.

Но Лейни осталась.

Мэтт порывисто встал со скамьи. Эти люди должны ему объяснить. У него есть способ добиться от них правды, и они еще не знают, что он решил с ними порвать.

Он повернулся к дому и увидел авиамобили — три штуки. Они летели в сером небе, то исчезая в тумане, то появляясь. Они снижались.

Мэтт стоял совершенно неподвижно. Он не был уверен, что полицейские решили приземлиться именно здесь, хотя силуэты машин увеличивались с каждой секундой. Вот уже автомобили над его головой, они точно садятся — а он все стоит. Все равно бежать уже поздно, и он знает, что его способна защитить лишь «удача Мэтта Келлера». Это должно сработать. Он явно напуган.

Одна машина очутилась совсем рядом. Мэтт действительно невидим!

Из машины высадился высокий худой человек, напоследок проведя рукой по приборной панели. Автомобиль поднялся и пристроился на крыше дома. Сели и остальные. Это была Реализация. Еще один человек вышел и приблизился к высокому штатскому. Они коротко переговорили. Голос у высокого был тонкий, почти писклявый, с акцентом экипажа. Он поблагодарил полицейского за сопровождение. Полицейский вернулся в свою машину, и два автомобиля Реализации поднялись в туман.

Высокий вздохнул и позволил себе расслабить спину. Мэтта отпустил страх. Этот экипажник не опасен: он стар и изможден. Но каким дураком выставил себя Гарри Кейн, уверявший, что никто не появится!

Человек пошел к дому. Несмотря на усталость, он шагал твердо, как полицейский на параде. Мэтт тихо ругнулся и двинулся следом.

Увидев гостиную, старик поймет, что кто-то там побывал. Он поднимет тревогу, если Мэтт не помешает.

Старик открыл большую деревянную дверь и вошел. Мэтт двигался вплотную за ним.

Он увидел, как старик напрягся.

Экипажник не попытался закричать. Если и имел телефон, то не потянулся за ним. Крутя головой, он тщательно осмотрел гостиную, не упустив из вида и пустые стаканы, и кувшин, и пылающий фальшивый огонь. Когда Мэтт видел профиль старика, тот казался задумчивым. Не испуганным, не рассерженным — задумчивым.

И вдруг старик улыбнулся — улыбкой шахматиста, увидевшего близкую победу — или поражение, если против-

ник подстроил хитрую ловушку. Старик улыбался, но мускулы его лица были напряжены под сморщенной, обвислой кожей, а руки сжались в кулаки. Прислушиваясь, он склонил голову набок.

Затем резко повернулся на месте и оказался лицом к лицу с Мэттом.

— Чему вы радуетесь? — спросил Мэтт.

Экипажник похлопал ресницами: его растерянность не продлилась и секунды.. Потом тихо спросил:

— Ты из Сынов Земли?

Мэтт помотал головой.

Испуг! Но почему?

— Не делайте резких движений, — сказал Мэтт.

За неимением другого оружия он намотал на кулак цепь от наручников. Старик расслабился. И трое таких, как он, не справились бы с Мэттом.

— Хочу вас обыскать, — сказал Мэтт. — Поднимите руки.

Он зашел за спину старику и провел ладонями по многочисленным карманам. Обнаружил несколько крупных вещей, но не телефон.

Мэтт отошел, раздумывая, как поступить. Он никогда никого не обыскивал; может, у этого человека припасены трюки, чтобы обмануть его.

— А зачем вам Сыны Земли?

— Это я им скажу, когда увижу. — Певучий баритон был разборчив, хотя Мэтт нипочем бы не смог имитировать этот выговор.

— Так не пойдет.

— Случилось нечто чрезвычайно важное. — Старик говорил таким тоном, будто принял трудное решение. — Я хочу рассказать им о грузе рамробота.

— Хорошо. Идите впереди меня. Сюда.

Они прошли в столовую.

Когда дверь внезапно открылась, Мэтт чуть не вскрикнул. Сначала из-за дивана высунулась голова Лидии Хэнкок, а потом пистолет. Она мгновенно определила, что человек впереди — не Мэтт, и выстрелила.

Мэтт подхватил падающего старика.

— Глупо, — сказал он. — Он хотел с вами поговорить.

— Сможет поговорить, когда очухается, — ответила Лидия.

Осторожно вошел Гарри Кейн, тоже с пистолетом в руке:

— Он один?

— Один. С ним был полицейский эскорт, но улетел. Советую обыскать, — может, у него рация.

— Демоны Тумана! Это Миллард Парлетт!

— Ух ты! — Мэтт знал это имя. — Похоже, он в самом деле хотел с вами встретиться. Поняв, что здесь кто-то есть, стал осторожен. Запаниковал только после того, как я заявил, что не являюсь одним из вас. Он сказал, что намерен поговорить насчет рамробота.

Гарри Кейн хмыкнул:

— Он еще несколько часов не проснется. Лидия, будешь охранять. Я пойду в душ, потом сменю тебя.

Кейн поднялся по лестницам. Лидия и Худ перенесли Милларда Парлетта в прихожую и усадили у стены. Старик весь обмяк, точно снятая с руки кукла-перчатка.

— Душ — это замечательно, — сказала Лейни.

Мэтт заявил:

— Могу я сначала поговорить с тобой? И с Худом тоже.

В сопровождении Худа они вернулись в гостиную. Худ и Лейни расположились перед очагом, но Мэтту беспокойство не давало сидеть.

— Худ, я должен знать, почему ты решил, будто я отгоняю женщин с помощью пси-силы?

— Вспомни: эту идею первой высказала Лейни. Но аргументы выглядят веско. Сомневаешься ли ты, что Полли ушла, потому что ты сузил ее зрачки?

Разумеется, он сомневался. Но подкрепить сомнения ничем не мог. И выжидающе посмотрел на Лейни.

— Мэтт, это так важно?

— Угу.

— Помнишь, что как раз перед рейдом полиции ты спросил у меня, все ли так же нервничают, как ты?

— Ммм... Да, я вспомнил. Ты ответила: «Не настолько. Думаю, в первый раз каждый немного боится»».

— О чем это вы?

— Джей, помнишь ли ты свой первый... ммм... Помнишь ли ты, как лишился девственности?

Худ откинул голову и расхохотался:

— Что за вопрос, Лейни! Первый раз никто не забывает! Это было...

— Правильно. Ты нервничал?

Худ взял себя в руки:

— В какой-то момент. Я многого не знал, боялся выставить себя дураком.

— Готова спорить, — кивнула Лейни, — все в первый раз волнуются. Включая и тебя, Мэтт. Ты вдруг осознаешь: вот оно! — и весь напрягаешься. И глаза у твоей девушки становятся странными.

Мэтт выругался. Именно этого ему и не хотелось услышать.

— Но как же насчет нас? Лейни, почему я не защищался от тебя?

— Не знаю.

— А какая разница? — бросил Худ. — Все равно ты не намерен этим пользоваться.

— Я должен знать!

Худ пожал плечами и встал, глядя на огонь.

— Ты был изрядно навеселе, — сказала Лейни. — Могло ли это как-то сказаться?

Мэтт только руками развел.

Лейни не понимала, почему это так важно, но старалась помочь.

— Может, дело в том, что я старше тебя. Может, ты решил, что я лучше знаю, как надо.

— Я ничего не решал. Я был слишком пьян. И расстроен.

Она беспокойно повернулась, мятое вечернее платье обвилось вокруг ног.

— Мэтт! Я вспомнила! Там было совершенно темно!

Мэтт закрыл глаза. Да, так и было. Он впотьмах налетел на кровать; пришлось зажечь свет, чтобы разглядеть Лейни.

— Вот оно. Я даже не понимал, что происходит, пока дверь не закрылась. Хорошо-о-о! — Он выпустил из легких весь воздух с одним этим словом.

— Ну что, — сказал Худ, — ты с нами закончил?

— Ага.

Худ ушел, не обернувшись. Лейни уже направилась к двери. Мэтт выглядел полумертвым, словно полностью истратил запас энергии.

Лейни тронула его за руку:

— Что стряслось, Мэтт?

— Я прогнал ее! То была не ее вина!

— Ты о Полли? — Она ухмыльнулась. — А почему это тебя беспокоит? Ты заполучил меня в ту же ночь!

— Ох, Лейни, Лейни... Может быть, она уже в банке органов! Или на... «лечении в гробу», чтобы это ни означало.

— Это не твоя вина. Если бы ты нашел ее в виварии...

— Не моя вина, что я был доволен? Она выкинула меня, как больного домоуборщика, а час спустя ее забрала Реализация! И когда я об этом узнал, я был доволен! Я был отомщен!

Он держал Лейни за плечи, сжимая их почти до боли.

— Это была не твоя вина, — повторила она. — Ты бы спас ее, если бы смог.

— Конечно.

Но Мэтт не слушал.

— Я должен пойти за ней, — пробормотал он, произнося слова вслух, словно пробуя их на вкус. — Да. Я должен пойти за ней.

Отпустив к Лейни, он двинулся к выходу.

Глава 9 ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

— Стой, идиот!

Мэтт остановился на полпути к дверям:

— Чего? Вы же сами этого хотели?

— Вернись! — потребовал Худ. — Как ты собираешься проникнуть на территорию? Не будешь же опять стучать в ворота!

Мэтт вернулся. Бешенство мешало ему думать.

— Кастро к этому готов. Может, он и не понял, что произошло вчера ночью, он обязан сообразить: тут что-то не так. Нельзя недооценивать этого человека, Мэтт. Надо все как следует обдумать.

— Как же перебраться через стену? Проклятие!

— Ты устал. Подождем, пока Гарри спустится? Тогда займемся делами организованно.

— Э, нет. Это не имеет никакого отношения к Сынам Земли. Я не приму от них помощи.

— А как насчет меня? — спросила Лейни. — Мою помощь ты примешь?

— Конечно.

Она решила не спрашивать, где тут логика.

— Давай по порядку. Как ты намерен добраться до Госпиталя?

— Да. Пешком — слишком далеко. Ммм... Машина Парлетта. Она на крыше.

— Но если Кастро захватит ее, автопилот приведет его сюда.

— Тогда я подожду до полуночи, чтобы взять другую машину.

— Возможно, это единственный вариант.

Лейни не устала; в виварии она отоспалась за несколько дней. Но казалась себе простыней, созревшей для стирки. Горячая ванна помогла бы. Лейни выкинула эту мысль из головы.

— Может, слетаем к другому дому экипажа и там возьмем машину. Потом настроим автопилот, чтобы он вернул машину Парлетта сюда.

— На это понадобится время.

— Без машины не обойтись. И заката дожидаться необходимо, прежде чем начинать.

— Зачем нам закат?

— Темнота поможет. Представь, что туман вдруг рассеется, когда мы будем над бездной?

Все люди Плато — и колонисты, и экипаж — любили наблюдать, как солнце опускается в туман бездны. Сочетание закатных красок никогда не повторялась. Земельные

участки вдоль обрыва всегда стоили втрое больше, чем в других местах.

— И вдруг окажется, что на нас глядит тысяча экипажников. Может, это плохая идея — использовать бездну. Кастро мог бы об этом подумать. Пока держится туман, мы будем в безопасности. Но нам в любом случае придется дожидаться темноты.

Мэтт встал и размял мышцы, словно завязавшиеся в узлы.

— Ну хорошо. И вот мы добрались до Госпиталя. Как войдем? Лейни, что такое электроглаз?

Она объяснила.

— Так-так... И я не видел луча... Конечно, он ультрафиолетовый или инфракрасный. Наверное, я смогу через него перебраться.

— Мы.

— Но ты не невидима, Лейни.

— Невидима, когда рядом с тобой.

— Нет!

— Все равно я должна отправиться с тобой. Ты не умеешь программировать автопилот.

Мэтт стал рассказывать по комнате.

— Пока оставим это. Как перебраться через стену?

— Я не... — сказала Лейни и осеклась. — Впрочем, есть способ. Предоставь это мне.

— Расскажи.

— Не могу.

Холодный бриз превратился в ветер, его шум проникал сквозь стены. Лейни поежилась, хотя электрокамин исправно согревал помещение. Туман за южными окнами становился темнее.

— Нам понадобится оружие, — сказала она.

— Я не хочу брать ваше. У вас только два трофейных пистолета.

— Мэтт, я знаю об экипажниках больше тебя. Все они занимаются разными видами спорта.

— И что?

— Некоторые охотятся. Много лет назад Земля прислала нам замороженные оплодотворенные яйцеклетки ка-

рибу¹ и других оленей. В Госпитале их пробудили, вырастили взрослые особи и расселили у нижнего края ледника, к северу отсюда. Там достаточно травы, чтобы им жилось привольно.

— Значит, тут могут быть ружья?

— Чем богаче экипажник, тем больше покупает спортивного инвентаря. Даже если потом никогда не использует.

Стойка с полудюжиной пневматических винтовок нашла на верхнем этаже, в комнате, увешанной изображениями диких животных и головами и копытами оленей. Комнату тщательно обыскали, и Лейни обнаружила ящик с несколькими коробками кристаллических иголок длиной два дюйма.

— Похоже, такая винтовка и брандашмыга остановит, — сказал Мэтт.

Он видел брандашмыгов только в фильмах, присланных мазерной связью с Джинкса, но знал, что они огромны.

— Запросто уложит и лося. Но они однозарядные — стрелок должен быть метким.

— Чтобы все было по-спортивному?

— Наверное.

Милосердные пистолеты Реализации стреляли иглами. От одной иглы жертва становилось вялой; чтобы свалить, требовалось полдюжины попаданий.

Мэтт закрыл коробку с милосердными иглами и положил в карман.

— Нарваться на такую штуку — все равно что на шило для колки льда, даже без оглушающего действия. Не убьют ли они человека?

— Не имею представления, — сказала Лейни, сняв два ружья со стойки. — Мы возьмем эти.

— Джей!

Худ остановился на полпути в гостиную и вернулся в прихожую.

Лидия Хэнкок склонилась над Миллардом Парлеттом. Она уложила его дряблые руки на коленях.

¹ *Карибу* — американское название дикого северного оленя

— Иди сюда, посмотри.

Худ глянул на оглушенного экипажника. Миллард Парлетт начинал приходить в себя. Его глаза не следили за окружающим и не фокусировались, но были открыты. Тут Худ увидел еще кое-что и пригнулся, чтобы рассмотреть получше.

Руки экипажника были неодинаковыми. Одна кисть сплошь в старческих пятнах. Она не могла быть такой же старой, как сам Парлетт, но он, несомненно, давно не менял кожу. От кончиков пальцев до локтя странным образом отсутствовала индивидуальность, то, что Худ назвал бы художественной согласованностью. Хотя отчасти это могло быть плодом воображения. Худ не сомневался, что Парлетт пользовался банком органов на протяжении всей своей жизни. Но и без всякого воображения бросалось в глаза, что левая рука сухая, пятнистая, огрубевшая, с трескающимися ногтями и отстающей кожей под ними.

При этом кожа на правой руке была как у младенца: гладкая, розовая, незагоревшая, почти полупрозрачная. Ногти были безупречны, такими не каждый старшекласник похвастается.

— Старый ребеночек только что сделал трансплантацию, — сказал Худ.

— Нет. Посмотри, — указала Лидия.

Все запястье Парлетта охватывала неровная полоса шириной менее дюйма. Она была мертвенно-белой; такого оттенка человеческой кожи Худ никогда не видел.

— И тут тоже.

Похожее кольцо окружало первый сустав большого пальца. Ноготь на нем был потрескавшийся, высохший и вросший в кожу.

— И правда интересно. Но что это? Искусственная рука?

— А внутри пистолет? Или рация?

— Если рация, они все уже бы накинулись на нас.

Худ взял правую руку Парлетта и прощупал суставы. Под детской кожей он обнаружил старые кости и мышцы, суставы с развивающимся артритом.

— Это настоящая человеческая рука. Но почему он не заменил ее целиком?

— Надо послушать, что он скажет.

Худ поднялся. Он был чистым, отдохнувшим и сытым. Если необходимо дожидаться, когда Парлетт заговорит, то они выбрали самое лучшее место для ожидания.

— Как дела у Лейни с Келлером? — спросила Лидия.

— Не знаю. И не интересуюсь.

— Это, должно быть, непросто, Джей. — Лидия разразилась лающим смехом. — Ты полжизни провел на Плато в поисках психических способностей. И вот наконец нашелся один обладатель, но он не хочет играть в нашей команде.

— Я скажу тебе, что меня по-настоящему раздражает в истории с Мэттом Келлером. Я вырос вместе с ним. В школе никогда его не замечал, разве что один раз, когда он довел меня до бешенства. — Джей с задумчивым видом потер грудь двумя пальцами. — Он все время был у меня под носом. Но ведь я прав! Пси-силы существуют, и мы можем применить их против Госпиталя.

— Можем?

— Лейни умеет убеждать. Если она не уговорит его, то у меня это точно не получится.

— Ты не настолько красив.

— Однако красивее тебя.

Лающий хохот раздался снова.

— Туше!

— Я знала это, — сказала Лейни. — Она должна была находиться в подвале.

Две стены были увешаны небольшими разнообразными инструментами. На столах лежали электродрель и цепная пила, стояли ящики с гвоздями, винтами, гайками...

— Парлетт-младший, должно быть, сконструировал много вещей, — заметил Мэтт.

— Необязательно. Возможно, это просто развлечение. Ага, нашла. Мэтт, клади сюда руки.

Через двадцать минут он потирал освободившиеся запястья, яростно расчесывая их там, где раньше не мог. Без наручников руки, казалось, стали легче на десять фунтов.

Ожидание лежало на Хесусе Пьетро тяжелым грузом.

Рабочее время давно закончилось. Из окон своего кабинета он видел лес с ловушками — нечто темное и размытое на фоне меркнувшего серого тумана. Он позвонил Наде и сказал, чтобы не ждала его вечером. Дежурство в Госпитале несла ночная смена, усиленная по приказу Хесуса Пьетро несколькими взводами охранников.

Надо подготовить их к тому, чего ожидает он сам. Хесус Пьетро придумывал, что им сказать.

Не хотелось огоршить их известием, что все пятеро арестантов находятся на свободе, где-то на Плато Альфа. О побеге охранники уже слышали, а зачисткой занимаются поисковые отряды.

Хесус Пьетро включил интерком:

— Мисс Люссен, соедините меня со всеми интеркомами Госпиталя.

— Будет сделано.

Она не всегда говорила ему «сэр». Мисс Люссен была почти чистокровной экипажницей — более чистокровной, чем сам Хесус Пьетро, — и имела могущественных покровителей. На его счастье, она была приятной личностью и превосходным работником. Если с ней когда-либо возникнут дисциплинарные проблемы...

— Вас слушают, сэр.

— Говорит шеф Реализации, — сказал Хесус Пьетро. — Все вы осведомлены о человеке, который проник вчера в Госпиталь и был пойман. Сегодня утром он и несколько других сбежали. Я располагаю информацией, что он изучал системы защиты Госпиталя, чтобы подготовить атаку, которая произойдет этой ночью. До рассвета Сыны Земли почти наверняка нападут на Госпиталь. Вы все получили карты Госпиталя, на которых отмечено местонахождение установленных сегодня устройств автоматической обороны. Выучите их наизусть и не попадитесь в ловушки сами. Я приказал зарядить эти устройства максимальными дозами анестетика, а они способны убить. Повторяю: они смертельно опасны. Маловероятно, что мятежники пойдут в лобовую атаку.

Маловероятно, подумать только! Хесус Пьетро улыбнулся такой недооценке.

— Вы должны быть готовы к попыткам проникновения в Госпиталь, возможно, с использованием нашей формы. Держите ваши удостоверения наготове. Если увидите кого-то незнакомого, попросите удостоверение. Сравните человека с фотографией. У мятежников нет времени на подделку документов. И последнее. Не колеблясь, стреляйте друг в друга.

Он отключился, подождал, пока мисс Люссен освобождает связь, и попросил ее соединить его с отделом энергетики.

— Отключите все электричество в колониистских районах Плато до рассвета, — велел он им.

Работники энергетики гордились своим делом. А их делом было поддержание бесперебойного поступления энергии. Раздались громкие протесты.

— Выполняйте приказ, — сказал Хесус Пьетро и отсоединил их.

Ему опять захотелось выдать своим людям смертоносные стрелы. Но тогда они будут бояться стрелять друг в друга. Что еще хуже, они будут бояться собственного оружия. С того дня, как было подписано Соглашение о высадке, Реализация не применяла смертельное оружие. И вообще, ядовитые иглы хранились так долго, что, вероятно, потеряли свою эффективность.

Этой ночью он послал в ад все традиции; если ничего не случится, то и цену придется заплатить адскую. Но Хесус Пьетро в буквальном смысле нутром чуял: что-то случится. И дело даже не в последнем шансе для мятежников вызволить своих из вивария.

Черное небо от черной земли отделяла едва заметная красная полоска. Постепенно она потускнела, и вдруг снаружи включились огни Госпиталя, превратив ночь в белизну. Кто-то доставил Хесусу Пьетро обед, который он поспешно съел, и, когда уносили поднос, оставил кофейник.

— Давай вниз, — сказала Лейни.

Мэтт кивнул и нажал на рукоятки пропеллеров. Они опускались к жилищу средних размеров, которое на первый взгляд выглядело как большой плоский стог. В стогу имелись окна и с одной стороны платформа вроде веранды. За ней находился плавательный бассейн необычных очертаний. Светились окна, а бассейн прямо-таки горел: вода была подсвечена. На крыше отсутствовала посадочная площадка, но на заднем дворе стояли две машины.

— Сам я выбрал бы пустой дом, — отметил Мэтт без всякого укора.

Несколько часов назад он решил, что Лейни — настоящий профессиональный революционер.

— И что? Даже если бы ты нашел машину, где бы взял ключи? Я выбрала этот, потому что большинство людей будет у бассейна, на виду. Вон, смотри? Зависни, и я посчитаю, сколько смогу уложить.

Они летели на восток над бездной, вслепую в тумане, стараясь держаться подальше от обрыва, чтобы не тревожить людей шумом пропеллеров. Наконец, в нескольких милях от особняка Парлетта, повернули к суше. Мэтт управлял машиной, а рядом на сиденье лежало ружье. Он никогда не обладал предметом, обладающим такой силой. Это давало ему теплое чувство безопасности.

Лейни сидела сзади, оттуда она могла стрелять через оба окна. Мэтт не считал людей вокруг плавательного бассейна. Но у ружей были оптические прицелы.

Послышались хлопки, словно лопались воздушные шарик.

— Раз, — сказала Лейни. — Два. Хоп, еще один... Три, вроде все. Хорошо, Мэтт, быстро опускайся. Ой-ой! Не так быстро!

— Так мне садиться или нет?

Но она уже выскочила и побежала к дому. Мэтт поспешил за ней. Бассейн исходил паром, словно огромная ванна. Мэтт увидел около бассейна двух лежащих экипажников и третьего у стеклянных дверей дома и покраснел, потому что они были голыми. Никто ему не рассказывал,

что экипаж устраивает вечеринки с купанием голышом. Потом он заметил струйку крови около шеи женщины и перестал смущаться. Тут не до одежды.

Со стороны бассейна дом все еще выглядел как стог, но сквозь зелено-желтые бока проглядывали твердые конструкции. Внутри он радикально отличался от дома Джоффри Юстаса Парлетта; все стены кривые, а ложный конический очаг занимал центральное место в гостиной. Но налет роскоши был тем же.

Мэтт услышал еще один «хлопок шарика» и побежал.

Когда он огибал дверной косяк, снова хлопнуло. За полированным столом стоял мужчина, набирая номер телефона. Мэтт успел его разглядеть: мускулистый экипажник средних лет, из одежды — только капли воды, на лице — выражение крайнего ужаса. Он смотрел прямо на Лейни, прижав ладонь к кровавому пятну на ребрах. К тому моменту, как он упал, ужас стерся, но Мэтт запомнил эту мину. Ничего хорошего, когда на тебя охотятся, но когда охотятся на тебя голого — вообще кошмар. Нагота всегда была синонимом незащищенности.

— Проверь наверху, — сказала Лейни, перезаряжая ружье. — Надо найти, где они раздевались. Поищи в карманах ключи. Побейстрой — нельзя тут задерживаться.

Через несколько минут он вернулся со связкой ключей, болтающейся на пальце.

— Взял в спальне, — сказал он.

— Хорошо. Выкинь их.

— Это шутка?

— Я нашла эти. — У нее тоже было кольцо с ключами. — Пошевели мозгами. Одежда наверху должна принадлежать хозяину дома. Если возьмем его машину, Реализация отследит ее маршрут до этого места. Может, это и не важно; не представляю, как она отследит наш путь отсюда до дома Парлетта. Но если возьмем машину гостя, то вообще не дадим полиции ниточки.

Они вернулись к бассейну за машиной Парлетта. Лейни открыла приборную панель и стала копаться внутри.

— Не решилась отправить ее назад, — пробормотала она. — Гарри придется пользоваться другой. А эту... за-

программировала, чтобы поднялась на десять миль и вечно летела на юг. Ладно. Мэтт, пошли.

Нашелся ключ, подошедший к одной из машин на крыше. Мэтт повел ее на северо-восток, прямо к Госпиталю.

У земли туман был не слишком густым, но на высоте творился поистине первозданный хаос. Мэтт и Лейни летели около часа, пока слева не показалось зыбкое желтое пятно.

— Госпиталь, — сказала Лейни.

Они повернули.

Мутное желтое пятно слева... и вдруг кругом белые огни, возникающие и разгорающиеся вокруг них.

Мэтт немедленно повел машину вниз.

Они резко врезались в воду. Пока машину болтало на поверхности, выбрались в противоположные двери. Мэтт вынырнул, задыхаясь от холода. Пропеллеры засыпали его брызгами, он поспешил отплыть подальше. Панически кричали утки. Вокруг опускались белые огни.

— Где мы? — спросил Мэтт.

— В парке Парлетта, полагаю.

Мэтт встал, по пояс в воде, высоко держа ружье. Машина пересекла утиный пруд, задержалась у края и затем двигалась дальше, пока не уперлась в изгородь. От навешенных на пруд авиамобильных прожекторов туман стал желтовато-серым.

Его вдруг поразила мысль.

— Лейни, ружье при тебе?

— Угу.

— Проверь его.

Раздалось шипение.

— Хорошо, — кивнул Мэтт и отшвырнул свою винтовку подальше.

Было слышно, как она шлепнулась в воду.

Вокруг продолжали опускаться авиамобильные фары. Мэтт поплыл на звук выстрела Лейни и вскоре наткнулся на нее.

Взяв ее за руку, прошептал:

— Держись рядом.

Они побрели к берегу. Мэтт чувствовал, как Лейни дрожит. Вода была холодной, но, когда они поднялись, ветер оказался еще холодней.

— Что случилось с твоим ружьем?

— Выбросил, ведь пища для моей пси-силы — страх, а я не могу бояться с ружьем в руках.

Они вышли на траву. Белые огни были повсюду вокруг, слегка размытые поднимающимся туманом. Другие парили над головой; прожекторы заливали парк однородным сиянием. На его фоне люди казались скользкими черными пятнами. Позади них на воду опустилась машина, мягко, как палый лист.

— Соедините меня с шефом, — сказал майор Чин.

Он свободно откинулся на заднем сиденье авиамобиля, который висел над маленьким утиным прудом в парке Парлетта, поддерживаемый над водой воздушной подушкой. В таком положении он был практически неуязвим для нападения.

— Сэр?.. Мы нашли угнанную машину... Да, сэр, она должна быть угнанной; приземлилась в ту же секунду, как мы поднялись для проверки. Свалилась, как сорвавшийся лифт... Она летела прямо к Госпиталю. Кажется, мы в двух милях к юго-западу от вас. Похоже, они выскочили из машины, как только посадили ее на утиный пруд.... Да, сэр, очень профессионально. Машина наехала на изгородь, пытаясь на автопилоте пробить себе дорогу, и застряла... Номер В-R-G-Y... Нет, сэр, внутри никого, но мы окружили территорию. Они не пролезут... Нет, сэр, пока их никто не видел. Они могут быть среди деревьев. Но мы их выкурим. — На гладком круглом лице появилось удивленное выражение. — Да, сэр, — сказал он и отключился.

Надо было отдавать новые приказы через портативный телефон. Кругом повсюду горели огни полицейских машин. Процедура была отработана давно; когда что-нибудь обнаружится, поступит звонок.

Но что означает последняя фраза шефа?

«Не удивляйтесь, если никого не найдете».

У майора сузились глаза. Машина на автопилоте — ложная цель? Но что это даст злоумышленникам?

Над ним пролетает другой авиамобиль. Он пуст — отвлекает полицейских, пока злоумышленники пробираются к своей цели.

Он взялся за телефон:

— Карсон, слышишь меня? Подними свою машину. На тысячу футов. Выключи фары, зависни и пошарь инфракрасным прожектором. Оставайся там, пока мы не прекратим поиски.

Некоторое время спустя он понял, что ошибся.

— Вызываю майора Чина, — сказал Дохени, зависнув в сотне футов над парком Парлетта. Его голос дрожал от сдерживаемого охотничьего азарта. — Сэр? Я обнаружил инфракрасное пятно, прямо сейчас покидающее пруд... Могут быть двое; туман мешает наблюдению... Западный берег. Они уже снаружи, направляются туда, где все наши люди... Вы не замечаете? Они там; готов поклясться... Хорошо-хорошо, но если их там нет, значит что-то с моим инфравизором... Сэр? Да, сэр.

Раздраженный, но подчинившийся Дохени откинулся на сиденье. Он наблюдал, как тусклое красное пятно слилось с более крупным, от авиамобильного мотора. Если так, то все, подумал он; выходит, это полицейские.

Тут он увидел, как более крупный источник инфракрасного излучения начал удаляться, оставив позади второй, меньший, чем авиамобиль, но явно превосходящий размерами одного человека. Это насторожило Дохени, и он перебрался для проверки к окну. Действительно, пятно там, и...

Дохени потерял к нему интерес и вернулся к инфравизору. Источник, напоминавший очертаниями четырехлистный клевер, оставался на месте. Оттенок характерный, — похоже, это четверо людей, лежащих без сознания. Еще один источник величиной с человека отделился от пятна брошенной машины и двинулся к «клеверному листу». Через несколько секунд разверзся ад.

Задыхаясь, хрипя, спасая свою жизнь, они вырвались из парка Парлетта на широкую, хорошо освещенную сель-

скую дорогу. На бегу Мэтт держал Лейни за запястье, не позволяя забыть о нем и потеряться. Когда добрались до дороги, Лейни дернула его за руку:

- Хорошо... Теперь можем расслабиться.
- Далеко еще... до Госпиталя?
- Мили две.

Впереди в туман уходили белые огни машин Реализации, которые гнались за пустым авиамобилем. Дальний конец дороги был тронут желтоватым сиянием: огни Госпиталя.

Дорога была выложена прямоугольной плиткой из красных кирпичей, роскошно широкая, с высаженными посередине восхитительно-неровным рядом раскидистыми каштанами. Уличные фонари по сторонам освещали старые и очень разнообразные дома. Каштаны раскачивались и поскрипывали на ветру. Ветер сдувал туман, продолжавший редеть, в завитки и ручейки; он стальным холодом проникал сквозь мокрую одежду и впивался в плоть и кость.

- Надо бы раздобыть одежду, — сказал Мэтт.
- Встретим кого-нибудь наверняка. Еще только девять вечера.
- Как это экипажники умудряются плавать в такую погоду?
- Бассейны с подогревом, да и сауна рядом. Я бы и сама от такого не отказалась.
- Надо было взять ту машину.
- Твоя пси-сила не укрыла бы нас. Ночью никто не разглядит твое лицо в окне машины. Полицейские просто увидят краденую машину и обработают ее парализаторами, чем они, скорее всего, и занимаются сейчас.
- А почему ты настояла, чтобы мы раздели полицейского? И почему выкинула его форму?
- Ради Демонов Тумана, Мэтт! Ты будешь мне доверять?
- Извини. Но любой из нас мог бы надеть китель.
- Теперь ищут одного человека в форме реализатора. Эй! Быстро вперед!

В отдалении, через несколько домов, появился квадрат света. Мэтт обогнал Лейни и согнулся, положив руки на колени, чтобы она могла стрелять, оперев винтовку на его плечо.

С четырьмя полицейскими в парке Парлетта это сработало. Получилось и теперь. В свете появилась пара экипажников. Мэтт и Лейни повернулись и помахали хозяевам, потом зашагали по ступенькам, пригибаясь от ветра. Закрывшаяся дверь отрезала тех от света, оставив только тусклые тени. Дойдя до кирпичной дороги, экипажники оказались на пути двух охотничьих игл. Мэтт и Лейни раздели их и оставили привалившимися к садовой изгороди — до рассвета их вряд ли обнаружат.

— Спасибо Демонам Тумана, — сказал Мэтт, все еще дрожавший даже в сухой одежде.

Лейни уже обдумывала дальнейшие ходы.

— Будем держаться вблизи домов, сколько можно. У них сильное инфракрасное излучение, оно экранирует нас. Даже если нас увидят из машины, им придется опуститься и удостовериться, что мы не экипажники.

— Хорошо. А что будет, когда закончатся дома?

Лейни долго не отвечала, и он не торопил.

— Мэтт, — наконец произнесла она, — есть кое-что, о чем тебе следует знать.

Он терпеливо ждал.

— Когда переберемся через стену... если переберемся, я пойду в виварий. Можешь меня не сопровождать, но я обязана это сделать.

— Но ведь нас именно там и ждут!

— Возможно.

— Значит, лучше туда не идти. Давай сначала отыщем Полли. Постараемся как можно дольше не поднимать шума. Когда ваши Сыны Земли кинутся наружу... если до дела дойдет, сразу опустятся двери... — Взглянув на нее, Мэтт осекся.

Лейни смотрела прямо перед собой. Ее лицо было жестким, похожим на маску. Голос стал резким.

— Потому-то я говорю об этом сейчас. Я иду в виварий. Для того и прилетела. — Казалось, она хотела на этом

закончить, но поспешно продолжила: — Там Сыны Земли, а я одна из них. Дело не в том, что я нужна тебе, а в том, что я нужна им. С твоей помощью я проникну внутрь. Без нее — попробую справиться в одиночку.

— Я понял, — сказал Мэтт.

Он был готов продолжать, но спохватился. Сейчас нельзя раскрываться — в таком состоянии Лэйни способна нанести удар. Поэтому он сменил тему:

— А как насчет важной тайны Полли?

— Миллард Парлетт тоже ее знает. И он вроде не прочь поговорить об этом. А если не захочет, Лидия обязательно вытянет из него информацию.

— Значит, Полли вам больше не нужна.

— Совершенно верно. И если ты возомнил, что я здесь из любви к тебе, то забудь об этом. Не хочу быть грубой и жестокой, Мэтт; я всего лишь хочу, чтобы ты понял свое положение. Иначе будешь рассчитывать на меня, вместо того чтобы самостоятельно работать головой. Ты — транспортное средство, Мэтт. Мы нуждаемся друг в друге, чтобы пробраться в Госпиталь. Как только окажемся внутри, я направлюсь в виварий, а ты можешь делать что угодно, чтобы остаться в живых.

Какое-то время они шли молча, рука об руку: прогулка пары экипажников до дома, слишком близкого, чтобы брать машину. По пути встречались другие экипажники, но они шагали быстро, согнувшись против ветра, игнорируя и Мэтта с Лейни, и друг друга, спеша вернуться в тепло. Целая дюжина мужчин и женщин в разной степени опьянения, вплоть до едва стоящих на ногах, высыпала впереди на улицу, миновала четыре дома и стала ломиться в дверь. Мэтт и Лейни наблюдали, как дверь открылась и гуляки хлынули в гостиную.

Мэтт вдруг остро ощутил одиночество. Он крепче сжал руку Лейни, и они пошли дальше.

Кирпичная дорожка повернула влево, и они зашагали по ней. По правую сторону домов не осталось, только деревья, высокие и мощные, скрывали Госпиталь из вида. По другую сторону должен был тянуться пустынный защитный периметр.

— Что теперь?

— Вперед, — сказала Лейни. — Считаю, нам стоит пройти по лесу с ловушками.

Она ожидала, что Мэтт заинтересуется причиной такого выбора, но он ничего не сказал.

— Сыны Земли десятилетиями планировали нападение на Госпиталь, — пояснила она. — Мы ждали подходящего момента, а он все не наступал. Разрабатывался и маршрут движения по краю леса. Он до того набит хитроумными устройствами, что охрана с этой стороны вряд ли на него смотрит.

— Что ты знаешь о защитных системах Госпиталя?

— Вчера ты наткнулся на большинство из них. Хорошо, что у тебя хватило ума не соваться в лес. Есть два кольца электроглаз. Стену ты видел; на ней повсюду ружья и прожекторы. Кастро, вероятно, теперь усилил ее охрану, и можно ручаться, что он перекрыл дорогу снабжения. Обычно ее оставляют открытой, но нетрудно замкнуть кольцо электроглаз и отключить питание ворот.

— А за стеной?

— Охрана. Мэтт, мы учитывали, что все эти люди плохо подготовлены. Госпиталь никогда не подвергался прямому нападению. Нас мало...

— Вот уж точно!

— Но мы будем иметь дело с охранниками, которые не верят в существование опасности для Госпиталя.

— А как насчет ловушек? Нам не обмануть машины.

— В Госпитале их практически нет — уж всяко раньше не было, но в чрезвычайной ситуации Кастро мог установить «сюрпризы». В транспортных кораблях может быть все, что угодно, — мы не занимались их содержимым. Но к кораблям приближаться не будем. А еще есть проклятые вибродвери.

Мэтт кивнул, быстро и зло дернув подбородком.

— Эти двери, черт бы их побрал... Нас должны были предупредить насчет них.

— Кто?

— Не важно. Погоди... Так. Это то самое место. Мы пройдем здесь.

— Лейни.

— Да? Над землей растяжки, ступай только по корням.

— Что произошло ночью в пятницу?

Лейни обернулась и всмотрелась в его лицо, стараясь понять, что он имел в виду.

— Мне показалось, что ты нуждался во мне, — сказала она.

Мэтт медленно кивнул:

— Тебе не показалось.

— Хорошо. Вот почему я с Сынами Земли. Они в основном мужчины. Иногда впадают в ужасную депрессию. Все время строят планы, никогда не сражаются по-настоящему, а если сражаются, не побеждают и непрестанно мучаются вопросом: не делают ли они именно то, чего хочет Реализация? Они даже хвастаться могут только друг перед другом, потому что не все колонисты на нашей стороне. А я могу время от времени сделать так, чтобы они почувствовали себя мужчинами.

— Кажется, у меня здорово поднялась самооценка.

— Тебе, братец, сейчас нужен хороший испуг. Просто продолжай бояться, и все будет в порядке. Мы пройдем вот здесь...

— У меня тут мысль возникла...

— Какая?

— Если бы мы сегодня остались здесь, не было бы всех этих проблем.

— Так ты идешь? И не забывай ступать по корням.

Глава 10

РУКА ПАРЛЕТТА

Тьма объяла бóльшую часть Горы Погляди-ка.

Экипаж об этом не подозревал. Огни Плато Альфа горели, не тускнея. Даже в домах вдоль утеса Альфа-Бета, откуда через все Плато Бета открывался вид на далекие скученные огоньки городов Гаммы и Йоты, этот вид сегодня был скрыт туманом; да и кому интересно, что эти огни потухли?

В колониистских областях царили страх и ярость, но Плато Альфа они затронуть не могли.

Реальной угрозы не существовало. На Гамме и Йоте не было больниц, где пациенты могли умереть в лишившихся света операционных. Авиамобили не потерпят аварии при отсутствии городских фонарей. Порча мяса в холодильниках мясных лавок не приведет к голоду при наличии посевов, стад, фруктовых и ореховых садов.

Но страх и ярость ощущались. Что случилось там, наверху, откуда исходит вся энергия? Или это шутка, или наказание, или эксперимент — намеренное действие Реализации?

Без света не попутешествуешь. Большинство людей осталось там, где их застигла тьма. Они устроились на ночлег; все равно для колониистов уже настало время сна. И они ждали, когда свет вернется.

С ними проблем не будет, думал Хесус Пьетро. Если сегодня ночью придет опасность, она придет не снизу.

Столь же бесспорно, что Сыны Земли нападут, даже если их всего лишь пятеро. Гарри Кейн не бросит большинство своих сторонников на верную смерть. Он сделает все, что в его силах, невзирая на риск.

А беглец майора Чина скрылся. Он был замечен в двух милях от Госпиталя, одетый в полицейскую форму. И поскольку он скрылся, поскольку он был один, поскольку его толком никто не разглядел, — это наверняка Мэтт Келлер.

Пять досье на пятерых беглецов. Гарри Кейн и Джей-хок Худ — старые друзья, самые опасные из Сынов Земли. Элейна Мэттсон, Лидия Хэнкок и Мэттью Келлер — за долгие часы после сегодняшнего побега Хесус Пьетро выучил их досье наизусть. Он узнал бы любого из этих людей за милю; он смог бы без запинки рассказать историю их жизни.

Самое тонкое досье у Мэтта Келлера: две с половиной куцы странички. Инженер-горняк... без семьи... несколько интрижек... никаких свидетельств, что он однажды присоединился к Сынам Земли.

Хесус Пьетро был встревожен. Сыны Земли, если им удастся пройти так далеко, сразу направятся в виварий, чтобы освободить единомышленников. Но если Мэттью Келлер действует сам по себе...

Если призрак на Плато Альфа — не мятежник, а существо со своими личными непредсказуемыми целями...

Хесус Пьетро был встревожен. Последний глоток кофе показался ему отвратительным на вкус, и он отпихнул чашку. С чувством облегчения отметил, что туман рассеивается. На его столе лежала стопка из пяти досье, еще одна папка — отдельно, а рядом пистолет с милосердными пулями.

Из-за огней Госпиталя небо отсвечивало жемчужно-серым. Стена нависала чудовищной массой, резкой черной тенью разрезая освещенное небо. Сверху доносились размеренные шаги.

Они прокрались сюда бок о бок, стараясь держаться так близко, чтобы загораживать друг друга. Широким прыжком пересекли барьеры электроглаз, первым Мэтт, за ним Лейни, — а Мэтт глядел на стену и желал, чтобы никто не увидел его спутницу. Пока это действовало.

— Мы можем пройти отсюда к воротам, — сказал Мэтт.

— Но если Кастро отключил электроэнергию, нам их не открыть. Нет, есть путь получше.

— Покажи.

— Давай рискнем и устроим небольшой ажиотаж... Вот оно.

— Что?

— Устройство для подрыва. Я не была уверена, что оно здесь.

— Для подрыва?

— Видишь ли, в Реализации полно чистокровных колонистов. Приходилось вести себя осторожно, контактируя с ними, и мы теряли хороших людей, заговоривших не с теми, но дело того стоило.

— Кто-то подложил для вас мину?

— Надеюсь. Среди реализаторов есть только двое Сынов Земли, и любой из них, а то и оба могут оказаться под-

ставными. — Лейни пошарила в больших карманах экипажного наряда, испачканного в грязи, и добавила: — Эта стерва не носила зажигалки. Мэтт?

— Сейчас... Держи.

Взяв зажигалку, она медленно произнесла:

— Если увидят свет, нам конец.

И склонилась над проводом. Мэтт нагнулся над ней, загораживая собой свет. Потом глянул вверх. Над полосой мглы появились два выступа, они двигались. Мэтт прошептал было: «Стоять!» Но было уже поздно — под ним вспыхнул желтый огонек.

Головы исчезли.

Лейни дернула его за руку:

— Бежим! Вдоль стены!

Он последовал за ней.

— Теперь ложись!

Мэтт плюхнулся на живот рядом с ней. Раздался оглушительный взрыв. Металлические осколки пели вокруг, с тихим звоном ударяясь о стену. Что-то оторвало кусочек уха Мэтта, и он хлопнул по ранке, словно это был осиный укус.

Он не успел даже выругаться. Лейни дернула его, и они побежали обратно. Со стены летели растерянные крики, и Мэтт увидел множество обращенных к ним с Лейни глаз. Затем все вокруг адски засияло.

— Сюда!

Лейни бросилась на колени, приложила его руку к своей лодыжке и полезла в дыру. Следуя за ней, Мэтт слышал, как милосердные пули разбиваются вокруг его пяток.

Снаружи дыра оказалась достаточно широка, чтобы ползти на четвереньках. Похоже, взрыв был направленным. Но стена была толстой, и под ней отверстие сузилось. Пробирались на животе, царапаясь о стенки. Здесь тоже было светло, даже слишком. У Мэтта заслезились глаза. На земле по другую сторону стены он увидел ряд воронок, и вонь кордита мешалась с запахом сырой земли.

— Мины, — сказал он с изумлением.

Нажимные мины, сдетонировавшие от взрыва, должны были прикончить спрыгнувшего со стены. И убить.

— Я польщен, — прошептал он сам себе.

— Заткнись! — гневно обернулась к нему Лейни, и в слепящем искусственном свете он увидел, как меняются ее глаза.

Потом она повернулась и побежала. Прежде чем Мэтт успел среагировать, Лейни оказалась вне досягаемости.

Вокруг раздался топот. Полицейские мчались к дыре в стене. Удивительно — никто не пытался задержать Лейни. Но вот Мэтт увидел, как один вдруг резко остановился, а потом рванул за ней.

На Мэтта полицейские не обращали ни малейшего внимания. Он был невидим, но потерял Лейни. Теперь она может полагаться только на ружье... И он не знает, как найти Полли.

Он стоял в растерянности.

Нахмурившись, Гарри Кейн рассматривал руки, не подходившие одна к другой. Он и раньше видел трансплантаты, но ни разу не встречал такого лоскутного человека, как Миллард Парлетт.

— Искусственная? — спросила Лидия.

— Нет. Но это и не обычная трансплантация.

— Пора бы ему прийти в себя.

— Я пришел в себя, — сказал Миллард Парлетт.

Гарри вздрогнул:

— Вы можете говорить?

— Да. — Голос Парлетта был похож на скрип двери. Его смягчала певучесть экипажного говора, но на внятности сказывалось воздействие парализатора. Он медленно, старательно произнес: — Можно стакан воды?

— Лидия, будь добра, принеси.

— Вот.

Приземистая бой-баба, поддерживая голову старика, понемногу вливала ему в рот воду. Гарри рассматривал этого человека. Его прислонили к стене гостиной, с тех пор он не сдвинулся и, вероятно, все еще не мог этого сделать, но мышцы лица, вначале вялые и податливые, теперь придали этому лицу выразительность.

— Благодарю, — сказал он окрепшим голосом. — Знаете, вам не стоило в меня стрелять.

- У вас есть что нам рассказать, мистер Парлетт?
- Вы Гарри Кейн. Да, у меня есть что рассказать. А потом я предложу вам сделку.
- Я готов к сделкам. Какого рода?
- Вы поймете, когда я закончу. Позвольте начать с груза недавнего рамробота. Вопрос в некоторой степени технический...
- Лидия, позови Джея.
- Лидия Хэнкок бесшумно вышла.
- Я хочу, чтобы технические вопросы выслушивал он, — объяснил Гарри. — Джей — наш гений.
- Джейхок Худ? Он тоже здесь?
- Вижу, вы о нас немало знаете.
- Я изучаю деятельность Сынов Земли дольше, чем вы живете на свете. У Джейхока Худа блестящий ум. Давайте подождем его.
- Изучали нас, значит. Но зачем?
- Постараюсь объяснить, Кейн. Но это займет время. Не казалась ли вам ситуация на Горе Погляди-ка искусственной, хрупкой?
- Пф! Вы бы так не считали, если бы пытались изменить ее столько же лет, сколько и я.
- Серьезно, Кейн. Наше общество целиком зависит от технологии. Измените технологию, и изменится общество. В особенности этика.
- Это смешно. Этика — всего лишь этика.
- Рука старика дернулась.
- Дайте договорить, Кейн.
- Гарри промолчал.
- Рассмотрим хлопковый джин, — сказал Миллард Парлетт. — Это изобретение сделало экономически выгодным выращивание в больших количествах хлопка на территории южных Соединенных Штатов, но не северных. Что привело к появлению большого количества рабов в одной части страны, в то время как в другой рабство исчезло. Результатом стала проблема расовой нетерпимости, просуществовавшая века. Рассмотрим средневековую броню. Этика рыцарства основывалась на том, что доспехи являются абсолютной защитой против любого противника, не защищенного подобным же образом. Длинный лук

и позднее порох покончили с рыцарством и обусловили появление новой этики.

Миллард Парлетт остановился, чтобы перевести дыхание. Через секунду продолжил:

— Рассмотрим войну как продолжение политики другими средствами. Знаете, вначале так и было. Потом появились отравляющие газы, атомная бомба, водородная бомба и перспектива создания водородно-кобальтовой бомбы. Каждое из этих изобретений делало войну все менее пригодной для навязывания своей воли, все более и более разрушительной, пока национализм сам по себе не стал слишком опасен, чтобы его терпеть, и Объединенные Нации Земли сделались более могущественными, чем любой другой альянс государств. Рассмотрим заселение Пояса. Чисто технологическое достижение, которое тем не менее создало богатейшее население в том регионе системы, где, безусловно, требовалась новая этика, где глупость автоматически влекла за собой смертный приговор.

Устав, старик снова сделал паузу.

— Я не историк, — сказал Гарри. — Но мораль есть мораль. То, что неэтично здесь и сейчас, неэтично везде и всегда.

— Кейн, вы ошибаетесь. Этично ли казнить человека за воровство?

— Разумеется.

— Знаете ли вы, что когда-то существовала тщательно разработанная наука о реабилитации преступников? Это была, естественно, ветвь психологии, но, пожалуй, самая мощная. К середине двадцать первого века почти две трети преступников в конце концов освобождались как исправившиеся.

— Но это глупо. К чему была вся эта возня, когда банки органов просто вопили о... А, я понял. Банков органов не было.

Старик наконец улыбнулся, показав идеальные новые зубы. Сверкающие зубы и пронизательные серые глаза: из-под морщинистой размякшей маски выглянул настоящий Миллард Парлетт.

Правда, зубы не могут быть его собственными, подумал Гарри. Ну и черт с ним.

— Продолжайте, — сказал он.

— Давным-давно я осознал, что этическая ситуация на Горе Погляди-ка крайне нестабильна. Она должна была измениться когда-нибудь, причем внезапно, даром что Земля постоянно бомбардирует нас новыми открытиями. Я решил подготовиться.

Кто-то спускался по лестнице бегом. В комнату ворвались Лидия и Худ. Гарри Кейн представил Худа Милларду Парлетту, словно они уже заключили союз. Худ понял намек и обменялся с Парлеттом официальным рукопожатием, внутренне морщась, поскольку рука Парлетта все еще ощущалась как нечто мертвое.

— Не отпускайте руку, — сказал Миллард Парлетт. — Изучите ее.

— Мы это уже сделали.

— Ваши выводы?

— Спросить вас самого.

— Судя по всему, Земля использует биоинженерию в медицинских целях. В капсуле рамробота было четыре подарка, вместе с подробной инструкцией по их хранению и использованию. Один из них — грибово-вирусный симбионт. Я окунул в него мизинец. Теперь эта штука заменяет мою кожу.

— Заменяет?.. Простите, — произнес Худ.

Парлетта трудно было не перебивать, он говорил раздражающе медленно.

— Именно. Сначала она растворяет эпидермис, оставляя только живые клетки под ним. Затем каким-то образом стимулирует ДНК внутри дермы. Вероятно, это делает вирусная составляющая. Может быть, вы знаете, что вирусы сами не размножаются; они принуждают своего хозяина производить новые вирусы, вставляя собственные репродуктивные цепочки в его клетки.

— У вас так может появиться постоянный гость, — сказал Худ.

— Нет. Вскоре вирус гибнет. Это бывает со всеми вирусами. Тогда грибок начинает голодать.

— Замечательно! Эта штука движется кольцом, оставляя за собой новую кожу! — Худ поразмыслил. — Земля

в этот раз устроила настоящий прорыв. Но что будет, когда симбионт достигнет ваших глаз?

— Не знаю. Но никаких особых инструкций не было. Я предложил себя в качестве подопытного, поскольку нуждался в новой коже. Предполагалось, что эта штука даже удаляет шрамы. Так и оказалось.

— Это огромное достижение, — сказал Гарри.

— Но вы не понимаете, почему оно настолько важно. Кейн, я показал вам работу симбионта, потому что рука здесь, при мне. Другие вещи заставили бы вас прыгать до потолка. — Парлетт свесил голову, давая отдохнуть шее. — Не знаю, какое животное дало рождение следующему подарку, но сейчас он похож на человеческую печень. В соответствующих условиях он и будет вести себя как человеческая печень.

Глаза Гарри расширились в изумлении, Лидия издала шипящий звук. А Миллард Парлетт добавил:

— Под соответствующими условиями подразумеваются, само собой, условия в человеческой печени. Земные органы не испытывались, поскольку они еще не выросли полностью. Можно ожидать некоторых затруднений ввиду отсутствия нервных связей...

— Келлер говорил правду. Маленькие сердца и печенки! — воскликнул Гарри. — Парлетт, а третий подарок заменяет человеческое сердце?

— Да. И почти все мышцы. Он реагирует на адреналин ускорением реакции, но опять-таки отсутствие нервных...

— Йо-хо! — Гарри Кейн пустился в пляс.

Он схватил Лидию Хэнкок и закружил ее. Худ наблюдал, глупо ухмыляясь. Кейн резко отпустил Лидию и упал на колени перед Парлеттом.

— А четвертый?

— Коловратка.

— К... коловратка?

— Она живет в кровотоке человека как симбионт и делает с человеческим телом то, что оно само для себя делать не может. Кейн, мне часто бросалось в глаза, что эволюция как процесс оставляет желать лучшего. Эволюция умерщ-

вляет человека, когда он становится слишком стар для размножения. Поэтому нет никакой генетической программы, чтобы поддерживать его дальнейшее существование. Только инерция. Для компенсации требуются огромные усилия медицины...

— Что она делает, эта коловратка?

— Борется с болезнями. Очищает вены и артерии от жировых отложений. Растворяет тромбы. Коловратка слишком велика, чтобы попасть в малые капилляры, и гибнет при контакте с воздухом. Поэтому она не будет мешать свертыванию там, где это необходимо. Она выделяет своего рода клей, который укрепляет слабые места в стенках артерий и крупных капилляров, что для человека моего возраста крайне полезно. Но она делает и нечто большее. Она работает как всеохватывающая железа, как дополнительный гипофиз. Стремится поддерживать такой гормональный баланс, каким человек обычно обзаводится к тридцати годам. Она не создает мужские и женские гормоны, и ей требуется немало времени на избавление от лишнего адреналина, но в остальном она поддерживает баланс. Так, по крайней мере, утверждает инструкция ...

Гарри Кейн сделал кувырок назад.

— Тогда с банками органов покончено. Они устарели. Неудивительно, что вы пытались держать это в секрете.

— Не будьте глупцом.

— Что?

Парлетт открыл рот, но Гарри уже понесло.

— А я вам говорю, банкам органов крышка! Послушайте, Парлетт. Кожная плесень заменяет пересадку кожи и делает это лучше. Животное-сердце и животное-печень заменяют трансплантаты сердца и печени. А коловратка поддерживает все остальное, не давая заболеть! Что еще нужно?

— Кое-что. Например, животное-почка. Или...

— Это мелочи.

— Как вы замените легкое? Легкое, разрушенное никотином?

— Он прав, — сказал Худ. — Эти четыре подарка раб-бота — всего лишь важная вежа. Как восстановить раз-

давленную ногу, вытекший глаз, оторванный палец? — Он расхаживал короткими упругими шажками. — Чтобы банки органов действительно устарели, понадобятся несколько сот разных образцов генной инженерии. При этом...

— Хорошо, заткнись, — сказал Гарри Кейн, и Худ замолчал. — Парлетт, я слишком поторопился. Вы правы. Но я хочу, чтобы вы вот над чем подумали. Предположим, каждый колонист на Горе Погляди-ка узнает только факты о грузе рамбота. Не анализ Худа и не ваш — просто правду. Что будет тогда?

Парлетт улыбнулся. Его белые зубы сияли на свету, и улыбка была непринужденной.

— Они решат, что банк органов устарел. Будут ждать роспуска Реализации.

— А когда Реализация не распустится, они восстанут! Все до одного колонисты Горы Погляди-ка! Устоит ли Госпиталь против них?

— Вы ухватили суть, Кейн. Я склонен считать, что Госпиталь выдержит любую атаку, хотя не стал бы биться об заклад. Но я уверен, что в кровавой бане, выиграв или проиграв, мы потеряем половину населения планеты.

— Значит... вы уже об этом думали?

Лицо Парлетта скривилось. Его руки бесцельно двигались, а ноги подергивались над полом — это слабело воздействие звукового парализатора.

— Вы считаете меня дураком, Гарри Кейн? В отношении вас я подобной ошибки никогда не делал. О грузе рамбота я услышал в первый раз еще полгода назад, когда пришло мазерное сообщение. И сразу понял, что нынешняя власть экипажа над Плато обречена.

Пока Мэтт стоял с отвисшей челюстью, Лейни исчезла где-то слева, за огромным плавным изгибом «Планка». Он хотел броситься за ней, но спохватился. Она должна знать, где другой вход; ее не догнать, пока она туда не доберется. Если Мэтт последует за ней, то потеряется в лабиринте Госпиталя.

Но он должен ее найти. Лейни не посвящала его в подробности до последнего момента. Возможно, опасалась,

что Кастро захватит его и выпытает важные сведения. Не упомянула же она о mine, пока не добралась до устройства подрыва; умолчала и о подробном плане вторжения в Госпиталь, пока не приступила к его осуществлению.

В конце концов она бы рассказала, как найти Полли. Теперь он потерял обеих.

Или?..

Он помчался к главному входу, уклоняясь от полицейских, пытавшихся пробежать прямо сквозь него. Он встретит Лейни у вивария — если она туда доберется. Но он знал только один путь.

Огромные бронзовые двери распахнулись настежь при его приближении. Мэтт задержался перед широкой лестницей. Электроглаза? Но тут из дверей выбежали трое в форме и затопали вниз по лестнице. Поднимаясь, Мэтт обогнул их. Если здесь и были электроглаза и люди-наблюдатели, они нипочем бы не уследили за беготней в последние минуты.

Двери захлопнулись, едва он успел проскочить. Он шепотом выругался и отскочил от бегущего со свистком во рту полицейского. Таким ультразвуковым свистком воспользовался охранник вчера ночью. Мэтту понадобится эта вещьца, чтобы выбраться. Но это позже. Пока нельзя думать об уходе.

Ноги зверски болели. Он перешел на быстрый шаг, стараясь восстановить дыхание.

«Направо, по лестнице вверх, опять направо, потом налево...»

ВИВАРИЙ.

Он увидел дверь дальше по коридору, резко остановился и с облегчением сполз по стене. На этом этапе он обошел Лейни. И он ужасно устал. Ноги онемели, в голове гудело. Хотелось просто дышать. Ощущения во рту и гортани напомнили о горячем металлическом привкусе тумана бездны, куда он нырнул меньше чем полтора дня назад. Вечно он бежит и вечно напуган. Кровь слишком долго разносила адреналин. Стена за лопатками казалась мягкой.

Отдыхать — хорошо. Дышать — хорошо. Греться — хорошо. А стены Госпиталя теплые, даже слишком теплые

для экипажной куртки, предназначенной для плохой погоды. Когда станет слишком жарко, Мэтт ее выкинет. Лениво пошарив в карманах, он нашел две пригоршни жареного арахиса.

Капрал Хэлли Фокс завернул за угол и остановился. Он увидел экипажника, отдыхающего у стены, не снявшего куртки в помещении. Ухо в крови, воротник куртки под ним — тоже. Незнакомец чистил и поедал арахис, бросая скорлупу на пол.

Это было странно.

Хэлли Фокс принадлежал к семье, члены которой уже в третьем поколении служили Реализации. Естественно, он тоже поступил в полицию. У него были недостаточно быстрые рефлексy, чтобы стать оперативником, и он оказался хорошим исполнителем, но не лидером. Уже восемь лет он считался компетентным сотрудником и занимал хорошую должность, которая не требовала излишней ответственности.

А прошлой ночью он поймал колониста, вторгшегося в Госпиталь!

Этим утром случился побег из вивария. Капрал Фокс впервые увидел кровь. Человеческую кровь, не слитую в контейнеры банка органов, а бездумно расплесканную по коридорам в смертельном побоище.

Сегодня вечером шеф предупредил о готовящейся атаке на Госпиталь. Более того, он дал понять, что капралу Фоксу придется стрелять в своих товарищей! И все восприняли его слова серьезно!

Несколько минут назад за окнами произошел страшный взрыв... и половина охранников покинула посты, чтобы посмотреть, что случилось.

Капрал Фокс был слегка растерян.

Он не оставил пост. И так все достаточно запуталось. Он уповал на свою подготовку как на нечто незыблемое. И когда увидел экипажника, привалившегося к стене и грызущего арахис, он отдал честь и сказал:

— Сэр?

Мэтт поднял голову и увидел офицера полиции. Тот стоял, будто окаменев, но короткий ствол пистолета с милосердными пулями был направлен Мэтту в голову.

Он тут же исчез. Капрал Фокс пошел своей дорогой, обогнул как можно дальше дверь вивария. В конце коридора он остановился, попытался развернуться и упал.

Мэтт неуверенно поднялся на ноги. При виде падения охранника у него едва не остановилось сердце.

Из-за угла выбежала Лейни. Она заметила Мэтта. Попятилась, вскинула ружье...

— Стой! Это я!

— О, Мэтт. А я думала, что потеряла тебя.

Он подошел к ней:

— Я видел, как за тобой кто-то побегал. Ты с ним разделалась?

— Ага. — Она поглядела вниз, на капрала Фокса. — Они плохо тренированы. Тем лучше для нас.

— Где ты научилась так стрелять?

— Не важно. Идем. — Она двинулась обратно к виварию.

— погоди. Как мне найти Полли?

— Я правда не знаю. Мы так и не выяснили, где проводится «лечение в гробу».

Она потянулась к дверной ручке. Мэтт перехватил ее запястье.

— Не надо, Мэтт, — сказала Лейни. — Тебя честно предупреждали.

— На двери установлена ловушка.

— Да?

— Я видел, как этот тип ее обходил.

Нахмурившись, она рассматривала дверь. Потом с усилием оторвала полосу от куртки Мэтта. Привязала ее к ручке и отошла подальше, насколько могла.

Мэтт тоже попятился и попросил:

— Прежде чем сделаешь что-то непоправимое, скажи, пожалуйста, где найти Полли.

— Честно, Мэтт, не знаю.

Лейни не пыталась скрыть, что он ей не нужен.

— Хорошо, а где кабинет Кастро?

— Ты сошел с ума.

— Я фанатик. Вроде тебя.

— Ты чокнулся, — усмехнулась она. — ну да ладно. Ступай тем путем, которым пришла я, найди лестницу и поднимись на один марш. Иди по коридору, пока не появятся указатели. Они покажут остальной путь. Кабинет упирается наверху в корпус «Планка». Но если останешься со мной, мы, возможно, найдем путь попроще.

— Тогда тyani.

Лейни потянула.

Ручка опустилась и щелкнула. В потолке грохнуло, множество милосердных пуль конусом прошли воздух перед дверью. В коридоре взвыла сирена — громкий, хриплый и уже знакомый звук.

Лейни отскочила, прижалась к стене. Дверь приоткрылась на пару дюймов.

— Вперед! — крикнула она и нырнула в проем. Мэтт — следом.

Хлопки выстрелов потонули в реве сирены. Но Мэтт увидел в комнате четверых, выстроившихся в ряд против двери. Они еще стреляли милосердными пулями, когда Лейни упала.

— Обречены? В самом деле?

Голос Гарри даже ему самому показался неестественным. Но он не ожидал столь легкой капитуляции.

— Сколько у вас Сынов Земли?

— Я не могу вам этого сказать.

— А я могу, — сказал Миллард Парлетт. — Меньше четырехсот. На всей Горе Погляди-ка не более семисот активных мятежников. Триста лет вы и вам подобные пытались поднять восстание. И не добились никакого успеха.

— Мало, но это отборные люди.

— Вы, естественно, набираете мятежников из колонистов. Ваша беда в том, что большинство колонистов в действительности не хочет, чтобы экипаж утратил контроль над Плато. Они довольны тем, что есть. Ваше дело непопулярно. Я уже пробовал объяснить почему; давайте попробуем снова. — С заметным усилием Парлетт положил руки на колени. Время от времени на его плечах подергивались

мускулы. — Дело не в том, что они полагают, что способны управлять собой не хуже экипажа. Все и всегда так считают. Да, они боятся Реализации и не желают проливать свою кровь ради перемен, притом что Реализация владеет всем оружием на Плато и контролирует электроэнергию. Дело в том, что они не считают власть экипажа в принципе неприемлемой. Все упирается в банк органов. С одной стороны, банк органов является страшной угрозой, не просто смертным приговором, а позорным способом умереть. С другой стороны, банк — это надежда. Заслуженный член общества, способный оплатить расходы, даже колонист, может получить медицинское обслуживание в Госпитале. Но без банка органов обслуживания не будет! Человек умрет. Знаете ли вы, что произойдет, если вашим мятежникам удастся поставить экипаж на колени? Некоторые будут настаивать на упразднении банка органов. Они будут убиты или изгнаны своими товарищами. Большинство сохранит банк органов в прежнем виде, только пополнять его будут за счет экипажа!

Его шея окрепла, и он поднял голову, чтобы посмотреть в заинтересованные глаза. Хорошая аудитория. Он завладел вниманием слушателей.

— Вы не начинали восстание, — продолжал он, — потому что не могли убедить достаточное число людей в правоте своего дела. Теперь это возможно. Теперь вы убедите колонистов Горы Погляди-ка в том, что банк органов устарел. Потом сделаете паузу. Когда станет ясно, что Реализация не будет распущена, вы начнете действовать.

Гарри Кейн кивнул:

— Я и сам так думал. Почему вы называли меня глупцом?

— Вы сделали глупое предположение — что я пытаюсь держать в тайне груз рамбота. Как раз наоборот. Сегодня я...

— Парлетт, я наконец понял, — перебил Худ. — Вы решили присоединиться к побеждающей стороне. Угадал?

— Ты дурак! Грязноротый безмозглый колонист.

Джей Худ покраснел. Он выпрямился, уперся в бока кулаками. Но Парлетт был разгневан еще больше. Старик

попытался переменить позу, отчего задержались все его мысли.

— Неужели вы так плохо обо мне думаете? — спросил он.

— Джей, уймись. Парлетт, говорите, если есть что сказать. Когда мы делаем неправильные выводы, считайте, что вы плохо выразили свою мысль и не старайтесь переложить вину на нас.

— Почему бы вам всем не сосчитать до бесконечности? — предложила Лидия Хэнкок.

Парлетт заговорил медленно и размеренно:

— Я стараюсь предотвратить кровопролитие. Это понятно? Я стараюсь предотвратить гражданскую войну, способную погубить половину людей в этом мире.

— Вам это не по силам, — сказал Гарри Кейн. — Война надвигается.

— Кейн, что, если я, вы и ваши сторонники сообща разработаем новую... конституцию для Горы Погляди-ка? Очевидно, что Соглашение о высадке больше работать не будет.

— Не будет.

— Сегодня я произнес речь. Кажется, я весь этот чертов день и всю ночь произношу речи. А еще я созвал чрезвычайное заседание, пробил его через Совет. Вам известно, что это означает?

— Да. Вы обратились ко всем экипажникам на Плато.

— Я сообщил им, что доставил рамробот номер сто сорок три. И продемонстрировал. Рассказал о проблеме банка органов и о взаимосвязи между этикой и технологией. Объяснил, что, если о посылке с Земли узнают колонисты, они восстанут поголовно. Я сделал все возможное, Кейн, чтобы напугать экипажников до смерти. Я знал с самого начала, что мы не сможем вечно хранить секрет. Теперь о посылке знают тридцать тысяч человек. Даже если нас всех вот прямо сейчас убьют, новость лишь быстрее разлетится повсюду. Я предупредил их, Кейн. Когда станет ясно, что тайны больше нет, им придется торговаться. Умные так и поступят. Я начал все это планировать давно, Кейн, даже не зная, что именно нам пришлет Земля. Это могла быть сыворотка для регенерации, или чертежи дешевых аллю-

пластических компонентов, или даже новая религия. Что угодно. Но что-то надвигалось. И вот оно здесь. И мы должны остановить кровопролитие.

У Парлетта уже прошла одышка, прекратились неуклюжие попытки артикулировать. Голос теперь звучал гладко и певуче, то усиливаясь, то понижаясь, хрипловато, но искренне.

— Мы должны это сделать. Возможно, мы найдем вариант, с которым согласятся и экипажники, и колонисты.

Он умолк, и три головы кивнули почти машинально.

Глава 11

БЕСЕДА С ШЕФОМ

Мэтт увидел, как Лейни угодила под выстрелы. Он хотел убежать, но в этот момент раздался лязг, такой кошмарный, будто Мэтт оказался внутри церковного колокола. Он просто отскочил в сторону, понимая, что коридор уже заполнен ультразвуком.

— Закрой дверь, мать твою! — завопил кто-то.

Охранник метнулся выполнить приказ. Мэтт ощутил онемение, колени стали ватными. Он продолжал глядеть на четырех врагов.

Склонившийся над Лейни полицейский сказал:

— Совсем одна. Чокнутая. Интересно, где она раздобыла одежду?

— У экипажников, наверное.

Другой охранник заржал.

— Заткнись, Рик. Помоги мне. Посадим ее на стул.

— Охотничье ружье. Не хотелось бы поймать пулю из этой штуки?

— А долгонько она добиралась до вивария. Зато сама — обычно их приходится сюда тащить.

Снова ржание.

— А вот газовая бомба не сработала.

Один из охранников поддал ногой металлическую канистру, и она зашипела.

— Носовые фильтры, быстро!

Охранники вынули из карманов предметы, похожие на резиновые фальшивые носы.

— Хорошо. Надо было это сделать раньше. Если помещение заполнить газом, любой, кто сюда явится, сразу вырубится.

Мэтт понял смысл услышанного. Он задерживал дыхание с того самого момента, как услышал шипение. Теперь же он подошел к ближайшему охраннику и сорвал с него фальшивый нос. Тот ахнул в изумлении, посмотрел прямо на Мэтта и рухнул на пол.

Фальшивый нос имел ленту для ношения на шее и какую-то липучку, чтобы плотно прилегать к коже. Мэтт надел его и обнаружил, что может дышать, хотя и не без труда. Неудобное приспособление.

— Рик? Вот болван! Где, ради Демонов Тумана, его носовой фильтр?

— Готов спорить, кретин забыл его прихватить.

— Прошу связать меня с майором Йенсенем. — Один из охранников взялся за телефон. — Сэр? Только что девушка пыталась проникнуть в виварий. Да, девушка, в экипажной одежде... Да, правильно, одна... Спит на койке, сэр. Мы решили, раз уж она так старалась сюда попасть...

Мэтт все еще испытывал головокружение, хотя дверь должна была блокировать вибрацию больших звукоизлучателей. Не задела ли его милосердная пуля?

Он склонился над Лейни. Та, само собой, была в отключке. В нее попало слишком много анестезирующих иголок, легкие полны газа, ритмический ток, вызывающий сон, течет через ее мозг...

Мэтт нашел три провода, подсоединенных к ее головному аппарату, и оторвал их. Теперь Лейни — мина замедленного действия. Когда закончится воздействие химии, она проснется. Впрочем, скорее не мина, а петарда — в комнате четверо вооруженных охранников.

— Еще одно, сэр. Тут все загазовано. Это, мы считаем, даже к лучшему. Нет, сэр, не видели. Если отключите звуковики, я посмотрю. — Полицейский отвернулся от телефона. — Уоттс, посмотри, не валяется ли кто-нибудь в коридоре.

— Но звуковики еще работают!

— Их должны были уже отключить. Попробуй.

Из нагрудного кармана лежащего без сознания охранника торчала шариковая ручка. Мэтт вытащил ее и быстро нарисовал на лбу охранника сердце и три капли, стекающие по прямой переносице.

Тот, кого звали Уоттс, приотворил дверь. Онемения он не почувствовал, поэтому раскрыв дверь шире.

— Эй! — Он выскочил наружу и побежал по коридору к Фоксу.

Мэтт помчался за ним.

— Это охранник, — крикнул Уоттс через плечо.

— Проверь удостоверение.

Уоттс стал шарить по карманам Фокса. Когда Мэтт боком пробирался мимо, он поднял голову, потом продолжил обыск.

— Это Элейна Мэттсон, — сказал Хесус Пьетро. — Больше никому. Вы уверены, что она была одна?

— Если бы с ней кто-то был, он бы оказался в таком же состоянии. Думаю, она была одна, сэр.

Похоже на правду, решил Хесус Пьетро. Хотя, конечно, нет никакой гарантии...

— Благодарю вас, майор Йенсен. Как идут дела у розыскных отрядов?

— Они ничего не нашли, сэр. Все еще прочесывают Плато Альфа. Выяснить, насколько они продвинулись?

— Да. Перезвоните мне.

Он положил трубку, откинулся в рабочем кресле и погрузился в мрачную задумчивость.

Мятежники должны были быть где-то на Альфе. И они не могли всем скопом напасть на Госпиталь.

Элейна Мэттсон захвачена. Хорошо! Даже отлично! Конечно же, тот загадочный взрыв — ее рук дело; ей надо было прикрыть свое проникновение. Не на ней ли была форма Реализации? Возможно. Издали ее могли принимать за полицейского достаточно долго, чтобы она успела оглушить экипажницу и обзавестись хорошей маскировкой.

Возможно. Возможно...

Он взял шестое досье, то, что лежало отдельно, рядом с пистолетом. Жизнь Полли Турнквист.

Родилась двадцать два года назад, первый ребенок в семье, не имевшей известных связей с Сынами Земли.

Потеряв левый глаз на рыбалке, получила замену из банка органов. Добропорядочный, лояльный колонист, поддерживает дисциплину в своей семье.

Выросла на Дельте, сектор четыре. Училась в Колониальном университете, оценки хорошие.

Там она встретила Джейхока Худа. Ее первое любовное увлечение. Почему? Из Худа — маленького, тшедушного, некрасивого — вряд ли вышел хороший ухажер, но некоторым девушкам нравятся умные мужчины.

Окончив старшую школу и колледж, устроилась на ретрансляционную станцию Дельты. Интрижка с Худом, видимо, перешла в простую дружбу. Но она присоединилась к Сынам Земли.

Бунт против власти? Знай об этом отец, не пустил бы ее. Вон какие суровые морщины на его лице, острым, как мордочка хорька... Хм... Без этих морщин он немного похож на Джейхока Худа!

Все это поможет. Она уже тридцать часов на «лечении в гробу». Если теперь услышит голос, единственный сенсорный стимул в ее вселенной, то будет слушать. И верить. Как делали все ее предшественники. Особенно если голос будет взывать к правильно выбранным случаям из ее прошлого.

Но пока ей придется подождать. Сначала Сыны Земли. Один нейтрализован, осталось четверо...

Хесус Пьетро потянулся к чашке и обнаружил, что кофе совершенно остыл.

У него возник вопрос. Кастро скорчил гримасу, оттесняя эту мысль на второй план. Включил настольный телефон и сказал:

— Мисс Люссен, не сделаете ли мне еще кофе?

— Уверены? Вы уже тонете в этом пойле.

— Просто сделайте. И... — Мысль снова выбралась на свет, и Кастро, не сумев остановиться, добавил: — Принесите досье Мэттью Келлера. Не то, что у меня на столе, а из архива умерших.

Она появилась через минуту, стройная, светловолосая, хладнокровная, с папкой и кофейником. Хесус Пьетро сразу раскрыл папку. Нахмурившись, мисс Люссен попыталась о чем-то спросить, увидела, что он не слушает, и ушла.

Мэттью Келлер. Родился... Учился... Присоединился к Сынам Земли в десятом месяце 2384 года, в среднем возрасте.

Почему так поздно? Почему вообще?

Стал профессиональным киллером и вором, совершал кражи для Сынов Земли, убивал офицеров Реализации, имевших глупость отправляться малыми отрядами в колонистские области.

Вор? Проклятье! А не Келлер ли старший украл ту машину? Машину, на которой Келлер-младший улетел напрямую в бездну!

Окружен в секторе двадцать восемь, Бета, четвертый месяц 2397-го; захвачен, осужден за измену, разобран для банка органов.

О, Хесус Пьетро, ты умный лжец, да, именно ты. Половине Госпиталя должно быть известно, что на самом деле он прыгнул за край, на сорок миль вниз, к Демонам Тумана, в адский жар.

И что? Хесус Пьетро вылил остывший кофе в корзину для мусора, наполнил свежую чашку и отхлебнул.

На краю поля зрения замерцала тень. Послышался шорох.

В кабинете кто-то есть?

Чашка дернулась в руке, обжигая губу. Он поставил ее на стол и осмотрелся.

Затем вернулся к досье.

Мэттью Келлер. Что за идиотская блажь заставила Хесуса Пьетро затребовать это досье? Келлер-старший мертв. Искалеченный, он ползком добрался до обрыва за считанные секунды до...

— Кастро.

Хесус Пьетро изумленно поднял голову.

Посмотрел вниз. Медицинские отчеты... Плохо, но не катастрофично. При массовом побеге пострадало слишком много народу, но некоторых можно спасти. К счастью,

банк органов полон. И может получить новые органы из вивария, как только у хирургического отдела найдется время. Почему все должно было случиться одновременно?

— Кастро!

Хесус Пьетро вздернул подбородок. Он поймал себя на том, что уже делал это минуту назад; его взгляд даже не успел последовать за движением головы. Был шум... и кто-то назвал его фамилию. Ради Демонов Тумана, кто явился незванным в кабинет Хесуса Пьетро? Он перевел взгляд на край стола...

Одежда экипажа.

Но мятая и грязная, не подходящая по размеру, и у пальцев, упирающихся в стол, ногти короткие и грязные. Колонист в экипажной одежде. В кабинете Хесуса Пьетро. Не назвавшись, прошел мимо мисс Люссен.

— Ты?

— Правильно. Где она?

— Мэттью Келлер!

— Да.

— Как ты сюда попал?

Хесусу Пьетро удалось сдержать дрожь в голосе. Есть чем гордиться.

— Не твое дело. Где она?

— Кто?

— Не морочь голову. Где Полли?

— Я не могу тебе этого сказать. И вообще ничего не скажу! — заявил Хесус Пьетро.

Его взгляд был прикован к золотой пряжке на украденном ремне.

Краем глаза он заметил, как две большие грязные руки тянутся к его правой кисти. Непрошенный гость тяжело оперся на нее, и Хесус Пьетро запоздало попытался отдернуть руку, но не смог. Гость взялся за средний палец, отогнул назад.

Острая боль. Широко открыв рот, Хесус Пьетро посмотрел вверх, чтобы взмолиться...

Хесус Пьетро взялся было за досье Полли Турнквист, и тут мучительная боль пронзила руку. Он выдернул ее,

как из раскаленной печи. Рефлекс. Средний палец торчал под прямым углом к остальным.

Демоны Тумана! Ох и больно же! Проклятье, как он умудрился...

— Ну, Кастро?

Он вспомнил — с огромным трудом вспомнил, — что вверх смотреть не надо. Кто-то или что-то находится в этом кабинете, кто-то или что-то, обладающее силой, заставляющей людей забывать. Он сделал логический вывод и произнес:

— Ты.

— Правильно. Где Полли Турнквист?

— Ты. Мэгтью Келлер. Значит, ты пришел за мной.

— Не будем играть в игры. Где Полли?

— Это ты был в машине, напавшей на Госпиталь? В той, которая нырнула прямо вниз...

— Да.

— Тогда как...

— Заткнись, Кастро. Скажи, где Полли. Немедленно. Она жива?

— Ты не получишь от меня информации. Как ты выбрался из бездны?

— Улетел обратно.

— Я имею в виду — в первый раз.

— Кастро, я могу переломать тебе все пальцы на руках. Так где Полли? Она мертва?

— Заговорю ли я, если ты это сделаешь?

Пауза. Потом две руки сошлись на его правой кисти. Хесус Пьетро взвизгнул и скрюченными пальцами потянулся к глазам мучителя...

Хесус Пьетро просмотрел половину отчетов, когда страшная боль пронзила его руку. Он обнаружил, что два пальца на правой руке торчат под прямым углом к остальным. Сжав зубы, чтобы подавить крик, Хесус Пьетро повернулся к интеркому:

— Вызовите врача.

— Что случилось?

— Просто вызовите мне...

Его глаза уловили мгновенное движение. В кабинете кто-то есть!

— Ты прав, — сказал голос. — Пытками я от тебя ничего не добьюсь.

Слабые, ускользающие воспоминания запрещали смотреть вверх.

— Ты, — сказал Хесус Пьетро.

— Пошел к черту!

— Мэттью Келлер?

Молчание.

— Ответь, черт бы тебя побрал! Как ты смог вернуться?

Две руки одновременно нанесли удар по правой кисти Хесуса Пьетро. Он взвыл и, выхватив пистолет, принялся дико озираться в поисках цели.

Когда вошел врач, он снова смотрел вверх.

— Заменять не стоит, — сказал врач. — Они всего лишь вывихнули.

Он обезболит руку Хесуса Пьетро, вправил пальцы и наложил шины.

— Как, ради Демонов Тумана, вы это сделали?

— Не знаю.

— Не знаете? Вывихнули два пальца и не можете вспомнить...

— Да! Я не могу вспомнить, что произошло с моей рукой. Но я думаю, тут поработал Мэттью Келлер, этот чертов призрак. Убирайтесь!

Доктор поглядел на него очень странно. И ушел.

Хесус Пьетро уныло смотрел на свою правую руку, забинтованную и подвешенную на перевязь. Ладно, все это пройдет. Но почему он совершенно ничего не помнит?

И почему думает о Полли Турнквист?

Уже пора — даже давно пора — переходить к следующей стадии ее обработки. Но ведь она может подождать? Она подождет.

Кастро попробовал кофе. Совсем остыл. Он опростал чашку и наполнил заново.

Рука как мертвая.

Почему он думает о Полли Турнквист?

— Тьфу!

Кастро неуклюже поднялся — с одной здоровой рукой трудновато.

— Мисс Люссен, — сказал он в интерком, — пришлите двух охранников. Я направляюсь в «Планк».

— Будет сделано.

Он потянулся за лежащим на столе пистолетом, и тут что-то привлекло его внимание. Это было досье на Мэттью Келлера-старшего. Его желтую обложку украшал грубоватый рисунок.

Проведенные черными чернилами две дуги соединились концами. Внизу — три петельки.

Кровоточащее сердце. Прежде его тут не было.

Хесус Пьетро раскрыл папку. Он чувял запах собственного страха, ощущал пропитавший рубашку холодный пот. словно боялся несколько часов кряду.

Анфас и профиль. Голубые глаза, соломенные волосы, кожа дряблая от возраста...

Что-то шевельнулось в сознании Хесуса Пьетро. Лишь на секунду лицо в досье стало моложе. Выражение чуть изменилось, сделавшись одновременно испуганным и гневным. От уха оторван кусочек, в воротник впиталась кровь.

— Ваши охранники прибыли, сэр.

— Благодарю вас, — сказал Хесус Пьетро.

Он в последний раз глянул на мертвеца и закрыл папку. Уходя, сунул пистолет в карман.

— Это все меняет, — сказал Гарри Кейн. — Эх, если бы мы могли предупредить Лейни...

— Ты бы еще даже не знал, что ей сказать. Вот, возьми. — Миссис Хэнкок поставила на поднос исходящий паром кувшин горячего сидра, добавила четыре чашки.

Они были на кухне. Худ остался в гостиной с Миллардом Парлеттом. Опираясь на Худа, Парлетт смог доковылять до гостиной и расположиться в кресле.

За окнами во мгле завывал ветер. Четырем конспираторам, сидевшим перед огнем, довольно похожим на настоящий, и согревающимся сидром с пряностями, гостиная казалась раем.

Временным раем.

— Вы думали об этом дольше нас, — сказал Гарри. — Мы даже и не мечтали, что экипаж пойдет на компромисс. Что именно вы намерены предложить?

— Для начала — амнистию Сынам Земли, вам и тем, кто остался в виварии. Это легко. Мы в вас нуждаемся. Когда колонисты потеряют веру в экипаж, вы останетесь единственной силой для поддержания закона и порядка в колониальных областях.

— Это будет серьезная перемена.

— Нам надо обсудить три типа медицинского обслуживания, — сказал Миллард Парлетт. — Пересадку органов, дары рамбота и мелкие врачебные процедуры. Через станции медконтроля вы уже имеете доступ к стандартным лекарствам. Нам нетрудно расширить их список. Я уверен, что мы можем предложить свободный доступ к животным-сердцам, животным-печеням и так далее. Какое-то время колонистам придется посещать Госпиталь для процедур с симбионтами рамбота, но постепенно мы установим аппаратуру для разведения культур на Гамме, Дельте и Эте.

— Очень хорошо. А как насчет банка органов?

— Правильно. — Миллард Парлетт обхватил свою узкую грудную клетку руками и уставился на огонь. — По этой части я не могу ничего планировать, поскольку не знаю, какие грядут технологические перемены. Ваши идеи?

— Упразднить банк органов, — твердо сказала миссис Хэнкок.

— Уничтожить тонны органических трансплантатов? Просто выкинуть их на траву?

— Да!

— А преступность вы тоже упраздните? Банк органов — единственное наше средство для наказания воров и убийц. На Горе Погляди-ка нет тюрем.

— Так постройте тюрьмы! Вы достаточно долго убивали нас!

Парлетт покачал головой.

Вмешался Гарри Кейн:

— Это не работает. Послушай, Лидия, я понимаю твои чувства, но мы не можем этого сделать. Выбросив трансплантационный материал, мы восстановим против себя все Плато. Мы даже не можем отменить казнь при участии банка органов, хотя бы потому, что преступность резко пойдет вверх, а еще потому, что среди экипажа много людей,

подобных Парлетту, чья жизнь зависит от банка. С тем же успехом можем прямо сейчас объявить войну.

Лидия умоляюще взглянула на Худа.

— Я пас, — сказал тот. — Мне кажется, вы все кое о чем забыли.

— О чем же? — произнес Гарри.

— Я еще не уверен. Надо подождать и посмотреть. Продолжайте разговор.

— Я не понимаю, — сказала Лидия. — Не понимаю никого из вас. За что мы сражались? За что умирали? Чтобы разбить банк органов!

— Вы кое-что упустили, миссис Хэнкок, — вежливо сказал Парлетт. — Дело не в том, что с этим не согласится экипаж, и дело не в том, что с этим не согласятся колонисты. Разумеется, они не согласятся. Но и лично я не позволю вам разгромить банк органов.

— Как же! Ведь вы бы тогда умерли! — Слова Лидии сочли презрением.

— Да, умер бы. А я вам необходим.

— Почему? Что вы можете предложить нам, кроме влияния и добрых советов?

— Небольшую армию. У меня более сотни прямых потомков. Они очень долго готовились к этому дню. Не все последуют за мной, но большинство будет подчиняться моим приказам беспрекословно. И все они имеют охотничье оружие.

Лидия судорожно вздохнула.

— Мы сделаем все, что в наших силах, миссис Хэнкок. Мы не можем уничтожить банки органов, но мы можем уничтожить несправедливость.

— Что надо будет сделать, — сказал Гарри, — так это установить непреложный принцип расходования того, что уже имеется в банках. Первым пришел — первым обслужен. Кто заболел первым — ну, вы поняли, что я имею в виду. А тем временем мы разработаем новое законодательство, чтобы экипажник имел столько же шансов оказаться в банке, сколько и колонист.

— Не давите слишком сильно. Помните, Кейн, мы должны удовлетворить интересы обеих групп.

— Тьфу! — выговорила Лидия Хэнкок.

Было неясно, готова ли она заплакать или начать драку.

Трое сидели вокруг кофейного столика, наклонившись друг к другу, позабыв о кружках в руках. Худ — немного поодаль, чего-то ожидая.

— Дело в том, — сказал Парлетт, — что мы можем сделать всех равными перед законом. Это осуществимо при условии, что не будет перераспределения собственности. Вы согласны?

— Не вполне.

— Подумайте логически. В суде все равны. Преступление есть преступление. Но чем больше собственности у человека, тем менее вероятно, что он захочет совершить преступление. Это означает, что экипажу будет что защищать, а колонистам будет что приобрести.

— Да, смысл в этом имеется. Но у нас есть несколько пожеланий.

— Излагайте.

— Наши собственные источники электроэнергии.

— Почему бы и нет? Мы будем поставлять ее бесплатно, пока не построим станции на Гамме и Дельте. Можно установить гидроэлектростанции на Грязище и реке Длинный Водопад.

— Хорошо. Далее — гарантированный бесплатный доступ к банку органов.

— Тут есть проблема. Банк органов подобен любому другому банку. Нельзя забрать больше, чем вложил. У нас будет меньше осужденных преступников и куда больше больных колонистов, о которых надо позаботиться.

Худ покачивался на стуле, упершись ногами в край стола. Глаза были полуприкрыты, словно ему виделись приятные грезы.

— Тогда лотереи; честные лотереи. И активные исследования аллопластики, финансируемые экипажем.

— А почему экипажем?

— Все деньги у вас.

— Мы можем разработать шкалу прогрессивного налога. Что еще?

— Есть множество несправедливых законов. Мы хотим строить дома и одеваться по нашему вкусу. Свободно передвигаться. Приобретать технику, любую технику, и по

тем же ценам, что и экипаж. И мы хотим ввести несколько жестких ограничений для Реализации. Поскольку...

— Зачем? Они станут полицией. Насаждающей ваши же законы.

— Парлетт, к вам когда-нибудь врывается отряд полиции, проломив стену дома, поливая все вокруг милосердными пулями и снотворным газом, вытаскивая на свет домоуборщиков, срывая комнатные лужайки?

— Я никогда не был мятежником.

— Да неужели?!

Парлетт улыбнулся, и его голова стала очень похожа на голый череп.

— Я ни разу не попадался.

— Дело в том, что Реализация может сделать это с любым. И постоянно делает. Перед домовладельцем даже не извиняются, когда не находят следов преступления.

— Связывать руки полиции — это прямой путь к хаосу, что мне совсем не нравится. — Парлетт сделал хороший глоток сидра. — Ну ладно, а как вам вот такой аргумент? Была когда-то такая штука, как ордер на обыск. Это не позволяло полиции ООН врваться в дома, если только у нее не было основательных причин, которые она могла предъявить судье.

— Звучит любопытно.

— Подробности можно выяснить в библиотеке.

— И еще одно. Дело сейчас обстоит так, что Реализация обладает исключительной монополией на арестованных. Людей хватают, решают, что они виновны, и разбирают на органы. Следует как-то разделить эти функции.

— Я думал об этом, Кейн. Давайте введем закон, по которому никто не может быть казнен до тех пор, пока суд из десяти человек явным большинством не признает его виновным. Для тех случаев, когда равно замешаны экипаж и колонисты, — жюри из пяти экипажников и пяти колонистов. В остальных случаях жюри будет целиком состоять из представителей той же социальной группы, что и арестованный. Все судебные процессы будут открытыми, для их освещения надо выделить специальный канал телевидения.

— Это звучит...

— Так и есть! — Громыкнув ножками стула о пол, Джей Худ вернулся в дискуссию. — Вы воображаете, что ваши предложения, озвученные сегодня, отбирают власть у Госпиталя?

Парлетт нахмурился:

— Возможно. И какое это имеет значение?

— Вы говорите так, словно на Горе Погляди-ка есть две ведущие группы. Но их три! Вы, мы и Госпиталь, самый могущественный из всех. Парлетт, одни Демоны Тумана знают, как долго вы изучали Сынов Земли. А сколько времени вы потратили на изучение Хесуса Пьетро Кастро?

— Я знаю его давно. — Миллард Парлетт задумался. — По крайней мере, мне известно, что он компетентен. Но вряд ли я представляю себе, о чем он думает на самом деле.

— А вот Гарри представляет. Гарри, что сделает Кастро, если мы попытаемся наложить все эти ограничения на его полицию?

— Не понимаю, — нахмурился Миллард Парлетт. — Кастро хороший работник. Он лоялен и всегда трудился на благо экипажа. Все, с чем согласится экипаж, примет и он.

— Черт возьми, Худ прав, — сказал Гарри Кейн. — Я знаю Кастро лучше, чем собственного отца. Я просто об этом не подумал.

— Хесус Пьетро Кастро — верный...

— ...слуга экипажа. Правильно. Теперь минутку погодите, Парлетт. Дайте мне сказать. Во-первых, лояльность. Кому он верен: всему экипажу или кому-то конкретно?

Парлетт хмыкнул. Он взял было свою чашку, но обнаружил, что она пуста.

— Он уважает вас, — сказал Гарри Кейн, — есть и другие, отвечающие его нравственным критериям, но по-настоящему он лоялен некоему идеальному экипажнику — человеку, который не расточителен, вежлив с подчиненными, точно знает, как с ними обращаться, и постоянно печется о благе колонистов. Вот этому образу он и служит. А теперь подумаем о том, что мы намерены ввести. Ордер на обыск для полиции Реализации. Лишение Реализации права самостоятельно решать, кто из колонистов получит остаточный материал из банка органов. Мы будем указы-

вать полицейским, кого казнить, а кого миловать. Что еще, Джей?

— Энергия. Мы отберем у Госпиталя монополию на электричество. А с меньшими ограничениями для колонистов у полиции окажется меньше работы. Кастро придется сократить штаты.

— Правильно. Но вы ведь не думаете, что все экипажники на Плато собираются со всем этим согласиться?

— Конечно нет. Но нам, возможно, удастся вразумить большинство. По крайней мере, большинство в политической власти.

— К чертям ваше большинство. Кому из экипажа останется лоялен Кастро? Вы можете на это ответить?

Парлетт почесал в затылке:

— Я понял, куда вы клоните. Если вы правильно разгадали Кастро, он последует за консервативной фракцией.

— Так он и сделает, поверьте. Он последует за теми экипажниками, которые скорее умрут, чем примут наши компромиссы. И вся Реализация последует за ним. Он ее лидер.

— И все оружие у них, — сказал Худ.

Глава 12

ТРАНСПОРТНЫЙ КОРАБЛЬ

Кровоточащее сердце. Мэттью Келлер. Полли Турнквист.

При чем тут Полли Турнквист?

Она не имеет никакого отношения к нынешним бедам. С вечера субботы она страдает от сенсорной депривации при «лечении в гробу». Почему его преследует девушка-колонистка? Чем она так покорила его, что заставила покинуть кабинет в такое время? Он не был столь сильно увлечен, с тех пор как...

Он не мог вспомнить.

Охранник, шедший впереди, вдруг остановился, нажал кнопку на стене и отступил в сторону. Хесус Пьетро вернулся к реальности. Они достигли лифта.

Двери раздвинулись, и Хесус Пьетро вошел внутрь, сопровождаемый двумя полицейскими.

«Где Полли? — шептал голос в глубине его сознания. — Где она? Скажи мне, где находится Полли!»

Кровоточащее сердце. Мэттью Келлер. Полли Турнквист.

То ли он в конце концов сошел с ума — из-за колонистки! — то ли существует какая-то связь между Мэттью Келлером и Полли Турнквист. Но у него никаких доказательств.

Возможно, девушка может ему ответить.

И если может, то наверняка скажет.

Мэтт следовал за ними до конца коридора, окончившегося тупиком. Когда полицейские остановились, он тоже остановился. Он был в растерянности: действительно ли Кастро шел к Полли?

В стене раздвинулись двери, и трое его проводников вошли. Мэтт шагнул тоже, но у дверей остановился. Помещение слишком тесное. Он заденет чей-нибудь локоть и будет застрелен...

Двери закрылись, Мэтт услышал приглушенный шум удаляющегося механизма.

Что это за воздушный шлюз? И почему здесь, черт возьми?

Затерявшись в Госпитале, он оказался в глухом конце коридора. Шеф и два охранника остались по ту сторону дверей. Охранники вооружены и бдительны, но других проводников у него нет. Мэтт нажал большую черную кнопку.

Двери не открылись.

Он нажал снова. Ничего не произошло.

Не было ли у охранника свистка или ключа?

Мэтт окинул взором коридор до поворота и подумал, сможет ли вернуться в кабинет Кастро. Вероятно, нет. Он снова нажал кнопку...

Механический шум был едва слышен, но усиливался.

Двери вскоре открылись, показав крошечную пустую комнату, похожую на ящик.

Мэтт вошел, слегка пригнувшись, готовый ко всему. Других дверей нет. Как вышли остальные? Ничего нет,

кроме четырех кнопок: «1», «2», «Открыть двери», «Аварийная остановка».

Он решил нажимать по порядку. Кнопка «1» ничего не дала. Он нажал «2», и все случилось одновременно.

Двери закрылись. Комната пришла в движение. Мэтт ощутил вибрацию и сильное давление на подошвы ног. Он упал на четвереньки, подавив крик. Давление исчезло, но комната по-прежнему подрагивала на ходу, и доносился необычный, пугающий звук механизмов. Мэтт ждал, съежившись на четвереньках.

Вдруг возникло непривычное ощущение в животе и ниже. Чувство падения.

«Ну вот!» — сказал себе Мэтт.

Коробку затрясло, и она остановилась.

Двери открылись. Мэтт медленно вышел наружу.

Он оказался на высоком узком мостике. Движущийся ящик находился на одном его конце, поддерживаемый четырьмя вертикальными балками, уходившими прямо вниз, в квадратное отверстие в крыше Госпиталя. У другого конца мостика виднелась такая же конструкция из балок, но пустая.

Мэтт никогда не забирался так высоко, разве что в автомобиле. Под ним простирался весь Госпиталь, освещенная яркими лампами обширная аморфная структура: комнаты и коридоры, внутренние дворы, наклонная стена, защитный периметр, лес с ловушками и дорога снабжения. А прямо перед ним возвышался огромный черный корпус «Планка».

Конец мостика, на котором стоял Мэтт, находился как раз снаружи того, что, очевидно, являлось внешним корпусом древнего транспортника. Мостик пересекал условный нос корабля — скошенное торцевое кольцо в его самой верхней части — и своим краем нависал над «чердаком».

«Планк». Мэтт посмотрел вниз, вдоль гладкого черного внешнего корпуса. Основная часть корабля имела цилиндрическую форму. «Хвост» расширялся раструбом, а «нос» был скошен, как стамеска, под углом тридцать градусов. В двадцатифутовом промежутке между наружным и внутренним корпусами содержалась основная начинка корабля.

Более чем на полпути вниз, как раз под кольцом узких иллюминаторов, корпус охватывала крыша Госпиталя.

Что-то зажужжало позади. Движущийся ящик направился вниз.

Мэтт посмотрел ему вслед и пошел по мостику, ведя ладонями по перилам, достающим до бедер. Спуск ящика мог означать, что кто-то решил подняться.

На другом конце Мэтт искал черную кнопку, нашел ее на одной из поддерживающих балок и нажал. Потом посмотрел вниз.

«Чердак» — пространство, ограниченное внутренним корпусом, — имел идеальную цилиндрическую форму. Этакая консервная банка без дна и с косо срезанным верхом. Кормовой стабилизатор заканчивался в нескольких метрах над землей, четыре его пластины примыкали к массивному заостренному кожуху. На полпути вниз по внутреннему корпусу виднелись расположенные по кругу четыре иллюминатора. Воздушный шлюз размещался на том же уровне. Мэтт заметил его, взглядевшись в промежуток между корпусом и движущимся ящиком, который теперь поднимался.

При виде заостренного кожуха между пластинами стабилизатора Мэтта пробрала дрожь. Центр масс корабля нависал прямо над ним. Значит, это термоядерный двигатель.

О «Планке» ходили слухи как о месте опасном, и не без причины. Корабль, построенный триста лет назад и пронесший людей между звездами, просто обязан внушать благоговейный страх. Но в нем кроется и подлинная мощь. Посадочные двигатели «Планка» все еще должны быть достаточно сильны, чтобы поднять его в небо. Термоядерный двигатель обеспечивает электроэнергией всю инфраструктуру колонистов: телестанции, дома, бездымные фабрики — и если этот генератор когда-нибудь взорвется, он снесет Плато Альфа в бездну.

Где-то в жилых отсеках, втиснутых между внутренним и наружным корпусами, находится пульт управления, способный взорвать реактор в этом кожухе. Шеф Реализации тоже где-то там...

Где-то.

Если бы Мэтт мог привести его сюда...

Движущийся ящик достиг верха. И Мэтт вошел.

Он спускался долго. «Планк» был высок. Один лишь скошенный нос, где хранилось оборудование для основания колонии, был высотой сорок футов. Весь корабль имел высоту сто восемьдесят футов, включая посадочную юбку. Внутренний корпус не достигал земли, корма и дюзы посадочных двигателей удерживались на высоте десяти футов над землей расширяющимся и действительно похожим на юбку продолжением внешнего корпуса.

Второй движущийся ящик представлял собой открытую клетку. Мэтт мог наблюдать за своим перемещением на всем пути вниз. Страдай он боязнью высоты, свихнулся бы еще до того, как ящик остановился у воздушного шлюза.

Воздушный шлюз был немногим больше движущегося ящика. Внутри он весь состоял из темного металла, с пультом управления из выщербленного синего пластика. Мэтт уже устал от мигающих циферблатов и металлических стен. Непривычно и неуютно было ему в окружении такого количества металла. И что ему хотят сказать все эти циферблаты? Непонимание действовало на нервы.

Он увидел нечто трудноузнаваемое, но при этом простое, почти знакомое... Ага! Лестница. Лестница на потолок воздушного шлюза, от двери до стены.

Понятно, для чего она здесь. Когда корабль вращается в космосе, наружная дверь становится люком, ведущим вниз с чердака. Мэтт усмехнулся, вышел из шлюза и едва не столкнулся с полицейским.

«Удача Мэтта Келлера» не успела сработать. Мэтт нырнул обратно в шлюз. Он услышал, как милосердные пули барабнят по металлу, точно камешки. Через секунду охранник, стреляя, выйдет из-за угла.

Мэтт прокричал единственное, что пришло ему в голову:

— Стой! Это я!

Охранник появился в тот же миг. Но он не стрелял... Он так и не выстрелил. Повернулся и ушел, угрюмо бормоча извинения. Мэтт так и не понял, за кого его приняли. Да и не важно: этот человек уже забыл о нем.

Мэтт решил последовать за ним, а не пробовать другой путь. Понадеялся, что охранник, увидев приближение двоих, одного проигнорирует, а другого узнает, и тогда он не будет стрелять, если даже готов ко всему.

Узкий коридор поворачивал влево. Пол и потолок были зелеными. Стена слева — белая, с неприятно яркими лампами; стена справа — черная, с прочным эластичным покрытием, явно предназначенным для пола. Все двери были люками, ведущими вниз, через пол, и вверх, через потолок. Большинство люков в полу были закрыты и заслонены мостками. На потолке же преобладали открытые люки, и к ним вели лестницы. Все лестницы и мостки были старыми и грубыми, на заклепках; их явно сделали уже в колонии.

Жутковато, что ни говори, когда все лежит на боку. Ходьба здесь — отрицание силы тяжести.

В одной из верхних комнат раздавались звуки, но они ничего не сказали Мэтту. Он не мог увидеть происходящее над ним, да и не пытался. Оставалось лишь ловить голос Кастро.

Если бы удалось разыскать шефа Реализации и подтащить к пульта управления реактором, Мэтт пригрозил бы взрывом «Планка». Кастро устоял перед угрозой физической расправы над ним, но как он среагирует на угрозу для Плато Альфа?

А Мэтт всего лишь хотел освободить одну пленницу.

...Вот голос Кастро. Идет не с потолка, а снизу, из-под закрытой двери. Мэтт перегнулся через перила и попробовал ручку. Заперто.

Постучать? Но сейчас вся Реализация на нервах, охранники готовы стрелять на малейший шум. Если Мэтт угодит под выстрел, он лишится сознания и полетит вниз.

Ключ не украсть; его даже не найти. И нельзя здесь оставаться. Как жаль, что рядом нет Лейни...

Голос. Полли вздрогнула, прислушиваясь — и даже не ощутила своего шевеления. Да и было ли оно?

Голос. Какой-то неопределимый промежуток времени она прожила вообще без ощущений. В сознании воз-

никали картины, и можно было играть в умственные игры. Кто-то из друзей выпустил в нее щепотку милосердных иголок — Полли хорошо помнила боль. Но теперь она проснулась. Умственные игры не помогли — ей не удавалось сосредоточиться. Она сомневалась в правдивости всплывающих из глубины памяти картин. Таяли лица друзей. Она цеплялась за образ Джея Худа: запоминающееся умное лицо с резкими чертами. Джей. Два года они с Полли были не просто друзьями. А в последние часы она успела отчаянно полюбить Джея, ведь только его образ теперь легко являлся ей, если не считать другого лица, широкого и невыразительного, со снежно-белыми усами, — ненавистного лица врага. Полли попыталась сделать образ Джея еще четче, придать ему осязаемость, выражение, смысл. Он расплывался; она силилась удержать; он расплывался еще больше...

Голос. Она вся обратилась в слух.

— Полли, — сказал он, — ты должна мне доверять.

Она хотела ответить, выразить свою благодарность, попросить обладателя голоса, чтобы он продолжал разговор, взмолилась, чтобы отпустил ее. Но не могла говорить.

— Я бы рад освободить тебя, вернуть в мир красок, прикосновений и запахов, — сказал голос и добавил с мягкостью, сочувствием и сожалением: — Но пока я не могу этого сделать. Есть люди, которые вынуждают меня держать тебя здесь.

Голос перестал быть ничейным, бесплотным. Полли поняла, кому он принадлежит.

— Гарри Кейн и Джейхок Худ. Это они не дают освободить тебя...

Голос Кастро. Захотелось кричать...

— ...потому что ты провалила задание. Ты должна была добыть исчерпывающую информацию о рамроботе номер сто сорок три, но не справилась.

«Ложь! Ложь! Я справилась!»

Она хотела прокричать правду, всю правду. Но ведь именно этого Кастро и добивается! А она так долго не говорила!..

— Ты пытаешься мне что-то сказать? Возможно, я смогу уговорить Гарри и Джейхока, чтобы разрешили освободить твой рот. Ты ведь не против?

«Я буду просто в восторге, — подумала Полли. — Я расскажу всем тайну твоего происхождения».

Удивительно, что еще осталась способность соображать. Сон — вот что помогло. Сколько она здесь? Не годы, даже не дни; она бы чувствовала жажду. Если только ей не вливали воду внутривенно. Какое-то время она проспала, это ясно. Кастро не знал о милосердных путях. Он пришел на несколько часов позже.

Где же голос?

Тишина. Полли ощущала слабую пульсацию сонной артерии; но едва ухватила за этот стук, исчез и он.

Где Кастро? Оставил ее тут гнить?

«Говори! Говори со мной!»

«Планк» был велик, но его жилые помещения занимали менее трети объема: три кольца герметичных отсеков между грузовыми трюмами вверху и водяными топливными резервуарами и ядерными посадочными двигателями внизу. Для основания самодостаточной колонии требовалось много груза. И уйма топлива для приземления «Планка»: жесткая посадка на управляемой водородной бомбе — это куда хуже, чем падение паяльной лампы на пуховую перину.

Жилые отсеки не занимали много места. Но и тесными они не были, поскольку помещения в кормовой стороне коридора рассчитывались на комфортное проживание лишь трех растущих семей.

Вот почему допросная Хесуса Пьетро когда-то была гостиной — с диванами, карточным столом, кофейным столиком, экраном ридера, подсоединенного к корабельной библиотеке, и маленьким холодильником. Столы и другие предметы мебели исчезли, давным-давно отрезанные горелками от внешней стены. Для космического корабля, где лишнего места не бывает, это была большая комната — просто роскошная. Да и как иначе? Ведь ее жильцы не могли выйти на улицу и подышать свежим воздухом.

Теперь, опрокинутая, комната была просто высокой. На половине высоты стен располагались двери, которые вели в другие части квартиры. Дверь в коридор превратилась в люк, а дверь прямо под ней — в шкаф для хранения скафандров на случай аварии — теперь была достигаема только с лестницы. На полумесяце пола внизу стоял большой тяжелый ящик, два охранника сидели в креслах, еще одно кресло пустовало, а Хесус Пьетро Кастро закрывал мягкий раструб переговорной трубки на одном из углов ящика.

— Дадим ей минут десять, чтобы все обдумала, — сказал он, после чего посмотрел на свои часы, засек время.

Зазвонил его ручной телефон.

— Я в виварии, — доложил майор Йенсен. — Все верно, девушка — колонистка, одета в краденую экипажную одежду. Где взяла ее, мы пока не знаем. Сомневаюсь, что ответ нам понравится. Пришлось накачать ее антидотом: она умирала от передозировки.

— И нет оснований считать, что с ней был кто-то еще?

— Я бы этого не утверждал, сэр. Есть два обстоятельства. Во-первых, провода, идущие к ее койке, были оборваны. Ее шлем не работал. Она не могла отключиться самостоятельно. Или могла? Если могла, это объясняет, как днем одному из арестантов удалось проснуться.

— А потом он освободил остальных? Я в это не верю. Мы бы заметили оторванные провода.

— Согласен, сэр. Значит, кто-то оторвал провода, когда она уже была в кресле.

— Допустим. А второе?

— Когда в виварий пустили газ, один из четырех полицейских не надел носового фильтра. Мы не обнаружили этот фильтр; шкафчик охранника пуст, а когда я позвонил его жене, та заявила, что он взял фильтр с собой. Он уже проснулся, но совершенно не понимает...

— Стоит ли об этом беспокоиться? Охранники не привыкли к газовым фильтрам и к газу.

— На лбу у этого человека был знак, сэр. Вроде того, что мы нашли днем, только этот сделан шариковой ручкой.

— Вот как?

— И это означает, сэр, наличие предателя в самой Реализации.

— Что заставляет вас так считать, майор?

— Кровоточащее сердце не указывает ни на одну известную революционную организацию. Далее, только охранник мог нанести знак. Больше никто этой ночью не входил в виварий.

Хесус Пьетро подавил раздражение:

— Возможно, вы правы, майор. Завтра мы придумаем, как их выкурить.

Майор Йенсен внес несколько предложений. Хесус Пьетро выслушал, сделал соответствующие комментарии и при первой возможности отключил связь.

Услышанное очень не понравилось Хесусу Пьетро. Предатель в Реализации? Такое не исключено, и забывать об этом не стоило. Однако новость о том, что шеф имеет подобные подозрения, способна повредить моральному духу Реализации больше, чем любой предатель.

Впрочем, сейчас не это главное. Ни один предатель из охраны не смог бы невидимым войти в кабинет Хесуса Пьетро.

Хесус Пьетро позвонил энергетикам:

— Вы сейчас ничем не заняты? Хорошо. Пусть кто-нибудь принесет нам кофе.

Еще три минуты, и он сможет продолжить допрос.

Хесус Пьетро расхаживал по комнате. Он с трудом удерживал равновесие с примотанной к телу рукой: еще один повод для раздражения. Онемение в изувеченной кисти постепенно проходило.

Да, кровоточащее сердце — это что-то совсем иное...

Зловещий символ на полу вивария. Пальцы, ломающиеся без ведома их владельца. Чернильный рисунок, из ниоткуда появляющийся на обложке досье, точно подпись.

Подпись...

Интуиция — штука тонкая. Интуиция подсказала Хесусу Пьетро, что этой ночью произойдет нечто. И что-то произошло; но что именно? Интуиция или нечто похожее привели его сюда. И ведь не было никаких рациональных причин думать о Полли Турнквист. Известно ли ей что-

нибудь важное? Или подсознание имело иной резон привести его сюда?

Хесус Пьетро мерил шагами дугу внутренней стены.

Вскоре наверху кто-то постучал в дверь. Охранники схватили пистолеты и задрали головы. Послышалась возня, по лестнице медленно спустился человек, держа поднос одной рукой. Он даже не пытался закрыть за собой дверь.

Транспортник никогда не был удобным местом для работы. Повсюду вертикальные лестницы. Человеку с подносом пришлось долго спускаться спиной к окружающим — на всю длину того, что когда-то было большой комфортабельной гостиной, — прежде чем он коснулся ногами пола.

Мэтт просунул голову в дверной проем.

По лестнице спускался с подносом лаборант. На полу было еще трое людей, один из них — Кастро. Все четверо заметили появление Мэтта, посмотрели на него — и отвлеклись.

Мэтт начал спускаться, оглядываясь через плечо и стараясь удерживать все восемь глаз в поле зрения.

— Черт возьми, Худ, помогите подняться.

— Парлетт, вы же не можете ожидать...

— Помогите дойти до телефона.

— Позвоните — и нам конец, — сказал Гарри Кейн. —

Что предпримет ваша армия родственников, узнав, что мы удерживаем вас в собственном доме?

— Я здесь по собственной воле, вам это известно.

— А им это будет известно?

— Моя семья пойдет за мной.

Парлетт уперся в подлокотники кресла и с отчаянным усилием встал. Но идти он не мог.

— Они не будут знать, что происходит на самом деле, — сказал Гарри Кейн. — Только то, что вы в доме с тремя арестантами, сбежавшими из вивария.

— Кейн, они не поймут происходящего, даже если я буду рассказывать об этом два часа. Но за мной они пойдут.

Гарри Кейн открыл было рот, но ничего не сказал. У него задрожали руки. Чтобы скрыть эту дрожь, пришлось опереться о стол.

— Ладно, вызывайте их, — разрешил он.
— Нет! — заявил Джей Худ.
— Помоги ему, Джей.
— Нет! Если он воспользуется телефоном, чтобы нас сдать, то войдет в историю как величайший ловкач. А с нами будет покончено.

— Ох, да чтоб вас! — Лидия Хэнкок встала и положила руку Парлетта себе на плечи. — Не валяй дурака, Джей. Это лучший шанс за всю нашу историю. Мы должны довериться Парлетту.

И она подвела старика к телефону.

Уже пора возобновить допрос. Хесус Пьетро подождал, пока лаборант поставит поднос на ящик и отправится во-свояси.

И тут он заметил, что участился пульс. По груди тек холодный пот. Рука пульсировала, как сердце. Взгляд метался по комнате, разыскивая что-то несуществующее.

Непонятно почему, непонятно как, непонятно когда допросная превратилась в западню.

Раздался глухой стук, и у Хесуса Пьетро вздрогнул каждый мускул. Ничего подозрительного не видно. Но он, Кастро, человек без нервов, вздрагивает от малейшего шороха. Эта комната — западня! Капкан!

— Сейчас вернусь, — сказал Хесус Пьетро.

Он направился к лестнице, всем своим видом изображая уверенность в том, что делает.

— Но сэр! — спохватился охранник. — Как насчет заключенной?

— Я скоро, — сказал шеф, взбираясь по лестнице.

Он пролез через проем, нагнулся и закрыл дверь. И замер.

У него не было цели. Просто внутренний голос кричал: «Уходи!» Интуиция была столь сильна, что он подчинился не рассуждая — в разгар допроса.

Чего он испугался? Возможности узнать что-то неприятное от Полли Турнквист? Или это чувство вины? Уж точно он больше не испытывает влечения к колонистке.

А если бы и испытывал, то наверняка смог бы себя контролировать.

Подчиненные никогда не видели его таким: с поникшими плечами, с лицом в усталых морщинах. Нелепо стоящим в коридоре, поскольку ему некуда идти.

Надо вернуться. Полли Турнквист ждет его голоса. Возможно, она знает то, что необходимо знать и ему.

Он взял себя в руки и повернулся к двери. Взгляд машинально обогнул яркую матовую панель на стене. У всех, кто работал внутри транспортников, развилась эта привычка. Панели имели нормальную яркость, когда служили потолочными лампами. Как настенное освещение, они резали глаз.

Двигаясь по дуге, взгляд за что-то зацепился самым краешком. Кастро перевел его на матовую панель. На ней синел рисунок.

Мэтт был уже почти внизу лестницы, когда человек в лабораторном халате начал подниматься.

Если Демоны Тумана и отреагировали на его беззвучное проклятие, они никак этого не выдали. Избегая столкновения, Мэтт перемахнул под лестницу и спрыгнул. Приземлился со стуком. Все головы резко обернулись. Мэтт, тихо ступая, перебрался в угол и стал ждать.

Он с самого начала понимал, что не может во всем полагаться на свою уникальную способность. В какой-то момент он устанет бояться; надпочечники прекратят вырабатывать адреналин...

Охрана уставилась в потолок. Лаборант исчез в проеме и закрыл за собой дверь. Только Кастро продолжал вести себя подозрительно, все обшаривал комнату взглядом. У Мэтта успокоилось дыхание.

Человек с кофе появился как раз вовремя — Мэтт уже почти решил пойти на поиски пульта управления реактором, чтобы потом вернуться за Кастро. Обнаружив, что чернила хорошо ложатся на матовое стекло лампы в коридоре, он нарисовал на одной из них знак, чтобы отличить дверь, ведущую в допросную, — и тут из-за угла вышел лаборант.

Да, Кастро вел себя странно. Разговаривая с ним в кабинете, Мэтт ни на секунду не прекращал его бояться. Но сейчас Хесус Пьетро выглядел совсем безобидно — просто нервный человек с перевязанной рукой.

«Опасные мысли, — подумал Мэтт. — Бойся!»

Внезапно Кастро начал подниматься по лестнице.

Мэтт прикусил нижнюю губу. Прямо погоня из комедии! Куда шеф направляется теперь? Как Мэтт будет удерживать на себе шесть глаз — два наверху и четыре внизу, — взбираясь по лестнице?

Он все же направился к ней.

— Но сэр! Как насчет заключенной?

— Я скоро.

Мэтт снова юркнул в угол. Заключенная?

«Гроб». Это слово было почти позабыто на Горе Погляди-ка, где и экипажники, и колонисты кремировали своих мертвых. Но ящик у стены был достаточно велик, чтобы держать в нем человека.

Надо заглянуть внутрь.

Но сначала охранники...

— Майор, вас вызывает шеф.

— Благодарю, мисс Люссен.

— Йенсен, это вы?

— Да, сэр.

— Я нашел еще одно кровоточащее сердце.

— В «Планке»?

— Да. Прямо над комнатой с «гробом», на лампе. Я хочу, чтобы вы закрыли воздушные шлюзы «Планка», заполнили корабль газом, потом пришли с отрядом. Любого, кого не опознаете сразу, глушите парализатором. Понятно?

— Да, сэр. А если предателем окажется кто-то знакомый?

— Тогда разбирайтесь сами. У меня есть веские основания полагать, что это не полицейский, хотя может быть в форме. Сколько времени вам понадобится?

— Минут двадцать. Вместо лифтов можно использовать машины, но это займет почти столько же времени.

— Хорошо. Используйте машины. Сначала перекройте лифты. Я хочу максимальной внезапности.

— Да, сэр.

— Выполняйте.

С охранниками Мэтт справился легко: зашел одному из них за спину, вытащил пистолет из его кобуры и уложил обоих.

Пистолет он оставил. Держать его в руке было приятно. Он устал бояться. Но если бы хоть на миг ослабил бдительность, то мог бы погибнуть. А теперь, пусть ненадолго, можно не прислушиваться к шагам и не смотреть во все стороны одновременно. Звуковой парализатор явно надежнее, чем непонятная, непривычная пси-сила.

«Гроб» был больше, чем казался с лестницы. Мэтт нашел большие защелки, они легко поддались. Крышка была тяжелой, снизу ее покрывал пенопласт со звукопоглощающим слоем из плотно посаженных мелких конусов.

Внутри Мэтт увидел кокон из мягкой и толстой белой ткани. Очертания лишь отдаленно напоминали человеческие. У Мэтта зашевелились волосы на затылке. «Гроб». И тот, кто в нем лежит, не шевелится. Если это Полли, то она мертва.

Тем не менее он принялся разматывать кокон, начав с головы. Обнаружил ушные накладки, а под ними — человеческие уши. Теплые! У Мэтта появилась надежда.

Он развернул ткань и увидел карие глаз. Они глядели на него и моргали.

Надежда превратилась в уверенность. Это Полли, и она жива!

Она пыталась помочь, стаскивала с ног ткань обочелки, прокладки, провода датчиков. Но толку от нее было мало. У нее не действовали пальцы, а по мускулам рта, рук и ног пробегали судороги. Когда она полезла из «гроба», Мэтту пришлось ее подхватить, и оба повалились на пол.

— Спасибо, что вытащил, — с трудом проговорила она.

— Я для этого и пришел.

— Я тебя помню.

Полли встала, цепляясь за его руку. Она не улыбалась. Когда Мэтт освобождал ее от кокона и приборов, она выглядела как ребенок, ожидающий порки.

— Ты Мэтт... а дальше не помню.

— Мэтт Келлер. Стоять можешь?

— Где мы? — спросила она, не отпуская его руку.

— В Госпитале. Но у нас неплохие шансы выбраться, если будешь меня слушаться.

— Как ты сюда попал?

— Джей Худ сказал, что я своего рода телепат. Люди меня не видят, пока я их боюсь. Вот на это и расчет. С тобой все в порядке?

— Раз ты спрашиваешь, значит нет.

Полли наконец-то улыбнулась, но эта призрачная, болезненная улыбка исчезла уже через секунду. Лучше бы ее вовсе не было.

— Выглядишь не очень. Пойдем присядешь.

Полли держалась за его плечо обеими руками, боялась упасть. Мэтт подвел ее к креслу.

«Она все еще в шоке», — подумал он.

— А еще лучше ложись. На пол. Теперь ноги на стул. Что, ради Демонов Тумана, с тобой делали?

— Это долгая история...

Ее брови сдвинулись, между глазами пролегла глубокая складка.

— ...но я могу ее быстро рассказать. Со мной ничего не делали. Абсолютно ничего.

Она улеглась, как посоветовал Мэтт, и устремила взгляд в потолок. Даже не в потолок, а сквозь него — в ничто.

Мэтту захотелось отвернуться. Полли больше не была хорошенькой. Волосы — как гнездо домоуборщиков, макияж размазан, но дело не только в этом. Что-то исчезло, а взамен появилось нечто другое. От ее лица отлила кровь, — глядя в ничто, Полли видела нечто запредельно страшное.

Наконец она спросила:

— Мэтт, что ты здесь делаешь?

— Тебя спасаю.

— Ты не из Сынов Земли.

— Верно.

— Может, стукач? На дом Гарри напали как раз в тот вечер, когда ты пришел.

— Какая черная неблагодарность от девы, вызволенной из беды.

— Прости.

Но ее взгляд был пристальным и подозрительным. Она спустила ноги с кресла и села на полу. Одежда на ней была больничная, непривычная Мэтту — похожая на спортивный костюм, но из мягкой и непрочной ткани. Ее пальцы стали играть с этой тканью — мять, тянуть, скатывать, комкать.

— Я не могу доверять никому и ничему. Даже не уверена, что все это не фантазия. Может, я по-прежнему лежу в ящике.

— Спокойно. — Мэтт успокаивающе сжал ее плечо. — Ты придешь в себя...

Она вцепилась в его руку так сильно, что он отшатнулся. Все ее движения были слишком резкими, слишком грубыми.

— Ты даже не представляешь, что это такое! Меня закутали и сунули в «гроб», и я там лежала совсем как мертвая!

Она сжимала его кисть, ощупывая пальцы, ногти и суставы, словно никогда прежде не касалась человеческой руки.

— Я пыталась вспоминать разные вещи, но все они ускользали. Это было...

Полли запнулась. Ее горло вздрагивало, губы беззвучно кривились.

Вдруг она бросилась на Мэтта. Повалила его на спину и обвила вокруг. В этом не было никакой страсти. Девушка льнула к нему, как утопающий льнет к спасительному бревну.

— Эй! — сказал Мэтт. — Пистолет. Ты его оттолкнула.

Она не отреагировала. Мэтт поглядел на верхнюю дверь. Та не двигалась, и не доносилось зловещих звуков.

— Ничего, — сказал он, — теперь все в порядке. Ты не в «гробу».

Она не отпустила Мэтта. Терлась лицом о его плечо.

— Ты не в «гробу», — повторил он и, высвободившись, стал массировать ей шею и плечевые мышцы, вспоминая, как позавчера это делала Лейни.

Полли трогала, сжимала предметы — убеждалась в их материальности. Похоже, это «лечение в гробу» — пытка, какой ему даже не вообразить. Полли должна была потерять всю связь с реальностью, всю веру в существование вещей вне этой искусственной утробы. И поэтому она двигала ладонями по его спине, водила кончиками пальцев по его лопаткам и позвонкам, терлась о него ступнями, бедрами, руками, всем телом — осязая каждым квадратным дюймом кожи...

Он почувствовал пробуждающееся желание. Двери, вогнутые стены, пистолеты, Реализация — все вдруг отдалилось, пропало. Осталась только Полли.

— Помоги мне, — сказала она сдавленным голосом.

Мягкая ткань ее комбинезона рвалась, как салфетка. «Зачем вообще нужна такая одежда? — отстраненно подумал Мэтт.

Но это тоже не имело значения.

Наконец Полли сказала:

— Что ж, я все-таки реальна.

А Мэтт, умиротворенно соскальзывая с какого-то далекого пика нирваны, спросил:

— Ты эту помощь имела в виду?

— Я не знаю, что я имела в виду. Мне нужна была помощь. — Она слабо улыбалась глазами и ртом. — Предположим, я имела в виду не это. Что же тогда?

— Тогда я тебя коварно обольстил. — Он чуть отодвинул голову, чтобы посмотреть ей в лицо; перемена была невероятна. — Боялся, что ты совсем съехала с катушек.

— Я тоже.

Мэтт глянул на дверь и потянулся за пистолетом. Нирвана кончилась.

— Ты действительно пришел меня освободить?

— Ага.

Он не сказал про Лейни. Ни к чему портить такой момент.

— Спасибо.

— Пожалуйста. И надо отсюда выбраться.

— У тебя нет ко мне вопросов?

Что это, она испытывает его? Все еще не доверяет? А почему она должна доверять?

— Нет, — сказал он, — никаких вопросов. Но есть вещи, которые я должен тебе сказать...

Лежа под ним, она напряглась:

— Мэтт... где мы?

— В Госпитале. В его недрах. Но выйти сможем.

Она выскользнула из-под него и вскочила на ноги:

— Мы в транспортнике! В каком?

— В «Планке». А это важно?

Она выхватила пистолет из кобуры второго охранника:

— Можно взорвать термоядерный реактор! Превратить Госпиталь и весь экипаж в туман бездны! Давай, Мэтт, шевелись. В коридоре есть охранники? Сколько их?

— Взорвать?! Да ты в своем уме?

— Мы уничтожим Госпиталь и большую часть Плато Альфа! — Она подобрала свой разорванный комбинезон, осмотрела его и отбросила. — Придется снять штаны с полицейского. Наконец-то! Мы победим, Мэтт! Одним ударом!

— Кто победит? Мы погибнем!

Полли стояла, уперев кулаки в бедра, и с презрением глядела на него. Она уже надела форменные брюки Реализации, которые были ей слишком велики. Мэтту прежде не доводилось видеть такого азарта и темперамента.

— Я и забыла. Ты не Сын Земли. Ладно, Мэтт, выясни, как далеко ты сможешь уйти. Может быть, выберешься из зоны поражения. Хотя сомневаюсь.

— У меня к тебе личный интерес. Я не для того прошел весь этот путь, чтобы ты совершила самоубийство. Ты идешь со мной.

Полли натянула рубашку охранника, потом закатала длинные штанины.

— Ты выполнил свой долг. Не желаю показаться неблагодарной, Мэтт, но у нас разные цели. Поэтому расходимся. — Она крепко его поцеловала, потом, отпихнув, прошептала: — Я не могу упустить такой шанс. — И направилась к лестнице.

Мэтт преградил ей дорогу:

— Без меня ты никуда не доберешься. Мы уйдем из Госпиталя — если сможем.

Полли ударила его.

Она ударила его двумя напряженными пальцами под грудину, туда, где ребра сходятся перевернутой буквой «V». Он согнулся от боли, хватая воздух, как рыба. Почувствовал на шее ее пальцы и понял, что она снимает газовый фильтр.

Боковым зрением Мэтт видел, как она поднимается по лестнице. Слышал, как открылась и закрылась дверь. По легким медленно распространялось пламя. Он силился вдохнуть, и было больно.

Он никогда не умел драться. «Удача Мэтта Келлера» избавляла от такой необходимости. Один раз он ударил охранника в челюсть — вот и вся бойцовская биография. И кто бы мог подумать, что хрупкая девушка способна бить с такой силой?

Дюйм за дюймом он разгибался, выпрямлялся. Мелкими болезненными глотками втягивал воздух. Когда боль над сердцем позволила снова двигаться, он шагнул к лестнице.

Глава 13

ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ ОДНОВРЕМЕННО

Полли плавно бежала. Газовый фильтр она укрепила на носу. Руку с пистолетом держала вытянутой, целясь за изгиб внутреннего корпуса. Появись враг, он сразу окажется на мушке. Сзади никто не нападет, она двигается слишком быстро.

Полли принадлежала к руководству Сынов Земли, а потому знала «Планк» не хуже собственного дома. Рубка управления находилась по ту сторону воздушного шлюза. Минуя двери, Полли отмечала в уме: гидропоника... библиотека...

Рубка управления. Дверь закрыта, лестницы нет.

Полли сгруппировалась, прыгнула, ухватилась за ручку. Рубкой давным-давно не пользовались, поэтому не было смысла ее запирать. Но дверь была закрыта, и открывалась она внутрь, то есть вверх. Полли отцепилась и бесшумно приземлилась на носки.

Может, пробраться в помещение реактора? Но там все тщательно контролируется. Оттуда техники Госпиталя снабжают энергией колониетские области. Встречи с людьми не миновать, и ее наверняка остановят.

У охранника оказался бумажник.

Она снова прыгнула, поймала и повернула ручку, просунула бумажник между дверью и косяком в том месте, где должна была находиться защелка замка. И снова отцепилась, и снова прыгнула. На этот раз она ударила по двери ладонью изо всех сил. Та шатнулась вверх... и отворилась.

Вдалеке за изгибом коридора кто-то прокричал:

— Что там внизу происходит?

Полли энергично задышала носом, наполняя легкие воздухом через нос. Полностью контролируя себя, она прыгнула в последний раз, вцепилась в косяк и подтянулась. Тяжелые шаги... Она закрыла дверь, не дожидаясь, когда покажется человек.

Здесь к бывшему потолку крепились лестница. Надо полагать, первый экипаж «Планка» использовал ее для выхода из кабины после первой посадки. Теперь ею воспользовалась Полли.

Она забралась во второе кресло слева и увидела перед собой пульт управления. Из него выходил кабель и тянулся к стене; там была снята панель и приварен обыкновенный железный брусок, а к нему прикреплены две платы: рубка напрямую соединялась с реакторным отсеком. В полете нужны два пульта: в реакторном отсеке — чтобы управлять работой двигателя и следить за ее стабильностью; в рубке — чтобы направлять корабль. Теперь термоядерный двигатель использовался только для выработки электричества, и пульт управления перед Полли был мертв.

Она покинула кресло и быстро спустилась по лестнице. Около двери — шкаф с инструментами. Если там найдется электросварочный аппарат...

Нашелся.

И если вокруг нет анестезирующего газа или он хотя бы не горюч...

Полли включила аппарат, и ничего не взорвалось. Она стала заваривать захлопнувшуюся дверь.

Почти сразу это было замечено. Через дверь доносились возбужденные голоса. Потом возникло легкое оцепенение от звукового излучателя. Дверь плохо пропускала звук, но Полли вряд ли выдержала бы долго. Все же она успела закончить сварку, потом поднялась по лестнице.

Тем же сварочным аппаратом она перерезала обходной провод. Получилось не быстро; не завари Полли дверь, полицейские успели бы ворваться. Но теперь их усилия тщетны. Ей принадлежит все время в мире. В их мире.

Мэтт добрался до коридора и пошел, оставив за собой открытой дверь допросной. Он шагал, не в состоянии расправить грудь, прижимая ладони к больному месту. Забытый пистолет остался внизу.

— Либо я по натуре не деспот, — бормотал он, странным образом радуясь собственному голосу. — Либо я пытался не ту женщину подчинить.

Из-за изгиба коридора появилась тяжело шагающая фигура. Хесус Пьетро Кастро, с газовым фильтром на лице, с массивным пистолетом для стрельбы милосердными иглами в руке, вовремя поднял голову, чтобы избежать столкновения. Он резко остановился — и уронил челюсть. Он видел перед собой голубые глаза, каштановые волосы, недоброе лицо колониста, искалеченное ухо и пропитанный кровью воротник экипажной куртки.

— Ты согласен? — беспечно спросил Мэтт.

Кастро поднял пистолет. «Удача» кончилась.

И тут вся ярость и все унижение вырвались на свободу.

— Хорошо же! — закричал Мэтт. — Смотри на меня! Смотри на меня, будь ты проклят! Я Мэттью Келлер!

Шеф уставился на Мэтта. Он не стрелял. Он смотрел.

— Я дважды в одиночку проник в твой гнусный Госпиталь! Я прошел через стены и туман бездны, через снотворный газ и милосердные пули, чтобы вызволить эту

проклятую бабу, а когда я ее освободил, она врезала мне так, что я скрючился от боли! Так что давай смотри!

Кастро смотрел.

Он давно должен был бы выстрелить. Но не стрелял. Смотрел.

Кастро мотал головой, словно протестуя. Но не отводил глаз от Мэтта. Очень медленно, словно по колени в твердеющем цементе, он сделал шаг вперед.

Мэтт вдруг понял, что происходит.

— Не смотри в сторону, — поспешил сказать он. — Смотри на меня.

Шеф был уже достаточно близко, и Мэтт, протянув руку, отвел ствол пистолета, стараясь при этом удержать взгляд Кастро.

— Продолжай смотреть.

Они глядели друг другу в глаза. Глаза Кастро над массивным фальшивым носом были поразительны: черно-белые; только белки и расширенные донельзя зрачки, практически без радужки. Его челюсть так и оставалась отвисшей под скобкой белоснежных усов. Казалось, он тает, — пот обильно стекал за воротник. Словно охваченный страхом, изумлением и благоговением, он смотрел.

Заставь чужие зрачки сузиться, и ты станешь психологически невидимым. Расширь их, и ты получишь... что? Экстаз?

Мэтт отвел кулак... но не смог ударить. Это все равно что напасть на калеку. Впрочем, Кастро и был калекой, с рукой на перевязи.

Из коридора, в той стороне, куда убежала Полли, раздались крики.

Шеф сделал еще один шаг, как сквозь клей.

Слишком много врагов, и впереди и позади. Мэтт выбил оружие из руки Кастро, повернулся и побежал.

Спрыгивая сквозь люк в комнату с «гробом», он увидел, что шеф все еще смотрит ему вслед, удерживаемый неподступными чарами.

Мэтт захлопнул люк над собой.

Полли наконец перерезала полосу, и пульт ожил. Она быстро пробежала глазами по засветившимся циферблатам, затем медленно изучила их.

Согласно показаниям приборов, термоядерный реактор был холоден, как пещеры Плутона.

Она удивленно присвистнула. Пульт исправен, показания не конфликтуют между собой. Кто-то решил обесточить колониистские области.

Отсюда ей не запустить реактор. И в реакторный отсек не попасть; она сама замуровала себя здесь.

Эх, если бы это был «Артур Кларк»! Кастро ни за что бы не решился отключить энергоснабжение для экипажа. Термоядерный реактор «Кларка» должен работать на полную мощность.

«Ну и хорошо», — подумала она и в растущем возбуждении съехала по лестнице.

Наверняка можно добраться и до «Кларка».

Хесус Пьетро почувствовал, как чья-то рука трясет его плечо. Он обернулся и увидел майора Йенсена.

— В чем дело?

— Мы заполнили «Планк» газом, сэр. Любой, кто не предупрежден, должен потерять сознание, если только он не за дверями. Плохо, что вокруг валяется так много фильтров. Тот, кого мы ловим, мог подобрать один из них.

— Хорошо, — сказал Хесус Пьетро.

Он не мог сосредоточиться. Хотелось побыть одному, подумать... Нет, ему не хотелось быть одному...

— Продолжайте, — сказал он. — Проверьте комнату с «гробом». Он может быть там.

— Его там нет. А если он там, значит у нас не один предатель. Кто-то забрался в полетную рубку и заварил за собой дверь. Хорошо, что выключен термоядерный реактор.

— Вытащите его оттуда. Но и комнату с «гробом» проверьте.

Майор Йенсен направился туда, где царила суматоха. Хесус Пьетро задался вопросом, что он увидит, когда наконец заглянет в комнату с «гробом». Действительно ли

призрак Келлера скрылся там, или он растаял во время беготни по коридорам? Хесус Пьетро ни в чем не был уверен.

Кроме того что призрак — не плод его воображения.

Никогда ему не забыть эти глаза. Эти завораживающие, ослепляющие, парализующие глаза. Они будут преследовать Кастро весь остаток жизни. Очень короткий остаток, потому что призрак теперь точно не даст уйти Хесусу Пьетро.

Зазвонил его телефон. Сняв его с пояса, Кастро сказал:

— Шеф.

— Сэр, мы получаем крайне странные донесения, — произнесла мисс Люссен. — К Госпиталю стягивается большое количество машин. Кто-то, назвавшийся представителем Совета, обвиняет вас в измене.

— Меня? В измене?

— Да, сэр.

Голос мисс Люссен звучал странно.

— На каком основании?

— Мне это выяснить, сэр?

— Да. И прикажите им приземлиться вне защитного периметра. Если этого не произойдет, отправьте туда патрульные машины. Это наверняка Сыны Земли.

Он отключился и тут же подумал: «Но откуда они все взялись? И где достали машины?.. Келлер?»

Телефон зазвонил опять.

Голос мисс Люссен стал жалобным, почти недовольным:

— Сэр, прибывших возглавляет Миллард Парлетт. Он обвиняет вас в должностных преступлениях и измене и приказывает сдать для суда.

— Он сошел с ума.

Хесус Пьетро пытался размышлять. Все навалилось одновременно. Не потому ли Келлер наконец показался ему? На этот раз без загадочных символов, без сломанных непонятным образом пальцев. Глаза Келлера...

— Постарайтесь посадить старика, не причинив ему вреда. Остальных тоже. Прикажите им поставить машины на автопилот. Скажите, что им нечего опасаться. Дайте им одну минуту, а потом парализуйте.

— Мне неудобно напоминать вам, сэр, но Миллард Парлетт — ваш вышестоящий начальник. Вы не сдадитесь?

И тут Хесус Пьетро вспомнил, что мисс Люссен почти чистокровная экипажница. Нет ли в ее жилах крови Парлетта?

Он сказал единственное, что мог:

— Нет.

Телефон выключился, отрезав его от коммутатора Госпиталя и от всего внешнего мира.

Мэтт вышел наружу неподготовленным и знал об этом. Полученный от Полли удар почему-то вызывал желание умереть. Он выбрался в коридор, чтобы его схватили.

Но теперь... Нет уж. Он подобрал трофейный пистолет и направился к лестнице. На этот раз он будет знать, что делать, когда выйдет в эту дверь.

А зачем проходить через все это? Эта мысль остановила его у лестницы. Если Полли намерена взорвать реактор...

Нет, до реактора она не доберется. И не надо ее спасать — хватит, доспасались. Пора думать, как выбраться отсюда. Он посмотрел вверх, на люк, — и вздрогнул.

Как только Мэтт высунет из этого люка голову, кто-нибудь в нее выстрелит. Чтобы использовать «удачу», надо видеть врага, а он не может смотреть во все стороны сразу.

Да, это помещение не годится, чтобы выдержать осаду. Если просто стрелять милосердными иглами вниз, рано или поздно одна из них найдет Мэтта. Если охранник сунется внутрь, перед тем как стрелять, «удача» его обезвредит; но ведь обезвредил бы и обычный звуковой парализатор. Стрелок не будет заглядывать в люк.

Надо выбираться отсюда.

Но... у Кастро был фильтр на носу. Значит, Реализация пустила газ. Коридор уже им заполнен.

Слишком много обстоятельств следует учесть! Мэтт выругался и решил обшарить карманы охранника. Тот зашевелился и попытался задушить Мэтта вялыми пальцами. Мэтт обработал обоих полицейских парализатором и закончил поиски. Ни у кого не оказалось газового фильтра.

Мэтт посмотрел на дверь. Конечно, мог рискнуть, но если в коридоре газ, от него защищает только эта воздухо- непроницаемая дверь. Разумеется, она обязана быть воздухо- непроницаемой.

Перебраться в другую комнату? Мэтт посмотрел на двери, которые вели в помещения, похожие на спальни. Но они находились на большой высоте и слишком далеко от лестницы.

А рядом с выходом он заметил скромных размеров дверь, там, где в любой нормальной квартире располагался бы шкаф для верхней одежды. Надо проверить.

Разумеется, это был не платяной шкаф. Внутри хранились два скафандра.

Добраться туда было нелегко. Мэтту пришлось прыгнуть с лестницы, чтобы повернуть ручку, а потом снова прыгнуть и ухватиться за край проема. Выбраться из каморки, когда настанет время, тоже будет сложно.

Скафандры — словно полые люди. Когда-то они висели на крючках, а потом растянулись на полу. Толстая эластичная ткань; тяжелое металлическое шейное кольцо с креплениями для отдельно надевающегося шлема. Металлические скобы, вделанные в ткань, охватывают ракетный ранец и пульт управления под подбородком.

Будет ли работать система регенерации воздуха? Спустя триста лет? Смешно. Но в баллонах может оставаться воздух. Мэтт нашел ручку на пульте одного из скафандров, повернул ее и услышал шипение.

Воздух есть. Скафандр защитит от газа. А большой аквариум шлема не мешает ни зрению, ни «удаче».

Когда дверь в коридор распахнулась, Мэтт схватил пистолет. Вскоре на лестнице показались ноги. Мэтт навел на них парализатор. Удивленно хмыкнувший человек попал в поле зрения целиком — и полетел вниз.

Властный голос потребовал:

— Эй, ты там! Выходи!

Мэтт ухмыльнулся, отложил пистолет и потянулся за скафандром. Закружилась голова, захотелось спать. Да, верно он угадал насчет газа.

Мэтт поставил подачу воздуха на максимум и просунул голову в шейное кольцо шлема. Сделав несколько глубоких вдохов, задержал дыхание и полез в скафандр ногами вперед.

— У тебя нет ни единого шанса! Выходи, или мы придем за тобой!

«Валяйте».

Мэтт пристегнул шлем и стал дышать. Головокружение прошло, но надо двигаться осторожно, тем более что скафандр маловат.

Послышался стук милосердных иголок, в проеме показались лицо со злобным оскалом и рука с пистолетом. Мэтт выстрелил в физиономию. Человек повалился головой вперед, но не упал; его схватили за ноги и вытащили.

Мэтт морщил нос — в скафандре сильно пахло металлом. Любой был бы на седьмом небе от счастья, совершив в одиночку побег из Госпиталя. Поистине, надо быть везунчиком Мэттом Келлером, чтобы...

Донесся рев, как будто где-то вдалеке происходил непрерывный взрыв.

«Что теперь они пробуют?» — подумал Мэтт и поднял пистолет.

Корабль содрогнулся, и снова, и снова... Мэтта трясло, как куклу в коробке. Все же он ухитрился упереться в стены ногами и плечами.

«А я-то думал, этот сукин сын блефует!»

Он поймал парализатор, грозивший улететь в пространство.

Корабль подпрыгнул. Мэтт получил сильный удар по скуле в тот момент, когда оторвалась целая стена комнаты. Рев внезапно усилился, и многого.

— Мы слишком близко, — сказал Парлетт.

Худ, сидевший в кресле водителя, ответил:

— Мы и должны быть достаточно близко, чтобы отдавать приказы.

— Глупости. Вы боитесь, что вас кто-нибудь назовет трусом. Говорю вам, держитесь позади. Предоставьте воевать моим людям — у них достаточно опыта.

Худ пожал плечами и рычагом «3-4» подал машину назад. В армаде из сорока с лишним машин, в рое красных хвостовых огней на фоне звездного неба, они и так двигались последними. В каждой машине Парлеттова войска сидели двое его потомков — водитель и стрелок.

Парлетт, нависая над телефоном, как гриф, вдруг прокаркал:

— Я связался с Дирдре Люссен! Всем молчать. Слушай, Дирдре, ситуация чрезвычайная...

Остальные — Гарри Кейн, Лидия Хэнкок и Джей Худ — слушали.

Разговор занял несколько минут. Наконец Парлетт откинулся на спинку кресла, улыбаясь хищными белыми зубами.

— Ну вот, она передала наши обвинения по интеркому. Теперь одна часть Реализации пойдет против другой.

— Вам потом будет очень непросто обосновать эти обвинения, — предупредил его Гарри Кейн.

— Вовсе нет. К тому времени я смогу убедить самого Кастро в том, что он виновен в измене, злоупотреблении служебным положением и разнузданном инцесте. При условии... — Парлетт сделал эффектную паузу. — При условии, что мы возьмем Госпиталь. Если я буду контролировать Госпиталь мне поверят все. Потому что только я и буду говорить. Основной посыл таков. По закону я отвечаю за Госпиталь, и получил эту обязанность еще в ту пору, когда Кастро был ростом с Худа. Не будь меня, она досталась бы другому экипажнику. На практике же Госпиталь принадлежит Кастро, и я должен исправить ситуацию. Нам необходимо взять под контроль Госпиталь до того, как начнем менять правительство на Горе Погляди-ка. А взяв контроль, я его удержу.

— Посмотрите вперед.

— Полицейские машины. Их не много.

— Идут плотным строем. Интересно, это хорошо или плохо? Никто из нас не учился воздушному бою.

— Почему вы не воюете друг с другом?

— Мы ожидали, что придется воевать, — сказал Парлетт. — Но и мысли не допускали, что это будет война с Госпиталем.

— Что это, ради Демонов Тумана?

Парлетт резко подался вперед, схватился неодинаковыми руками за приборную панель. Он не ответил.

Гарри потряс его за плечо:

— Что это? Похоже на пожар в крыле Госпиталя.

Парлетт окаменел от шока.

И тут огромный кусок Госпиталя отделился от остального и величественно двинулся прочь. Вокруг его основания бушевало оранжевое пламя.

— Это «Планк», — ответил Миллард Парлетт, — взлетает на посадочных двигателях.

Полли сидела в переднем левом кресле. Она с исключительной осторожностью прикасалась к органам управления, но ручки все равно двигались короткими рывками. Должно быть, где-то в цепи управления, которая вела от этого кресла к ядерным сборкам, отваливались хлопья ржавчины.

Наконец сборки разогрелись.

И Полли попробовала водяные клапаны.

Похоже, транспортники содержались в готовности к немедленному взлету. Наверное, такое решение было принято в первые годы колонизации, когда никто — ни экипаж, ни колонисты — не знал, выживет ли колония на другой планете. Потом об этом забыли, и корабль лишь обслуживался в рутинном порядке.

Пока транспортники сами не стали частью Госпиталя, а жилые отсеки не превратились в лабиринт лестниц и времянок. Пока банки органов не были полностью вынесены из кораблей и не закрылись отсеки гибернации. Пока корабли не превратились в электростанции — хоть и с допросными и, возможно, с другими секретами.

Но шкафы с инструментами остались нетронутыми. А в опрокинувшихся кладовках, за дверями, которые не открывались веками, лежали скафандры.

В топливных баках и посадочных двигателях остались вода и уран. Никто не позаботился о том, чтобы их удалить. Вода не испарилась — резервуары были рассчитаны на тридцатилетнее хранение в межзвездном вакууме. А уран...

Полли подала воду в разогретые двигатели, и корабль взревел. Она издала торжествующий крик. Корабль содрогался и вибрировал по всей своей длине. За приваренной дверью звучали приглушенные вопли.

Что ж, не выйдет так — выйдет по-другому! Термоядерный двигатель «Планка» выключен, но двигатель «Артура Кларка» должен работать на всю мощность. И когда Полли обрушит на него «Планк» из-за атмосферы, взрыв снесет всю верхушку Плато Альфа!

— Стартуем, — прошептала она.

«Планк» оторвался от скальной поверхности, поднялся на несколько футов и неуклюже осел обратно. Казалось, огромный корабль тяжеловесно подпрыгивает на чем-то мягком. Полли понажимала водяной клапан — никакого эффекта. И подача воды, и реактор работали на максимуме.

Полли зарычала от злости. Реактор почти мертв, ему не превозмочь даже силу тяготения Горы Погляди-ка, всего восемь десятых от земной. Если бы не посадочная юбка, создававшая эффект воздушной подушки, «Планк» вообще не сдвинулся бы с места.

Она потянулась через пульт к соседнему креслу. Под ее рукой сдвинулся рычаг, и в кормовой части «Планка» качнулись два стабилизатора. Корабль накренился и пополз, толкнув Госпиталь почти нежно — раз-другой.

По Госпиталю с ревом разливалось пламя. То был водяной пар, разогретый до белого каления, до точки распада на кислород и водород, и он уничтожал все на своем пути. Как ураган смерти, он ревел в коридорах и проламывался сквозь стены там, где коридоров не было. Люди даже не успевали понять, что их убивает — прикосновение сверхперегретого пара моментально ослепляло.

Третий первого этажа была охвачена огненной смертью, рассеянной пламенем двигателей.

Для людей внутри и снаружи Госпиталя, людей, которые никогда не встречались и никогда не встретятся, в эту ночь все произошло одновременно. Остававшиеся в здравом уме запирали двери и искали убежища, чтобы дождаться конца событий.

— Это Лейни, — сказал Джей Худ. — Больше никому. Она добралась.

— Элейна Мэттсон?

— Да. Она забралась в «Планк». Представляете?

— Она идеально выбрала момент. Знаете, что произойдет, когда она взорвет двигатель?

— О боже! Что же нам делать?

— Продолжаем полет, — сказал Парлетт. — Нам уже не уйти на безопасное расстояние. Пойдем на прорыв и будем надеяться, что мисс Мэттсон сообразит: колонисты побеждают.

— Еще полицейские машины, — сказал Гарри Кейн. — И слева, и справа.

Полли опять взялась за рычаг. Корабль наклонился в другую сторону и тяжело пополз прочь от Госпиталя.

Она не решилась наклонить корабль еще больше. Какой зазор остается под посадочной юбкой? Фут? Ярд? Десять ярдов? Если юбка коснется земли, корабль опрокинется.

А это не входило в планы Полли.

Дверь позади нее раскалилась докрасна. Полли оглянулась, оскалив зубы. Она поводила руками над пультом, но в итоге оставила все как было. Надо будет облететь весь Госпиталь, а затем корабль помчится к «Артуру Кларку».

И она будет таранить до тех пор, пока один из кораблей не развалится.

Она и не заметила, как алое пятно на двери стало белым, а затем образовалась дыра.

Корабль подпрыгнул на три фута, и Мэтт стукнулся головой о дно шкафа. Взглянув вверх, он увидел, как стена комнаты — часть внешнего корпус корабля — рвется,

точно салфетка, с мучительным воплем умирающего старого металла. И глазам Мэтта открылся кабинет Кастро.

Он не мог ни думать, ни двигаться. Вся сцена напоминала кошмар, она находилась за пределами понимания.

«Магия! — подумал он и еще: — Только не снова!»

Госпиталь как во сне уплывал вдаль. Мэтт оглох, так что все происходило в жуткой тишине. Корабль стартовал...

А в скафандре не было воздуха. В баллонах его осталось только на предсмертный хрип. Чувствуя вялость и покалывание в пальцах, Мэтт поднял застежки, отшвырнул шлем и вдохнул. Потом вспомнил о газе.

Но воздух был чистым и горячим, он с воем врывался через зияющую во внешнем корпусе дыру. Мэтт глотал его, захлебывался им. Перед глазами плавали пятна.

Корабль подергивался то вверх, то вниз, как при морской качке.

«Это колебательный процесс в двигателях», — подумал Мэтт и постарался не замечать.

Но один важный момент нельзя было оставить без внимания.

Полли добралась до рубки управления, и теперь она поднимает корабль. Как узнать, на какой уже они высоте? Огни Госпиталя померкли, снаружи все равномерно черное по контрасту с освещенной комнатой. «Планк» взлетает, у него в борту огромная дыра, за бортом — открытый космос, а у Мэтта не надет шлем.

Корабль вел себя уже спокойнее. Мэтт прыгнул на лестницу. Скафандр сковывал движения, но Мэтт все же сумел ухватиться. Мешала еще и тяжесть ранца. Но о нем Мэтт смог подумать не раньше, чем оказался на полу.

Если посадочные двигатели «Планка» еще работают, то почему бы не работать и ракетному ранцу скафандра?

Он рассмотрел пульт управления, предназначенного для манипулирования на ощупь. Раньше, с надетым шлемом, это сделать не удалось. Ранец был усажен миниатюрными дюзами. Мэтта, разумеется, интересовали те, что внизу.

Какая сейчас высота?

Он попробовал две нижние кнопки, и за спиной взревело. Похоже, не ошибся — его тянет. Ручка управления

только одна. Наверняка она управляет всеми двигателями сразу, точнее, всеми включенными.

И что же еще следует знать? На какой высоте корабль.

Он наполнил легкие воздухом и пробрался через дыру в стене. Окунулся во тьму и с силой потянул ручку. Но она не двигалась — уже добралась до максимума. Через секунду Мэтт сообразил, что ранец предназначен для работы в космосе, что при нормальной тяжести он вряд ли способен поднять собственный вес.

Мэтт ударился.

Двигаясь осторожно, чтобы не мешать людям с автогенами, майор Йенсен заглянул в отверстие.

Они поставили под дверь в рубку управления платформу, чтобы два человека могли работать одновременно. Платформа то и дело подпрыгивала, так что майору пришлось упереться руками в потолок. Он разглядел иссиня-черные волосы над спинкой пилотского кресла и свисающую тонкую смуглую руку.

Стоявший внизу Хесус Пьетро спросил:

— Долго еще?

— Несколько секунд, — ответил человек с автогеном. — Если она не заварила и ту сторону, где петли.

— Знаете, куда мы направляемся? — спросил шеф. — Я знаю.

Майор Йенсен растерянно посмотрел на него. Шеф очень странно изъясняется! И выглядит больным и постаревшим. Похоже, он плохо воспринимает происходящее.

«Пора ему в отставку, — сочувственно подумал майор Йенсен. — Если все это мы переживем...»

— Я знаю, — повторил Хесус Пьетро и сопроводил слова кивком.

Майор Йенсен отвернулся. Вокруг черт-те что творится, некогда сочувствовать начальству.

— Все-таки заварила, — проворчал рабочий.

— Сколько нужно времени?

— Три минуты, если резать с обоих концов.

Корабль продолжал скользить на своей огненной подушке.

Огонь коснулся края леса с ловушками, оставив языки красного и оранжевого пламени. Вступившие в бой машины наверху не отреагировали. Вскоре среди деревьев раздался взрыв, и всю лесную полосу охватило огнем.

«Планк» покинул защитный периметр и сдвинулся туда, где были жилые дома и магазины. Экипажники, хозяева этих домов, разумеется, не спали; невозможно спать в таком непрерывном грохоте. Одни оставались под крышей, другие выскакивали и пытались убежать. Выжили те, кто спрятался в подвалах. За «Планком» тянулась полоса шириной в квартал из горящих руин.

Дальше шли пустые дома, и они не горели. Они были из архитектурного коралла, и большинство из них опустели тридцать с лишним лет тому назад.

— Мы закончили, сэр.

Слова вряд ли были нужны. Надев толстые рукавицы, сварщики отодвигали дверь. Майор Йенсен протиснулся и, подгоняемый паникой, взбежал по лестнице.

Вот и пульт управления. Понимая, что никто из присутствующих не разбирается в управлении космическим кораблем лучше его, он стал искать циферблат, штурвал или рычаг, отвечающий за направление движения «Планка». Наконец он посмотрел вверх и увидел свою гибель.

Рубка была длинной. Начинаясь у грузового отсека, она доходила до места, где встречались внешний и внутренний корпуса, и большая ее часть была прозрачной. Майор Йенсен смотрел сквозь внешний корпус и видел, что происходит вокруг.

Внизу сияло пламя двигателей. Справа взрывался последний коралловый дом. Впереди, уже совсем недалеко, тянулся черный край бездны.

Майор окаменел от ужаса.

— Мы свалимся, — сказал Хесус Пьетро, стоявший позади него на лестнице.

В его голосе не было ни удивления, ни страха.

Майор Йенсен закричал и закрыл лицо руками.

Хесус Пьетро пробрался мимо него к левому креслу. Его решение основывалось на чистой логике. Раз майор Йенсен не нашел нужный орган управления, значит он смотрел не на тот пульт; а этот пульт — единственный, до которого могла дотянуться со своего места молодая колонистка. Кастро нашел управление стабилизаторами.

Корабль качнулся назад, его полет начал замедляться.

Замедляясь, «Планк» полз через край.

Хесус Пьетро наблюдал, откинувшись в кресле. Эффект воздушной подушки больше не поддерживал корабль. Ощущение как в лифте, начавшем спуск. Мимо черной тенью скользит утес, все быстрее и быстрее. Вскоре он закрыл полнеба. Другая половина неба была в звездах.

Но вот исчезли и звезды.

Корабль разогревался. Снаружи было жарко и темно, древние стены «Планка» трещали и стонали по мере роста давления. Хесус Пьетро смотрел и ждал.

Ждал Мэттью Келлера.

Глава 14

РАВНОВЕСИЕ СИЛ

Полусонный, он отчаянно боролся с ужасными наваждениями. Что за дикий кошмар!

Вдруг он почувствовал, как его ощупывают пальцы.

Ох и больно же! Он собрался с силами и попытался резко отодвинуться, но смог лишь слегка изогнуться. Зато он услышал собственное хныканье.

Его лба коснулась холодная рука, и голос — голос Лейни? — сказал:

— Лежи спокойно, Мэтт.

Он вспомнил об этом потом, когда проснулся вторично. На этот раз он приходил в себя медленно, и вокруг него появлялись картины из памяти. И снова он подумал: какой кошмар!.. Но образы стали яснее, слишком четкие для сна...

Правая нога и бо́льшая часть правой стороны туловища онемели. Другие части тела, напротив, болели, в них

покалывало и пульсировало. Он снова попытался отодвинуться от источника боли, но обнаружил, что привязан. Мэтт открыл глаза и увидел окружающих.

Вокруг его необычного ложа столпились Гарри Кейн, миссис Хэнкок, Лейни и еще несколько человек, которых он не узнал. Была тут и крупная женщина в белом халате, с красными руками и с экипажными чертами лица. Мэтт сразу невзлюбил ее. Он видел такие халаты в банке органов.

— Он в сознании. — Женщина в белом халате говорила с гортанной напевностью экипажницы. — Не шевелитесь, Келлер, вы сплошь в шинах. Эти люди хотят поговорить с вами. Если устанете, скажите, и я их прогоню.

— Кто вы?

Гарри Кейн шагнул вперед:

— Это твой врач, Келлер. Как ты себя чувствуешь?

Как он себя чувствует? Секунду назад, с опозданием, Мэтт понял, что ранец не поднимет его. Но падения с высоты в милю он не помнил.

— Я умираю?

— Нет, вы будете жить, — сказала докторша. — Даже не останетесь инвалидом. Скафандр принял на себя часть удара. Сломаны нога и несколько ребер, но они заживут, если будете следовать указаниям.

— Очень хорошо, — сказал Мэтт.

Его перестало интересовать все окружающее. Не под наркозом ли он? Мэтт увидел, что лежит на спине, одна нога задрана и что-то массивное окружает его грудную клетку, мешая дышать.

— Во мне трансплантаты?

— Келлер, сейчас это не важно. Ты просто отдыхай и выздоравливай.

— А как Полли?

— Мы ее не нашли.

— Она была на «Планке». Должно быть, добралась до управления двигателями.

Лейни ахнула. Она хотела что-то сказать, но передумала.

— «Планк» свалился с обрыва, — сказал Гарри.

— Я видел.

— Это ты ее выпустил?

— Да, я, — произнес Мэтт. Лица перед ним расплывались. — Она была фанатичка. Вы все фанатики. Я сделал для ее спасения все, что мог.

Комната уплывала вдаль, как во сне, и он знал, что «Планк» поднимается.

Вдали властный женский голос с экипажной певучестью приказал:

— А теперь все вон отсюда.

Врач проводила их до двери, и Гарри Кейн взял ее саму под локоть и вывел в коридор. Там он спросил:

— Он скоро поправится?

— Отпустите меня, мистер Кейн.

Гарри подчинился.

— Когда?

— Не беспокойтесь, он не безнадежен. Через неделю поставим его на ходунки. Через месяц — посмотрим.

— Как скоро он сможет вернуться к работе?

— В лучшем случае через два месяца. А почему такая спешка, мистер Кейн?

— Дело государственной важности.

Женщина нахмурилась:

— Что бы вы ни планировали для него, помните: он мой пациент. И так будет, пока я не решу его выписать.

— Хорошо. Советую не говорить о трансплантатах, ему это не понравится.

— В его медкарте все записано, с этим я ничего не могу поделать. Но сама ему не скажу.

Когда она ушла, Лейни спросила:

— Так почему такая спешка?

— У меня есть идеи насчет Мэтта. Потом расскажу тебе.

— А тебе не кажется, что мы достаточно использовали его дар?

— Нет, — сказал Гарри Кейн. — Хотелось бы так думать, но нет.

Миллард Парлетт был совершенно измучен. В ночь на воскресенье он перебрался в кабинет Хесуса Пьетро, еще до того, как успели заменить стену, и с тех пор жил там.

Еду ему присылали, спал он на кушетке Кастро — но спать удавалось мало. Временами ему казалось, что конец жизни близок, что он продержался так долго именно ради того, чтобы увидеть кризис, предсказанный им сто лет назад.

«Планк» нанес Госпиталю страшные повреждения, но восстановление шло полным ходом. Парлетт нанял строительную фирму, заплатив ей из собственных средств. Потом он представит счет Совету и добьется компенсации. А сейчас рабочие красили наружную стену его кабинета, там, где в воскресную ночь разверзлось космическое пространство.

Главной проблемой было решение половины штата Реализации подать в отставку.

События предыдущей недели оказали катастрофическое воздействие на дух полицейских. Частично это было вызвано обвинением шефа Реализации в измене и его насильственным низложением. Элейна Мэттсон и Мэттью Келлер внесли свой вклад, взрывчаткой и уловками проложив себе путь в Госпиталь. Заключенные вивария были освобождены, они учинили побоище в коридорах. Разрушение «Планка» потрясло не только персонал Госпиталя, но и все Плато Альфа, поскольку «Планк» составлял половину всеобщей истории.

Теперь же Реализация столкнулась с кошмарной неразберихой. Все рейды на Плато колонистов были отменены. Широко известные мятежники разгуливали по Госпиталю, и никто не смел их тронуть. К полиции они относились с презрением. Пошли слухи, что Миллард Парлетт готовит новые законы, еще сильнее ограничивающие власть блюстителей правопорядка. Слухи были справедливы, что отнюдь не помогало делу.

Парлетт старался как мог. Он переговорил с каждым из желающих уволиться. Некоторых убедил остаться. По мере того как ряды редели, он находил все новые способы использовать оставшихся.

Одновременно он занимался четырьмя группами, представляющими политические силы Плато.

Совет экипажа раньше следовал за Парлеттом. Удача, опыт и труд позволят ему и дальше вести Совет за собой.

Экипаж в целом обычно подчинялся Совету. Однако восстание колонистов и ослабленная, лишенная единоначалия Реализация могут ввергнуть его в панику, и тогда Совет перестанет что-либо значить.

Сыны Земли будут слушаться Гарри Кейна. Но Кейн не подчиняется Парлетту и не доверяет ему.

Большинство колонистов не примет участия в мятеже, если Кейн оставит их в покое. Однако Сыны Земли, зная о дарах рамробота, могут в любой момент пробудить в колонистах смертоносный гнев. Будет ли Гарри Кейн ждать новых законов?

Четыре силы, да еще Реализация. Стать начальником над ними — это значит погрузиться в бесконечный лабиринт деталей, мелких жалоб, выговоров, бюрократии, рутинной внутренней политики. Можно потеряться в лабиринте и даже не заметить этого до того момента, когда орущее войско колонистов пойдет штурмовать Госпиталь.

Удивительно, как у него вообще дошли руки до Мэтта Келлера.

Мэтт лежал на спине, его правый бок был в гипсе, а правая нога висела на вытяжке. Таблетки, которые ему давали, превращали острую боль в ноющую; она не мучила, но и не отпускала ни на миг.

Время от времени его осматривала женщина в халате из банка органов. Мэтт подозревал, что женщина видит в нем лишь потенциальный материал для банка, причем сомнительного качества. В среду он услышал, как кто-то назвал ее доктором Беннет. Сама она не представилась, а ему и в голову не пришло спросить ее имя.

В ранние утренние часы, когда действие снотворных таблеток заканчивалось, или в часы послеполуденного отдыха Мэтта осаждали кошмары. Его локоть снова и снова дробил нос на человеческом лице; снова и снова накатывала жуткая смесь страха и торжества. Снова и снова он спрашивал дорогу в виварий, поворачивался и видел ярко-красные бусинки крови на руке. Снова и снова оказывался в банке органов, и не мог убежать, и просыпался весь в поту. Или парализатором валил людей в форме направо

и налево, пока ответный звуковой удар не превращал его руку в полено. Он просыпался и обнаруживал, что отлежал правую руку.

Мэтт с тоской думал о своей семье. С Жанной и ее мужем он виделся каждые несколько месяцев; они жили в двадцати милях от основных карьеров Гаммы. Но отца и мать он не посещал уже несколько лет. Вот бы увидеться с ними!

Он тосковал даже по рудным червям. Да, они непредсказуемы, но по сравнению с Худом, или Полли, или Лейни... По крайней мере, рудных червей он понимал.

Его любопытство крепко спало. Но в среду оно оживилось.

Почему его лечат в Госпитале? Если он под арестом, то почему еще не разобран на органы? Почему Лейни и Кейну позволяют его посещать?

Эти и другие вопросы нервировали, даже злили. Нетерпение было пыткой. А доктор Беннет появилась только в четверг. На удивление она оказалась не прочь поговорить.

— Я и сама этого не понимаю, — пожалала она плечами. — Знаю, что всех оставшихся в живых мятежников освободили и новый материал для банка органов больше не поступает. Теперь шеф Реализации — старый Парлетт, и здесь еще куча его родственников. Чистокровные экипажники — и работают в Госпитале!

— Вам это должно казаться странным.

— Не странным — немыслимым. Старый Парлетт — единственный, кто знает, что на самом деле происходит. Впрочем, знает ли?

«Знает ли?» Мэтт ухватился за этот вопрос.

— С чего вы решили, что я могу ответить?

— Он приказал, чтобы с вами обращались со всей возможной нежностью и заботой. На это, Келлер, у него должны быть причины.

— Наверное.

Поняв, что Мэтт больше ничего не добавит, она сказала:

— Если у вас остались еще вопросы, задайте их вашим друзьям. Они придут в субботу. Вот еще немыслимое: ко-

лонисты свободно шляются по Госпиталю, и нам запрещено их трогать. Я слышала, среди них известные мятежники.

— Я и сам такой.

— Так я и думала.

— После того как нога заживет, меня выпустят?

— Полагаю, что да, судя по тому, как с тобой обращаются. Но решать Парлетту.

Она относилась к Мэтту с забавной непоследовательностью. Он по очереди превращался то в унтерменша, то в наперсника, то в пациента.

— Почему бы тебе не расспросить твоих друзей в субботу?

В эту ночь у изголовья его кровати установили аппарат для сна.

— Почему этого не сделали раньше? — спросил Мэтт у рабочего. — Это должно быть безопаснее пилюль.

— Не с той стороны подходишь к вопросу, — ответил тот. — Здесь большинство пациентов — экипажники. Ты же не думаешь, что экипажники будут пользоваться аппаратом для сна из вивария?

— Они для этого слишком горды?

— В точку! Экипажники...

В аппарат было вмонтировано подслушивающее устройство.

Для Парлетта Мэтт был просто бюрократической проблемой. Ему было посвящено одно из досье, лежавших на столе Хесуса Пьетро. Обложка обгорела, как и у остальных досье, но кабинет шефа Реализации, находившийся на втором этаже, мало пострадал от буйного пламени «Планка».

Парлетт просмотрел эти досье и многие другие. Теперь он знал, что самой серьезной угрозой его новому закону представляется отказ Сынов Земли от соглашения. Только они, со своим предполагаемым контролем над колонистами, способны заставить этот закон работать. И только их не контролирует Парлетт.

Досье Мэттью Келлера отличалось своей скудостью. Там не оказалось даже записи о его вступлении в органи-

зацию мятежников. Но Мэтт должен был к ней принадлежать. Записи Кастро подразумевали, что Келлер освободил узников вивария. При втором вторжении в Госпиталь он жестоко пострадал. Он должен быть частично ответствен за катастрофу с «Планком». Видимо, парень был связан с таинственным символом — кровоточащим сердцем. Очень активный мятежник этот Мэттью Келлер.

Да еще непонятная заинтересованность в нем Гарри Кейна.

Первым мимолетным побуждением Парлетта было дать Келлеру умереть от ран. Этот человек уже причинил слишком много разрушений. Библиотеку «Планка», вероятно, никогда не удастся заменить.

Но завоевать доверие Гарри Кейна было куда важнее.

В четверг доктор Беннет сообщила ему, что у Келлера будут гости. Установка жучка была логичной предосторожностью. Миллард Парлетт сделал у себя пометку на счет разговора, ожидаемого в полдень субботы, и до времени забыл о нем.

Когда Худ закончил рассказ, Мэтт улыбнулся и произнес:

— Я же говорил, что там были маленькие сердца и печени.

Это не сработало. Все четверо смотрели на него торжественно, словно судьи.

Когда они вошли в палату и обступили койку, Мэтт даже подумал, не отправляют ли их всех в банк органов. Посетители были убийственно серьезны и двигались слаженно, словно отрепетировали визит.

Худ говорил почти полчаса, Гарри Кейн иногда вставлял кое-что от себя, а Лейни и миссис Хэнкок ничего не комментировали. Это тоже не походило на экспромт.

«В основном говорить будешь ты, Джей, — сказал, должен быть, кто-то. — Аккуратно подготовь его, а потом...»

Но они рассказывали только хорошее.

— У вас такой мрачный вид, — сказал Мэтт. — Почему кукуетесь? Все хорошо, мы будем жить вечно. Больше ни-

каких рейдов Реализации. Больше никого не заташат в банк органов без суда. Мы даже сможем строить деревянные дома, если совсем свихнемся. Новая эпоха!

Заговорил Гарри Кейн:

— А что помешает Парлетту нарушить его поспешные обещания?

Мэтт все еще не понимал, почему это должно его касаться.

— Думаете, он на это способен?

— Келлер, давай размышлять логично. Парлетт занял место Кастро. Он шеф. Руководит Реализацией.

— Так ведь вы этого и хотели?

— Да, — сказал Кейн. — Я хотел, чтобы он получил всю власть, которую сможет захватить, потому что он единственный человек, способный ввести новый закон — если пожелает. Но давай чуть притормозим и посмотрим, сколько у него власти. Он руководит Реализацией. — Кейн начал загибать пальцы. — Он научил свой клан обращаться с охотничьими ружьями, благодаря этому в его руках теперь бóльшая часть оружия на Горе Погляди-ка. Он может вертеть Советом, как захочет. Этак Парлетт сделается первым императором планеты.

— Но вы можете его остановить. Сами сказали, что готовы в любой момент поднять против него колонистов.

— Не можем, — отмахнулся Кейн. — Это убедительная угроза, особенно после того, что мы уже сделали с Реализацией. Но мы, как и Парлетт, не хотим кровопролития. По крайней мере, он говорит, что не хочет. Нет, нужно его удержать как-то иначе.

Четверо напряженно ждали от Мэтта ответа. Ради Демонов Тумана, к чему они ведут?

— Хорошо, вы придумали себе проблему; теперь придумайте решение, — сказал Мэтт.

— Нам нужен невидимый убийца.

Мэтт приподнялся на локте и впился взглядом в Гарри Кейна. Смотреть ему мешало белое бревно — забинтованная нога. Нет, Кейн не шутит. Усилие далось с трудом, и Мэтт откинулся обратно.

Лейни положила ладонь ему на плечо:

— Это единственное решение, Мэтт, и оно оптимальное. Не важно, насколько могущественным станет Миллард Парлетт в политическом смысле. У него никогда не будет защиты против тебя.

— Либо ты, либо гражданская война, — вставил Кейн.

От изумления Мэтт едва не утратил дар речи.

— Я не сомневаюсь, что вы говорите серьезно, — сказал он, — но сомневаюсь, что вы в здравом уме. Я похож на убийцу? Я никогда никого не убивал. И не собираюсь.

— На прошлой неделе у тебя получалось прекрасно.

— Что... Я стрелял из парализатора! Кому-то врезал кулаком! Это что, делает из меня профессионального киллера?

— Ты же понимаешь, — сказал Худ, — что мы никогда не используем тебя в подобном качестве. Ты угроза, Мэтт, ничего более. Будешь элементом в системе сдержек и противовесов.

— Я горняк! — Мэтт размахивал левой рукой — от таких движений сломанные ребра не болели. — Рудокоп! С помощью обученных червей добываю металл. Мой босс продает металл и покупает червей. И корм для них, а в удачный месяц хватает и мне на зарплату. Погодите-ка! Вы говорили Парлетту о вашей идее?

— Разумеется, нет. Он никогда не узнает о ней, если ты не согласишься. А если согласишься, мы дождемся твоей выписки.

— О Демоны Тумана! Если Парлетт сообразит, что я для него опасен, — а я так и буду лежать на спине... Хочу оказаться на Дельте до того, как вы скажете Парлетту. К дьяволу! Я хочу оказаться на Земле...

— Значит, согласен?

— Нет, Кейн! Ни на что я не согласен! Ты забыл, что у меня семья? Что, если Парлетт возьмет ее в заложники?

— Родители и сестра, — уточнил Худ. — Родители живут на Йоте.

— Не беспокойся, Мэтт, — произнесла успокаивающе Лейни, — мы их защитим. Они будут в безопасности.

Кейн кивнул:

— Если с твоей головы упадет хоть волос, если твоей семье будут угрожать, я объявлю тотальную войну. А чтобы Парлетт поверил, это должно быть правдой. И это правда.

Мэтту очень хотелось позвать доктора Беннет. Но что толку? Даже если она выгонит посетителей, они придут опять.

А Мэтт Келлер — всего лишь человек, который лежит на спине. Превозмогая боль, он мог бы сдвинуться на три дюйма в сторону. Но не на четыре. Трудно пожелать лучшей аудитории.

— Вы все заранее обдумали? Почему так долго ждали?

Ответил Джей Худ:

— Я хотел присутствовать. Сегодня у меня свободный день.

— Так ты опять преподаешь в школе?

— Когда сам творишь историю, стоит ее преподавать. — В сухом голосе слышалось неприкрытое торжество — Худ был в своей стихии.

Странно, что Мэтт прежде не подозревал о его безграничном самомнении.

— Именно ты меня в это втянул, — сказал Мэтт.

— Прими извинения. Поверь, Мэтт, я выбрал тебя только как потенциального рядового участника. — Не дождавшись отклика, Худ продолжил: — Но теперь ты нам нужен. Позволь объяснить, как сильно ты нам нужен. Ты умирал, Мэтт...

— погоди, Джей.

— Лейни, он имеет право знать. Мэтт, сломанные ребра прорвали легкое и диафрагму. Гарри пришлось уговорить Парлетта...

— Джей, заткнись.

— Хорошо, Лейни, — сказал Худ с обидой.

— Мэтт, мы не собирались тебе рассказывать. Правда не собирались.

Плоть мертвого человека навсегда стала его плотью. Живущей под его грудной клеткой. Странное частичное воскрешение...

— Все хорошо, Лейни, — сказал Мэтт. — А ты что об этом думаешь?

Лейни посмотрела вниз, потом вверх и встретилась с ним взглядом.

— Твой выбор, Мэтт. Но если у нас не будет тебя, у нас не будет никого. — Она замолчала, потом торопливо продолжила: — Послушай, Мэтт, ты придаешь этому слишком большое значение. Мы не просим тебя сейчас же вскочить и кого-нибудь прикончить. Ради бога, возвращайся к твоим рудным червям. Мы будем только рады, если ты там и останешься до конца жизни, с небольшим дополнительным доходом...

— Спасибо.

— Просто чтобы ты был наготове. Возможно, Парлетт честен. Возможно, он в самом деле мечтает превратить Плато в рай. Возможно, все вокруг расцветет. Но просто на всякий случай... — Она наклонилась вперед, схватила его за запястье, пристально всмотрелась в глаза; ногти впились в его кожу. — Если Парлетт закусит удила, ты его остановишь. Никто другой не способен это сделать. Сейчас мы не можем ему помешать. Кто-то должен взять власть, иначе — гражданская война. Но если понадобится его остановить, а ты этого не сделаешь, ты будешь трусом.

Мэтт попытался высвободить руку. Разорванные мышцы этого не простили: его словно пнули в бок свинцовым сапогом.

— Вы фанатики! Все до одного!

А он в ловушке...

Лейни отпустила его. Она медленно уселась; взгляд был сонным, бездумным, почти исчезли зрачки...

Мэтт расслабился. Остальные смотрели в никуда. Джей Худ что-то мурлыкал под нос. Миссис Хэнкок хмурилась из-за какой-то неприятной мысли.

«Удача Мэтта Келлера» дала возможность передохнуть.

«Удача Мэтта Келлера». Глупая шутка, несмешной анекдот. Не примени он пси-силу для «спасения» Полли, она, возможно, была бы сейчас жива. Не поспеши он обратиться к Джею Худу за объяснениями, ухаживал бы за рудными червями. Неудивительно, что такая форма «удачи» раньше никогда не встречалась. Возможно, она больше никогда не появится.

Это пагубная мутация. Она продержала Мэтта девственником до двадцати одного года. Она убила Полли и заставила Лейни видеть в нем орудие, а не мужчину. Она отравила его в «Планк»; без своей психологической невидимости он никогда бы не предпринял такую попытку. Внутри «Планка» он бы погиб; снаружи, по чистому везению, обзавелся легкими мертвеца.

Человек должен быть достаточно мудр, чтобы скрывать свои аномалии.

Слишком поздно. Они будут забывать о нем каждый раз, когда он этого захочет. Но всегда будут возвращаться. Мэтт Келлер. Орудие. Пленник-убийца.

Ну уж нет!

— Эй! — позвал он. — Миссис Хэнкок.

Все зашевелились, обратили на него взгляды. Вернулись в мир, где следует учитывать фактор Мэтта Келлера.

— Миссис Хэнкок, у вас есть что мне сказать?

— Я так не думаю, — ответила немолодая мятежница тоном сварливой домохозяйки.

— Вы не произнесли ни слова, пока остальные на меня наседали. Зачем вы пришли?

Она пожала плечами:

— Просто посмотреть, что будет. Келлер, ты когда-нибудь терял того, кого любил?

— Разумеется.

— Он попал в банк органов?

— Мой дядя Мэтт.

— Келлер, я делала все, что в моих силах, чтобы помешать пересадке. Доктор Беннет сказала, что ты выжил бы и без имплантатов, хотя, конечно, остался бы калекой.

— Я бы этого хотел, — сказал Мэтт, не уверенный в правдивости своих слов.

— А я хотела разнести банк органов при первой же возможности. Но, похоже, никто не разделяет этого моего желания. Наверное, чужих мужей не разобрали на запчасти.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Она снова пожала плечами:

— Я не знаю, являешься ли ты столь важной фигурой, как говорит Гарри. Мне кажется, никто не может быть на-

столько важен. Да, ты вытащил нас из Госпиталя. Да, Парлетт иначе никогда бы нас не нашел. Мы благодарны. Но следует ли нам кого-нибудь распотрошить, чтобы продемонстрировать благодарность? Ему-то ты не сделал ничего хорошего. Что ж, он мертв, и мы не можем пока уничтожить банк органов. Но мы пытаемся изменить законы, чтобы в банк попадало меньше людей; чтобы попадали только те, кто этого заслуживает в наибольшей степени. Будь ты обычным человеком, рвался бы нам помочь. Это все, что ты можешь сделать для того мертвеца.

— Из чистого сострадания?

Миссис Хэнкок закрыла рот.

— Возможно, я присоединюсь к вам, — сказал Мэтт. — Но не из чистого сострадания. Сейчас изложу мои условия.

— Продолжай, — сказал Гарри Кейн, единственный, кто не выказал удивления.

— К рудным червям я вернуться не могу. Это решено. Но я не наемный убийца, и это тоже решено. Я никогда не убивал, хотя порой мне этого хотелось. Если однажды придется убить человека, я должен знать точно за что. И есть только один вариант, при котором я буду уверен. Отныне мы, все пятеро, станем лидерами Сынов Земли...

Он увидел, что это потрясло даже Гарри Кейна.

— ...Я хочу принимать участие во всех решениях. Я хочу иметь всю информацию, доступную вам. Ты что-то сказал, Гарри?

— Продолжай.

У Мэтта пересохло во рту. Гарри Кейну его идея не понравилась, а Гарри Кейн — сильный противник.

— Сыны Земли не совершат убийства без моего согласия, а я не дам его, пока не решу, что оно необходимо. Для принятия такого решения мне надо всегда знать все. И вот еще что. Если я когда-нибудь пойму, что кто-либо из вас пытается меня обмануть, я убью его, поскольку подтасовка предназначенной мне информации тоже будет убийством.

— Келлер, что заставляет тебя думать, будто ты справишься с такой властью? — Голос Гарри звучал бесстрастно, хотя в нем ощущалась заинтересованность.

— Я должен попытаться, — ответил Мэтт. — Это моя сила.

— Достаточно откровенно. — Гарри встал. — Один из нас вернется сюда завтра с полной копией нового закона Парлетта. Если мы позднее решим внести изменения, то дадим тебе знать.

— Дайте мне знать до того, как внесете изменения.

Поколебавшись, Кейн кивнул. Они ушли.

Миллард Парлетт вздохнул и выключил приемник.

Невидимый убийца? Странно слышать такое выражение от столь практичного человека, как Гарри Кейн. Что он имеет в виду?

Разумеется, в конце концов Кейн скажет ему.

Но тогда это уже не будет иметь значения. Кейну теперь можно доверять, вот что имеет значение. Теперь у Кейна есть ключ к Милларду Парлетту. Реальный или воображаемый — Кейн все равно попробует им воспользоваться, прежде чем начнет гражданскую войну.

А Миллард Парлетт может сосредоточиться на ожидающем снаружи человеке. Реализация прислала своего представителя со списком жалоб. Чем дольше этот человек будет дожидаться, пока шеф обратит на него внимание, тем сложнее окажется разговор.

— Впустите его, мисс Люссен, — сказал Парлетт по интеркому.

— Хорошо.

— Погодите. Как, говорите, его зовут?

— Хэлли Фокс. Капрал.

— Благодарю вас. Пожалуйста, обратитесь на Плато Гамма, Дельта и Йота за сведениями о Мэттью Келлере.

— Будет исполнено, мой предок.

Демоны Тумана! Как Кастро справлялся с этой женщиной? Парлетт улыбнулся. Почему бы и нет? Он будет заниматься Реализацией и Советом, а Гарри Кейн возьмет на себя остальное. Невидимый убийца только что снял с плеч Парлетта половину груза.

— Это будет странное равновесие сил, — сказал Гарри Кейн. — Парлетт располагает всем оружием на планете, за исключением того, что изготовлено в наших подвалах. В его руках вся электроэнергия, и медицина, и большая часть капитала. А что получили мы? Мэтта Келлера.

— Нам еще повезло, — улыбнулась Лейни.

Мимо них по коридору быстро прошла рыжая девушка в радужно переливающимся платье. Девушка из экипажа, вероятно навещающая родственника. Они молча ждали, когда она пройдет мимо. Гарри Кейн ухмыльнулся ей вслед — изумленной и невольно ускорившей шаги. Когда-нибудь им всем, экипажникам, придется к этому привыкнуть. К колонистам в священных коридорах Госпиталя.

Джей Худ произнес:

— Что ж, мы получили его. Или он нас?

Он хлопнул ладонью по стене, вызвав цепочку отзвуков, похожих на выстрелы.

— Можете представить, что скажут об этом историки? Возможно, они никогда не разберутся в нашей эпохе.

Мэтт лежал на спине и созерцал потолок.

Он принял правильное решение. Он был в этом уверен. Раз уж у него есть сила, кто-то должен был найти ей применение.

Он сам не смог этого сделать.

Пагубная мутация — та, что мешает организму прожить достаточно долго, чтобы оставить потомство. У Мэтта будет шанс стать отцом, только если он сумеет полностью подавить «удачу», хотя бы в личной жизни. В цивилизованном обществе невидимка ничего не добьется.

Кто-то вошел. Глаза Мэтта взметнулись, привлеченные переливчатой голубизной платья.

— Прошу прощения, — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Она была высокая, стройная и молодая, с темно-рыжими волосами, завитыми в немыслимые контуры. Платье было невиданного на Дельте покроя — одновременно просторное и льнувшее к телу; и оно светилося. Лицо — милое

своей необычностью, с раздутыми ноздрями и выраженными скулами — выдавало чистокровную экипажницу.

— Минуточку, — позвал Мэтт.

Она удивленно обернулась — не из-за того, что он сказал, а из-за колониистского акцента. Потом ее спина выпрямилась, подбородок вскинулся, рот превратился в сердитую линию. Мэтт вспыхнул.

И прежде, чем она отвела холодный взгляд, он подумал: «Смотри на меня».

Ее взгляд застыл. Подбородок опустился, а лицо стало мягким и задумчивым.

«Продолжай смотреть на меня, — внушал он. — Я тебя очаровал? Правильно. Продолжай смотреть».

Она медленно шагнула к нему.

Мэтт сбросил контроль. Она сделала еще один шаг, потом ужаснулась. Повернулась и выбежала из комнаты, преследуемая заливистым смехом Мэтта.

Пагубная мутация?

Может, и нет.

Корабль Посторонних выглядел как елочное украшение — шар из блестящих полосок, закрученных и переплетающихся между собой, не соприкасаясь при этом. В поперечнике он был размером с Нью-Йорк и имел примерно такую же численность населения. Населяли его существа, похожие на черную метлу с толстым метловищем.

В нескольких милях впереди, у конца крепежных тросов, свой мягкий свет струил на корабль термоядерный двигатель. Специальные плоскости отбрасывали друг на друга резкие в безвоздушном пространстве тени, и на грани между светом и тенью отдыхал экипаж. Посторонние лежали головой на свету, а разветвленным хвостом — в тени, впитывая энергию термоэлектрических токов. Термоядерное излучение проникало сквозь их тела незамеченным. Время текло мирно и лениво.

В межзвездном пространстве занятий было мало.

До тех пор пока наперерез их курсу не промчалось жгучее голубое пламя, возмутительно расточая высокоэнергетические частицы и электромагнитные поля.

За несколько мгновений объект скрылся с глаз, даже с чувствительных глаз Посторонних. Но не исчез для приборов корабля. Через час Посторонние знали о нем все: ориентацию, скорость, массу, конструкцию, тягу. Он был металлический, механический, движимый термоядерной энергией и подпитываемый межзвездным водородом. Отнюдь не примитивное устройство, но...

Построенное потенциальными покупателями.

Посторонние находились во всех рукавах Галактики, используя для движения кораблей что угодно: от фотонных парусов до безреактивных, безынерционных приводов; но они всегда путешествовали через эйнштейново пространство. Гиперпривод — штука вульгарная. Посторонние никогда не пользовались гиперприводом.

То ли дело — другие расы. Им не по нраву бездельничать в космосе, наслаждаясь путешествием, осматривая достопримечательности, никуда не торопясь; они предпочитают скорость. Больше ста раз чужие расы приобретали секрет гипердвигателя у пролетающих мимо Посторонних.

Торговый корабль плавно развернулся к Прочиону и колонизированной людьми планете Мы Это Сделали, следуя за межзвездным прямоходным роботом номер сто сорок четыре. Разумеется, на привычном ускорении в одну сотую «же» догнать его никак не получится. Но и спешить ни к чему. Времени предостаточно...

Две искры термоядерного света влекли за собой к Мы Это Сделали промышленную революцию.

КОГДА НАСТУПАЕТ ПРИЛИВ

1

Раньше у этой планеты не было имени. Она обрелась за краем Известного космоса, почти в сорока световых годах от Земли. Ее звезда класса G3 была покраснее и поменьше Солнца. Холодноватая по человеческим меркам планета двигалась вокруг светила на расстоянии восьмидесяти миллионов миль по относительно круглой орбите.

В 2830 году некий Луис Гридли Ву случайно пролетал мимо. Случайно — это важный нюанс. Во Вселенной такого размера, как наша, почти все, что может случиться по теории вероятности, случается. Взять хотя бы неожиданную встречу Ву с...

Но об этом — потом.

Луису Ву исполнилось сто восемьдесят лет. Регулярно пользуясь бустерспайсом, он совершенно не выглядел на свой возраст. Он мог бы дожить и до тысячи, при условии что не устанет от жизни и не разорится.

— Хватит с меня коктейльных вечеринок, — говорил он себе иногда, — и охоты на брандашмыгов, и кишащих в свободном парке размалеванных плоскоземельцев — даже собирайся их там вдсятеро меньше, парк был бы слишком тесен. Хватит с меня увлечений на одну ночь, и двадцатилетних браков, и двадцатиминутных ожиданий телепортационной кабины, которая ломается, стоит подойти моей очереди. И людей с меня хватит! Не хочу жить с людьми неразлучно бесконечные века.

Когда на Луиса накатывало такое настроение, он улетал. Это случалось трижды в его жизни, а теперь произошло в четвертый раз. Вероятно, не в последний.

В подобном душевном расположении, жгуче ненавидя все на свете, он становился невыносим для друзей и особенно для себя самого. Поэтому и улетал, все бросая. На маленьком, но вполне приличном частном корабле Ву устремлялся к границам Известного космоса и не возвращался до тех пор, пока не одерживало верх мучительное желание увидеть человеческое лицо, услышать человеческую речь.

Во время второго своего полета, скрежеща зубами, он дождался, когда одержало верх мучительное желание увидеть лицо кзина. Луис Ву помнил: то был долгий полет.

А поскольку четвертое путешествие продолжалось всего лишь три с половиной месяца и зубы скрежетали, стоило Луису Ву вспомнить голос некоего человека, было решено:

— Пожалуй, в этот раз я подожду мучительного желания увидеть кдатлино. Разумеется, женского пола.

Мало кто из друзей Луиса Ву догадывался, от каких бед и невзгод спасали его эти полеты. И самих друзей тоже. Ву проводил целые месяцы за чтением, в то время как его фонотека играла оркестровую музыку. Граница Известного космоса осталась далеко; он повернул корабль на девяносто градусов, чтобы описать широкую дугу с Солнцем в центре.

Он приблизился к звезде класса G3, выйдя из гипердрайва на порядочном расстоянии от гравитационной сингулярности, которой в гиперпространстве окружено любое космическое тело с большой массой. Корабль вошел в систему на прямоочном двигателе, прочесывая пространство впереди радаром дальнего обнаружения. Луис искал необитаемые планеты. Он искал стазисные контейнеры Поработителей.

Если не вернется отраженный сигнал, Ву будет разгоняться до тех пор, пока не войдет в гипердрайв. Набранная скорость поможет ему перелететь в другую систему, а после ее изучения — в следующую. Это позволяет экономить топливо.

И тот факт, что Луис еще никогда не находил стазисный контейнер Поработителя, не мешал ему продолжать поиски.

На пути сквозь систему радар показывал планеты, бледные призраки — светло-серые круги на белом экране. Солнце G3 было большим серым диском, постепенно темнеющим к центру почти до черного цвета. Это «почти черное» представляло собой вырожденную материю, сжатую так сильно, что полностью коллапсировали электронные оболочки атомов.

Ву давно миновал солнце и все еще продолжал разгоняться, когда на экране появилась крошечная черная точка.

— Конечно, идеальных систем не существует, — пробормотал он, выключая двигатель.

В космосе Ву часто разговаривал сам с собой — не опасаясь, что перебыют.

— Обычно это экономит топливо, — сказал он неделю спустя.

К тому времени корабль уже выбрался из сингулярности в чистый космос. Ву вошел в гипердрайв, полуобогнул систему и приступил к торможению. Скорость, набранная за первые две недели, постепенно уменьшалась. Неподалеку от того места, где обнаружилась черная точка, он остановился.

Только сейчас стало ясно: его метод экономии топлива зиждется на предположении, что стазисный контейнер Поработителя никогда не будет найден. Но вот она, точка, снова — пятнышко мглы на призрачном сером лике планеты.

Луис Ву пошел на сближение.

Этот мир напоминал Землю. Почти такого же размера, практически такой же формы, много схожих красок. Планета не имела луны.

Луис рассмотрел ее в телескоп и одобрительно хмыкнул.

Ключья белых облаков над туманной голубизной, неясные очертания континентов, завитки урагана возле экватора... Снежные шапки на полюсах велики, но ближе к экватору климат должен быть теплым. Судя по показаниям спектрографа, воздух пригоден для дыхания, без канцерогенных примесей. И никого на планете. Ни единой души!

Никаких соседей из квартиры напротив. Никаких голосов. Никаких лиц.

— Почему бы и нет? — хмыкнул он. — Контейнер я нашел. И здесь просто проведу остаток отпуска. Ни мужчин, ни женщин, ни детей!

Луис нахмурился и потер заросший щетиной подбородок.

— Но не слишком ли я тороплюсь? Может, следует постучаться?

Он просканировал эфир и ничего не обнаружил. Любая цивилизованная планета в радиоволновом диапазоне излучает, как маленькая звезда. Кроме того, даже с высоты ста миль не наблюдалось признаков цивилизации.

— Отлично! Ладно, сперва приберу к рукам старый контейнер...

Ву не сомневался, что это именно стазисный контейнер, — ничто, кроме звезд и стазисных контейнеров, не имеет такой плотности, чтобы выглядеть черным в отраженном импульсе гиперволны.

Он начал облет планеты, ориентируясь на радарное эхо. И оказалось, что у нее все-таки есть спутник — десяти футов в диаметре, на высоте тысячи двухсот миль.

— Но зачем? — спросил он вслух. — Зачем понадобилось Поработителям вешать на орбиту контейнер? Здесь его слишком легко найти. У них же шла война, клянусь Финейглом! И почему он все еще висит?

Маленькая луна держалась в паре тысяч миль, невидимая простым глазом. Телескоп показывал ее достаточно четко: серебристая сфера десяти футов в поперечнике, без каких-либо обозначений.

— Контейнер крутится тут уже полтора миллиарда лет, — сказал Луис самому себе. — И если ты в это поверишь, то согласишься во все, что угодно. Что-нибудь должно было его сбить — пыль, метеор, солнечный ветер. Воинь-тнуктипы. Магнитная буря. Нет...

Он провел пальцами по чересчур отросшим прямым и черным волосам и добавил:

— Наверное, его откуда-то принесло. Причем недавно. А это что за...

Из-за серебристой сферы вынырнул корабль — маленький, с темно-зелеными знаками на зеленом коническом корпусе.

2

— Проклятие! — сказал Луис.

Он не узнал символы на корпусе — это был не человеческий корабль.

— Что ж, могло быть и хуже. На борту не люди — и на том спасибо.

Он включил коммуникационный лазер.

Неизвестный корабль замедлил ход до полной остановки. Из вежливости то же самое сделал Луис.

— Нет, ты представляешь? — спросил он себя. — Целых три года я искал стазисные контейнеры. Наконец-то нашел один, и тотчас же он еще кому-то понадобился!

Ярко-голубая искра лазера засияла на острие инопланетного конуса. Луис слушал пощелкивание и попискивание — компьютер-автопилот пытался расшифровать чужие сигналы. По крайней мере, гости пользуются технической связью, а не телепатией, щупальцевыми жестами или чередованием цветов кожи.

На экране появилось лицо.

Луису было не впервой видеть инопланетянина, и у этого, как и у некоторых других, оказалась приметная голова: вместительная черепная коробка, пучок органов чувств вокруг рта. Зрение тринокулярное; глубокие глазницы хорошо защищают глаза, но ограничивают обзор. Рот треугольный, с желтыми зазубренными резцами, чьи края видны из-под трех хрящеватых губ.

Определенно неизвестная раса.

Луис едва не брякнул: «Ну и урод же ты, парень!» Подумал в последний миг, что у инопланетянина может быть включен переводчик.

Его собственный автопилот закончил переводить первое послание чужака. Оно было таким:

— Уходи. Артефакт принадлежит мне.

— Замечательно, — отозвался Луис. — Разве ты Поработитель?

Существо не имело ни малейшего сходства с Поработителем, к тому же те вымерли в незапамятные времена.

— Это слово не переведено, — сказал чужак. — Я добрался до артефакта раньше тебя. Я буду за него сражаться.

Луис почесал двухнедельную жесткую бородку. У него на корабле очень немного годилось для сражения. Даже термоядерная установка, снабжающая энергией главный двигатель, была рассчитана на сугубо мирную работу. Перестрелка включенных на полную мощность коммуникационных лазеров будет просто состязанием на выносливость, и Ву проиграет, поскольку масса чужого корабля больше, а следовательно, больше и теплоемкость. По сути, Луис не располагает никаким оружием. А инопланетянин, возможно, располагает.

Но этот стазисный контейнер слишком велик, чтобы от него отказаться.

Полтора миллиарда лет назад война тнуктипов с Поработителями уничтожила большинство разумных рас в Галактике. Перед тем как Поработители применили свое последнее оружие, произошло бесчисленное множество битв помельче. Часто, проиграв схватку, Поработители складывали свои ценности в стазисный контейнер и прятали его, надеясь позже вернуться и забрать содержимое.

Внутри стазисного контейнера замирало время. В таком тайнике не портилось инопланетное мясо за полтора миллиарда лет, из него доставали оружие и инструменты без следа ржавчины. Однажды стазисный контейнер изрыгнул маленькое разумное существо, похожее на долгопята, — и живехонькое. Эта бывшая рабыня, последняя из своего биологического вида, жила странной жизнью — до тех пор, пока ее не прикончила старость.

Ценность стазисных контейнеров была запредельной. Считалось, что тнуктипы владели по меньшей мере секретом прямого преобразования массы в энергию. Может, и их враги — тоже? Когда-нибудь устройство для такого преобразования обнаружится в стазисном контейнере за пределами Известного космоса, и управляемый термоядерный синтез устареет в одночасье, как устарел дви-

гатель внутреннего сгорания. А этот шар десяти футов в диаметре, должно быть, самый большой из найденных на сегодняшний день стазисных контейнеров.

— Я тоже буду сражаться за артефакт, — сказал Луис. — Но подумай вот о чем. Сегодня наши расы встретились впервые, и они встретятся снова вне зависимости от того, кто сейчас заберет находку. Мы можем стать друзьями, а можем — врагами. Зачем нам рисковать отношениями между нашими народами, совершая убийство?

По движению щупалец вокруг рта инопланетянина ничего нельзя было понять.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Азартную игру, одинаково рискованную для обеих сторон. Ваша раса играет в азартные игры?

— Разумеется. Вся жизнь — это азартная игра. Упустить шанс — безумие.

— Вот именно. Хмм...

Луис внимательно рассматривал инопланетянина, чья голова как будто вся состояла из треугольников. Вдруг эта голова резко крутанулась на сто восемьдесят градусов, лицом назад, и через миг вернулась в прежнее положение. От такого зрелища мороз пошел по коже.

— Что ты сказал? — спросил инопланетянин.

— Ничего. Послушай, а ты так шею себе не свернешь?

— Интересный вопрос. Позже можно будет обсудить анатомические различия. У меня есть предложение.

— Прекрасно.

— Мы совершим посадку на этой планете и встретимся на полпути между нашими кораблями. Я окажу тебе любезность, выйдя первым. Ты возьмешься обеспечить перевод?

Луис мог связаться с бортовым компьютером по встроенной в скафандр рации.

— Да.

— Мы сыграем в простую игру, результат которой заранее не известен никому из нас и зависит только от случайности. Согласен?

— Пожалуй. А что за игра?

Внезапно по экрану пробежала диагональная рябь — что-то мешало сигналу. Но тотчас изображение снова стало четким.

— Математическая, — ответил чужак. — Наши математические системы должны быть очень похожи.

— Думаю, ты прав.

Хотя Луису доводилось слышать о существенных расхождениях в математике различных цивилизаций.

— Для игры потребуется скри-и-и...

Некоторые слова автопилот не мог перевести. Инопланетянин поднял руку с тремя когтями, держа ими небольшой предмет в форме линзы. Противостоящие пальцы вертели шутовину, давая Луису увидеть на каждой ее стороне разные символы.

— Это скри-и-и... Мы с тобой подбросим его по шесть раз каждый. Я выберу один символ, ты — другой. Если мой символ выпадет большее количество раз, чем твой, я заберу артефакт. Шансы равны.

Изображение зарябило, потом снова стало четким.

— Годится, — сказал Луис, слегка разочарованный простотой игры.

— А сейчас мы оставим артефакт и полетим вниз. Ты последуешь за мной?

— Да, — ответил Луис.

Изображение исчезло.

3

Луис почесал небритую челюсть.

Прилично ли в таком виде встречать инопланетного посланника? На человеческих мирах Ву добросовестно ухаживал за своей внешностью, в одиночных же рейсах позволял себе выглядеть как огородное пугало.

Но откуда этому трехглазому знать, что взрослый человек мужского пола должен бриться? Нет, это-то как раз не проблема.

С кем приходится иметь дело, с дураком или с гением, — вот главный вопрос.

У Ву хватало друзей с таким же, как у него, хобби. Двое исчезли несколько десятков лет назад, их имена уже забылись. Он помнил только, что каждый отправился на охоту за стазисными контейнерами в этом же направлении да так и не вернулся.

Этим двоим тоже встретились инопланетные корабли?

Хотя можно придумать и тьму других объяснений. Полгода, проведенные в одиночестве, — прекрасный способ разобраться, нравишься ты себе или нет. Если приходишь к выводу, что не нравишься, нет смысла возвращаться к людям.

Но в космосе водятся инопланетяне. В том числе и вооруженные. Один из них расположился на орбите в пятистах милях от Ву, а ровно посередине между двумя кораблями висит ценнейший артефакт.

И все-таки играть не так опасно, как драться. Луис Ву ждал следующего хода трехглазого.

Тот не стал тянуть время, а камнем полетел вниз. Его корабль двигался с ускорением не меньше двадцати «же». После мгновенного замешательства Луис последовал за ним с тем же ускорением, защищенный локальной гравитацией, которую создавала его кабина. Трехглазый что, проверяет его маневренность?

Наверное, нет. Похоже, он презирает трюки.

Луис, следуя за инопланетянином на значительном расстоянии, теперь находился куда ближе к серебристому шару. Что, если просто развернуть корабль, сблизиться с артефактом, притянуть его к своему корпусу и дать деру?

Ничего из этого не выйдет. Чтобы добраться до шара, необходимо сбавить скорость, тогда как инопланетянину для атаки тормозить не нужно. Двадцать «же» — это почти предел возможностей корабля Луиса.

И все-таки идея насчет бегства не так уж плоха. Какие гарантии, что чужак будет вести себя честно? А вдруг сжульничает?

Но этот риск можно минимизировать.

В скафандре были датчики контроля функций тела, и Луис настроил автопилот на взрыв термоядерного реактора в том случае, если остановится сердце. Кроме того, он поколдовал над сигнальной кнопкой своего скафандра, чтобы можно было осуществить подрыв вручную.

Войдя в атмосферу, инопланетный корабль окутался оранжевым пламенем. Некоторое время он провел в свободном падении, а в миле от поверхности океана резко затормозил.

— Позер! — пробормотал Луис и приготовился повторить маневр трехглазого.

Конический корабль не давал никакого выхлопа. Это позволяло предположить, что у него нереактивный двигатель — либо такой, как у Луиса, либо индукционно-гравитационный, как у кзинов. И тот и другой эффективны, чисты, бесшумны и безопасны в эксплуатации.

По океану были разбросаны острова. Трехглазый сделал круг над ними, выбрал один — похоже, наугад — и опустился легко, как перышко, на голый берег. Луис последовал за ним.

Снижаться было страшновато — что мешает инопланетянину выстрелить из какого-нибудь невообразимого оружия, пока внимание соперника отвлечено посадочными маневрами? Но Ву приземлился целым и невредимым в нескольких сотнях ярдов от трехглазого.

«Если со мной что-нибудь случится, взрыв уничтожит оба наших корабля», — отправил он сообщение сигнальным лучом.

— Кажется, наши расы мыслят схоже. А теперь я выйду.

Увидев, как инопланетянин появился в широком круглом люке ближе к носу корабля и легко спрыгнул на песок, Ву закрыл свой шлем и прошел в шлюз.

Правильное ли решение он принял?

Азартная игра не так опасна, как война. И намного веселее. А самое главное, у Ву будет больше шансов на победу, чем у трехглазого.

«Я категорически не согласен вернуться домой без контейнера», — подумал он.

В его жизни, длившейся без малого двести лет, не было ни одного события столь же важного, как находка стазисного контейнера. Он не совершал научных открытий, не побеждал на выборах, не свергал правительств. А теперь у него появился большой шанс.

— Сыграем на равных, — произнес он и, включив переговорное устройство, спустился на грунт.

Полукружные каналы внутреннего уха отметили, что гравитация тут порядка одного «же». В сотне шагов с шипением набегали на чистый белый песок волны — зеленые, огромные, идеальные для серфинга. Берег определенно подходил для пикников. Возможно, Ву покатает-

ся на доске, если воздух сойдет для дыхания, а в воде не обнаружится хищников. Луис еще не успел как следует изучить планету.

Увязая ботинками в песке, он пошел навстречу инопланетянину.

Тот был пяти футов ростом. Высаживаясь, он казался гораздо выше, но это потому, что состоял по большей части из ног. Тощие нижние конечности длиной более трех футов, торс как пивная бочка и никакой шеи. Удивительно, что при отсутствии шеи он способен так крутить головой. И не поймешь, за счет чего, — толстые складки ярко-желтой кожи чуть ниже головы скрывают анатомические подробности.

Прозрачный дутый скафандр, грубо повторяющий очертания тела, сужался у плеч, на руках выше и ниже сложного локтевого сустава, на запястьях, бедрах, на коленях. На предплечьях и щиколотках виднелись воздушодувные сопла. В петлях на груди висели инструменты, к «шее» под скафандром крепилось нечто вроде ранца. Луис с беспокойством разглядывал все эти предметы — любой из них мог оказаться оружием.

— Я думал, ты повыше, — сказал инопланетянин.

— Лазерный экран всего не покажет. И вроде мой переводчик перепутал «право» и «лево». Ты захватил монету?

— Скри-и-и?..

Инопланетянин показал вещицу и спросил:

— Будут ли предварительные переговоры? Меня зовут скри-и-и...

— Мой компьютер не может это перевести... или хотя бы произнести. Меня зовут Луис. Твой народ уже встречал представителей других инопланетных рас, кроме меня?

— Да, дважды. Но я не эксперт в этой области.

— Я тоже. Давай оставим церемонии экспертам. Мы здесь для того, чтобы играть.

— Выбирай символ. — Инопланетянин протянул монету.

Луис осмотрел линзообразный предмет из платины или чего-то похожего, с острой кромкой. На одной стороне изображена рука с тремя когтями, как у его партнера по игре, на другой — планета с массивными шапками льда. А может, это не льды, а континенты.

Луис держал монету, словно колеблясь с выбором, и напряженно размышлял. Вполне возможно, что это сопла реактивной системы ориентации... Что будет, если Ву выиграет? Беспрепятственно улетит вместе с призом или гарантированно погибнет? Но ведь и трехглазый отправится на тот свет, если у Луиса остановится сердце. Инопланетянину нипочем не догадаться, как сделать противника беспомощным, не убивая.

— Я выбираю планету. Начинай!

Инопланетянин подбросил монету в сторону корабля Луиса. Ву проследил за ней взглядом, сделал два шага, чтобы подобрать, а когда выпрямился, трехглазый уже стоял рядом.

— Рука, — сказал Луис. — Теперь моя очередь.

Один-ноль в пользу противника. Ву подбросил монету. И только когда она, поблескивая, закувыркалась в воздухе, заметил, что инопланетный корабль исчез.

— И что это тебе дает?

— Нам не нужно умирать, — ответил трехглазый чужак и взялся за предмет, висевший у него на груди. — Это оружие, и мы оба погибнем, если я пушу его в ход. Пожалуйста, не пытайся добраться до своего корабля.

Луис прикоснулся к кнопке подрыва своего термоядерного реактора.

— Мой корабль взлетел, когда ты повернул голову, чтобы проследить за скри-и-и, — объяснил инопланетянин. — Он уже недосыгаем для взрыва любой мощности. Мы останемся живы при условии, что ты не попытаешься добраться до своего корабля.

— Но ведь я могу оставить твой корабль без пилота.

Луис не убрал руку с кнопки. Нет, он не оставит жульничество безнаказанным...

— Пилот на борту вместе с астрогатором и скри-и-и. Я всего лишь связист. Почему ты решил, что я был один?

Луис вздохнул и опустил руку.

— Потому что дурак, — с горечью произнес он. — Потому что ты говорил о себе в единственном числе — или так перевел мой компьютер. Потому что я считал тебя игроком.

— Я поставил на то, что ты не заметишь, как улетит мой корабль, что тебя отвлечет монета, что ты способен видеть

лишь находящееся перед тобой. Шансы казались больше, чем один к двум.

Луис кивнул. Теперь все ясно.

— Нельзя было исключать, что ты выманиваешь меня с намерением уничтожить, — продолжал инопланетянин, а компьютер по-прежнему переводил в единственном числе от первого лица. — Я уже потерял разведывательный корабль, летевший в этом направлении.

— Мы ни при чем. Наши корабли тоже здесь пропадали.

Луиса вдруг осенило.

— Докажи, что у тебя оружие, — потребовал он.

Инопланетянин послушался. Не было никакого луча, но песок слева от Луиса взорвался с оглушительным треском, со вспышкой, похожей на молнию. Это и впрямь оружие, и оно делает дыры.

Что ж, убедил.

Луис подобрал монету:

— Раз уж мы здесь, может, доиграем?

— Зачем?

— Чтобы посмотреть, кто бы победил. Разве у вас не принято играть ради удовольствия?

— Что проку в удовольствии? Мы играем, чтобы выжить.

— Тогда Финейгл поberi все твое племя! — прорычал Луис и повалился на песок.

Его обманули. У него отняли шанс на славу.

Дела людей, как волны океана,
Подвержены приливу и отливу.
Воспользуйся приливом — и успех
С улыбкою откликнется тебе...¹

А потом начинается отлив, уносящий памятники Луису Ву, учебники истории, где упомянут Луис Ву, и прочий мусор, связанный с именем Луиса Ву...

— Твое поведение озадачивает. В азартные игры играют, только когда это необходимо.

— Чушь собачья.

— Мои переводчик не справился с последней репликой.

— Тебе известно, что это за артефакт?

¹ Шекспир В. Юлий Цезарь. Перевод П. Козлова.

— Мне известно, кто его создал. Эти существа забирались далеко.

— Мы еще никогда не находили такого большого стазисного контейнера. Наверное, это сокровищница.

— Считается, что та раса применила уникальное оружие, которое покончило с войной и со всеми ее участниками.

Они посмотрели друг на друга. Возможно, обоим пришла в голову одна и та же мысль: «А ведь это будет катастрофа, если наимогущественнейшее оружие достанется не нам!»

Но так думали бы люди. Луис знал, что сказал бы кзин: «Теперь я могу завоевать Вселенную, я имею на это право!»

— Финейгл побери мое невезение! — процедил сквозь зубы Ву. — И как тебя угораздило появиться здесь одновременно со мной?

— Нельзя сказать, что это чистая случайность. Мои приборы засекли, как ты входил в систему. Чтобы вовремя добраться до артефакта, пришлось развить чрезвычайную тягу, при этом был поврежден мой корабль и погиб один из членов команды. Я заслужил право обладать артефактом!

— Тем, что сжульничал, будь ты проклят!

Луис встал...

И что-то вклинилось между его мозгом и полукруглыми каналами.

4

Гравитация — единица.

Плотность планетарной атмосферы зависит от гравитации и от наличия спутника. За миллиарды лет эволюции мира крупный спутник оттянул бы большую часть воздуха. У планеты с земными размерами и массой, но без луны воздух должен быть непригодным для дыхания, невыносимо плотным, хуже, чем у Венеры. Но у этой планеты не имелось луны. Однако...

Трехглазый издал испуганное восклицание, которое компьютер отказался переводить.

— Скри-и-и! Где вода?

Луис взглянул — и увиденное озадачило его, но лишь на миг. Океан отступил, незаметно откатился прочь, и там,

где раньше было полмили глубины, теперь сверкало скользкое дно.

— Куда подевалась вода? — спросил чужак. — Я не понимаю.

— Зато я понимаю.

— И что же произошло? Без спутника приливы и отливы невозможны. И не бывает таких быстрых отливов. Объясни, пожалуйста.

— Это проще сделать с помощью моего бортового телескопа.

— На твоём корабле может быть оружие.

— Послушай-ка внимательно, приятель, — сказал Луис, — ещё немного, и ты лишишься корабля. Ничто не спасет твою команду, кроме моего коммуникационного лазера.

Инопланетянин затрясся от страха. И капитулировал.

— Будь у тебя оружие, ты бы уже им воспользовался. Мой корабль тебе не остановить. Ладно, идем. Не забывай о моем предостережении...

Инопланетянин стоял позади Луиса в тесной кабине. Ротовые щупальца беспокойно подергивались вокруг зубчатых зубов, пока Луис настраивал телескоп и экран.

Вскоре показалось звездное небо. Был там и зеленый конический корабль с темно-зелеными символами. Внизу на экране виднелось размытое пятно — край плотной атмосферы.

— Видишь? Артефакт почти у горизонта. Он движется быстро.

— Это понятно даже низшему разуму.

— Да. А понятно ли тебе, что у этой планеты должен быть массивный спутник?

— Но его нет, если только он не невидимка.

— Он не невидимка. Просто слишком мал, его нелегко заметить. И это означает, что у него огромная плотность.

Инопланетянин промолчал.

— С чего мы решили, что находка — стазисный контейнер Поработителей? У него не тот размер и не та форма. Но он блестит, как поверхность стазисного поля, и он круглый, как интересующий нас артефакт. Планеты — тоже шары, но гравитация не скатывает в шар небесные тела диаметром в десять футов. Чтобы принять такую форму,

тело должно быть или очень жидким, или очень плотным. Ты меня понимаешь?

— Нет.

— Не знаю, по каким принципам работают твои приборы. Мой радар дальнего обнаружения ищет стазисные контейнеры при помощи гиперволновых импульсов. Отразить такой импульс может либо стазисный контейнер, либо нечто более плотное, чем вырожденная материя, из которой состоит нормальная звезда. А этот объект имеет достаточную плотность, чтобы вызывать приливы и отливы.

Экран показал серебристую бусинку, плывущую перед конусом. Благодаря телескопу казалось, что она совсем рядом с инопланетным кораблем. Луис хотел было почесать челюсть, но пальцы наткнулись на лицевой щиток скафандра.

— Кажется, я тебя понял, — сказал трехглазый. — Но как мог возникнуть этот феномен?

— Можно только догадываться. Что дальше?

— Вызови мой корабль. Необходимо спасти экипаж!

— Я должен был убедиться, что ты меня не остановишь.

Луис взялся за работу. Вскоре зажглась сигнальная лампа — компьютер связался с чужим кораблем посредством лазера.

Ву не тратил время на околичности.

— Немедленно уходите от сферического объекта. Это не артефакт, а десять футов почти твердого нейтрона, вероятно оторвавшегося от нейтронной звезды.

Ответа, конечно, не последовало. Трехглазый стоял за спиной Луиса, но молчал. Возможно, компьютер на его корабле не справлялся с двойным переводом. Зато инопланетянин снова и снова жестикулировал обеими руками.

Зеленый конус резко развернулся боком к телескопу.

«Хорошо, они легли на горизонтальный курс, — сказал себе Луис. — Может, сумеют обогнуть по гиперболической кривой».

— Двигатель — на полную тягу! — повысил он голос. — Вам нужно оторваться.

Два объекта как будто начали расходиться. Луис подозревал, что это иллюзия, потому что они лежали на линии прямой видимости.

— Вы не смотрите, что у него масса маленькая, — дал он уже лишний совет. — Компьютер, какова масса нейтрониевого шара диаметром десять футов? Примерно двадцать в минус шестой от массы этой планеты. Вроде и немного, но если подойти вплотную... Компьютер, какова гравитация на поверхности?.. Невероятно!

Два объекта между тем снова сближались.

«Проклятие! — подумал Луис. — Если бы не вмешались эти пришельцы, на их месте оказался бы я».

Он продолжал говорить. Но это уже не имело смысла, разве что облегчало его совесть.

— Мой компьютер сообщает, что гравитация на поверхности — десять миллионов «же». Может, это и не так. Гравитация определялась по формуле Ньютона. Вы слышите меня?

— Они чересчур близко, — сказал инопланетянин. — Их уже не спасти.

Трехглазый даже не успел договорить. Корабль начал разрушаться за долю секунды до столкновения. Со стороны это выглядело не страшнее, чем удар пушечного ядра в стену крепости. Серебристая бусина просто прикоснулась к борту, и в то же мгновение корабль смялся, как фольга в кулаке сильного мужчины. Обломки втянуло в шар диаметром десять футов или чуть больше, светящийся от жара ярко-желтым.

— Я скорблю, — сказал инопланетянин.

— А я-то гадал, откуда берутся помехи, — проговорил Луис. — Оказываясь между нашими кораблями, этот кусок нейтрона искривлял лазерные лучи.

— Кто же оставил здесь эту ловушку?! — воскликнул инопланетянин. — У нас что, есть враги настолько могущественные, что могут играть такими массами?

«Приступ паранойи? — подумал Луис. — Может, это характерно для всей его расы?»

— Не более чем совпадение. Где-то поблизости взорвалась нейтронная звезда, это ее обломок.

Некоторое время инопланетянин молчал. Телескоп, за неимением лучшего объекта, по-прежнему был сфокусирован на бусине. Ее свечение угасло.

— В скафандре я долго не проживу, — сказал трехглазый.

— Мы полетим быстро. Берусь за пару недель довести тебя до Маргрейва. Там соорудим контейнер со специальной средой и будем держать тебя в нем, пока не придумаем чего-нибудь получше. На монтаж контейнера понадобится всего пара часов. Я предупрежу о нашем прилете.

Взгляд всех трех глаз инопланетянина сфокусировался на лице Луиса.

— Ты можешь посылать сообщения со сверхсветовой скоростью?

— Конечно.

— У тебя есть знания, достойные торга. Я полечу с тобой.

— Премного благодарен. — Луис Ву стал нажимать на кнопки. — Маргрейв... цивилизация... люди... лица... голоса... Тьфу!

Корабль взмыл, разрывая атмосферу. В кабине поколебалась и успокоилась гравитация.

— Что ж, — ответил своим мыслям Луис, — я всегда могу вернуться.

— Ты хочешь вернуться сюда?

— Пожалуй, — принял решение Ву.

— Надеюсь, ты будешь вооружен.

— Что? Снова паранойя?

— Ваша раса недостаточно подозрительна, — сказал инопланетянин. — Удивляюсь, как вы ухитрились выжить. Давай предположим, что этот кусок нейтрония служит для защиты. Его масса втягивает все, что прикасается к гладкой светоотражающей сфере. Когда к этому миру приближается корабль, команда легко обнаруживает шар и принимает его за стазисный контейнер. За что еще его можно принять? Возникает соблазн подлететь и рассмотреть поближе...

— Так-то оно так, но планета пуста. Защищать некого.

— Ты прав...

Планета внизу все уменьшалась. Луис Ву направил корабль в открытый космос.

БЕЗОПАСЕН НА ЛЮБОЙ СКОРОСТИ¹

За двести лет, разделивших Беовульфа Шеффера и Луиса Ву, на поверхности Земли мало что изменилось. Известный космос слегка подрос. На большинстве кораблей использовался прямоточный воздушно-реактивный межзвездный двигатель. Шеффер едва не застал первые лотереи жизни.

Именно лотереи жизни породили счастливый ген Тилы Браун. История Тилы Браун рассказана в хрониках Мира-Кольца. На Земле были и другие Тилы. Это стало настоящей катастрофой, по крайней мере для писателей. Что может быть скучнее, чем история о сплошной полосе удач?

Одна такая история дошла до нас из наступившего затем золотого века.

Л. Н.

Вы спросите: как автомобиль мог меня подвести?

Я так и вижу ужас в ваших глазах при мысли, что ваш автомобиль тоже может оказаться не на высоте. Вы собираетесь жить вечно, принимаете все меры предосторожности, чтобы ваша драгоценная жизнь случайно не оборвалась, и все впустую? Дезинтегратор для кухонных отходов может внезапно засосать вас. Трансферная кабинка — ра-

¹ «Опасен на любой скорости: конструктивно обусловленные проблемы с безопасностью американских автомобилей» — книга, опубликованная в США в 1965 году юристом и общественно-политическим активистом Ральфом Нейдером, посвященная проблемам безопасности автомобилей, рассмотренным на примере американских моделей тех лет.

Это было одно из первых исследований в данной области, имевшее широкий общественный резонанс и оказавшее большое влияние на ход развития автостроительной отрасли. Автор книги получил после ее публикации широкую скандальную известность.

зобрать вас на части в передатчике и забыть собрать в приемнике. Пешеходная дорожка — разогнаться до сотни миль в час, резко повернуть и размазать вас о здание. Все плантации бустерспайса на Тысяче Миров могут разом погибнуть, и вам придется стареть, сесть, покрываться морщинами, страдать от боли в суставах. Конечно, такого не случилось за всю историю человечества, но если нельзя доверять собственному автомобилю, то кому, черт возьми, можно доверять?

Успокойся, читатель, все было совсем не так страшно.

Дело было на Маргрейве — планете, которую только начали колонизовать. За двадцать минут до того, как это случилось, я взлетел у Треугольного озера, набрал высоту тысяча футов и направился в район лесозаготовок на реке Вьюн. Последние несколько дней валочные машины рубили слишком молодые деревья. Нужен был механик, чтобы вправить компьютерному боссу мозги. Я мчался на автопилоте и раскладывал сложный пасьянс из двух колод на заднем сиденье. Камера была включена, на случай если пасьянс сойдется, чтобы мне было чем подкрепить свои слова.

И тут на меня спикировала птица Рух. Она вцепилась в машину десятью огромными когтями и проглотила ее.

Как видите, это могло случиться только на Маргрейве. Во-первых, в цивилизованном мире я не стал бы тратить два часа на автомобильную поездку. Я бы воспользовался трансферной кабинкой. Во-вторых, птицы Рух больше нигде не водятся.

Итак, меня поймала и слопала огромная чертова птица. Вокруг стало темно. Машина беспечно летела дальше, не обращая внимания на птицу, но его здорово трясло, потому что Рух пыталась улететь. Тщетно. Снаружи доносился скрежет. Я попытался связаться с базой по радио, но ничего не получилось. То ли сигнал не мог пробиться через горы плоти, то ли в птичьем пищеводнике машине ободрали антенны.

Больше я ничего не мог сделать. Я включил свет в салоне и продолжил раскладывать пасьянс. Скрежет не стихал, и теперь я видел, в чем дело. Рух проглотила несколько

валунов для того же, для чего куры глотают камушки, — чтобы измельчать пищу в желудке. Под действием перистальтики глыбы терлись о машину, пытаясь раскрошить ее на мелкие части, чтобы в дело вступил мутный желудочный сок.

Интересно, насколько хорошо соображает компьютерный босс? Сделает ли он правильный вывод, увидев, что Рух валится на лагерь лесозаготовок, кричит, хлопает крыльями и тщетно пытается улететь? Поймет ли, что птица проглотила машину? Боюсь, что нет. Если бы компьютерный босс был настолько умен, он давно открыл бы собственное дело.

Мне так и не довелось оценить умственные способности компьютерного босса. Внезапно сиденье сомкнулось вокруг меня подобно материнской утробе, и автомобиль смачно врезался во что-то на скорости триста миль в час.

Защитный кокон раскрылся. Вокруг по-прежнему была красная жидкость, подсвеченная огнями салона, которая становилась все более красной. Глыбы перестали двигаться. Карты разлетелись по всему салону, словно подхваченные метелью.

Очевидно, я забыл об одной малюсенькой горке, когда программировал автопилот. Рух заблокировала радар и сонар. Результат налицо. Я немного покопался в настройках и обнаружил, что двигатель не выдержал удара, радио по-прежнему не работает, а сигнальные ракеты не могут пробиться сквозь брюхо птицы Рух.

Выйти из машины я не мог. Меня бы затопило желудочным соком. Вот если бы у меня был скафандр... но кто станет брать с собой скафандр в двухчасовую поездку на машине?

Оставалось только одно.

Я собрал, перетасовал и заново разложил карты.

Труп птицы Рух истлел настолько, чтобы я смог выбраться, только через полгода. За это время сложный двойной пасьянс сошелся пять раз. Я записал на видео только четыре игры — у камеры кончился заряд. К счастью, аварийный синтезатор еды работал безукоризненно, хоть и не баловал разнообразием, генератор воздуха ни разу не под-

вел, а телевизор исправно показывал время. Вместо передач он транслировал сплошные цветные помехи. Туалет вышел из строя к августу, но я без особого труда его починил. В четырнадцать ноль-ноль двадцать четвертого октября я открыл дверцу, пролез сквозь мумифицированную кожу и мясо между ребрами и всей грудью вдохнул свежий воздух. Он вонял птицей Рух. Я оставил дверцу салона открытой и слышал, как генератор воздуха натужно завывает, пытаясь устранить вонь.

Я выпустил пару сигнальных ракет, и через пятнадцать минут за мной прилетел авиамобиль. Спасатели сказали, что в жизни не видели такого волосатого человека. Позже я спросил мистера Диксона, начальника Главной транспортной службы, почему в неприкосновенном запасе не было тюбика с депилятором.

«Потерпевший должен выглядеть как потерпевший, — ответил он. — Если ты безобразно зарос, спасатель сразу увидит, что ты где-то пропадал, и примет надлежащие меры».

Главная транспортная служба выплатила мне весьма щедрую компенсацию за то, что мой авиамобиль не выдержал нападения птицы Рух. (Говорят, в гарантию на модель следующего года внесли поправки.) Такую же сумму мне пообещали за эту статью. Похоже, о моем запоздалом прибытии на реку Вьюн ходят странные и опасные для репутации компании слухи.

Не волнуйся, читатель! Я не только вышел сухим из воды, но и изрядно разбогател. Твой авиамобиль совершенно безопасен, если он изготовлен не раньше три тысячи сотого года нашей эры.

ЗАПОЗДАЛЫЕ МЫСЛИ

Около тридцати лет назад я занялся конструктивным мечтанием. Позволял своему воображению течь, куда ему вздумается, а после управлял потоком.

И однажды в моем мозгу возникла дикая картина, но сюжет вокруг нее тогда еще не складывался. Я видел, как люди разводят костер, даже не догадываясь о том, что они жгут бревна из ракетных деревьев...

Ракетное дерево — это из «Мира птавов». Я создал детальный фон для расы, которая свыше миллиарда лет правила Галактикой. Ракетное дерево — самый дешевый продукт их технологии запуска космических аппаратов, органически произведенная твердотопливная ракета: снаружи древесина, а сердцевина звездообразного сечения — из высокогорючих химических веществ.

Мне было не по себе, ведь жалко терять столь необычную форму жизни...

Костер разгорался медленно, и вдруг как полыхнуло! Бревна рванули, что твой динамит. А почему бы этой форме жизни не выжить благодаря некоторой эволюции?

«Реликт империи» приходится на время Беовульфа Шеффера, но он связал эпоху Лукаса Гарнера с войнами людей и кзинов, а также с более поздними событиями. Именно в этом рассказе я начал разработку истории будущего. Правда, кзины уже появлялись на сцене (рассказ «Агрессоры»). «Дар Земли» относится к промежуточному периоду. До «Мира-Кольца» дожили даже подсолнухи из времен Поработителей. В общем полотно вкраплены и ранние легенды об освоении планет. Было занято сшивать воедино все эти куски.

В 1968-м Норман Спинрад убедил меня в том, что рамки Известного космоса сдерживают рост моего писатель-

ского мастерства. И я вышел за эти рамки. Через несколько дней после того разговора я засел за «Мир-Кольцо».

Работа над этим романом заставила меня осознать, насколько сложны и запутанны мои исходные допущения. Слишком много в разных произведениях появилось непохожих чудес: стазисные поля, телепортационные кабины, неуязвимые корпуса космических судов, везучая Тила Браун, выведенная поколениями кукольников-селекционеров. Приходилось тщательно анализировать каждую написанную позже вещь и отвечать на вопрос, почему телепортационная кабина, или стазисное поле, или корпус от «Дженерал продактс», или невероятное везенье не позволяют решить поставленную задачу.

Мир-Кольцо, как и Земля, был обжит производителями из расы пак, а построили его паки-защитники. Его сюжет тоже чересчур переусложнен, настолько, что я не могу здесь рассуждать на эту тему. Скажу лишь, что в «Мире-Кольце» я позволил Луису Ву прийти к ошибочному выводу.

В первой книге этого цикла защитники отсутствуют, они появляются в «Инженерах Кольца».

И лишь через двадцать пять лет мне удалось разобраться с геном Тилы Браун. Ответ ищите в «Троне Кольца».

Покидая игровое поле, я предпочел оставить открытым вход на него. Меня восхищает, что читатели обновляют и правила, и оборудование игры. Несколько интересных идей, предложенных читателями, я привожу здесь.

Математически Мир-Кольцо представляет собой очень простую модель — подвесной мост без начала и конца. Его «настилу» — он теперь называется «скрит» — требуется предел прочности, эквивалентный той силе, что удерживает вместе атомные ядра. Нестабильность Мира-Кольца сразу же была отмечена студентами Массачусетского технологического института, а ученики флоридской средней школы пришли к выводу, что почти весь плодородный слой почвы через несколько тысяч лет окажется на морском дне. Специально для этих читателей я «изобрел» стабилизирующие двигатели и систему циркуляции флупа. Металлическое основание с окружающим его стазисным полем может служить «полом» для колонии на планете из антиматерии.

Хэнку Стайну принадлежит идея ограниченной парapsихологической способности Мэтта Келлера, впоследствии ставшей известной под названием «глаза Плато».

Дэн Олдерсон опубликовал статью в две тысячи слов, посвященную проблеме грогов из рассказа «Безрукие». Вот его вывод: при необходимости грогов могут контролировать брандашмыги, впервые появившиеся в «Мире птаввов». Эти разумные существа размером с динозавра, безусловно, невосприимчивы к телепатическому гипнозу. Правда, их еще надо доставить с Джинкса на космическом корабле.

Сюжет рассказа «Когда наступает прилив» возник в ходе беседы с Томом Дигби и Дэном Олдерсоном. Также Дэн подбросил мне идею для «Инженеров Кольца» насчет противометеоритной защиты.

Многие читатели предлагали математическое решение проблемы, описанной мною в рассказе «Нейтронная звезда». Когда Джон Шеффер проходит перигелий нейтронной звезды, его голова и ноги в течение очень короткого промежутка времени подвергаются перегрузке до миллиона «же». Но корабль Шеффера движется вокруг звезды, меняя свою ориентацию в пространстве; он и удаляясь будет крутиться, и пилоту не выжить, если двигатель не запрограммирован выравнивать полет. Читайте сборник «Crashlander» — там объясняется, как компания «Дженерал продактс» справилась с этой задачей.

Быстрый доступ к Известному космосу вам даст старая игра «Мир-Кольцо» компании «Chaosium», или «Путеводитель по Миру-Кольцу Ларри Нивена» (в соавторстве с Кевином Стейном), или «Войны людей и кзинов», в восьми книгах, от издательства «Baen Books». Но в этих книгах собраны не мои произведения. Если хотите знать, какие идеи принадлежат только мне, читайте здесь «Хронологию», абсолютно достоверную на данный момент, то есть на октябрь 1995-го.

В первом издании «Известного космоса» я заявлял, что цикл завершен, и предлагал читателям придумывать свои истории.

Надо было выразить эту мысль почетче. Читатели, я вот что имел в виду: сочиняйте, дорабатывайте, критикуйте, пользуйтесь игровым оборудованием для выражения своих идей... но ради Кдапта, не посягайте на мои авторские права! Хотя «Войны людей и кзинов» не принадлежат перу Ларри Нивена, он является составителем этих сборников, и авторы, участвовавшие в их создании, были приглашены лично им. Все же прочие сочинения на тему Известного космоса со мной не согласовывались.

«The Coldest Place», copyright © 1964 by Galaxy Publishing Corporation for *Worlds of If*, December 1964.

«Becalmed in Hell», copyright © 1965 by Mercury Press, Inc., for *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, July 1965.

«Wait It Out», copyright © 1968 for *Futures Unbounded*.

«Eye of an Octopus», copyright © 1966 by Galaxy Publishing Corporation for *Galaxy Magazine*, February 1966.

«How the Heroes Die», copyright © 1966 by Galaxy Publishing Corporation for *Galaxy Magazine*, October 1966.

«The Jigsaw Man», copyright © 1967 by Harlan Ellison for *Dangerous Visions*.

«At the Bottom of a Hole», copyright © 1966 by the Galaxy Publishing Corporation for *Galaxy Magazine*, December 1966.

«Intent to Deceive», copyright © 1968 as «The Deceivers» by Galaxy Publishing Corporation for *Galaxy Magazine*, April 1968.

«Cloak of Anarchy», copyright © 1972 by The Condé Nast Publications, Inc., for *Analog*, March 1972.

«The Warriors», copyright © 1966 by Galaxy Publishing Corporation for *Worlds of If*, February 1966.

«There Is a Tide», copyright © 1968 by Galaxy Publishing Corporation for *Galaxy Magazine*, July 1968.

«Safe at Any Speed», copyright © 1967 by Mercury Press, Inc., for *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, May 1967.

«Madness Has Its Place», copyright © Larry Niven, August 1990.

ЛАРРИ НИВЕН

ХРОНИКИ ИЗВЕСТНОГО КОСМОСА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Редактор Татьяна Шигельская

Художественный редактор Владимир Гусаков

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29 05 2018 Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$
Печать офсетная Тираж 4000 экз Усл печ л 35,28 Заказ № 4584/18

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29 12 2010 г.)

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г Москва, ул Павловская, д 7, эт 2, пом III, ком № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г Санкт-Петербург, Воскресенская наб , д 12, лит А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г Киев, Московский пр , д 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А»
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail sales@atticus-group.ru, info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел (812) 327-04-55, факс (812) 327-01-60 E-mail trade@azbooka.spb.ru

В Киеве ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел /факс (044) 490-99-01 E-mail sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу www.azbooka.ru/new_authors/

H AFA 21046 01 R

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Ларри Нивен входит в десятку лучших писателей-фантастов, он стоит в одном ряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком. Дебютировав в 1964 году с рассказом «Самое холодное место», он за полвека написал десятки успешных произведений, в которых научные открытия и футурологические прогнозы искусно сочетаются с захватывающими приключениями. Многие из этих произведений сложились в эпический цикл «Известный космос». В нем описана история будущего: преодолев земную гравитацию, человечество ведет непрестанную борьбу за выживание и развитие — осваивая ближние планеты и астероиды, сталкиваясь с враждебными пришельцами, отправляя транспорты с колонистами к негостеприимным звездам.

Почти все произведения, вошедшие в сборник, публикуются либо в новых, либо в исправленных и дополненных переводах.

Ларри Нивен, возможно, величайший
из ныне живущих фантастов Америки.

Amazon.com Review

Три книги в одной —
и невероятно увлекательное путешествие
в знаменитую историю будущего!

